

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI

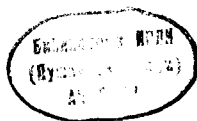
ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

Редколлегия:

Д. С. Лихачев (ответственный редактор),

М. А. Салмина

8/n

Т 70202-594 508-81.4603010101
042 (02)-81

© Издательство «Наука», 1981 г.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. С. КОВТУН

Азбуковники среди других текстов древней лексикографии и проблемы их издания

Тема русских азбуковников XVII в. постоянно привлекает к себе внимание,¹ однако, на редкость трудная, она остается почти неразработанной.² Сложность ее в том, что азбуковники дошли до нас в большом числе списков, вошедших в состав собраний, рассеянных по всей стране.³ Она и в специфике структуры лексикографического текста, членимого в этих обширных сводах на тысячи словарных статей, к тому же свободно варьируемых по спискам.

Она и в многослойности собранных в азбуковниках толкований, очерпнутых из разнородных литературных источников всего древнерусского периода (XI—XVII вв.). В составе лексики и в характере ее объяснений сказались воздействия иноязычных культур и традиций (от библейских и византийских до западноевропейских и инославянских).

Главные трудности, таким образом, — в многообразии процессов сложения азбуковников.⁴

Азбуковники сформировались в особый словарный тип в конце XVI в. Им предшествовали четыре более ранних направления древнерусской лексикографии: словари-ономастикины, словари символики (приточкики), словари славяно-русские и словари-разговорники.⁵ Все они продолжали развиваться и в XVI в. На XVI в. приходится наибольшее число списков словарей, выполненных в этих типах, или жанрах.⁶ Некоторые из них к этому периоду имели уже по две или по три редакции.⁷

¹ Интерес к азбуковникам был проявлен еще в прошлом веке со стороны таких выдающихся ученых, как А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, И. В. Ягич.

² Обзор работ об азбуковниках, а также их характеристик и оценок в обобщающих филологических трудах дан в кн.: М. П. Алексеев. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968, с. 7—34. Об азбуковниках писали: П. М. Строев (1825, 1882), И. П. Сахаров (1842, 1849) — ему же принадлежит и первое их издание (1849), М. Сухомлинов (1854), Н. С. Тихомиров (1893), А. Н. Пыпин (1898), С. К. Булич (1904), А. С. Орлов (1931), В. В. Виноградов (1946) и др. Ср. и специальные работы: Н. И. Б а т а л и н. Древнерусские азбуковники. Воронеж, 1873; А. К а р п о в. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878; А. В. П р у с с а к. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной библиотеки. Пг., 1915.

³ Детальное обследование фондов несомненно прибавит немало списков к тем многим десяткам их, которые уже отмечены в описаниях различных рукописных архивов Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска и других городов.

⁴ См.: Л. С. К о в т у н. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 206—261.

⁵ См.: Л. С. К о в т у н. Русская лексикография эпохи средневековья. Л., 1963.

⁶ Там же, с. 88, 226, 328.

⁷ Там же, с. 399—418, 418—420, 421—434.

Совершенствовались и самые приемы лексикографической разработки.

Словари-ономастиконы прошли путь от древних глоссариев наподобие «Речи жидовьскаго языка» или «А се имена жидовьская русьскы толкована»⁸ до «Толкования именам по алфавиту» Максима Грека, иначе говоря, от кратких перечней глосс, поясняющих наименования библейских мест и персонажей, до трехязычного лексикона с филологической ориентацией.⁹

Славяно-русское направление обогатилось словарями произвольников, которые присоединяли к различным книгам при исправлении переводов. Сводки лексических вариантов были типичным явлением в период активизации переводческой и исправительской деятельности, какую наблюдаем в XVI в.¹⁰ Обильные языковедческие материалы дали, в частности, два перевода Псалтыри Максимом Греком и его сотрудниками.

Высшим достижением в типе разговорников явилась «Речь тонкословия греческаго» — словарь русского автора, составленный в XV в. на Афоне.¹¹ Все три списка, по которым устанавливается его архетип, падают на XVI в.¹² Словарь состоит из тематических перечней слов, а также отдельных фраз и отрывков диалогов.¹³ Вовлеченный в числе других разговорников в состав азбуковников, он стал для них одним из основных лексикографических источников, давая подробные и разносторонние сведения об обиходной лексике среднегреческого языка.¹⁴

Статьи из словарей, фиксирующих записи живой речи, оказались в азбуковниках наряду со статьями, почерпнутыми из словарей, составленных к текстам. В соединении книжных и разговорных источников отразились процессы преобразования литературного языка. Однако совмещение еще не было вполне органичным и протекало достаточно долго. На протяжении всего XVI в. три первых лексикографических типа воспринимались как принципиально отличные от четвертого, т. е. от словарей, ориентированных на живую речь. Это явствует хотя бы из того, что характерные для этого периода компиляции объединяли только книжные словари.

Примером компилятивного свода XVI в. может служить собрание словарей, помещенное в сборнике старца Вассиана Кошки (середина XVI в.).¹⁵ Свод озаглавлен так же, как славяно-русский словарь к Лест-

⁸ Старшие списки XIII в.

⁹ Словообразовательный аспект «Толкования» позволял через имена собственные усвоить значения многих греческих корней и основ, давая вместе с тем материалы и для канонотворцев, т. е. способствовал как познанию языка, так и занятиям поэтикой и риторикой.

¹⁰ Правка церковных книг, нашедшая отражение в постановлениях Стоглавого собора, была вызвана в первую очередь сложным состоянием литературного языка.

¹¹ Текст трижды опубликован (Н. К. Никольским в 1896 г., П. К. Симоном в 1908 г., М. Фасмером в 1922 г.).

¹² ГПБ, Софийское собр., № 1474, начало XVI в.; собр. Петербургской археографической комиссии, № 454 (из коллекции Кирилло-Белозерского монастыря), середина XVI в.; ГПБ, Соловецкое собр., № 860, конец XVI в. В последнем из них текст «Речи» заметно преобразован; см.: П. К. С и м о н и. Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV—XVII столетий. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, вып. 1, с. 175—212.

¹³ В разговорнике дано 2621 греческо-русское и русско-греческое соответствие. В построении словарных статей (например, в приводимых в нем сериях изменений слов по грамматическим формам), в неоднократном возвращении к уже пройденным темам и пр. явно проступает его учебное, а не только справочное назначение.

¹⁴ На широкое вхождение материалов этого словаря в азбуковники указано уже в кн.: Н. К. Н и к о л ь с к и й. Речь тонкословия греческого (русско-греческие разговоры XV—XVI вв.). Изд. ОЛДП. СПб., 1896, с. XXIII—XXIV.

¹⁵ ГБЛ, Музейное собр., № 1257, опубликовано в кн.: Л. С. К о в т у н. Лексикография в Московской Руси... с. 263—267.

вице Иоанна Синайского (XV в.), и начинается именно с этого словаря, занимающего л. 34—35 об.¹⁶ К первому перечню лексики присоединен второй: «А се имена господня, еже обретаемы в святых книгах от греческого языка, и от еврейского, и от сирьского, и от словенского». За наименованиями бога и молитвенными возгласами следуют глоссы, также выбранные из церковных книг, но уже не ограниченные названной темой.¹⁷ Новый ряд — церковные чины, вслед за ним — церковные книги.¹⁸ На л. 37 в Своде из сборника Вассиана киноварью дан новый раздел: «Сие же приточник речеса», которым выделены глоссы, посвященные символике Псалтыри.¹⁹ На том же листе еще один раздел: «Имена волхвом», а на л. 37 об. последний подзаголовок: «Иныя речи». В этой части, по всей видимости, даны уже без каких-либо группировок дополнительные глоссы, найденные собирателем позднее.

Мы видим, что глоссы в Своде Вассиана то образуют тематические ряды, то присоединены по ассоциативному признаку. Всего в этом своде 254 статьи.

Разобранная компиляция включена в сборник XVI в., но своды с начальными глоссами из Лествицы находим и в приложениях к самой этой книге, что проясняет историю их сложения.²⁰

В одном собрании Соловецкого монастыря — три варианта сводов, где исходным является все тот же перечень славяно-русских глосс. Между ними есть довольно заметные расхождения. В одном из них к этому тексту прибавлены лишь некоторые библеизмы.²¹ В другом к нему присоединен словарь «Толкование о неразумных словесах», приточник к тексту Псалтыри.²² В третьем — тот же словарь символики, но в виде заголовка киноварью дана его первая статья «Псалтырь красен с гуслими», а вслед за приточником идет ономастикон.²³

Компилятивные своды возникали, как понятно, на основе и других словарных направлений. Многие из них в этом смысле соотносимы в первую очередь с ономастическим и символическим словарными типами. В качестве примера на этот раз будут взяты еще три варианта компиляций из сборников XVI—XVII вв., где вначале идут уже не глоссы к старославянским лексемам, а перечни ономастики и других иноязычных слов. Условно обозначим их по первому толкованию: а) Феодор — божий дар²⁴ (словарь озаглавлен «Сказание речем недоведомым»); б) Михаил — лице божие (имеет два наименования: «Толкование всем святым всего года»²⁵

¹⁶ Текстологический анализ иных списков этого словаря см. в кн.: Л. С. Ковтун. Русская лексикография. . . , с. 226—237.

¹⁷ Здесь толкуются слова *патер*, *одигитрие*, *аминь*, *лампада* и др.

¹⁸ Последний из терминов в этой части — слово «апостол» — может пониматься и как наименование книги, и как обозначение лица. Две глоссы, данные вслед за этим, выбраны из греческого текста молитвы (деспота — владыка; деспота май — владыкомой; исполати — многа лета). Затем идет оказавшаяся среди иноязычных слов славянская глосса (бдение — бодрствование), а после нее — снова статья, толкующая название книги: алфавит — азбуковник.

¹⁹ О толковании символики в древних словарях см. в кн.: Л. С. Ковтун. Русская лексикография. . . , с. 192—209.

²⁰ Объединителями словарных материалов оказались также и другие книги — Псалтырь, Кормчая, Хронограф и т. д.

²¹ Лествица, ГПБ, Соловецкое собр., № 281 (283), XVI в.; истолкованы слова *Галаад*, *Идумей*, *Моавити*, *Иерусалим* и др.

²² Лествица, ГПБ, Соловецкое собр., № 296 (206), XVI в.

²³ Лествица, ГПБ, Соловецкое собр., № 300 (218), XVII в.; приводятся символические значения наименований библейских мест: *Рама*, *Сикима*, *Галаад* и т. д.

²⁴ Словарный свод представлен в ряде списков: ГПБ, Соловецкое собр., № 305 (328); ГБЛ, собр. Ундольского, № 573; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 346; ГПБ, Софийское собр., № 1450. В последнем только начальные статьи совпадают с иными списками.

²⁵ ГИМ, Патриаршее собр., № 1.

и «Сказание неведомым речем»²⁶); в) равви — учителю (назван «Толкование неудобь познаваемым речем»)²⁷.

Словники компиляций далеко не одинаковы, различаются они, как видим, и в порядке объединяемых словарей. Неизменной остается механистичность самого принципа их составления. Сводь эти были довольно распространены в XVI и даже XVII вв., но они не представляют собой словарного типа. Новым, причем самым плодотворным, направлением древнерусской лексикографии стали азбучовники.

При сравнении азбучовников с более ранними сводами прежде всего бросается в глаза их объем и азбучное расположение статей. Оба эти признака важны, но являются внешними и потому производными от других, которые и предопределили как активное нарастание числа толкуемых слов, так и потребность в облегчении их поисков в словаре.

Нельзя сомневаться в том, что алфавитный порядок как наиболее удобный для справочной книги был признан и оценен. Это явствует из того, что именно по нему словари анализируемого типа и получили свое название. Так же стали именоваться и сборники, в состав которых вводили обширный азбучный свод.

Не лишено значения, что первоначально словари, называемые азбучовниками, или алфавитами, имели иные заголовки, а именно «Толкование (или «сказание») неразумным («неудобь познаваемым», а затем уже и «иностранным») речам». Иначе говоря, они именовались так же, как предшествовавшие им компилятивные словарные своды. Наличие архаического названия служит для словарного памятника датирующим признаком.

Заметим также, что применение азбучного порядка в русской лексикографии наблюдалось и до азбучовников. В составе свода «О именех глаголемых жидовским языком в книгах церковных» (XIII—XIV вв.)²⁸ один из трех переведенных с греческого глоссариев имеет азбучный порядок статей. Важнее, однако, что по тому же принципу размещены имена собственные и в словаре Максима Грека, который непосредственно предшествовал азбучовникам. Он так и назван — «Толкование именам по алфавиту» (XVI в.). Вероятнее всего, что этот лексикон и оказал на их составителей прямое воздействие.

Чем же было вызвано сложение азбучовников в особый тип? Возникли они в силу той же объединительной тенденции, что и предшествовавшие им компиляции,²⁹ но для образования нового типа необходимы были не только количественные, но и содержательные изменения. Они и произошли как результат общественного признания необходимости собрать и объединить все те истолкования слов и выражений, которые дали экзегеза и многовековая переводческая практика. Потребность сделать это для пользы книжников, для повышения культуры чтения книг и работы над ними (копирование, правка, новые переводы и т. д.) была осознана в этот период как настоятельная нужда.

²⁶ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 87/92; БАН, Архангельское собр., С 238; ГИМ, Синодальное собр., № 717; ГИМ, Синодальное собр., № 323 (561). В последнем из списков сначала идет текст «Речи жидовьскаго языка», а потом уже (с имени Михаил) текст «Сказания».

²⁷ ГБЛ, Троицкое собр., № 790 (1834). После набора глосс, начинающихся со слова «равви», идет текст «Речи жидовьскаго языка».

²⁸ Л. С. Ковтун. Русская лексикография. . . , с. 57, 58.

²⁹ Эта тенденция была присуща и другим начинаниям книжников XVI в. Так, при переводе в начале века Максимом Греком Толковой псалтыри были привлечены многочисленные варианты истолкований псалмов. Ср. и созданный в том же веке обширный свод литературных сочинений — Великие Минеи Четьи митрополита Макария, а также фундаментальное предприятие по созданию летописного свода (Никоновская летопись).

Словари представлялись одним из средств преодоления трудностей, создаваемых тем объемом, которого достиг к этому времени фонд читаемой литературы (памятники XI—XVI вв.), а также его неоднородностью. Сложным было и состояние литературного языка, вступившего в этот период в начальный этап национального развития.

Достоверность материалов азбуковников должна была быть обеспечена авторитетностью источников. Вместе с тем азбуковники мыслились и как средоточие мудрости истолкователей.

Тип Азбуковника, по всей видимости, может быть определен термином словарь-тезаурус, если понимать его не в современном значении,³⁰ а в том, которое более применимо для эпохи его создания. Направление азбуковников — органический этап в ходе развития русского словарного дела, тесно связанный с историей русской книжности и русского литературного языка. Вместе с тем, как показал М. П. Алексеев, составление разных вариантов словарных «сокровищниц» было в XVI—XVII вв. характерно для лексикографии многих европейских стран.³¹ Эта общность одного из культурных процессов важна и для понимания типа русских азбуковников.

Толкования, которые предстояло собрать, встречались и в самих текстах, а также были рассеяны на полях и между строк рукописных книг, существовали и в виде отдельных перечней. Они содержались в словарях всех предшествующих направлений древнерусской лексикографии, а также в довольно обширных компиляциях, объединявших некоторые из этих словарей. Жанр азбуковников предполагал слияние всех этих разнородных материалов.

Завершение оформления Азбуковника как особого словарного типа приходится на конец XVI столетия, но процесс этот охватил не менее полувека.

В ходе развития первые, еще несовершенные, опыты, сравнительно однообразные по материалам и элементарные по технике описания, перерастали в лексикографические труды, настолько значительные, что они образовали особый раздел древнерусской книжности.

Занимая уже в конце XVI в. видное место среди явлений культурной жизни допетровской Руси, азбуковники и в XVII в. продолжали развивать свои жанровые черты. Сопоставление памятников анализируемого направления выявляет нарастание их объема и содержательности. Все детальнее становятся и словарные приемы. Ориентация азбуковников в течение XVII в., и особенно к концу его, заметно менялась, отвечая новым потребностям времени.

Количественные характеристики в данном случае весьма существенны, так как задачей собирателей было накопление и объединение материалов. По богатству охваченной лексики азбуковники сразу намного превосходили словари всех предшествующих типов, за исключением разговорников. В наиболее ранних из них — до 1000 словарных статей.³² Затем появились азбуковники с составом, возросшим вдвое, их предел — более 2000 статей. К этому времени азбуковники как словарный тип вполне сформировались, тем не менее и они могут быть названы краткими, так как

³⁰ Теперь тезаурусами считают словари, дающие лексику какого-либо языка во всем ее объеме.

³¹ М. П. Алексеев. Словари иностранных языков. . . , с. 49—60.

³² «Речь жидовьскаго языка» (списки XIII—XVII вв.) увеличила свой объем со 174 статей до 314 глосс. Словари славяно-русские и приточкики имеют еще более краткий словник. В «Толковании неудобь познаваемым речем» — 62 статьи, в «Толке о неразумных словесех» — 37 статей. Свод ономастиконов «О именех глаголемых жидовьскимъ языкомъ» (XIV в.) имеет 470 статей. Не более 500 статей имеют компиляции XVI в.

за ними последовали пространные, объем которых уже более чем в пять раз превышал достигнутый в первых опытах: 5500 статей и более. Если принять во внимание метод выборки слов, то этот объем предстанет как очень внушительный.

Очевидно, что, приступая к изданию азбуковников, нельзя будет обойти ни один из этапов истории их сложения.

Небольшие азбуковники, в которых еще только намечен формирующий тип, попадают в рукописных собраниях крайне редко. Их почти не копировали, так как активность процесса собирания глосс вызвала появление более достойных образцов. Разыскание глосс становилось занятием все большего числа книжников. Некоторые памятники этого рода, однако, найти удалось.

Почти не сказались еще типовые черты словаря-сокровищницы в небольшом алфавитном словаре, данном в дополнение к пространному азбуковнику в рукописной книге XVII в.³³ На боковом поле в начале текста дан его заголовок «Лествицы толкование». По составу слов этот азбуковник мало чем отличается от составленного к Лествичнику древнего славяно-русского словаря XIV—XV вв. и в сущности является развитием его текста, однако по объему он превосходит этот глоссарий во много раз: в «Толковании неудобь познаваемым речем» — 62 статьи, в азбуковнике их около 700.

Несколько небольших азбуковников оказались в составе довольно обширного компилятивного свода, помещенного в приложениях к другой Лествице XVII в. (ГПБ, Соловецкое собр., № 302 (322)). В Своде — 973 статьи, и состоит он из пяти лексиконов. В трех первых материал организован по тематическому принципу.³⁴ Последний из этих трех словарей разбит на две части (статьи 1—103, 104—207), каждая из которых размещена по алфавиту, что, видимо, свидетельствует о подоснове в виде двух более ранних азбучных глоссариев.

Вслед за тематическими словарями в Своде идет небольшой азбуковник, содержащий 90 статей. При начальной статье (аллилугия) на поле дан подзаголовок «О освященных вещех». Объявленная тема хотя и является для этого раздела важной, но не покрывает всего состава слов. Такие указания вспомогательного характера в азбуковниках встречаются нередко.

Последним в Своде идет словарный текст, выделенный заголовком «Купно о различных вещех». Перед нами еще один азбуковник, причем это самый крупный лексикон в разбираемой компиляции. В нем 623 статьи, и занимает он две трети всего свода. Словарь начинается с термина «актимон», истолкованного «нестяжатель» с отсылкой к известному сочинению Максима Грека. Перебивы алфавита редки.

Оба последних азбуковника, особенно первый из них, имеют на полях немало указаний на литературные источники. Эти завершающие Свод словари не имеют следов окончательной доработки, причем даже и в них наблюдается колебание между алфавитным и тематическим порядком размещения словарных статей. Что касается первых трех лексиконов, то там явно предпочтен тематический принцип.

Назовем еще один памятник, где черты анализируемого словарного типа видны уже намного отчетливей. Это один из редких азбуковников,

³³ ГПБ, собр. Погодина, № 1660. Листы в азбуковнике при переплете перепутаны, поэтому маленький словарь оказался разбитым на две части. Его конец (со статьи на слово *ельма* и до буквы *Я* включительно) попал в букву *Х* основного словарного свода, разбив в нем текст статьи на слово *зимера* (л. 243—250), а начало (буквы *А—Е*) дано в конце книги после раздела «Вопросы и ответы о недоведомых вещех» (на л. 268—271).

³⁴ Тематические словарики в Своде дают перечни толкований имен божьих, названий различных книг и глоссарий «О саоих и чиоих», в котором приведены наименования многих профессий и должностей.

который представлен в списке XVI в. (по водяным знакам — 1594 г.).³⁵ Азбуковник находится в сборнике ГБЛ, МДА, № 173 (35). В нем 1078 статей, которые делятся на 759, писанных в XVI в., и 319 статей, добавленных скорописью XVII в., на полях. Видно, как вводились в текст все новые пополнения.

Если, приступая к публикации азбуковников, признать целесообразным издать для начала хотя бы по одному словарю каждого из трех означенных этапов развития (до 1000 статей, свыше 2000 статей, свыше 5000 статей), отдав предпочтение памятникам наиболее характерным, то окажется, что представитель первого этапа уже издан в 1973 г. — Азбуковник ГБЛ, МДА, № 173 (35), конца XVI в., а образцы двух других этапов также нашли свое печатное воплощение, но выполненное по принципам, теперь неприемлемым.

С того времени, когда И. П. Сахаров впервые опубликовал азбуковники, прошло 130 лет (1849 г.). При издании сведены воедино два различных памятника, притом двух разных этапов развития словарного жанра азбуковников. Причина, по словам издателя, — в наличии совпадающих статей.³⁶

Сводный текст из материалов двух азбуковников помещен в особом разделе «Словари русского языка», перед ним еще два словаря — Лексикон славено-русский Памвы Берынды (1627 г.) и Лексис Лаврентия Зизания (1596 г.), названный здесь литово-русским словарем. Эти труды отнесены И. П. Сахаровым к явлениям украинской и белорусской книжности, а азбуковники, объединенные им в свод, — к явлениям собственно русским,³⁷ причем того же периода, т. е. XVI—XVII вв.³⁸

Сведения об издаваемых словарях сводятся к указанию их названий, размера рукописных книг, в составе которых они оказались, их объема и времени написания (конец XVI в. и середина XVII в.). Доказательства датировки не даны. Говорится также об использовании «для сличения» еще четырех списков XVII в.³⁹ С какой целью проводилось сличение и отразились ли его результаты на тексте издания, не сказано.

Азбуковники, изданные И. П. Сахаровым, — из его личного собрания. Предстояло установить, какие рукописи были опубликованы, иначе говоря, в каком древлехранилище и под какими шифрами они теперь пребывают, а затем и определить степень их соответствия оригиналам.

Статья, предваряющая издание и названная И. П. Сахаровым «Древнерусские словари», имела и более раннюю публикацию,⁴⁰ которая позволяет исправить ошибку издателя при указании объема второй рукописи (не 250 л., а 231 л.), затруднившую ее разыскание. Сведения о первой из

³⁵ Текст опубликован в кн.: Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси. . ., с. 218—312; там же даны основания для датировки.

³⁶ В вводной статье к публикации сказано: «При издании тексты Азбуковника и Сказания (более ранний азбуковник с архаическим заголовком, — Л. К.) соединены были вместе. Печатать каждый отдельно я не находил нужным, потому что это было бы повторение по большей части одного и того же» (И. П. Сахаров. Сказания русского народа, т. II, кн. 5. СПб., 1849, с. 136).

³⁷ В терминологии того времени — книжность малорусская, литовская (западно-русская) и великорусская.

³⁸ После сводного текста азбуковников помещены два древних глоссария («Речь жидовьского языка» и «Толкование неудоб познаваемым речемь»), видимо, для характеристики истоков русского словарного дела. Историю и тексты этих словарей см. в кн.: Л. С. Ковтун. Русская лексикография. . ., с. 10—154, 218—268, 399—431.

³⁹ Привлечены были азбуковники из собрания Ф. А. Толстого.

⁴⁰ Указав на этот вариант статьи, напечатанный в «Отечественных записках» (1842, т. XXV, отд. II, с. 1—24), М. П. Алексеев особо отмечает, что в ней публикуемые словари названы двумя редакциями азбуковников, из которых одна относится к XVI в., а другая — к XVII в. (М. П. Алексеев. [Словари иностранных языков. . ., с. 10).

них верны. Обе рукописи теперь находятся в архивах ГИМ, где хранится собрание А. С. Уварова, приобретшего коллекцию И. П. Сахарова после его смерти.⁴¹

Заметим, что старшая из рукописей попала к ее издателю из фондов Румянцевского музея.⁴² Однако из трех описаний, выполненных А. Х. Востоковым, И. П. Сахаровым и архимандритом Леонидом (Л. А. Кавелиным), лишь в первом отмечены особенности ее начальной части. А. Х. Востоков пишет, что конец предисловия к алфавиту и начало самого алфавита утрачены, добавляя к этому: «По счету тетрадей видно, что в первой тетради недостает шести листов».

При обращении к рукописи видим, что в своде нет семи первых статей. Отсутствуют толкования слов *алфавит*, *алеф*, *алфа*, *аданаи*, *агиос*, *апостол*, *аггел*. Но этого мало. Статья восьмая (*ангелеитин*) и статья девятая (*архангел*) попали в текст предисловия, перебивая его, однако конец девятой статьи (со слов *аггел саном херувим*, *ин серафим*) оказался там, где ему и подобает быть, т. е. перед статьей десятой (*архистратиг*). На этом и заканчивается серия нарушений.

Именно дефектность начала ранней рукописи (о чем И. П. Сахаров умолчал), видимо, и побудила его привлечь текст более позднего азбуковника, который вовсе не был настолько близким к старшему, чтобы счесть их в основном идентичными. Достаточно сказать, что по числу статей поздний азбуковник более чем в два раза превосходит ранний. Впрочем, текст более позднего словаря был использован издателем лишь в качестве вспомогательного, иначе он не опустил бы из него при публикации около двух с половиной тысяч статей.

И. П. Сахарова в сущности интересовала старшая рукопись. Азбуковник, представленный в ней, действительно заслуживает самого пристального внимания. Во вводной статье И. П. Сахаров называет его первым великорусским словарем (с. XI), сопоставляя его в качестве собственно русского с лексиконами того же периода Юго-Западной Руси, т. е. со словарями Лаврентия Зизания и Памвы Берынды (1596 г. и 1627 г.). Если снять категоричность этой формулировки, то она в основном верна.

В распоряжении издателя, как оказалось, был один из редких списков азбуковника конца XVI в., в котором новый словарный тип, ставший вершиной древнерусской лексикографии, предстает уже как вполне зрелый, хотя его интенсивное развитие охватит еще столетие.

Получить, однако, представление об этом памятнике по изданию И. П. Сахарова невозможно. Почти полностью утрачены все его основные черты. Нарушена структура лексикографического труда. В качестве предисловия предпочтен текст, типичный для пространных азбуковников.⁴³ Между тем несомненно предисловий двух разновидностей азбуковников (краткой и пространной) — датирующий признак. Предисловие оторвано от словарного свода двумя не связанными с ним статьями.⁴⁴ Не на месте дано и еще одно предисловие, предваряющее перечень имен собственных.⁴⁵

⁴¹ Шифры изданных рукописей: ГИМ, собр. Уварова, № 2094У(311) и ГИМ, собр. Уварова, № 2088 (310).

⁴² В Описании этого музея обозначена как Алфавит № 4 (А. Востоков. Описание Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 2). О той же рукописи в Описании уваровского собрания сказано: «Из библиотеки И. П. Сахарова, выменена им у Кастерина в 1840 г.» (Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. IV. М., 1894, отд. VIII, с. 496).

⁴³ Свообразие предисловия в Алфавите № 4У (по Румянцевскому собранию) отмечено А. Х. Востоковым. См.: А. Востоков. Описание Румянцевского музея.

⁴⁴ «Сказание въкратце, чего ради наречется славянская грамота» и «Сказание о писменех черноризца Храбра».

⁴⁵ «Толкование имен человеческих», помещаемое в разделе слов, начинающихся с буквы А, что также является приметой текстологически важной: в некоторых вариан-

Искажения, допущенные при передаче текста самого свода лексики, настолько велики, что их трудно исчислить. Порядок размещения слов иной, чем в оригинале, где принимается во внимание лишь алфавитное место первой буквы (признак, также важный для датировки). Сняты указания на литературные источники и языковые пометы. Весь состав толкуемых слов произвольно расчленен на две части: литературную, к которой отнесены почти все пространные статьи, посвященные описанию реалий, а также раскрытию символики и богословских понятий, и лексикографическую. В словаре даны лишь статьи, отнесенные ко второй части, что привело к полной утрате его исторической специфики. Обобщенные сведения о литературной части, как и о литературных источниках азбуковников, приведены издателем во вводной статье. Не учтены языковые особенности ни того, ни другого списков, текст дан в современной орфографии.

В сводном тексте из двух азбуковников 3249 статей, в реальном тексте по старшей рукописи 2274 статьи. Таким образом, к составу краткого азбуковника добавлено около тысячи статей, а из состава пространного снято более двух тысяч. Как оказалось, однако, исключения статей произведены и в кратком азбуковнике, причем почти в каждой букве. Если взять для примера конец словаря (разделы букв от Х до Ω), то лишь в двух буквах (Ц и Ш) дан весь состав слов, в остальных буквах произведены снятия (Х — 25 ст., Ч — 5 ст., Ш — 2 ст., Ю — 1 ст., Ъ, Ы, Ь — 3 ст., Я — 1 ст., Ω — все 10 ст.).

Наиболее часто опускаются статьи азбуковника, в которых слова даны в косвенной форме или в составе оборотов, т. е. непосредственные выписки из текстов. Издателя отталкивает их несловарная форма, но как раз они яснее всего показывают связь азбуковников с работами переводчиков и справщиков, так как непосредственно взяты из текста. В тех случаях, когда такая статья дана, ее форма изменена (например, *ад-кастра* — *ко ополчению*, предлог присоединен дефисом, *аукторита* — изменено в *аукторитет* и т. д.). Всюду видны следы правки издателя или предпочтения им вариантов из других азбуковников. Например, в оригинале: апокрифат — сомнения, их же истина не весть; в издании: апокрифат — сомнение, их же истины никто весть.⁴⁶ В оригинале: художество — ремесло или хитрость рукоделия; в издании: художество — хитрость ремесла. Проявлено стремление к сокращению статей. Например, из толкования слова «хризмо» — «помазание, еже есть священное масло, рекше миро» — осталось лишь «масть, помазание»; слова «хитон» — «нешвенная одежда Христова, рекше срачица» — «нешвенная одежда». При этом в основном утрачена собранная в словаре синонимика. Ср.: хрисопрасос — златосечец или златокузнец или ковец, в издании только «златосечец»;⁴⁷ хусия — мурин, сиречь черныи или диявол, в издании — «мурин».

Сняты раскрытия символов Писания. Например, в статье о птице «харадр» отсечен конец: «сию птицу помянул Ияков, благословляя Июду, глаголя птиць львов Июда и прочая».

Убраны все статьи, данные в азбуковнике в вопросно-ответной форме,⁴⁸ типа: «Что ради пишется на иконах сшествие святаго духа — стоит человек страстию содержим в месте темне, а на нем риза червлена. . .» и т. д.

тах поздних азбуковников предисловие переведено в число статей, предворяющих словарный свод.

⁴⁶ Изменен смысл: в оригинале — «истина не знает сомнений», в издании — «никто не знает, в чем истина сомнений».

⁴⁷ В издаваемом списке эта статья сильно повреждена: хрисопрасо — златовец.

⁴⁸ В словаре они приведены в разделе слов, начинающихся с буквы Ч.

Недостатки первого издания азбуковников таковы, что полностью исключают возможность его использования в научных целях.

Памятники, в которых данный лексикографический тип выступает уже в своем зрелом виде, еще предстоит издать. Такие публикации могут иметь и лингвистическую и литературоведческую ориентацию.

Публикация для начала хотя бы двух или нескольких лексикографических памятников, т. е. азбучных словарей конца XVI—XVII в. (краткой и пространной разновидностей) из числа наиболее значительных, с учетом всей совокупности их списков дала бы ход планомерному изучению всей массы материалов. В результате чего только и выяснится весь набор памятников этого словарного направления, ставшего для старинной лексикографии ведущим.

Представляется, что в числе первых следовало бы издать Азбуковник, имеющий в наших основных древлехранилищах наибольшее число списков, установив все его редакции.⁴⁹ Именно ему было оказано предпочтение в эпоху бытования этих словарных трудов.

⁴⁹ Ср. первую группу азбуковников в кн.: А. В. Пруссак. Описание азбуковников. . .

Я. С. ЛУРЬЕ

О возможности и необходимости при исследовании летописей

Справедливо ли начинать историю русского книгопечатания с изданий 50-х гг. XVI в.? Книгопечатание у западных славян возникает в середине XV в., а с начала XVI в. появляются первые западно-русские (белорусские) печатные издания. При тесных связях между Западной и Северо-Восточной Русью было бы естественно, если бы с конца XV или начала XVI в. книги стали печататься и в Москве. Книги эти не дошли до нас, но значит ли это, что их не существовало? Реакционные элементы в московском обществе препятствовали развитию книгопечатания — они вынудили Ивана Федорова покинуть Москву; они могли уничтожить и скрыть памятники раннего русского книгопечатания. Не забудем также о гибели письменных памятников и в ходе неприятельских нашествий, например при сожжении Москвы в 1571 г. и в 1610 г. Поэтому исчезновение русских первопечатных книг конца XV и первой половины XVI в. вполне возможно.

Следует ли также начинать историю русского театра с театра Алексея Михайловича, созданного немецким пастором Грегори? И тут мы можем предполагать существование более ранних памятников, погибших при многочисленных бедствиях, постигавших русскую книжность, и в результате борьбы со скоморошеством и светским искусством вообще.

Все эти предположения не лишены вероятия. И все же в существующих научных трудах история русского книгопечатания начинается с 50-х гг. XVI в., а история русского театра — с 1672 г. Возможность не есть еще реальная действительность; факты в филологической или исторической науке устанавливаются на основании показаний источников.

Однако определение достоверности источника и его ценности для того или иного конкретного исследования — задача не простая. Показания источника имеют значение свидетельских показаний; но всегда ли это современный и связанный с событиями свидетель? Там, где речь идет об отдаленных эпохах, исследователю постоянно приходится иметь дело с источниками, отражающими свой предмет не непосредственно, а через посредство иных, не доступных нам звеньев. Летописи, которыми мы пользуемся при изучении Древней Руси (и особенно Руси Киевской и вообще домосковской эпохи), часто не являются современными памятниками: они составлены позже описанных в них событий, а сохранившиеся рукописи, в которых они дошли, обычно относятся к еще более позднему времени. Так, даже древнейшая из доступных нам летописей «Повесть временных лет», составленная в начале XII в., дошла в рукописях не ранее конца XIV в. Аналогичный разрыв во времени существует и между другими летописными памятниками и их списками.

Но историк исходит не только из того, что исследуемый летописный источник обычно старше по времени его списка, дошедшего до нас. Он учи-

тывает, что и самый памятник не однороден по составу: в основе его лежат более ранние источники. Представление о летописи как о своде — собраниях разнородных по происхождению памятников — было высказано уже П. М. Строевым и К. Н. Бестужевым-Рюминым; исходя из наблюдений над всеми известными летописями (включая «Повесть временных лет»), А. А. Шахматов пришел к выводу, что в основе дошедших до нас сводов лежали чаще всего не отдельные сказания, а другие своды. Наиболее надежным путем для восстановления таких «основных сводов» было сравнение доступных нам летописей. Если текст двух сводов совпадает до определенной даты, то, вероятнее всего, в основе этих сводов лежит протограф — «основной свод», доведенный до соответствующей даты. Такой вывод, конечно, является гипотетическим, но это допущение иного характера, чем предположительное разложение свода на отдельные «сказания», к которому любили прибегать предшественники А. А. Шахматова. Совпадения между летописными сводами — объективная совокупность фактов, требующая объяснения. Предположение о протографе исследуемых сводов — это научная гипотеза, объясняющая данную совокупность явлений; исследователь, отвергающий такую гипотезу, должен предложить иное, альтернативное, решение, которое объяснит совпадение летописных текстов не хуже, а по возможности лучше, чем отвергнутая гипотеза. Предположение же о том, что то или иное летописное известие представляет собой запись, сделанную таким-то автором в такое-то время и в таком-то месте, — чаще всего догадка, основанная, как и высказанные выше предположения о существовании русского книгопечатания до середины XVI в. или театра до 1672 г., на простой возможности.¹ Разграничение этих двух типов предположительных суждений особенно важно при исследовании русского летописания.

1

Источник — единственная эмпирическая основа наших исторических знаний. До сих пор это положение не встречало возражений в нашей науке и могло считаться общепризнанным. Однако недавно была предпринята попытка — и притом весьма радикальная — пересмотреть этот важнейший тезис. В книге «Начальные этапы древнерусского летописания» А. Г. Кузьмин посвятил особый раздел, озаглавленный «Гносеология диалектического материализма и специальные дисциплины», опровержению мнения авторов, считающих источник эмпирической основой исторических знаний, а источниковедческие «вспомогательные исторические дисциплины» — эмпирической основой исторической науки.²

А. Г. Кузьмин объясняет такой взгляд выражением «негативного отношения к теории», «рафинированного позитивизма», «агностицизма» и даже «неверия в возможности человеческого мышления проникнуть в сущность явлений».³

¹ Подробнее см.: Я. С. Л у р ь е. О гипотезах и догадках в источниковедении. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977, с. 26—41.

² А. Г. Кузьмин не указывает, что такой взгляд на «вспомогательные исторические дисциплины» был высказан как раз тем историком, памяти которого он посвятил свою книгу, — М. Н. Тихомировым. Именно М. Н. Тихомиров говорил, что называть источниковедческие дисциплины «вспомогательными» недопустимо, ибо «на основании их определяется основа основ исторической науки: даются датировка и определение подлинности источников». (М. Н. Т и х о м и р о в. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — ВИ, 1961, № 4, с. 66—67).

³ А. Г. К у з ь м и н. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 14, 17 (далее в этом разделе ссылки на страницы книги А. Г. Кузьмина даются в скобках).

Как же опровергает А. Г. Кузьмин взгляд на источник как на основу исторических знаний? Он заявляет: «Источник не является даже единственной эмпирической основой знания, поскольку возможен еще эксперимент. С помощью эксперимента изучается первобытная техника, к эксперименту обращались при установлении места Ледового побоища, определении местонахождения Колумбова Сан-Сальвадора. Эксперимент помог В. Л. Янину рассчитать количество „вечников“ в Новгороде. Историк постоянно проводит мысленные эксперименты, стремясь наглядно представить ход событий» (с. 13). В дополнение к этим аргументам А. Г. Кузьмин ссылается еще на статью польского историка Е. Топольского «О роли внеисточникового знания в историческом исследовании» и заявляет, что «при обращении к любому источнику „внеисточниковое знание“ составляет несравнимо больший удельный вес, чем то знание, которое может быть получено из данного источника» (с. 15—16).

Аргументация А. Г. Кузьмина не подкрепляет его вывод. Прежде всего А. Г. Кузьмин не точен в самом определении «эксперимента» — эксперимент в естественных науках есть обоснование вывода путем искусственного воспроизведения объекта познания, организации особых условий его функционирования и т. д. В приводимых А. Г. Кузьминым примерах речь идет совсем об ином — о проверке определенных показаний источника с помощью простых наблюдений над теми природными объектами, которые в этом источнике упоминаются. Как было построено, например, исследование В. Л. Янина, на которое ссылается А. Г. Кузьмин? В основе этого исследования лежали именно показания источников: известия о том, что общегородское вече в Новгороде собиралось на «Ярославовом дворце», о «300 поясах», управлявших Новгородом, наконец, известие о том, что «совет господ» (члены которого обычно отождествлялись с этими «поясами») заседал в новгородской Грановитой палате. Топографические данные источников В. Л. Янин проверял, измеряя объем Грановитой палаты и «Ярославова дворца», и пришел к выводу, что, судя по размеру этой палаты, «совет господ», заседавший в ней, не мог состоять более чем из 50 лиц, а на территории «Ярославова дворца» (определяемой на основе археологических данных) могло поместиться не более 300 человек; следовательно, «300 поясов» должны были скорее отождествляться с вечем, чем с «советом господ».⁴ Речь шла, таким образом, о сопоставлении письменных источников с источниками вещественными, а не о «внеисточниковом знании». Так же строилось исследование и во всех остальных упомянутых А. Г. Кузьминым «экспериментах»; метод проверки реальной возможности показаний источников давно известен в науке (он широко применяется, например, в истории военного дела), однако это именно *контрольный* метод, возможный только при наличии исходного эмпирического материала источников. Конечно, установление физической *невозможности* тех известий, о которых говорится в источнике, скажем, доказательство того, что на определенной площади не могло разместиться названное средневековым хронистом количество участников битвы, ставит под сомнение такие известия. Но если известий о каком-либо событии в источниках не сохранилось, если их у нас просто нет, позволительно ли установить какой-либо факт на основании одних только «экспериментов», о которых пишет А. Г. Кузьмин, лишь потому, что топографические, географические или какие-либо еще данные делают соответствующий факт *возможным*? Очевидно, что это не так: эмпирической основой наших знаний остаются все-таки источники, и все исторические факты мы знаем только из них.

⁴ В. Л. Янин. Проблемы социальной организации новгородской республики. — История СССР, 1970, № 1, с. 49—50.

Не подкрепляет утверждений А. Г. Кузьмина и статья Е. Топольского. Что именно имеет в виду польский историк, говоря о «внеисточниковом знании»? Он отвечает на этот вопрос достаточно определенно: «внеисточниковым знанием» он предлагает называть «то знание, которое имеет и использует исследователь, изучая на основе источников прошлую действительность». «Следует, однако, определить — хотя это само собой разумеется — что определение „внеисточниковое знание“ имеет относительный характер, — специально поясняет Е. Топольский, — ведь в конечном счете все человеческое знание основано на источниках. . .». Термин «внеисточниковое знание» автор употребляет только «по отношению к данной информации о единичном историческом факте».⁵

В любой историко-филологической работе исследователь специально изучает лишь определенный источник или круг источников, — остальные данные он берет из других, уже произведенных исследований, и в этом смысле подобные данные могут быть определены как «внеисточниковое знание».

Большинство упреков А. Г. Кузьмина «противникам теоретического знания» объясняется тем именно, что автор все время смешивает методiku конкретного источниковедческого исследования с методикой исследования исторического и с методологией исторической науки в целом. А между тем это хотя и связанные, но отнюдь не идентичные понятия. Источниковедческое исследование устанавливает конкретные факты и совокупности фактов, оно отвечает на вопрос, как и когда происходили и происходили ли вообще определенные события. Историческое исследование занимается историческим процессом, оно дает ответ на вопрос о причинах событий и их возможных альтернативах. При решении таких вопросов историк вообще не может ограничиться источниками, относящимися только к данному месту и времени, — вопрос о причинах и альтернативах неизбежно требует сравнительно-исторического исследования. Материал, добытый вне данного исследования, выступает в таких случаях, употребляя условное выражение Е. Топольского, в роли «внеисточникового знания».

А. Г. Кузьмин постоянно пытается противопоставить изучению источника знание «объективной реальности», проверить источник «действительностью» (с. 15—16, 24, 385—386). Но откуда известна историкам «действительность»? Очевидно, из источников, изученных ими самими или их предшественниками. Как уже указывали А. Г. Кузьмину различные авторы, противопоставляя «объективную реальность» источнику, он неизбежно впадает в логический порочный круг.⁶ «Опасность создания такого „круга“ вследствие ошибок и вообще ограниченности возможностью каждого исследователя действительно существует. . . — признает А. Г. Кузьмин и указывает: — Критерием истины и в этом вопросе может служить практика: привлечение новых источников, установление новых связей, раскрытие новых закономерностей» (с. 115). Но понятие «критерия практики» в данном случае вообще неприменимо: понятие это (связанное с экспериментальными науками) означает обоснование теоретического положения путем воспроизведения определенного процесса в будущем;

⁵ Е. Топольский. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании. — Вопросы философии, 1973, № 5, с. 77—79.

⁶ См.: Л. В. Черепнин. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах. — История СССР, 1972, № 4, с. 56; Д. С. Лихачев, В. Л. Янин, Я. С. Лурье. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей. — ВИ, 1973, № 8, с. 201; А. А. Зимин. О методике изучения древнерусского летописания. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1974, т. XXIII, № 5, с. 459.

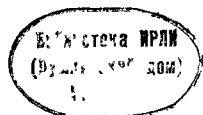
А. Г. Кузьмин же как раз отстаивает несопоставимость задач «познания прошедшего и предсказания будущего» (с. 14). Находка «новых источников», подтверждающих взгляды исследователя, конечно, существенно расширила бы «ограниченные возможности» исследования, но, к сожалению, опыт показывает, что заранее рассчитывать на такую находку трудно. Во всяком случае, ссылка на «новые источники» только подтверждает роль источника как эмпирической основы исторического знания.

Но не предопределяют ли уже сложившиеся исторические обобщения выводы, вытекающие из конкретного исследования источника, не следует ли считать, как выражается А. Г. Кузьмин, что «внеисточниковое знание» «составляет несравнимо больший удельный вес, чем то знание, которое может быть получено из данного источника»? Подобная точка зрения, подчиняющая конкретное исследование готовой «концепции», была довольно распространена в нашей исторической науке несколько десятилетий назад. Когда исследователи античности в 30-х гг. искали «революцию рабов», разрушившую Римскую империю, когда они во что бы то ни стало старались найти (хотя бы по очень сомнительным показаниям источников) как можно больше рабских восстаний в античном мире, они исходили из широких и в значительной степени верных соображений о рабовладельческом характере античного общества и о возможности и вероятности глубоких социальных конфликтов в этом обществе. Однако, если подобные общие соображения имеют эвристическое значение, предопределяя *поиски* соответствующих известий,⁷ то доказательного значения они не имеют и никак не заменяют знания, которое может быть получено из конкретного источника (из того, что рабские восстания могли происходить, не вытекает, что они происходили в определенное время и в определенном месте). Необходимость различения эмпирического исследования и чистой экстраполяции, основанной на теоретических данных, диктуется вопреки А. Г. Кузьмину не «негативным отношением к теории», не пренебрежением к «философии», а именно пониманием важнейшего философского принципа разграничения возможности и действительности. Приведя в своей работе целый ряд цитат Маркса, Энгельса и Ленина, совершенно не связанных с разбираемыми им вопросами, А. Г. Кузьмин напрасно оставил без внимания прямо относящиеся к этой теме слова о том, что «марксизм стоит на почве фактов, а не возможностей».⁸

В какой же степени общая теория и «внеисточниковое знание» помогают самому А. Г. Кузьмину в решении вопросов истории древнейшего

⁷ Эвристическое значение теоретических знаний историка автор этих строк отмечал неоднократно (ср.: Я. С. Лурье. 1) О некоторых принципах критики источников. — В кн.: *Источниковедение отечественной истории*, I. М., 1973, с. 85; 2) О гипотезах и догадках в источниковедении, с. 36). Тем более удивительно, что А. Г. Кузьмин в своей книге «отправным моментом» своих взглядов объявляет «отрицание эвристического значения теории» (с. 13). К сожалению, это не единственное *прямое* искажение взглядов оппонента у А. Г. Кузьмина. Так, он приписывает мне (как «рафинированному позитивисту») «уверенность», «будто для науки полезней полное незнание, нежели неполное знание» (с. 17). Никогда такой удивительной формулы я не высказывал; уж если А. Г. Кузьмин ждет от меня афоризмов, я сказал бы, что для науки полезней откровенное незнание или неполное знание, чем знание недостоверное. Возражая Д. С. Лихачеву, указывавшему, что даже вполне законченный и «сюжетный» летописный рассказ не должен считаться отдельным произведением, если он не встречается вне летописи, А. Г. Кузьмин прибавляет, что Я. С. Лурье «идет фактически дальше, поскольку из неверия в возможность выделения отдельных элементов летописи у него вырастает игнорирование и даже отрицание самого факта их существования» (с. 52). Что, собственно, означает эта странная мысль, приписываемая мне? Как можно отрицать «факт существования» внутри летописей таких элементов, как большие повести, летописные рассказы и погодные записи? А. Г. Кузьмин, по-видимому, не догадывается, что, сочиняя за своих оппонентов явно абсурдные высказывания, он характеризует не их, а самого себя.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 319—320

русского летописания? Ответ на этот вопрос дать не легко. «Внеисточниковое знание», из которого исходит в основной части своей книги А. Г. Кузьмин, заключается не в каких-либо широких исторических построениях, а в ссылке на три фактора: «рост этнического самосознания, утверждение государственных институтов и распространение христианства»; «общественное сознание» Киевской Руси выражалось в борьбе «за приоритет между этнополитическими группировками и династиями в процессе утверждения государственной системы» (с. 386). Мы не будем здесь разбирать вопрос, каково было действительное значение этой борьбы и могут ли быть сведены к ней все сложные социально-политические конфликты той эпохи.⁹ В данном случае нас занимает только одно: почему беглые ссылки на эту борьбу дают автору основание ограничить «место формальных методов» в изучении начального летописания и снижают «удельный вес и роль непосредственного изучения текстов»? Обращение к основной части книги А. Г. Кузьмина не помогает разрешить наши недоумения.

Результаты, достигнутые русской наукой при изучении древнейшего летописания, очень значительны. В основе изучения, как мы уже отмечали, лежал разработанный А. А. Шахматовым метод сравнения летописных памятников. Сравнивая «Повесть временных лет» (ПВЛ) с начальной частью Новгородской I летописи (НІЛ) младшего извода (XV в.), А. А. Шахматов установил, что ПВЛ и НІЛ содержат различные версии этого текста. В ПВЛ содержатся договоры киевских князей с греками, цитаты из греческой Хроники Амартола; в НІЛ их нет; в ПВЛ вещей Олег — князь, правящий за малолетнего сына Рюрика Игоря; в НІЛ Игорь — взрослый князь, а Олег — его воевода, и т. д. А. А. Шахматов показал, что НІЛ содержит первичный текст, а ПВЛ — вторичный. Но поскольку влияние летописи XV в. на ПВЛ XII в. исключается, ученый пришел к выводу о существовании общего источника ПВЛ и НІЛ младшего извода — Начального свода XI в., предшествовавшего ПВЛ. Реконструкция Начального свода, созданная А. А. Шахматовым на основе тщательного анализа летописного текста ПВЛ, НІЛ и других памятников с начала по конец XI в.,¹⁰ конечно, была гипотетичной, но (как и другие предположения А. А. Шахматова о сводах, предшествовавших ПВЛ) она принадлежит к числу предположений, которые исследователи не могут произвольно отвергать или принимать, исходя из «внеисточниковых» соображений или интуитивных ощущений. В основе гипотезы А. А. Шахматова лежат реальные соотношения текстов, и автор, отстаивающий иную гипотезу, обязан предложить не менее убедительное объяснение таких соотношений.

Как же решает вопрос о Начальном своде А. Г. Кузьмин? Сравнение отдельных работ с последней монографией обнаруживает любопытные изменения во взглядах автора. Его первая статья на эту тему была посвящена критике сказания о призвании варягов — легендарного рассказа, сохранившегося и в ПВЛ и в НІЛ и отнесенного поэтому А. А. Шахматовым к Начальному своду. С IX в., когда, по легенде, были «призваны» Рюрик с братьями, до XI в., которым датируется Начальный свод, прошло

⁹ Эту странную односторонность общей исторической концепции А. Г. Кузьмина справедливо отметил А. А. Зимин (А. А. З и м и н. О методике изучения древнерусского летописания, с. 462—463), но А. Г. Кузьмин, упоминающий в своей последней книге статью А. А. Зимина (с. 54, 383), никак не ответил на данное замечание своего оппонента.

¹⁰ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, с. 302—374 (дальнейшие фрагменты Начального свода даны в книге Шахматова внутри текста реконструкции ПВЛ и выделены особым шрифтом — с. 61 и след.).

два века — время, вполне достаточное для формирования исторического предания. Но А. Г. Кузьмину для доказательства недостоверности предания этот интервал казался недостаточно большим, и он относил известие НПЛ о призвании варягов к XIII в., отрицая существование Начального свода: «. . . как раз это звено в схеме А. А. Шахматова вызвало серьезную критику многих исследователей. . . Ни А. А. Шахматов, ни кто-либо другой не доказали убедительно самый факт существования такого свода».¹¹ Но уже через несколько лет А. Г. Кузьмин признал, что «если т.н. „Древнейший свод“ реконструкции А. А. Шахматова в настоящее время отвергнут большинством авторов, то гипотеза о существовании „Начального свода“, как правило, признается вероятной». Однако полностью отказаться от своих прежних взглядов на начальный текст НПЛ он не считал возможным и предложил как бы компромиссный вариант: настаивая на том, что первая часть текста НПЛ до 945 г. (следовательно, сказание о призвании варягов) не старше XIII в., он согласился, что вторая часть текста более древнего происхождения: «. . . явные следы древнего текста замечаются начиная с 945 г.».¹² Однако большинство параллельных, но имеющих важные различия текстов ПВЛ и НПЛ (разные характеристики Олега и Игоря, наличие или отсутствие их договоров с греками) обнаруживается как раз в разделе до 945 г. Как же объясняются различия между ними?

В дальнейшей эволюции взглядов А. Г. Кузьмина на раннее летописание важную роль сыграли, очевидно, «внеисточниковые» соображения — изменение его взглядов на «объективную реальность». Отказавшись от мнения о тождестве варягов с норманнами, приняв предположение об их западнославянском происхождении, А. Г. Кузьмин заявил, что «акцентировать внимание на недостоверности и позднем происхождении сказания о призвании варягов нужно лишь в том случае, «если исходить из представления о варягах как о скандинавах. Но пересмотр этого положения существенно меняет оценку всего предания».¹³ Это заявление очень интересно: оно лишним раз показывает, насколько зыбким оказывается то «внеисточниковое знание», которому А. Г. Кузьмин приписывает «несравненно больший удельный вес» по сравнению с исследованием конкретного источника.

Построение истории древнейшего летописания в книге А. Г. Кузьмина отличается от его же построенной в более ранних работах. Здесь автор уже не настаивает на позднем происхождении всего текста НПЛ до 945 г. Он ограничивается лишь указанием на то, что группа известий до 945 г. «почти не имеет текстуальных совпадений» с ПВЛ и что в известиях этой части НПЛ «собран разнородный материал» (с. 92, 101—102). Он признает также, что отсутствие договоров с греками (в том числе договоров Олега и Игоря, помещенных в ПВЛ до 945 г.) является «признаком первичности Новгородской первой летописи: в Повести названные статьи разрывают связное изложение» (с. 93), и что в ПВЛ, «видимо, для согласования разных версий, появляется малолетний Игорь, именем которого правит Олег, но одновременно сохраняются и тексты, в которых Олег совершенно бесспорно выступает в роли самостоятельного правителя» (с. 327, 330). Но сделать из этого естественный вывод о первичности текста, отразившегося в НПЛ, по сравнению с текстом ПВЛ А. Г. Кузьмин все же не хочет. Автор предлагает поэтому новое компромиссное решение вопроса об отношении

¹¹ А. Г. Кузьмин. К вопросу о происхождении варяжской легенды. — В кн.: Новое о прошлом нашей родины. М., 1967, с. 46.

¹² А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории древней Руси. Рязань, 1969, с. 27, 162.

¹³ А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. — ВИ, 1970, № 10, с. 30.

текста ПВЛ и НІЛ до 945 г. В рассказах НІЛ под 6362 (854 г.) и последующими годами «собран разнородный материал», отражающий «параллельно существующие традиции, основа которых уходит в неопределенную древность» (с. 102, 109; ср. с. 328).

Обращение к тексту ПВЛ и НІЛ до 945 г. никак не подтверждает такого предположения. Текстуальные совпадения между обоими памятниками в этой части достаточно многочисленны: в основном совпадают рассказы о Кие, Щеке и Хориве, о хазарской дани, об изгнании и призвании варягов, об убийстве Аскольда и Дира, о походе Олега на Царьград в 907 г. и об обратном путешествии Руси и Словен и, наконец, о гибели Игоря и о трех местах Ольги в 945 г.¹⁴ При этом совпадения и различия между версиями ПВЛ и НІЛ таковы, что неизбежно встает вопрос об их общем происхождении и взаимных отношениях. Так, в рассказе о гибели Аскольда и Дира (НІЛ — 6362 г., ПВЛ — 6390 г.) совпадают сообщения о том, что Олег с Игорем пришел «к горам киевским», узнал, что там правят Аскольд и Дир, спрятал воинов «в лодьях»; когда же Аскольд и Дир пришли, воины «выскакаша из лодей». Далее сходно обращение к Аскольду и Диру: «Вы неста князя, ни роду княжа, но аз есмь. . .» — и окончание: «И убиша Аскольда и Дира, и несоша на гору и погребоша и на горе, еже ся ныне зовет Угорское, кде ныне Олмин двор, а Дирова могила за святою Ориною».¹⁵ Ясно, что в основе рассказов обеих летописей о смерти Аскольда и Дира (как и последующих рассказов — о гибели Игоря, местах Ольги и т. д.) лежал общий источник, но несомненно также, что либо та, либо другая летопись этот источник переделала: в ПВЛ фигурирует единственный завоеватель — князь Олег, носящий на руках Игоря «детска», он и говорит: «Вы неста князя. . ., но аз есмь роду княжа»; в НІЛ выступают два завоевателя: взрослый князь Игорь и его воевода Олег; слова «вы неста князя. . ., но аз есмь князь» говорит Игорь. Отнесение общего источника обоих рассказов «в неопределенную древность» не снимает вопроса о том, как читались эти места в общем источнике — подобно ПВЛ или подобно НІЛ. Рассказу о двух завоевателях в тексте НІЛ последовательно соответствует двойственное число: «начаста. . ., налезоста. . ., пойдоста. . ., прийдоста. . ., узреста. . ., потаистася. . .». В ПВЛ ходит и действует один лишь Олег — соответственно двойственное число заменяется единственным: «поиде. . ., прииде. . ., уведа. . ., похоронив вои. . .». Однако, как это часто бывает при редактировании, в одном случае прежний вариант не сумели устранить: двойственное число сохранилось в ПВЛ в словах «прийдоста к горам х киевським». Очевидно, перед нами уже вторичная обработка текста Начального свода, переданного в первоначальном виде НІЛ.

Причины такой переделки текста Начального свода в ПВЛ становятся понятными, если учесть важнейшее отличие текста ПВЛ от НІЛ: в текст ПВЛ были вставлены договоры с греками, отсутствовавшие в Начальном своде (их вставной характер в ПВЛ признает теперь и А. Г. Кузьмин), и в частности договор Олега, свидетельствующий о его положении князя (а не воеводы при Игоре, как изображалось в Начальном своде). А. Г. Кузьмину кажется «нелогичным» то обстоятельство, что памятник XI в. (Начальный свод) оказывался в этом случае более далеким от документа, чем памятник XII в. (ПВЛ) (с. 328). Однако большая древность памятника далеко не всегда обеспечивает его большую точность и осведомленность

¹⁴ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, с. 8—9, 19—20, 23—24, 29—30, 32—33, 61—66.

¹⁵ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 20; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 107, 514; ср.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, с. 369.

автора. Мнение А. А. Шахматова, что в ПВЛ «превращение воеводы Олега в князя Олега вызвано отчасти влиянием этих договоров» (договора 911 г. и более краткой его версии, помещенной под 907 г.),¹⁶ конечно, предположительно, но предположение это, вопреки А. Г. Кузьмину, вполне логично. Действительные взаимоотношения между родоначальником киевской княжеской династии Игорем, вещим Олегом и легендарным Рюриком неизвестны, и уже в XI в. изложение этого сюжета основывалось на припоминаниях и подчинялось политическим тенденциям: известно было лишь, что Олег — не отец Игоря, и важно было подчеркнуть права Игоря и его потомков на престол. Летописец XI в., не знавший договоров X в., решил этот вопрос, назвав Олега воеводой, а составитель ПВЛ, имевший перед собой договоры, естественно, исправил по ним версию своего предшественника, вернув Олегу звание князя.¹⁷

Отвергнув шахматовскую схему истории древнейшего летописания, А. Г. Кузьмин не предложил удовлетворительного объяснения реальных соотношений между текстами, на которых эта схема основывалась. Что же касается собственных построений автора, то они представляют собой не гипотезы, а в сущности простые догадки.

Такой догадкой является, например, предположение о существовании «летописной традиции Десятинной церкви», отражающей «западное влияние». Мысль о существовании летописца Десятинной церкви как одного из источников древнейшего летописания уже высказывалась в научной литературе. Так, Л. В. Черепнин связывал предположение о летописании Десятинной церкви с шахматовской гипотезой о Древнейшем своде, имевшей серьезное текстологическое обоснование (хотя и не столь веское, как гипотеза о Начальном своде), — А. А. Шахматов предполагал, что Древнейший свод, предшествовавший Начальному, отразился в житийном памятнике — «Памяти и похвале» мниха Иакова. В отличие от А. А. Шахматова, относившего Древнейший свод к первой половине XI в., Черепнин датировал этот свод концом X в., считал местом его составления Десятинную церковь и полагал, что в основе его лежала какая-то старинная повесть о поляно-руси (со «славянофильскими» — западнославян-

¹⁶ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 397.

¹⁷ Мы не разбираем здесь всех остальных аргументов А. А. Шахматова в пользу отражения в НПЛ Начального свода. Важную роль в аргументации А. А. Шахматова играли его наблюдения над использованием в ПВЛ Хроники Амартола, цитат из которой нет в НПЛ, — в ней отразилась лишь особая хронографическая компиляция с особой хронологией (А. А. Шахматов. 1) Разыскания. . . , с. 394—395; 2) «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, с. 60, 72). А. Г. Кузьмин первоначально был склонен вообще отбрасывать эти наблюдения А. А. Шахматова, возводя хронологию начальной части НПЛ к Толковой палее и датируя ее временем не ранее XIII в. (А. Г. Кузьмин. Русские летописи. . . , с. 60—61). В последней книге автор признает, что источником НПЛ был особый Хронограф («Хронограф по великому изложению», по терминологии В. М. Истрина), но настаивает на том, что «тексты Хронографа и Хроники соединяются „чересполосно“ и что «разграничение материала между Хронографом и Хроникой не может быть произведено с абсолютной точностью» (с. 299—300; ср. с. 106—109). Но отношениям между ПВЛ, Начальным сводом, Хроникой Амартола и «Хронографом по великому изложению» были посвящены за последние годы специальные исследования О. В. Творогова, показавшего, что Начальный свод (судя по НПЛ) пользовался только «Хронографом по великому изложению» (текст которого в значительной степени восстанавливается по Троицкому хронографу), а ПВЛ пользовалась только Хроникой Амартола в дополнение к Начальному своду, и отметившего, что эти наблюдения подкрепляют гипотезу Шахматова о Начальном своде (О. В. Творогов. 1) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 99—113; 2) Повесть временных лет и Начальный свод. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 3—26). А. Г. Кузьмин исследование О. В. Творогова знает (ср. с. 280, 291), но не упоминает его выводы.

скими тенденциями), существование которой предполагал еще Н. К. Никольский.¹⁸ Предположение о летописи, составленной при Десятинной церкви, принял и Б. А. Рыбаков.¹⁹ С развернутыми возражениями против предположения о летописи Десятинной церкви выступил А. Н. Насонов. Исследователь прежде всего разграничил понятия летописного «свода», памятника, имеющего определенные жанровые черты, и отдельных летописных записей, которые действительно могли вестись и в Десятинной церкви в конце X в. Но отражение таких записей в летописании не дает «данных для предположения, что на исходе X в. при Десятинной церкви был составлен летописный „с в о д“». Древнейший свод А. Н. Насонов датировал, вслед за А. А. Шахматовым, серединой XI в., не связывая его с Десятинной церковью и не усматривал в нем специфических «славянофильских» тенденций.²⁰

Своеобразие догадки А. Г. Кузьмина о «летописной традиции Десятинной церкви» заключается в том, что традицию эту он связывает не с Древнейшим сводом и не с каким-либо конкретным этапом предьстории ПВЛ, а с некой неопределенной, но весьма продолжительной эпохой и с разнообразными тенденциями в киевском летописании. В ПВЛ неоднократно упоминается сын Ярослава Изяслав; некоторые из известий о нем имеют отрицательный, некоторые — положительный характер. Но Изяслав в ходе борьбы с братьями дважды бежал в Польшу, следовательно, он был связан с западными славянами. Похоронен он был, как и его дед Владимир, в Десятинной церкви, но институт церковной «десятины» (давший наименование этому храму) был менее характерен для восточной церкви, чем для западной. Кроме того, «в летописи есть ряд чтений, в которых может проявляться „западное“ влияние» (с. 211—212). К отражениям «летописной традиции Десятинной церкви» автор относит наряду с положительными упоминаниями об Изяславе и его потомках упоминания о мире между христианскими правителями, о царе Соломоне (как отличавшемся «миролюбием»), о Тмутаракани и т. д. Вся же в целом «традиция Десятинной церкви» длилась, согласно его построению, с конца X в. по крайней мере до 80-х гг. XI в., а возможно, и еще позже (с. 183—218).

Что можно сказать о такой аргументации? Если гипотеза о Начальном своде имела целью объяснить взаимоотношения между ПВЛ и НЛЛ, то предположение о летописи Десятинной церкви X—XI вв. ни на какие реальные текстологические наблюдения не опирается. Это просто догадка, основанная на произвольном выборе из ПВЛ группы известий, объединенных А. Г. Кузьминым и объявленных им частями не дошедшей до нас летописи Десятинной церкви. В основе догадки лежит не необходимость объяснить данные источников, а простое допущение о возможности факта: почему бы записям, ведшимся в Десятинной церкви в конце X в., не продолжаться и до конца XI в. и не составить особую «летописную традицию»? ²¹

Вот этот-то принцип «почему бы и нет?», а вовсе не прокламированные в начале книги «гносеологические» и «методологические» установки, лежит

¹⁸ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакция и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, т. 25. М., 1948, с. 332—333. Ср.: А. А. Шахматов. Разыскания. . . , с. 21—25, 398—420; Н. К. Никольский. Повесть временных лет, как источник для истории начальной письменности и культуры. — В кн.: Сборник по русскому языку и словесности, т. II, вып. 1. Л., 1930, с. 7—9, 31—83.

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 174, 189—192.

²⁰ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 22—34.

²¹ Ср.: А. Г. Кузьмин. Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI в. — ВИ, 1971, № 10, с. 57.

в основе конкретных построений А. Г. Кузьмина. Тот же принцип предопределяет и целую серию догадок автора о существовании разных годовых стилей (с. 226—247) и космических эр (с. 248—277) в Киевской Руси. Высказывая соответствующие догадки, А. Г. Кузьмин основывает их не на систематическом изучении хронологии древнейшего летописания (как это делал в свое время Н. Г. Бережков), а на допущении, что такой отсчет от разных эр и такие стили *могли* существовать в разных землях и общинах Киевской Руси одновременно.²²

На неаргументированных допущениях строятся и рассуждения А. Г. Кузьмина о начале новгородского летописания. Как и в других случаях, его взгляд противопоставляется здесь мнению о «последовательном развертывании материала в единственной летописной эстафете», якобы утвердившемуся в науке под влиянием А. А. Шахматова, и схемам, «которые ориентируются на летописание как на дерево с единственным стволом по крайней мере до XII столетия» (с. 364). Несостоятельность такого противопоставления видна хотя бы из того, что, говоря о новгородском летописании, А. Г. Кузьмин возвращается как раз к предположению А. А. Шахматова о Новгородском своде середины XI в. как об одном из источников Начального свода. Отвергнуто же это предположение было впервые не мифическими сторонниками «примата текстологии над историей», обличаемыми в книге, а М. Н. Тихомировым. М. Н. Тихомиров отметил, что новгородские известия, отразившиеся в ПВЛ, настолько немногочисленны, что едва ли в них можно видеть отражение Новгородского свода XI в.²³ Согласившись с М. Н. Тихомировым, Д. С. Лихачев высказал предположение, что новгородские известия ПВЛ (Начального свода) восходили не к письменному, а к устному источнику — рассказам новгородца Вышаты.²⁴ Но кроме древнейших новгородских известий ПВЛ А. А. Шахматов отметил существование целого комплекса древнейших новгородских известий в Софийской I (СИЛ) и Новгородской IV (НИВЛ) летописях. Известия эти восходили, очевидно, к общему протографу СИЛ и НИВЛ — «Новгородско-Софийскому своду» середины XV в.²⁵ Один из интереснейших памятников русского летописания, «Свод 1448 г.», или «Новгородско-Софийский свод», не раз привлекал внимание исследователей за последнее время; однако вопрос об источнике его древнейших новгородских известий ожидает специального исследования, для которого необходимо, конечно, изучение свода в целом (по СИЛ и НИВЛ), последовательное выделение и анализ уникальных новгородских известий его первой части. Если бы А. Г. Кузьмин предпринял исследование этих известий, он действительно мог бы сказать новое слово о начале новгородского летописания. Но он даже не попытался произвести подобную работу. «Летописным сводам XV—XVI вв.» посвящен в его книге краткий и совершенно несамостоятельный раздел, в котором бегло, без всякого анализа упоминаются «со-

²² Ср. об этом: Л. В. Черепнин. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах, с. 54; А. А. Зимин. О методике изучения древнерусского летописания, с. 461.

²³ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. 1. М., 1940, с. 55. А. Г. Кузьмин утверждает, что М. Н. Тихомиров «не имел определенной позиции в этом вопросе» (с. 163, примеч. 139), ссылаясь на второе издание книги М. Н. Тихомирова. Но во втором издании М. Н. Тихомиров только приводил мнение Б. А. Рыбакова, допуская «возможность составления летописей при дворах новгородских бояр и посадников»; упоминание это содержалось не в разделе, посвященном источникам ПВЛ, а уже в следующем разделе — «Летописные своды XII—XIII вв.» (М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, вып. I. М., 1962, с. 52).

²⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 88—89. Ср.: Д. С. Лихачев. «Устные летописи» в составе Повести временных лет. — ИЗ, т. 17. М., 1945, с. 201—224.

²⁵ Ср.: А. А. Шахматов. Разыскания. . ., с. 199—200, 213—231, 495—496.

фийско-новгородские летописи» (с. 111—113).²⁶ Приводя в заключительной части книги отдельные известия СЛ за XI в., А. Г. Кузьмин заявляет, что «первичность их может основываться лишь на внутренней логике и достоверности известия» (с. 364). Характер и форма этого летописания остаются в его построениях совершенно неясными: новгородские записи «на протяжении второго десятилетия до 60-х годов XI века», по его словам, «возможно, восходят к разным источникам. Одни из них могут быть светской хроникой (или повестью) княжения Ярослава. . . Другой возможный новгородский источник имел церковное происхождение» (с. 381). Выводы, противопоставляемые сторонникам «примата текстологии над историей», оказываются, таким образом, довольно неопределенными; при этом они не вытекают из анализа и необходимости объяснения данных источника, а строятся на догадках: «может быть», «возможно» и т. д.

Как же были связаны, согласно А. Г. Кузьмину, предположенные им «летописные традиции» Десятиной церкви, Новгорода и т. д. с Начальным сводом (если он существовал) и ПВЛ? Ответа на этот вопрос мы в книге не находим. Завершая свое сочинение, А. Г. Кузьмин пишет: «По традиции, идущей от А. А. Шахматова, исследования по истории летописания венчает генеалогическая таблица взаимоотношений сводов, а иногда и буквальная реконструкция текстов протографов. Схема, безусловно, помогает лучшему уяснению предлагаемой концепции. Тем не менее автор полагает целесообразным отступить от традиции». Такой «своеобразный вывод» автор объявляет результатом «оценки репрезентативности наличного материала» (с. 383). На первый взгляд такое заявление кажется странным: если у А. Г. Кузьмина оказалось достаточно «наличного материала» для написания целой монографии, то почему же его оказалось недостаточно для построения небольшой схемы, которая бы пояснила сделанные им выводы? Никак не помогают ответить на этот вопрос рассуждения автора о том, что существующие реконструкции и схемы предусматривают «два непеременимых условия: тексты не претерпевали существенных изменений на протяжении ряда столетий при составлении новых сводов и вращались в рамках *одной* традиции» (с. 384). Это утверждение просто неверно: как мы уже видели, А. А. Шахматов считал, что в основе древнейшего летописания лежали по крайней мере *две* традиции — киевская и новгородская (определяемая, однако, не как абстрактная «традиция», а как конкретный Новгородский свод середины XI в.). Это не мешало ему построить схему, ясно объясняющую его построение, и дать реконструкцию древнейших памятников, включая Новгородский свод 1050 г.²⁷

При изучении летописания более поздних веков исследователи также постоянно говорят о различных летописных традициях, но это не мешает им иллюстрировать свои выводы схемами.

Но в одном А. Г. Кузьмин все-таки прав: отсутствие какой-либо схемы действительно является «своеобразным выводом» из его книги. Когда исследователь имеет определенное мнение о происхождении исследуемых им текстов, о взаимоотношениях между ними, ему нетрудно выразить это мнение графически — как нетрудно человеку, имеющему представление о дороге, изобразить ее на простом чертеже. Но неопределенные предпо-

²⁶ К «Новгородско-Софийской группе», которая «отчетливо выделяется» среди летописей XV—XVI вв., автор почему-то относит Софийскую II летопись (СЛЛ), не имеющую ничего общего с СЛ и связанную с ней лишь названием, неудачно (по позднему Воскресенскому списку) данным СЛЛ археографами XIX в. (ср.: А. Н. Насонов. История русского летописания. . . , с. 370—371).

²⁷ А. А. Шахматов. Разыскания. . . , с. 536—537 (стемма), 539—629 (реконструкция Древнейшего Киевского и Новгородского сводов).

ложения, построенные на принципе «почему бы и нет?», не могут быть переданы ни в виде чертежа, ни в форме реконструкции. Изображать здесь в сущности нечего.

История и филология — не точные науки; гипотезы и гипотетические построения являются в них постоянными и неизбежными элементами. Но смешение гипотез с догадками, с рассуждениями, основанными не на необходимости объяснить эмпирический материал, а на простой возможности, опасно для науки. Совсем губительным станвится такой путь, когда он принимает наступательный, воинственный характер, когда его пытаются обосновать не имеющими отношения к спору ссылками на «философию», «гносеологию», «внеисточниковое знание» и т. п.

2

Статья В. А. Плугина «Нерешенные вопросы русского летописания XIV—XV веков», написанная как полемический ответ на мою книгу «Общерусские летописи XIV—XV вв.»,²⁸ по тону и характеру изложения выгодно отличается от работы А. Г. Кузьмина. В. А. Плагин серьезно стремится разобраться в построениях и аргументах, с которыми он спорит, не прибегает к произвольным перетолкованиям чужих взглядов и к наклеиванию на них одиозных ярлыков. Некоторые из критических замечаний В. А. Плугина могут быть приняты или, во всяком случае, требуют уточнения оспариваемых им положений.²⁹

В рамках настоящей работы нам хотелось бы, однако, затронуть не все вопросы, поднятые в статье В. А. Плугина, а лишь один из них, занимающий центральное место, — вопрос о материалах, которыми мы располагаем для реконструкции московского летописания XIV—начала XV в.

Конкретные памятники, непосредственно отражающие это летописание, немногочисленны. Единственным бесспорно московским сводом начала XV в., основанным на летописной традиции предшествующего столетия, была Троицкая летопись (далее: Тр), погибшая в 1812 г. и реконструированная М. Д. Приселковым по цитатам Карамзина, Симеоновской летописи (далее: Сим) и Рогожскому летописцу. Анализ этого текста Тр показывает, что московское летописание XIV в., отразившееся в ней, не отличалось богатством содержания (ряд сюжетов, переданных в тверском, псковском и новгородском летописании, здесь изложен весьма ла-

²⁸ В. А. П л у г и н. Нерешенные вопросы русского летописания XIV—XV веков. (К выходу в свет книги Я. С. Лурье «Общерусские летописи XIV—XV вв.»). — История СССР, 1978, № 4, с. 73—93 (далее ссылки на страницы этой статьи даются в тексте в скобках).

²⁹ Можно, например, согласиться с В. А. Плугиным, что определение «официальной» и «неофициальной» летописной традиции, данное в книге, недостаточно четко (с. 92). Обычно под «официальными сводами» в книге понимались своды великокняжеские, но иногда этот термин приходилось употреблять для того, чтобы разграничить «официальную» связь летописи с митрополией или монастырем и такие случаи, когда летописец выступал как независимый автор, за высказывания которого данный иерарх не нес ответственности. Некоторые возражения вызвало у В. А. Плугина и предположение, что общий протограф СИЛ и НИУЛ был сводом 30—40-х (а не 10—20-х гг.) XV в., конец которого был лишь частично сохранен в СИЛ младшего извода, а в остальных летописях отброшен, так как его «нейтральная» позиция уже никого не устраивала с середины XV в. Соглашаясь с важностью ряда аргументов в пользу такой датировки, В. А. Плагин спрашивает, почему именно текст после 1418 г. оказался неприемлемым для летописцев второй половины века (с. 89). Ответ на этот вопрос может быть, конечно, только предположительным, но сам В. А. Плагин (с. 90) вспоминает, что именно с 1419 г. начался конфликт между Василием I и его братьями из-за намерения великого князя передать престол сыну (а не одному из братьев, как указывалось в завещании Дмитрия Донского).

конично или совсем обойден). В самой Тр упоминается о существовании летописного памятника конца XIV в. — «Летописца великого русского», но каких-либо специфических следов этого памятника в летописании XV и XVI вв. мы не обнаруживаем. Во всяком случае, круг московских известий за XIV в. в летописях XV—XVI вв. не выходит за пределы материала, содержащегося в Тр.³⁰ Отсюда вытекает естественный вывод: Тр опиралась на то же московское летописание, которым располагал «Летописец великий русский», или же на самый этот «Летописец».

Не очень обширны и те данные, которые мы имеем для восстановления московского летописания первой четверти XV в. Основным источником для реконструкции этого летописания был для А. А. Шахматова уже упомянутый в этой статье «Свод 1448 г.», или «Новгородско-Софийский свод» — общий протограф двух широко распространенных летописей XV в. CI и NIV. «Новгородско-Софийский свод», по мнению А. А. Шахматова, опирался на два предшествующих летописных памятника — Новгородский свод начала 20-х гг. XV в. и общерусский «Владимирский полихрон» митрополита Фотия 1423 г. Независимым от «Свода 1448 г.» отражением того же «Владимирского полихрона» А. А. Шахматов считал Ермолинскую летопись (далее: Ерм) и Хронограф, который он датировал серединой XV в. Исследования, появившиеся после А. А. Шахматова, поставили под сомнение многие из этих положений. Ерм и Хронограф (датированный теперь концом XV—началом XVI в.) опирались не на «Полихрон», а на более позднее летописание, возникшее позже «Свода 1448 г.» и под его влиянием. По своим тенденциям «Свод 1448 г.», протограф CI I и NIV I, был не новгородским, как полагал А. А. Шахматов, а общерусским сводом (выражавшим позиции московских князей в их борьбе с Новгородом). Естественно, что он опирался на разнообразные источники. Предположение о «Владимирском полихроне» Фотия теряет, таким образом, свое основание.³¹

Все эти наблюдения ограничивают тот материал, которым мы располагаем при построении истории московского летописания. Однако это построение, основанное на реально имеющихся данных, вызывает возражения В. А. Плугина. Его смущает прежде всего неравномерность распределения московских сводов в предложенной мною схеме. До конца XIV в. — довольно бедное московское великокняжеское и митрополичье летописание, в конце века — «Летописец великий русский», в первой половине XV в. — Киприановский свод 1408 г. и «Свод 1448 г.», а с середины XV в., по ироническому замечанию В. А. Плугина, своды «как бы сыплются из рога изобилия» или растут «как грибы». «По нашему мнению, реальная картина была более сбалансированной», — пишет автор (с. 91, ср. с. 74).

Обосновывая иное представление о раннем московском летописании, В. А. Плагин ссылается на «общий культурный фон XIV—начала XV в.». Он упоминает об обширных строительных работах в Москве, ссылается на замечания Д. С. Лихачева о «возрождении всего политического и культурного наследия Владимира» в Москве XIV в. «Я. С. Лурье придерживается, по-видимому, иной концепции. . .», — с упреком замечает автор. Говоря о пробелах в московской книжности, он напоминает «о страшном

³⁰ См.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 120—122; Я. С. Лурье. 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 56—66; 2) О московском летописании конца XIV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. XI. Л., 1979, с. 3—20.

³¹ См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 133—150, 156—160; А. Н. Насонов. История русского летописания. . ., с. 260—274; Б. М. Кloss. О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 246—255; О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 200; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 70—71, 104—114.

уроце, нанесенном московской книжности нашествием Тохтамыша, когда доглы выгорел Кремль со всеми его литературными сокровищами» (с. 74—75).

Перед нами, как видим, опять аргументация, построенная на возможности определенных фактов. Что можно сказать о таких доводах? Конечно, подлинная история летописания XIV—XV вв. могла быть и, вероятно, действительно была сложнее и богаче, чем это представляется на основе сохранившихся памятников. Но исследователю все-таки приходится иметь дело с дошедшим до него фактическим материалом. Нельзя реконструировать историю летописания, исходя не из этого материала, а из «общего культурного фона» или из «концепции» — той или иной. В этом смысле сравнение с собиранием грибов, предложенное В. А. Плугиным, обращивается не в его пользу. В одних местах грибов много, в других — мало, и бесполезно выражать негодование по поводу такой «нелогичности» и «несбалансированности».

Какой же конкретный материал для пополнения имеющихся данных и создания более «сбалансированной картины» предлагает В. А. Плагин? Основным летописным источником, из которого он извлекает данные для реконструкции и «Летописца великого русского» конца XIV в. и «Полихрона Фотия» начала XV в., является Никоновская летопись (далее: Ник) XVI в.

Ник — едва ли не самый обширный из дошедших до нас летописных памятников (она занимает шесть огромных томов ПСРЛ) — постоянно привлекала внимание историков, но использование ее связано с многими затруднениями. Составленная в первоначальном виде в 20-е гг. XVI в. при прямом участии митрополита Даниила, иосифлянина, близкого к великому князю Василию III, и продолженная при Иване IV Ник служит для истории XVI в. ценным, хотя и весьма тенденциозным, источником.

Труднее определить ценность Ник как источника по истории предшествующих веков. В Ник при сравнении ее с другими, более ранними летописями неоднократно обнаруживаются дополнительные, иногда совершенно уникальные известия — начиная с IX в. и Киевской Руси и кончая XIV—XV вв. Какого же происхождения эти известия? Могли ли они восходить к древним, не дошедшим до нас памятникам? В некоторых случаях, вероятно, могли. Исследование Ник обнаруживает, что она использовала многие источники. Из летописей XVI в. на Ник оказала влияние Иоасафовская летопись, создававшаяся, по-видимому, в одной рукописной мастерской с Ник. Великокняжеское летописание XV в. (Московский свод 1479 г.) повлияло на Ник и через летопись начала XVI в. — Симеоновскую. Но Сим только в разделе за XV в. основана на великокняжеском летописании этого века; вплоть до конца XIV в. она содержит особую версию общерусского (вероятно, митрополичьего) летописания, которая отразилась и в Тр. Сходный текст, близкий к Тр, содержит и Ник. Отразилось в ней и тверское летописание XV в. Вместе с тем Ник связана и с Новгородской V (Новгородской Хронографической) летописью (НВЛ), в свою очередь опиравшейся на НВЛ и на неофициальное летописание 70-х гг. XV в.³² Именно сложнейший состав Ник дал М. Д. Приселкову основание заметить, что «Никоновская летопись, собравшая через многие своды свой огромный фонд известий, может помочь доказывать любую тему по реконструкции не дошедших до нас летописных сводов при непременно, конечно, условии оказавшейся здесь иной редакции изучаемого памятника, т. е. при наличии дополнительных известий и иной их передачи».³³ В. А. Плагин, охарактеризовавший это положение М. Д. Приселкова как

³² Ср.: Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

³³ М. Д. Приселков. История русского летописания. . . , с. 116.

«едкое замечание, брошенное. . . ученым» (с. 79), напрасно не принял во внимание его существа. Речь идет об очень опасном свойстве Ник: текст ее настолько сложен по характеру и происхождению, что его нельзя просто принимать или отвергать на основании общей вероятности и правдоподобия того или иного известия без анализа летописи в целом и сопоставления ее с параллельными памятниками.

Своеобразие известий Ник, не находящих соответствий в других сводах, далеко не всегда может объясняться использованием неизвестных нам ранних источников. Многие уникальные известия проникнуты общей тенденцией, явно указывающей на время создания летописи в целом: XVI век, эпоха Василия III—Ивана IV. Б. М. Клосс привел целый ряд примеров прямого отражения в Ник политических тенденций митрополита Даниила — редактора и составителя первоначальной редакции летописи (20-е гг. XVI в.). Политика Даниила — активного сторонника великокняжеской власти — отразилась в многочисленных добавлениях к рассказам о легендарном первом митрополите Михаиле (6496 г., 6498—6499 гг., 6500 г.); борьба Даниила с Максимом Греком, обвинявшим русских иерархов в самочинном разрыве с патриархом и в «стяжании сел», породила многочисленные указания Ник на то, что русские митрополиты — от Илариона до Ионы — ставились самостоятельно на основе патриаршей «грамоты» (6559 г.; ср. 6957 г.); рассказ о легендарных еретиках Адриане и Дмитре (6512 г. и 6631 г.) явно перекликался с известиями об осуждении Максима Грека. Наконец, внешняя политика Василия III — наступление на Казанское царство в 20-х гг. и переговоры с папой — получила отражение в уникальных известиях о походах на волжских болгар (еще при Кии) и о сношениях киевских князей с Римом (с IX по XIV в.).³⁴

Но дополнения в Ник объяснялись не только конкретными политическими задачами, стоявшими перед Даниилом. Позиция официальной церкви, связанной с московской самодержавной властью, сказывалась в последовательной обработке известий в соответствии с господствующей идеологией. Исходя из норм официального этикета XVI в., составитель Ник переделал упомянутый выше рассказ об убийстве Аскольда и Диры: согласно Ник, мнимый «гость» Олег передал Аскольду и Диру, что он «в болезни» и потому не может прийти, а между тем он привез «много великаго и драгаго бисера и всякаго узорочия» и хочет сообщить им нечто тайное. Только такие серьезные причины могли, с точки зрения составителя Ник, побудить князей отозваться на приглашение какого-то купца и влезть «в лодью» Олега.

Составитель Ник ставил перед собой и чисто литературную задачу — усиление яркости и занимательности изложения. В Ник читаются явно вымышленные сцены и фигурируют вымышленные персонажи. Так, Б. М. Клосс заметил, что в летописное повествование за различие века «введено немало новых лиц, но их имена подозрительно вращаются в основном вокруг имен Якова и Станислава, ср.: *Станислав* (IX, 177), *Иван Яковль* (IX, 222), *Яков Станиславич* (IX, 222)» и т. д.³⁵

Составитель летописи широко привлекал и свободно обрабатывал фольклорный материал: рассказывая о богатыре Александре (Алеше) Поповиче, он не затруднился растянуть его деятельность на два с половиной

³⁴ Ник издана: ПСРЛ, т. IX—XIV. СПб., 1862—1910 (фототипич. переиздание: М., 1965). (Далее в тексте ссылки на годовые статьи Ник). Ср.: Б. М. Клосс. 1) Митрополит Даниил и Никоновская летопись. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 188—201; 2) Никоновская летопись и Максим Грек. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 124—131; 3) Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв., с. 187—188.

³⁵ Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв., с. 188—189.

века (с начала XI до середины XIII в.), рассказал про Вадима Храброго, убитого Рюриком (6372), про разбойника Могуту (6516) и др. Дополняются рядом новых эпизодов и действующих лиц рассказы о битве на Липице (6724), нашествии Батыя (6745), о Михаиле-Митяе (6886) и т. д.³⁶ Став на путь последовательного расширения текста, составитель Ник обильно привлекал внелетописные материалы. Он вставил в летопись особую редакцию послания патриарха Луки Хрисоверга князю Андрею Боголюбскому (6668), дополнил Летописную повесть о Куликовской битве текстом отдельного Сказания о Мамаевом побоище (6889), включил (опять-таки в переработанном виде) Повесть о взятии Царьграда турками (6961). В числе других вставных памятников составитель Ник включил также житийные рассказы о митрополитах Петре (6834), Алексее (6886) и др.

Как же могут быть определены происхождение и историческая достоверность отдельных известий или вариантов известий Ник? Наиболее опасными представляются в этом случае ссылки на общую вероятность и историческое правдоподобие этих известий. Аргументируя таким образом, мы пойдем по пути догадок, по уже знакомому нам пути рассуждений типа: «Почему бы и нет?».

К сожалению, В. А. Плугин в своих ссылках на Ник обнаруживает склонность именно к такому методу рассуждений. Предполагая, что в Ник сохранились древние известия «Летописца великого русского», не попавшие в Тр, В. А. Плугин ссылается на известия Ник за 6852 (1344) и 6876 (1368) гг. и на рассказ этой летописи о нашествии Тохтамыша в 6890 (1382) г.

Но известие Ник за 6852 г. очень близко к известию Тр (в Ник оно заимствовано из близкой к Тр Симеоновской летописи). «Принципиальная разница» между Ник и Тр заключается, по словам В. А. Плугина, в том, что в Тр говорится, что мастера, расписывавшие церковь Михаила Архангела, не успели сделать это за одно «лето» «величества ради церкви тоя», а в Ник к словам «величества ради» добавлено: «и мелкаго писма». Указывая, что «либо Никоновская дополняет этой вставкой первоначальный текст, либо Троицкая, а вслед за ней большинство других летописей, сокращает и видоизменяет здесь текст древнего источника Никоновской», автор решает, что, «скорее всего, произошло именно последнее», ибо сообщение Ник, важное для великокняжеских сводчиков XII в., «по всей видимости, истинно» (с. 79). Но делать ссылку на «видимую истинность» доказательством раннего происхождения памятника, как мы уже отмечали, весьма опасно, а главное: почему даже вероятное объяснение, данное летописцем XVI в., могло быть извлечено только из конкретного летописного памятника конца XIV в., ускользнувшего от внимания сводчиков XV в.? Ведь летописец митрополита Даниила хорошо знал, сколько времени обычно нужно было мастерам для того, чтобы расписать собор (тот самый, кстати, Архангельский собор, который вновь строили и расписывали в начале XVI в.), и мог сам предложить достаточно убедительное объяснение, почему роспись собора в 1344 г. затянулась.³⁷

³⁶ См.: Я. С. Л у р ь е. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 110—112; J. L. F e n n e l l. The Tale of Baty's Invasion of North-East Rus' and its Reflexion in the Chronicles of the XIII-th—XV-th Centuries. — Russia Mediaevalis, t. III. München, 1977, p. 73—74. n. 4; Г. М. П р о х о р о в. Летописная повесть о Митяе. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 247—252.

³⁷ В примеч. 19 к с. 79 В. А. Плугин отмечает еще, что, перечисляя мастеров, работавших в 1344 г., Ник называет одно «лишнее» по сравнению с другими летописями имя — Дионисия. Откуда это имя (совпадающее, кстати, с именем крупнейшего русского иконописца конца XV в.) попало в Ник? Возможно, что в распоряжении составителя Ник были какие-то достоверные материалы о церковном строительстве преды-

Известие Ник за 6876 г. также весьма близко к известию Тр (Сим). В Тр здесь содержится запись, сравнивающая нашествие Ольгерда в 1388 г. с нашествием татарского темника Федорчука в 1327 г.: «А прежде толь велико зло Москве от Литвы не бывало в Руси, аще и от татар бывало. От Федорчуковы рати до Олгердовы лет 41».³⁸ Уже М. Д. Приселков обратил внимание на органическую связь между записью 6876 г. и содержащимся в той же Тр известием 6836 (1328) г. о том, что после похода Федорчука на Тверь и получения Иваном Калитой великокняжеского престола «бысть оттоле тишина великая на 40 лет». Очевидно, что оба текста принадлежали одному и тому же сводчику, писавшему уже после окончания «сорокалетней тишины» в 1368 г., и что этим сводчиком был не великокняжеский летописец (которому было бы едва ли удобно сравнивать поход Федорчука, в котором участвовал сам Иван Калита, с походом Ольгерда на Москву), а скорее митрополичий.³⁹ Чем же отличается в данном случае текст Ник от текста Тр? Ник приводит оба упомянутых известия — о «великой тишине», наступившей в 6836 г. «на 40 лет», и сравнение похода Ольгерда с походом Федорчука под 6876 г. Последнее известие лишь несколько отяжелено разъяснениями: «А прежде сего таково зло не бывало Москве от Литвы, аще и от татар много зла бывало, но от Литвы едино се зло сотворися, и то окаанно и всегубительно. От Федорчуковы рати до Олгердовы лет 41».⁴⁰ «Автор этого текста словно бы еще не знает о последующих литовских походах, что заставляет подозревать здесь современную событиям запись, оставшуюся забытой при позднейшем редактировании свода. Иначе говоря, мы выходим на московское летописание второй половины XIV в. . .», — заявляет по поводу приведенной цитаты из Ник В. А. Плугин (с. 77). Это предположение («словно бы...») вовсе не вытекает из текста. Составитель Ник так же не склонен в данном случае говорить о последующих литовских походах, как и автор Тр: он говорит о «зле», которое «прежде. . . бывало Москве», и именно рассматривая истекший период, летописец объявляет «се зло» от Литвы единственным. Подозревать в этих словах «современную событиям запись, оставшуюся забытой при позднейшем редактировании свода», нет оснований.

Еще менее убедительной представляется попытка обнаружить черты «Летописца великого русского» в рассказе Ник о нашествии Тохтамыша. Рассказ этот имеет в летописании историю, аналогичную истории двух других рассказов о Дмитрии Донском — Повести о Куликовской битве и

дущих веков, но материалы эти вовсе не должны были быть летописными — ведь Ник составлялась при дворе Даниила, где несомненно сохранялись документы митрополичьей кафедры.

³⁸ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 388.

³⁹ М. Д. Приселков. История русского летописания. . ., с. 136—138.

⁴⁰ ПСРЛ, т. X, с. 196; т. XI, с. 11. В примеч. 13 на с. 77 В. А. Плугин обратил внимание на то, что, реконструируя текст Тр за 6876 г., М. Д. Приселков (в своей книге «Троицкая летопись») добавил к цитате из Карамзина после слова «зло» слово «Москве», взяв его из Сим (и Рогожского летописца); во Владимирском летописце (которого М. Д. Приселков не знал) в соответствующем месте слова «Москве» нет. Это наблюдение В. А. Плугина интересно и заслуживает внимания. В основе Рогожского летописца и Сим лежала тверская редакция (1412 г.) Московского летописного свода конца XIV или начала XV в. (Тр); дополнить текст уточнением «зло Москве» было вполне естественно для тверского редактора (помнившего вдобавок, что разорение 1328 г. касалось Твери, а не Москвы). Но интересное наблюдение В. А. Плугина как раз противоречит его выводу: в Ник слово «Москве» есть, и, следовательно, текст ее надо возводить не к первоначальному тексту летописания XIV в., а к обычному источнику Ник — Симеоновской летописи. Вопреки В. А. Плугину (с. 77, примеч. 12) в Ник здесь читаются слова о Витовте — «тогда бо еще млад и неславен» (XI, 10), свидетельствующие о том, что в основе Ник лежит рассказ, составленный уже после того, как Витовт стал взрослым и «славным» князем.

Слову о житии Дмитрия. М. А. Салмина, убедительно показавшая первичность кратких известий о Куликовской битве и смерти Дмитрия Донского в Тр (Сим) и вторичность пространных повествований на эту тему, появившихся в «Своде 1448 г.» (НІVЛ и СІЛ) и в последующем летописании, установила, что история повести о Тохтамыше была сходной — в основе ее лежал краткий рассказ Тр, распространенный в «Своде 1448 г.»; дальнейшие версии (Московский свод 1479 г., Ерм) основывались на рассказе «Свода 1448 г.». Статья М. А. Салминой была опубликована в 1979 г.; мы можем поэтому не разбирать этого вопроса подробно, отослав читателя к работе М. А. Салминой.⁴¹

В данном случае нас занимает один вопрос: о соотношении рассказов о Тохтамыше в Тр и Ник. К сожалению, конкретно о Ник В. А. Плугин почти ничего не говорит, объединяя ее вместе с Ерм, СІЛ—НІVЛ и Московским сводом в число летописей, которые «исторически вернее передают существо происходящих событий» 1382 г., между тем как рассказ Тр «не соответствует действительности», «нереален», и в нем «вряд ли есть и сотая доля правды». «Несоответствие действительности» и, следовательно, вторичное происхождение рассказа Тр В. А. Плугин доказывает, ссылаясь на слова этой летописи, будто Дмитрий Донской, услышав о нашествии Тохтамыша, «не ста на бой, ни противу его поднял руки, противу царя Тохтамышя. . .». Напротив, в пространной версии защитники города обороняются с надеждой на успех: «. . . не устрашаемся поганых татар нахождения, селик тверд град имуще», и это доказывает первоначальность пространной редакции рассказа о Тохтамыше, отразившейся, в частности, в Ник (с. 83—84).

Мы уже отмечали опасность такого рода установления «исторической правды» а priori — так, как будто факты истории известны нам не из источников, а помимо их. Кроме того, в данном случае автор явно смешивает первоначальность рассказа с его достоверностью, между тем ранний летописный рассказ, связанный с Киприаном (поссорившимся с Дмитрием и изгнанным именно из-за своего поведения во время нашествия Тохтамыша), вовсе не должен был быть объективным и достоверным. Но наиболее неубедительна в данном случае ссылка на Ник, в которой В. А. Плугин ищет отражения «Летописца великого русского». Ник (следовавшая здесь за Сим) как раз сохранила в рассказе о Тохтамыше слова (о Дмитрии): «. . . не ста на бой противу царя, не поднял противу его руки, и в ней обнаруживается то же противоречие, которое В. А. Плугин усматривает в Тр: вначале Дмитрий не решается стать «противу царя», а потом Тохтамыш, узнав, что Дмитрий собрал войска в Костроме, а Владимир Андреевич на Волоке, «поблюдается» и отходит от уже разоренной Москвы. Слова же москвичей о том, что они «не устрашаются» татар, даны в Ник, как и в «Своде 1448 г.» и в последующих летописях, с осуждением, как бахвальство людей, которые «упивахуся до пиана и шетающесе пьяни».⁴² Таким образом, видеть в этих текстах Ник отражение рассказа «Летописца великого русского», предшествующего рассказу Тр, у нас нет никаких оснований.

В доказательство существования свода 1418—1423 гг., «Полихрона Фотия», В. А. Плугин приводит два свидетельства Ник — рассказ 6919 г.

⁴¹ М. А. Салмина. Повесть о нашествии Тохтамыша. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 143—151. К аналогичному выводу пришел и В. П. Гребенюк (Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы первой половины XV в. — В кн.: Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980, с. 54—62), не принявший, к сожалению, во внимание исследование М. А. Салминой.

⁴² ПСРЛ, т. XI, с. 72, 73, 77 (левая колонка; в правой колонке — известия более позднего Лицевого свода).

о нападении Талыча на Владимир и сообщение 6922 (1414) г. о попытке оклеветать митрополита Фотия (с. 89—90). Рассказ 6919 г. в Ник мало оригинален: он воспроизводит рассказ (за 6918 г. — дата Ник ошибочна) одного из ее основных источников — Симеоновской летописи (в свою очередь отражающей в этой части московское великокняжеское летописание второй половины XV в.).⁴³ Отличие Ник заключается лишь в попытках связать этот рассказ с обширным повествованием о митрополите Фотии, которое вставлено в Ник (переменяясь с известиями ее основных источников — Сим и НВЛ) начиная с 6918 (1410) г. и до 6939 (1430) г.⁴⁴ Вставной характер известий о Фотии под 6919 г. (как и под другими годами) легко обнаруживается из сравнения этой годовой статьи в Сим и Ник. В Сим, как и во всех летописях второй половины XV—начала XVI в., рассказ «О пленении Володимеря» вполне последователен. Он начинается словами: «Того же лета князь Данило Борисовичь Нижнего Новгорода приведе к себе царевича Талычу и посла с ним изгоном к Володимерю; далее говорится о неподготовленности города к нападению: «...людем в полдень спящем, а града тогда не было, а наместника Юрья Васильевича Щоки не было ж в граде. Они же, окаяннии, и первое за Клязмою стадо градское взяша. . .». В Ник рассказ начинается с упоминания о Фотии: «Того же лета пресвященный Фотий. . . поиде с Москвы в Володимерь, и тамо ему пребывшу неколико дний и не слышавшу ничто же. . ., понеже время бысть тогда тихо и мирно», — и к этой фразе присоединяется сходный с Сим текст о нападении нижегородского князя и татар: «И се князь Данило Борисовичь Нижняго Новгорода, укрьвся тайно от всех, приведе к себе царевича Талыча и посла к ним. . .». После упоминания об отсутствии наместника Щеки в городе Ник возвращается к Фотию и его благополучному отбытию из Владимира в «волость в Сенег» и далее снова повторяет начало рассказа о нападении Талыча, но уже как сообщение, полученное Фотием: «. . .се прииде ратью в Володимерь царевичь Талычь. . .». После сообщения о Фотии в Ник продолжается прерванный рассказ Сим: «. . .и стадо градское взяша и посады взяша. . .». Весь дальнейший рассказ Ник о нашествиях соответствует рассказу Сим с минимальными добавлениями (в Ник указано в отличие от других летописей, что ключарь Патрикий, замученный захватчиками в Успенском соборе, был «родом гречин, иже прииде с Фотеем из грек. . .»); закончив этот рассказ, Ник опять возвращается к Фотию. Искусственный характер получившегося «монтажа» различных источников очевиден; никаких черт первичности текст Ник не имеет. «Разве не современник рассказал о нападении на Владимир 3 июля 1410 г. . .?», — спрашивает В. А. Плугин и ссылается на упомянутое выше сообщение о всеобщем полуденном сне в городе и на слова из рассказа: «Глаголаху же, иже тогда в пленении том бывшем и потом избежаша» (с. 89). Но известие о том, что все в городе спали, и ссылка на показания пленных — не специфические известия Ник: они читаются в Сим и других летописях (Ник добавила только слова «и потом избежаша» — простое разъяснение ссылки на рассказы пленных).

Дополнения из внелетописных памятников вообще характерны для Ник — свода митрополита Даниила. Здесь, как мы уже указывали, были помещены житийные рассказы и о других московских митрополитах — Петре и Алексее. Рассказы Ник о Фотии имеют характер таких же житийных вставок. Таков, в частности, рассказ 6922 г. о попытке оклеветать

⁴³ ПСРЛ, т. XI, с. 215—216; т. XVIII. СПб., 1913, с. 160. Ср.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 129, 137—138.

⁴⁴ ПСРЛ, т. XI, годы: 6918 (с. 212—214), 6919 (с. 215—217), 6921 (с. 219), 6922 (с. 223—225), 6924 (с. 226—230), 6927 (с. 235); т. XII, г. 6939 (с. 10—15).

Фотия — с подобающим житию упоминанием об огне, чудесно испечелившем одного из клеветников («того же лета погоре град Москва, и на Саву Авраимиева, иже от оных клеветников, еже клеветаша на Фотея митрополита, огонь, яко облак, преклонися от горницы Фотеевы и снеде его жива»), и раскаянии другого.⁴⁵

Вопрос о времени и обстоятельствах создания житийного рассказа о Фотии, который помещен в Ник, требует специального исследования.⁴⁶ Но никак нельзя возводить этот рассказ Ник к «Полихрону Фотия» 1418—1423 гг., хотя бы уже потому, что в самой летописи он выходит далеко за рамки этих лет, продолжаясь (при совершенно однотипном характере повествования) до 1430 г. — времени смерти Фотия.

Приведенные известия, таким образом, не могут рассматриваться как свидетельства отражения в Ник летописных сводов конца XIV—начала XV в. — «Летописца великого русского» и «Полихрона Фотия». Но существуют ли более надежные пути извлечения из Ник фрагментов более раннего летописания? Ведь Ник, как мы уже отмечали, действительно включила в свой огромный фонд известия более ранних сводов. Как же обнаружить такие известия?

Непременным условием определения источников Ник (как и любого другого летописного свода) является комплексность ее изучения: речь идет как о необходимости предварительного исследования летописи в целом, так и об учете всей связанной с нею летописной традиции. Говоря об известиях Ник о древнейших веках русской истории, Л. В. Черепнин справедливо указывал, что «пока не будет проведено текстологическое изучение Никоновской летописи в связи с предшествующим ей летописанием, мы не можем сказать, какого происхождения — раннекиевского или позднемосковского — эти известия.⁴⁷ Свод, привлекаемый к исследованию, должен быть подвергнут операции, которую можно определить как «расписывание» всего его текста по параллельным летописным источникам. Обращаясь к томам ПСРЛ, бывшим в свое время в распоряжении А. А. Шахматова, мы обнаруживаем, что поля их покрыты карандашными пометами: это указания на сходные тексты других летописей.⁴⁸ Так же «расписывали» изучаемые ими летописные памятники М. Д. Приселков и А. Н. Насонов. Автору настоящей статьи при исследовании общерусского летописания XIV—XV вв. пришлось предварительно «расписать» изучаемые своды — и не только такие летописи XV в., как Тр (реконструкцию М. Д. Приселкова), СЛ, НЛ, Ерм и др., но и летописи XVI в., привлеченные для восстановления более ранних сводов, — Сим, Владимирский летописец, Тверской сборник, Типографскую, СЛ и многие

⁴⁵ ПСРЛ, т. XI, с. 224. В. А. Плугин указывает, что о современности записей Ник о Фотии 6922 г. говорит помещенное в ней сообщение о солнечном затмении в пятницу 7 июня. Он отмечает, что датировка этого затмения ошибочна, так как затмение имело место в 6923 г., но прибавляет, что «вывода о современности записи это не колеблет» (с. 90, примеч. 51). Но известие о затмении 7 июня в пятницу взято в Ник из Сим, где как раз год дан правильно — 6923 (ПСРЛ, т. XVIII, с. 162; то же известие 6923 г. без дня недели в СЛ, НЛ, Никаноровской и других летописях XV в.). Таким образом, это известие свидетельствует как раз не о современности, а о вторичности записи о Фотии в Ник.

⁴⁶ Специально Фотию посвящено «Сказание о Фотеи. . .» в составе Степенной книги, где даны подряд все известия о нем из Ник (в сочетании с известиями о нашествии Талыча и др.); выше читается и ссылка на «житие Фотия митрополита» (ПСРЛ, т. XXI, 2-я половина. СПб., 1913, с. 453, 475—488). Но Степенная книга — памятник более поздний, чем Ник, и испытывавший ее влияние.

⁴⁷ Л. В. Черепнин. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах, с. 58.

⁴⁸ Ср., например, экземпляр ПСРЛ, т. V (Софийская Л) в библиотеке Рукописного отдела БАН, № 13925/13926 с пометами А. А. Шахматова.

другие летописи.⁴⁹ Такого же «расписывания» требуют и все остальные летописи XVI в.; по отношению к Ник эта работа в настоящее время выполнена Б. М. Клоссом.⁵⁰

Сплошное «расписывание» текста летописи дает возможность наглядно представить, какие его части совпадают с ранними сводами — полностью или с отличиями — и какие представляют собой «белые пятна» — восходят к неизвестным источникам или к творчеству самого летописца. Для определения происхождения «белых пятен» необходимо учитывать их расположение в летописи и характер. Если мы предполагаем, что поздняя летопись использовала какой-то ранний источник, то источник этот, очевидно, должен быть связан с определенным временем и местом. В Ник, например, заимствования из тверского источника обнаруживаются в разделе за XIV в. (ибо источник этот был сводом конца XIV—начала XV в.) и имеют специфически тверской характер. В тех же случаях, когда уникальные известия, имеющие сходное содержание и тенденции, оказываются разбросанными по всему своду в целом — от древнейших времен до XVI в. (подобные примеры мы также уже встречали в тексте Ник), приходится предполагать их авторское или редакторское происхождение, связанное с задачами сводчика-публициста.

Исследователями летописания не только «расписаны» многие летописные тексты. Трудami А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова и других ученых накоплен огромный материал, свидетельствующий о взаимных отношениях между известными нам летописными сводами. Определения гипотетических сводов, данные этими учеными, могут оспариваться, но самые соотношения сводов, установленные ими (скажем, зависимость от общих источников ПВЛ и начальной части НЛ, Лаврентьевской и Тр, СЛ и НЛ), являются реальными и важными фактами. Значение этой работы иногда недооценивается историками, пишущими о летописании. В своей статье В. А. Плугин выразил, например, удивление по поводу того, что автор этих строк, выясняя происхождение летописных известий о Тохтамыше в Ерм, основывался «на соображениях о генеалогии сводов». В Ерм говорится, что во время нашествия Тохтамыша кремлевские стены были еще низкими («граду тому ниску сущу»); это едва ли не единственное добавление Ерм к рассказу о Тохтамыше, в остальном представляющему сокращенную версию рассказа, читающе-

⁴⁹ В связи с этим я не могу принять упреки В. А. Плугина, что высказанная во введении мысль о необходимости привлечения летописей XV—XVI вв. для изучения летописания XIV в. «не была реализована в монографии» (с. 90, примеч. 52).

⁵⁰ Б. М. К л о с с. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. Совершенно аналогичная задача стоит и перед исследователем, стремящимся привлечь в качестве источника «татищевские известия», т. е. сведения из «Истории Российской» В. Н. Татищева, неизвестные нам по другим источникам. В поисках фрагментов летописания XIV в. В. А. Плугин постоянно обращается наряду с Ник к «татищевским известиям» (с. 77, примеч. 12, с. 80—81, 84—85, 89—90). Но сложность использования «татищевских известий» признал в последнее время даже такой обличитель «скептицизма», как А. Г. Кузьмин. «В каждой погодной статье у историка соединяются и древние и поздние тексты, а также, возможно, собственные редакционные пояснения или сведения „снискательные о истории“ людей. Трудность их размежевания побуждает воздерживаться от широкого использования „татищевских известий“. . .», — пишет он, повторяя с минимальными отличиями взгляды авторов, которых двумя страницами выше он обвинял в «формально-текстологическом подходе» (А. Г. К у з ь м и н. Начальные этапы древнерусского летописания, с. 130—131; ср. с. 127—129). Для того чтобы поставить вопрос о «татищевских известиях» на научную почву, нужно «расписать» весь текст Татищева по источникам, которые названы самим историком и определены лишь частично, главным образом трудами С. Л. Пештича (С. Л. П е ш т и ч. Русская историография XVIII в., ч. I. Л., 1961, с. 251—260); после такого «расписывания» можно будет проанализировать характер уникальных известий Татищева — в 1-й и 2-й редакциях «Истории».

гося в Московском своде 1479 г.; в свою очередь рассказ Московского свода и Ерм восходит к рассказу СІЛ—НІVЛ («Свода 1448 г.»), где упоминания о недостаточной высоте стен в 1382 г. нет. Это обстоятельство и побудило меня прийти к заключению о вторичности слов о низких стенах в Ерм и связать слова летописи с перестройкой кремлевских стен в последней трети века, когда составлялась летопись.⁵¹ В. А. Плугину такая опора на летописную генеалогию показалась странной: «...зачем же вообще анализировать Повесть, если сложившиеся взгляды на соотношение летописных сводов уже определяют нашу интерпретацию сообщаемых в ней фактов?» (с. 82). Но «сложившиеся взгляды» в данном случае не являются некоей общей концепцией, намечающей ход развития истории и дающей основания догадываться, как и какие события *могли* происходить. Речь идет совсем об ином. А. Н. Насонов привел множество примеров того, что Ерм содержит тот же специфический текст, что и Московский свод, но с сокращениями.⁵² Сотнями примеров можно подтвердить и зависимость сходного текста Московского свода и Ерм от «Свода 1448 г.». Единичное наблюдение противоречит этому множеству наблюдений. Значит ли это, что такое единичное наблюдение можно игнорировать? Ни в коем случае: если бы соответствующий пример был «необратимым», если бы данное добавление Ерм бесспорно свидетельствовало об использовании ею особого, независимого, источника, то установленную уже летописную генеалогию надо было бы пересмотреть или, во всяком случае, дополнить. Но для того чтобы сказать, что Кремль в 1382 г. был еще относительно «низким», не нужно было сто лет спустя специально обращаться к особому летописному источнику. Учтем, что В. Д. Ермолин, строительную деятельность которого увековечивает Ерм, сам принимал участие в «поновлении» кремлевской «городной стены».⁵³ Из двух возможностей — извлечение данного дополнения из древнего свода или написание его летописцем Ермолина по смыслу и по памяти — исследователь вправе поэтому признать более вероятной вторую.

Мы опять, таким образом, возвращаемся к поставленной в начале этой статьи проблеме — о возможности и необходимости при исследовании летописей. Обильные наблюдения над соотношениями между летописными текстами, накопившиеся в нашей науке,⁵⁴ служат основой для построения гипотез о летописных сводах XI—XVI вв. и их генеалогии. Предложенные

⁵¹ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 128. См.: Я. С. Л у р ь е. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 176, примеч. 27; ср.: В. П. Г р е б е н ю к. Борьба с ордынскими завоевателями. . . , с. 60.

⁵² А. Н. Н а с о н о в. История русского летописания. . . , с. 263—268.

⁵³ ПСРЛ, т. XXIII, с. 157.

⁵⁴ Весьма сложной представляется, однако, задача фиксации этих наблюдений и их наиболее наглядного сообщения читателям. А. А. Шахматов, не стесненный обычно объемом своих научных публикаций, приводил чаще всего материал сравнения исследуемых летописей в тексте статей с обширными цитатами. Но даже такой наиболее развернутый способ не устранял возникших трудностей: читать такие страницы сравнений очень трудно; для того чтобы понять и оценить соотношение между текстами, нужно все-таки иметь перед собой сравниваемые памятники. Кроме того, опубликовать все сделанные им сопоставления А. А. Шахматов так и не успел: часть из них осталась в рукописях (например, сравнения текста ПВЛ в большинстве летописей XV—XVI вв. — в рукописи глав VI—XXVI «Обозрения русских летописных сводов») или на полях изданий. А. Н. Насонов также предпочитал давать сравнения в тексте, но иногда был вынужден ограничиваться лишь частью примеров (ср., например: А. Н. Н а с о н о в. История русского летописания. . . , с. 206—267, 288). В работах, вышедших за последние годы, в частности в моей книге, материал сравнений перенесен в подстрочный аппарат и дан в виде ссылок на сравниваемые годовые статьи (даты от С. М.) с указанием в необходимых случаях содержания и границ сравниваемых фрагментов; читатель, которого интересует обоснование выводов, сделанных в исследовании, может их в каждом случае проверить, обратившись к соответствующим тек-

схемы могут быть изменены и в ряде случаев даже требуют изменений. Но построение новых схем должно быть основано на реальном материале летописных источников — гипотеза имеет право на существование лишь в том случае, если она необходима. Предположения же о том, какие своды и когда именно *могли* возникать, в лучшем случае служат дополнениями к гипотезам (скажем, при определении или датировке гипотетических протографов реально дошедших летописей). Вопрос: «Почему бы и нет?» сам по себе не имеет доказательного значения; возможность не есть еще научная необходимость.

стам. Несовершенство всех этих методов передачи материалов исследования очевидно, но предложить более совершенный метод пока трудно. Наиболее плодотворны были бы указания на параллельные тексты более ранних сводов в будущих научных изданиях самих летописных памятников — так, как это издавна делается в библейских изданиях.

В. В. КОЛЕСОВ

К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского

В изучении Слов Кирилла Туровского особое внимание всегда уделялось стилистическим аспектам текста, связывающим их с другими произведениями XII в. «В рамках Слова чередуются тирады, в рамках тирады — предложения, в рамках предложения нередко — созвучные окончания»¹ — таковы макро- и микромиры художественной ткани этих Слов. Чтобы показать особенности филигранной работы писателя над словом, дальнейшие исследования должны коснуться собственно лингвистической характеристики древних текстов. Хотя теперь это почти неосуществимо в полном объеме, поскольку за восемь веков изменились и образное видение мира, и типы словесных связей, и значения многих слов, однако на широком фоне других произведений словесности и притом в исторической перспективе оказывается возможной (пока предварительная) расшифровка индивидуальных особенностей поэтического стиля Кирилла Туровского.

Начнем с самого внешнего сопоставления. Григорий Богослов, говоря о распространении христианского учения, ограничивался широким сопоставлением с сельскими работами, фактически не упоминая о самом христианстве. Слушатель или читатель как бы домысливают за него, все время проводя развернутую параллель между проповедью нового учения и обработкой пашни. Кирилл ту же линию (фактически повторяя свой образец) ведет как бы в двух измерениях, передавая подтекст словесно, хотя и с одним необходимым ограничением, ср.:²

Григорий Богослов

Нынѣ же ратай рало погружаетъ горѣ зря и плододателя призываетъ и подъ яремъ вѣдетъ вола орачь и прочертаетъ сладкую бразду и надеждами веселиться.

Кирилл Туровский

Нынѣ ратай слова словесная уньца къ духовному ярму проводяще и крестьяно е рало въ мысленехъ браздахъ погружающе и бразду покаяннѣя прочертающе. . . надеждами будущихъ благъ веселится.

Приведенные отрывки показывают, чем Слово Кирилла отличается от его оригинала. Повествование, простое и четкое, выраженное именем и глаголом, идет своим чередом и полностью соответствует своему образцу. Такова канва, за пределы которой, кажется, трудно выйти. Однако в то же время и наряду с этим в повествование вплетается также словесно выражен-

¹ И. П. Еремич. Литература Древней Руси. М.—Л., 1966, с. 134—135.

² Все цитаты из произведений Кирилла Туровского и сопоставлений с ними в настоящей статье даны по изданию: Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858.

ный, но ненавязчиво поданный подтекст, ради которого и сказана проповедь. Он передается с помощью определения, представленного главным образом прилагательным; прилагательное же, являясь именем, в языке XII в. воспринималось как второстепенное имя, назначение которого не называть предмет прямо, а указывать на него косвенно, через свойство или качество, которое в каждом случае может быть индивидуальным, окказиональным, в разной степени выразительным. Особое пристрастие Кирилла к прилагательному, вообще к определению, по-видимому, объясняется возможностью создания полутонов и второстепенного плана, не выходя за пределы наличных грамматических средств и вместе с тем оставаясь понятным слушателю. Не случайно также особое внимание к определению со стороны других писателей средневековья, которые выделяются своим индивидуальным стилем. Вплоть до XVII в. история поисков поэтических средств выражения — это история разработки о п р е д е л е н и я. Именно в этом книжники видели отличие своих произведений от поэтических текстов народного происхождения, в которых опорным словом был глагол, а подтекст исключался.

Возвращаясь к приведенному тексту, отметим еще одну особенность стиля Кирилла. Он избегает сложных, искусственных по своему образованию слов (*плододателя*), предпочитая сочетание слов, а кроме того, устраняет ненужную дублетность (*ратай — орачь*). Вместе с тем в его тексте присутствует лексика условно литературного канона. Из двух возможных вариантов *иго — яремъ* и *волъ — унецъ* Кирилл в обоих случаях выбирает второй, хотя он не всегда соответствует разговорному языку его времени (*яремъ* и *унецъ*); общее орфоэпическое построение текста также возвышенно поэтично (неполногласие, искусственные для русского языка причастия на *-ащ-*, *-ущ-*).

И многие другие сопоставления такого же рода показывают нам, что новаторство Кирилла, стяжавшее ему славу златоуста, лежит в сфере формы. Когда, сравнивая Кирилла с Иларионом и Феодосием Печерским, говорят, что «Кирилл Туровский соединил в своих Словах витиеватость первого с простотой и силой убедительности второго»,³ имеют в виду, с одной стороны, строгое следование оригиналу с минимальным его комментированием, а с другой — пышный всплеск формы, максимально индивидуальной и ни с чем не сравнимой. И Феодосий, и Иларион творили в эпоху поиска формы для выражения поэтической мысли; в XII в. казалось бы несоединимые стихии трезвой рассудочности и неукротимой эмоциональности создали чеканный сплав прозы Кирилла.

Но когда мы задумываемся над тем, в чем первоисточник художественности Кирилла, мы сразу же сталкиваемся с его языком и стилем. Художественное открытие Кирилла и заключается в самом раннем в истории русского литературного языка и весьма последовательном сближении двух языковых стихий — церковнославянской и русской, в чрезвычайно тонком понимании их специфики и пределов использования в художественной речи. Практически в XII в. для древнерусской литературы Кирилл сделал то, что заботило русских писателей вплоть до Пушкина: каждый из них искал и находил единственно возможное для его времени, для его жанра и для его идеи соединение высокой славянищины и народного слова. Определив это, мы и приходим к выводу, что проблема творчества Кирилла Туровского — проблема по преимуществу лингвистическая. Речь идет не о простой расшифровке стилистической системы Кирилла, не о переводе его текстов на современный язык (чего они действительно требуют); сле-

³ П. В. Владимиров. Древнерусская литература Киевского периода. Киев, 1900, с. 156.

дует понять смысл творческой разработки русского литературного языка XII в. и найти ее отражение в индивидуальном тексте Кирилла. Попробуем показать это на нескольких примерах, по необходимости текстуально ограниченных, но тем не менее выразительных.

Первая особенность стиля Кирилла касается использования отдельных слов, хорошо известных русским читателям и слушателям в XII в. Вот три слова, почти синонимы, попавшие в литературный язык из народного русского или из церковнославянского языка: *жизнь*, *живот*, *житье* (в переводных текстах встречается еще и *жить*, не вошедшее в русский литературный канон и потому не участвовавшее в драматической борьбе за сферы семантического влияния). В русских текстах XI и XII вв. они предстают в неопределенном употреблении, часто смешиваются друг с другом, особенно в переводных текстах (см. Изборники 1073 и 1076 гг.), и фактически являются дублетами без определенной дифференциации в значении и употреблении. У Кирилла эти слова дают строгую иерархию, образуя семантическую перспективу, каждое из них включает только в свой контекст и тем самым получает только свое значение. *Живот* — это вечная жизнь духа, *житье* — это бренное существование тела. Такой дуализм наблюдается во всех контекстах, давая сочетания слов: *живот* — *вечный*, *бесконечный*, *будущий*, *райский*; наоборот, *житье* — *мирское*, это бытие телесное, которое иногда, в ряде контекстов, уточняется как определенная форма существования, например *келейное*, *иноческое*, *мирское*, *мнишское* и т. д. и т. п. *житье*. Поэтому, когда речь заходит о *животворном* (*духе*, *древе* и т. д.), Кирилл употребляет слово *животный*, а не *житийский*. Третье слово данного ряда как бы покрывает своим значением два предыдущих: слово *жизнь* возможно в сочетании и с прилагательным *вѣчная*, но это также и *сия жизнь*, т. е. жизнь на земле. Тем не менее благодаря совмещенности и тем самым многозначности слова *жизнь* общий смысл слова не связан с бренным существованием тела; общее значение слова во всех представленных Кириллом текстах — 'дух в теле' одухотворенное тело, человеческое тело. Перед нами своеобразный семантический синтез слов *живот* и *житье*, который, по-видимому, и сохранил нам в качестве литературного именно этот вариант данного синонимического ряда.

Кроме Кирилла, никто из писателей XII в. не представляет такого соотношения данных слов столь ясно и четко. В церковнославянских текстах они также выступают в роли механических дублетов, не имеющих каких-либо семантических или хотя бы контекстуальных различий. Индивидуальное использование Кириллом данного ряда слов подтверждается не только сравнением его словоупотребления с современным литературным языком, но и сопоставлением с некоторыми текстами XI в. Так, в «Слове о законе и благодати» Илариона *жизнь* — вечная жизнь духа (сочетания с *вечная*, *нетленная*, *будущая* и т. д.), а *живот*, напротив, — земная жизнь тела (в том числе и жизнь Иисуса). Поэтому у него и *путь животный*, и *книги животные* (а не *жизненные*). Третье слово он употребляет только дважды, оба раза в значении 'форма существования' (*поучиноу жития прѣлоути*, *злаго ради жития*, ср. еще *житийския печали*). Подобное соотношение слов *живот* — *жизнь* больше соответствует позднейшим изменениям в русском языке, что подтверждается и характерными сочетаниями производных прилагательных, ср.: *животный порыв*, *животное* (характеристика плоти), но *жизненная идея*, *жизнетворный* и др. (характеристика духа), но не наоборот. У Феодосия также *житье* и *живот* — дублеты, одинаково означающие телесную, земную жизнь и одинаково противопоставленные *жизни вѣчнѣи*. В тексте Илариона точнее отражено общерусское соотношение слов, позже ставшее литературным;

дублетность слов *житье* и *живот* указывает на то, что одно из этих слов в XI в. было заимствованным из древнеславянского литературного языка. Кирилл неожиданно нарушает, казалось бы, устоявшееся соотношение, противопоставляя *живот житью* и синтезируя их в одном, общего значения, — *жизнь*. С одной стороны, такое распределение лежит в русле всех прочих попыток Кирилла строить текст своеобразными триадами, с другой — перед нами творческая попытка пойти дальше предшественников, расколоть остававшуюся дублетность слов *житье* и *живот*, используя их в своих художественных целях.

Особенность словесного искусства Кирилла вообще заключается в характерном для него попарном противопоставлении однозначных слов. С одним связывается материальное, земное, с другим — духовное, небесное. Во многих отношениях подобные противопоставления обусловлены своеобразными дублетами для выражения одного и того же понятия. Однако в некоторых случаях такое толкование было бы слишком прямолинейным, например в отношении к паре *благъ — добръ*. *Добръ* всегда употребляется в сочетании со словами типа *тело, жизнь*, обозначая качество предмета; наоборот, *благъ* у Кирилла — это *дух, бог*, нечто неземное, обозначает качество духа и вообще суть явлений. Такое противопоставление принадлежит не только Кириллу; в неявном, не столь определенном виде оно присутствует и у других древнерусских авторов и переводчиков. Нельзя сказать, что эта пара — простое противопоставление русского слова *добръ* (обозначает все язычески земное) церковнославянскому *благъ* (связано со всем божественно небесным), поскольку и в церковнославянском языке было слово *добръ*, и для русского языка характерно слово *благо* — в другом, русском, его произношении (*болого, бологъ*). Механистическое расслоение: *благъ* — церковнославянизм с «высокой» семантикой, *добръ* — русизм с более житейской сферой употребления — кажется неудачным, несмотря на широкое распространение именно такого взгляда в современной литературе. Стремление исследователей во всех аналогичных случаях (*глава — голова, град — город, благо — болого, время — время*) видеть церковнославянизмы в русском языке учитывает только форму слова и ничего не говорит об отношении этого слова к общей лексической системе языка, в котором происходило подобное совмещение русского и церковнославянского пластов лексики. Только конкретно-историческое исследование творчества отдельных авторов такого уровня, как Кирилл Туровский, позволит определенно решить вопрос о пределах распространения и функции неполногласных церковнославянизмов в русском языке. Неполногласие в *благо* — это конечный результат длительной и устойчивой связи слова с высоким контекстом и с тем семантическим рядом, которым этот контекст в конечном счете определялся; эта связь постепенно устранила соотношение данного значения с русским *болого*, что навсегда связало его с заимствованной формой *благо*. *Благо* — церковнославянизм не из-за фонетического по своему характеру неполногласия: наоборот, само неполногласие является результатом закрепившегося только в высоком стиле значения. В такого рода перераспределениях между значением и звучанием двух дублетов разного происхождения важна роль образцовых писателей, чутко улавливающих не только семантические, но и стилистические аспекты происходившего «перетекания» смысла из одной формы в другую; только художник в состоянии уловить ту пропорцию этого соотношения, которая необходима в каждом конкретном контексте.

Возвращаясь к стилю Кирилла Туровского, следует отметить еще одну его особенность. Широкая лексическая синонимия, возникающая при

столкновении русского и церковнославянского языков, позволяет автору варьировать средства выражения при передаче той или иной мысли. Уже частотность употребления тех или иных слов в произведениях Кирилла оказывается весьма знаменательной. Так, из глаголов говорения, кстати сказать, очень частых в речи Кирилла, особенно выделяются *глаголати* и *речи*. Это глаголы, передающие значение речи в его «чистом» виде; со стилистической точки зрения они характерны тем, что одинаково представлены (и притом в одинаковых значениях) и в русских, и в церковнославянских памятниках. Таким образом, это общеславянские слова, которые тем самым ни в каком контексте не имеют и не могут иметь никакой стилистической окраски. Тем не менее Кирилл различает и эти глаголы. *Глаголати* служит только для введения прямой речи, употребляясь около 150 раз в примерах типа и *гла(гола)ша: человека не имамъ*. Только в считанных случаях, в евангельских цитатах, этот глагол передает непосредственно процесс говорения (*что се глаголете, о фарисеи?*). *Речи* также может вводить прямую речь (около 30 раз), но вообще его функции гораздо шире: этот глагол может употребляться в самых разных сочетаниях, может быть вводящим словом (*сирѣчь, паче же рещи, рекъ* и др.), указывать на процесс говорения и т. д., но всегда только во вспомогательном контекстуальном значении и лишь в тех случаях, если не требуется специального выделения слова, находящегося за пределами авторского внимания (ср.: *но испытаем его добре, рѣша, воземъ еще и второе прозрешаго. . .*). Если же из общей ткани повествования требуется выделить глагол говорения, если именно на нем акцентируется внимание автора, то ни *глаголати*, ни *речи* не употребляются. Тогда вместо них, стилистически и функционально нейтральных, самых общих по значению глаголов говорения, появляются стилистически окрашенные, частные по значению глаголы типа *возглашает*, *вопиет*, *возвещает*, *поведает*, *беседует*, *сказывает* (т. е. 'истолковывает') и др. В таком случае процесс говорения передается подобным красочным глаголом, тогда как *глаголати*, *речи* уходят на второй план, оставаясь вспомогательным средством выражения мысли: *исповѣмъ бо, рече, на мя безакония моя* — вводное *рече* однозначно указывает на речь ('сказал'), тогда как *исповѣмъ* многозначно, оно сохраняет и исконное значение корня 'знать, сознавать' и вместе с тем в сочетании с приставками имеет уже значение 'признаться, рассказать'. Аналогично положение в текстах Кирилла и другой частой в употреблении глагольной лексики: все, что встречается часто, стилистически не маркировано и потому используется как фон описания, является словесной тенью на заднем плане. Художественную функцию несут только редко употребленные, но зато многочисленные близкие по значению слова, вступающие в синонимические отношения друг с другом и с «фоновыми» опорными словами, не несущими художественной нагрузки. Если учесть, что в древнерусских текстах само противопоставление *речи* — *глаголати* также может использоваться в художественных целях (*глаголати* — стилистически маркированный по отношению к *речи* как более многозначному, общему для всех славянских языков и универсальному по употреблению глаголу), станет ясным, что данное в текстах Кирилла распределение стилистических тонов и полутонов также является индивидуальной особенностью этого автора.

Так обстоит дело с выбором слов. Но Кирилл — мастер слова и в оформлении целого текста, в использовании слова как части текста. Легко заметить, что все его тексты как бы сотканы из своеобразных триад — троичных повторений одного образа, слова, значения или определения. Сама композиция его Слов, как это заметил и описал И. П. Еремин, трехчастна: вступление в тему, повествование — содержательная часть, заключительные хвалы. Ориентация на сакральное число три и следование ему на

всех уровнях поэтического текста придают этому тексту переменчивый ритм, позволяя вместе с тем тонко варьировать каждую частную тему, вводимую в ткань Слова, — одну за другой, волнами, неутомимо и настойчиво, используя все возможности образа и слова. Потому общее впечатление от Слов кажется двойственным. С одной стороны, изложение как будто статично, это мелкие мазки, из которых складывается общая картина. С другой стороны, всегда присутствует впечатление действия, динамики, ритма. Покажем это на нескольких примерах разного типа.

Старци быстро шествоваху да б(ог)у поклоняться. . . отроци скоро течаху да прославят. . . младенци яко крилати окрестъ Ис(ус)а паряще вопияху. . . (Слово на Вербницу) — типичный пример нагнетания образа троичным членением текста. Автор воспользовался возрастными различиями своих «персонажей» и подал каждый возраст отдельно, отстраненно от другого, все более увеличивая темп движения в зависимости от возраста: *быстро* — *скоро* — *крылато* и параллельно с тем *шествоваху* (с достоинством и неторопливо) — *течаху* (бурной массой и стремительно) — *крылато парили* (даже оторвавшись от земли). Сюда же влетает и градация по цели: *поклонятся* — *прославят* — *возопят*. Возникает троичное усиление, идущее параллельно: характер движения (глагол в форме имперфекта указывает длительность прошлого действия), цель движения (глагол в повелительном наклонении и имперфект *вопияху*, показывающий нетерпение «младенцев», которые приступили к хвалам еще на пути к святыхице), ритм движения (передан нарастанием наречных форм); неуклонное повышение тона до звенящего с последующим обрывом и приступом к очередной триаде. Фактически значение приведенной триады шире, поскольку здесь не приведены побочные линии изложения, например вариации слов *богъ* и *Иисусъ*, вплетающиеся в текст на правах объекта действия.

Может показаться странным столь тонкое сплетение повествовательных линий в одну фразу. Следует поставить вопрос: не случайное ли это совпадение? Предварительные разработки показывают, что говорить о случайности не приходится. Начать с того, что в тексте не использованы другие возможные для древнерусского писателя слова. Здесь нет слова *борзо* — а это типичный русизм, невозможный в южнославянском тексте; по этой причине автор и не решается использовать слово *борзо* в столь высоком по стилистическому заданию тексте. Однако вместе с тем определение *крылати* также является русизмом, в южнославянских вариантах ему обычно соответствует слово *пернати*. Тем не менее Кирилл предпочитает *крылати*, и совершенно правильно: только это слово и допустимо в данном тексте, поскольку речь идет о быстроте движения, а не о характеристике «персонажей» (*яко крилати*, но на самом деле крыл не имеющие).

В другом случае дана последовательность действий, которые каждый раз уточняются все новым синонимом, но это не точный синоним, каждый раз он привносит в контекст какое-то новое значение: *(спутник) приведе къ велице горе, имущи многа и различная оружия, въ неи же у з р е с т а зарю светлу, оконцемъ из пещеры исходящую. И прикинувши къ оконцу тому, в и д е т а внутрь вертепа жилище. . . Сия вся с о г л я д а в ъ, царь призва своя друзы и рече къ нимъ. . .* Представляется, что основное действие здесь связано не с движением (*привел* — *прики* — *призвал*), хотя и оно градуирует по принципу сужения действия. В центре авторского внимания — зрительный образ, в котором перекрещиваются и субъект, и объект действия, и характеристика самого действия: *заметил* — *посмотрел* — *увидел*. Последовательность передана разными глаголами с одним общим значением, но каждый последующий все более конкретен. Описание как бы панорамирует: широкий план, средний план, крупный

план. Одновременно как бы укрупняются объекты рассмотрения: пещера вдали — оконце в ней — ограниченные рамкой окна предметы и лица в пещере. Такова динамическая структура текста. Действия оказываются неравнозначными и с грамматической точки зрения: *узрета* — моментальное завершенное действие, *видета* — более важное длительное действие, смысл высказывания и оправдание всего текста вообще; после того, как это рассмотрение закончено, автор употребляет уже не личную форму аориста, а причастие *соглядавъ*, которое также передает завершенное действие, однако второстепенное по отношению ко всем предыдущим «точкам зрения». Это отстранение личных форм от причастия совершенно оправдывает использование Кириллом на фоне общеславянских (в том числе и старославянских) *зрети* и *видети* также более редкого глагола *глядети*, который обычен для моравопаннонских и древнерусских текстов (переводных и оригинальных; старославянские рукописи, кроме Супрасльской рукописи XI в., обычно избегают этого слова). «Неканонические» слова Кирилл, как правило, использует для воссоздания заднего плана своего повествования, органически вплетая их в общую ткань текста, но не выдвигая вперед. Чтобы яснее представить себе характер стилистической разработки в текстах Кирилла, всегда органически связанной и с темой конкретного повествования, и с присущим ему индивидуальным стилем, сравним приведенный отрывок с древнеславянским переводом «Истории Варлаама и Иоасафа», ставшим источником для данного описания Кирилла. Тексту Кирилла в этом отрывке соответствует следующее: *В и дѣ с т а свѣта зарю от(ъ) нѣкоего оконца сияющую и на сію з р я щ е, придоша и в и дѣ с т а подъ землю нѣкое яко пещероу жилище, въ неи же сѣдѣше мужь. . . Сущи же съ ц(а)ремъ на мнози таковыхъ с м о т р я ю щ е дивляющеся. . . и рече ц(а)рь первосвѣтнику своему. . .* Именно этот перевод соответствует греческому оригиналу, в частности, и интересующие нас глаголы: *εἶδον... καὶ ταύτη τοῦ ὀφθαλμοῦ ἐπιβαλόντες, βλέπουσιν... ἐπὶ ὄραν ἱκανῆν ταῦτα κατανοοῦντες, ἐθαύμαζον...* Этих глаголов, следовательно, значительно больше, чем три, и они могут повторяться в тексте. Пластичность изображения у Кирилла достигается также единством образа действующего лица: все три глагола связаны с описанием действий царя (его одного или со спутниками), тогда как в оригинале действие перебивается: то царь, то сущие с ним. У Кирилла именно царь ведет действие, все остальные персонажи находятся возле него, то удаляясь, то приближаясь к нему. Так с нагнетанием синонимов возникает как бы разложение одного и того же действия (царь и его приближенные с м о т р я т) на ряд составляющих это действие моментов. Типологическую параллель этому представляет моравопаннонский перевод Жития святого Вита: *Рече же о(т)ъ цъ его: б(о)зи придоша въ храмъ, и въсмися и оконцьмъ г л я д а ш е въ клѣтъ яко свѣтѣше ся . о т в ѣ р ѣ з о с т а ж е с я о ч и емоу и в и дѣ ѣ . анг(е)лъ стоящъ окръстъ отрочате (Успенский сборник XII в., л. 126^а). Здесь также представлено троичное расщепление одного и того же процесса «смотрения», однако с иной изобразительной заданностью. Недоверчивое в з г л я д ы в а н и е в оконце сменяется как бы насильственным, со стороны, р а с к р ы в а н и е м г л а з, после чего начинается собственно само с м о т р е н и е. Свообразие этого текста заключается в том, что здесь два «неканонических» выражения противопоставлены одной нейтральной форме (*видѣ*), тогда как у Кирилла, наоборот, нейтральные по семантике и стилистике глаголы *зрети* и *видети* ведут действие, а «неканоническое» слово уходит на второй план. Это также характерно для Кирилла, обычно предпочитающего нейтральный или высокий стиль низкому, приземленному.*

Очень часто триада-связка несет с собою внутренний, потаенный, смысл, понятный посвященному, но требующий интерпретации теперь. Вот начало заплочки Богородицы из Четвертого Слова: *Свѣтъ мои и надежа и животъ, сын и бог, на древе угасе*. Свет, надежда, живот — это символическое изображение знания, веры и жизни, обычная христианская символика, которую ниже, в следующем отрывке заплочки, варьируя эту мысль в новой триаде, автор как бы расшифровывает, возвращаясь к ней еще раз: *ныне мое чаяние, радости же и веселия, сына и бога, лишена быхъ*. Соотнесены надежда — чаяние (русизм *надежа* и болгаризм *чаяние*), русизм *живот* — с описательной и книжной передачей той же вечной жизни: *радость и веселие*. Иногда внутренний смысл триады от современного читателя настолько скрыт, что только скрупулезное изучение всего лингвистического контекста с непрерывным учетом троичности каждого построения может помочь в расшифровке текста. Здесь мы сталкиваемся примерно с тем же положением, что и в случае с уже изученной Д. С. Лихачевым стилистической двучастностью псалтирных текстов, построенных по принципу антонимических противопоставлений («стилистическая симметрия»).⁴ В качестве примера рассмотрим возникающие при этом трудности интерпретации на одном отрывке — на самых первых словах Первого Слова Кирилла Туровского: *Велика и ветха сокровища, дивно и радостно откровение, добра и сильна богатства. . .*

«Вступление — часть речи, которой Кирилл Туровский придавал, и не без оснований, большое значение: текст хранит следы очень тщательной, заранее обдуманной работы. Кирилл, конечно, не мог не понимать, что успех речи в значительной мере зависит от того, как вступление будет построено. Здесь надо было сказать нечто такое, что, не предвосхищая содержания Слова, тем не менее могло положить ему основание, притом сказать так, чтобы сразу же привлечь внимание слушателей, заставить их «насторожиться».⁵ Это оправдывает и наше особенное внимание к вступлениям в поэтическую тираду Кирилла Туровского.

В приведенном вступлении ритм налицо, он содержится уже в попарном повторении грамматических типов слов — прилагательных и существительных. Однако в целом эта фраза воспринимается чисто риторической: звучная увертюра к теме, не больше. Потускневшие к нашему времени семантические характеристики слов только отдаленно напоминают об этой силе: здесь все масштабно, крупно, монументально. *Великий. . . дивный* (т. е. божественный) . . . *сильный. . .* Пожалуй, в современном языке трудно подыскать соответствующие этому поэтическому тексту эквиваленты; может быть поэтому мы и не воспринимаем его поэтичности.

Первое, что останавливает внимание: попарное сочетание именно данных определений необычно для древнерусских текстов, представляет собою как бы излом традиционных, столь обычных в то время и любимых проповедниками парных конструкций. В употреблении подобных дублетов (синонимов) можно установить по крайней мере три типа. Первый, самый простой, — это соположение синонимов или дублетов, используемых для усиления поэтического эффекта; так, неизвестный переводчик (или переписчик?) апокрифического Откровения Авраама ставит рядом слова *жертва треба*, чтобы усилить отрицательное отношение героя к языческому жертвоприношению. Такой неловкий прием неприемлем для Кирилла. Это чисто внешний поиск формы, вдобавок русское слово *треба* и церковнославянское слово *жертва* у Кирилла дифференцированы в соответствии с общим дуализмом его поэтического языка, ср.: *днесь. . .*

⁴ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 168 и след.

⁵ И. П. Еремин. Литература Древней Руси, с. 135.

вся новая господеву приносится: . . . и от крестьянъ требы, и от иереи (вя)тмы жертвы. Налицо противопоставление крестьянской требы освященной жертве (хотя слово *крестьяне* здесь, конечно, употреблено в исконном значении 'христиане').

Второй возможный в древнерусской литературе тип усиления — это традиционный штамп, переходящий из текста в текст. Обычно в таком штампе соединяются близкие по значению, но различные по стилистической функции слова, которые, дополняя друг друга, как бы усиливают поэтический эффект речи: *радость и веселие, дивно и славно, добро и лепо, сильна и славна, велика и славна, ветха и древня. . .* Уже из перечисления видно, что именно таким типом сочетаний и воспользовался Кирилл в своей тираде, однако с одним отклонением: он перемешал внутренние связи, ассоциации, которыми опутаны были в глазах его современников указанные соединения слов, становившиеся от частого употребления штампами. Он убрал дублетность. *Велика и славна, дивна и славна, сильна и славна* — в каждом из этих сочетаний непременно присутствует в качестве составной части слово *славна*; оно привычно входит в данный набор штампов, оно и воспринимается в данном тексте как заложенное в его подтексте — на основе обычной ассоциации, связанной с частым употреблением подобных сочетаний. Слово *славна* безболезненно можно было убрать, поскольку оно само по себе предполагается и представляется в каждом элементе триады. Так возникает необычное для древнерусского текста соединение слов: *велика и ветха*; особенность этого типа сочетаний в том, что в подтекст уходит не только второстепенное значение каждого из слов сочетания (как в случае *веселие и радость*), но также и основное значение общего для двух прежде самостоятельных сочетаний *велика и славна, ветха и славна* слова *сокровище*. Вместе с тем это и намек на хорошо известное сочетание *ветхий великъ день* 'древняя, еврейская пасха' (отмечено, в частности, уже у Иоанна экзарха болгарского) — небольшой излом сочетаний, за которым скрывается и общий смысл темы (в этом Слове речь идет об антипасхе).

Если рассмотреть значение каждого слова, входящего в сочетание, можно обнаружить еще одну закономерность: все они кроме общего славянского (обычного также и для церковного языка) имеют также и новое, характерное только для русского языка (уже в XII в.) значение (или оттенок значения). *Великъ* наряду с исконным значением 'большой, огромный' получает значение 'значительный, замечательный'; по-видимому, в XII в. это был всего лишь контекстуальный оттенок значения, но он обнаруживается уже в НЛ: *от мала до велика* 'от меньшего до большего' и вместе с тем *от велика до оубога* 'от замечательного до незначительного'. *Ветхий* в русских текстах — не только 'старый', что является исконным значением слова; проявляется уже и новое, ставшее впоследствии основным для русского языка значение 'ветхий, дряхлый' (широко представлено в ранних записях той же летописи, а также в Русской Правде, в Сказании о Борисе и Глебе, в Хождении игумена Даниила, в переводных памятниках домонгольской Руси). Ср. в древнерусском переводе Пандект Никона Черногорца описания двух вдов, одна из которых одета *в ветхы ризы*, а другая — *в добрыхъ ризахъ*; противопоставление, таким образом, идет по линии 'ветхие, дряхлые' — 'хорошие, добротные', а не 'старые' — 'новые' (последнее см. в евангельском тексте: *мехи новые* противопоставлены *мехам ветхым*). Таким образом, в традиционном сочетании, начинающем Слово, русский читатель XII в. мог прочесть и осознать как бы наслаивающийся на традиционные значения слов и собственно русский подтекст: не только 'большое древнее сокровище', но и 'значительное дряхлое. . . скрытое'.

Дивно и радостно откровение в восприятии того же русского читателя XII в. также оказывается многозначным сочетанием. Исконное значение первого слова связано с непознаваемым, поражающим воображение божественным бытием (ср. *Дивъ* с литовским *diēvas*, древнеиндийским *devās*, латинским *deus* и т. д. с одинаковым значением 'бог'). В древнерусском переводе Жития Василия Нового, например, встречаем *дивный градъ*, *дивный и страшный градъ* в значении 'рай', все употребление слова в этом памятнике связаны с небесами и небесной жизнью. Общее значение 'удивительный' обычно для русских текстов XI—XII вв., и только в некоторых местах Пандект Никона Черногорца можно обнаружить новый для слова оттенок значения: 'славный, знаменитый' (некоторые подвижники называются безразлично то славными, то дивными, то чудными). Подтекст в Слове Кирилла создается уже самим разложением привычных сочетаний *дивно и чудно*, *дивно и славно*, *радость и веселье*: вторые члены таких сочетаний, оставаясь за пределами текста, домысливаются любым начитанным книжником. Таким образом, *дивный* — это и 'божественный', и 'удивительный', и вместе с тем для русского в XII в. также 'славный (знаменитый)'. *Радостно* было связано, как правило, со словом *веселье* и обычно обозначало 'чувство веселья'. Из этого постепенно вычленяется дополнительное значение 'чувство удовлетворения', а в расхожем сочетании *радость и веселье* между обоими синонимами постепенно распределяются разные оттенки значения: радость — это удовлетворение (обычно одного или каждого в отдельности участника праздника), веселье — это ликование (и потому всех участников праздника совместно). Метафорическое обозначение праздника стало связываться именно со вторым словом сочетания, ср. в древнерусском переводе Книги Эсфирь синонимическое употребление *дне веселья* и *день добръ* в одинаковом значении 'праздник'. Тот же текст показывает, что к концу XII в. слово *радость* настолько отошло в своих значениях от своего первоначального дублета *веселье*, что потребовалась его замена другими словами; Книга Эсфирь в этом случае дает слово *охвота*, *охвотенъ* 'радость, удовольствие', ср.: *и выниде Аманъ въ д(е)нь весель и охвотномъ с(е)рдцемъ; градъ же Сусанъ оухвотися и възвеселися*, и др. Таким образом, наряду со свойственным церковнославянскому языку значением 'ликование' слово *радость* в русском языке XII в. получает дополнительное, впоследствии ставшее основным значение 'чувство удовлетворения'. Поэтому в приведенном отрывке из Слова Кирилла можно усмотреть не только прямое значение 'ликующе', но и скрытое, потайное — 'удовлетворяющее'.

Аналогичные наслоения можно видеть и в сочетании *добра и сильна богатства*. *Добро* уже у Владимира Мономаха имеет значение 'богатство, имение, благо' в широком и материальном смысле, который и привносит в контекст это новое для слова добавочное значение. Игумен Даниил также неоднократно отмечает, что, например, *Ефесъ* (а также Самария и т. д.) *же градъ есть на Сусѣ... об и ленъ же есть вѣмъ добромъ*. Уже у Феодосия Печерского можно предполагать такое значение слова, ср.: *не чюхъ себе ничсоже добра приискаше, но токмо имыи бдѣнья бо и пощенья*. Слово *сильный* даже по Материалам для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского имеет более 15 оттенков значения, кроме исконного 'мощный, могучий, властный', которое и в данном случае следует считать основным. Специально русским, достаточно рано выделившимся значением этого слова является значение 'обильный, пышный, богатый' — соответствующие иллюстрации приведены И. И. Срезневским из Ипатьевской летописи под 1147 и 1187 гг.

Учитывая все это, и данный фрагмент Слова Кирилла мы можем истолковывать двояким образом: буквально 'благое и могучее богатство' и пере-

носно 'имение. . . изобилие. . . богатство'. Снова в подтексте наблюдаем как бы избыточное повторение одного и того же мотива, но в отличие от предшествующего сочетания с риторической градацией вверх. Может возникнуть сомнение в правомерности тех интерпретаций, которые сделаны выше; на первый взгляд они кажутся столь же поразительными, что и известные градации в тексте Хождения Афанасия Никитина, лингвистически расшифрованные Н. С. Трубецким.⁶ Однако, допуская известную условность произведенной расшифровки (для более точной у нас пока нет необходимых материалов сравнения), повторим, что каждый элемент такого членения текста оказывается возможным обосновать вполне объективно — множеством словарных параллелей из древнерусских текстов. В частности, в последнем случае: почему Кирилл употребил именно слово *добро*, а не эквивалентное ему *благо* или, например, *велико*; *благо и велико богатство* — сочетание, которого мы ожидали бы от обычного проповедника, вполне допустимое в XII в. и обычное для древнерусских текстов. Однако слово *велико* уже употреблено в той триаде, в которой оказалось нужным зашифровать общий смысл 'значительности, величины'; *благо* же в этих триадах не используется вовсе, ибо оно чересчур однозначно и для подтекста, русского по своему замыслу и характеру, не годится: это церковнославянизм. В данном отрывке вообще нет нерусских слов, слов, которые не могли бы нести с собою необходимого для воплощения авторского замысла вторичного или переносного значения. Выбор слова 'лимитируется' поэтической заданностью. Так образуется второй план подтекста: кроме предполагаемого читателем включения в текст опущенных автором слов (см. сказанное выше о последовательной связи с опущенным словом *славный*), появляются еще чисто семантические (первоначально, может быть, стилистические) возможности подтекста, понятные только русскому читателю или слушателю XII в. Однако внешним установлением этого не исчерпывается стилистическая характеристика нашего примера.

Теперь, когда кажется ясным смысл и подтекст каждой отдельной триады, соединим их вместе. Общее значение первой, трижды обоснованное в подтексте и вместе с тем связанное с традиционным текстом, — *сокровище (скрытое)*; общий смысл второй триады — *откровенно (открыто)*, третьей — *богатство*. Итак, *с о к р о в и щ е о т к р ы т о*, (и это —) *б о г а т с т в о* — христианская пасха не в пример иудейской, ср.:

велика и ветха сокровища 'большое и древнее сокровище',
дивно и радостно откровение 'удивительное и радостное откровение',
добра и сильна богатства 'благое и могучее богатство', со следующим подтекстом (соответственно по строкам):

'значительное. . . дряхлое. . . сокрытое. . .',

'удивляющее. . . удовлетворяющее. . . открывающее. . .',

'имение. . . изобилие. . . богатство. . .'.
 . . .

Единственная условность, которую мы себе позволили, заключается в выборе части речи, данной в толковании п о д т е к с т а: прилагательное — причастие — существительное. Это сделано намеренно, чтобы дополнительно передать ту восходящую градацию образа, которая несомненно в нем заключается, но иными средствами на современном языке уже непередаваема. Дано: *значительное*, но уже *ветхое*, *сокрытое* в дали времен — *с о к р о в и щ е*. Действие: *поражающее* воображение и мысль, *удовлетворяющее* всем чувствам, *открывающее* неизведанное — *о т к р о в е н и е*. Результат: *имение. . . изобилие. . . богатство* — христианская пасха. Соотнесение компонентов триад возможно и по вертикали, хотя тут уже нет полной уверенности в том, что таков был и авторский замысел

⁶ N. S. T r u b e t z k o y. Three Philological Studies. Ann Arbor, Mich., 1963.

(при слушании Слова четко воспринимается только линейное членение мысли и текста), однако «выход на вертикаль» весьма знаменателен: *значительное — удивляет — имение, дряхлое — удовлетворяет — избытие, сокрытое — открывает — богатство*. Эта трижды три раза повторенная, как в преломлении зеркал, мысль относится к восхваляемому в Слове празднику и является гонгом, призывающим к развертыванию темы. Затем идут уточняющие детали того же вступления, опять-таки построенные по триадам: о строителях этого праздника, о его характеристике, и т. д.

Такова увертюра, с подтекстом и варьированием темы, рассчитанная на искусственного и обязательно русского слушателя. Ниже, в содержательной части Слова, Кирилл уже не столь причудлив в построении образа, там он не придает столь существенного значения форме, изощренной, временами неясной и зыбкой в мерцании словесных теней и неожиданных ассоциаций. Там форма блекнет, чтобы не затушевывать смысл изложения, не затруднять его восприятия.

Приведенные примеры иллюстрируют направление творческой работы Кирилла над словом: работа тщательная, но не ради формы. В отличие от многих писателей XII в. Кирилл — в высшей степени автор, а не компилятор, и потому его текст можно и нужно изучать как индивидуально авторский. Это повышает его значение и при изучении русского литературного языка XII в. В этих текстах происходило двоичное, вызванное столкновением русского и церковнославянского языков попарное противопоставление слов, таких, как *нищий — убогий, благо — добро, радость — веселие*. Имея этот материал, Кирилл умело сплетает из него текст, построенный таким образом, чтобы каждое слово независимо от своего происхождения получило какой-то один, обязательно свой и притом поэтически оправданный смысл. Единственное, лежащее на поверхности средство для достижения этого — соединять попарные связи с каким-то третьим, близким по значению элементом, который бы нейтрализовал стилистически непримиримые антиподы. Для этого годились и разложение устойчивых сочетаний, и выбор слова с новым значением, возникающим на русской почве из исконного славянского. Триада Кирилла своим происхождением вряд ли связана с сакральным для христианства числом *три* — это необходимость художественного решения, вызванная состоянием литературного языка. Да и преувеличивать значение триад не приходится, хотя приведенные примеры как будто указывают на универсальность их в творчестве самого Кирилла: три уровня лексической, описательной наглядности в тексте (*речи — глаголати* — все остальные глаголы говорения), семантические триады (*живот — жизнь — житие*), троичное усиление как гиперболизация темы (*велика и ветха сокровища* . . .), троякий уровень представления действующих лиц или движения. Общий принцип пластичности изображения, использованный автором, — это смена однообразных, сфокусированных или, наоборот, расширяющих перспективу картин, лиц или действий, создающих при воспроизведении иллюзию движения. Мультипликационный принцип построения текста — характерная особенность древнерусской литературы, но у Кирилла она достигает наибольшей зрелищности и выразительности именно потому, что Кирилл Туровский не выходит за пределы однажды заданного ритма и умело использует все возможности современного ему литературного языка. Глубинную структуру его текста подчеркивают сравнения с другими текстами, проведенные выше.

Мастерство и вместе с тем значение Кирилла для последующей разработки литературы и литературного языка заключаются в том, что он открыл важный для художника слова принцип: несообразности и внутреннюю

противоречивость языка, как правило, представляющего двойные противопоставления, он искусно устраняет в художественно проработанном тексте, где имеется возможность совместить все словарные противопоставления в синонимическом ряду. Говоря о компилятивности творчества Кирилла в содержательном плане, т. е. признавая зависимость этого церковного писателя от традиционных сюжетов, характеристик, композиций и т. д.,⁷ следует отметить оригинальность и чисто русскую воплощению традиционных схем художественную форму Слов Кирилла. К этому должны быть устремлены и интересы исследователя.

⁷ См.: В. П. Виноградов. О характере проповеднического творчества Кирилла, епископа Туровского. — В кн.: В память 100-летия Московской духовной академии. Сборник статей, принадлежащих бывшим и настоящим членам академической корпорации, ч. 2. Сергиев Посад, 1915, с. 315.

Г. М. ПРОХОРОВ

Книги Кирилла Белозерского

Мы очень мало знаем о жизни Кирилла Белозерского, особенно о первой ее половине. Знаем, однако, что, родившись у «благородных и благочестивых родителей» в Москве около 1337 г., грамоте он был обучен в детстве — «вдан бысть от млада възраста на учение святых книг».¹ Это было делом обычным: примерно в то же время в Устюге будущий Стефан Пермский, «еще дѣтищем сый, из млада, вдан бысть грамотѣ учити»;² и в Ростовской земле отрока Варфоломея, будущего Сергия Радонежского, «родители его въдаша его грамотѣ учити», когда тот «достиже до седмаго лѣта възрастом».³ Как видим, учить читать начинали, как и сейчас, в возрасте около семи лет.

В отличие от отрока Варфоломея и подобно Стефану мальчик Козма (будущий Кирилл Белозерский) учился хорошо: «. . . и любоучителен и благоговѣин бѣ отрок зело, того ради въскорѣ священная письмена извык. . .».⁴

Оставшись сиротой, юноша Козма воспитывался, а затем и служил казначеем в богатом доме своего «сродника» Тимофея Васильевича Вельяминова. Фамилия Вельяминовых была одной из самых знатных в Москве. Отец Тимофея Васильевича был последним московским тысяцким; мать, уже будучи вдовой, крестила младшего сына Дмитрия Донского; брат Николай приходился московскому великому князю свояком, будучи женат на дочери нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича; другой брат, Иван, участвовал в международных политических интригах, за что в конце концов и поплатился головой: в 1375 г. он бежал из Москвы к тверскому великому князю Михаилу, от того отправился в Орду к Мамаю и способствовал началу московско-тверской войны, в 1378 г. посылал из Орды на Русь некоего попа со «злых лютых зелей» мешком, но того поймали; а в 1379 г. сам попался и был казнен. Тимофей Васильевич Вельяминов служил окольным при дворе великого князя Дмитрия Ивановича, а в битве с Мамаем в 1380 г., как и его брат Николай, выступал воеводой.

В Житии Кирилла, написанном во второй половине XV в. Пахомием

¹ Краткое житие преподобного Кирилла (по рукописи ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 142/1219) см.: Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625). Т. I, вып. 1. Об основании и строениях монастыря. СПб., 1897, Прил. 2-е, с. XXXIV.

² Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Подгот. к печ. В. Г. Дружининым, СПб., 1897, с. 4.

³ Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и Похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. Сообщил архим. Леонид. — ОЛДП, ПДП. СПб., 1885, с. 23.

⁴ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь. . . , т. I, вып. 1, Прил. 2-е, с. XXXIV; см. также с. 11 и след.

Сербом,⁵ казначей Тимофея Васильевича характеризуется как внутренний подвижник, монах в миру: «. . . аще и мирская ношаше, но вся иноческая дѣла тому бѣваху. . . и преже иноческаго жития инок познавашеся»; «любовию к Богу, яко нѣким огнем, распалем», он «в мысли своей держаше. . . како бы възмогл быти инок».⁶ Тимофей Васильевич радовался, глядя на это, и крепче любил его «за бывающу в нем добродѣтель», старался удержать молодого человека в миру и гневался, когда тот поступил-таки против его воли. По-видимому, сердечное приятие чистоты, строгости и скромности монашества как идеала (идеала, в то время общественно признаваемого) не шло у Тимофея Вельяминова вразрез с желанием сделать из воспитанного им толкового казначея «сродника» государственного деятеля, каким был он сам.

Козму постриг упрощенный им игумен Стефан Махрицкий (с. Махрища в районе г. Александра), приходивший в Москву. Стефан был близок к Сергию Радонежскому (Сергий уходил в Махрищу, бросая свой монастырь около 1354 г. из-за претензий брата Стефана и недовольства братии введением общежительного распорядка).

Погневавшись, окольный простил своевольный поступок игумена Стефана и своего казначея; и Козма, теперь монах Кирилл, поступил в московский Симонов монастырь Рождества Богородицы, основателем и игуменом которого был Феодор, племянник, воспитанник и постриженник Сергия Радонежского (сын его брата Стефана). Покидая дом Вельяминовых, все, что имел, Кирилл раздал «убогим». Тимофей же Васильевич в звании великого воеводы вскоре погиб в битве на Куликовом поле.

Когда же постригся Козма? Ясно, что до 1380 г., года Куликовской битвы. Но, очевидно, не раньше 1370 г., когда предположительно Симонов монастырь был основан (на левом берегу р. Москвы на Коломенской дороге).⁷ Значит, Козме—Кириллу в момент пострига было не менее 33 лет. Он был старше своего игумена, но, разумеется, не имел богатого опыта монашеской жизни, бывшего у того за плечами (Феодор Симоновский родился, как считают, в 1339 или 1340 г., поселился в Троице-Сергиевом монастыре, у своего дяди, около 1352—1353 гг., а в монахи был пострижен 20 апреля 1354 г.).⁸

Игумен Феодор отдал новопостриженного инока Кирилла в послушание «старцу» Михаилу. Этот «старец» лицо исторически заметное: в дальнейшем — видный церковно-политический деятель, епископ Смоленский, дипломатический представитель и советник при московских митрополитах Пимене и Киприане, путешествовавший в Константинополь, заказчик знаменитой Киевской Псалтири, вероятно, ученик Сергия Радонежского (ибо похоронен он в Троице-Сергиевой лавре, где, можно думать, и был, как и Феодор, пострижен).⁹ Феодор Симоновский (ум. в 1395 г.), Михаил Смоленский (ум. в 1402 г.) и Стефан Махрицкий (ум. в 1406 г.) были людьми примерно одного поколения, того же, что и Кирилл (Кирилл умер в возрасте 90 лет в 1427 г.). Так что «старец» Михаил навряд ли был старше

⁵ См.: В. Яблонский. Пахомий Серб. СПб., 1908, с. 91.

⁶ Там же, Приложение, с. VI.

⁷ См.: Л. И. Иванова. Крупная вотчина северо-восточной Руси конца XIV—первой половины XVI в. Л., 1979, с. 35.

⁸ См.: И. И. Бурейченко. 1) К вопросу о дате основания Троице-Сергиева монастыря. — Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника, 1958, вып. 2, с. 6—10; 2) К истории основания Троице-Сергиева монастыря. — Там же, 1960, вып. 3, с. 9—17; Л. И. Иванова. Крупная вотчина. . . , с. 32.

⁹ См. о нем: В. В. Майков. О владыке Михаиле, упомянутом в записи лицевой Псалтири 1397 года. — В кн.: Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1901, с. 99—107; Г. И. Вздорнов. Исследование о Киевской Псалтири. М., 1978, с. 10, 31.

своего послушника, по крайней мере намного, но, конечно, тоже был опытнее его как аскет.

«Старец» посоветовал игумену определить новичка на работу пекарем и поваром. Возможно, Кирилл научился этому делу в доме Вельяминовых. Старательно трудясь в монастырской хлебне и поварне, подвергая себя при этом строгому воздержанию, Кирилл «прият умиления дар, слезам источники проливаше». ¹⁰ Зная, что повар грамотен, игумен порой посылал его писать книги.

Конечно, это не те книги, что дошли от Кирилла Белозерского до нас и о которых здесь пойдет речь, но неудивительно, что в дошедших мы находим ряд литургико-поэтических произведений константинопольского патриарха Филофея Коккина (в частности, «Канон, певаем за князя и за вся его в сретение ратных», каноны «На поганья», «В общенуждие, в бездождие и неблагорастворение времен, и в противление ветром, и в нашествие варварское», канон «Егда дождь рамен идет», молитвы «В бездождие», «В страшную и напрасную смерть» и др.): ¹¹ игумен Феодор Симоновский бывал в Византии, знал греческий и сам был одним из переводчиков такого рода произведений патриарха Филофея. Хотя, надо заметить, в сборнике Кирилла переведенных «Феодором первопресвитером» канонов Филофея «О бездождии» и на Успение Богородицы ¹² как раз нет.

Тяготясь постоянным пребыванием на людях, Кирилл охотно шел из поварни в келью. «Но, — замечает автор Жития Пахомий Серб, записывавший рассказы учеников Кирилла, — не толико ему бяше умиление (когда он сидел в келье и писал книги, — Г. П.), елико егда в поварне бяше». ¹³ И, ценя чувство умиления, Кирилл рад был вернуться в поварню. Писание, как и накопление книг, никогда не стало для него самоцелью. Бывший казначей теперь предпочитал внутреннее накопление внешним приобретениям. Он даже прикидывался глуховатым, юродствовал, маскируя свои высокие духовные устремления.

Если судить по упомянутым уже наставникам Кирилла, так или иначе прямо связанным с Сергием Радонежским, Кирилла можно назвать духовным внуком Сергия; но он был и прямым его учеником: тот его заметил, понял и беседовал с ним, приходя в Симонов. Скрыть свои внутренние качества Кириллу не удалось.

Около 1379 г. игумен Симоновский Феодор стал духовным отцом великого князя Дмитрия Ивановича (вместо отправившегося в Византию Митрия—Михайла) и получил возможность основать — тоже в Москве, на краю города, у реки — Новый Симонов монастырь во имя Успения Богородицы. А в 1388 г. митрополит Пимен сделал Феодора (а митрополит Киприан в 1390 г. утвердил) архиепископом Ростовским. Однако возможность уделять внимание своему монастырю Феодор должен был потерять, я думаю, гораздо раньше — примерно со времени основания Нового Симонова, будучи вовлечен в борьбу вокруг московской митрополии, требовавшую напряжения и частых и длительных поездок в Константинополь. Помогал ли ему тогда в управлении монастырем Кирилл? Трудно сказать. Но когда Феодор стал архиепископом, Кирилл был возведен на его место. Однако же он пробыл архимандритом недолго (по-видимому, 1388—

¹⁰ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь. . . , т. I, вып. 1, Прил. 2-е, с. XXXV.

¹¹ ГРМ, др. гр., № 15, Канонник 1407 г., л. 208—341; см. также: ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII, Сборник, первая четверть XV в., л. 392—393 («Молитва Святую Духу»).

¹² См.: Г. М. Прохоров. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 146, 148.

¹³ В. Яблонский. Пахомий Серб, Приложение, с. XII.

1390 гг.). Скоро, радея о вожделенном умилении, он оставил игуменство, беспокойному управлению монастырем предпочтя безмолвие, исихию, и «в тризнице подвига большего вшед, и безмлъствовати начат, никое же пощение имый от вѣшних». ¹⁴

Полностью удалиться от «внешних» оказалось для Кирилла в Новом Симонове невозможным. Мешали многочисленные посетители, искавшие беседы с уже прославившимся своей духовностью подвижником и возбуждавшие зависть в новом архимандрите Сергии Азокове (этот Сергей Азоков, впоследствии епископ Рязанский, по-видимому, то же лицо, что Сергей Озаков, один из членов скандального Митяева посольства в Константинополь в 1379—1381 гг.). ¹⁵ Из Нового Симонова Кирилл ушел сначала в Старый, в «древний монастырь Рождества Пречистыя, и тамо безмолствую бяше», а затем скоро начал помышлять «и се еже нѣгдѣ далече от мира уединитися и тамо безмолствовати. И много с таковым помыслом боряшесь». ¹⁶ В самом деле, в далеко не молодом возрасте решиться оставить монастырь, где прожил примерно два десятка лет, уйти из родного города, чтобы никогда в него не вернуться, — действительно из «мира», действительно «единствовать» — монашествовать в первоначальном смысле слова — должно было быть нелегко.

Около 1397 г. в возрасте примерно 60 лет Кирилл покинул Москву и с другом-иноком Ферапонтом, тоже постриженником Симонова монастыря, ушел за Волгу, на северо-восток, и в поисках подходящего места для безмолвия пришел на берег Северского озера в Белозерском крае. Первое его имущество здесь составляли книги. Хотевшему ограбить его некоему боярину Феодору Кирилл говорил: «Веруй ми, чадо Феодоре, яко ничто же ино не имѣю в жизни своей, развѣ ризы сия, яже на мнѣ видиши, и мало книжиц». ¹⁷

По прошествии времени у Кирилла появились ученики, и один из них, Мартиниан, согласно его житию, учился грамоте, будучи еще юношей (стало быть, на родине у себя, в деревне между Кирилловым монастырем и Вологодой, он не был с детства грамоте выучен), у дьяка Олеша, или Алексея, Павлова, который жил вблизи обители и в число занятий которого входило «книгы писати и учити ученикы грамотныя хытрости». ¹⁸ В связи с этим замечу, что до нас дошли в составе Кирилло-Белозерской монастырской библиотеки книги, написанные «грехослужимою десницею» (последнего в грешницех именем Олешка) (ГПБ, Софийское собр., № 1248, Сборник, 1441 г., л. 328 об. и ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 10/1087, Сборник, 1446 г., л. 282). ¹⁹ Возможно, это тот самый дьяк Олеша Павлов, что учил Мартиниана. Сохранились и книги — два Канонника — Мартинианова письма. ²⁰

Известно, что когда число учеников Кирилла умножилось, «комуждо. . . от братии и образ же и правило сам блаженный даяше: даяше писание — вѣдущим. . .». ²¹ Ряд занимающих нас книг написан вперемежку разными почерками, в том числе, очевидно, и рукой самого Кирилла. Многие из по-

¹⁴ Там же, с. XIII.

¹⁵ См.: Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1979, с. 222.

¹⁶ В. Яблонский. Пахомий Серб, Приложение, с. XIV.

¹⁷ Там же, с. XXI.

¹⁸ ГПБ, Софийское собр., № 467, Сборник, XVI в., л. 51. Дьяк назван здесь монастырским. В ряде других списков (например, ГБЛ, ф. 304, № 696, л. 2 об.—3 и ГПБ, собр. Погодина, № 739, л. 66) он называется мирским.

¹⁹ Р. П. Дмитриева. Четыре сборники XV в. как жанр. — ТОДРЛ, т. XVII. Л., 1972, с. 162—163 и примеч. 51.

²⁰ ГРМ, др. гр., № 14, и ГИМ, Музейское собр., № 3711.

²¹ БАН, 25.5.4, XVI в., л. 107.

черков очень похожи, и одно и то же письмо часто сильно варьируется. Так что уверенно провести границу между почерками и отождествить писцов разных рукописей иной раз дело нелегкое. Оно осложняется и тем, что рукописи находятся в разных хранилищах. А кроме того, прежде необходимо выяснитъ, о каких вообще книгах мы имеем право вести речь.

Всего сейчас двадцать три книги можно считать созданными в Кирилло-Белозерском монастыре при жизни его основателя (см. в этом же томе с. 357). Но далеко не все из них мы вправе рассматривать как принадлежавшие лично Кириллу Белозерскому. Древнейшая из монастырских описей, 1601 г., усваивает ему тринадцать книг.²² Позднейшие описи это число постепенно увеличивают, включая в него книги учеников Кирилла. Посетившему в 1847 г. Кирилло-Белозерский монастырь профессору Московского университета С. П. Шевыреву там показали семнадцать «Книг преподобного чудотворца Кирилла»; он вкратце о них написал.²³ Вскоре затем архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Варлаам составил «Обозрение рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского», где описал пятнадцать книг;²⁴ еще одну, шестнадцатую, он описал отдельно.²⁵ В пятидесятых годах нашего века сотрудник Государственной Публичной библиотеки Н. Н. Розов предпринял новое описание этого собрания книг; его описание, пополненное моими наблюдениями, публикуется в этом же томе.²⁶ Там мы объясняем, почему возможно считать принадлежавшими лично Кириллу только двенадцать книг; но мы указываем и остальные монастырские книги его времени.

Пять из этих двенадцати книг сейчас находятся в Русском музее,²⁷ четыре — в Публичной библиотеке,²⁸ одна — в Историческом музее в Москве²⁹ и две — в Кирилловском историко-художественном музее-заповеднике,³⁰ т. е. на территории монастыря, и там же хранится еще одна рукопись Кирилла Белозерского, хотя и не книга, — его духовная грамота.³¹

Три кодекса представляют собой книги, так сказать, традиционного содержания (два Евангелия, одна Псалтырь), три — келейные богослужебные (Канонники), остальные шесть — сборники, книги для чтения, отчасти для келейного правила и справок. Девять из них примерно одного размера, в 8-ю долю листа (водяные знаки бумаги приходятся на внутренний угол листа и уходят под корешок, отчего их трудно рассматривать),

²² ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 71/1310, л. 206 об.—207, 302 об.; см. также: В а р л а а м, архим. Обозрение рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского. — ЧОИДР, 1860, III. Материалы славянские, с. 2—4.

²³ С. П. Ш е в ы р е в. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. Часть вторая М., 1850, с. 14—25. С. П. Шевырев пишет: «В каталоге монастырской библиотеки 17 рукописей обозначено так: „Книги преподобного чудотворца Кирилла“. Вот они: Евангелий 7 (в л. 2, в 8-ку 5), Апостол в л. 1, Псалтырь в л. 1, Правила в 8-ку 3, Лествица в 8-ку 1, Канонников в 8-ку 4. Все эти книги хранятся не в библиотеке, а в ризнице» (с. 14).

²⁴ 4 Евангелия (№№ I—IV), 1 Апостол (V), 1 Псалтырь (VI), 3 Сборника правил (№ XIII и XIV), 1 Лествицу (№ XI), 4 Канонника (VIII, IX, X, XV) и 1 Святцы (№ VII). См.: В а р л а а м, архим. Обозрение. . . , с. 5—68.

²⁵ В а р л а а м, архим. Историко-археологическое описание древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре. — ЧОИДР, 1859, кн. 3. М., 1959, IV. Напрестольные Евангелия, № 1.

²⁶ См. ниже, с. 354—380.

²⁷ ГРМ, др. гр., № 12 и 13 (Евангелия), 17 (Псалтырь), 14 и 15 (Канонники).

²⁸ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 38/163 (Лествица, Авва Дорофей и др.), XII, XIII и XV (Сборники).

²⁹ ГИМ, Музейское собр., № 3711 (Канонник).

³⁰ РИХМ, № 403 (Сборник канонический) и № 405 (Святцы).

³¹ См.: Н. Н. Р о з о в. Определение подлинности документа современными техническими средствами. — История СССР, № 2, 1965, с. 232—233.

одна (Святцы) еще меньше по размеру, две (Лествица и Псалтырь) несколько больше (в четвертую долю и пол-листа).

За исключением Псалтыри, украшенной золотом, красками и рисунком «Церкви соборной святых апостол»,³² книги эти небогато декорированы. Сами писцы скромно украшали их в несколько архаичном для того времени тератологическом стиле. Именно в этих книгах, по выражению Г. И. Вздорнова, «улавливаются черты местного художественного стиля, причем с явным оттенком „самодельщины“».³³

Сообщение Жития о том, ради чего Кирилл покинул Москву, подтверждается находимым в его книгах рядом разного рода наставлений и руководств по «безмолвию» вроде сочинений «Святого Нила о осми помыслех» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XV, л. 127—157), «Зачало умныя молитвы и вниманию» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII, л. 331) или Послания некоего старца Феоктиста, где рекомендуется непрестанное повторение Иисусовой молитвы: «или пьет, или ясть, или путешествует, а сие скровено, не объявляясь, не надымаясь, ни же глаголати подважды или потрижды въ единъ дшпникъ (вдох, — Г. II.), но удержати дыхание дондеже единому рещи „Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грѣшнаго“. И сие без престани творити» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XV, л. 96—96 об., а также № XI, л. 271 об.).

Естественно, что здесь часто встречаются и разного рода правила, регулирующие жизнь монахов. Среди такого типа наставлений и правил видим «Предание уставом иже на выѣшней странѣ пребывающим иноком, рекше Скитскааго жития правило о келейнѣм трезвѣнии и катадневом (т. е. повседневном, — Г. II.) пребывании, еже мы прияхом от отецъ наших» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XV, л. 69, а также № XII, л. 255). Насколько сейчас можно судить, это древнейшие списки Предания, известного также в более поздней Кирилло-Белозерской рукописной традиции.³⁴ Ни один из списков Кирилла к другому не восходит.

Ясно, что этим Преданием руководствовался Кирилл на начальной, скитской, стадии жизни монастыря. Читая это Предание — и в особенности главку «О бдѣннихъ въсенощныхъ» о том, что на неделе должно быть только два всенощных бдения («... в коеждо седмици дващи творити въсенощное въ всей седмици: в неделю и в срѣду вечер»), — мы попутно понимаем, чем руководствовался около ста лет спустя, организуя жизнь в своем ските, Нил Сорский. Его рукой, кстати сказать, отчасти сделан один из списков Предания.³⁵ Как известно, Предание и Устав (из 11 глав) самого Нила не говорят о скитском распорядке (это скорее духовные поучения). Но мы знаем о нем, в частности о том, что скитяне только дважды в неделю (в среду вечером и под воскресенье) сходились в церковь для всенощной (а если случался на седмице праздник, требующий всенощной, отменяли один из сходов, в среду, чтобы все равно собираться только два раза), — знаем из сохранившихся описаний жизни в ските. Эти описания — «Повесть о преподобном отце нашем Ниле и о того честной обители...», статьи «О церковной службе в ските преподобного Нила», «Ведомо же буди, иже в которые праздники в ските бывають сходы в церковь, а в четверток (т. е. со среды на четверг, — Г. II.) отлагают», «Жительство Ниловы пу-

³² Воспроизведение см.: Г. И. Вздорнов. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М., 1980, Описание рукописей Северо-Восточной Руси XII—начала XV в., № 108.

³³ Там же, с. 130.

³⁴ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 42/1119 (XV в.), № 25/1102 (XVI в.), № 51/1125 (XVI в.).

³⁵ ГИМ, Епархиальное собр., № 349/509; см.: Г. М. Прохоров. Автографы Нила Сорского. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975, с. 50.

стыни» — находятся в рукописи (XVII в.) Ивана Иванова сына Плешкова, по всей видимости, служившего в Нило-Сорской пустыни.³⁶

Обращение к рукописям Кирилла Белозерского оказывается, таким образом, полезным уже в том отношении, что позволяет исправить распространное сейчас представление, будто Нил Сорский «отрицал собственную русскую монашескую традицию, как она сложилась до XV в.», и «во всем. . . хотел вернуться к обычаям древних пустынников Ближнего Востока. . .»,³⁷ что он *вводил* на Руси «царский, или средний, путь» монашеского подвижничества — скитское житие.³⁸ Как видим, Нил имел перед собой сравнительно близкий и несомненно уважаемый им русский образец — фигуру и книги самого основателя монастыря, из которого он вышел, — Кирилла Белозерского.

От этого образца Нил Сорский отступил лишь в том отношении, что принял меры, чтобы его скит не перерастал в большое общежитие (процесс перерастания «исихастерия» отшельника в скит, а скита в монастырь был довольно обычным, и очень многие монастыри в XIV—XV вв. возникли именно так), и ограничил прием в свой скит требованием от монахов грамотности. А Кирилл принимал и неграмотных, и его рукописи говорят не только о «словесных», но и «о неумбьющих, ни же прочитающих святаа писаниа» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XV, л. 84).

* * *

Книги Кирилла Белозерского начинали собой монастырскую библиотеку. В них, считает Н. Н. Розов, как в эмбрионе, содержатся «гены», развившиеся затем в различных перекрещении в дальнейшей почти пятисотлетней истории библиотеки.³⁹ Для поколений монахов обители и ее окружения эти книги служили образцом во многих отношениях — не только своим содержанием (хотя, надо сказать, не всем и не во всем), но, как мне представляется, и своими почерками: это очевидно, когда берешь в руки рукописи конца XV — начала XVI в. тамошнего происхождения. Даже написание слова «аминь» как бы по-гречески, слитной скорописью (частое в книгах из круга Нила Сорского), восходит, оказывается, к манускриптам Кирилла Белозерского.

Точно определить, в чем именно и кому эти книги служили образцом и источником, — дело будущего. По-видимому, именно такой подход и даст когда-нибудь возможность полностью, по-настоящему, в исторической перспективе охарактеризовать эти рукописи и их содержание. Но уже сейчас можно сказать, что «энциклопедические» сборники в восьмую долю листа четье-справочного характера, создававшиеся в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XV в.,⁴⁰ являются прямыми «потомками» сборников Кирилла.

³⁶ ГИМ, собр. Шукина, № 212; см.: Г. М. Прохоров. Повесть о Нило-Сорском ските. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1976. М., 1977, с. 13.

³⁷ Ф. фон Лилиенфельд. О литературном жанре сочинений Нила Сорского. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 97—98, примеч. 101.

³⁸ Характерно в этом отношении уже само название книги: Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России. . . СПб., 1864; см. также: М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского Предание и Устав. — ПДН, CLXXIX, ОЛДН, 1912, Вступительная статья; G. A. Maloney. Russian Hesychasm. The Spirituality of Nil Sorskiij. Paris, 1973.

³⁹ Н. Н. Розов. Из истории Кирилло-Белозерской библиотеки. — В кн.: Труды ГПБ, т. IX (12). Л., 1961, с. 177—188.

⁴⁰ См.: Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 130—168; Р. П. Дмитриева. 1) Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 143—170; 2) Четьи сборники XV в.

Я здесь подойду к «библиотеке» Кирилла Белозерского не с целью систематического ее описания (это сделано в упомянутом Перечне, см. с. 354—380), а как к памятнику культуры; я хочу показать некоторые яркие и важные его особенности, характеризующие, как мне кажется, и самого Кирилла, и его время. При этом постараюсь меньше говорить сам, а больше дать говорить рукописям.

Начну с текстов, которым наряду с учительной совершенно очевидно присуща и эстетическая функция.

В Сборнике ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XV, после сочинения Нила Синайского «О осмих помыслех» (л. 127—150), на котором в значительной мере базировался Нил Сорский в своем учении о страстях, читаем (л. 150—157) замечательное произведение, своего рода поэму, написанную в свободном ритме, «Святаго отца нашего Нила о бестрастии души и тѣла».⁴¹

Приведу здесь два небольших отрывка из нее (полностью печатаю в приложении), члени текст на строки в согласии со знаками («точка» и «запятая») в рукописи.

... Тогда просвѣщается душа
и просвѣтляется умъ,
и освѣщается сердце,
успокаивается смьсль,
цвететъ свѣсть,
играють помысли,
веселится духъ,
радуются вся уды душа мысленныя,
обнавляется новый челоувѣкъ,
отбѣгаетъ ветхыи . . .

... Тогда в неизглаголаннѣй радости
бываетъ таковая душа,
и вся просвѣщается,
вся украшается,
утверждается,
смѣривается,
прославляется,
похваляется,
удивляется,
утѣшается,
величается . . .

А вот ритмически организованный своего рода эпиграф к следующему за ним историческому сочинению под названием «Сказания полезная о латинох: когда отлучишася от грѣкъ и святыя Божия церкви. . .»;⁴² он озаглавлен «О латинѣ», а на поле рядом с ним киноварью написано «писа» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII, л. 235; см. с. 369):

как жанр, с. 162—168. М. Д. Каган-Тарковская. Энциклопедические сборники XV в. и круг интересов книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. — В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 192—199; М. Д. Каган, Н. В. Поньрко, М. В. Рождественская. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, т. XXXV. Л., 1980, с. 3—300.

⁴¹ В Патрологии Миня среди сочинений Нила Синайского его нет; не указано оно и в «Обзрении писаний преп. Нила Синайского» (см.: Прибавление к 31 тому Творений св. отцов в русском переводе, издаваемых при МДА. Творения преп. о. н. Нила, подвижника Синайского, ч. I. М., 1858, с. 14—26). Другие известные мне списки этого произведения: ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, Сборник Ефросина, XV в., л. 288/2—299; ГПБ, Софийское собр., № 1463, XVII в., л. 258—262 об.; ГПБ, собр. Погодина, № 1560, XVII в., л. 30—31; БАН, 21.8.10, XIX в., л. 301 об.; отрывок из него (от слов «Тело бо наше дом. . .» до слов «. . . помысли же служители») находится в сборнике Германа Подольного, ученика и корреспондента Нила Сорского (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 101/1178, конец XV в., л. 259), а часть (до слов «вмѣсто луны — божественная исправления») напечатана в Прологе под 19 августа (М., 1643, л. 823 об.—824 об.) под названием «Слово святаго Нила о бестрастии души и тѣла»; см.: М. Д. Каган, Н. В. Поньрко, М. В. Рождественская. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина, с. 72.

⁴² Начало: «В лѣта благочестивых царей Константина и Ерины...». По рукописи начала XV в. из собрания издателя «Сказание» издано: А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV в.). М., 1875, с. 178—188. Список ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII остался А. Попову неизвестен.

«(Е)дино стадо, единый пастырь»,⁴³
 едина вѣра о Христвѣ,
 едина братиа
 400 лѣт
 и 80 и 5.

Едина вѣра
 и стояние едино,

едино приношение,
 приносяще святыхъ таинъ,

тѣло и крѣвь Христову,
 еже есть хлѣбъ съвршень,
 и вино,
 и вода.

Присутствующее здесь число 485 указывает, очевидно, на промежуток времени между вторым вселенским собором 381 г., на котором был окончательно сформулирован Символ веры, и отлучением от церкви в 867 г. константинопольским патриархом Фотием римского папы Николая I за допущение в Символ слов «и от Сына». В «Сказаниях полезных...» речь как раз и идет о том, как начиная с эпохи Карла Великого в римско-католическую догматику стало проникать «филиокве», и о последующем расхождении западной и восточной христианских церквей.

Текст без названия из того же сборника (л. 318 об.):

Аще, в грѣсѣхъ състарѣвся, человекъ
 завѣщаетъ въ молитвѣ своей завѣтъ
 между събою и Богомъ, глаголя:

«Прости мя, Владыко,
 яже съгрѣшихъ и доселѣ.
 Отселѣ не сотворю давныхъ моихъ грѣхъ,
 ни обращаю къ нимъ,
 но исповѣмся имени Твоему».

Приято бысть от Бога покаанье его.
 И таковыя достоить примати
 опщению святыхъ таинъ.

Аще ли не прѣстанут от грѣхъ злыхъ,
 таковии въ покаании прѣбываютъ
 донележе прѣстануть и тако сподобятся.

Ритмически организованной представляется и известная киноарная запись в «Изложении пасхалии седмыя тысяща послѣднее сто» под 6967 (1459) г., (там же, л. 351 об; см. с. 372):

Зде страх,
 зде скръбь,
 зде бѣда велика:

В распятии Христовѣ сий кругъ бысть,
 и се лѣто на конци явися,
 въ не же чаемъ въсемирное твое
 пришествие.

О Владыко!
 Умножися безаконие на земли!
 Пощади нас!

О Владыко!
 «Исполнь небо и земля славы твоя»,
 Пощади насъ!

«Благословень гряды въ имя Господне»,
 Пощади нас!

Блюдѣте убо извѣстно
 и разумнѣ, о братье,
 кто хоцетъ быти въ то врѣмя:

Бѣгаа бѣжи невѣжъ и невѣриа!
 Быша и при насъ Измаилы
 зде и дозде и паки.

У этого текста оказалась любопытная судьба: под тем же 6967 (1459) г., что и в Пасхалии Кирилла, он оказался помещен в несколько искаженном виде в Софийской II и Львовской летописях. Там: «Того же лѣта бысть Благовѣщение на Пасху. Писано в Пасхалии: Братия! Здѣ страх, здѣ бѣда велика, здѣ скорбь немала, яко же в распятии Христовѣ сий кругъ солнцу бысть 23, луны 13, сие лѣто на конци явися, во нь же чаемъ всемирное при-

⁴³ Иоанн, X, 16. Замечу попутно, что та же цитата из Евангелия от Иоанна («Едино стадо и един пастырь») обнаруживается в качестве приписки в рукописи конца XIV в. из Чудовского собрания ГИМ № 23 (л. 19). См.: Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980, с. 15.

шествие Христово. О Владыко! Умножишася безакония наша на земли. Пощади, Владыко! „Исполни небо и землю славы твоея“, пощади нас! „Благословен гряды во имя Господне“. Блюдите убо, братия, извѣстно, разумѣйте, кто хоцещи (быти) в то время, бѣжи и невѣрия: при нас Измаилы». И далее присовокуплено объяснение, из которого следует, что этот поэтический текст воспринимался буквально и заставлял ожидать конца света в 1459 г.; а поскольку этого не случилось, то и потребовалось это объяснение: «Господь бо не хоцет смерти грѣшником, но ожидая покаяния. Рече Господь: „Не вѣсте дни и часа, во нь же Сын челоувѣческий придетъ“. И того лѣта не бысть ничто же».⁴⁴

Я. С. Лурье отметил «рассуждение о конце света под 6967 г.» в ряду сообщений Софійской II и Львовской летописей, отсутствующих в других летописях и связанных, как он полагает, с житийной литературой.⁴⁵ Но в данном случае заимствование сделано, очевидно, из Пасхалии Кирилла Белозерского; только, может быть, не непосредственно: мы видим этот текст извлеченным из Пасхалии уже в книге, написанной учеником Кирилла Мартинианом (ГИМ, Музейское собр., № 3711, Канонник, л. 299 об.), и уже слегка искаженным: «. . . в распятии Христовѣ сий бысть круг солнцю 23 и луне 13. . .».⁴⁶

Похоже, что текст, о котором идет речь, довольно широко распространен в XV в. в списках Пасхалии и отдельно и способствовал росту сначала ожиданий конца света, а потом недоумений: в 1492 г. новгородский архиепископ Геннадий в грамоте соборному духовенству о составлении Пасхалии на восьмую тысячу лет писал: «И как седмая тысяща изошла, да и пасхалья рядовая с толком извелася, да еще к тому нѣкто написал: „Здѣ страх, здѣ скорбь. Аки в распятїи Христовѣ сей круг бысть, сие лѣто и на концѣ явися, в не же чаем всемирное твое пришествие“, — ино о том мльва была в людѣх, не токмо в простых, но и в преимущих; о сем многим сумнѣние бысть».⁴⁷

«Еретики ли вставили в пасхалию эту угрозу на соблазн православных, — рассуждает Н. С. Тихонравов, — или просто кто-нибудь из последних выразил без всяких задних мыслей господствующее опасения времени, неизвестно. . .».⁴⁸ Как кажется, — ни то, ни другое. Автор текста, кто бы он ни был, написав слова «В лѣто 6967 круг солнцю 23 и луне 13, индик(т) 7, ѳемелио 26», обратил внимание на то, что «в распятии Христовѣ сий круг бысть», и потому готов был ждать в этот год страха, скорби и беды великой и считал, что такой же год будет в конце времен, во второе пришествие Христово. Что и высказал в поэтическом, как мне кажется, произведении, выражающем разом вполне ортодоксальное предвидение страшного конца света, мольбу о пощаде и поучение к братии остерегаться «невѣж и невѣрия». Слова «Быша и при нас Измаилы», по мнению Варлаама, «можно разуметь о нашествии на Россию татарского правителя Едигея, бывшем в 1408 году».⁴⁹ Но мне кажется, автор Измаилами называет здесь «невѣж», которым свойственно «невѣрие» и которые были как при нем, так и раньше («зде и до зде»). Может быть, это те, кто переходил в мусульманство. Во всяком случае, сам Кирилл Белозерский не ждал

⁴⁴ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 181; т. XX, 1 половина. СПб., 1910, с. 263—264.

⁴⁵ Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 235.

⁴⁶ Варлаам, архим. Обзорение. . . , с. 16; Г. И. Вздорнов. Искусство книги. . . , № 109.

⁴⁷ РИБ, т. VI. Памятники древнерусского канонического права. Часть 1 (Памятники XI—XV вв.). 2-е изд. СПб., 1908, стб. 810.

⁴⁸ Н. С. Тихонравов. Отреченные книги Древней России. Очерк шестой. — В кн.: Сочинения Н. С. Тихонравова. Т. I. Древняя русская литература. М., 1898, с. 241.

⁴⁹ Варлаам, архим. Обзорение. . . , с. 17.

конца света в конце седьмой тысячи лет (1492 г.) и, думаю, не предполагал, что этот эмоциональный ритмический текст может кого-то ввести в соблазн. Его Пасхалия заканчивается словами «Конец седмыя тысяща. Троице святаа, слава ти. Доа си о Θεοος. Слава ти, Душе святыи. Слава ти, Боже», за которыми идут вопрос и ответ, говорящие о круговороте времен:

«Въпрос: За колико лѣтъ обновлѣтся кругъ небесный? Отвѣт: За 100 лѣтъ, а земный за 90 лѣтъ, а звѣздный за 50 лѣтъ, а солнечный за 28 лѣтъ, а мѣсячный за 19 лѣтъ, а мрьскый за 60 лѣтъ, а вѣтреныи за 4 лѣта, а ендиктион за 15 лѣтъ, а висекто за 4 лѣта, а водный за семь лѣтъ» (л. 361 об.).

Явно тот же человек, кто сочинил текст «Зде страх, зде скорбь. . .», написал и под 6936 (1427—1428) г. предостережение-пророчество: «Блюдѣте убо, о братие, извѣстно и разумнѣ: зде нужда» (л. 341 об.), а на поле отметил эту запись словом «Зри» (и то и другое киноварью; см. с. 371). Мартиниан и это пророчество выписал в свой Канонник (ГИМ, Музейское собр., № 3711, л. 299), добавив от себя указание на год, за которым оно следует: «на конци 35 лѣта».⁵⁰

Любопытно, что это предостережение было сделано за очень небольшое время перед тем, как оно должно было исполниться: «Изложение пасхалии седмыя тысяща послѣднее сто», где оно содержится, начато 6932 (1424)-м годом, стало быть, и писано было около этого года (водяные знаки бумаги этого сборника указывают на конец XIV—20-е гг. XV в.). Мне представляется, что автором предостережений-пророчеств в «Изложении пасхалии. . .» был сам Кирилл Белозерский. По крайней мере в одном случае этот автор не ошибся, так как в 1427 г. Кирилл умер, и у воспитанной им братии, конечно, была «нужда», усугубившаяся вскоре сильным мором.

Говоря о ритмически организованных текстах в книгах Кирилла Белозерского, нельзя не сказать о записях в конце Сборника ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XIII. На л. 365 об. поперек, а точнее сказать — вдоль страницы, т. е. вертикальными строчками, написано следующее (членю текст на строчки согласно пунктуации рукописи):

Свершенныя любве,
ангельского смиренумудрия,
чистыя молитвы,
безвѣтлѣнныя чистоты

и таковых —
егда сия притяжеши,
тогда увѣжь, яко далече еси еще от Бога.

А далее таким же образом на последнем пергаменном листе, попавшем в бумажную в целом книгу, очевидно, при ее переплетении (переплет старый), написано, как и в предыдущем случае, полууставом, почерком схожим с почерками рукописи, темными чернилами, такое произведение:

«Искупующе время,
яко дние лукави суть»,
время досаждения прииде.

Время безчестия приде,
безлюбием искупи время.

Купи смиренумудрѣством
и долготерпѣньем
досаждения время
и приведи ползу к себѣ.

И вся спротивна,
аще хоцемъ, на ползу намъ бывають.

⁵⁰ См.: Там же, с. 16; Г. И. Вздорнов. Искусство книги. . ., № 109. Г. И. Вздорнов слова «на конци 35 лѣта» понял как указание на промежуток времени, отделяющий писца от якобы ожидаемого им в 1459 г. второго пришествия Христова, и отсюда рассчитал время написания рукописи как 1424 г.: «1424+35=1459». Иначе говоря, сделанные Мартинианом выписки из Пасхалии Кирилла Г. И. Вздорнов принял за его собственные приписки.

Ни один из этих текстов не выглядит как отрывок из какого-то большего учительного сочинения, оба они кажутся самостоятельными произведениями. Во главе второго стоит цитата из Послания к Эфессянам (V, 16), что заставляет вспомнить ритмический текст, приведенный нами выше (с. 58), во главе которого тоже стоит цитата из Писания («Единое стадо, единый пастырь», — Евангелие от Иоанна, X, 16). Вспоминается и предостережение-пророчество из Пасхалии, которое недавно было предметом нашего внимания; мы видим там подобное обращение с цитатами, в данном случае с фразой из литургии («Исполнь небо и земля славы твоея») и фразой из Псалма СХVII, 26, повторенной в Евангелиях От Матфея (XXI, 9), От Марка (XI, 9) и От Иоанна (XIII, 13) («Благословенъ грядый въ имя Господне»); обе они служат как бы обращением, за которым каждый раз идет просьба: «Поощади нас!».

В целом текст, начатый словами апостола Павла, является откликом на эти слова и размышлением, вызванным приходом времени «досаждения» и «безчестия». Его смысл состоит в том, что надо пользоваться таким временем как okazji для извлечения пользы с помощью смиренномудрия, долготерпения и беззлобия. По-гречески «искупующе время», ἐξαγοραζόμενοι τὸν χρόνον, означает «дорожа временем», «пользуясь удобным случаем», «улуча время». Весь текст строится на некогда возможной для греческого языка связи слов «покупать» и «время», необычной для славянского языка. Но поскольку на этой связи сделан здесь упор — автор как бы осваивает, по-своему осмысляет эту связь, — мне представляется вероятным, что это отклик именно на славянский перевод выражения из Послания к Эфессянам.

Все ритмически организованные тексты, о которых мы говорили выше, явно не предназначались для общественного исполнения, скорее — для чтения глазами. Ниже я приведу текст, предназначенный именно для общественного исполнения, — из «Последования святыя Пятидесятница» (Кирилло-Белозерское собр., № XII, л. 375). Приведу его с пространным заглавием, или, вернее, предисловием, написанным киноварью. Оно дает «типовую» картинку монастырской жизни: солнце начинает клониться к вечеру, монах бьет колотушкой в деревянное било, братия собирается в церковь, раздаются первые слова службы, поет хор. . . Этот текст легко членится на три части: каждая из них начинается киноварным инициалом, а каждая из частей — на 6 строк, или «строф»:

«Послѣдование святыя Пятидесятница. Съврѣшаемъ въ неделю Святаго Духа. Въ ту же неделю вечер, солнцу с полудни ступившу, и уставленому въ сию службу въ било ударившу, и братьямъ въ церковь събравшимся, и священнику начяло сътворшу, и по обычномъ глаголании псалма на „Господи възвах“ поставим сих три на 6, поюще сих по 2-щи, глас 4:

Прѣславнаа днесь
видѣша языци въси
въ градѣ Давидовѣ,

егда Духъ
съниде святыи
огненными языки,

яко же богоглаголивый
Лука написа,
рече бо:

Събраном ученикомъ Христовымъ
бысть гласъ,

яко же носиму дыханию нуждну,

и испълни домъ,
иде же бѣша сѣдяще,
и въси начаша вѣщати

странными глаголы,
странными велѣнми,
странными учении
святыя Троица.

Духъ святыи
бѣше убо присно
и естъ, и будетъ,

ни же начинаемъ,
ни же прѣстаемъ,
но присно

Отцю и Сыну
сѣчиненъ
и счисляемъ,

живот и животворяи,
свѣтъ и свѣта подателенъ,
самъблагъ и источникъ благодсти,

им же Отецъ познавается
и Сынъ славится
и ими же тѣчию вѣдомъ естъ —

едина сила,
едино сѣчинение,
едино покланѣние
святыхъ Троица.

Духъ святыи —
свѣтъ и живот
и живыи источникъ разумный,

духъ премудрости,
духъ разума
благъ, правъ,

умный,
владычествующъ,
Богъ и боготворя,

огнь от огнѣ происходя,
глаголя, дѣя,
раздѣляя дарованна,

им же пророци вѣси
и божии апостоли
съ мученики вѣначаша.

Странно слышание,
странно видѣние:
огнь раздѣляемъ въ поданни,
дарованни».

Прежде чем от ритмически организованных текстов перейти, как я собираюсь, к «естественнонаучным», позволю себе (и, надеюсь, читателю) удовольствие привести здесь своего рода похвальное слово месяцу марту, блестящее живым чувством радости бытия, эрудицией автора и, может быть (в конце), даже юмором (имею в виду распространение на февраль вообще сказанного о предшествующем второму пришествию Христову времени антихриста) (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII, л. 311—312 об.): «Мѣсяць мартъ, имат дний 31; день имат час(ов) 12, и ночь 12. (Далее следует, как кажется, слово «Пралигъ» или «Прилагъ», — Г. П.).

Сей начаток мѣсяцемъ и пръвый наричется богоугодником Моусеом. От сего бо учими бываемъ всякими, Богомъ сдѣлованнымъ от небытия въ бытие. И явѣ: еже от земля възращаемаа былиа тогда, и сѣмое сѣма по повелѣнью Божию, и ново коренится по-тихости. Морю же и небу яснѣйшимъ бывати, еже от зимнаго пооблачения и мъглы премѣншимся.

О сем въ двадесятый и пръвый (день) человекъкъ сзданъ бысть рукою Божию.

Въ семь и Израильстии люде фараонитския руки отпушенны быша, и море Чермное преидоша, и Пасху сѣвршиша; въ семь и въ землю внидоша обѣтованную.

Въ семь Сынъ Божий сниде нашего ради спасения и въселися въ блаженное чрево приснодевыа Мариа, пречистыа Богородица, плоть от нея въсприемъ. Въ сем и креста ради смерть въсприят и въскресеение намъ благолѣпно обнови.

Въ семь вѣруемъ и общее въскресеение, и всемирный суд, и всеконѣчному и неотрѣшному уставлению събытися.

Еже и рѣщи нѣлкоему мѣсяца пролѣтна (т. е. весеннего, — Г. П.) у истинѣ и мартъ рещи, яко въ том обрѣтаются вся пролѣтнаа бывати — будущаа же и събываемаа.

Сей еже по евреехъ „нисанъ“ наричется; еже от италиихъ первѣе — „примось“, потомъ же Ромомъ, иже Римъ сздавшему — за его же и сѣменитие града имяше, — „мартъ“ нарековася вины ради таковыа. Той Ромъ рече: „Зижду жертвище мужеское въ мѣсяць примовъ“. И того сѣвршиивъ и обновльниа створъ, нарекова того „мартъ“, иже естъ елиньскы „Ареось“, — чтый понѣ о семь Бога своего.

И да не прѣступнѣйше слово притяжу: сей наречень бысть „мартъ“, еже естъ мѣсяць пролѣтнѣй, сирѣчь свѣршень, яко пръвѣе того явѣ февралю доставшю, о нем же нешшую и Господу приточно въ Еуангелии рекшу, яко: „Аще не прикратились быша дние они, не бы спаслася всяка плоть“.

Пролитие мѣсяця мартъ уставися сице». ⁵¹

Евангельские слова о последних страшных днях мира (Матф., XXIV, 22) отнесены здесь, как видим, к месяцу февралю.

* * *

Теперь перейдем к сочинениям, так сказать, естественнонаучного характера. Еще С. Шевырев заметил, что «в этих книжках, содержащих в себе правила, относящиеся к церковному и монастырскому учреждению, основатель монастыря счел нелишним вставить многие объяснения явлений природы, из коих иные заимствованы из древнего писателя Галена». ⁵² Он имел в виду статью «Галиново на Ипократа», ⁵³ где говорится об элементах («вещях»), из которых составлен мир, о веществах («стихиях»), составляющих «малый мир, сирѣчь человек», об их свойствах, о том, что человек здоров, когда в его теле равновесие «стихий», о возрастных изменениях, о причинах болезней и т. п. В связи с тем, о чем я намерен говорить дальше, процитирую тут небольшой отрывок из этой статьи. ⁵⁴ «Въпрос:

⁵¹ Предлагаю сравнить эту «похвалу» с во многом подобной ей «похвалой» месяцу марту в Житии Стефана Пермского, написанном Елифаньем Премудрым: «. . . се естъ мартъ мѣсяць начало всѣмъ мѣсяцемъ, иже первый наречется въ мѣсяцехъ, ему же свидѣтельствует Моисий Законодавецъ, глаголя: „Мѣсяць же вамъ первы в мѣсяцѣхъ да будетъ мартъ“ (Исход, XII, 2).

Да яко же учими есмы, иже и научаемся, явѣ — начало бытию: марта бо мѣсяца начало бытия, вся тварь Богомъ сотворена бысть от небытия в бытие; марта бо начало зданию бысть, марта же мѣсяца в 21 дѣнь и первозданный человекъ, родоначальникъ Адамъ, рукою Божию созданъ бысть.

Марта же мѣсяца нѣкогда Израильстии люди древле, яко же Григорий Богослов вѣща, от земля Египетския и от работы фараонитския и моря Чермнаго пучину немокрыми стопами, яко по суху, пѣши шествоваша.

Марта же мѣсяца пакы Израильтяне в Землю обѣтованную внидоша, Иерусалим составиша.

Марта же мѣсяца пакы Израильтомъ Пасху праздновати по вся же лѣта удержася бывати.

Марта же мѣсяца и Благовѣщеніе бысть святыя Богородица, еже архаггель Гаврииль благовѣсти ей, егда Сынъ Божий за наше спасение с небесе сниде, и вселися въ пречистую утробу всесвятыя Владычица наша Богородица и приснодѣвья Мариа, и без сѣмени плоть от неа възсприимъ.

Марта же мѣсяца и распятие Христосъ волею претерпѣ, и смерть за насъ пострада, и възкресение боголѣпно намъ праздновати устави.

Марта же мѣсяца пакы чаемъ възкрешения мертвымъ, и втораго пришествія Христова, и страшнаго грознаго третянаго гордаго, притранаго, не обуменнаго, беспосулнаго всемирнаго суда, егда приидеть съ славою, хотя судити живымъ и мертвымъ и въздати комуждо по дѣломъ его, ему же слава въ вѣкы» (Житие святого Стефана. . . , с. 23—24).

Мысли «похвалы» из Жития, как видим, полностью совпадают с мыслями, так сказать, богословской части «похвалы» из книги Кирилла Белозерского, в Житии они даже подробней изложены. Но в отличие от той в нем отсутствует то, что можно назвать историко-филологическим экскурсом.

⁵² С. П. Ш е в ы р е в. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, с. 23.

⁵³ Хочу обратиться на этот список (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII) внимание Б. А. Старостина, который в книге «Естественнонаучные представления Древней Руси» (М., 1978) в статье «Биологические знания» (с. 94) написал: «В этот же период (речь идет о начале XVI в., — Г. П.) на Русь проникает и учение Гиппократа. . . Известен список комментариев Галена, относящийся к началу XVI в.». Список Кирилла Белозерского отмечали, кстати сказать, историки медицины, см.: В. Н. Терновский. Клавдий Гален и его труды. — В кн.: Клавдий Гален. О назначении частей человеческого тела. М., 1971, с. 26—28. См. наст. изд., с. 366.

⁵⁴ Эта статья, «Галиново на Ипократа», как и следующая за ней «Александрово», где говорится о развитии младенцев в материнской утробе, очень напоминает отдельные

Что есть врач? Отвѣт: Врачъ есть естеству служителъ и въ болѣзняхъ сподвижникъ. И съвршенъ убо есть врачъ, иже видѣниемъ и дѣaniemъ искусенъ, изряднѣиши же — иже всѣ творя по правому слову. Врачество есть художество: мѣра здравствующимъ, исцѣлитель болящимъ» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII, л. 218).

Говорить подробно обо всех «естественнонаучных» сочинениях в сборнике Кирилла я не стану, несмотря на то что здесь много в высшей степени любопытного: тема эта заслуживает и требует специальной работы. Чтобы скорее перейти к тому, на что я хочу обратить внимание, но при этом не оставить читателя в неведении относительно общего характера этих сочинений, ограничусь краткими выборочными замечками.

В этих статьях обращает на себя внимание, в частности, неожиданное объяснение обычая отмечать «третины», «девятины» и «четыредесятины» по покойнику: «. . . яко сѣмя убо, въ утробу (женскую, — Г. П.) въшедшее, в третій дѣнь прѣмѣняется въ кровь, и живописуется сердце, в 9(й) же сгустѣвается въ плоть и съставляється въ уды члѣновы, въ 40(й) же въ видѣние съвршено въображається», так после смерти человека «в третій (день он, — Г. П.) измѣняется. . . в 9-ты жь раздрушается и сльивается всѣко, съхранѣему срдцу, в 40-ты же и самое то сердце раздрушается. Сего ради третины, девятины и 40-тины творятся умрѣшимъ» (Кирилло-Белозерское собр., № XII, л. 221—222).⁵⁵ Между прочим, Диоптра, с которой Кирилл, по-видимому, был знаком (см. примеч. 54) по-другому, не «естественнонаучно», объясняет тот же обычай поминать человека в 3-й, 9-й и 40-й дни после смерти, а именно тем, что на третий и на девятый дни по воскресении Христос являлся ученикам, а в 40-й вознесся.

Далее следуют другие любопытные статьи. В статье «О широтѣ и длѣтотѣ земли» расстояние от восточной оконечности суши до западной («от востока даже до запада») определяется как в два раза большее, чем расстояние от северной до южной — 25 тем стадий. Об Америке Кирилл, естественно, еще не знает, но землю представляет шарообразной, что ясно из статьи «О земном устроении», где говорится, что «Елико нас отстоитъ небо, толико отстоитъ небо под землею от всѣхъ странъ», что земля, как яйцо

места из Диоптры Филиппа Монотропа и даже производит впечатление прямого заимствования оттуда. Это впечатление усиливается тем, что поблизости в этом же сборнике (л. 192 об.) находятся «Стиси Константина нѣкоего Ивста (о) книзе глаголемѣй Диоптра, сирѣчь Зерцало» — одно из предисловий к Диоптре, с которыми она переписывалась. Ясно, что в распоряжении Кирилла было это недавно (в конце XIV в.) появившееся на Руси в славянском переводе произведение византийского писателя XI в., о котором сам Филипп Монотроп в «Отглаголании яже к любозаборнымъ», своего рода послесловии, пишет: «Написах же отчасти естествословие, от внешних мудрець ветхых оных — Ипократа же глаголю и Галина такоже, от них же любомудрствоваша о твари и о тоя первых изрядных стихиях великих, яже исперва приведе Бог в мир сей — въздух глаголю, и огонь, и землю, и воду, — и како от сих четверица съставом ражается: кровь и флегма, и желчь желтая же и черная, — и от них же телеса наша състоятся человеком, и возрасти четьри последуютъ сим. . .» и т. д. (ГПБ, Ф.п. I. 43, л. 131). Оказывается, однако же, что при всем большом сходстве тем и даже выражений полного совпадения с Диоптрой в этих статьях нет; по-видимому, это — заимствование из того же источника, из которого черпал Филипп Монотроп. Отмечу также тематическое (но тоже не текстуальное) сходство естественнонаучных статей в книге Кирилла Белозерского, о которой идет речь, со статьями Сборника примерно середины XV в. чешского народного музея (собр. Шафарика, № 14), о котором писал и часть текстов которого издал В. Ягич, см.: V. J a g i ć. Opisi i izvodi iz nekoliko jožnoslovenskih rukopisa, IV. — Starina, X. U Zagrebu, 1878 (XVI. Sredovječni liekovi, gatanja i vračnja), s. 15—17.

⁵⁵ Замечу попутно, что относящаяся к покойнику часть этого текста помещена рядом с изображением покойника на трехъярусной иконе, виденной мной в Вологодском краеведческом музее. Похожий греческий текст по списку XVII в. и иной славянский перевод по пражскому Сборнику XV в. издал В. Ягич в упомянутой в предыдущем примечании работе (с. 18).

скорлупой, окружена со всех сторон воздухом и небесами, «ни на чем же висит» «посрѣд(и) небесныя празности» и «носится. . . яко же пѣкое перо» (л. 222 об. — 236 об.). В статье «О облакохъ» объясняется, что они представляют собой «въздух съ водою смѣшень», и приводится такой пример: «Се же явлѣется и въ нас въ врѣмя зимное: дыханию нашему изъ усть исходящу, вода убо, раздѣлѣема, яко же роса, падаеть по брадахъ нашихъ, дыхание же расходится на въздухъ» (л. 231 об.). Статья «О громовехъ и молнияхъ» разъясняет, почему мы сначала видим молнию, а потом слышим гром: «И тако есть зане зрѣние челоувѣчьское. . . не коснить. Сего ради и молния скоро зрит. Слышание же косно чювьство есть, и коснит слышати громный грохот, и слышити его послѣди же молния. Се же зри да видиши на сѣкущихъ дрѣва, аще отдалече нас есть сѣкый. . .» (л. 233 об. — 234). И прочая и прочая в том же духе. Я считаю важным хотя бы вскользь сказать об этих статьях, чтобы читателю, как и мне, сделалось очевидным, что молитвенная самоуглубленность, молчаливость и жажда «умиления», столь сильные в Кирилле, прекрасно уживались в нем с желанием знать и понимать материальный мир, в котором он живет, с интересом к его истории и его устройству.

Я уже процитировал выше вопрос и ответ «Что есть врач». Вернусь к той же статье («Галиново на Ипократа»). Далее там, после разъяснений о частях тела и временах года, содержатся такие врачебные советы на все сезоны: ⁵⁶ «И пролѣтъ (весна, — Г. II.) убо начинается от 24 марта мѣсяца, — даже до 24 иуниа. Бывает же умножение крѣви. Подобаеть убо пуцати крѣвь и творити очищение утробѣ съ воифимы.⁵⁷ Пища же — зелье топло. Бѣжати же сытости рыбныя, и вина топла, и вечера късныя (т. е. избегать поздних ужинов, — Г. II.).

(Л)ѣто начинается от 24 иуниа, — даже до 24 септвѣриа. Бывает же умножение чрѣвныя жлѣчи. И подобаеть себе упокоавати и не ясти много, огрѣбати же ся от елика суть люта; и пити подобаеть воду студену; и вечера докосна огрѣбаться; ясти же мало рыбы студены. Очищения же утробѣ и пуцания крѣви бѣжати.

24 септвѣриа начинается осень, — до 24 декевѣриа. Подобаеть бѣжати от въкушения многих овощей и студеных водъ, и множество вина, и утрых студений, и не съвлагити себе, аще и задушно будет, и хранити себе от гнѣва и ярости, и от въсѣкыхъ сънедей множества. Пуцати же крѣвь и очищати утробу от яда (т. е. от пищи, — Г. II.) воифимою, умалившися лунѣ.

24 же декевѣриа — даже до 24 марта — начинается зима. И умножаетъ же ся флегма, яже есть мокрота. Подобаеть же ясти елика имуть топлоту, яже суть сиа: напе,⁵⁸ рѣдѣквы,⁵⁹ кромидь,⁶⁰ лукъ бѣлый,⁶¹ прасы,⁶²

⁵⁶ Статья «Галиново на Ипократа» напечатана по рукописи ГБЛ, Троицко-Сергиевское собр., № 177, XVI в. дважды: Памятники отреченной русской литературы. Собр. и изд. Н. С. Тихонравовым, т. II. М., 1863, с. 405—410; Л. Ф. Змиев и е. в. Русские врачевники. — ПДП, СХII, ОЛДП, 1895, с. 242—245. Я решаюсь вновь воспроизвести часть этой статьи лишь потому, что пользуюсь гораздо более древней рукописью. Завершая свою цитацию, Л. Ф. Змиев пишет: «Это чуть ли не единственный остаток нашей древней врачебной письменности, хотя и скудный» (Русские врачевники, с. 245). Материал, приводимый мною далее, в его поле зрения и в поле зрения других историков естественных представлений Древней Руси, кажется, не попадал.

⁵⁷ τὸ βοήθημα средство, помощь, пособие.

⁵⁸ τὸ ἄιτυ или ἄιτυ — горчица.

⁵⁹ редька.

⁶⁰ τὸ κρομμύδι — лук.

⁶¹ В Троицко-Сергиевском собр., № 177 вместо лука белого — «чеснок».

⁶² τὸ πράσον — лук порей.

пиперь,⁶³ зинзиверь,⁶⁴ карофаль.⁶⁵ Птии же и укропь съ мѣдомъ и съ мѣстомъ варѣнѣмъ, иже глаголется ипсима.⁶⁶ Огрѣбати же ся рыбу прѣсныхъ сытостьъ, и от зелиа, и вечера късныя» (л. 218 об.—219 об.).

Как видим, Кирилла интересовало, в какое время года как полезней питаться. В этом отношении он был продолжателем интересов создателей и читателей Изборника 1073 г., где, как известно, содержатся советы подобного рода.⁶⁷

А теперь я познакомлю читателя прямо-таки с пособиями для врача-практика, содержащимися в той же рукописи (Кирилло-Белозерского собр., № XII), едва ли не древнейшими в нашей письменности.⁶⁸ Они примыкают к таблицам фаз луны под названием «Съписание, сказующее еже от 6898 (1390) лѣто, сирѣчь от прѣваго круга лунѣ, даже до 6916 (1408) лѣто, сирѣчь даже до 19 кругъ, рождения и ущрѣбления и часовъ потѣнку. . .».⁶⁹ Здесь (л. 173—186 об.) дана роспись часов ущерба и рождения новой луны в течение 19-летнего лунного цикла, начиная каждый раз с января и кончая декабрем; попутно указываются все частичные и полные лунные и солнечные затмения (см. с. 364 и 365) (в конце сказано: «Когда съвършиши дозде, пакы начни от прѣваго круга»). Статьи, следующие за этими таблицами, дают возможность понять, зачем Кириллу понадобились сами эти таблицы.

Первым идет «Сказание извѣст(н)о луннымъ годомъ: когда сѣати и садити и врачевати человекы». Вот оно (л. 186 об.—187): «Наставшаго мѣсяца небѣснаго в 1 день до 9-го часа сѣати и садити и кровь пушати, и власы стрищи. 2, 3 день — год сухъ, а не чръвень — отрасли рѣзати; а кровь пушай о полудни. 4 день порану кровь пушай; а от 6-го часа въсе строити добро. 5, 6, 7 — год растучъ, но чръвень — а кровь въ два дни порану пушай, а в 7-мь весь (день) пушай. 8 — ни сух, ни сыр — ни на что не строишь; а кровь о полудни пушай. 9 — от третиаго часа сѣати и садити и винограды отрѣблѣти, и ино въсе строити добро; но крови не пушай. 10, 11, 12, 13, 14, 15 — лѣс сѣчи и кровь пушати. 16 — на въсе строишь, и кровь пушати. 17, 18 — год ядрен скоти бити; а крови не пушай. 19 — годъ ядрень скот бити, а крови не пушай. 20, 21, 22, 23 — сѣати и садити, кровь пушати, но когда небо чисто. 21 — от крови брани. 24, 25 — ни на что не строишь, токмо кровь вечерѣ пушай. 26, 27 — год сух велми — отрасли нѣтъ, а кровь весь день пушай. 28 — сух велми, а кровь вечерѣ пушай. 29, 30 — тыя дни на все строишь; а кровь въ 29 порану пушай, а въ 30 брани весь день».

Как видим, здесь рекомендуется согласовывать сельскохозяйственные занятия, врачебное кровопускание и даже стрижку волос с лунным календарем.

⁶³ τὸ πιπέρι — перец.

⁶⁴ ἡ ζιγγίβερις — имбирь.

⁶⁵ τὸ καρύφλλον — гвоздика (пряность). В Троицко-Сергиевском собр., № 177 к слову «карофал» добавлено: «сирѣчь орѣшки мскатны».

⁶⁶ τὸ ἔψημα — сваренное, вареное.

⁶⁷ Напомню эти советы читателям (л. 251): «1. Марта 31 день. Сладько яждь и пий. 2. Априля 30. Рѣпы не яжь. 3. Маия 31. Поросята не яждь. 4. Июня 30. Въ часъ вѣторый пий воды мало. 5. Июля 31. Въздържися отъ афродисии. 6. Аугуста. Слѣза не яждь. 7. Сетемвра 30. Млѣка не яждь. 8. Октября 31. Не яждь оцѣтына. 9. Октября (I) 30. Не мыся чясто. 10. Декабра 31. Капусты не яждь. 11. Иенуара 31. Въ час 2 пий вина цѣла мало. 12. Феуаря 28. Сеукла не яжь».

⁶⁸ Подборку такого рода текстов под названием «Лунник» по рукописи XVI в. из Кириллова же монастыря см.: Д. И. Абрамович. Софійская библиотека, вып. I. СПб., 1905, с. LXIX—LXXI.

⁶⁹ Подобные таблицы на те же 6898—6916 (1390—1408) гг. находятся в пражском Сборнике XV в., о котором писал В. Ягич (Opisi i izvodi. . . , IV, s. 2) и о котором по причине его тематической близости к Изборнику ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII мы уже дважды упоминали (примеч. 52 и 53).

Далее (л. 187—187 об.) находится короткое «Ино сказание днемь, от них же достойть хранитися врачевания челоуѣком и скотом, ни крѣви пушати, но блюстися их всегда». Это просто перечень дней: «Мѣсяца ген-(варя) 1 день да 15, фев(раля) 9 да 22, марта 5 да 25, апреля 6 да 20, маиа 3 да 4, июня 6 да 29, июля 5 да 22, августа 6 да 8, сеп(тебря) 3 да 22, ок(тября) 9 да 22, нояб(ря) 5 да 22, дек(абря) 5 да 22». В следующей статье (л. 187 об.) «Ино сказание о том же» идет речь исключительно о кровопускании: «А не пушай крѣви от 12 дни нояв(ря) даже до 25 марта; а пушай от 25 марта до 13 маиа; а от 13 маиа даже до 20-го не пушай. А от 20-го дни сеп(тября) до 12 дни нояв(ря) пушай». И наконец (л. 187 об.—188), последняя и самая интересная из такого рода статей о врачевании с помощью кровопускания. Это своего рода сборник рецептов:

«А се ино врачевание, врѣмени принуждающу.

Аще будет челоуѣкъ струпивъ, пусти крѣвь маиа въ 1, и онъ будетъ чистъ.

Аще будетъ въ челоуѣцѣ студень или сухота, пусти крѣвь маиа же въ 15 ис правыя руки.

Аще будеть въ челоуѣцѣ ужась, или туга, или переполохливъ, или будетъ былъ въ немъ переполох, пусти крѣвь августа 15 из лѣвыя руки.

Въ руку десную съборную флеву⁷⁰ пусти крѣвь, — ползуетъ въсе тѣло. Главнаа же, выше съборныя, — плзуетъ от ягодей. Близ же великаго прѣста, — ползуетъ от кашлѣ, такожде и от ятрѣ.⁷¹

Рука же лѣваа, аще въ зборную пустить крѣвь, такожде плзуетъ въсе тѣло. Аще выше съборныя, иде же есть главнаа, ползуетъ на лице и на зубы. Близъ же великаго палца — плзуетъ от стомаха.⁷² Близъ же малого прѣста — ползуетъ от раста.⁷³

Аще грѣло затечеть, пусти крѣвь из главныхя жилы, повыше съборныя».

Лечебный метод флеботомии, насечки или кровопускания, который имеется здесь в виду, известен медицине с самых древних времен.⁷⁴ В античности его горячим сторонником был Гиппократ, позднее Гален (I—II вв. н. э.).⁷⁵ Их авторитет оставался высок в Византии, сочинения переписывались и переводились на другие языки, а метод насечки широко использовался в течение всех Средних веков, — как в Византии, так и на Западе и на Востоке. В средневековых лечебниках подробно говорится о его применении, часто даются там и диетические рекомендации на разное время года.⁷⁶

Итак, цитированная нами рукопись ясно показывает, что Кирилл Белозерский, стремясь удовлетворить свою любознательность и свои практические нужды (сохранить свое и своих братьев здоровье), имел на Руси конца XIV—первой четверти XV в. возможность воспользоваться общими для всего средневекового европейского и ближневосточного мира элементами античного культурного наследства.

⁷⁰ φλέψ, φλεβός — вена.

⁷¹ Печень.

⁷² Желудок.

⁷³ Селезенка.

⁷⁴ Я пользовался в данном случае консультацией историка медицины Стеллы Варданацян, за что выражаю ей свою искреннюю признательность.

⁷⁵ О рекомендованном Гиппократом кровопускании и о случаях, когда от него надо воздерживаться, Гален пишет, например, в кн.: Γαλήνου τῶν εἰς τὸ περὶ χυμῶν Ἱπποκράτους ὑπομνημάτων βιβλία Γ'. — Πραγματεῖαι τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν. Τόμος δέκατος ἕκτος. Ἐν Ἀθῆναις, 1952, с. 148—149. Но греческого оригинала славянских статей, о которых идет речь, по всей видимости существовавших, я в доступных мне изданиях сочинений Галена не нашел.

⁷⁶ О такого рода рекомендациях в византийской литературе см.: Н. Н u n g e r. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Zweiter Band. München, 1978, S. 309.

В мои возможности и задачи не входило дать здесь полный обзор и равное «право голоса» всем сохранившимся книгам Кирилла Белозерского. Упомянутый Перечень его книг послужит, полагаю, скорейшему и активному дальнейшему их изучению. Как и намеревался, я сказал лишь о некоторых ярких чертах этого ценнейшего памятника русской культуры — личной библиотеки замечательного деятеля замечательной эпохи.

Ценитель «умиления», молчальник Кирилл, несомненно, любил и, кажется, сам писал ритмически организованные тексты.

И ясно, что врачеватель душ Кирилл врачевал и тела. Его незаурядный интерес к устройству мира не ограничивался чистым умозрением, переходя в заинтересованность, побуждавшую его к практической деятельности. И кажется не случайным, что эта деятельность в эпоху, отличавшуюся повышенным интересом к человеку, — к человеку целиком, и к душе, и к плоти, — оказалась врачебной.

Что же касается врачевания душ, то, как показывает, в частности, текст, публикуемый нами в приложении к Перечню, Кирилл был весьма внимателен в различении прегрешений, связанных с определенного рода плотскими соблазнами.

Дальнейшее изучение собрания книг, о котором идет речь, может, я думаю, и многое другое прояснить в личности его создателя и владельца, в истории монастырской библиотеки, которую оно начинает, а также вообще в культуре Руси того, плохо еще нами понимаемого, но достойного того, чтобы стараться больше о нем узнать и лучше его понять, времени, когда оно было создано.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

(ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XV, л. 150—157)

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА О БЕСТРАСТИИ ДУША И ТѢЛА

Братие, уготовимъ себе
 къ еже поработати Господеви
 от всея душа и крѣпости и силы.
 Помыслимъ цесаря и князя,
 владыкы(,) богатя,
 паче же и нищия —
 како кождо ихъ подвизается
 и трудить,
 еже украсити своя жены.
 И жены подвизаются
 угодити своимъ мужемъ.
 Сице и мы створимъ.

Душа бо наша уневѣщена суть
 небесному цесарю.
 Услышимъ Павла апостола,
 о нас глаголюща:
 «Обручихъ бо вас, — рече, —
 единому мужеви,
 деу чисту представи Христови».

Тѣло бо наше домъ и полата есть,
 в немъ же небесный царь живеть,
 душа же невѣста Христова,
 умъ же постелникъ есть,

сердце же престоль Божий,
 смыслъ же дверникъ,
 свѣсть же ризничарь,
 помыслы же служитие.

«Предста бо, — рече пророкъ Давидъ, —
 царица одесную тебе,
 в ризахъ позлащеннахъ одѣяна и
 преиспещренна»,
 о чистѣй души глаголя:
 вся слава дщери цесареви — внутрь.

Да убо сблюдѣмъ опасно
 невѣсту цесареву:
 покроемъ сию,
 схранимъ сию,
 одежѣмъ сию одежею веселиа
 и украсимъ сию ризами златопрядными,
 каменiemъ честнымъ
 и бисеромъ благолѣпнымъ,
 еже суть добродѣтели,
 просвѣтимъ сию благими дѣлы:

вмѣсто порфири¹ — вѣроу въ Бога,
 вмѣсто копрени² — надежею благою,

¹ Пурпурная царская одежда.

² Коприна — шелк.

вмѣсто висса ³ — любовью въ Бога,
 вмѣсто накинѣфинаса ⁴ — девствомъ,
 вмѣсто червленица ⁵ — чистотою,
 вмѣсто гривень — цѣломудриемъ,
 вмѣсто огорѣлий — въздержаньемъ,
 вмѣсто ушникъ — послушаньемъ,
 вмѣсто перьстень — милостынею,
 вмѣсто срѣднее порьфиры — постомъ,
 вмѣсто рясъ и ободецъ — молитвою и
 молениемъ,
 вмѣсто каице ⁶ — бдѣниемъ,
 вмѣсто сложенія утваря мониста —
 сухояденьемъ и низулѣганьемъ,
 вмѣсто мира и мосхоса ⁷ — пѣниемъ и
 удручениемъ,
 вмѣсто златосѣстроенаго носила —
 смѣреномудриемъ,
 вмѣсто жертвѣнныхъ различий — хлѣба
 скудостью,
 вмѣсто вина — воды желаньемъ.

Аще бо сице нашихъ душъ украсимъ,
 и одежемъ, и просвѣтимъ, и съблюдемъ
 добрѣ вѣдѣ и явственѣ знаю,
 яко възжелѣеть небесный цесарь
 добротѣ душъ нашихъ
 и, пришедъ, вселится в ны.

И тогда будемъ ему небо,
 и престоль, и полата,
 и тогда с нимъ царствуемъ,
 вмѣсто солнца чювьственаго
 имуще солнце правдѣ,
 вмѣсто диадими
 свѣтомъ одеянии,
 вмѣсто луча — бестрастие,
 вмѣсто звѣздъ — добродѣтели,
 вмѣсто багряница — свѣтлость,
 вмѣсто луны — божественая
 исправленна.

Аще сице въ иночьскомъ жительствѣ
 поживемъ,
 истинною того любимъ
 и заповѣди его творимъ,
 и тогда отецъ тому и мати и братья
 любовью бываемъ.

Самъ бо рече:
 «Всякъ творяй волю Отца моего —
 сей братъ мнѣ и сестра и мати есть».

Братъ — съцарствуй,
 сестра — яко сънаслѣдникъ,
 мати — яко велми любезнѣ.

Да яко же мати чадо любить,
 тако и мы Христа възлюбимъ,
 тогда Отецъ и Сынъ к намъ придетъ,
 и обитель у насъ створить,
 явѣ яко Святому духу предъвселшюся.

Тогда просвѣщается душа
 и просвѣтляется умъ,
 и освѣщается сердце,
 услаждается смыслъ,
 цвететь свѣсть,
 играютъ помысли,
 веселится духъ,
 радуются вся уды душа мысленная,
 обнавляется новый человѣкъ,
 отбѣгаетъ ветхий.

Тогда ликѣвствуютъ ангели,
 прогонима суть бѣсове,
 възыграются праведнии,
 рыдають супостатъ,
 радуются мученици,
 плачють супротивникъ,
 хвалятся преподобнии,
 празденствуютъ первѣнецъ торжества,
 възхваляютъ патриарси,
 славяють пророци,
 дряхлуютъ и скрупаются лукавини дуси
 и лѣстивни.

С таковою душею
 радуется Отецъ, веселится Сынъ,
 радостенъ есть Духъ святой.

В таковой души
 рѣка дарований наводняется
 и источникъ живота истѣкаетъ,
 солнце правѣдное сияеть,
 звѣзды блистають,
 луна свѣтитъ,
 ангели дивятся,
 архангели чюдятся,
 серафими дивьствомъ сдержими суть,
 начала и власти
 сладостию объемлются
 и съ таковою душею глаголють:

«Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ,
 исполнь небо и земля славы Его».
 И еже: «Слава въ вышнихъ Богу,
 и на земли миръ,
 и въ человѣцехъ благоволение».

С таковою душею
 престолы и господства
 възхваляютъ, глаголюще:
 «Слава вседержительной Отца силѣ,
 и божественей Сына славы,
 и Святаго духа власти».

Тогда в неизглаголаннѣй радости
 бываеть таковая душа,
 и вся просвѣщается,
 вся украшается,
 утверждается,
 смѣрявается,

³ Драгоценная ткань.

⁴ Драгоценный камень.

⁵ Драгоценная ткань или одежда из такой ткани.

⁶ Камыци (?) — (драгоценные) камни.

⁷ Мускус.

прославляется,
похваляется,
удивляется,
утѣшается,
величается.

Тогда въсприемлетъ възданія трудовомъ
и болѣзнемъ земленнымъ,
мѣсто покойно,
царство непреемно,
жизнь бесконечную и непреходимую.

Тогда бываетъ приятно приношение,
жива жертва.

Тогда обрѣтаетъ кадило благовоно,
сладость присносущну,
пристанище благоутшно,
и мѣсто безъмолвно,
просвѣтованно,
нерукотворенно,
вѣнецъ бесмертія,
рай сладчайшій,
цвѣти благовоинни,
крины доброуханни,
радость неизъглаголанну,
дерзновение некончаемо.

Тогда с дерзновениемъ къ Богу
бесѣдуютъ,
и свѣтомъ лица его освѣщается,
и словесная смысла ея прозябения
объявляются.

Тогда чистое ея приношения кадило
облагоухаваетъ,
и нелестная усть ея молитва
на вышнемъ жертвеницѣ
всесъжение показуется.

Тогда мзду многусугубну бдѣнія ея
от Бога приемлетъ.

Тогда полуночныхъ молитвъ
и ютренняго моленія
и славословія
достойный покой приемлетъ.

И кто доволенъ исповѣдати,
или кый языкъ изрещи възможеть,

или который умъ чловѣчь смотротити
радости,
покой,
веселіе,
славу,
присносущный свѣтъ,
иже от Бога сицевымъ даемый?

«Око бо не видѣ,
и ухо не слыша,
и на сердце чловѣку не възде,
яже уготова Богъ любящимъ его»
и правѣ и нелѣностиѣ
от всея душа и крѣпости и силы
съ усердиемъ и страхомъ
работающимъ ему.

Кто же ли пакы възможеть изрещи,
или исповѣдати.

или усмотрити
скорбь,
болѣзнь,
тѣсноту,
студь,
поношение,
томление,
плачь и рыданіе,
мучилища,
геенну,
скрежетъ зубомъ
и огньную рѣку,
пропасть адову,
гартарь,
тму кромѣшнюю,
червь ядовитый и неусыпающий,
изоощренныи трузубци,
наглая томительства,
немилостивыи ангелы,
яже уготовашася небрегущимъ
о своемъ спасеніи!

И что много глаголю?
Съ самымъ тѣмъ дьяволомъ
мучимы будутъ
елицы, бестрашнѣ
въ нынѣшнѣмъ вѣцѣ питающася,
Божіе долготорпѣніе пребидать
и не хотять покаятися искрянѣ.

Д. М. БУЛАНИН

Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси

Сегодня для всех очевидно значение монастырей в истории культуры Древней Руси. Но если культурная деятельность таких центров, как Троице-Сергиева лавра, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский, Соловецкий монастыри, постоянно привлекает внимание исследователей, то целый ряд других монастырей оказывается незаслуженно обойденным. К их числу относится и Владимирский Рождественский монастырь, культурному значению которого до сих пор не посвящено ни одного специального исследования за исключением краеведческих работ XIX в. Между тем, как известно, до 1561 г. первым среди русских монастырей считался именно Рождественский. Необходимо выяснить вклад Рождественского монастыря в культурное наследие Древней Руси.

Монастырь был основан в 1191 г. великим князем Всеволодом III; монастырь был посвящен Рождеству Богоматери, что связано с распространением богородичного культа во владимирских землях в XII в.¹ Уже в XIII в. Рождественский монастырь приобретает первостепенное значение в стране. Епископы и во Владимире и в Ростове ставятся из игуменов этого монастыря. Среди них такие люди, как Симон, Митрофан, Кирилл, имена которых часто встречаются на страницах летописи. В 1230 г. в обители учреждена архимандрития. С середины XIII в. до 1323 г., когда митрополит переехал в Москву, здесь была резиденция главы русской церкви. В 1561 г. специальной грамотой первенство среди русских монастырей было передано Троицкому, а за Владимирским было оставлено второе место. Постепенно монастырь теряет свое значение, особенно после того как в 1723 г. мощи Александра Невского переносятся отсюда в Петербург в Александро-Невскую лавру. По именному указу императрицы Елизаветы Петровны в 1744 г. монастырь был обращен в архиерейский дом. Такова вкратце история этой обители.²

Литературная деятельность в Рождественском монастыре началась уже в XIII в. Игуменом монастыря был Симон — не только крупный политик, сподвижник князя Юрия Всеволодовича, но и выдающийся писатель, автор известного послания киево-печерскому монаху Поликарпу. Симону «были известны не дошедшие до нас памятники письменности: летописец старый ростовский и житие Антония Печерского; сам он был в какой-то мере историком Киево-Печерского монастыря. Как игу-

¹ См.: Н. Н. Воронин. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. — Византийский временник, т. XXVI. М., 1965, с. 190—218.

² См.: К. Тихонов. Владимирский Рождествен монастырь XII века. Владимир, 1869, с. 1—18.

мен, он должен был прививать в Рождественском монастыре вкус к исторической письменности».³

Рождественский монастырь, по мнению некоторых исследователей, с раннего времени связан с историей русского летописания. А. Н. Насонов высказал предположение, что владимирский летописный свод 1305 г. хранился в Рождественском монастыре. В Лаврентьевской летописи, которую большинство ученых считает копией свода 1305 г., на первом листе имеется запись XVI или начала XVII в.: «Книга Рождественсково монастыря Володимерьскаго». По мнению А. Н. Насонова, Лаврентий писал во Владимире в Рождественском монастыре.⁴ А. Н. Насонов допускает также, что в этом монастыре оформлялась Троицкая летопись.⁵

Не решаясь вынести окончательный приговор о месте возникновения Лаврентьевской и Троицкой летописей, хочу обратить внимание на то, что с Рождественским монастырем связаны списки других летописей. Это в первую очередь Синодальный список Воскресенской летописи (ГИМ, Синодальное собр., № 144) и список Степенной книги (ЦГАДА, ф. 381, № 346), которые были вложены в этот монастырь в конце XVI в. Ионой Думным. Это и Владимирский летописец, на котором имеется запись о принадлежности Рождественскому монастырю (ГИМ, Синодальное собр., № 793). Наконец, список Царского СЛ принадлежал в XVIII в. приказным стряпчим того же монастыря (ГИМ, собр. Уварова, № 248). В описи книг степенных монастырей, составленной в 1653 г., указано, что в Рождественском монастыре помимо Степенной книги имеется 5 «летописцов» и «гранограф». Здесь указаны также «книга царственная» и «книга греческая царственная», под которыми следует понимать сочинения хронографического характера (см. аннотированную опись книг Рождественского монастыря 1653 г. в настоящей статье). Все это как будто свидетельствует об интересе, который проявляли к летописанию монастырские старцы.

Особенно прославилась Рождественская обитель как местонахождение мощей Александра Невского, который был похоронен в Рождественском соборе в 1263 г. И. А. Шляпкин убедительно доказал, что только Рождественский монастырь был в XIV в. центром культа князя (канонизирован Александр Невский лишь в 1547 г.).⁶ С местом, где покоился прах святого, связано появление нескольких редакций Жития Александра Невского. В настоящее время большинство ученых склоняются к мысли, что уже первоначальная редакция Жития была написана в Рождественском монастыре.⁷ По мнению Д. С. Лихачева, к составлению жизнеописания Александра имел отношение митрополит Кирилл.⁸ Оживление интереса к князю Александру в эпоху митрополита Макария, при котором святой был канонизирован, вызвало появление нескольких новых редакций Жития. Вскоре после собора 1547 г. по поручению Макария была

³ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 201.

⁴ Там же, с. 199—201. Ср.: В. А. Колобанов. Владимир—Суздальская литература XIV—XVI веков, вып. 2. Владимир, 1976, с. 6.

⁵ А. Н. Насонов. История русского летописания..., с. 368.

⁶ И. А. Шляпкин. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского. Пг., 1915, с. 5.

⁷ См.: Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, с. 58—59; И. П. Шаскольский. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978, с. 181—182.

⁸ Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 36—56.

составлена третья (по классификации В. Мансикки)⁹ редакция жизнеописания Александра. Эта редакция создана в кругу иноков Рождественского монастыря, поскольку некоторые чудеса написаны со слов монахов этой обители. По мнению В. О. Ключевского, эту редакцию составил инок Рождественского монастыря Михаил, автор канона Александру Невскому. Эта редакция в свою очередь подверглась переработке при включении Жития Александра в Степенную книгу. В. О. Ключевский полагал, что редакция Жития в Степенной книге также вышла из стен Рождественского монастыря.¹⁰ В 1591 г. появилась наиболее пространная редакция Жития, составленная архимандритом Рождественского монастыря Ионой Думиным. Наконец, уже в XVII в. другой Рождественский архимандрит Викентий переделал редакцию Ионы Думина;¹¹ из-под его пера вышла также служба Александру Невскому.¹²

Хотя в XVI—XVII вв. Рождественский монастырь утрачивает свое значение,¹³ его иноки по-прежнему участвуют в культурной жизни страны. На XVI в. приходится творчество монаха Рождественского монастыря Михаила, одного из активных писателей макарьевского круга. Его сочинения связаны с деятельностью соборов 1547 и 1549 гг., на которых были канонизированы многие русские святые. Помимо названного выше канона Александру Невскому Михаил написал службу Константину Муромскому и дополнил службу Петру и Февронии Муромским.¹⁴

История Рождественского монастыря конца XVI—начала XVII в. неразрывно связана с именем Ионы Думина, который из архимандритов этого монастыря был поставлен в архиепископы Вологодские и Великопермские, а затем в митрополиты Ростовские и Ярославские. Крупный политический деятель, принимавший активное участие в церковной жизни, особенно в период учреждения патриаршества в России,¹⁵ Иона Думин был также большим почитателем книг. Помимо редакции Жития Александра Невского,¹⁶ Иона составил особое собрание сочинений Максима Грека; удалось обнаружить 22 рукописи, связанные с его деятельностью, большая часть которых вложена Ионой в Рождественский монастырь. Поскольку Ионе Думину я посвятил особую работу, приведу здесь только новые данные о культурной деятельности вологодского архиепископа.¹⁷

⁹ В. Мансикка. Житие Александра Невского. СПб., 1913.

¹⁰ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 239—240.

¹¹ С Владимиром связана еще одна переделка XVII в. редакции Ионы Думина, сохранившаяся в единственном списке (ГПБ, Q.XVII.24). См.: В. Мансикка. Житие Александра Невского, с. 203—217.

¹² К. Никольский. Обзорные богослужебных книг православной Российской церкви по отношению их к церковному уставу. СПб., 1858, с. 401.

¹³ Для характеристики удельного веса монастыря в экономике показательно распределение дворов между монастырями на 1678 г. По числу дворов, которыми владел Рождественский монастырь, он находился на 15 месте. См.: С. Б. Веселовский. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978, с. 147.

¹⁴ П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, с. 211—213; Р. П. Дмитриева. Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979, с. 98.

¹⁵ А. Н. Муравьев. Сношения России с Востоком по делам церковным, т. I. СПб., 1858, с. 207, 246, 294.

¹⁶ М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 192—197.

¹⁷ Д. М. Буланин. Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 174—180. Ср.: Б. Н. Флорья. Реконструкция состава древнерусских библиотек. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 57—59.

Удалось выявить еще одну рукопись, вложенную Ионой в Рождественский монастырь, — «Огласительные поучения Феодора Студита».¹⁸

В собрании М. Н. Тихомирова сохранилась печатная Триодь с записью, в которой говорится, что Иона «прислал к Вологде государева жалованья 200 книг, печатных Триодей, постные и цветные, и велел своим приказным людям. . . в городе на Вологде, и на посаде, и в Вологодской уезд в монастыри, и в села, и в волости те книги роздати по церквям».¹⁹ Интересно, что сохранился один экземпляр этой Триоди, на котором имеется следующая запись: «Сия постная Дриод государя царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси жалована, а платил за ту Дреод аз воскресенской поп Евсевий архиепископу Ионе на Вологде в казну. . .»²⁰

О двух других рукописях, которыми владел Иона, мы имеем только косвенные данные. Это Толковый Апостол, который принадлежал в XIX в. А. И. Лобкову; нынешнее его местонахождение неизвестно. На этой рукописи имелась стандартная запись Ионы о вкладе в Рождественский монастырь. Толковый Апостол был вложен туда позднее других рукописей (1603 г.), когда Иона уже занимал кафедру митрополита Ростовского и Ярославского.²¹ У Ионы Думина был также список «Андриатиса». В «Андриатисе» ГПБ, Софийское собр., № 1290 имеется запись 1612 г. (л. 4—24), в которой сказано, что эта рукопись изготовлена по повелению чернеца Исаяи со списка старца Нилова скита Серапиона, который в свою очередь пользовался списком Ионы, митрополита Ростовского, а список Ионы был сделан с рукописи из ризницы патриарха Иова. Эта запись свидетельствует об авторитете, которым пользовались рукописи Ионы.²² Во вкладной книге Рождественского монастыря указано, что всего Иона пожертвовал книг в обитель, дорогую его сердцу, на 200 рублей, — огромная по тем временам сумма.²³

Не меньшим книголюбом, чем Иона Думин, был архимандрит Викентий. Хотя он был архимандритом Рождественского монастыря всего два года (до этого Викентий был игуменом Николаевского Угрешского монастыря), а затем переведен в Троицкую Лавру, Викентий продолжал ощущать привязанность к Рождественскому монастырю; не случайно он именно сюда удалился на покой в 1694 г.²⁴ Как было указано выше, он переделал редакцию Жития Александра Невского, составленную Ионой Думиным, и написал службу святому князю. Известны две рукописи Жития Александра в переделке Викентия, которые им переписаны,

¹⁸ ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 3917. До этого рукопись находилась в Новгородском Юрьеве монастыре. См.: Макарий, архимандрит. Описание Новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря. М., 1858, с. 57—58.

¹⁹ М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, с. 332. На этот факт обратил мое внимание Х. Олмстед.

²⁰ И. А. Гузнер. Записи XV—XVIII вв. на книгах и рукописях собрания ГПНТБ СО АН СССР. (Материалы по истории книги). — В кн.: Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 86.

²¹ Образцы славяно-русского древлеписания, издаваемые профессором Погодиным, тетрадь II. М., 1841, № 12. Неизвестно нынешнее местонахождение рукописи из бывшего собрания В. И. Ананьина (Беседы Евангельские в двух частях), написанной в Москве в 1593 г. по повелению Ионы. См.: Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I. СПб., 1899, с. 181.

²² Это подтверждается списком Степенной книги XVIII в. (ГБЛ, ф. 178, Музейное собр., № 2814), сделанным с рукописи Ионы.

²³ К. Тихонравов. Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря. — В кн.: Труды Владимирского губернского статистического комитета, вып. III. Владимир, 1864, с. 10. Кроме того, Иона делал вклады в монастырь деньгами и церковной утварью.

²⁴ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 140, 206, 663.

причем одна из них написана в самом Рождественском монастыре.²⁵ Викентием переписана также рукопись, содержащая службы и жития Серапиона Новгородского и Стефана Махрищского.²⁶ Известны еще две рукописи (каноны Сергию Радонежскому), вложенные Викентием в Троицкую лавру.²⁷

Для изучения культурной деятельности Рождественского монастыря важно иметь представление о его библиотеке. В последние годы в реконструкции монастырских и келейных библиотек достигнуты значительные успехи.²⁸ О библиотеке Рождественского монастыря XVII в. дает сведения опись книг степенных монастырей 1653 г., в которой перечислены 93 книги, принадлежавшие Рождественскому монастырю в 1637 г. (данные взяты «из отписных книг 145 году».)²⁹ По подсчетам С. П. Луппова книги светской тематики составляли в Рождественском монастыре больший процент, чем в любом из других монастырей, учтенных описью (15%).³⁰ Сознывая неопределенность понятия светской книги для древнерусской культуры, на основании этого все же можно сделать вывод о широте интересов монастырских старцев. Однако опись 1653 г. нельзя считать полной, причем принципы отбора книг, вошедших в опись, недостаточно ясны.³¹ Заслуживает, например, внимания тот факт, что «в мелких монастырях почти не указываются Евангелия, хотя, разумеется, чем монастырь меньше, тем естественнее отсутствие в нем каких-либо иных книг, но не Евангелия».³² Видимо, составителей описи меньше всего интересовали служебные книги. Отсутствие указаний на богослужебные книги Рождественского монастыря в описи 1653 г. отчасти компенсируется сведениями вкладной книги монастыря, доведенной до 1728 г.³³

Данные, которые приводятся в описи 1653 г., иногда слишком неопределенны. Кроме того, часть книг, включенных в опись, можно соотнести с дошедшими до нас рукописями. Принадлежность Рождественскому монастырю ряда книг, не учтенных описью, определяется на основании

²⁵ ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 275; вторая рукопись хранилась в библиотеке Владимирской семинарии под № 266. См.: П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы, с. 321. Нынешнее местонахождение этой рукописи неизвестно.

²⁶ ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 637.

²⁷ БАН, 17.12.15; 17.12.16.

²⁸ См.: Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 130—168; Н. А. Казанова. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурья Тушина. — Там же, с. 169—200; Р. П. Дмитриева. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 143—170; Б. Н. Флоря. О реконструкции состава древнерусских библиотек, с. 52—59; М. В. Кукушкина. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977; А. А. Зимин. Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря. — Зап. Отд. рукописей ГБЛ, вып. 38. М., 1977, с. 15—29.

²⁹ В. Ундольский. Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке. — ЧОИДР, 1848, кн. 6, с. 30.

³⁰ С. П. Луппов. Книга в России в XVII веке. Л., 1970, с. 160.

³¹ С. П. Луппов слишком упрощенно понимает задачи исправления книг, когда пишет, что для этого не нужны были такие рукописи, как «летописцы, космографии, хронографы» (С. П. Луппов. Книга в России в XVII веке, с. 155), включенные в опись 1653 г. Исследуй принципы отбора греческих книг на Афоне Арсением Сухановым, Б. Л. Фонич пришел к выводу, что выбирались книги, которые необходимы были «в качестве справочной литературы в широком смысле этого слова». См.: Б. Л. Фонич. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977, с. 104.

³² М. И. Слуховский. Библиотечное дело в России до XVIII века. М., 1968, с. 114.

³³ К. Тихонравов. Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря, с. 1—46.

записей.³⁴ Поэтому я предлагаю ниже следующие материалы для реконструкции библиотеки Рождественского монастыря: во-первых, перечень монастырских и келейных рукописей Рождественского монастыря XIV—XVIII вв., составленный на основании записей, и, во-вторых, аннотированную опись книг Рождественского монастыря 1653 г. Хотя приведенные сведения о библиотеке Рождественского монастыря далеки от полноты,³⁵ они все же позволяют лучше понять вклад Владимирской обители в культурное наследие Древней Руси.³⁶

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ БИБЛИОТЕКИ ВЛАДИМИРСКОГО РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

1. Рукописи XIV—XVIII вв. с записями о принадлежности Владимирскому Рождественскому монастырю.

1. Лаврентьевская летопись. — ГПБ, Ф.п IV.2 (1377 г.). Запись XVI—начала XVII в. о принадлежности Рождественскому монастырю: Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — Вспомогательные исторические дисциплины, т. IV. Л., 1972, с. 84.

2. Пролог с сентября по март. — ГБЛ, ф. 204, собр. ОИДР, № 164 (XVI в.). Вкладная запись в Рождественский монастырь священноинок Макария Батаргина: П. М. Строев. Библиотека императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1845, с. 58.

3. СЛ, список Царского. — ГИМ, собр. Уварова, № 248 (начало XVI в.). Запись XVIII в. о принадлежности приказному стряпчему Рождественского монастыря Ивану Иванову сыну Лодыгину, а после его смерти Роману Моренцову, стряпчему того же монастыря: Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. III. М., 1894, с. 74.

4. Владимирский летописец. — ГИМ, Синодальное собр., № 793 (XVI в.). Запись XVI в. о принадлежности Рождественскому монастырю: Т. Н. Простаева. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева), ч. I. М., 1970, с. 119.

5. Четвероевангелие. — ГИМ, собр. Уварова, № 97 (XVI в.). Вкладная запись в Рождественский монастырь 1591 г. инока Логина, казначая Чудова монастыря: Леонид, архим. Систематическое описание. . . , ч. I. М., 1893, с. 48.

³⁴ Что касается печатных книг, то, очевидно, большая часть их покинула стены Рождественского монастыря в 1893 г., когда Синодальной типографией «в обмен на современные печатные издания Московской Синодальной типографии были получены из Владимирского архиерейского дома 117 старопечатных книг и 2 рукописи» (А. Орлов. Библиотека Московской Синодальной типографии, ч. I, вып. 1. М., 1896, с. XIII). Мне удалось обнаружить только одну печатную книгу, принадлежавшую монастырю, — Служебник (М., 1646) из коллекции Музея истории религии и атеизма. На этой книге имеется запись о вкладе в Рождественский монастырь ризничего патриарха Иосифа.

³⁵ Неполнота приведенных сведений объясняется, в частности, и тем, что во многих записях не уточняется, какой именно Рождественский монастырь имеется в виду. Это не обеспечивает желательной точности при отождествлениях, поэтому рукописи с такими неопределенными записями не учитывались. Не учитывались также рукописи из Владимиро-Суздальского музея-заповедника, которые имеют пометы, свидетельствующие об их пребывании вне стен монастыря.

³⁶ Изучение библиотеки Рождественского монастыря позволяет, между прочим, сделать вывод о сходности репертуара книг в других монастырях Владимирского края. Так, например, в Спасо-Евфимиевском монастыре, как и в Рождественском, была Толковая Псалтирь, Устав, Толковый Апостол, сочинения Василия Великого (2 книги), слова Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского (3 книги), Златоуст (в Рождественском монастыре — Торжественник), Изумруд (3 книги), сочинения Дионисия Ареопагита, Печерский Патерик (2 или 3 книги), Житие Григория Омритского (2 книги), слова Исаака Сирина, сочинения Феодора Студита, Кормчая (2 книги), Тактикон или Пандекты Никона Черногорца. См.: В. Ундольский. Опись книгам. . . , с. 23; ср. опись книг Спасо-Евфимиевского монастыря 1650 г. в кн.: И. А. Шляпкин. Описание рукописей Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. — ПДП, вып. IV. СПб., 1880, с. 64—73.

6. Часослов с канонами. — ГИМ, собр. Уварова, № 716 (XVI в.). Запись о принадлежности Рождественскому монастырю: Леоид, архим. Систематическое описание. . . , ч. II. М., 1893, с. 83.

7. Сборник. — собр. ИИФФ СО АН СССР, № 2/68 (XVI в.). Запись XVII в. о принадлежности Рождественскому монастырю: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971, с. 11.

8—25. Рукописи, вложенные в 1590—1600 гг. в Рождественский монастырь Ионой Думиным (библиографию см. выше, с. 73, примеч. 17).

26. Сборник. — ГИМ, Синодальное собр., № 452 (XVII в.). Запись о принадлежности архимандриту Рождественского монастыря Иосифу 1695 г.: А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 3. М., 1862, с. 422.

27. Правило келейное. — ГПБ, собр. Погодина, № 1960, конволют из 6 рукописей, 4-я рукопись (XVII в.). Запись о принадлежности Рождественскому монастырю: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, с. 368.

28. Дионстра. — ГПБ, собр. ОЛДП, Q.720 (XVIII в.). Запись о принадлежности Рождественскому монастырю.

II. Аннотированная опись книг Рождественского монастыря 1653 г.¹

1664. «Книга Степень царская, в десть». Степенная книга, вклад Ионы Думина — ЦГАДА, ф. 381, № 346.

1665. «Книга Правила Никонские, в десть». Тактикон или Пандекты Никона Черногорца. Вероятно, это одна из двух рукописей Владимиро-Суздальского музея-заповедника — Тактикон (B5636/75) или Пандекты и Тактикон (B5636/84).²

1666—1667. «Две книги Апостолов толковых, в десть». Одна из этих книг — вклад Ионы Думина — принадлежала А. И. Лобкову (см. выше).

1668—1678. «11 книг бесед Евангелских, другонатцатая книга в них Евангелие Матфей, в досках, без кожи, все в десть, писменные». Беседы Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна. Известны четыре рукописи, вложенные Ионой Думиным: Костромской музей, РОК, 17.212/56; ГПБ, F.I.898; ГПНТБ СО АН СССР, собр. Тихомирова, № 4; ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 24. Вероятно, это также две рукописи ГБЛ, собр. Фадеева, № 3, 4, на которых нет записи о вкладе Ионы; к рукописям Ионы они отнесены Н. В. Сяницкой по почерку.³

1679—1684. «Шесть книг Уставов, три в десть, один в них печатной, а три в полдесть, один расплетен в них на двое».

1685—1689. «Пять книг Летописцев, в десть, один в них в полдесть, писменные». Летопись «в полдесть» — это, вероятно, Владимирский летописец (ГИМ, Синодальное собр., № 793) либо Лаврентьевская летопись (ГПБ, Ф.п IV.2). Впрочем, Лаврентьевская летопись, рукопись в большую четверку на пергамене (так что определение формата совершенно условно), могла быть легко отнесена к числу рукописей «в десть». Еще две летописи — это несомненно две части Воскресенской летописи, вложенной Ионой Думиным, из которых вторая часть — ГИМ, Синодальное собр., № 144.

1690—1691. «Две книги Андреатис, в десть, писменные». Вероятно, одна из этих рукописей — протограф рукописи ГПБ, Софийское собр., № 1290 (см. выше).

1692—1693. «Две книги Правила святых Отец и святых Апостол писменные, в десть». Одна из этих Кормчих, вклад Ионы Думина — ГИМ, Музейское собр., № 3471.

1694—1696. «Три книги Василия Великаго, одна в них в полдесть, писменные». Одна из этих рукописей, вклад Ионы Думина — ГБЛ, ф. 209, собр. Овчинникова, № 85.

1697. «Книга Дионисия Ареопагита, в десть, писменной».

1698. «Книга Феодора Едессаго, в десть, писменная». Житие Феодора Эдесского.

1699. «Книга Феодора Студийского, в десть, писменная». Огласительные поучения Феодора Студита, вклад Ионы Думина — ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 3917.

1700—1701. «Две книги Максима Грека, писмены, в десть». Сборники сочинений Максима Грека, вклад Ионы Думина — ГИМ, собр. Уварова, № 309, 310.⁴

¹ Текст описи 1653 г. перепечатывается с издания: В. Ундольский. Опись книгам. . . , с. 30.

² Описание см.: С. Недешев. Краткое описание рукописей церковно-исторического древлехранилища при братстве св. бл. вел. кн. Александра Невского, вып. I. Владимир, 1906, с. 71—73, № 38, 39.

³ Н. В. Сяницкая. Максим Грек в России. М., 1977, с. 48, примеч. 48.

⁴ В работе «Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека» я попытался доказать, что рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 309 переписана с рукописи ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 869 (первая часть рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 310), когда Егорова № 869 и Уварова № 310 были разделены. Тот факт, что в Рождественском монастыре числилось две (а не три) рукописи с сочинениями Максима Грека, подтверждает мои соображения. Вероятно, дело обстояло

1702—1716. «Пятнадцать книг Соборников, пять книг в них в десть». Один из этих сборников, вклад Ионы Думина, — рукопись, разделенная на два переплета: ГПБ, собр. Вяземского, Q.225 и Государственный архив Ярославской области. Рукописная коллекция, № 454/66.

1717—1719. «Три книги Прологов, один в них в полдесть, писменные». Вероятно, один из этих Прологов — ГБЛ, ф. 204, собр. ОИДР, № 164.

1720. «Книга Григория Синаита, в десть, писменная». Вероятно, это сборник ИИФФ СО АН СССР, № 2/68, поскольку на одном из начальных пустых листов рукописи имелась запись «Книга Григорей Синаит». Действительно, первые листы занимают здесь главы «Григория Синаита zelo полезны».

1721—1723. «Три книги Григория Богослова, в десть, писменные».

1724—1725. «Две книги Псалтырей толковых, в десть, одна расплетена на четверо». Одна из этих Псалтырей, вклад Ионы Думина — ГИМ, собр. Хлудова, № 41.

1726. «Книга Псалтыря, пять кафизм, первой половины, в десть».

1727. «Псалтырь толковая, в полдесть, расплетена на четверо». Одна из частей этой Псалтыри, вклад Ионы Думина — ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 825 (в записи сказано, что вложены четыре части).

1728. «Книга Царственная, в десть, ветха, печатная» (слово «печатная», как указывает В. Ундольский, вписано другим почерком и другими чернилами). «Книга Царственная» — это несомненно сочинение хронографического характера.⁷ Если слово «печатная» отражает истинное положение вещей,⁸ то в «Книге Царственной» придется видеть какую-нибудь польскую хронику, например М. Бельского или М. Стрыйковского.

1729—1731. «Три книги Златоуст, одна в них в полдесть, писменные».

1732—1733. «Две книги Александрово житие, в полдесть, писменные». Вероятно, Житие Александра Невского, мощи которого находились в Рождественском монастыре. Однако не менее вероятно, что это Житие Александра Свирского, поскольку списки его были весьма распространены во Владимирских землях.⁹

1734—1735. «Две книги подлинника, в полдесть, в тетратех».

1736. «Книга Уложение Макария митрополита, в полдесть, в вишневом сукне». Вероятно, Стоглав.¹⁰

1737—1738. «Две книги Патерик Печерской, одна в тетратех, обе в полдесть, писменные». Одна из этих книг, — вероятно, л. 2—194 рукописи-конволюта Владимиро-Суздальского музея-заповедника В5636/10.¹¹

1739. «Книга Исака Сирина, в полдесть».

1740. «Книга Симеона Новаго, в полдесть».

следующим образом: сначала Иона Думин вложил в монастырь Уварова № 310, а первую часть этой рукописи (Егорова № 869) оставил у себя и изготовил с нее копию (Уварова № 309), которую затем вложил в тот же монастырь.

⁵ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971, с. 11.

⁶ Там же, с. 12.

⁷ Ср. подобные названия в описи 1653 г.: «книга Царственная Временник Руской», «две книги Царства», «книга начало Римскаго царства», «книга Царства», «книга Царств», «книга Царственная» (В. Ундольский. Описание книгам. . ., с. 14, 21, 22, 27, 29). Ср. название известной летописи: «Царственная книга». Ср. также: «Предисловие к Царственной книге, сиречь к Гранографу» (А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 59). За консультацию благодарю О. В. Творогова. Изданием «Книги Царств» Франциска Скорины (Прага, 1518) эта книга не может быть хотя бы потому, что она в «десть», а не в четверку (Ср.: Г. Я. Голенченко. Книги Франциска Скорины в белорусских, русских и украинских собраниях XVI—XVII вв. — В кн.: Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979, с. 158).

⁸ Как видим, сведения С. П. Луппова о том, что в опись 1653 г. не включались печатные книги, не совсем точны (ср. № 1679—1684). См.: С. П. Луппов. Книга в России в XVII веке, с. 155.

⁹ Житие Александра Свирского было в Спасо-Евфимиевском монастыре, во Флорищевой пустыни. См.: В. Ундольский. Описание книгам. . ., с. 23; В. Георгийевский. Флорищева пустынь. Вязники, 1896, с. 181.

¹⁰ Следует, однако, отметить, что такое название Стоглава в других источниках обнаружить не удалось.

¹¹ Можно высказать осторожное предположение, что Печерский Патерик «в тетратех» — это л. 167—465 (XV в., за Печерским Патериком следуют выписки из отцов церкви, Синайского Патерика, хождение игумена Даниила) рукописи-конволюта Владимиро-Суздальского музея-заповедника В5636/110 (ср. запись на л. 466: «Сии тетраты переплести от исподняя доски книги»). Этому предположению противоречит только запись XVIII в. о принадлежности Флорищевой пустыни.

1741. «Книга Марка Афинейскаго, в полдесть». Вероятно, Житие Марка Афинского.
1742. «Книга Григорий Амиритцкий, в полдесть». Житие Григория Омиритского и прение с Ерваном, — вероятно, рукопись Владимиро-Суздальского музея-заповедника В5636/15.¹²
1743. «Книга Кирилла Туровского, в полдесть».
1744. «Книга Царское уложение, в полдесть». Стоглав.¹³
1745. «Книга Гравограф, в полдесть».
- 1746—1747. «Две книги о Божестве, одна в четверть, Литовская». Какие книги имеются в виду, неясно.¹⁴
1748. «Книга Шестодневц, в тетратех, в полдесть, ветха». Вероятно, Шестоднев служебный.¹⁵
1749. «Книга Торжественник, в десть, песменой».
1750. «Книга Греческая царственная, в полдесть, писменная». Ср. № 1728. Вероятно, Хронограф, рукопись Владимиро-Суздальского музея-заповедника В 5636/410.¹⁶
1751. «Книга Палея, в полдесть, писменная».
1752. «Книга Григория папы Римскаго, в полдесть».
1753. «Книга о чудесех пресвятыя Богородицы, в полдесть, писменная». Какая книга имеется в виду, неясно.
1754. «Книга Иоанна Дамаскина, в полдесть, писменная».
1755. «Книга Измарагд, в полдесть, писменная».
1756. «Книга Кассияна Римлянина, в полдесть». Беседы Кассиана Римлянина либо Житие Кассиана Римлянина.¹⁷

¹² Описание см.: С. Н е д е ш е в. Краткое описание рукописей. . . , с. 140, № 139.

¹³ Ср. писцовую запись в Стоглаве в рукописи Владимиро-Суздальского музея-заповедника В5636/70: «А совершена бысть сия книга царское уложение. . .» (л. 258).

¹⁴ Можно высказать осторожное предположение, что здесь имеется в виду «Книга о вере» (виленское издание — в восьмую долю листа, киевское — в четверку). Ср. названия глав «Книги о вере»: «О предвечнем божественнем рождестве господа нашего»; «О правдивом божестве»; «О божестве Духа Святаго»; «О божестве Христове» (С. Г о л у б е в. Библиографические замечания о некоторых старопечатных церковно-славянских] книгах преимущественно конца XVI и XVII столетий. Киев, 1876, с. 53—54).

¹⁵ Четыре Шестодневы особо отмечают в описи 1653 г.: В. У н д о л ь с к и й. Опись книгам. . . , с. 14.

¹⁶ А. Н. Насонов полагает, что здесь имеется в виду «какой-нибудь греческий временник (в русском переводе)». См.: А. Н. Н а с о н о в. История русского летописания. . . , с. 428, примеч. 47.

¹⁷ Когда статья уже была написана, С. Г. Зверева обнаружила сведения еще об одной рукописи, связанной с Владимирским Рождественским монастырем. В певческой рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 819 (Обиход и Октоих) имеется запись 1615 г. о том, что эта рукопись вложена в Сольвычегодский Благовещенский собор архимандритом Рождественского монастыря Исайей Лукошко, который был одним из создателей так называемой усольской школы пения. См.: А. В. Горский, К. И. Н е в о с т р у е в. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. III, ч. 2. М., 1917, с. 409.

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека

В 1968 г. экспедицией Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР был приобретен на Алтае рукописный сборник конца XVI в.; в 1971 г. мы издали 39-ю главу этого сборника, содержащую Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки 1525, 1531 и 1549 гг., а также некоторые другие материалы о суде над Максимом Греком.¹

Эти тексты привлекли внимание многих исследователей: Н. А. Казаковой, Н. В. Синицыной, С. О. Шмидта, А. А. Зимина, Б. М. Клосса, А. И. Иванова, А. М. Панченко, Д. М. Буланина, Хью М. Олмстеда и других;² наши интерпретации и предположения были в основном подтверждены и продолжены (иногда — во взаимоисключающих направлениях). Некоторые из наших выводов были оспорены.

Все это, как нам кажется, дает издателю текста право взять опять слово для ряда дополнительных замечаний в связи с возникшей полемикой, хотя в ее ходе и слышались призывы прекратить наконец изучение Судных списков.³

К тому же более детальные наблюдения над составом Сибирского сборника⁴ позволяют прийти к новым выводам, проливающим свет на логику составления этой рукописи, на причину помещения в сборнике, составитель которого явно относился к Максиму Греку с симпатией и почтением, клеветнических в значительной своей части материалов о нем.

¹ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. Изд. подгот. Н. Н. Покровский и др. М., 1971. См. также: Н. Н. Покровский. Сибирская находка (новое о Максиме Греке). — ВИ, 1969, № 11, с. 128—138.

² См.: Н. А. Казакова. Рец. на кн.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. — История СССР, 1973, № 2, с. 176—179; Н. В. Синицына. Рец. на кн.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. — ВИ, 1973, № 2, с. 153—156; Н. А. Казакова. 1) Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. М., 1970; 2) Максим Грек в советской историографии. — ВИ, 1973, № 5, с. 149—157; Н. В. Синицына. Максим Грек в России. М., 1977; С. О. Шмидт. 1) Новое о Тучковых. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 129—141; 2) Становление российского самодержавства. М., 1973; А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М., 1972; Б. М. Клосс. Никоновская летопись и Максим Грек. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 124—131; А. И. Иванов. Несколько замечаний по поводу издания нового списка «Судного дела Максима Грека». — Там же, с. 284—298; А. М. Панченко. Археографическое открытие Сибири. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975, с. 152—156; Д. М. Буланин. Лексикон Свида в творчестве Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 266; Н. Olmsted. Studies in the early manuscript tradition of Maksim Grek's collected works. Cambridge, Mass., 1977, p. 286—308, 422—433.

³ А. И. Иванов. Несколько замечаний... с. 298.

⁴ Собрание ИИФФ СО АН СССР, № 2/68. Ссылки на листы этой рукописи далее в тексте даны в скобках.

Между тем сборник этот не является конволютом, он создавался сразу, по заказу, работа была поручена нескольким писцам, его оглавление, единое по почерку и филиграммам со всем сборником, полностью соответствует реальному составу сборника; через весь текст (включая 39-ю главу) проходит единая по принципам и технике правка, одна из записей доказывает, что правка велась параллельно с созданием сборника.⁵

И, однако, 39-я глава сборника резко выделяется не только в идейном отношении, но и внешне: одна она написана деловой скорописью, весь остальной сборник — парадным полууставом. При обсуждении нашего доклада в Секторе древнерусской литературы ИРЛИ в 1970 г. Н. Н. Розов сделал предположение, что это связано с каким-то функциональным различием текстов.

Высказав ряд аргументов в пользу предположения, что сборник был составлен по заказу вологодского архиепископа Ионы Думина, большого почитателя Максима Грека, создателя нового собрания его сочинений, мы привели свидетельство самого Ионы о том, с какой тщательностью и вниманием относился он к подбору текстов для заказанных им рукописей. Это делает более оправданными поиски определенной логики в подборе произведений, включенных в состав Сибирского сборника (сборник именуется их «главами», хотя это самостоятельные сочинения).

При всей пестроте содержания Сибирского сборника в основных его главах, на которые приходится большая часть его объема, можно проследить интерес к трагедии осуждения философа, к тематике, так или иначе связанной с проблемами, встававшими во время суда над Максимом Греком и подробно рассматривавшимися потом в его сочинениях.

Тематика эта довольно широка, однако нельзя придавать подобным наблюдениям слишком категорический характер; мы ведь не можем с абсолютной достоверностью восстановить ныне весь ряд ассоциаций, возникших в XVI в. при чтении какого-либо сочинения. Поиски подобного логического подтекста имеют свои границы, во многих рассматриваемых нами ниже «главах» Сибирского сборника можно найти и иные темы и связать их между собою в иные логические ряды (например, сочинения о «непознаваемых тайнах»). Тем не менее тот ряд, который привлек наше внимание, кажется нам вполне оправданным, реально существующим. Из огромного многообразия тем, затрагиваемых в творчестве Максима Грека, он включает в себя те, которые решающим образом сказались на его судьбе в переломные 1525—1531 гг. его жизни, во многом сформировали его взаимоотношения с высшей церковной и светской властью и давали ему затем богатую пищу для размышлений в годы заточения. Это нестяжательские идеи Максима, его взгляд на обязанность философа давать этические и политические наставления правителю (отсюда — более общие проблемы отношений между государем и мудрецом, светским и духовным началом), задача сохранения чистоты веры в полемике с иными вероучениями. Именно вокруг этих сторон мировоззрения Максима Грека возникали основные споры во время суда над ним, причем тенденциозное искажение взглядов философа организаторами судилища заставило его подробно останавливаться на них в своих сочинениях.

Так, например, проведенный в последние годы Н. В. Синицкой анализ творчества Максима Грека показывает, какую принципиально важную роль в оценке Максимом своего жизненного предназначения имели его мысли об обязанности философа давать советы государю.⁶ Еще в послании Василию III о крымском набеге 1521 г. он будет подчеркивать, что до-

⁵ Подробнее см. об этом: Судные списки. . . , с. 11—16.

⁶ Н. В. С и н и ц к и я. Максим Грек в России, с. 146—149.

стойны похвалы те, кои «начальствующим слово мудро съвет благоразумен покажут», что свой долг он видит в том, чтобы «съветовати, что полезно обществу и времени пристояще». Несмотря на горький опыт судилищ 1525 и 1531 гг., он не изменит своей позиции, которая найдет яркое выражение во многих его сочинениях, и особенно в «Главах поучительных начальствующим правоверно», предназначенных для Ивана IV.⁷

Сибирский сборник открывается обширными (л. 3—87) выписками из Григория Синаита. Эта первая глава — самая большая в сборнике. До реставрации 1969 г. на одном из чистых листов в начале имелось даже написанное почерком XVII в. общее название всей рукописи — «Книга Григорей Синаит». Учительный текст, отобранный для переписки в Сибирском сборнике, свидетельствует об интересе составителя сборника к обоснованию нестяжательства, которое уже в начале этого текста объявляется одной из важнейших общечеловеческих добродетелей: человек создан «нестяжавый се отсюде камень есть ради инех добродетелей в название потребен божественнаго храма» (л. 4). Подобно тому, как это было у Нила Сорского, нестяжательство здесь — этический императив, поэтому вполне понятен и оправдан переход к подробнейшему анализу общей природы человеческих страстей, последовательных этапов возникновения греховной страсти (л. 13—14). Особое внимание уделяется при этом лихоимству, сребролюбию (л. 16, 21). Это сочетается со столь важным в учении византийских и русских исихастов тезисом об «умной молитве», приобщении к божеству «чювством умным» (л. 23—24).

Нетрудно заметить, что весь этот комплекс проблем был весьма характерен для сочинений русских нестяжателей, в частности Нила Сорского. Недавно Н. В. Сеницына интересно проследила особенности подхода к ним Максима Грека.⁸ Видимо, не случайно, что, по общепризнанному сейчас определению Б. Л. Фонкича, среди рукописей с пометами и исправлениями, сделанными рукой Максима Грека, есть Житие и главы Григория Синаита.⁹

Вторую главу Сибирского сборника составляет обширное Житие Александра Невского в редакции Ионы Думина (л. 88—150). Оно несколькими нитями связано с интересующей нас тематикой: здесь имеются обширные разделы, посвященные полемике по вопросам веры с католиками и магометанами, — одному из важных направлений творчества Максима Грека. Для ключевой темы о взаимоотношении духовного и светского начал, святого мудреца и государя Житие Александра Невского дает идеальный пример: государь — святой, мудро заботящийся о сохранении чистоты православной веры, отстаивающий ее с равным умением и на поле боя, и в богословском споре.

Из следующих разделов сборника отметим две очень краткие главы — третью и четвертую, также посвященные отношению святого и государя: один из столпов христианской философии — Григорий Богослов поучает кесаря, говоря о бренности земного бытия (л. 151 а). Связь этих текстов с творчеством Максима наиболее непосредственная — это его переводы; «главы» эти открывают важный комплекс сочинений и переводов Максима Грека, включенных в Сибирский сборник (л. 151а об., 153—161, 183 об. — 207 об.). Здесь его известные сочинения против католиков и магометан, против астрологии и волшебства.

Все они тесно связаны по содержанию, а подчас и по происхождению с обвинениями, выдвигавшимися против Максима на суде: собирая в 30—

⁷ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. II. Казань, 1860, с. 338—357.

⁸ Н. В. Сеницына. Максим Грек в России, с. 113—130, 197—211.

⁹ Научная библиотека МГУ им. А. М. Горького, 2С195; Б. Л. Фонкич. Новый автограф Максима Грека. — *Byzantinoslavica*, 1969, № 1, р. 81—82.

40-е гг. свои творения в систематизированные собрания сочинений, а зачастую создавая их для этих собраний, Максим постоянно стремится к развернутому аргументированному опровержению выдвинутых против него в 1525 и 1531 гг. обвинений. Об этом писали многие исследователи, а недавно Н. В. Сеницына подробно и разносторонне исследовала как содержательную сторону этой связи сочинений Максима (особенно — их ядра из 12 первых глав) с соборными обвинениями против него, так и ее влияние на состав рукописей с сочинениями Максима Грека.¹⁰ Этот анализ полностью приложим к сочинениям Максима Грека в составе Сибирского сборника; мало того, можно сказать, что включение в один заказной сборник этих сочинений и Судных списков 1525 и 1531 гг. особенно убедительно подчеркивает как упомянутую связь значительной части творчества Максима с острой дискуссией на соборах 1525 и 1531 гг., так и клеветнический характер выдвинутых тогда против него обвинений в ереси. Если демонстрация несостоятельности обвинения была одной из задач составителя сборника, он решил ее успешно.

Особо следует остановиться на одном из самых ярких и смелых сочинений этого цикла — известной повести Максима Грека о проповеди и казни Савонаролы (гл. 7, л. 153—157) — «Повесть душеполезна, достойна памяти подражания». (Это вторая часть двухчастного сочинения Максима¹¹ о католических нищенствующих орденах, которое называется «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителстве»).

Прежде всего о датировке памятника. Ранее исследователи толковали одно из высказываний Зиновия Отенского о нестяжательских взглядах Максима как бесспорное доказательство написания повести ранее 1525 г.,¹² но Н. В. Сеницына выдвинула четыре серьезных возражения против такого толкования и пришла к выводу: «Повесть следует отнести к числу тех произведений, время создания которых остается неизвестным».¹³ Нам представляется, что Сибирский сборник дает новые аргументы в пользу датировки памятника временем после 1531 г.

Среди новых сведений о суде над Максимом Греком, содержащихся в этом сборнике, — драматический рассказ о том, как на соборе 1531 г. неожиданно возник опаснейший для Максима вопрос о его католическом прошлом и ученичестве у Савонаролы (л. 339 об.). Влиятельный великокняжеский дворецкий боярин Михаил Юрьевич Захарьин заявил с глухой ссылкой на «многих достоверных свидетелей», что Максим Грек «в Риме» (т. е. в Италии) был «у некоего учителя во ученицех, а было их в тому ученичестве много, болши двюсот, а училися любоумудрию философскому и всякой премудрости литовстей и витерстей (?), да уклонились и отступили в жидовский закон и учение. И папа римской, уведев от них таковая, повеле их имати и предати казем. И оградивши и ослонявши их дровы, сожгоша их и всех, токмо восемь их убежаша во Святую Горю, с ними же и Максим». Отвечая на это обвинение, ученик Савонаролы, который опишет борьбу и гибель своего учителя во взволнованной и очень личной «Повести душеполезной», отделается на соборе забывчивостью: «Видишь, господине, и сам меня, в какой есми ныне скорби, и беде, и в печали, и от многих напастей отнюдь ни ума, ни памяти нет, не помню, господине». И обвинение, не имея по этому вопросу никаких достоверных улик, на этом прекращает столь опасное для Максима расследование.

¹⁰ Н. В. Сеницына. Максим Грек в России, с. 153—155, 160, 170—172, 187—188.

¹¹ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, с. 178—205.

¹² Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, с. 894.

¹³ Н. В. Сеницына. Максим Грек в России, с. 110—111.

При издании этого текста мы подчеркивали, что донос М. Ю. Захарьина настолько неточен и фантастичен в деталях, что несомненно опирается лишь на безмысленные слухи, разговоры. Ясно, что судьям Максима «Повесть душеполезна» отнюдь не была известна. Между тем организаторы судилища широко пользовались сочинениями и переводами Максима, тщательно выписывая в них столь необходимые им улики. Рядом с Максимом давно уже находились по крайней мере два грамотных осведомителя, которым Максим, однако, доверял.¹⁴

«Повесть душеполезна» со всей присущей ей эмоциональностью вводит в Сибирский сборник драматическую тему святотатственного осуждения праведного философа судом нечестивых гонителей. Начинается удивительная переключка рассказа Максима Грека об осуждении Савонаролы и материалов Судных списков об осуждении Максима Грека. Преследовавший Савонаролу по приказанию папы Иакима «поставил его на судилище и мучительно испытал его и оному со дерзновением отвечающе противу всех лукавств неправеднаго испытателя. И судии не могут обвинити его, свидетели [л]живи от части незаконных и непокоршихся учением его востапа на онаго преподобнаго и неповиннаго. . . , носяще на нь тяжчайша их и неправедных оглаголании, им же повинувшеся неправеднии они судия сугубую казнию осудиша его» (л. 155).

Независимо от того, является ли эта Повесть (как мы полагаем) записью устных рассказов Максима, сделанной уже после сборных судов над ним и окрашенной его собственным мученическим опытом, или же этот текст был записан еще до суда, помещенное его в Сибирский сборник имеет однозначный и важный для нас смысл: 7-я глава сборника подготавливает читателя к соответствующей оценке материалов 39-й главы.

Вместе с тем «Повесть душеполезна», с ее явными нестяжательскими взглядами,¹⁵ продолжает нестяжательскую линию идеологии Сибирского сборника, отмеченную нами выше.

Из небольших глав, помещенных в Сибирском сборнике между сочинениями Максима Грека, для нас важна глава 10-я, содержащая известное соборное послание митрополита Макария о канонизации русских святых, датированное в сборнике не 1547, как обычно, а 1543 г. (л. 176—177). Это еще время сравнительно согласных действий Ивана IV и церкви: юный государь заботливо помогает церковным иерархам в проведении необходимых церковных реформ (включающих, кстати говоря, и изменение церковной службы). Это подчеркивается и в торжественной начальной формуле грамоты: «Повелением господина и сына нашего благовернаго и христоролюбиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Росия самодержца, и по совету о святем душе с сынову и со служебники нашего смирения со архиепископы и епископы и со всем освещенным собором Росийския митрополия установили есмя. . . ». Среди упоминаемых в грамоте новых русских святых — Александр Невский и Кирилл Белозерский, которым составитель сборника уделяет большое внимание.

Комплекс документальных материалов, созданных Кириллом Белозерским, составляют его послания Василию I Дмитриевичу, Юрию Дмит-

¹⁴ Сходную аргументацию мы приводили в нашем издании (с. 62) для датировки временем после 1531 г. сочинения Максима Грека «Об Афонской горе и тамошних монастырях», сравнивая его содержание с одним из эпизодов процесса 1531 г. (л. 339); нам непонятно, почему несогласный с такой датировкой А. И. Иванов вместо критики наших аргументов, вообще не подвергая вопрос какому-либо новому рассмотрению, пишет: «Н. Н. Покровский без всяких оснований заявляет, что это сочинение не было известно соборам 1525 и 1531 гг.» (Несколько замечаний. . . , с. 286). Н. В. Сеницына приводит новые аргументы в пользу нашей датировки (Максим Грек в России, с. 110).

¹⁵ А. И. Иванов. Максим Грек и Савонарола. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 217; Н. А. Казакова. Очерки по истории. . . , с. 157—159.

риевичу, Андрею Дмитриевичу и его завещание (л. 207 об.—213 об.). Это также очень авторитетный исторический пример взаимоотношений святого старца со светскими правителями. Многие места этих документов заставляют вспомнить о жанре наставления, поучения правителя, столь важном и для творчества Максима Грека. Особенно примечательно, что развернутые поучения Кирилла князьям, в том числе и великому князю Василию I, касаются такого деликатного вопроса, как княжеские семейные дела, отношения между братьями. И могущественные князья принимают советы монаха.

Далее в Сибирском сборнике следует обширный комплекс произведений византийской литературы, повествующих о знаменитых подвижниках, мучениках, проповедниках. Он открывается Житием Симеона Дивногорца (л. 215 об.—258 об.). В этом большом разноплановом агиографическом памятнике можно найти интересующие нас сюжеты и мысли. Обширная поучительная часть Жития проповедует «бегание сребролюбивых соблазней»: «. . . да не убо предпочтете паче братняя потребы крыющагося в имених беса, иже и к самому Христу дерзну приступити и рещи: сия тебе вся дам, аще поклонити ми ся»; «. . . богатство иноком, братия и отцы, нестяжание» (л. 226). Как для Жития Симеона, так и для творчества Максима Грека весьма характерно и естественно, что нестяжательство проповедуется в первую очередь как одна из трех монашеских добродетелей.¹⁶ Житие знает и мотивы несправедливого преследования святого и даже чудесного наказания его недоброжелателей.

О двух известнейших во всем православном мире примерах таких преследований рассказывается в главах 28-й и 29-й, помещенных в Сибирском сборнике сразу после Жития Симеона. Главу 28-ю составляет «Сказание о Феофиле, патриарсе Александрьстем, и о смерти его, и какова кончина бывает уповающим на тленное богатство, и како Кирилл Философ прокля Иоанна Златоустаго и книги его сожже, и паки пречистая смири их по смерти Иоанна Златоустаго» (л. 259—260 об.). Этот краткий вариант памятника сохраняет все основные его сюжетные линии и идеи. Он начинается с осуждения стяжательства, сребролюбия патриарха Феофила, рассказывает о жестокой расправе патриарха с порицавшими его жадность монахами, о том, как Иоанн Златоуст вступился за монахов и Феофил за это «восписа словеса досадительная ко Иоанну и еретика того нарек, восписав же и Аркадию царю, глаголя, яко Иоанн еретик есть». Далее излагается знаменитая история активно поддержанной царицей интриги против Иоанна в царском дворце и удаления Иоанна с престола. Центральное место в памятнике занимает рассказ о соборном осуждении святого мудреца при Кирилле, сменившем Феофила: «Состави свой младоумный собор и прокля Иоанна Златоустаго, глаголя: Еретик есть и неправедно пасет Христово стадо, и книги его сожже и не дасть его во православныя догматы написати» (л. 260); чудесным вмешательством богородицы Кирилл был приведен к раскаянию и снял запрет с сочинений знаменитого богослова.

Мы не будем подробно останавливаться на другом общеизвестном примере многолетних гонений праведного учителя: 29-й главой Сибирского сборника является «Житие и страдание иже во святых отца нашего Афанасия, исповедника Александрийскаго» (л. 260 об.—284). Сибирский сборник сохранил и рассказ о пятикратном по «наветам» удалении Афанасия Великого от паствы, и выставившиеся против него на «растлевших» соборных судилищах обвинения. Формулировки этих обвинений в 29-й главе близки подобным обвинениям в 39-й главе — еретичество, оскорбле-

¹⁶ См.: Н. В. С и н и ц ы н а. Максим Грек в России, с. 105.

ние царского достоинства. Отношение к этим обвинениям в обеих главах, конечно, противоположное: Житие Афанасия обличает обвинителей, а Судные списки утверждают их правоту.

Отметим, наконец, что среди небольших материалов, непосредственно предшествующих в Сибирском сборнике Судным спискам, некоторые также затрагивают уже знакомые нам темы. Так, маленький отрывок «О авве Филороме» рассказывает о незаслуженных гонениях на святого при Юлиане Отступнике (л. 319 об.).

Конечно, можно справедливо заметить, что многие из перечисленных ситуаций и идей — общие места в православной литературе. Но ведь любые идеологические системы средневековья строятся из подобных общих мест, зачастую даже оригинальные идеи неизбежно неосознанно маскируются под них, ведь старина — синоним авторитетности. Все дело в акцентировке. Напомним, что даже столь самобытнейший мыслитель, как Аввакум Петров, чрезвычайно широко включает в свои сочинения такие общие места.¹⁷

Таким образом, можно утверждать, что 39-я глава Сибирского сборника поставлена составителем в такое окружение, которое, совпадая во многом с этой главой тематически, противоположно ей по авторской позиции. Крайняя тенденциозность Судного списка Максима Грека, его открытая враждебность по отношению к мыслителю, сочинения которого переписываются в сборнике наряду с сочинениями Григория Синаита, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, приобретает новое смысловое звучание от соседства с несколькими рассказами о незаслуженных преследованиях благочестивых философов. Ни одно слово, ни одна оценка суровых обвинителей Максима не пропущены и не опровергнуты, но судебная расправа над святогорским старцем поставлена в ряд столь многозначительных исторических прецедентов (осуждения Афанасия Великого, Иоанна Златоуста), что сама тенденциозность обличителей Максима обрачивается обличением их самих.

Мало того, этот эпизод русской церковной истории поднимается, таким образом, до уровня столь общих проблем православного мировоззрения, как отношение светской и духовной власти, царя и святого мудреца. Великие примеры, давно ставшие знаменитыми в византийской и русской литературах, оттеняют сочинения ученого афонца и псевдодокументальный рассказ о суде над ним. Ни одного прямого осуждения Василия III и митрополита Даниила в сборнике нет, но подобный состав сборника подсказывает читателю и конкретно-исторические, и общефилософские оценки происшедшего в 1525 и 1531 гг., и оценки эти закрепляются логическим завершением всего сборника — известным поучением дьякона Агапита «Изложение совещательных глав к царю Иустиниану, сложенных Агапитом, диаконом святейшая божия церкви» (гл. 40, л. 356—363). Напомним, что этот классический памятник жанра религиозно-политических наставлений правителю в XV в. пользовался на Руси особой популярностью (в частности, в связи со спорами о светской и духовной власти). Н. В. Сеницына подчеркивает, что поучением Агапита открывалась в нескольких сборниках сложившаяся устойчивая подборка произведений этого жанра, существовавшая уже в первой половине XVI в.; иногда в нее включалось послание Максима Грека Ивану IV.¹⁸

Классическое определение Агапитом царской власти было в XVI в.

¹⁷ См.: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975, с. 228—249.

¹⁸ Н. В. Сеницына. Максим Грек в России, с. 212.

знаменитым.¹⁹ Но читатель Сибирского сборника, имея возможность познакомиться с ним во всем контексте 21-й главы поучения, убеждался, что теория божественного характера царской власти связывалась здесь с довольно-таки императивными пожеланиями царю, весьма далекими от практики «российского самодержавства»: «Существом убо телесным равен человеком царь есть, властью же достоинства приличен богу, иже над всеми, не имат бо на земли себе высочайшаго. Подобаает убо ему яко и смертну не возноситься, и яко богу не гневаться. Аще бо и образом божиим почтеса, но перстью земною смешен есть, ею ж научается равности, иже ко всем» (л. 358).

Поучение Агапита наполнено мыслями о том, что царь должен быть милостивым, справедливым, должен судить нелицеприятно даже своих врагов, должен слушать благоразумных советников, а не льстецов.

Повторяем: мы не считаем предложенное прочтение глав Сибирского сборника единственно возможным; каждый литературный памятник может знать много прочтений, а сборник таких памятников — тем паче. Но нам кажется, что единая смысловая линия, проходящая через целый ряд основных глав сборника, вырисовывается все же довольно ясно. Она подготавливает читателя к восприятию остроконфликтных материалов 39-й главы. Интерес к этим материалам в конце XVI в. несомненно не случаен.

Судьба Максима, особенно в сопоставлении со все более высокими оценками его сочинений, будила особые эмоции во времена конца «самодержавства» Ивана IV и Ионы Думина. Острые политические коллизии, столь драматично изменившие в 1525—1531 гг. судьбу беспокойного Святогорца, привлекали к нему далеко не беспристрастное внимание и тогда, когда все тяжелее ощущались последствия краха политики грозного царя и над страной уже нависла тень будущей Смуты.²⁰ Ее приближение ознаменовалось, в частности, начавшимся под влиянием этого краха пересмотром некоторых идеологических установок недавнего прошлого.

Так, накануне Смуты начинает впервые ощущаться необходимость изменений в тех двух политико-догматических сферах, проблемы коих выйдут на первый план во время церковной реформы середины XVII в. Это вопросы о соотношении русского и вселенского православия, духовной и светской власти.

Восточные славяне, оказавшиеся за пределами Московского государства под иноверной католической властью, переживают в XVI в. важный период подъема национальной и социальной борьбы, которая с конца этого века породит целый поток острых антикатолических сочинений. Борьба эта будет находить горячий отклик в Москве, а полемические украинские труды в защиту православия начнут постепенно все шире распространяться по Руси. Но, с точки зрения официальной идеологии времен Василия III и Ивана IV, после падения Константинополя право-

¹⁹ Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, с. 38; Я. С. Л у р ь е. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, с. 475—478.

²⁰ Впрочем, это же можно сказать и о других переломных этапах в истории нашей страны. Как известно, Максим неосторожно допустил ряд крайне скептических и враждебных высказываний о Форгуне, богине судьбы, и случилось так, что не только его личная судьба, но и история ученых споров вокруг его жизни и его творений были наполнены самыми поразительными примерами крутых переломов, острых столкновений, роковых случайностей, необоснованных суждений о нем, а то и прямых подлогов. О спорах, развернувшихся во второй половине XVII в. вокруг имени Максима Грека, см.: А. Т. Ша ш к о в. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII—начале XVIII в. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 80—87.

славие за пределами русских государственных границ является сомнительным и ненадежным. В частности, окатоличившимся, «пестрым» поклонники горделивых теорий инока Филофея будут находить православие и украинцев, и белорусов, и греков. Мы помним, что несколько раз та же тема вставала и на соборах 1525—1531 гг. — и в связи с правомерностью исправления русских книг по греческим, и в связи с вопросом о представлении русских митрополитов в Москве. Митрополит Даниил так сформулировал позицию Максима в этом последнем вопросе: «И се убо глагола высокоумие и гордость, еже не ходити в бесерменскую Турецкую державу от патриархов ставитися от невернаго и безбожнаго царствия в митрополиты». Теория Москвы — третьего Рима — закономерно используется против Максима Грека, и столь же закономерна его полемика позднее с этой теорией.²¹ Но тем понятнее интерес к Максиму на рубеже XVI и XVII вв., когда начинает ощущаться стеснительность этой теории для московских политических и церковных интересов, когда освободительная борьба Украины и идеологические документы этой борьбы будут встречать в Москве все большее сочувствие и поддержку.²² Несомненно влияние идей Максима Грека на творчество Ивана Вишенского — одного из самых замечательных украинских публицистов, возглавившего эту полемику.²³ Это же относится и к активной антикатолической деятельности даже столь ненавистной для Ивана IV фигуры, как князь А. М. Курбский.

В XVII в. Россия для того, чтобы выполнить важнейшую свою миссию этого столетия — помочь национально-освободительной борьбе украинцев и белорусов, должна была менять отношение к милым сердцу Ивана IV политическим концепциям старца Филофея. Начинался важнейший этап активного воздействия украинско-белорусской культуры на культуру великорусскую. И не случайно кульминация всех этих споров о соотношении русского и вселенского православия, о допустимости исправления русских церковных книг, об украинско-белорусском православии во второй половине XVII в. ознаменуется и новой острой дискуссией о Максими Греке.

Вполне понятен и интерес деятелей конца XVI—начала XVII в. к взглядам Максима Грека на взаимоотношения светских и духовных властей. Учреждение в 1589 г. патриаршества на Руси завершило наилучшим способом старый спор Максима и его судей и в то же время способствовало укреплению авторитета высшей церковной власти. Тем неуместнее был обычай Ивана Грозного решать сложные проблемы отношения с церковными иерархами в прямом смысле слова руками Малюты Скуратова. В этой связи становится понятным интерес к личности митрополита Филиппа. Как ни стремится первая (колычевская) редакция жития Филиппа старательно обойти все острые политические углы, это начало того пути, в конце которого будет перенесение Никоном мощей святого мученика в Москву и унижительная церемония покаяния Алексея Михайловича в этом преступлении Ивана Грозного. Осуждение собором, послушным воле Василия III, мудрого Святогорца могло восприниматься читателями конца XVI в. как прелюдия к трагедии Филиппа Колычева и Германа Полева.

²¹ Судные списки. . . , с. 121; Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III, с. 156—157.

²² См.: К. В. Харламович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. I. Казань, 1914, с. 95—100; Я. Д. Исаевич. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. Київ, 1966.

²³ См.: И. П. Еремин. Иван Вишенский и его общественно-литературная деятельность. — В кн.: Иван Вишенский. Сочинения. М.—Л., 1955; Ф. Я. Шолом. Иван Вишенский и Максим Грек. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей. М., 1958, т. III, с. 294—315.

Таким образом, тенденциозность Судного списка, тенденциозность суда над Максимом составитель Сибирского сборника использует для осуждения самих судей. Конечно, это осуждение скрытое при всей его резкости. Вряд ли иное было возможно тогда для видного церковного иерарха, лица официального, каковым является архиепископ Иона Думин, почитатель Максима Грека.²⁴

В думинском собрании сочинений Максима Грека мы видим тот же, что и в Сибирском сборнике, прием: отношение составителя сборника к трагической судьбе Максима Грека выражено не словами, а самим составом сборника. Правда, осуждение процессов 1525—1531 гг. в думинском собрании сочинений Максима Грека гораздо более прямое и открытое, чем в Сибирском сборнике: между двумя частями собрания Иона помещает грамоты патриархов Дионисия и Иоакима 1545—1546 гг. в защиту Максима, содержащие крайне резкие характеристики осуждения Святогорца.²⁵

* * *

Несомненная тенденциозность судилища над Максимом, подчеркнутая к тому же враждебной Максиму позицией составителя Судного списка, неоднократно отмечалась нами при издании этого памятника. Это, однако, побудило А. И. Иванова сделать историко-ведческие оценки Судного списка, принципиально расходящиеся с нашими, хотя автор этих оценок и утверждает, что он опирается на наше мнение, а также на мнение Н. А. Казаковой: «После обстоятельного изучения и исчерпывающей оценки сохранившихся судных списков. . . Н. Н. Покровским и, особенно, Н. А. Казаковой едва ли необходима и даже возможна какая-либо дискуссия относительно научного значения этих памятников как исторических источников. . . Вполне понятно, что на основании такого рода материалов строить какие-либо категорические суждения или выводы о взглядах и поступках Максима Грека невозможно».²⁶ Делать категорические суждения по одному лишь источнику никогда нельзя, но А. И. Иванов глубоко неправ (и напрасно ссылается здесь на наше мнение),²⁷ когда объявляет тенденциозность Судного списка вполне достаточным основанием для того, чтобы вообще отрицать его научное значение, какую-либо ценность сообщаемых им фактов и отвергать любое неугодное ему показание памятника.²⁸

Мы стремились вскрывать и всячески подчеркивать тенденциозность Судного списка для того, чтобы сделать возможным его правильное ис-

²⁴ В последнее время Б. Н. Флоря и Н. В. Силицына привели важные сведения об исключительном интересе Ионы Думина к творчеству Максима Грека; Б. Н. Флоря называет 8 думинских рукописей, составленных из сочинений и переводов Максима Грека. Н. В. Силицына добавляет к этому списку еще три. (Б. Н. Флоря. О реконструкции состава древнерусских библиотек. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 57—59; Н. В. С и л и ц ы н а. Максим Грек в России, с. 48, 264—265). Издавая Судный список Максима Грека, мы указали еще одну такую рукопись: Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея с вкладной Ионы (ГПНТБ СО АН СССР, собр. Тихомирова, № 4). Этот вопрос исследуется и в указанном выше труде Хью Олмстеда.

²⁵ См.: Н. В. С и л и ц ы н а. Максим Грек в России, с. 48—49.

²⁶ А. И. И в а н о в. Несколько замечаний. . . , с. 241.

²⁷ На мнение Н. А. Казаковой также: и в своей монографии, и в своих статьях исследовательница, проанализировав тенденциозность Судного списка, широко и умело использует его, несколько раз специально подчеркивая особую важность списка и всего комплекса 39-й главы Сибирского сборника как ценного источника по истории бурных идеологических схваток XVI в.

²⁸ Сам А. И. Иванов, понятно, не может удержаться последовательно на этой позиции и в указанной статье несколько раз использует нужный ему материал 39-й главы Сибирского сборника.

пользование в качестве исторического источника, а отнюдь не для того, чтобы обосновать отказ от такого использования. Так, например, говоря о политических обвинениях, предъявленных Максиму, мы подчеркивали, что двойная тенденциозность — самих судей и составителей Судного списка — подчас приводит к таким противоречиям, которые облегчают исследователю нахождение истины;²⁹ в то же время источник явно позволяет выделить несколько пунктов, где обвинение не было целиком клеветническим.³⁰

Нетенденциозных источников по средневековой истории вообще нет. Даже писцовые книги по-своему тенденциозны, а к источникам по политической истории XVI в. это относится в первую очередь. Сам характер и направление такой тенденциозности — важный исторический факт, подлежащий обязательному изучению.

Все эти элементарные источниковедческие истины, конечно же, не могли остаться неизвестными А. И. Иванову. Остро критикуя в своих довоенных трудах с позиций бескомпромиссного воинствующего материализма тенденциозность византийской православной литературы, творений отцов церкви, он не отказывается от широкого их использования в качестве исторических источников. Почему им делается исключение для Судных списков — непонятно.

Отбросив как тенденциозные сведения Судных списков о суде над Максимом (с присоединенными к ним подлинными письмами об этом суде Василия III и митрополитов Даниила, Макария, Иоасафа), «Выписи о втором браке Василия III», «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского, А. И. Иванов строит концепцию, согласно которой были абсолютно ложными и беспочвенными все называвшиеся в источниках и исторической литературе причины осуждения Максима Грека, все выдвинутые против него обвинения, за исключением одного (действительно важнейшего): нестяжательских взглядов. Вместо одного из самых ярких, беспокойных и многоплановых характеров русского XVI в. старательно выписывается иконописный образ преподобного старца.

С этих позиций А. И. Иванов пытается пересмотреть, в частности, два положения, которые в богатой острой дискуссией историографии вопроса можно было считать менее спорными: о влиянии на осуждение Максима его взглядов относительно неканоничности поставления русских митрополитов в Москве и второго брака Василия III (по второму вопросу недавно возникла полемика между А. А. Зиминным и Н. А. Казаковой).

Мы подчеркивали уже, что убеждение в неканоничности самостоятельного поставления русских митрополитов, в сохранении и после турецкого завоевания Византии вселенской миссии греческой церкви было у Максима Грека искренним и глубоким. Если в 1525 г. он безуспешно пытался скрыть эти свои взгляды, хорошо понимая, какое опасное оружие дает он своим судьям, то на суде 1531 г., где этот вопрос ставился дважды, Максим держится откровенно, смело, не думая что-то здесь скрывать или каяться. Между тем эта его точка зрения, несмотря на каноническую правоту Максима, противоречила логике национального развития страны и не могла вызвать сочувствия. Даниил поэтому настойчиво возвращается к данному вопросу, снова используя его для дискредитации Максима, когда на суде рушатся фальсифицированные обвинения в измене.³¹

²⁹ См.: Н. Н. Покровский. Сибирская находка (новое о Максиме Греке), с. 128—138.

³⁰ См.: Судные списки. . . , с. 58—59, 68—70 и др.

³¹ См.: Там же, с. 58—59, 71.

Об осуждении Максимом порядка поставления русских митрополитов говорится не только в Судных списках, но и в письме митрополита Даниила в Иосифо-Волоколамский монастырь от 24 мая 1525 г., где называются два главных обвинения, выдвинутых в 1525 г. против Максима; обсуждение этого вопроса на суде упоминает и митрополит Макарий в грамоте бывшему митрополиту Иоасафу от 9 ноября 1548 г.³² Согласно отрывку следственного дела 1525 г. вопрос этот как-то поднимался и на светском следствии 1525 г. — в связи с разговорами Максима с Берсеном Беклемичевым о том, что турецкие власти не вмешиваются в дела церкви.³³ Наконец, в данном случае возможна та проверка сведений Судных списков сочинениями Максима Грека, о желательности которой справедливо говорят исследователи, включая А. И. Иванова. Эта проверка вполне подтверждает сведения Судных списков: после суда Максим Грек написал два сочинения, специально посвященные обоснованию того, что турецкое завоевание не могло нарушить святости греческой церкви и что поэтому его взгляды на незаконность поставления русских митрополитов в Москве справедливы.³⁴

А. И. Иванов полемизирует с Н. А. Казаковой и «всеми предшествующими исследователями», которые видели (вполне справедливо, на наш взгляд) в этих сочинениях Максима одно из доказательств того, что обвинение в осуждении порядка поставления русских митрополитов предъявлялось Максиму на судах 1525 и 1531 гг. и предъявлялось обоснованно. А. И. Иванов считает, что эти сочинения отнюдь не свидетельствуют о возражениях Максима против самостоятельного поставления русских первосвященников, ибо посвящены доказательству лишь той излюбленной мысли афонца, что греческая церковь и под властью турок сохранила свою святость и потому роль центра православия. Он подчеркивает, что все эти рассуждения Максима Грека носили «чисто теоретический характер».

Но это далеко не так: тезис о нарушении святости греческой церкви, о падении православия второго Рима был главным звеном в становящейся все более официозной теории Москвы — третьего Рима, главным оправданием отказа русской церкви поставлять своих митрополитов в Константинополе. Вполне естественная связь вопроса о святости греческой церкви под турецким владычеством с проблемой поставления русских митрополитов подчеркнута не только в приведенной нами выше формулировке из письма Даниила от 24 мая 1525 г., но и в самом заглавии сочинения Максима Грека: «Сказание ко отрицающимся на поставления и кленущимся своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному собору, еже не примати поставления на митрополию и на владычество от римскаго папы латынския веры и от цареградскаго патриарха, аки во области безбожных турок поганого царя, и поставленнаго от них не примати». Н. А. Казакова справедливо видит в этом тексте важный аргумент в пользу своего мнения о том, что митрополит и великий князь обоснованно обвиняли здесь Максима.³⁵

Возражая ей (а следовательно, и нам), А. И. Иванов предлагает различать поставление русских митрополитов в смысле реального выбора и утверждения кандидатов и в смысле торжественной церемонии интронизации. Он считает, что первое Максим Грек предлагал оставить за Москвой, а второе — за Константинополем. Но это построение невозможно научно аргументировать.

³² Там же, с. 121, 129.

³³ ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 172, с. 141.

³⁴ См.: Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III, с. 154—164.

³⁵ См.: Н. А. Казакова. Очерки по истории. . ., с. 199.

Если бы Максим Грек думал так, как полагает А. И. Иванов, он имел бы великолепную возможность оправдаться на суде, а не настаивать на своих возражениях, столь опасных для него. Если тенденциозный Судный список скрыл это от нас и приписал Максиму линию поведения на суде, расходящуюся с действительной, могли как-то проговориться другие источники, названные нами выше. Если (как считает А. И. Иванов) все эти источники тенденциозные, искажают факты удивительно согласованно и не должны нами приниматься во внимание, то остается все же вполне авторитетный для нашего оппонента источник: «Сочинения преподобного Максима Грека», ч. I—III. Ни в одном из произведений преподобного нет и намека на сложную конструкцию А. И. Иванова, а между тем он имел время и возможность, чтобы подробно развить и аргументировать в написанных после 1531 г. сочинениях свои взгляды, как он это сделал по ряду других поднятых на суде проблем.

А. И. Иванов признает, что предложенное им разделение проблемы поставления на избрание и интронизацию не было известно в практике и теории русско-византийских церковных отношений до 1448 г., когда и тем и другим правом пользовались константинопольские патриархи. (После 1448 г. такого разделения, как известно, также не было). Максим Грек подчеркивал, что в этом вопросе он стоит за соблюдение не только канонического права, но и исторической традиции: «как прежде из старины бывало».³⁶ На какую же русско-византийскую традицию мог опереться Максим Грек, если бы он действительно придерживался рекомендаций для решения этой трудной проблемы, данных А. И. Ивановым?

О попытках независимого от Византии поставления высших иерархов русской церкви собором местных епископов не раз сообщается на страницах летописи (Иларион, Климент Смолятич, Федорец, Митяй), причем говорится и о возникающих в этой связи спорах, иногда приводятся юридические аргументы сторон, но ни разу мы не встречаем канонического обоснования выдвинутой А. И. Ивановым идеи.³⁷ Как известно, окончательное решение 1589 г. также было иным.

В то же время А. И. Иванов абсолютно прав, когда подчеркивает, что позиция Максима в этом вопросе была связана с его неодобрением «крайне оскорбительного отношения русских церковных кругов к константинопольскому патриарху», которое выразилось и в формуле клятвы при поставлении русских митрополитов, приравнивавшей царьградского патриарха по нечестивости к римскому папе.³⁸

Это связано и с общими взглядами Максима Грека на необходимость возрождения былой славы греческого православия, с его любовным преклонением перед греческой культурой и в связи с этим с неприятием им теории Москвы — третьего Рима, о чем говорилось выше. И если вспомнить уже отмеченную необходимость для Руси с конца XVI—начала XVII в. как-то решать ликвидированный окончательно лишь в середине XVII в. конфликт между этой теорией и важными государственными интересами Москвы и всего восточного славянства, то будет ясно, что в широкой перспективе и эти взгляды Максима на греческое православие оказались более нужными для России, чем аргументы его судей — иосифлян. Недаром в острой полемике 2-й половины XVII в. страстный защитник общеславянского единства, церковной реформы и исправления

³⁶ Судные списки. . . , с. 119.

³⁷ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 39, 40, 196—199, 377 и др.

³⁸ А. И. Иванов. Несколько замечаний. . . , с. 296.

русских книг по греческим Юрий Крижанич будет опираться на авторитет Максима Грека.³⁹

Вторая проблема, рассматриваемая А. И. Ивановым, это вопрос о том, имело ли тайное отношение к осуждению Максима Грека неодобрение им развода и второго брака Василия III. Н. А. Казакова считает недоказанным ни наличие такого неодобрения, ни его влияние на осуждение Максима. Многие другие исследователи, включая М. Н. Тихомирова, С. О. Шмидта и А. А. Зими́на, настаивали на подобной причинной связи. А. И. Иванов отрицает ее, полемизируя при этом лишь с одним А. А. Зими́ным.⁴⁰

Мнение о причастности Максима Грека к шумному спору вокруг развода Василия III основывается в первую очередь на показаниях двух источников: «Выписи о втором браке Василия III» и «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского. А. А. Зимин, считающий «Выпись» крайне ненадежным источником начала XVII в.,⁴¹ в этом вопросе склонен ей верить, подчеркивая ее «вполне доброкачественные источники».⁴²

На наш взгляд, современное состояние источниковой базы в этом вопросе делает наиболее оправданным осторожный вывод Н. В. Синицыной, признающей вероятность того, что Максим Грек оказался замешан в споры о разводе, но делающей существенные оговорки о возможной его политической позиции: «Если признать, что одной из причин гнева великого князя было отрицательное отношение Максима к разводу (это кажется нам достаточно вероятным),⁴³ то о политическом аспекте позиции Максима Грека можно судить лишь гипотетично. Если исходить из достоверности свидетельства Выписи, то следует говорить не о „Максиме и его окружении“ (А. А. Зимин), а о Вассиане и его окружении. В вопросе о наследовании престола позиция Максима, греческого монаха, стремившегося к возвращению на Афон, не тождественна позиции его русского окружения, она значительно более нейтральна. Придерживаясь канонической точки зрения на нерасторжимость брака, ученый афонский монах оказался в 1525 г. жертвой династической борьбы и „поклепа небратолюбцев“».

Отрицая саму возможность возражений Максима Грека против развода Василия III, А. И. Иванов не только ссылается на тенденциозность всех говорящих об этом источников, но и выдвигает совершенно новый

³⁹ Этот последний вопрос, однако, более сложен и увлекателен. См.: А. Т. Шаповалов. Юрий Крижанич и Максим Грек. — В кн.: Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980.

⁴⁰ См.: М. Н. Тихомиров. К вопросу о Выписи о втором браке царя Василия III. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. М., 1928, с. 91—98; Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — Византийский временник, т. XXVIII. М., 1968, с. 109—126; т. XXIX. М., 1969, с. 108—134; А. А. Зими́н. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 243.

⁴¹ Впрочем, датируя «Выпись» началом XVII в., А. А. Зимин подчеркивает: «Этот памятник сложился, очевидно, в одно время с публицистической обработкой судебных материалов о Максиме Греке». Между тем наша датировка этой обработки временем не позднее ноября 1548 г. (основанная, как нам кажется, на прочной документальной основе — на письме митрополита Макария от 8 ноября 1548 г.) не была оспорена ни одним из исследователей. А. А. Зимин, делающий справедливое наблюдение об определенной связи между обоими памятниками, аргументирующий это наблюдение точно так же, как это сделал С. О. Шмидт в предисловии к нашему изданию, не предпринимает при этом попытки оспорить нашу датировку Судных списков. См.: А. А. Зими́н. Выпись о втором браке Василия III. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 135; Судные списки. . . , с. 7, 35—39.

⁴² А. А. Зими́н. Россия на пороге нового времени, с. 277.

⁴³ Исследовательница приводит новый аргумент в пользу этой точки зрения (Н. В. Синицына. Максим Грек в России, с. 145).

аргумент, вообще отвергая наличие канонических оснований для таких возражений. Ссылку на них делали многие исследователи, хотя А. И. Иванов и здесь полемизирует лишь с А. А. Зиминим.

Однако суждения А. И. Иванова о каноническом праве XVI в., русском и византийском, на деле оказываются недостаточно обоснованными.

Утверждая, что православная церковь вообще никогда не протестовала против развода и второго брака в случае бесплодия, А. И. Иванов ссылается лишь на две церковные работы 2-й половины XIX в., носящие более практический, чем последовательно исторический характер, и умалчивает при этом о наличии в XIX в. гораздо более обильной церковной историографии, трактующей этот вопрос прямо противоположным образом. Напомним, что вплоть до буржуазных реформ 60-х годов XIX в. в Синоде безраздельно господствовала тенденция сурового запрета развода и ее сторонники (включая самого обер-прокурора Голицына) легко находили обоснования своей позиции в истории канонического права. Поэтому статьи о разводе оказались вообще исключенными из Свода Законов 1835 и 1842 гг.; они вошли туда лишь во 2-й половине XIX в. в связи с общим ослаблением средневековых пережитков после смерти Николая I.

На деле вопрос о канонической допустимости и основаниях развода был очень сложным и в многовековой истории церкви решался по-разному.⁴⁴

Можно сказать, что в целом в церковной идеологии средневековой Руси было распространено суровое отношение к разводу и второбрачию, базировавшееся на общехристианском представлении о браке как земном образе союза Христа с церковью⁴⁵ и на авторитетных евангельских словах самого Христа: «Еже Бог сочета, человек да не разлучает», «Всяк отпущая жену свою разве словесе прелюбодейна, творит ю прелюбодействовати, и иже пущеницу поимет — прелюбодействует».⁴⁶ А Василий Великий в 9-м правиле придерживался еще более суровых взглядов, отрицая даже неверность как повод к разводу и считая, что таких поводов нет вообще.⁴⁷

Великому князю Василию III приходилось преодолевать канонические запрещения как развода, так и второго брака. Полное запрещение второбрачия содержалось в соборных правилах, включенных в русскую Кормчую, — в 7-м правиле Неокесарийского собора (в толкованиях на него такого признанного на Руси авторитета, как Федор Студит),⁴⁸ в весьма категорическом 102-м (115) правиле Карфагенского собора: «Постановлено, да по евангельскому и апостольскому учению ни оставленный женой, ни отпущенная мужем не сочетаваются с другим лицом, но или тако да пребывают, или да примирятся между собою».⁴⁹

Конечно, мы никоим образом не утверждаем, что страны православного церковного права вообще не знали развода и второбрачия; мы говорим лишь, что к этому были серьезные канонические препятствия, которые, понятно, действовали в разное время с разной силой.

Возвращаясь к делу о разводе и втором браке Василия III, мы не можем пренебречь подробным рассказом Выписи о втором браке относительно канонических возражений [целого ряда церковных иерархов на-

⁴⁴ А. Павлов. 50-я глава кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. СПб., 1885; Н. Заозерский. Государство и церковь в деле законодательства о поводах к разводу. СПб., 1913.

⁴⁵ I Тим., III, 16.

⁴⁶ Матф., XIX, 6; V, 32; XIX, 9.

⁴⁷ Н. Заозерский. Государство и церковь..., с. 7; Кормчая. М., 1652. л. 228 об.—229 об.

⁴⁸ Кормчая, л. 54; PG, v. 99, p. 1581.

⁴⁹ Кормчая, л. 158 об.

мерению великого князя: иерархи несколько раз подчеркивают, что желание государя противно «правилу святых отец». А Вассиан прямо сослался на соборные постановления «святых отец», в том числе на упомянутое выше правило Карфагенского собора, а также правило Трулльского собора; он же в обоснование этих правил изложил великому князю оба евангельские изречения Христа, цитированные нами выше.⁵⁰ Каким бы тенденциозным ни был этот источник, он не мог придумать все эти канонические возражения, если бы они не принимались тогда во внимание церковным правом и общим мнением: основывать весь рассказ на несуществующих юридических нормах автор Выписи не мог, независимо от того, писал ли он в 1540-х гг. или в начале XVII в. Это же относится и к рассказу А. М. Курбского.⁵¹

Очень характерно, что те же самые канонические возражения против развода и второго брака Василия III (со ссылкой на апостольские заветы) приводит и Псковский летописец; А. А. Зимин справедливо обращает внимание на аргументы этого летописца, явно осуждающего великого князя.⁵²

Таким образом, традиционное мнение историков (в том числе церковных) о существовании канонических препятствий к разводу и второму браку Василия III представляется нам справедливым, а противоположная точка зрения А. И. Иванова — основанной на недостаточном знании истории канонического права.

Исходной позицией взглядов А. И. Иванова на осуждение Максима Грека является твердая уверенность в том, что это дело рук одного лишь митрополита Даниила, «лютая ненависть» которого к Максиму объяснялась нестяжательскими взглядами последнего и отказом перевести для Даниила «Церковную историю» Феодорита. Иных причин постигших Максима несчастий А. И. Иванов не признает и поиски таких причин считает оскорбительным для памяти Максима доверием к клевете его тюремщиков.⁵³

Нам представляется, что источники не подтверждают заявление А. И. Иванова о «пассивной роли» великого князя в осуждении Максима Грека. Сообщение Судных списков об участии великого князя в соборном осуждении Максима Грека в 1525 и 1531 гг., как и вводящая формулу приговора фраза «И тако со всем священным собором и с великим князем Василием осудише Максима и Саву архимандрита»,⁵⁴ не являются только протокольными, но отражают суть дела. О том же свидетельствует и запись летописца Боровского монастыря под 1525 г.: «Того ж лета князь великий Василей Иванович всеа Русии довел на Спаского архимандрита на Саву на Грека, да на Максима на философа измену. . . А Данил митрополит всеа Русии с священным собором довел на них ересь».⁵⁵ Давно уже введен в научный оборот отрывок следственного дела 1525 г., который при всей своей фрагментарности и противоречивости свидетельствует о большой заинтересованности великого князя в этом следствии.⁵⁶ Н. В. Синицына справедливо считает, что Сибирский сборник укрепляет доверие к известию одного из опубликованных С. А. Белокуровым Житий

⁵⁰ А. А. З и м и н. Выпись о втором браке. . . , с. 142, 144, 146.

⁵¹ А. М. К у р б с к и й. История о великом князе Московском. — РИБ, т. XXX. СПб., 1914, с. 162—163.

⁵² См.: Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955, с. 227; А. А. З и м и н. Россия на пороге нового времени, с. 297.

⁵³ А. И. И в а н о в. Несколько замечаний. . . , с. 286—287, 290—291.

⁵⁴ Судные списки. . . , с. 90, 96—97, 120.

⁵⁵ М. Н. Т и х о м и р о в. Новый памятник московской политической литературы XVI в. — В кн.: Московский край в его прошлом, ч. 2. М., 1930, с. 112.

⁵⁶ ААЭ, т. I, № 172, с. 141—145.

Максима Грека, согласно которому Иван IV спрашивал у Даниила о Максиме: «За какую вину отец мой на него возъярися и в темницу заключи твердо?»⁵⁷ Мы не говорим уже, что ту же самую оценку роли Василия III в деле Максима дают митрополит Макарий, А. М. Курбский и «Выпись о втором браке».

Нам кажется, что рассмотренные выше недочеты концепции А. И. Иванова о причинах осуждения Максима Грека вытекают из одной, по-своему логичной, доминанты всех его трудов на эту тему: представить облик великого ученого, философа, богослова предельно приближенным к иконописному. Дать реальный, живой портрет Святогорца с этих позиций так же трудно, как и с противоположных, когда он объявляется турецким шпионом (И. И. Смирнов, И. Б. Греков), либо даже «предателем» (А. А. Зимин).⁵⁸

* * *

В богатой сложными проблемами полемике о причинах осуждения Максима Грека есть одно ответвление, которое нам не кажется особенно существенным, но которое тем не менее вызвало и продолжает вызывать споры. Это вопрос о том, когда ему были предъявлены основные обвинения в нестяжательстве — в 1525 или в 1531 г. Издавая в 1971 г. 39-ю главу Сибирского сборника, мы попытались аргументировать положение о том, что обвинение в нестяжательстве в 1525 г. «вряд ли было сделано. . . в сколько-нибудь развернутом и опасном для обвиняемого виде, если вообще было выдвинуто тогда». При этом мы сочли необходимым сразу же подчеркнуть, что «нестяжательские взгляды. . . и тогда были одной из главных причин ненависти к нему иосифлянкой церковной верхушки».⁵⁹ Однако в 1525 г., когда еще в такой силе был Вассиан Патрикеев, вряд ли возможно было организовать сколько-нибудь значительное судебное осуждение этих взглядов — ведь даже в 1531 г., как только собор перешел к рассмотрению этой части обвинений, Максим Грек сразу же попытался прикрыться именем Вассиана. Мы напомним также яркие свидетельства Михаила Медоварцева о том, каким огромным влиянием продолжал пользоваться Вассиан и после 1525 г. Одним из главных наших аргументов явились новые материалы Сибирского сборника: тот факт, что митрополит Даниил, перечисляя в письме от 24 мая 1525 г. главные обвинения, выдвинутые против Максима, о его нестяжательстве не упомянул.

Эти наши аргументы и выводы из них были поддержаны Н. В. Симицной и Б. М. Клоссом. А. А. Зимин неоднократно выступал в пользу той точки зрения, что проблемы нестяжательства на соборе 1525 г. не сто-

⁵⁷ Н. В. С и м и ц н а. Максим Грек в России, с. 151—152.

⁵⁸ А. А. З и м и н. Россия на пороге нового времени, с. 279. Эта выразительная характеристика дана А. А. Зиминим на основании откровенных показаний, сделанных Максимом на светском следствии 1525 г. о своих разговорах с Берсеном Беклемышевым. Дошедший в двух редакциях отрывок части этого следственного дела подвергнут доскональному анализу Н. В. Симицной, которая пришла ко вполне обоснованному, на наш взгляд, заключению о том, что фрагментарность источника и ряд других обстоятельств не дают возможности для доказательства столь тяжкого обвинения. Показания Максима были опасны не только для Берсея, но и для него самого. Взаимными обвинениями обменялись на следствии Берсень и Федор Жареный. Уцелевшая часть источника сообщает также о показаниях Берсея против Максима, и, главное, мы не знаем, как развертывалось следствие, не описанное в этой части источника, особенно в самом начале, когда следователи хотели использовать других подсудимых, чтобы оклеветать Максима (Н. В. С и м и ц н а. Максим Грек в России, с. 131—139).

⁵⁹ Судные списки. . . , с. 51—52.

яли, считая вместе с тем, что они не могли быть и подспудной причиной его первого осуждения.⁶⁰

Н. А. Казакова оспорила наш вывод, считая, что нестяжательские «вины» Максима Грека стояли в центре внимания собора 1525 г. и в 1531 г. рассматривались уже вторично.⁶¹

Это одно из немногих наших расхождений с умелой исследовательницей Судного списка Максима Грека, которая еще на основе тщательного анализа неполной Погодинской рукописи «судного списка» подробно аргументировала неосновательность главных политических обвинений, выдвинутых против Максима; находка Сибирского сборника подтвердила справедливость основных принципиальных положений, отстаиваемых Н. А. Казаковой.⁶²

Один из главных аргументов Н. А. Казаковой в пользу утверждения об обсуждении основных обвинений в нестяжательстве на соборе 1525 г. извлекается ею из текста Судных списков, что заставляет нас вернуться к этому вопросу.

Речь идет о том разделе источника, который со времени исследования С. Н. Чернова называют «передопрос Досифея»: ⁶³ в ходе собора 1531 г. Даниил поручил крутицкому владыке Досифею провести вторичный допрос по тем пунктам обвинения, которые уже рассматривались на соборе 1525 г. Все нестяжательские вопросы находятся именно в этой части Судного списка 1531 г.

На первый взгляд кажется, что это — абсолютное доказательство нашей неправоты в этом вопросе, но ближайшее рассмотрение делает этот аргумент очень шатким вследствие внутренней противоречивости, нелогичности структуры источника именно в связи с разделением обвинений между 1525 и 1531 гг. Издавая Судные списки, мы отмечали: «Материалы, относящиеся к обоим соборам, перепутаны так сильно, что о разделении обвинений между 1525 и 1531 гг. среди историков идет долгий и довольно безуспешный спор»; ⁶⁴ мы привели ряд доказательств этого положения, которые были приняты исследователями. Всю эту противоречивую путаницу еще по неполному Погодинскому списку источника подробно проследил С. Н. Чернов, а Сибирский список настолько усилил впечатление смешения, слияния в одном тексте событий, происходивших на обоих соборах, что мы даже выдвинули гипотезу (разделяемую Н. В. Сеницыной) об отсутствии у составителя нашего источника каких-либо подлинных материалов собора 1525 г. за исключением писем Даниила и Василия III. Напомним, что даже приговор для обоих соборов приводится единый, противоречиво составленный из частей приговоров как 1525, так и 1531 гг.

Непосредственно в связи с «передопросом Досифея» можно отметить, во-первых, что границы этого раздела памятника невозможно установить сколько-нибудь четко и, во-вторых, что в него входят несколько судебных споров, прозвучавших в 1531 г. впервые.

В начале собора 1531 г. митрополит Даниил сам ведет допрос Максима и свидетелей в связи с обвинениями в хуле на Богородицу в переведенном

⁶⁰ См.: Н. В. С и н и ц ы н а. Максим Грек в России, с. 141, 144; Б. М. К л о с с. Никоновская летопись и Максим Грек, с. 126; А. А. З и м и н. Россия на пороге нового времени, с. 291—292.

⁶¹ Н. А. К а з а к о в а. 1) Очерки по истории. . . , с. 194—196, 235—239; 2) Рец. на кн.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака, с. 176—179.

⁶² Судные списки. . . , с. 58.

⁶³ См.: С. Н. Ч е р н о в. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 62—70.

⁶⁴ Судные списки. . . , с. 47.

Максимом Житии Богородицы Симеона Метафраста и в связи с исправлением Максимом русских богослужебных книг по греческим. Затем митрополит поручает Досифею вести допрос по обвинениям, о которых уже шла речь в 1525 г., и с этого момента каждый новый вопрос к Максиму и свидетелям вводится формулой «И владыка Дософей спросил. . .» (л. 335 об.). Но столь приятная четкость продолжается недолго. Как раз в ходе прения о нестяжательских взглядах Максима рядом с ней появляется и безличная формула «И в том соборе спросили Максима. . .» (л. 339), затем подобные начальные формулы, не дающие возможности определить, кто именно ведет заседание, постепенно и непоследовательно начнут вытеснять формулу с именем Досифея. Последний раз Досифей будет назван ведущим допрос на л. 339 об., а все остальное пространное разбирательство (как раз по наиболее острым, политическим, обвинениям, л. 340—343) передано в источнике так, что совершенно невозможно понять, входит ли оно в «передопрос Досифея» или соборное следствие опять ведет сам Даниил. В какой-то форме (неизвестно — в какой) политические обвинения в 1525 г. несомненно вставали, хотя мы полагаем, что ими занимался не церковный собор, а отдельное светское следствие.⁶⁵

Таким образом, противоречивость и непоследовательность нашего источника не позволяют сколько-нибудь надежно отделить «передопрос Досифея» от остальной части Судного списка 1531 г., что порождает законное сомнение в четкости и справедливости этого разделения даже для тех эпизодов следствия, где источник содержит прямое указание на лицо, ведущее допрос.

В этом отношении особенно интересно, что несколько судебных эпизодов, начинающихся словами «И владыка Дософей спросил. . .», явно разыгрываются на соборе 1531 г. впервые. Это, в частности, те случаи, когда Максим несомненно сначала не догадывается, как и чем суд может аргументировать данное обвинение, и поэтому вынужден менять свою линию защиты в ходе самого разбирательства. Именно так, например, разворачиваются события, когда Максима обвинили, будто он учил, что Христос вознесся на небо лишь своим божеством, «а тело свое на земле оставил». Максим сначала категорически отрицал, что говорил это, но после очной ставки с Михаилом Медоварцевым, Васьяном Рушаниным, Афанасием Греком и Федором Сербиным изменил свою позицию: «В том есми, господине, виноват, что есми ту речь пропаметовал. А то есми им говорил к некой речи, а то, господине, говорят лихие люди неверные, а яз того не мудрствую» (л. 336 об.). Несомненно, что Максим сказал здесь правду: он не был сторонником «нетленномнительной ереси». ⁶⁶ Но столь же очевидно, что Максим впервые встретился в 1531 г. с этим «козырем» обвинения, иначе он не допустил бы невыгодной для себя перемены показаний.

Весьма вероятно, что Михаил Медоварцев и Васьян Рушанин вообще впервые фигурируют лишь на процессе 1531 г. — не будем повторять сейчас наши аргументы в пользу этого,⁶⁷ основанные на Судном списке Вассиана Патрикеева и подтверждаемые нашим источником. К тому же Михаил в 1531 г. признавался, что и во время собора 1525 г., и после него он боялся делать какие-либо заявления против Максима и Вассиана: «блюлся старца Васияна о тех вещех изъявити, занеже уморит мя» (л. 334 об.). Это не позволяет относить к 1525 г. все те обвинения, которые основывались в первую очередь на показаниях Михаила. Таких случаев

⁶⁵ См.: Там же, с. 53—54.

⁶⁶ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III, с. 79—92.

⁶⁷ См.: Судные списки. . . , с. 74—75.

кроме упомянутого в «передопросе» еще два (л. 336 об., 337);⁶⁸ то же можно сказать и о тех предъявленных Досифеем в 1531 г. Максиму обвинениях, которые этот последний мог сразу же переадресовать Вассиану. Их тоже два, одно из них — обвинение в нестяжательстве (л. 338 об. — 339, 339 об. — 340); в этом последнем случае сам Досифей адресует обвинение сразу Максиму и Вассиану.

Наконец, во время спора 1531 г. о нестяжательстве Максима Досифей вынуждает его изменить первоначальную уклончивую позицию о землевладении афонских монастырей, доказав ему на соборе, что он привез с Афона Житие Саввы Сербского, где говорится об этом землевладении (л. 339). Здесь также трудно допустить предварительное рассмотрение этого вопроса в 1525 г., так как Максим сначала явно не поддавался о бессмысленности и невыгодности его первых уклончивых ответов.

Конечно, остается возможность, что какие-то из этих обвинений выдвигались и в 1525 г., но совершенно по-иному, без главных аргументов 1531 г. Мы и не заявляли, что иосифлянские руководители собора 1525 г. последовательно исключили тогда из судебной дискуссии любой намек на нестяжательство Максима, мы лишь утверждали (и утверждаем), что эти обвинения не могли быть тогда среди главных, что они вряд ли были «предметом сколько-нибудь заметного разбирательства на соборе 1525 г.»

По причинам, сходным с вышеизложенными, нельзя считать достаточно достоверным основанием для разделения обвинений 1525 и 1531 гг. и вступительную речь митрополита Даниила на соборе 1531 г., на которую ссылается Н. А. Казакова. Вроде бы в первой части своей речи Даниил должен повторить обвинения, выставленные уже в 1525 г., а во второй — «новоприбылые» вины Максима; части эти как раз разделены рассказом о соборных заседаниях 1525 г. в резиденции великого князя и на митрополичьем дворе (л. 329—330). Но именно в первой части мы читаем рассказ о том, что Максим во время заточения в Иосифо-Волоколамском монастыре похвалялся даром всеведения, а это происходило после собора 1525 г. Н. А. Казакова признает здесь прямую ошибку в речи Даниила.⁶⁹

В последних строках этого «обвинительного заключения» говорится, что «соборная юза» была наложена на Максима, чтобы он каялся «о своих еретических хулах, что еси прежде сего много хулил на господа бога, и на пречистую богородицу, и на святых великих отцев и чудотворцев, и на церковныя чины, и уставы, и законы, и на монастыри. . .» и т. д. (л. 330 об.). Н. А. Казакова справедливо связывает «хулу» на святых, монастыри, церковные уставы с нестяжательскими взглядами Максима. Но и здесь нет твердых оснований для точного разделения обвинений 1525 и 1531 гг. Так, о хуле на Богородицу в Судном списке 1531 г. будет затем говориться очень подробно, и окажется, что все обвинения связаны здесь с двумя произведениями: Житием Богородицы Симеона Метафраста и Правилами Вассиана и Максима (т. е. Кормчей), а оба эти произведения на соборе 1525 г. не обсуждались. Наконец, эта же самая формула обвинения «хулы на господа бога, и пречистую богородицу, и на церковные уставы и законы, и на святых чудотворцы, и на монастыри» дважды упоминается непосредственно перед речью Даниила в сообщении о созыве собора 1531 г. (л. 328 об.), но каждый раз речь идет о «прибы-

⁶⁸ В первом из них к тому же Максим существенно меняет свои показания после очной ставки с Михаилом — это вопрос о пропуске слов в одной из евангельских притч.

⁶⁹ Н. А. Казакова. Очерки по истории . . . , с. 231.

лых новейших» «хулах» Максима. Добавим, что вообще все подобные краткие перечисления обвинений на л. 328—330 об. Судного списка 1531 г. делаются в такой форме и находятся в таком контексте, что каждое из них допускает разные толкования.

В итоге всех этих рассуждений мы приходим к исходному — к сделанной нами еще в издании 1971 г. констатации того, что Судный список 1525 г. слишком неполон, а Судный список 1531 г. слишком противоречив в изложении нашего источника, что оба эти рассказа слишком перемешаны, чтобы давать историку надежные основания для разделения обвинений 1525 и 1531 гг. В этих условиях приходится прежде всего принимать во внимание общие соображения о силе и влиянии нестяжателя Вассиана в 1525 г. и свидетельство документального источника — письма митрополита Даниила от 24 мая 1525 г.

* * *

В труднейшие, переломные для него годы (1525—1531) Максим бывал и очень гибким, и непреклонно стойким. Как мы уже отмечали, на суде 1525 г. он ведет себя более осторожно, чем на суде 1531 г. Возможно, прав А. А. Зимин, считавший, что в 1525 г. Максим не осознавал всей тяжести своего положения и еще надеялся на более благоприятный для себя исход следствия. Сибирский список Судного дела 1531 г. и письма митрополита Даниила 1525 г. впервые со всей отчетливостью показали, какой жестокий тюремный режим (без права устного и письменного общения) определили ему в 1525 г. Даниил и Василий III и как мужественно, непокорно вел себя Максим во время первого своего заточения; «он же покаяния и исправления не показываше и неповинна во всем себе глаголяше, и отречена мудрствоваше, и послания писаша» — констатировали в 1531 г. его тюремщики; Даниил обвинял его: «Не каешься, но и еще прилагаешь зло ко злу». ⁷⁰ На суде 1531 г. Максим мужественно и умело защищается против обвинений в измене, даже тенденциозный Судный список не в силах целиком затушевать поражение обвинителей по этим основным пунктам «обвинительного заключения» Даниила.

Во время острой полемики на соборе 1531 г. вокруг нестяжательских взглядов Максима и Вассиана афонец держится с достоинством, отнюдь не отрекаясь от своих убеждений, а однажды даже провозглашает их перед судилищем с удивительной смелостью и прямоотой, откровенно заявив, что он осуждал стяжательскую практику Пафнутия Боровского (которого иосифляне всячески превозносили и 1 мая 1531 г. канонизировали): «Он держал села, и на деньги росты имал, и люди и слуги держал, и судил, и кнутьем бил, ино ему чудотворцем как быти?». ⁷¹ Но Максим отнюдь не стремился использовать собор для пропаганды своих нестяжательских взглядов, был здесь гораздо более сдержан, чем Вассиан, на которого Максим ссылается на суде как на источник своих сведений о Пафнутии. Максим не торопился признаваться на суде ни в чем, кроме того, что судьям было легко доказать.

Что же касается полемики 1531 г. по основным вероучительным вопросам, то Максим ведет себя на суде чрезвычайно осторожно, явно стремясь не выдвигать в ходе своей защиты каких-либо догматических обвинений против своих судей. Даже в тех случаях, когда он был, с церковной точки зрения, абсолютно прав, он часто вместо доказательства этой своей правоты ссылается на возможность описок как в греческих,

⁷⁰ Судные списки. . . , с. 97, 100.

⁷¹ Там же, с. 60, 112.

так и в русских книгах, а то и пытается свалить ответственность за свою совершенно верную книжную правку на переписчиков. Максиму было легко доказать, например, справедливость его исправлений 8-го члена Символа веры (позднее, при Никоне, русская церковь примет их), но он не решается открыто сказать на суде об ошибке в русском тексте главного догматического документа православия и утверждает, что правка была сделана без его ведома. Михаил Медоварцев тут же опровергает его, сообщив, что исправление приказал ему сделать сам Максим в соответствии с греческими книгами.⁷²

Это поведение нельзя объяснить трусостью Максима на суде, желанием уйти от ответственности: уже по вопросу о поставлении русских митрополитов в Москве Максим сказал на соборе 1531 г. такие смелые слова о митрополите и великом князе, что никаких надежд на скольконибудь благополучный исход суда у него оставаться не могло.⁷³

Нам представляются заслуживающими внимания два предположения о причинах столь осторожной его защиты от догматических обвинений. Они были высказаны в разное время Н. В. Синицыной и Я. С. Лурье при обсуждении наших докладов. Первая объясняет нежелание Максима ввязываться в спор на суде тем, что в накаленной обстановке тенденциозного судебного разбирательства было нелегко вести дискуссию по самым сложным вероучительным проблемам православия — Максим предпочел это сделать неторопливо и обстоятельно позднее, в большом цикле своих сочинений, написанных по поводу предъявленных ему догматических обвинений. Я. С. Лурье полагает, что Максим намеренно отказывался на суде от такой защиты, которая могла бы нанести хоть какой-то урон догматическому авторитету русской православной церкви, на которую он возлагал свои самые большие надежды, ожидая найти в Москве весомую силу, способную укрепить ортодоксальное православие во всем мире.

На наш взгляд, подобные объяснения не противоречат друг другу. Максим, несомненно, не сумел бы в накаленной враждебной обстановке соборного судилища выполнить ту труднейшую задачу, которую он в конце концов решил всей огромной совокупностью своих сочинений: доказать жестоким и непримиримым тюремщикам свою правоту, сделав это так, чтобы не нанести ущерба догматическому авторитету русской церкви, но способствовать его укреплению. Он хотел, чтобы его немалые знания, опыт, почерпнутый в греческих и итальянских культурных центрах, принесли пользу его новой родине. Это несомненно означало для него и добросовестное выполнение той задачи, ради которой в 1518 г. ему было предложено воспользоваться гостеприимством московского великого князя, — помочь русской церкви в борьбе с ересями, осуществить переводы тех важнейших богословских сочинений, потребность в которых так остро сказалась во время трудных идейных схваток с еретиками XV—начала XVI вв. Максим был уверен, что важнейшей частью этой его задачи является и сближение русского православного обряда со вселенским путем исправления накопившихся в русских богослужебных книгах неточностей по наиболее авторитетным греческим оригиналам, совершенствования перевода и т. д. Сначала казалось, что его работодатели понимают важность этой цели так же, как и он. Тем страшнее прозвучали на суде обвинения в преступной порче книг и еретичестве, перечеркивающие все его дело.⁷⁴

⁷² Там же, с. 110. Есть еще несколько таких примеров.

⁷³ Там же, с. 110—119.

⁷⁴ Возможности анализа судных списков отнюдь не до конца исчерпаны: интересно сопоставить каждое из предъявленных Максиму обвинений в порче книг как с до-

Но произошло удивительное: дважды преданный за свои взгляды анафеме философ не только не отрекся от них, но сумел в конце концов убедить русское общество, руководителей церкви и страны в неизбежности этих взглядов для России. Грозный царь будет почтительно советоваться с ним, в его распоряжении окажутся возможности, штат писцов для создания все новых своих сочинений, и многие тут же будут включены митрополитом в обширнейший компендиум рекомендованных церковью для чтения благочестивых произведений — Великие Минеи Четьи. Конечно, отнюдь не идеи учителей своей молодости, итальянских гуманистов, отстаивал он в Москве — власти Святой горы имели полное основание считать его наиболее подходящим кандидатом для выполнения существенно иной задачи — защиты в сложной новой обстановке ортодоксальной чистоты православия. Но его подход к выполнению этой задачи, пропагандируемые им филологические и полемические методы оказались достаточно новыми и пугающими, чтобы обеспечить упрямому афонцу в России два отлучения и четверть века заточения. И вместе с тем острая необходимость в его сочинениях и методах будет все сильнее ощущаться уже в XVI в., а предложенные им принципы и общее направление книжного исправления осуществятся в конце концов в церковной реформе середины XVII в.

Он пришел слишком рано и поплатился за это суровым осуждением и тяжкими годами неволи. Но он пришел вовремя, чтобы увидеть в конце жизни завоеванную упорной борьбой победу и начало своей долгой славы.

шедшими до нас рукописями, вышедшими из его окружения, так и особенно со всей историей книжного исправления XVI—XVII вв.; ценный анализ Е. Е. Голубинского преследовал иные цели, см.: Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, 2-я половина. М., 1917, с. 712—724.

я. г. солодкин

К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Российском царстве»

«Новая повесть о преславном Российском царстве» — одно из лучших публицистических произведений Смутного времени. Своеобразие литературной формы и идейная направленность памятника, роднящие его с агитационной патриотической письменностью 1610—1611 гг., давно привлекли к нему внимание исследователей. Однако происхождение «Новой повести» до сих пор выяснено еще недостаточно. В частности, вызывают разногласия датировка и атрибуция произведения.

По традиции, восходящей к С. Ф. Платонову, создание «Новой повести» обычно относили к концу декабря 1610—началу января 1611 г. По мнению С. Ф. Платонова, произведение не могло возникнуть ранее 14 декабря, когда в Москве стало известно о гибели «Вора». Автор «Новой повести» даже не упомянул о Лжедмитрии II, хотя до этого демократическая письменность не обходила молчанием его кандидатуру на царский престол. Такой критерий представляется нам сомнительным. Автор повести, не отрицающий безусловно кандидатуры Владислава,¹ возможно, не хотел и слышать о «Воре» со времени августовского договора 1610 г., если не раньше. «Новая повесть» сообщает о распаде смоленского посольства. По словам автора, большинство послов королю «поклонились и на его волю верились», разъехались в Москву и «по своим местам». Начиная с С. И. Кедрова, открывшего «Новую повесть», в этих словах видят намек на Авраамия Палицына и новоспасского архимандрита Евфимия. Их отпуская пометена 12 декабря (очевидно, старого стиля).² Если даже они уехали в тот же день,³ то вряд ли попали в Москву ранее конца декабря. Так, их предшественники В. Б. Сукин и С. Васильев добирались до сто-

¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, с. 95.

² См.: Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960, с. 194—195; С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . . , с. 91, примеч. 2; Сборник Русского исторического общества, т. 142. М., 1913, с. 210 (далее: Сб. РИО). Ср.: Сб. РИО, т. 137. М., 1912, с. 15.

Ссылаясь на слова «Новой повести», что «сыновья и богомольцы» Гермогена «приложились» к врагам и творят их волю, И. С. Шепелев по недоразумению говорит об обличении патриархом Палицына по возвращении его из королевского стана (Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 203; И. С. Шепелев. Организация первого земского ополчения в 1611 году. — Учен. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та, Ставрополь, 1949, т. 5, с. 184).

³ См.: С. Кедров. Авраамий Палицын. М., 1880, с. 58—59. С. А. Белокуров ошибочно утверждает, что Палицын и Евфимий уехали из-под Смоленска около 6 декабря (С. А. Белокуров. Предисловие. — Сб. РИО, т. 142, с. XI). В этот день уехали Сукин и Васильев.

лицы семнадцать дней.⁴ Следовательно, никак нельзя принять мнение М. Н. Покровского, относившего создание «Новой повести» к ноябрю—декабрю 1610 г. Вызывают сомнение также утверждения Л. М. Сухотина о том, что повесть написана во второй половине декабря, и взгляд И. М. Катаева, будто ее стали распространять в Москве в декабре.⁵

Согласно С. Ф. Платонову, произведение возникло не позже начала января, ибо умалчивает о народной борьбе против интервентов, принявшей с 1611 г. огромный размах. Однако, как показано Н. Ф. Дробленковой, освободительное движение широко развернулось уже в последние два месяца 1610 г., о чем хорошо было известно боярскому правительству. Публицист мог сознательно замалчивать это движение из тактических либо политических соображений.⁶ Обосновывая свой взгляд, С. Ф. Платонов ссылался на то, что автор повести укоряет другие русские города примером Смоленска. Но публицист все время называет Смоленск «крепкостоятельным» и пишет, что если бы в России имелись еще такие города, то врагам бы «не было в нашу землю входно»,⁷ т. е. сетует на то, что лишь смоляне оказали упорное сопротивление при вторжении польско-литовских войск.

С. Ф. Платонов был склонен думать, что автор написал свое произведение к святкам, когда в Москву стекалось много народа и повесть могла быть легче распространена. Но произведение, занимающее в списке 19 листов, не могло распространяться; как подметное письмо, оно было рассчитано на строго определенный круг патриотов и передавалось из рук в руки.⁸ «Новая повесть» едва ли даже распространялась близким к Гермогену патриотическим кружком, как считал С. И. Кедров.⁹ Ведь автор пишет, что против оккупантов «не смеют стати» даже немногие враждебные им представители знати, и советует передавать свою повесть только искренним патриотам, хорошо знакомым читателю.

По мнению С. Ф. Платонова, «Новая повесть» соответствует фактической канве так называемой казанской грамоты. Эта грамота, составленная по рассказам дьяка А. Евдокимова между 7 и 9 января, отражает московские события октября—двух первых недель декабря 1610 г.¹⁰ Однако Евдокимов, старательно собиравший данные о преступлениях оккупантов, даже слухи об их злодеяниях (возможное убийство «литвой» восьми стрельцов), не знал о том, что интервенты высылают из столицы русских «людей. . . в воинском чину» и стягивают туда свои силы из других городов, что они решили совсем либо наполовину закрыть ворота московских

⁴ См.: Сб. РИО, т. 142, с. 212. Л. М. Сухотин неверно датирует возвращение С. Васильева первой половиной декабря (Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности патриарха Гермогена и князя Пожарского к делу первого ополчения. — В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 344, примеч. 5).

⁵ См.: М. Н. Покровский. Избр. произв., кн. 1. М., 1966, с. 398; Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности. . . , с. 337, примеч. 1; И. М. Катаев. Смута Московского государства и отражение ее в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород, 1910, с. 44. По Н. П. Долнину, «Новая повесть» создана в конце 1610 г. См.: Н. П. Долнин. Общественно-политические взгляды Ивана Тимофеева. (К вопросу об истории русской общественной мысли в начале XVII века). — Науч. зап. Днепропетровского ун-та, Киев, 1954, т. 42, вып. 2, с. 147.

⁶ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 85, 86, 169—173. См. также: Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности. . . , с. 321.

⁷ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 191, 193, 196, 197, 199, 204, 207.

⁸ См.: Русская повесть XVII века. Л., 1954, с. 332; Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 92.

⁹ С. Кедров. Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912, с. 91.

¹⁰ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . . , с. 99, примеч. 2. См. также: Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 32—33.

«городов» (видимо, Кремля и «Китая»), поставить стражу «у тех утесненных врат».

Казанская грамота ничего не сообщает о том, что король шлет в Москву вести о намерении дать сына «на Московское государство», а оккупанты стреляют из ружей в иконы, за что «сами своих казнят». О таком свято-татстве свидетельствовали «злодейственные» руки, прибитые под «образом».¹¹ В последнем случае, по единому мнению исследователей, автор намекает на дело шляхтича Блинского. Судя по дневнику С. Маскевича, расправа над Блинским произошла в ноябре—декабре 1610 г. К. Буссов же относит ее к 25 января следующего года.¹² Согласно С. Ф. Платонову, автор «Московской хроники» допустил здесь анахронизм. Н. Ф. Дробленкова же считает, что «...на основании имеющихся в „Новой повести“ сведений крайний срок ее создания можно было бы отодвинуть и до начала февраля 1611 г., так как расправу с Блинским... некоторые исследователи относят к концу января—первым числам февраля этого года».¹³ В частности, П. Г. Любомиров отдавал предпочтение указанию Буссова перед хронологически неопределенным свидетельством Маскевича.¹⁴ В пользу датировки Буссова говорит заявление Гонсевского на русско-польских переговорах в ноябре 1615 г. Перечисляя случаи собственных расправ над солдатами оккупационного гарнизона, его бывший начальник последний называет дело шляхтича, осквернившего икону у Никольских ворот. Вслед за С. И. Кедровым можно думать, что Гонсевский соблюдает тут хронологическую последовательность.¹⁵ Буссов, судя по его хронике, был очевидцем московских событий февраля—марта,¹⁶ если и не конца января 1611 г. Он рассказывает, что 25 января толпа москвичей пожаловалась оккупационной администрации на то, что «польские солдаты всячески притесняют их, насильничают, глумятся над их богослужением, бесчестят их святых, стреляя в них из ружей, бьют их соотечественников... расточается царская казна, народ обирают... а избранный царь Владислав все равно не приезжает». Москвичи заявили, что раз король не отпускает своего сына, он, очевидно, «собирается опустошать, а не укреплять их землю». Толпа потребовала быстрейшего приезда Владислава. Гонсевский обещал написать об этом королю, а после казни шляхтича, стрелявшего в икону Богородицы у Сретенских ворот, приказал прочесть народу письмо о скором прибытии королевича и прекращении насилий.¹⁷ Считая этот рассказ правдоподобным, Н. И. Костомаров сомневался в приводимой Буссовым дате, так как числа в его хронике неточны.¹⁸

¹¹ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть... с. 194, 195, 198, 205—206, 222—223.

¹² См.: Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. II. Изд. 3-е. СПб., 1859, с. 47—48; К. Буссов. Московская хроника. 1584—1613. М.—Л., 1961, с. 181—182, 317—318.

¹³ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть... с. 86.

¹⁴ П. Г. Любомиров. Новая редакция «Сказания» Авраамия Палицына. (К литературной истории «Сказания»). — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 243—244. У Маскевича путаница в датах обычна (Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности... с. 332). Так, гибель Лжедмитрия II (11 декабря) он относит к 24 октября (нового стиля).

¹⁵ См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, т. IV. СПб., 1851, с. 478—479 (далее: АЗР); С. Кедров. Жизнеописание... с. 75.

¹⁶ [И. И. Смирнов]. Конрад Буссов и его хроника. — В кн.: К. Буссов. Московская хроника... с. 7, 31.

¹⁷ Этот рассказ повторен Петреем, только он датирует переговоры москвичей с наместником 26-м января, а казнь шляхтича — следующим днем и приводит некоторые подробности казни, отсутствующие у Буссова (П. П. де Ерлезунда. История о великом княжестве Московском. Пер. с нем. А. Н. Шемякина. М., 1867, с. 15—17).

¹⁸ Н. И. Костомаров. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, т. III. СПб., 1868, с. 136.

Буссов не раз допускает хронологические ошибки,¹⁹ однако большинство указанных им дат верно. Далее, только Буссов называет дату присяги Владиславу городов, ранее подвластных «Вору», только он сообщает о столкновении москвичей с оккупантами 13 февраля.²⁰

Рассказ Буссова во многом созвучен свидетельству татищевской «Выписки из гистории с начала царства царя Федора Иоанновича. . .», что до сих пор не было отмечено. По В. Н. Татищеву, 24 января на площади собрался народ, возмущенный «учиненными неправостями», и едва не вступил в бой с поляками. Изменник Салтыков «принудил патриарха народ уговорить. . ., обещая от поляков предъ лучшие поступки».²¹

Бросается в глаза сходство требований москвичей в передаче Буссова с аргументацией автора «Новой повести», зовущего к восстанию. Только он уже не надеется на приезд королевича и видит, что с насилиями оккупантов может покончить лишь выступление народа.

Итак, можно полагать, что дело Блинского случилось около 25 января 1611 г. В связи с этим необходимо сдвинуть нижнюю границу создания повести, указанную С. Ф. Платоновым.

Как новость автор повести сообщает о том, что оккупанты начали собирать свои силы в Москву, а русских ратников высылают из столицы. Н. И. Тотубалин видит здесь указание на рассылку Жолкевским московских стрельцов в Можайск и Новгород. Но в своем комментарии он опускает слово «ныне», открывающее фразу.²² Тут, конечно, имеются в виду действия не Жолкевского, уехавшего из Москвы 30 октября, а его преемника. В Новом летописце после рассказа о гибели Лжедмитрия II говорится о том, что оккупанты «достальных с Москвы всех ратных людей розослаша».²³ Источники позволяют датировать это событие приблизительно концом января—началом февраля. Согласно ярославской грамоте в Казань (около 4 марта 1611 г.) из столицы в Вологду был направлен «полный приказ» стрельцов (500 человек); не доходя до Вологды, он вернулся в Ярославль, где примкнул к ополчению. 16 февраля в Ярославль писали романовский мурза «с племянники», что к ним приехали «с Москвы достальные романовские татарове».²⁴ Ингервернтам не удалось расшеять отряды ополчения, некоторые из них двинулись к столице уже в первой половине февраля.²⁵ Изменники были разбиты под Зарайском, а их пред-

¹⁹ К. Буссов. Московская хроника. . ., Комментарий, примеч. 1, 52, 61, 70, 86, 100, 111, 152, 189; ср. примеч. 105, 109, 135, 141, 143.

²⁰ Там же, с. 183, 318—319; Комментарий, примеч. 184. См. также: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951, с. 467, примеч. 2.

²¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. VI. М.—Л., 1966, с. 347. Ученый не сообщает, откуда почерпнул эти сведения. Известно, что многие оригинальные известия Татищева о событиях начала XVII в. восходят к утраченной ныне летописи «о разорении русском», которой историк пользовался и в «Выписке. . .» (В. И. Корещик и др. «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева. — Вспомогательные исторические дисциплины, вып. V. Л., 1973, с. 252, 271, 283—285). Отметим, что рассказ Татищева о событии 24 января производит впечатление вставки. Перед этим рассказом говорится о письме бояр смоленским послам, а после него читаем: «Король же, получа сие от 17 генваря боярское письмо. . .».

²² Русская повесть. . ., с. 334, 342, примеч. 17. По утверждению исследователя, читателям «Новой повести» не было известно о поведении Андропова (там же, с. 333, 336). Но автор говорит о нем иносказательно, зная, что будет прекрасно понят. Андронов, прибывший в Москву еще в августе, сразу обнаружил себя как изменник (ПСРЛ, т. XIV. М., 1965, с. 103; Сборник Муханова. Изд. 2-е СПб., 1866, с. 305). Судя по казанской грамоте, его имя к началу 1611 г. сделалось символом предательства.

²³ ПСРЛ, т. XIV, с. 105; ср. с. 102, 103.

²⁴ СГГД, ч. II. М., 1819, с. 513, 519. О возвращении стрельцов в Казани, очевидно, узнали через месяц после их выступления из Москвы. Поездка же из столицы в Романов и «обсылка» с ярославцами заняли минимум полторы—две недели.

²⁵ Н. И. Костомаров. Смутное время. . ., т. III, с. 121. Месяцем раньше Гонсевский, бояре и король просили гетмана Сапегу выступить против Ляпунова

водитель И. Сунбулов «сам едва бегом в Москву спасся». Судя по «Истории» Авраамия Палицына, особенно тягостное впечатление произвел на оккупантов разгром их сил у Владимира (11 февраля).²⁶ Не тогда ли Гопсевский приказал интервентам сосредоточиваться в Москве, чтобы не быть разбитыми по частям?²

Исследователи уже отметили уникальное свидетельство «Новой повести» о намерении оккупантов совсем или наполовину закрыть ворота столичных «городов».²⁷ В этой связи любопытно указание Буссова, что после событий 25 января Гопсевский принял дополнительные меры предосторожности, выставив у ворот на круглые сутки сильную стражу.²⁸

Автор «Новой повести» уверяет, что оставшихся под Смоленском «великих» послов морят голодом, король грозит им пленом. Вспомним, что на посольском съезде 30 января поляки велели русским представителям ехать в Вильно к королевичу (фактически в плен), а 1 февраля митрополит Филарет заявил панам, что русские послы «все проели», поскольку несколько месяцев не получают королевского жалованья и «подмоги». В ответ поляки вновь велели русским собираться в Вильно. В феврале же король сообщил «седмочисленным» боярам, что послам запрещено сноситься со Смоленском и впредь не будет посольских съездов.²⁹

Указанные хронологические реалии «Новой повести» наводят на мысль, что автор писал едва ли ранее февраля, но, конечно, до «московского разорения» 19 марта 1611 г. При такой датировке становится понятной двукратная ссылка публициста на Троицу. Надо думать, что тогда монастырские власти скрытно противодействовали замыслам интервентов.³⁰

В февральской (1611 г.) грамоте московскому правительству Сигизмунд III сетовал на то, что его недоброжелатели «пишут и сказывают» о нем и королевиче «от злосердия и неправды».³¹ На этом основании С. Ф. Платонов высказал предположение о знакомстве короля с «Новой повестью».³² Но в февральском «листе» читаем, что враждебные Сигизмунду и Владиславу письма адресованы правителям-боярам; повесть же обращена к патриотам. Слова короля перекликаются с заявлением «радных панов» от 9 июня 1613 г., что князь В. В. Голицын из-под Смоленска посылал в Москву, Рязань и другие города «неправдивые грамоты». Русские люди вняли «прельщению» Голицына и «иных многих людей лихих».

(СГГД, ч. II, с. 498, 508; Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. Изд. 2-е. СПб., 1871, Приложения, стб. 109—110, 113).

²⁶ В. Н. Т а т и щ е в. История Российская, т. VI, с. 348; Сказание Авраамия Палицына. Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955, с. 213.

²⁷ История Москвы, т. 1. М., 1952, с. 334—335; Русская повесть. . . , с. 337, 342—343, примеч. 21.

²⁸ К. Б у с с о в. Московская хроника. . . , с. 182, 318. Ср.: В. Н. Т а т и щ е в. История Российская, т. VI, с. 347. Известие «Новой повести» косвенно подтверждается свидетельством Буссова о том, что, когда москвичи потребовали выдать изменников, полковник Борковский запретил своим солдатам запираť ворота Кремля и приказал самим ждать нападения (К. Б у с с о в. Московская хроника. . . , с. 185, 320).

²⁹ Сб. РИО, т. 142, с. 219, 226; Н. И. К о с т о м а р о в. Смутное время. . . , т. III, с. 164, 166. В ярославской грамоте в Казань говорится, что король «послов засадил» (СГГД, ч. II, с. 518). См. также: ПСРЛ, т. XIV, с. 107.

³⁰ С. К е д р о в. Авраамий Палицын, с. 63.

³¹ Сб. РИО, т. 142, с. 218. Эти слова почти буквально повторены еще в двух грамотах (там же, с. 222, 226, 236, 238).

³² С. Ф. П л а т о н о в. Древнерусские сказания. . . , с. 95. В. П. Адрианова-Перетц, А. А. Назаревский, Н. Ф. Дробленкова разделяют это предположение. В. О. Ключевский же писал о признании королем силы русской патристической письменности (В. О. К л ю ч е в с к и й. Сочинения, т. VII. М., 1959, с. 441).

Аналогичные сведения находим в мемуарах Жолкевского, Краевского, Стадницкого, а также у В. Н. Татищева.³³

Большинство исследователей «Новой повести» ищут ее автора среди приказных и служилых людей. С. Ф. Платонов попытался установить и личность автора. По его предположению, повесть мог написать «дьяк Новгородской чети Григорий Елизаров, ушедший из Москвы от поляков в Троицкий монастырь».³⁴ С поддержкой этой гипотезы выступили П. А. Садиков и А. А. Назаревский, причем первый придал ей утвердительную форму.³⁵ Остальные исследователи не решились разделить предположение С. Ф. Платонова, а Н. Ф. Дробленкова открыто усомнилась в этой атрибуции, так как связанный с Троицей «автор вряд ли упустил бы возможность напомнить о героизме защитников монастыря».³⁶ Героизм, правда, был проявлен троицкими «сидельцами» в борьбе с тушинцами, Владиславу же монастырь был верен по крайней мере до конца 1610 г. Так, 16 октября Жолкевский сообщил королю о признании Троицей новой власти, а 19 декабря по грамоте Владислава начался дозор монастырских вотчин в Углицком уезде. Под Смоленском троицкий келарь добился подтверждения владельческих прав монастыря и даже уехал к Москве «богомольцем» короля.³⁷ Автор повести, несомненно, был как-то связан с Троицей,³⁸ но в своем произведении не нашел возможным распространяться о патриотических заслугах обители. Это притупило бы публицистическую направленность памятника.

С. Ф. Платонов и А. А. Назаревский ссылаются на то, что среди приверженцев царя Василия Елизаров считался «злым шептуном», «еретиком», которому «и еретики. . . приказаны». Далее, по указам короля он лишился места в Новгородской чети.³⁹ Небезопасное положение и могло якобы побудить его к бегству в Троицу. С. Ф. Платонов и А. А. Назаревский пишут, об этом бегстве со ссылкой на Житие Дионисия. Но И. В. Шевелов (Наседка), один из авторов Жития, сообщает о бегстве чернеца Елизарова из Троице-Сергиева монастыря на Соловки, причем после «московского разорения». Тогда он сам «прибрел» к Троице⁴⁰ и, следовательно, едва ли мог допустить ошибку. Согласно Житию, накануне пострижения Елизаров служил в Приказе Казанского дворца. По документам же он известен лишь как дьяк Новгородской и Галицкой четей, а также приказа Большого дворца.⁴¹ На Соловках Елизаров очутился около 1616—1617 гг., когда Дионисий обратился к бывшему дьяку.⁴² Гипотеза С. Ф. Платонова

³³ См.: СГГД, ч. III. М., 1822, с. 61—62; ср.: ч. II, с. 572, 574, 576; Записки гетмана Жолкевского. . . , с. 115; Дневник Мартына Стадницкого, ч. II, III. — Русский архив. М., 1906, № 6, с. 202; И. С. Шепелев. Организация перевоземского ополчения в 1611 году. — Учен. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та, Ставрополь, 1951, т. 6, с. 214; В. Н. Татищев. История Российской Смуты, т. VI, с. 345.

³⁴ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, с. 365, 466, примеч. 200.

³⁵ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, с. 412; А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958, с. 40—41, 149.

³⁶ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 87, примеч. 16.

³⁷ См.: РИБ, т. I. СПб., 1872, стб. 685, ср. стб. 664; С. Кедров в Авраамий Палицын, с. 57—58; ГБЛ, ф. 303, № 571, л. 96 и след.

³⁸ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 163, примеч. 174.

³⁹ АИ, т. II. СПб., 1841, с. 367; АЗР, т. IV, с. 373, 392.

⁴⁰ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . . , с. 300.

⁴¹ См.: С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946, с. 39, 92—93, 252; С. Б. Веселовский. 1) Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909, Прил., с. 100; 2) Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 140.

⁴² Житие преподобного отца нашего Дионисия, архимандрита Сергиевой Лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1908, с. 40. Судя по троицким синодикам, Елизаровы

противоречит заявлению публициста, что он «ко врагам прилепился... для ради суетная сея славы и тленного богатства», «у них ныне зело пожалован», хотя это и подобные высказывания концовки повести можно рассматривать не как литературный вымысел, а искреннюю исповедь автора.⁴³ Начиная и заканчивая свое произведение, он ссылается на «великих чудотворцев, иже у нас в Троице преименитых и всех святых». Надо думать, однако, что «Новая повесть» появилась в Москве. А. А. Назаревский не исключает того, что упоминания о монастыре принадлежат троицкому переписчику.⁴⁴ Эта догадка представляется нам сомнительной, ибо «великие чудотворцы» пять раз фигурируют в повести без ссылки на Троицу.⁴⁵ Скорее верно другое мнение исследователя: указания на «дом Сергия чудотворца» сделаны автором-москвичом, связанным с монастырем. Об этой связи свидетельствует и состав сборника, в котором находится повесть. Она помещена между «Сказанием, киих ради грех» (первая редакция начальных глав «Истории» Авраамия Палицына) и челобитной троицкого старца Арсения Глухого боярину Б. М. Салтыкову, за которой следует «Утешительное послание» Палицына Дионисию. По утверждению Н. Н. Розова, в XVII в., когда возник сборник, «Новая повесть» рассматривалась «в церковно-полюемическом аспекте», как произведение, посвященное борьбе с «латинством». Такой отнюдь не демократической направленностью повести в сознании ее первых читателей исследователь склонен объяснять тот факт, что произведение не получило распространения. Ведь после Смуты литературные памятники гибли не столь часто, как раньше.⁴⁶ «Новая повесть», однако, возникла в канун «московского разорения», в огне которого могли погибнуть оригинал и немногочисленные списки (если даже не список). Далее, призыв повести к восстанию скоро нашел широкий отклик, почему стало излишне распространять ее.⁴⁷ «Сказание, киих ради грех» и «Утешительное послание» известны сейчас только в двух списках,⁴⁸ т. е. тоже не обрели популярности. Оба этих произведения никак нельзя расценить как церковно-полюемические. В рукописи, содержащей

были тесно связаны с монастырем (ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 29 об.; ф. 304/II, № 76, л. 20 об.). Неудивительно и то, что из Троицы Елизаров поехал на Соловки. Сближение двух монастырей прослеживается с конца XVI в. Соловецкий старец Исидор стал тогда троицким келарем, а затем игуменом на Соловках; Илья Соловецкий был троицким казначеем и келарем, после чего вернулся «на свое обещание». Акакий Грозный, троицкий келарь в 1599/1600—1600/1601 гг., в следующем году управлял хозяйством на Соловках. Оттуда вышло и трое ближайших преемников Палицына, соловецкого постриженника (см.: С. А. Белокуров. Материалы для русской истории. М., 1888, с. 8, 64, 77; ЛОИИ, к. 2, № 150, л. 91 об.; № 151, л. 9 об.—11; к. 238, оп. 1, № 334, л. 91 об., 175 об.—176 об.; ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 256 об., 752 об., 1456, и др.).

⁴³ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть... с. 164—165, 208, 209.

⁴⁴ А. А. Назаревский. Очерки... с. 32. См. также: Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть... с. 88, 189, 209.

⁴⁵ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть... с. 202—204, 208.

⁴⁶ Н. Н. Розов. Зачем, кому и какая рукописная книга нужна была в России XVI—XIX столетий. — ВИ, 1970, № 6, с. 213. М. В. Кукушкина объясняет непопулярность повести в севернорусских монастырских библиотеках тем, что по своей антибоярской направленности и тематике она была запретной для широкого чтения (М. В. Кукушкина. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977, с. 148). Однако, как показано Н. Ф. Дробленковой, «Новую повесть» нельзя считать антибоярским произведением. Наличие же в монастырских библиотеках «Истории» Авраамия Палицына, Повести о Смуте, приписываемой Катывеву-Ростовскому, «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства», Нового летописца, сборника с записью о взятии Москвы в 1610 г. (там же, с. 43, 103—104, 107, 109, 139, 146, 147, 149) обнаруживает живой интерес к истории борьбы с польско-литовскими оккупантами.

⁴⁷ П. Г. Любимиров. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, с. 129—130.

⁴⁸ См.: П. Г. Любимиров. Новая редакция... с. 228—234; С. Кедров. Авраамий Палицын, Прил. Б, с. 195—202.

единственный список «Новой повести», насчитывается 68 отдельных сочинений и отрывков. Среди них есть памятники церковно-назидательного и церковно-исторического характера. Список повести, как и «Сказания, кних ради грех», был сделан, вероятно, в 20—30-х гг. XVII в.⁴⁹ Само название «Новой повести» — новой по сравнению со «Сказанием» — показывает, что составителя сборника интересовала и фактическая сторона изложения. Он рассматривал повесть как произведение троицкой литературной школы, посвященное «преславному Российскому царству». Между тем, если верить Палицыну, Елизаров был одним из инициаторов оскудения троицкой казны в начале 1610 г., вызвавшего шумный ропот в монастыре и осуждение москвичей, близких к «Сергиеву дому».⁵⁰

Таким образом, характеристики автора «Новой повести», вытекающие из ее содержания, вовсе не «сходятся» с данными об Елизарове, как думают С. Ф. Платонов и А. А. Назаревский. К тому же сохранилась обширная переписка Елизарова как дорожного пристава при иранском посольстве 1600—1601 гг.⁵¹ Сравнение ее с «Новой повестью», близкой к деловой письменности, заставляет скептически отнестись к гипотезе С. Ф. Платонова.

Имеющиеся в нашем распоряжении биографические данные об Елизарове не оставляют сомнений в том, что он не мог написать «Новую повесть».

Согласно боярскому списку 1610/1611 г. Елизаров служил в Сибири.⁵² По наблюдениям Л. М. Сухотина, этот список в первоначальном виде возник в сентябре—первой половине октября 1610 г. Пометы о местопребывании многих лиц, за небольшими исключениями, сделаны в ноябре, позже некоторые из них были исправлены.⁵³ Мы не располагаем данными о сибирской службе дьяка Елизарова.⁵⁴ Но вспомним, что согласно Житию Дионисия он был в приказе Казанского дворца. Этот приказ ведал тогда и Сибирью.⁵⁵ Итак, можно полагать, что в момент написания «Новой повести» Елизарова не было в столице.

М. Н. Покровский отождествлял автора «Новой повести» с создателем «Сказания, кних ради грех», поскольку оба якобы были близки к буржуазии, не прибегали к провиденциалистскому объяснению событий и пользовались рифмованной прозой.⁵⁶ Последняя, однако, типична для лите-

⁴⁹ См.: О. А. Державина. Археографический обзор. — В кн.: Сказание Авраамия Палицына, с. 74; Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 210—211.

⁵⁰ Сказание Авраамия Палицына, с. 203, 204. В указателе к «Истории» Елизаров ошибочно назван слугой Троицкого монастыря (там же, с. 337).

⁵¹ См.: Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II. СПб., 1892, с. 119 и след.; ЦГАДА, ф. 77, оп. 1, 1600—1601, ед. хр. 1, 2. Отметим, что в своих «Очерках. . .» С. Ф. Платонов широко пользовался изданием Н. И. Веселовского.

⁵² В. Н. Сторожев. Материалы для истории русского дворянства, вып. II. М., 1908, с. 91, см. также с. 97. Интересующий нас отрывок боярского списка в издании Н. П. Лихачева (Боярский список 7119—1611 года. — Сборник Археологического ин-та, кн. 6. СПб., 1898, с. 92—111) был использован в «Очерках. . .» С. Ф. Платонова, но сообщение о Елизарове не привлекло его внимания.

⁵³ Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности. . . , с. 344—345. П. А. Садиков писал, что Елизаров оставил Новгородскую четь осенью 1610 г. (П. А. Садиков. Очерки. . . , с. 413).

⁵⁴ В конце 1610—1612 гг. воеводой Кетского острога в Сибири был Григорий Федорович Елизаров. (См.: Акты времени междоусобия (1610 г. 17 июля—1613 г.). Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. М., 1915, с. 3, 46, 48, 50, 61; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937, Прил., с. 436—441). Он являлся кетским воеводой и в 1608—1609 гг. (СГД, ч. II, с. 384, 385; Акты времени правления царя Василия Шуйского. Собрал и редактировал А. М. Гневушев. М., 1914, № 57, 64—66), по чему следует различать Г. Ф. Елизарова — дьяка и Г. Ф. Елизарова — кетского воеводу. Ср.: И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957, с. 530.

⁵⁵ История Сибири, т. II. Л., 1968, с. 124.

⁵⁶ М. Н. Покровский. Избр. произв., кн. 1, с. 351, 398.

ратуры Смутного времени. Коренные рифмы и рифмоиды, не говоря уже о суффиксально-флективных рифмах, встречаются не только в «Новой повести» и у Палицына,⁵⁷ но и в повести о временах Бориса Годунова, Лжедмитрия I и восстания Болотникова, использованной в Ином сказании,⁵⁸ в «Повести како отомсти...» и «Повести како восхити...», «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства». Если принадлежность автора «Новой повести» к посадской верхушке не исключена, то это едва ли можно сказать о написавшем «Сказание». Палицын ставит купцов на сословной лестнице непосредственно перед «чернью» и негодует по поводу их чрезмерного обогащения.⁵⁹ Далее, троицкий келарь вовсе не чужд провиденциализма. Укажем хотя бы на трактовку им причин стихийного бедствия, предшествовавшего голоду 1601—1603 гг., и восстания против Самозванца.⁶⁰ Автор «Новой повести» тоже не расстаётся с мыслью о Смуте как божественном возмездии за грехи общества.⁶¹

Скорее всего, как и думал С. Ф. Платонов, автора повести следует искать среди приказных. В боярском списке 1610/1611 г. перечислено более 30 дьяков, служивших в Москве. Насколько нам известно, из них только Марк Иванович Поздеев ранее был связан с Троицей. 1 июля 1609 г. Кузьма Биликей писал ему из осажденного монастыря об отражении приступа тушинцев и просил одолжить денег для своей жены.⁶² Сын дьяка, Поздеев в 1604 г. служил в Разряде, а в марте 1610 г. мы застаем его в Посольском приказе. Есть известие, что «Марко в разруху и с книгами изгиб». С. Б. Веселовский не исключает того, что тут допущена ошибка или имеется в виду другой Марк.⁶³ Но нам неизвестен другой сколько-нибудь заметный приказный начала XVII в. с таким именем. Слова о гибели Марка, видимо, не следует понимать буквально. Так, в 1604 г. крестьянин К. Рышков заявил в «расспросе», что при ограблении И. Иванова «сам де есми изгиб».⁶⁴ Некоторые челобитчики писали, что «вконец погигбли». Челобитные начала XVII в. вообще пестрят формулой «вконец погигб» («погинул», «загинул», «загиб»)⁶⁵ Обращает на себя внимание то, что Марк пропал с «книгами». Согласно следственному делу Андропова, Поздеев уехал из столицы в «разоренье», не отчитавшись в казне (видимо, по приходно-расходным книгам, ибо он ведал «осударевой продажной казной»,

⁵⁷ Вслед за М. Н. Покровским «Сказание, кних ради грех» отказались приписать Палицыну В. П. Адрианова-Перетц и О. А. Державина, а затем и ряд других исследователей. Однако сколько-нибудь серьезных оснований для сомнения в авторстве келаря не имеется. См.: Ю. К а ш к а р о в. Кто был автором первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына? — Филологические науки, 1964, № 4, с. 111—117.

⁵⁸ А. М. П а н ч е н к о. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 23 и др.

⁵⁹ Сказание Авраамия Палицына, с. 259, 261, ср. с. 102, 111. На это обратил внимание сам М. Н. Покровский (М. Н. П о к р о в с к и й. Избр. произв., кн. 1, с. 324, 362). О. А. Державина, разделяющая мысль о посадской идеологии «Сказания», даже не пытается обосновать ее.

⁶⁰ Сказание Авраамия Палицына, с. 253, 265. См. также: Я. Г. С о л о д к и н. Авраамий Палицын — русский политический деятель и публицист начала XVII в. Автореф. канд. дис. Воронеж, 1978, с. 9, 17—18.

⁶¹ В. И. П и ч е т а. Смута и ее отражение в трудах историков. — Голос минувшего, 1913, № 2, с. 7.

⁶² ЛОИИ, к. 24, оп. 1, № 347. Поздееву самому в это время жилось несладко. На следствии по делу Андропова в 1613 г. дьяк должен был признать, что тот ссужал его хлебом и вином (Акты времени междуцарствия... с. 79, ср. с. 76, 78).

⁶³ РИБ, т. II. СПб., 1875, стб. 236; С. Б. В е с е л о в с к и й. Дьяки и подьячие XV—XVII вв., с. 418, примеч. 443.

⁶⁴ В. И. К о р е ц к и й. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975, с. 215, примеч. 69. Последнее слово реконструировано автором.

⁶⁵ См.: Л. М. С у х о т и н. 1) Четвертки Смутного времени (1604—1617). — ЧОИДР, 1912, кн. 2, с. 195, 197, 206, 234, 235, 245, 252 и др.; 2) Первые месяцы цар-

она была «у Марка на руках за его печатью».⁶⁶ Публицист обвиняет Андропова в том, что он грабит царскую ризницу, посылает королю такие сокровища из государственной казны, которые «неведомы и незнаемы» автору.⁶⁷ Последний тем самым указывает на свою осведомленность в финансовых делах, даже причастность к ним. Если вспомнить о Поздееве, обнаруживается совпадение.

По заявлению Поздеева, он знал Андропова еще по службе в Посольском приказе, когда тот был «мужик». Автор «Новой повести» тоже презрительно отзывается о социальном происхождении Андропова. Он передает слух, что изменник — из смердов, утверждает, что Андронов вышел не из боярских или дворянских родов (дворяне им выделены особо). Отметим, что у Поздеева во время службы при оккупантах были в подчинении дворяне,⁶⁸ а сам он происходил из дворянского рода.⁶⁹

Если верить Андропову, на Марка «нанос бывал многой Гасевскому, и он его берег». В повести же говорится, что враги везде имеют своих доносчиков. Андронов показал, что после низложения Шуйского Поздеева хотели «в рухляди пытать, и он его отнял».⁷⁰ Публицист, как известно, резко осуждает «седмочисленных» бояр. Возможно, это осуждение вызвано и личными мотивами автора.

Поздеев, однако, признался на очной ставке, что был дружен с Андроновым, ел и пил с ним, хотя и не обещал деньги «федькину» посланцу Г. Фонарнику в Костроме в начале 1613 г.⁷¹ Автор «Новой повести» люто ненавидит предателя. Но в концовке произведения он сам расписывается в нерешительности и малодушии: он думал иначе, чем действовал. Поздеев мог «внешне» дружить с не раз выручавшим его Андроновым, но в душе негодовать против изменника. Недаром при удобном случае он покинул Москву и пристал к Первому ополчению. Судя по всему, автор «Новой повести» был близок к Гермогену и хорошо знал его положение.⁷² Заслуживает внимания то обстоятельство, что Поздеев знал старца Чудова (т. е. патриаршего) монастыря Марка Константинова.⁷³

ствования Михаила Федоровича. (Столпцы Печатного приказа). — Там же, 1915, кн. 4, с. 1, 7, 10, 16 и след., 90, 94; В. И. К о р е ц к и й. Актовые и летописные материалы о восстании И. И. Болотникова. — Советские архивы, 1976, № 5, с. 51—53 и др. В документах того времени обычно и выражение «убили до смерти». А. Б. Трунов и А. Маслов жаловались царю, что разбойники и литовцы ранили и их бросили «замертва» (Л. М. С у х о т и н. Первые месяцы. . . , с. 174; Масловский архив, вып. 1. 1569—1631 гг. — ЧОИДР, 1916, кн. 2, с. 119).

⁶⁶ Акты времени междуцарствия. . . , с. 77. И позже, служба в Разряде, Поздеев вел приходно-расходные книги государственной денежной казны (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. X. М., 1896, с. 54, 55).

⁶⁷ Н. Ф. Д р о б л е н к о в а. Новая повесть. . . , с. 207.

⁶⁸ Акты времени междуцарствия. . . , с. 77, 78. Одно из показаний Поздеева на следствии (о его связях с дьяком Г. Клобуковым) подтверждается документально (Описание документов и бумаг. . . , кн. XVII. М., 1912, с. 227).

⁶⁹ В. Р. [В. В. Р у м е л ь]. Поздеевы. — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза—И. А. Ефрона, т. XXIV. СПб., 1898, с. 186. Автор ошибочно называет Поздеева Марком Мартемьяновичем.

⁷⁰ Акты времени междуцарствия. . . , с. 76, 79.

⁷¹ Там же, с. 78, 80. Серьезной вины за Поздеевым, очевидно, не наши (П. Г. Люб о м и р о в. Очерки истории нижегородского ополчения. . . , с. 265).

⁷² Н. Ф. Д р о б л е н к о в а. Новая повесть. . . , с. 126, примеч. 177. Встречаемый в повести образ «народ-море» имеется и в патриаршей грамоте к Сигизмунду III от сентября 1610 г. (Сборник Мухомова, с. 183). Ср.: СГГД, ч. II, с. 447; Сказание Авраамия Палицына. . . , с. 179, 206.

⁷³ Акты времени междуцарствия. . . , с. 93, 94. Род Поздеева записан в синодике Успенского собора, клир которого близко стоял к патриаршей среде.

Автор «Новой повести» уверяет, что женат и имеет детей. У Поздеева был сын Иван; в одной челобитной 1634/1635 г. упомянуты помещики «Марковы дети Поздеева».⁷⁴

Можно предполагать, что Поздеев был не чужд литературных занятий. А. М. Панченко обратил внимание на стихотворное послание некоего Ермолая Азанчеева Марку Ивановичу, которое относится к приказной школе поэзии 30—40-х гг. XVII в. Не Поздеев ли был адресатом этой «Епистолейцы»? Другой приказный этого времени с таким именем и отчеством неизвестен. Судя по акrostиху послания, Азанчеев бьет челом «господарю Марку Ивановичю». Какой-нибудь мелкий приказный вполне мог так обратиться к влиятельному дьяку. Он пишет: «... с радостью приях твое прежнее ко мне начертание»; это позволяет думать о продолжительной переписке и признать ее стихотворный элемент привычным.⁷⁵

В «московское разорение» многие жители столицы, спасаясь от оккупантов, бежали в Троицу.⁷⁶ Среди них, видимо, были и патриоты-приказные. Так, в апреле 1611 г. король писал боярам, что некоторые дьяки, целовавшие крест Владиславу, «побежали с Москвы в воровство к Ляпунову и иным изменником».⁷⁷ Поздеев, оставивший столицу «в разруху», 30 июня подписался на земском приговоре, т. е. стал в ополчении заметной фигурой. Примкнувший к освободительной рати, возможно, еще весной, Поздеев служил в одном из приказов подмосковных «таборов», а затем был послан боярами-воеводами в Кострому. В начале 1612 г. в Москве стало известно о том, что костромичи «отстали» от «воров» и верны королевичу. Спустя два месяца костромской воевода И. П. Шереметев и его «советники» не захотели пустить в город силы Второго ополчения. Так как в Костроме вместе с воеводой сменили и дьяка, возможно, Поздеев тоже не пожелал «быти в совете» с ополченцами.⁷⁸ Автор «Новой повести», еще не избавившийся от сомнений, замалчивает развернувшуюся в стране освободительную борьбу. Возможно, это связано с тем, что в целом публицист не был согласен с «земской» программой. «В разруху» Поздеев порвал с интервентами, но в Костроме недавнее прошлое дало себя знать.

Приведенные данные, конечно, недостаточны для того, чтобы приписать «Новую повесть» Марку Поздееву. Тем не менее допустимо предполагать, что в начале 1611 г. он тайно решил призвать москвичей к восстанию против польско-литовских интервентов и русских изменников.

⁷⁴ С. Б. Веселовский. Дьяки и подьячие XV—XVII вв., с. 418, 419; Историко-юридические материалы, вып. 1. М., 1889, с. 109. Кроме того, в родословной книге 1646/1647 г. указан «недоросль Матвей Марков сын Поздеев» (С. А. Белокуров. Несколько новых родословных данных (женские имена за 7142—7155 гг.) — ЧОИДР, 1909, кн. 1, смесь, с. 43).

⁷⁵ А. М. Панченко. Русская стихотворная культура. . . , с. 49. М. Поздеев последний раз фигурирует в документах 31 апреля 1644 г. (С.К. Богоявленский. Приказные судьи. . . , с. 140). О Е. Азанчеве см.: С. Белокуров. Арсений Суханов. М., 1891, ч. I, с. 424—425.

⁷⁶ См.: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 350; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1. М.—Л., 1947, с. 282.

⁷⁷ АЗР, т. IV, с. 406.

⁷⁸ Сб. РИО, т. 142, с. 289—292; ПСРЛ, т. XIV, с. 118—119. Помимо указанных материалов о Поздееве также см.: П. Г. Любомиров. Очерк истории нижегородского ополчения. . . , с. 265—267; В. Н. Сторожев. Материалы. . . , вып. II, с. 19, примеч. 74, 85; Масловский архив, вып. 1, с. 93, 125; Историко-юридические материалы, вып. 1, с. 68; Кормленная книга Костромской чети. 1613—1627. Сообщил А. Н. Зерцалов. СПб., 1894, с. 21 (по указателю); Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1975, с. 277, 310—311. Вопреки утверждению П. Г. Любомирова, что с марта 1612 г. до ареста по делу Андреева Поздеев жил в Костроме, он приезжал в Москву сразу после ее освобождения (Акты времени междоусобия. . . , с. 77—79).

Р. Б. ТАРКОВСКИЙ

О формах повествовательно-речевого приспособления текста в системе пословного перевода в России XVII в.

(на материалах первого перевода басен Эзопа)

Переведенные в 1607 г. Ф. К. Гозвинским «Притчи или баснословие Эзопа Фриги» обладают всеми признаками пословной передачи оригинала — текста так называемой Аккурсианы, как он представлен во множестве европейских изданий XVI в. Пословная, как бы прямая и непосредственная передача греческого текста — это профессиональная норма перевода, которой Гозвинский обыкновенно и следует, пока и поскольку она не приходит в противоречие с повествовательными традициями славяно-русской речи.¹ Однако не все, что эквивалентно укладывается в структуру изолированно переводимого предложения, допускается речевой организацией более широкого контекста. И сличение текста «Притчей Эзопа Фриги» и Аккурсианы то и дело доставляет примеры подчинения перевода более гибким принципам там, где дословное следование греческому источнику оказалось бы в противоречии со структурой повествовательного целого. Не отступая от пословной передачи оригинала, Гозвинский вместе с тем регулярно вводит в текст перевода лексические единицы, которые не находят формального соответствия в греческом тексте, хотя и остаются в пределах семантической с ним равномерности. Значительная доля таких включений связана с неодинаковой интенсивностью и формами субъектных, объектных и локально-обстоятельственных характеристик действия, нормально присущих славяно-русской речи, и мерой тех же указаний в тексте Аккурсианы. Здесь соотношение норм греческого и славяно-русского текстов совершенно разнонаправленно. Приведу, пожалуй, наиболее концентрированный пример тому в басне «О льве и лисице», лексически знаменательный объем которой в переводе возрастает почти в полтора раза:²

147. λέων καὶ ἀλώπηξ. λέων γηράσας καὶ μὴ δυνάμενος

133. О лве и о лисице. Лев состаревся и не могий исходити

¹ См.: Р. Б. Тарковский. О системе пословного перевода в России XVII в. — ГОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 243—256.

² Источники текста Гозвинского — списки первой редакции перевода, из которых здесь цитируются: ГПБ, собр. Погодина, № 1964 (индексом не отмечается); ГПБ, Q.XVII.272 (далее — Q) и ГБЛ, собр. Тихонравова, № 229 (далее — T'). Лексические искажения и пропуски исправляются по другим спискам той же первой редакции. Восстанавливаемый текст заключается в квадратные скобки. Цифры перед цитатами означают нумерацию басен в полном тексте перевода Гозвинского.

Греческий текст Аккурсианы и нумерация его басен даны по изд.: A. N a u s s e r a t h. Corpus fabularum Aesopicarum, vol. I, fasc. 1—2 (cod. III—α). Lipsiae, 1957—1958.

διαρκέσαι αὐτῷ εἰς τροφήν ἔγνω δι' ἐπινοίας τι πράξει.
 на ловитву собирати себе пищи, помыслив разуме сице сотворити
 καὶ δὴ παραγεγόμενος ἐν σπηλαίῳ τινὶ κατακλιθεὶς προσεποιεῖτο νοσεῖν.
 себе. И пришед в некую пещеру сотвори себе больна
 παραγεγόμενα οὖν τὰ ζῶα ἐπισκέψεως χάριν συλλαμβάνων κατήσθιεν
 и ляже. И приходящая животная на посещение поймав снадеше.
 αὐτά. πολλῶν οὖν ζῶων ἀναλωθέντων ὀλώπηξ
 И многим животным сице погибшим. Лисица коварственную
 τὸ τέχνασμα τοῦτο γνοῦσα παραγέμετο πρὸς αὐτόν καὶ
 хитрость лвову познавши, прииде к нему на посещение и
 σταῶα ἔξωθεν τοῦ σπηλαίου ἐπυνθάνετο, πῶς
 ста извне от пещеры далече, вопросы лва о здравии: како
 ἔχει. τοῦ δὲ εἰπόντος «κακῶς» καὶ τὴν αἰτίαν
 пребывает? Лев же рече: «Зле», — и вины лев у лисицы
 πυνθανομένου δι' ἧν οὐκ εἰσέρχεται,
 вопросы, чесо ради к нему лисица в пещеру не вниде?³
 ἢ ἀλώπηξ ἔφη: «ὅτι ὀρῶ ἵχνη πολλῶν
 Лисица же рече: «Яко зрю убо следы многих к тебе в пещеру
 εἰσιόντων, ὀλίγων δὲ ἐξιόντων».
 входящих, не многих же от тебе из пещеры исходящих».

Конечно, отступления от пословной симметрии оригиналу могли по-рождаться и просто отсутствием лексических эквивалентов, но такие случаи не составляют значительных групп или вообще окказиональны. Отступления же от греческого текста в сфере повествовательно-речевого приспособления перевода — регулярные, массовые, сквозные, — и этой стороной «Притчи Езопа Фриги» обращены уже к традициям славяно-русской письменности. Однако сколь бы значительными такие отступления ни казались, они выстраиваются по канве пословно переданного, ни в чем не ущербленного текста-источника.

1. Перевод греческих местоимений прямыми именами персонажей и реалий

В границах сколько-нибудь пространного, но семантически единого греческого контекста вслед за номинативно представленными персонажами, реалиями и обстоятельствами необходимые затем упоминания о них обыкновенно передаются местоимениями. И такие пучки перемежающихся репрезентативных указаний нередко отстоят от своих опорных лексем на несколько повествовательных кадров.

В русском тексте пределы повествовательно-синтагматического протяжения имени несравненно уже, и возможности местоименной репрезентации простираются, как правило, не далее первой перемены субъектов или изменения ситуации — и вообще кадров иной субъектной отнесенности.³ В противном случае местоимения, ясно ориентированные в пределах ближайшего контекста, потеряют свои смысловые контакты в цепи большего протяжения, не говоря уже о том, что повторение либо нагне-

³ «В русском языке... малейший перебой повествования заставляет заново соотносить субстанцию с ситуацией, что делает необходимым прямой способ ее обозначения» (В. Г. Г а к, Е. Б. Р о й з е н б л и т. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965, с. 36).

тание местоимений вообще противопоставлено нейтрально развернутому русскому тексту.

Этому различию языков — сознательно ли или стихийно — подчиняет и свой пословный перевод Гозвинский. Без каких-либо исключений прямым, номинативным обозначениям греческого текста соответствует прямая номинация и в славяно-русском. Однако местоименная репрезентация греческого текста в значительной части — 88 раз — заменена в переводе существительными и выправлена на прямую, директную.

Ограничусь примером одной басни:

105. О гаче, сиречь о нетопыре, и кошке (νοκτερίς καὶ γαλῆ — 182).

Нетопырь (νοκτερίς) из землю падше, котом (ὕπὸ γαλῆς) пойман бысть, и хотяща погубитися, прощения просяще. Кот же рече (τῆς δὲ φαιμένης), яко [не] может нетопыря (αὐτῆν) отпустить, поне естеством всем птицам воюет и сопротивляется. Нетопырь глаголаше (αὐτῇ ἔλεγεν), яко не птица, но мышь есть, — и тако отпустися.

Последи же паки упадше и от иные кошки (ὕφ'... γαλῆς) поймася и молися, да не снесет ея. Кошка же отвещав рече (τῆς δὲ εἰπούσης), яко всем враждует мышам. Нетопырь же (αὐτῇ) рече, яко не мышь, но нетопырь, глаголаше, быти, — и паки отпустися. И тако случися ему (αὐτῆν) дважды прменяючи имя, свобождение получитьи. — Q.

Естественно, что непосредственные причины перевода греческих местоимений опорными существительными в славяно-русском всякий раз кроются в повествовательной организации включающего их контекста. Так, сокращение числа репрезентантов обязательно, когда в греческом тексте рядом следуют два или три местоименных указания на один и тот же семантический источник:

96. Зевес созда человеки и убо вся состави обычая и нравы им вложи, единого же точию стыда, [сиречь срама] (τὴν αἰσχόνην — 111) вложить в них позабысть; ради сего поне [не] име, откуда срам (αὐτῆν) ввести, повеле сраму (αὐτῆν) сквозе народу проити. И убо срам (ἡ) сопротив глаголаше, недостоинная от них претерпети...

Прямая номинация избирается переводчиком и тогда, когда в греческом тексте в ближайшем соседстве сталкиваются местоименные указания на разных персонажей; тут прямое обозначение непременно если не для обоих, то, во всяком случае, для одного из них:

91. Ворона Афине-богине жертву приношающе и пса на обедование призываше. Пес же к ней (ὁ δὲ πρὸς αὐτῆν — 129) рече...

109. Осел одеяся лвоюю кожею, прехождаше и иная животная утрашивая. И узрев лисицу, покусяся и сию (αὐτῆν — 199) утрашити. Лисице же (ἡ δὲ) случися прежде сего слышати его (αὐτοῦ) ржуца, ко ослу (πρὸς αὐτόν) рече...

Однако наиболее постоянной причиной устранения репрезентации была альтернатива синтаксических субъектов — переключение фабульного внимания с одного персонажа на другой. И этот переход отмечается прямым, опорным обозначением стоящего в центре данного кадра персонажа, что к тому же подчеркивается противительно-соединительными «же», «убо» (греч.: δὲ, μὲν):

57. Черепаха орла (χελώνη ἀετοῦ — 259) моляше, дабы он летати ю (αὐτῆν) научил. Орлу же (τοῦ δὲ) сказующу, далече сему быти от естества ея (αὐτῆς).

Лексической формой устранения репрезентации обыкновенно оказывалось повторение опорных существительных без какого-либо синонимического или экспрессивного их варьирования. Но иногда местоимения заменялись не именами существительными, а при-

тяжательными прилагательными, во «внутренней форме» которых и дана прямая отнесенность к басенному персонажу:

139. Волку в шею кость увязне, жеравлю мьзду дати обеща, аще главу свою вложит и кость из шеи волчьи (ἐκ τοῦ λαίμοῦ αὐτοῦ — E. Chambri. *Ésope Fables*. Paris, 1927, — № 225 с) извлечет.

Подчас же, не устраняя изначальных местоимений оригинала, перевод лишь отодвигает их на более скромные позиции выделительных определенных к интерполируемому тут же существительным (реже — субстантивированным прилагательным или причастиям):

81. О пасеку или во пчелницу некто тать вниде (τις εἰσελθὼν — 74) — Q;

1. Не по мнозех же днех последи нецыи человецы (τινων — 1) козу на жертву богом жроша.

Сходным образом и субстантивированные прилагательные греческого текста в переводе могли оттесняться на роль определения при интерполируемых существительных в славяно-русском:

26. Лисица же рече: «Облезяна! сицвоее ты буйство и безумие имея, безсловезными зверми (τῶν ἀλόγων — 83) царствовать восхоте!» — Q.

Что же касается повествовательного содержания замен, то более 9/10 устраненных репрезентантов приходится на упоминания басенных персонажей и всего лишь 7 раз (из 88) на объектные и пространственные указания греческого текста. Причины столь резкой диспропорции — в лаконизме басенного рассказа Аккурсианы, его сосредоточенности только на действиях персонажей и как следствие глагольной насыщенности текста при полном освобождении фабулы от какой-либо ситуативной детализации.

От композиционного динамизма Аккурсианы — и синтагматическое распределение замен: размещение их на стыке кадров с сменяющимися субъектами действия и, реже, адресатами и объектами этого действия. Отсюда преобладание среди замен именительного падежа подлежащего (36%) и чрезвычайно высокая доля дательного — как в оборотах с дательным самостоятельным, так и дательного адресата (25%).

Таким образом, широкой местоименной репрезентации греческого текста его послонный перевод противостоит прямыми способами обозначения в славяно-русском. И эта направленность перемен — регулярная и единственная, без каких-либо встречных исключений. Разумеется, ни какой-либо новой информации и ни малейших отступлений от смысла оригинала подобные перемены не содержат. Они регулярно следуют нормам организации русского повествовательного текста.⁴ Их эффект — целиком в области речи и в этом сходен со столь же многочисленными включениями объектных указаний на предметы и реалии, появляющихся, однако, не взамен местоименных обозначений греческого текста, а как новые, уже асимметричные греческому оригиналу внесения от переводчика.

2. Повышение нормы лексических указаний на персонажей и повествовательно-синтаксическая расчлененность текста

Замена косвенных обозначений прямыми, ближайше связанная со смысловым прояснением в переводе местоименной сетки греческого текста, вместе с тем служила и внутренней автономизации соответствующих

⁴ «В целом для обозначения субстанции... русский язык предпочитает автономные единицы, предметная отнесенность которых устанавливается в рамках данного предложения» (В. Г. Г а к, Е. Б. Р о й з е н б л и т. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков, с. 36).

предикативно-фразовых ячеек в структуре повествования и как следствие вела к большему композиционно-синтаксическому членению рассказа. Это особенно ощутимо, когда замена местоименных обозначений существительными приходится на выражение подлежащего. И все же главным инструментом композиционно-синтаксической расчлененности повествования в переводе была не перемена местоимений на существительные, а дополнителное, сверх указаний оригинала, интерполирование существительных и форма их синтаксического включения.

Тематически — это имена персонажей. Конструктивно — именительный падеж подлежащего. Интерполируемые в цепочки личных глаголов и предикативных причастий, они прежде всего и членят эти цепочки на ряд самостоятельных кадров. И если замена греческих местоимений именами существительными всего лишь оттеняла контуры уже существующего синтаксического членения, заданного оригиналом, то внесение дополнительных существительных-подлежащих создавало новое, более четкое композиционное членение текста.

Конечно, каждое из таких включений всякий раз шло и от каких-то частных стилистических факторов организации и интонирования фразы или всего рассказа — импульсов во многом субъективных. Но это не лишает их общей обусловленности речевыми нормами славяно-русских литературно-письменных традиций. В остальном же и перевод греческих местоимений существительными и интерполирование существительных-подлежащих там, где их не было в греческом тексте, служили большей расчлененности изложения, что естественно проиллюстрировать законченным текстом:

180. νοσῶν καὶ ἰατρός. νοσῶν τις καὶ ὑπὸ τοῦ ἰατροῦ
39. О болящем и о враче. Болящий некто от врача
ἐρωτῶμενος, ὅπως διατηρήθῃ, πλεόν εἶπε
вопрошен бысть: како пребыть? Болящий же рече, яко зело
τοῦ δέοντος ἰδρωκέναи. ὁ δὲ ἀγαθὸν ἔφη τοῦτ' εἶναι.
над подобающее потех. Врач же рече: добро се быти.
ἐκ δευτέρου δε παρ' αὐτοῦ πάλιν ἐρωτηθεῖς, ὅπως ἔσχε,
Посем паки второе вопросы, како пребыть?
φρίκη συσχεθεῖς εἶπε σφοδρῶς
Болящий же рече: дрожанием многим содержим
διατετινάχθαι. ὁ δὲ καὶ τοῦτ' ἀγαθὸν ἔφησεν εἶναι.
и дряхлостию мучим. Врач же и се бысть добро рече.
ἐκ δὲ τρίτων αὐθις ἐρωτηθεῖς ὅπως διεγένετο, εἶπεν ὑδέρην
В третье же вопросы болящего, како пребыть, — рече: внутреннюю
περιπεπτωκέναи. ὁ δὲ καὶ τοῦτο πάλιν ἀγαθὸν εἶπεν εἶναι.
огневую впаде. Он же и сие паки добро рече быти.
εἶτα τῶν οἰκείων τινός αὐτὸν ἐρωτήσαντος, ὅπως ἔχεις,
Посем же от своих домашних некто [сего] вопросы: «Како ся имаши?»
«ἐγώ», εἶπεν, «ὑπ' τῶν ἀγαθῶν ἀπόλλυμαι».
Болящий же рече: «От благих своих погибаю».

Архитектоника рассказа и в оригинале и в переводе логически прочерчена и геометрична. Нарастание конфликта трижды отмечается жалобами на все более тяжкий недуг при неизменно тех же успокаивающих заключениях эскулапа. Трехчленная ступенчатая градация обрывается драматической каденцией. Так в греческом тексте, так и в славяно-русском.

Однако ритм повествования и динамизм его в оригинале и в переводе

инные. Семи греческим предложениям соответствуют десять русских (т. е. в полтора раза больше), каждое из которых возникает как фразовое вычленение из сложных конструкций оригинала и организуется уже вокруг самостоятельно выраженного субъекта — «болящего», указания на который трижды включаются переводчиком: «Болящий же рече. . .». Известная роль в этой расчлененности кадров принадлежит также устранению косвенных обозначений: дважды — замене субстантивированного члена «ὁ δὲ» существительным «врач» и один раз, в финале, — личного «ἔγω» как «болящий».

И только на критической вершине рассказа, у самого излома действия, перевод, как и оригинал, сводит в рамках единой синтаксической конструкции обе фабульные партии: все тот же вопрос врача и ответ уже охваченного огневицею пациента.

Но синтаксическая перестройка текста меняет течение рассказа и даже его акценты. Греческий текст сосредоточен прежде всего на возрастающей несообразности ситуации: все более значительных проявлениях недуга и неизменно благодушном диагнозе. Вся синтаксическая организация рассказа и подчинена этому эффекту несообразности.

Русский текст менее собран, но драматичнее. Не говоря уже о замене водянки более острым заболеванием, русский перевод каждый раз не столько выделяет симптомы прогрессирующего недуга, сколько сталкивает состояние «болящего» и тупое равнодушие врачующего. Это смещение сюжетных акцентов и по-новому выдвинутая антитеза возникают из настоятельной прямой номинации персонажей и сопоставляемых тут синтаксических структур — полных, теперь уже независимых предложений: «Болящий рече. . .» и «Врач же рече. . .» — и контрастного их параллелизма.

Таким образом, более частное синтаксическое членение рассказа не лишено и экспрессивно-семантической окраски. Но прежде всего — это речевое приспособление перевода.

Речевая природа интерполяций подтверждается опять-таки их структурным распределением. Из 98 интерполированных указаний на персонажей половина приходится на имена существительные в роли подлежащего (и примыкающие сюда вокативы или иногда дательный самостоятельный), включение которых вызвано чередованием предикатов с различными несовпадающими субъектами. Например:

93. Галка (κολοῦς — 131) в некоем голубнику голуби (περ:στερὰς) виде добропитаемая, убелившись, приде, яко да и сия пици сопричастится. Г о л у б и ж е (αἱ δὲ), донележе молчае галка, мняху ея (αὐτὸν) голубя быти и не возбраняху ей пища. И понеже некогда позабывшися г а л к а и своем естественным гласом посреде их возгласи. . .

Другим типичным условием интерполирования прямых имен персонажей оказывались значительная продолженность цепи глагольных форм и ослабление их соотнесенности со своим отдаленным субъектом-подлежащим:

127. Волопас (βουκόλος — 49) стадо быков пая, погуби тельца. И обшед всю пустыню искаше. И егда ничто же обрести возможе, помолиси Зевесу, аще тельца вземшаго татя ему покажет, козла на жертву принести обещася. И пришед в пустыню, обрете льва, снедаючаго тельца. Пристрашен убо п а с т ы р ь бысть и зело убояся, вознесе руже свои на небо, [рече]: «О владыко боже! . . .»

Конечно, на подобные добавления Гозвинского наталкивали не только структурные различия между языками, но и предельный лаконизм Аккурсианы, текст которой — это поток почти вплотную следующих предикатов (личных глаголов и предикативных причастий) и очень редких при них словесно обозначенных носителей процесса. Поэтому для повествовательной

ясности пословного русского перевода тут особенно недоставало лексического разграничения каждой перемены субъектов (как и вообще лексической маркировки субъектов), что в русской речи преимущественно выполняют имена существительные, которые и вводятся как подлежащие.

По-иному обусловлено интерполирование имен персонажей в объектных падежных формах. Здесь почти все интерполяции связаны с таким употреблением русских глаголов, когда реализация процесса уже по самому его содержанию невозможна без объекта воздействия, лексическая невыраженность которого воспринималась бы логической либо речевой недостаточностью фразы. Подобные включения были уже конструктивно обязательны:

43. Путешественник многий путь прешед, моляшеса богу Ермису, аще убо обрящет что (τηῦστα, εἰ ἄρα εὕρησει τι — 188) половину сего Ермису (τῷ Ἑρμῇ) на жертву возложить обеща.

Внесения объектных указаний на персонажей ощутимо разнятся и своею лексической формой. Интерполирование субъекта-подлежащего почти безраздельно представлено существительными, местоименные обозначения тут единичны и появляются только в условиях, когда именная форма подлежащего невозможна. Основным же материалом включения объектных указаний на персонажей были личные местоимения в косвенных падежных формах (43 внесения), в ряду которых преобладают формы дательного адресата (19) и винительного прямого объекта (15):

36. Пришед же абие некто к нему, извещеваше ему, яко... (ἐπιστάτης δὲ τις αἴφνης καὶ ἀπαγγείλαντος, ὡς... — 170);

101. При сем же месте некто живой, и сиде творящаго виде, злословяше е го (ἐρέμψετο — 26).

В других падежных формах интерполирование имен персонажей встречается редко, и все они слабоуправляемого характера.

Что же касается повествовательного назначения объектных интерполяций, то они всякий раз как бы фиксируют сценическое место каждого из участников фабульного конфликта и каждую перемену в положении участников этого конфликта.

Повышению нормы выделяющих указаний на персонажей служило также включение в текст притяжательных местоимений, размечающих отнесенность сюжетных реалий или мотивов к тому или иному участнику конфликта. Обычно это пояснения семейно-бытовых, кровных, реже социальных или иных связей и отношений. Но и тут опять-таки преобладают указания на отнесенность к субъекту действия, отмечаемую обыкновенно местоимением «свой» (14 раз), — весьма обязательным в старинных повествовательных жанрах:

1. ...о смерти своих чад скорбляше (ἐπὶ τέκνον ἡνίαθη θανάτῳ — 1), — Q;

8. ...о светлости прородителей своих глаголаше (περὶ τῆς τῶν προγόνων διεξιόντος λαμπρότητος — 20).

Наконец, в единичных случаях интерполируются и притяжательные прилагательные:

104. ...безвласное львово лице (ἄτριχα πρόσωπα — 267) грызый.

3. Внесение объектных и обстоятельственных характеристик действия при конструктивно-речевой недостаточности пословного перевода

Как и другие кодексы прозаической античной басни, Аккурсиана не знает мотивов, замедляющих линейное развертывание сюжета. Фабульные детали здесь сведены до минимума. И перевод Гозвинского не отсту-

пает в этом от оригинала, нигде не обращаясь к подробностям конфликта и обстановки. Вместе с тем это не исключало многочисленных объектных (34) и локально-обстоятельственных (56) включений от переводчика в русском тексте, хотя, казалось бы, именно объектное и обстоятельственное распространение текста особенно чревато осложнениями рассказа и появлением новых повествовательных мотивов. Однако соблюдение семантической равномерности оригиналу и тут не оставляет профессиональной манеры Гозвинского, поскольку такие добавления тоже не выходят за рамки регулярных речевых стереотипов.

а) Включение предметно-объектных характеристик действия

И в тексте Аккурсианы, и в «Притчах Езопа Фриги» нет примера, когда бы повествование задержалось на описании сценической обстановки. И ни одна из предметных реалий, если она не выступает в ранге аллегорического персонажа, как правило, не предстает в тексте «Притчей» тематическим ключом предложения — в форме именительного падежа подлежащего. В подавляющей массе указания на предметные элементы ситуации включаются в рассказ лишь в косвенных, объектно-падежных формах. Это относится и к механизму пословной передачи оригинала, и к переводческим интерполяциям.

Но предметные (а равно и локально-обстоятельственные) указания, идущие от греческого текста, по большей части информативно необходимы и обязательны. Определяющая же черта переводческих добавлений — их принадлежность не так информативно-логическому, сколь конструктивно-речевому плану. Они вводят в перевод лишь те характеристики процесса — его инструментальной приуроченности, материального наполнения или объектного приложения, — отсутствие которых в русском тексте (ограничься Гозвинский пословным копированием оригинала) воспринималось бы не смысловой, а конструктивной недостаточностью русской фразы. Какой-либо новой информации, а следовательно и новых повествовательных мотивов, такие интерполяции не содержат. Однако отказ от них воспринимался бы как нечто стилистически инородное в цепи полностью развернутых структур письменной книжной речи:⁵

78. Земледелец некто копая землю, злато обрете (*γεωργός τις σκάπτων χρυσίον περιέτωρε* — 61);

87. Волку же вострубившу и завывшу, и козлу пляшущу, пси же услышавше глас волчий, волка гоняху (*οἱ κύνες ἀκούσαντες τὸν λύκον ἐδίωκον* — 99).

Эта лексически прямая экспликация глагольных объектов в общем плане опять-таки соответствует большей автономности и конкретности русской фразы и почти целиком представлена существительными. Предпочтение тут прямой номинации нагляднее, когда включение объектных указаний происходило также и там, где объект был указан уже и в греческом тексте, но только местоимениями. В переводе же эти местоимения отесняются на роль определения при интерполируемом существительном, которое либо известно из предшествующего контекста, либо извлекается из общего смысла ситуации:

69. ...сипцевое некое дело умудряся смысли (*τοίνδε τι σοφίζεται* — 278);

⁵ Опускаю случаи, когда предметно-объектное интерполирование отмечало сквозные мотивы сюжета и, таким образом, носило композиционно-акцентный экспрессивный характер, что также присуще переводу Гозвинского.

97. ...и вознегодовав Зевес о глаголе сем (κατ' αὐτῆς — 108).

Тем нежелательнее были местоимения там, где они приходились на повторения сквозных решающих сюжетных мотивов. В таком случае местоименная репрезентация отменялась, даже если ее семантический источник находился в ближайшем контексте:

121. Господин же его в з е м б р е м я в с е (πάντα — 286), на коня возложи, и самого осла кожу. Слезя конь вопиаше: «Ох мне, безсчастному! И что мне случися, бедному? Не хотя убо малыя тяготы прияти, се ныне в с е б р е м я (ἅπαντα) несу и кожу!»

Однако включение в славяно-русский текст объектно-предметных обозначений характерно разнится с интерполированием объектных указаний на персонажей.

Предметные реалии как объекты приложения глагольного действия раскрывают материальное содержание процесса, и уже поэтому их выражение редко может обеспечиваться местоимениями. Отсюда интерполирование прямых (т. е. в форме существительного) обозначений предметных объектов преобладает почти безраздельно (из 34 — 30).

Иное дело с указаниями на персонажей. Прямые обозначения тут резервировались для синтаксически ключевой позиции подлежащего (и как следствие — возрастающей расчлененности изложения). Что же касается объектных указаний на персонажей, то имена существительные составляют среди них только четвертую часть (из 58 — 15), тогда как остальные 3/4 представлены местоимениями.

б) Включение обстоятельственных характеристик действия

Устранение конструктивно-речевой недостаточности пословного перевода довольно часто (38 раз) связано с пространственной приуроченностью происходящего. Главное место и тут занимают предметно-обстоятельственные характеристики действия, отмечающие те обычно уже известные из предшествующего рассказа либо ситуативно неперемные элементы, которыми прежде всего и обусловлено возникновение или решение фабульного конфликта. В подавляющей части такая локализация дается именами существительными. И всего лишь в 6 случаях (из 38) она представлена местоименными или местоименно-наречными указаниями.

Чаще всего пространственные указания появляются при сильноуправляющих глаголах с приставками пространственного же значения:

110. Осел дрова несый и преходя некое езеро, поползшеся, впаде в езеро (ὀλισθήσας δὲ ὡς κατέπεσεν — 201);

40. Секий некто дрова при реце, и спаде ему секира с топорища в реку (τὸν οἰκεῖτον ἀπέβαλε πέλεκυν — 183).

Нетрудно видеть, что сколь бы такие пояснения информативно избыточными ни казались, их включение в русский текст конструктивно неминуюемо.

Реже подобные включения синтаксически необязательны. Русская фраза вполне завершена и без них. К тому же они либо уже даны предшествующим текстом, либо ситуативно сами собой разумеются и в этом смысле опять-таки излишни. Однако их присутствие в тексте более естественно для русского слуха.

74. Земледелатель отрочищ печаше слимаков на углю (ᾠπτα κοιλίας — 54). Услышав же их лускающу на огни (τροχίζοντων) и рече...

18. ...сложи с себя на землю дрова (ἀπέθετό τε τὰ ξύλα — 60).

Среди лексических прибавлений переводчика нередка и обстоятельственно-временная фиксация происходящего (18 случаев). Но в отличие

от пространственных указаний временные обозначения более связаны с логической организацией рассказа. Они отмечают не собственное, «объективное» время ситуации, а лишь относительную очередность событий, и поэтому представлены одними местоименными наречиями — местоименными либо этимологически мертвыми внутренними формами:

40. От них же паки един тако же сотворити умысли (ὡς εἰς τις τὰ ἴσα διαπράξασθα: ἐβουλεύατο — 183);

41. «...сей убо, яко же вижу, и кожу мою напоследи изработает» {...«καὶ τὸ δέρμα μου κατεργάζεται». — 190}.

4. Устранение эллиптических оборотов и лексическое восполнение фразовых стереотипов

Конструктивно-речевому приспособлению пословного перевода регулярно служило лексическое восполнение эллиптических оборотов (когда такие встречались в тексте-источнике). Оно обыкновенно связано с интерполированием глаголов в славяно-русском. Однако в силу присущей глаголам высокой повествовательно-динамической активности включение глаголов значительно чаще использовалось как материал уже композиционного, а не собственно речевого приспособления текста, тогда как интерполирование глаголов всего лишь как структурно-речевых компонентов происходило относительно не часто и почти каждый раз продиктовано определенными речевыми стереотипами.

Устранение эллиптических оборотов (как тяготение к словесной полноте книжно-славянской фразы) было неизменным в конструкциях при чужой речи, что предопределяло интерполирование глаголов там, где в греческом тексте подобный глагол в составе «слов автора» был опущен. Обычно Гозвинский здесь прибегает к внесению глагола «речи» (10) и вдвое реже «глаголати» (5):

81. Он же к ним рече: «О злейшая животная!..» (ὁ δὲ πρὸς αὐτάς· «κάκιαστα ζῶα...» — 74);

22. Имей же в недрах глаголаше: не украде (ὁ δ' ἔχων μὴ εἰληφέναι — 67) — T'.

Уже самый выбор наиболее отвлеченных глаголов речи свидетельствует, что их внесение в текст перевода не содержит экспрессивно особого заряда, но только следует повествовательной норме славяно-русской речи.

Более выразительна обычная в тексте перевода конструкция из двух *verba dicendi*: «отвещав рече». 16 раз она появляется как передача соответствующих оборотов оригинала: ὑπολαβὼν ἔφη (6 раз), ὑπολαβὼν εἶπεν (6), ὑποτιχὼν ἔφη (2) и ὑποτιχὼν εἶπε (2), всякий раз сохраняя роль встречного возражения, например:

13. От предстоящих же некто отвечава рече (ὑπολαβὼν ἔφη — 33): «[О ты,] аще истинну се быти, глаголеши, ничто же тебе есть свидетелей: се тебе град Родийский, се и прескакание, — скочи — и увидим!»;

45. По днех же немногих пришедшу некоему к морю и тишине ея чюдящюся, отвечава же пастырь рече (ὑπολαβὼν οὗτος εἶπεν — 223): «Фиников еще желает и сего ради являет ся тишиною»;

72. Ластовица с вороною о красоте пряхуся. Овещавши же ворона к ластовице рече (ὑποτιχούσα δὲ ἡ κορώνη πρὸς αὐτήν εἶπε — 258): «Но убо твоя красота в весенное время просветает, мое же тело и зиму претерпевает» — T'.

Вместе с тем конструкция «отвещав рече» была приметной особенностью и древнерусских литературных текстов, утвердившись в них как некоторый фразовый стереотип под воздействием древнеславянских пере-

водит, осложнение «слов автора» вторым глаголом речи в переводе не происходит, к примеру в приводившейся уже басне «О враче и о болящем», где все четыре употребления ἐρωτάω передаются формами от «вопросити» без внесения второго глагола речи.

В списке менее регулярных форм конструктивно-речевого восполнения перевода можно отметить интерполяции семантически опустошенного глагола «сотворити», обычно в сочетании с субстантивированным «сие» (либо рядом с «сиде»), составляющих своеобразное местоименное целое. И эти включения также не лишены повествовательно-предупредительного акцента, привлекающего внимание к следующему за ним разъяснению внутренних, подчас особо коварных побуждений персонажей как источнику басенного конфликта:

15. И вопросы бога, глаголя: «Аполлоне! еже руками к тебе приношу, рцы ми, каково есть: живое ли или бездушное?» — х о т я с и д е с о т в о р и т и (βουλόμηνος ὡς — 36): аще бог речет «бездушное», жива ⁶ воробья показать; аще [же] «живо» речет, абие удавив, мертва воробья принести. — *Т'*.

Можно бы отметить и другие глагольные включения, восполняющие недостаточность пословного перевода. Однако эти включения уже относительно немногочисленны, даже спорадичны и ситуативно окказиональны. Иное дело интенсивные включения глаголов как конструктов композиционной организации рассказа. Но такие включения уже не принадлежат лингвистическим факторам перевода.

* * *

Итак, пословная, опирающаяся на аппарат утвердившихся еллино-славянских лексических и грамматических эквивалентов передача оригинала выступает для древнерусского книжника мерилем семантической точности и полноты перевода. Однако это не исчерпывало механизма пословного перевода, не ограничивало переводчика неукоснительным структурным копированием текста-источника и не предрешало неперменной лексической и конструктивной симметрии текстов. Пословное следование оригиналу как профессиональная норма перевода обеспечивало лишь смысловой каркас переводного текста, непосредственно отражающий его иноязычный источник, хотя и это уже далеко не буквалистски механический слепок. Этим прежде всего обеспечивается тот семантический остов, опираясь на который и отправляясь от которого, переводчик обращается к повествовательно-фразовой организации своего собственного текста, ориентированного уже на речевые нормы славяно-русской письменности. Происходящие в этом плане лексические включения и подстановки чрезвычайно регулярны, даже интенсивны и в целом весьма значительны по объему. Однако сколь бы многочисленными такие интерполяции и замены ни представлялись, в них нет отступлений от смысла оригинала. Но они обязательны, чтобы перевод мог оказаться коммуникативно жизнеспособным, и вместе с тем выводят пословный перевод за рамки прямой лексической симметрии и конструктивного соответствия тексту иноязычного источника.

Изменения этого рода были столь естественны и обыкновенны в своей традиционности, что затем сами по себе не вызвали каких-либо стихийных переделок или устранения у последующих переписчиков, поновления

⁶ В ркп. живо.

которых в свой черед в общем складывались в том же направлении. Небезынтересные в сопоставительно-лингвистическом аспекте, и особенно как материал для истории профессиональной техники и норм древнерусского перевода, эти соотношения славяно-русского и греческого текстов свидетельствуют, что специфические еллино-славянские структурно-речевые барьеры не составляли секрета для средневекового переводчика. Наконец — а в данном случае главное — они убеждают в несравненно большей гибкости и сложности практики древнерусского пословного перевода, нежели то предполагается пресловутыми утверждениями о его «буквализме», якобы неизбежно игнорировавшем традиции и нормы самой книжно-славянской речевой культуры.

Но система пословного перевода не исчерпывалась созданием лингвистически отредактированных семантически эквивалентных подстрочников. Составляя технологическую основу и норму древнерусского перевода, она не противостояла более глубоким аспектам освоения иноязычного памятника и не исключала его экспрессивно-стилистической, предметно-образной, а также композиционно-повествовательной или даже идеологической адаптации. Но это уже другая и даже неожиданная сторона пословного перевода, исследование которой требует иных приемов и принципов филологической интерпретации и не может замыкаться в сфере лингвистических наблюдений.

Н. Ю. БУБНОВ, Н. С. ДЕМКОВА

**Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск
«Возвешение от сына духовного ко отцу духовному»
и ответ протопопа Аввакума (1676 г.)**

В двух рукописных сборниках — XVII в. (БАН, Отдел рукописей, 45.6.7, далее — Ак) и XVIII в. (Древлехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 65, далее — Сд) — находится текст весьма интересного послания, неизвестного специалистам по русской литературе и истории XVII в.; в рукописи БАН послание названо «Возвешением от сына духовного ко отцу духовному», в рукописи ИРЛИ — «Вопрошением».¹ Анонимный автор («сын духовный») обращается к «отцу духовному», авторитетному защитнику старой веры (имя его в тексте также не называется), с «возвешением» об обстоятельствах смерти царя Алексея Михайловича, последовавшей вскоре после взятия и разгрома царскими войсками Соловецкого монастыря.² В послании сообщается и о других московских событиях, крайне важных для многочисленных старообрядческих общин; известия касаются в основном слухов о молодом царе Федоре Алексеевиче и его болезни, князе Юрии Алексеевиче Долгоруком и патриархе Иоакиме, которые фактически руководили государственной политикой в это время, о решениях властей относительно судьбы разгромленного Соловецкого монастыря и низложенного патриарха Никона. Реальные новости сопровождаются описанием «знамений» и «видений», случившихся в последнее

¹ «Вопрошение» впервые упоминается в перечне состава сборника Сд, см.: В. И. Малышев. Сочинения протопопа Аввакума в Древлехранилище Пушкинского Дома АН СССР. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 334; в описи Древлехранилища сочинение датируется XVII в. (в сборнике имеется фрагмент из «Книги бесед» Аввакума). Первое сообщение о «Вопрошении» как о тексте 1676 г., направленном в Пустозерск, и о связи его с кругом сочинений пустозерских узников, и прежде всего протопопа Аввакума, было сделано Н. С. Демковой в декабре 1976 г. на Всесоюзной конференции по полевой археографии в Москве (рукопись с «Вопрошением» была найдена участниками археографической экспедиции ЛГУ студентами Т. Ф. Волковой и Н. Н. Литвиновой-Барминской в 1970 г. в дер. Топса), специальный доклад о нем — на заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР в январе 1977 г. Н. Ю. Бубнов отождествил текст «Вопрошения» с текстом одной из частей изучаемого им сборника Ак, содержащего сочинения Аввакума; сборник был приобретен для Библиотеки АН СССР В. И. Срезневским в сентябре 1907 г., однако не попал в поле зрения исследователей творчества Аввакума — В. Г. Дружинина, Я. Л. Барскова и др.; доклад Н. Ю. Бубнова о находке состоялся в ИРЛИ АН СССР в апреле 1977 г. Список, обварауженный Н. Ю. Бубновым, датируется концом 1670—началом 1680-х гг. и содержит полный текст послания, которое сопровождается здесь ответом Аввакума (см. об этом далее). В настоящее время Н. Н. Покровским найден третий список «Возвешения» конца XVII—начала XVIII в. — Устюжский — в делах Канцелярии тайных розыскных дел (1747 г.), статью Н. Н. Покровского о нем см. ниже, с. 151—153.

² Соловецкий монастырь после семи с половиной лет осады был взят штурмом 22 января 1676 г., царь Алексей Михайлович умер через неделю — вечером 29 января 1676 г.

время: в Смоленске раскололась икона Одигитрии, заново написанная по повелению царя Алексея, в Кремле царь Федор видел во сне явление Богородицы и погибших узниц — Ф. П. Морозову, Е. П. Урусову и М. Г. Данилову, требующих возврата к «старой вере». Насыщенное фактами, причем иногда ранее неизвестными, «Возвещение» сопровождается вопросами «духовного сына» о смысле происходящих событий (не случайно в списке Сд памятник так и озаглавлен — «Вопрошение»): «Как тебе, батюшко, бог известит о сем? . . . Аще же прекратится живот его (речь идет о царе Федоре, — *Н. Б., Н. Д.*), кто весть, кроме бога и вас, рабов его? А мы мним, кроме конечного смятения нечему быть» (л. 7 об.).³ Из последних слов явствует, что автор «Возвещения» адресует свое послание не только одному «батюшке-государю», он уверен, что его новости будут читать и другие лица, составляющие близкое окружение его «духовного отца». И сам автор несомненно москвич, имеющий хорошую связь с царским двором (может быть, и живущий там), пишет не только от своего имени, но ссылается на мнения какой-то группы людей, своих единомышленников («А мы мним. . .»; ср. в другом месте: «. . . не мы затеваем. . ., на нас не кручинься, мы с тобою согласно говорим. . .», л. 3 об.).

Уже при первом знакомстве с текстом послания по списку Сд возникло предположение, что непосредственный адресат его — протопоп Аввакум, что послание было направлено в Пустозерск сидящим в земляной тюрьме Аввакуму, дьякону Федору, иноку Епифанию и попу Лазарю, видным деятелям и идеологам старообрядческого движения. Предположение оказалось справедливым: в сочинениях пустозерских писателей легко обнаруживаются следы знакомства с текстом «Возвещения»; а в списке Ак, найденном позже, сохранилось ответное послание «духовного отца», находящегося в заточении «от Алексея царя, умершаго злодея», которое не оставляет сомнений в его авторстве — в принадлежности его протопопу Аввакуму. Об авторстве Аввакума свидетельствуют также и прямые авторские заявления в тексте ответа: «Вот меня цар-ет и в духовники Алексей звал,⁴ да как о Христе Иусе не захотел, да не захотел же, да живу себе в яме з братию. . .» (л. 10).

Таким образом, «Возвещение» прочно входит в круг сочинений, непосредственно связанных с публицистической деятельностью пустозерских узников и прежде всего с деятельностью протопопа Аввакума.

Текст «Возвещения» датируется довольно точно — концом мая—началом июня 1676 г. на основании его известий о патриархе Никоне и о Соловецком монастыре.

«Возвещение» сообщает о решении властей по поводу патриарха Никона: «Было седение у бояр и приговорили было ево в Кирилов монастырь, в земляную тюрьму заклепать. Да Яким. . . отговорил так над ним чинить. . . Да приговорил послать думново дворянина от лица царева о всем разыскать подлинно. . . Так с тем приговором и послан к нему недавно, вестей еще не бывало отгуду» (л. 4—4 об.). Это известие московского информатора Аввакума основано на следующих фактах. В апреле 1676 г. в Москву из Фэрапонтова монастыря приехал Игнатий Башковский, рассказавший при дворе среди прочих известий о Никоне, в частности, о его лекарской практике. Следом за ним прибыл бывший пристав при Никоне, князь Самойло Шайсунов, добавивший новые недоброжелательные рассказы об опальном патриархе. Новый пристав Иван Ададуров, посланный

³ Здесь и далее текст «Возвещения» цитируется по старшему и лучшему списку Ак (издание его см. в Приложении к этой статье).

⁴ Известие о том, что Аввакум царь Алексей «звал в духовники», содержится в Житии (РИБ, т. XXXIX. Л., 1927, стб. 45, 120, 194). Отметим, что это известие не подтверждается другими источниками XVII в.

на смену Шайсупову, прислал в Москву донесение о попытках Никона предсказывать будущее. Особенный вред Никону принесли рассказы о нем приехавшего в Москву старца Ионы, его бывшего келейника. На основании многочисленных «изветов» московский собор, заседавший в середине мая 1676 г., постановил «исправить» Никона и перевести его в Кириллов монастырь под строгий надзор.⁵ Для этой цели в Ферапонтов монастырь были посланы думный дворянин Иван Афанасьевич Желябужский, чудовский архимандрит Павел и думный дьяк Семен Румянцев, выполнявшие возложенное на них поручение 5 июня того же года. Это значит, что «Возвещение» было написано вскоре после 16 мая 1676 г., но еще до получения известий о переводе Никона в Кириллов монастырь («...вестей еще не бывало оттуду»).

Другим датирующим моментом «Возвещения» является сообщение московского корреспондента Аввакума о посылке на Соловки нового архимандрита и келаря: «А в Соловецкой монастырь послали, поставя архимарита и келаря, смирным, сказывают, их нравом, нуждою посланы... Поехали с великою печалию» (л. 8—8 об.). Действительно, новый архимандрит Макарий с келарем старцем Иларионом, казначеем старцем Феодосием и с немногочисленной братией, получив наказ 12 апреля, прибыл в Соловецкий монастырь 14 июня 1676 г.⁶ Донесений в Москву от посланных на Соловки монахов к моменту написания «Возвещения», по-видимому, еще не поступало, что подтверждает его датировку концом мая—началом июня 1676 г.

«Возвещение» могло быть получено в Пустозерске, по-видимому, в июле 1676 г. (обычные сроки доставки писем пустозерским узникам — полтора-два месяца). Таким образом, ранняя возможная дата написания ответа Аввакума — лето 1676 г.

Напомним, что именно к этому времени — к концу лета—осени 1676 г. — относится резкое ужесточение режима заключения пустозерских узников: сохранились известия о специальном царском указе от 26 августа 1676 г. о переводе Аввакума с «товарищи» для большей изоляции в Кожеозерский и Спасо-Каменный монастыри и о том, чтобы «писем бы никаких у них никто не имал и к ним ни от кого никто не приносил никоторыми делы».⁷ Однако несмотря на новые строгие запрещения властей, сочинения Аввакума по-прежнему переписывались «добрым письмом», из них составлялись полные сборники и рассылались «верным».

Полный текст «Возвещения», включая ответ на него протопопа Аввакума, дошел до нас в составе одного из таких сборников сочинений Аввакума — в сборнике Ак, написанном в конце 1670-х—начале 1680-х гг.⁸ Судя по типу использованной бумаги, характеру оформления и переплета сбор-

См.: Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897, с. 341—360; см. также: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII. М., 1962, с. 193—194 и примеч. 190 на с. 358.

⁵ См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Н. И. Субботиным, т. III. М., 1877, с. 444.

⁷ В. И. Малышев. Новые материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 330.

⁸ БАН, 45.6.7 — составная рукопись, в 8-ку, 189 л., писана тремя полууставными почерками, переплет — доски в черной коже с одной ремешковой застежкой посередине. Филлиграны: 1) на л. 16—189 — шут с двумя бубенцами и 5-ю зубцами на воротнике (5—6 вариантов). По классификации С. А. Клепикова — знак 1-го типа. Контрмарка: литеры МЮ в рамке. Подобное сочетание С. А. Клепиков относит к 1683 г. (Клепиков, Шуг, № 182). Однако комбинация литер МЮ в рамке в сочетании с другими знаками используется в бумажном производстве уже с 1660 г. (Хивуд, № 1886, 2274). 2) В первой части рукописи, где находится «Возвещение» и ответ на него (л. 1—15), также виден «шут» 1-го типа с литерами СН в рамке (Клепиков, Шуг, № 87). С. А. Клепиков датирует этот знак 1673—1681 гг.

ника, он был создан на севере — в Пустозерске или на Мезени и, возможно, при жизни пустозерских узников.

«Возвешение» и ответ Аввакума (в рукописи он не имеет специального заголовка и непосредственно примыкает к тексту «Возвешения») открывают сборник (л. 1—13);⁹ следующая далее основная часть (л. 16—189) состоит из двух рукописей, написанных одним почерком на одинаковой бумаге с раздельным счетом тетрадей. Первая рукопись основной части (л. 18—144) содержит древнейший список «Книги бесед» Аввакума с дополнениями (послание Ф. П. Морозовой, Е. П. Урусовой, М. Г. Даниловой в Боровск и «Гимна богородице») и оформлена как самостоятельная книга (на л. 18 об. — изображение чернилами «истинного креста» с надписью-заглавием «Книги бесед»: «Книгу сию собрал. . . от святого писания протопоп Аввакум на крестоборную ересь никониянскую и на прочия их коби»). Вторая рукопись (л. 145—187) состоит из посланий Аввакума и отдельных отрывков из них, тематически подобранных для характеристики «нынешнего» времени и реформы Никона, отражающих взгляды Аввакума на антихриста и его «печать», содержащих надежды на то, что сын царя Алексея после его смерти отменит все нововведения. В нее входят «первая» челобитная царю Алексею Михайловичу (в редакции «Б» — редакции «Христианоопасного щита веры» инока Авраамия), начало «Послания Сибирской братии», обращение к царю Алексею из «Книги толкований» и фрагмент из послания Симеону. Органически входит в эту подборку «Список с епистолии» дьякона Федора, адресованной сыну Аввакума Иоанну (1669 г.), так как текст «Епистолии» был одобрен и подписан в свое время рукой Аввакума.¹⁰

Совсем другой характер имеет состав сборника Сд:¹¹ текст послания (здесь оно названо «Вопрошением», ответ Аввакума отсутствует) входит в большую тематическую подборку старообрядческих сочинений, посвященных теме антихриста и гибели Соловецкого монастыря.¹² За «Вопрошением» следует краткий летописец с данными о годах правления царей начиная с Ивана Грозного и кончая царем Алексеем Михайловичем, за «летописцем» — фрагмент первой беседы Аввакума, который продолжен далее перечнем основных отступлений Никона от истинной веры.¹³

При сопоставлении текстов «Возвешения» (список Ак) и «Вопрошения» (список Сд) обнаруживается значительная порча протографа в более позднем списке Сд: здесь мы находим частые пропуски союза «и», опiski («потока» вместо «потопа», «кандиями» вместо «камедиями», «Баравича» вместо «Барановича» и др.), утрату отдельных частей фраз, иногда весьма значительных по содержанию, ср.: Ак: «Тайну цареву добро есть хранить, а дела божия проповедати преславно есть» (л. 1); в Сд — «преславно есть»

⁹ Первый почерк — мелкий полуустав (л. 1—10), второй — более крупный полуустав (л. 10 об.—13).

¹⁰ Изучению состава сборника и истории его формирования посвящено специальное исследование Н. Ю. Бубнова (в печати).

¹¹ Дрeвлехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 65 — старообрядческий сборник — конволют середины XVIII в. (филиграни — «герб Амстердама» и «Pro Patria»), в 8-ку, 488 л., написан неровным полууставом, несколькими почерками, переплет не сохранился (в настоящее время сборник реставрирован, переплет новый).

¹² В состав подборки входят: «История о взятии Соловецкого монастыря» С. Денисова (1722 г.), Соловецкая челобитная 1667 г., послание из Далматского монастыря в Тюмень об антихристе, послание инока Авраамия Ф. П. Морозовой, старообрядческое сочинение 60-х гг. XVII в., «Беседа духовная от Писания по прошению друзей духовных», старообрядческое сочинение о кресте, «Поучение вкратце от божественного писания», «Кирила Иерусалимского знамение 11» (об антихристе).

¹³ Именно об этом тексте В. И. Малышев писал, что он «возможно и не принадлежит Аввакуму, хотя местами стиль напоминает его собственный» (В. И. Малышев. Сочинения протопопа Аввакума. . . , с. 334).

отсутствует (ср. источник: Книга Товита, XII, 7: «Тайну цареву добро хранить, дела же божия открывати славно»).

Ак: «И спешили всяко со тщанием, как бы чем хоть мало помощь сотворить» (л. 1); Сд: «И спешили тем, как бы мало помощь сотворить».

Значительно сокращено в «Вопрошении» описание постановки пьесы при дворе на тему «Страстей Христовых», есть пропуски во фрагментах, связанных с упоминанием Никона и царя Федора, полностью отсутствует завершение текста, повествующее о посылке в Соловецкий монастырь новых властей — архимандрита и келаря — и содержащее заключительное обращение московского корреспондента к «батюшке» («Ну, батюшко, я тебе сказал от дольних. Возвести же ты мне, что тебе любо показано и возвещенно от горних. А я с любовью послушаю и иным возведу. . .», л. 8).

Список Сд сохранил следы позднейшего вмешательства в текст «Возвещения». Особенно наглядно это видно на следующем примере:

Ак

Царя у нас Алексея в животе не стало февраля в 29 день числа, в нощи 4-го часа, на тридесятое число в субботу против воскресения. А по Троици тот день Страшнаго суда. А скорбь-та его взяла того же февраля назад в 23-м числе (л. 1).

Сд

Царя у нас Алексея в животе не стало февра[ля] в последнем числе 29 против воскреснии (так!). А по Троици тот день Страшнаго суда. А скорбь его взяла того же февраля в 23-м числе (л. 392).

Заметим, что указание на февраль как на месяц смерти царя Алексея Михайловича в обоих списках ошибочно: царь умер 29 января, около 8 часов вечера, по древнерусскому счету часов — в ночь на воскресенье 30 января. Правка первоначального текста в Сд очевидна: переписчик не знал, что указание на февраль ошибочно, и, видимо, считал 29 февраля истинной датой смерти царя. Но он заметил несообразность в переписываемом им тексте — упоминание о несуществующей дате «30 февраля» — и выбросил это упоминание, пояснив, что описываемое событие произошло «февраля в последнем числе 29» (1676 год был високосным).

Сопоставление текстов обоих списков, проделанное нами, показывает, что старший список Ак ближе к протографу, список Сд отражает следующий этап жизни текста в рукописной традиции.¹⁴ Поэтому при дальнейшем исследовании пользуется текстом списка Ак.

«Возвещение» начинается с рассказа о смерти царя Алексея Михайловича, случившейся «в нощи 4-го часа» на воскресенье 30 января, которое в 1676 г. по удивительному совпадению было «неделей Страшнаго суда» — началом «мясопустной» недели Великого поста (пасха в 1676 г. приходилась на 26 марта).¹⁵ «Скорбь. . . взяла» царя неожиданно, 23-го числа; придворные напрасно стремились облегчить его состояние «лекарствами и волшебными хитростями», но «ничто же успели». Как последнее средство использовалась христианская святыня, хранящаяся в Москве, — подарок персидского шаха царю Михаилу Федоровичу — «риза господня» (часть легендарного хитона Иисуса Христа), но и ею царя «не отстояли» от смертного часа. «За день—за другой» до смерти царь «крепко тосковал», четверг—пятницу «без зазору кричал», в субботу «уже не говорил ничего, лише тосковал, и пены изо рта пушал. Да сидя в креслах и умер» (л. 7 об.—8).

Тайна «царевой» болезни и смерти была, по-видимому, хорошо известна автору «Возвещения», и он описал ее с очевидно натуралистическими дета-

¹⁴ Специальная характеристика списка СД и сборника в целом дается Н. С. Демковой в отдельной статье, подготовленной к печати.

¹⁵ См.: Е. И. Каменцев в а. Русская хронология. М., 1974.

лями. «Да как преставился, тот же час из него и пошло: и ртом, и носом, и ушми всякая смрадная скверна, не могли хлопчатой бумаги напасти, затыкая. Да тот же час и погребению предали, скоро-скоро, в воскресенье то поутру, с обеднею вместе» (л. 1 об.).

Автор «Возвещения» сознавал, что тема смерти царя, затронутая в его сочинении, — тема запретная¹⁶ и что подробности, сообщаемые им о цар-

Больной царь Алексей Михайлович и патриарх Иоаким. Иллюстрация к «Истории о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова. Рукопись XVIII в. (БАН, 1.1.43, собр. Бурцева, № 4, л. 80).

ской болезни и погребении, носят характер государственной тайны, поэтому все изложение предваряется мотивировкой — необходимостью защиты «дела божия» («Тайну цареву добро есть хранить, а дела божия проповедати преславно есть», л. 1).¹⁷

¹⁶ Придворный врач царя Алексея Михайловича англичанин Самуил Коллинс писал другу в Лондон в 1671 г.: «Смерть тому, кто перескажет слова, говоренные во дворце царском. . . О происшествиях двора никто не смеет сказать ни слова. . .» (С. Коллинс. Нынешнее состояние России, изложенное в письме другу, жителюствующему в Лондоне. М., 1846, с. 36).

¹⁷ Напомним, что этот афоризм, восходящий к Библии (книга Товита, XII, 7), был весьма популярен в сочинениях старообрядцев: он использовался дьяконом Федором в «Сказании об Аввакуме, Лазаре и Епифании», Аввакумом в «Житии» (редакция «Б» и Прянишниковский список), см.: Н. С. Демкова. Житие протопопа Аввакума. Л., 1974, с. 126.

Хорошая осведомленность автора «Возвещения» о событиях дворцовой жизни не вызывает сомнения. Если что-то оставалось ему неизвестным (например, содержание последнего предсмертного видения царю, которое было «страшно зело» и которое царь «одной царице сказал и заповедал никому не сказывать»), то он откровенно заявлял, что «о том несть слуху подлинно» (л. 8.). Сведения «Возвещения» во многом совпадают с описанием болезни и погребения царя Алексея Михайловича, имеющимся в дневнике голландского посольства Кунраада-фан-Кленка.¹⁸ Однако главная цель «Возвещения» — не только передать информацию. Внезапная и мучительная смерть царя Алексея, случившаяся через неделю после разгрома Соловецкого монастыря, да еще к тому же почти в «день Страшного суда», рождала мысли о неслучайности этих совпадений, о «тайне», которую следует разгадать.

Отсюда — характеристика царя Алексея как апокалиптического персонажа, истинный смысл деяний которого раскрывается только в момент смерти.

Речь царя Алексея создается автором «Возвещения» на основе покаянного канона Феодора Студийского в «неделю мясопустную». Ср. тексты:

Возвещение

Триодъ постная. М., 1650.

А как в болезни той был, так говорил: «Трепещет, де, и ужасается душа моя сего часа, что по Триоди судной день именуется» (л. 1).

Дне страшнаго, всенеизглаголаннаго ти пришествия, трепещу, помышляя, и ужасаюся, провидя... (л. 48). Помышляю день Страшный и плачюся деяний моих лукавых, како отвещаю безсмертному царю... (л. 49).

Канон Феодора Студийского используется еще один раз — при описании возможностей оправдания на Страшном суде, ср.:

Возвещение

Триодъ постная

А там уже бог знает, все на одной доске, пытай лишь отчитатися (л. 3).

Тамо вкупе — богат и неславлен, велик купно и мал, исправится равно... (л. 50 об.).

Отступничество царя Алексея от христианской веры еще очевиднее выступает в издевательском рапорте гонца о разгроме Соловецкого монастыря войсками православного царя: «После умертвия тово царева вскоре приезжал гонец от Соловков с победою, лист привез к царскому лицу: „Счастлием, де, твоим пособил бог: монастырь взяли и всех под меч подклонили. Человек за пять сот порубили, а десятков с шесть повесили, все иноков“»

¹⁸ См.: Посольство Кунраада-фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900, с. 433—434. Ошибка «Возвещения» в обозначении месяца смерти царя, отмеченная выше («февраль» вместо «января»), пока не может быть объяснена. Можно было бы предположить, что «февраль» — неверно прочитанное скорописное слово оригинала «январь» (в соответствии с действительностью). Однако указание на февраль (вместо января) еще раз повторяется в обоих списках «Возвещения»: «А взяли, де, монастырь февраля в 23-м числе» (л. 2 об. списка Ак; в Сд: «в 23 день»). К тому же точно такая же путаница в обозначении месяца смерти царя Алексея Михайловича имеется и в одном из летописцев XVII в., причем этот летописец также вышел из стен кремлевских приказов: «Лета 7184-го году февраля в 28 день с субботы на неделю в третьем часу ночи... преставися царь и великий князь Алексей Михайлович...» (Мазурицкий летописец, ПСРЛ, т. XXXI. М., 1968, с. 172). Напомним, однако, что по грегорианскому (протестантскому) календарю смерть царя Алексея датируется как раз февралем месяцем («8 февраля» — так в дневнике посольства Кунраада-фан-Кленка, с. 434).

(л. 2 об.). Автора, как, по-видимому, и других современников, поразило еще одно совпадение в датах: Соловецкий монастырь был взят после более чем 7-летней осады 22 января, а на другой день — 23 января — царь внезапно заболел.¹⁹

Сообщение о разгроме монастыря сопровождается гневным обличением царских слуг и прислужников. Этот фрагмент текста в стилистическом отношении очень близок сочинениям Аввакума: «Бедные, бедные! Выслуги много, а пожаловать некому! От ково чаяли противу трудов воздаяния, ано и самово земля прибрала» и т. д. Именно здесь впервые в тексте «Возвещения» открыто утверждается связь между царской смертью и разгромом Соловецкого монастыря, защищавшего веру отцов: «Как бы не Соловки-те, не чайть бы и смерти ему, сколь бы ни пригубил людей-тех божиих по одиначке-той. А то сия артель крепко стали против ево, и по смерти своей немного дали дышать. А там уже бог знает, все на одной доске, пытай лишь отчитатися» (л. 3).

Итак, описание смерти царя Алексея Михайловича в тексте «Возвещения» представляет собой не обычную информацию, весть, посланную из Москвы в далекий Пустозерск, оно служит целям публицистического обличения и острой политической борьбы, развернувшейся вокруг никоновской реформы церкви и реформ феодально-дворянского государства.

Достаточно сопоставить это описание смерти царя Алексея с изображением этого события в официальной и придворной литературе, чтобы отчетливо увидеть, какой полной и безоговорочной дискредитацией авторитета царя является текст «Возвещения».

Смерть царя Алексея в «литературные» 70-е гг. XVII в. стала темой не только церковного и придворного ритуалов (заупокойных служб и поминаний), но послужила толчком к созданию особых литературных текстов.

К числу литературных откликов на смерть царя Алексея Михайловича и интронизацию его наследника, молодого царя Федора, относятся панегирик Лазаря Барановича с плачем о царе Алексее Михайловиче и «благоприветствование» «червя Юрки Сербянина» (Юрия Крижанича).²⁰ Весьма показательны для официальной традиции называть днем смерти царя Алексея не 30 (как, например, в летописцах XVII в.), а 29 января и связывать тем самым это событие с днем памяти Игнатия Богоносца, а не Страшного суда (29 января церковь празднует перенесение мощей Игнатия Богоносца): именно так (впрочем, в соответствии с действительностью) обозначает день смерти царя Алексея и Лазарь Баранович.

Наиболее разработанным — в чисто литературном и идеологическом отношении — является специальное сочинение Симеона Полоцкого «Глас последний ко господу богу святопочившаго о госпде, благочестивейшаго, тишайшаго, пресветлейшаго великаго государя, царя и великаго князя Алексия Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца. И ко новобогомданному великому государю царю и великому князю Феодору Алексиевичю, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу со заветом отчим. . .».²¹

Это сочинение Симеона Полоцкого, написанное в начале февраля 1676 г., представляет собой весьма сложную, многофигурную композицию, предназначенную для театрального действия — декламации — в Кремле

¹⁹ Само слово «умертвие» стилистически не нейтрально, оно вызывает представление о неблагоприятной смерти царя, это не «успение» и не «преставление».

²⁰ Оба текста сохранились в Отделе рукописей БАН (подносные экземпляры): «Панегирик» Лазаря Барановича — П.1.А.3 (в 4-ку, 25 л.); «благоприветствование» Юрия Крижанича — П.1.А.15 (в 4-ку, 18 л.).

²¹ Подносной экземпляр его хранится в Отделе рукописей БАН — П.1.А.4 (в 4-ку, 74 л.).

несомненно в присутствии молодого царя и всего двора. Симеон Полоцкий создает особого рода ритуальное зрелищно-литературное действо, которое было диковинным новшеством в существовавшей традиции поминовения усопших монархов.

«Глас последний» начинается с рассуждения (в стихах) о неизбежности смерти, за ним следует «посвящение» — пожелания «здоровья, долголетия, мира и благополучнейшего царствования» молодому царю Федору, последняя, третья, часть этого своеобразного «вступления в тему» — торжественное прозаическое «слово» Симеона Полоцкого на смерть царя Алексея.

Это «слово» Симеона Полоцкого в жанровом и идеологическом отношении непосредственно предшествует «надгробному слову» Феофана Прокоповича на смерть Петра Великого (1725 г.): оно подчинено прежде всего политической задаче — оценке деятельности царя Алексея — и полностью раскрывает сущность понятия «абсолютная монархия», утвердившегося в идеологии феодально-дворянского русского государства второй половины XVII в. Рассмотрим небольшой фрагмент (начальный) этого «слова».

«Великосверепое преизлиха и неудобстерпимое на ковчег Российскаго царствия в день субботний, иже бе 29 января, нападе треволение — неожиданная смерть пресветлейшаго родителя твоего, благочестивейший монархо. . .

Бедьство же сотворися велие, яко преискуснейшаго кормчия корабля Российскаго царствия посреде гордонадменных волн вражних прещений на океане мира сего плавающе, увы нам, лишихомся! О всеплачевныя субботы, единой, во всем лете сущей, по достойному уподобительныя, в ню же вся плачовопаствует церковь преставления царя всех сущих, ибо и в сию весь род православнороссийский возстения слезно и возрида горко отшествия царя превеликаго, царя преславнаго, царя премудраго, царя премилостиваго, царя всяческими добротами украшеннаго. О безпокойныя нам субботы! О дне неблагополучнаго!» и т. д.²²

Смерть царя Алексея сопоставляется здесь со смертью самого Христа, «царя всех сущих»; превосходные степени сравнения прилагательных-эпитетов (царь — «превеликий», «преславный», «премилостивый», «премудрый») соответствуют системе избыточных характеристик барочного придворного поэта, а традиционная метафора (из основного фонда библейских образов) «мир» — «море» получает дополнительное развитие (корабль — «Российское царствие», царь — его «преискуснейший кормчий») и определенную политическую окраску: метафорические сравнения символизируются, становятся оценочными, этикетными формулами, выражающими полную слитность, неразрывность понятий «монарх» и «государство».

Этой литературной (и политической) службе придворных поэтов эпохи победившего абсолютизма противостояла полемическая литература старой традиции, опиравшаяся на демократические традиции патриархального уклада, рассматривавшего все русское государство как единую христианскую общину, все члены которой, включая и царя, равны перед богом (ср. отношение Аввакума и дьякона Федора к царю Алексею, выраженное «пятой» челобитной: все христиане на Руси — «братия» царю «по духу», так как все они имеют «единого отца», «иже есть на небесех»; «господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть божий»).²³

²² БАН, П.1.А.4, л. 5—5 об.

²³ По интересному наблюдению Н. В. Повырко, первая часть «пятой» челобитной Аввакума (1669 г.) написана дьяконом Федором (см.: Н. В. П о в ы р к о. Дьякон

Таким образом, столь различное отношение к смерти царя Алексея свидетельствует не только о конкретных политических симпатиях или антипатиях различных противоборствующих партий, но и о проявлениях более общих политических тенденций — меняющихся взглядах на роль царя и назначение царской власти.

Эта полемика по вопросу об отношении к царю проявилась в упоминании о книге Лазаря Барановича «Меч духовный», которая была издана в Киеве в 1666 г. Автор «Возвещения» точно цитирует двустилишие из «Предисловия» к книге: «Ты, царю державный, царьствуеши zde, донеле же круг солнца, а онамо имаши царствовати без конца» (л. 3 об.). Внезапная смерть, постигшая царя, объявленного «никонианами» бессмертным («сами ему у себя в книгах своих напечатали его безсмертным»), была закономерной для старообрядцев, так как никониане и царь нарушили основные принципы отношений между обществом и богом.

Исследователям русской литературы XVII в. хорошо знаком рассказ дьякона Федора о смерти царя Алексея, которую он соотнес с фактом разгрома Соловецкого монастыря: «Тако бо и наш московский царь Алексей Михайлович, прельщенный от Никона-еретика и отступника, при смерти своей позна неправду свою, и законопреступление свое, и отпадение от правыя веры отеческия, и вопияше великим гласом, моляся новым преподобномучеником соловецким: „О господие мои, послушайте мя и ослабите мя поне мало, да покаюся!“. Предстоящи же ту и седящии вопросиша его, глаголюще со ужасом: „Кому ты, царь-государь, молишия прилежно и умильно?“ Он же сказа им, яко „приходят ко мне старцы Соловецкаго монастыря, и растирают вся кости моя и составы тела моего пилами намелко, и не быти мне живу от них. Пошлите гонца скоро и велите войску отступить от монастыря их.“ Боляре же послаша гонца скорога, по повелению цареву. Но в то время самыя болезни его взят бысть монастырь и разорен, и братия вся, иноцы и белцы, побиени быша, и разными муками и необычными замучены, и Никонор преподобный, архимандрит и многолетний старец, иже и отец бе ему, царю Алексею, и той замучен ту разными муками во едином часе от стрелецкаго головы Ивана Мещерскаго (*так!*), сатанина угодника.

И гонца он послал своего к царю на радости, чая себе великия почести, еже взял монастырь и пригубил всех живущих в нем. Гонцы же оба на пути сретостася и сказаста друг другу, чего ради послана, и без пользы возвратишася каждо во своя.

Царь же потом скоро скончася недобре. И по смерти его той же час гной злосмрадный изыде из него всеми телесными чувствами, и затыкающе хлопчатую бумагою, и едва возмогоша погребсти его в землю».²⁴

Сходство «Послания» Федора с «Возвещением» не только в фактических деталях (предсмертный ужас царя и мучения, встреча гонцов на пути, «хлопчатая бумага» и др.) и в общей тональности, но и в последовательности развития отдельных фрагментов. И вместе с тем легко увидеть различие текстов: повествование дьякона Федора уменьшает количество натуралистических деталей, стремится к более обобщенному типу изложения (см., например, в «Возвещении»: «. . . тот же час из него и пошло:

Феодор — соавтор протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 262—265; однако несомненно и то, что данные в челобитной характеристики в равной степени соответствуют убеждениям обоих авторов.

²⁴ Этот рассказ дьякона Федора вошел в его «Послание сыну Максиму» (датируется временем после 1676 г.); см.: Материалы для истории раскола. . . , т. VI. М., 1881, с. 219—220 (далее с. в тексте). Существует и специальная выборка из послания Федора — «Сказание о нечестивых царех иконоборцах, како исторгжены быша душа их, и телеса истлевша нужною смертию зело страшно», в которую также включен этот рассказ (Материалы для истории раскола. . . , т. VI, с. 313—314).

и ртом, и носом, и ушми всякая смрадная скверна. . .» (л. 1 об.); в «Послании» Федора: «. . . и по смерти его, той же час, гной злосмрадный изыде из него всеми телесными чувствами. . .» (с. 220).

Использование сведений «Возвещения» продолжается в «Послании» Федора и дальше: «И потом прием державу царствия его царевич Феодор Алексеевич, и по наказанию отца своего, повеле в Соловецкой обители, Пантократорове, службе церковней по старым книгам быти, за них же пострадала до смерти архимандрит, и старцы, и вси трудницы Христовы, и прочая вся держати по чину и по уставу святых чудотворцов новопосланному архимандриту. Патриарх же Яким, отступник отеческаго благочестия и паршивый пастырь, не восхоте тому быти, и приказал по-новому вся творити, стыда ради своего, понеже на соборини том лучший сват бысть, всякия от царя ответы и лести, и страхи и ласки, и прещения, и моления, и обличения на новыя блюда относил» (с. 220—221). Ср. фрагмент в конце «Возвещения»: «А в Соловецкой монастырь послали, поставя архимарита и келаря, смиренным, сказывают, их нравом, нуждою посланы. А приказывал изо уст царь им: „Так, де, делайте все, каков чин там чудотворцы положили, и не прелагайте предел их.“ А Яким приказал, кои остались там живы — в веру свою приводить, а кои не покажутся — так к Москве присылать их. Поехали с великою печалию» (л. 8 об.).

При сопоставлении текстов опять отчетливо выступают непосредственность сообщения источника — «Возвещения» — и стилистическая обработанность этих известий в «Послании» Федора (в «Послании» возникают дополнительные характеристики патриарха Иоакима, разъясняющие его поведение, происходит замена прямой речи царя пересказом ее, утрата конкретных деталей приказа патриарха Иоакима и др.).

Это же описание «недоброй» смерти царя было использовано в публицистических целях и протопопом Аввакумом. В послании единомышленникам «Совет святым отцам преподобным» Аввакум писал: «Никониане, а никониане! Видите, видите, клокчуща и стоюща свое(го). . .²⁵ Расслаблен бысть прежде смерти, и прежде суда того осужден, и прежде бесконечных мук мучим. От отчаяния стужаем, зовый и глаголя, ослаблен при кончине: „Господие мои, отцы соловецкие старцы, отродите ми, да покаюся воровства своего, яко беззаконно содеял, отвергся христианския веры. . . и вашу Соловецкую обитель под меч подклонил, до пяти сот братии и больши: иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил, и боярнь живых, засадя, уморил в пятисаженных ямах. А иных пережег, и перевешал, исповедников Христовых, бесчисленно много. Господие мои, отградите ми поне мало!“ А изо рта, и из носа, и из ушей нежид течет, быто из зарезанные коровы. И бумаги хлопчатые не могли напастися, затыкая ноздри и горло. Ну-су, никониане, вы самовидцы над ним были, глядели, как наказание божие было за разрушение старыя христианския святыя нашея веры. Кричит, умирая: „Пощадите! Поощадите!“ А вы его спрашивали: „Кому ты . . . молился?“ И он вам сказывал: „Соловецкие старцы пилами трут мя и всяким оружием! Ведите войску отступить от монастыря их!“ А в те дни уже посечены быша».²⁶

При сопоставлении столь близких фрагментов текста легко ощутимы особенности стиля Аввакума: непосредственное обращение к врагам — «никонианам», ломающее эпическую тональность повествования источника, ритмическая организация части фраз — авторских поясне-

²⁵ В рукописи далее оставлено место для двух слов, по-видимому, «царя Алексея».

²⁶ Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. М., 1960, с. 254—255 (далее с. в тексте). Издатель указывает, что пропуск текста во фразе «Кому ты . . . молился?», вероятно, обозначал слово «царь».

ний, напоминающая о ритмике пророческих текстов в Библии («Расслаблен бысть прежде смерти, и прежде суда того осужден, и прежде бесконечных мук мучим»), воссоздание покаянной речи царя Алексея в духе оценки его деятельности слушателями-читателями Аввакума («. . . да покаюся воровства своего, яко беззаконно содеал, отвергся христианския веры. . .») — полное признание своей вины и еретичества.

Несомненно, что, описывая смерть царя Алексея, Аввакум обращался непосредственно к «Возвещению», так как его описание сохраняет многие детали источника, утраченные в обобщенном повествовании дьякона Федора: «А изо рта, и из носа, и из ушей нежд течет» — эта деталь имеется у Аввакума и в «Возвещении» (у дьякона Федора: «гной злосмрадный изыде из него всеми телесными чувства. . .»).

В послании Аввакума, как и в «Возвещении», сохраняется указание на количество погибших соловецких монахов:

Возвещение

...монастырь взяли и всех под меч подклонили.²⁷ Человек за пять сот порубили. . . (л. 2 об.).

Совет святым отцам преподобным

...и вашу соловецкую обитель под меч подклонил, до пяти сот братии и болши (с. 255).

В «Послании» Федора эта цифра отсутствует.²⁸

Есть и другие следы «Возвещения» в этом послании Аввакума. Так, перечисляя явные признаки «последнего времени» и проявляющегося «гнева божия», Аввакум обвиняет «никониан» в «нечувствительности», в непонимании этих грозных знамений — предвестий конца и среди прочих фактов непонятливости, духовной «дебелости» «никониан» вспоминает о явлении им Богородицы и святых жен: «. . . пречистая богородица явлением своим не уцеломудри, святые жены явишася и в разум не приведоша их» (с. 255—256). Этот намек становится ясным только из текста «Возвещения»: речь здесь идет о «явлениях» Богородицы и боровских узниц молодому царю Федору, подробно описанных в «Возвещении».

Наконец, третий фрагмент из послания Аввакума «Совет святым отцам преподобным» оказывается понятным также только из текста «Возвещения». В послании Аввакум изображал раскаяние царя Алексея, «отвергшегося христианския веры», и среди прочих его грехов указывал и на следующий: «играя, Христа распинал, и панью — богородицею сделал, и детину голоуса — Богословом» (с. 255). В издании 1960 г. текст остался без должного объяснения в комментарии и был не понятен.²⁹ Вновь найденный текст «Возвещения» содержит большой фрагмент, где осуждаются театральные увлечения царя Алексея, его «игры», когда «во образ Христов да мужика ко кресту будто пригвождать, и главу тернием венчать, и пузырь подделав с кровию под пазуху, будто в ребра

²⁷ Отметим здесь, что список Сд дает разночтение: под меч «скълонили». Совпадение чтения в Ак и послании Аввакума означает первоначальность чтения в Ак и вторичность в Сд.

²⁸ В Челобитной Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу, написанной 5 октября 1676 г., названо то же количество погибших соловецких монахов: «. . . мучение же святых страстотерпец, новых исповедников соловецких. . . количества же их 300 и множае, инии же глаголют пять сот». По-видимому, Игнатий к осени 1676 г. имел сходную с полученной Аввакумом информацию. (Н. Ю. Бубнов. Неизвестная Челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972, с. 104, 111).

²⁹ См. комментарий Н. С. Сарафановой-Демковой к посланию в кн.: Житие протопопа Аввакума. . . , с. 434.

прободать. И вместо лица богородицы — панье-женке простерше власы, рыдать, и вместо Иоанна Богослова — голоуово детину сыном нарицать. . .» (л. 2). Очевидно, что и в этом случае «Возвешение» выступает непосредственным источником послания Аввакума «Совет святым отцам преподобным».

Отметим попутно, что эти сведения о постановке пьесы на тему «Страстей Христовых», разыгранной артистами, возможно приезжей польской труппы или по польскому образцу при дворе царя Алексея Михайловича (ср.: богородица — «панья-женка»), являются совершенно новыми для историков начала русского театра.

Следы чтения Аввакумом «Возвешения» обнаруживаются также в некоторых деталях повествования о патриархе Никоне в одном из последних сочинений Аввакума — «Беседе о кресте к неподобным» (конец 1681—начало 1682 г.), сохранившейся в единственном списке среди материалов черногого архива Аввакума в Пряхинниковском сборнике. О еретичестве Никона Аввакум писал: «Душа его в теле его толчется, яко во гробе, не веригами связан железными, но узами нерешимыми. Ему же подобни и товарищи его, адовы псы, чародеи и волхвы. . .».³⁰

Вериги Никона воспринимаются в этом фрагменте на фоне отвлеченной христианской символики: тело — гроб, душа как бы связана плотскими потребностями и т. д. Однако оказывается, что в основе этого метафорического описания лежат известия о реальных веригах Никона, надетых им, по сообщению «Возвешения», в Ферапонтовом монастыре: «Да сам себя оковал железы тяжкими по рукам и ногам, и обручи железныя наложил поперег утробы, и замкнул, и заклепал себя так, и ключи велел кинуть в воду. Да сам, яко древле сатана, волхвует» (л. 3 об.).³¹ Информация о жизни патриарха Никона в заключении, полученная Аввакумом в Пустозерске, нашла отражение еще в одном тексте — в написанном тогда же «Послании к отцу Ионе»: «А он, Никитка, колдун учинился. . . А ныне, яко кинопс, волхвуя, ужжо пропадет скоро».³²

Из приведенных материалов видно, что текст «Возвешения» необычайно интенсивно использовался в Пустозерске в 1676—1681 гг., и особенно много параллелей мы можем указать в сочинениях Аввакума.

«Возвешение» — необычный по литературной форме текст, сложный для источниковедческого анализа. Это не обычное послание в Пустозерск с новостями, подобное тем письмам единомышленников Аввакума, которые публиковали Я. Л. Барсков, А. К. Бороздин, П. С. Смирнов. В «Возвешении» отсутствуют начальные и конечные формулы, свойственные эпистолярному жанру; заглавие текста, по-видимому, не авторское (другой переписчик — в списке Сд — дал тексту иное заглавие: «Вопрошение»). Сам составитель текста называет его «беседою духовною»: «Батюшко-государь, сядем-ко мы с тобою, побеседуем беседою духовною, аки лицом к лицу. Я к тебе возвещу, а ты от меня не скрой» (л. 1). Из этого приглашения к «духовной беседе» явствует, что составитель предполагал диалог — одновременное существование в пределах одной рукописи двух частей текста: собственно «возвешения» и ответа адресата на него. Таким образом, не исключено, что хотя в основе «Возвешения» лежит подлинное послание москвича в Пустозерск, самый текст «Возвешения», дошед-

³⁰ См.: Н. С. Демкова. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, с. 228.

³¹ Над склепом патриарха Никона в Воскресенском монастыре была сделана тumba, украшенная медными веригами весом в 15 фунтов, которые Никон во всю свою жизнь носил на себе» (Аполлос, архим. Начертание жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1845, с. 91).

³² РИБ, т. XXXIX, стб. 804.

ший до нас, представляет уже публицистическую обработку этого изначального послания с включением текста ответа протопопа Аввакума. Не исключена также возможность, что именно Аввакум обработал первоначальный текст московского послания, решив сделать из частного послания публицистический текст, политическую инвективу, снабдив его необходимыми комментариями (в «Возвещении» существует ряд весьма близких к текстам Аввакума выражений и параллелей). Однако эта возможность редакторской и творческой работы Аввакума должна быть рассмотрена отдельно и специально. Цель нашей заметки, предвещающей публикацию, — необходимый комментарий ко вновь найденному тексту для скорейшего введения его в научный оборот.

Ответ начинается обращением к «чаду», в котором автор благодарит за посланные московские новости и обещает дать объяснение тайного, сокровенного смысла происшедших событий, соотнеся факты русской жизни с Апокалипсисом Иоанна Богослова: «Бог за труды твоя воздаст ти, чадо, яко потрудился еси описати кончину губителя царя Алексея и возвестил ми еси от дольних. Гряди, да покажу ти от горних, еже виде и слыша Иоан Богослов. . .» (л. 8 об.).

Однако это обещание выполняется не сразу: в начале ответа находится небольшой фрагмент об аллилуйе («Святых предание вечно: Василия Великаго, Григория Нисскаго»), далее следует обличение никониян, «овладевших» душами людей, «яко кабальными», и одновременно — обличение духовной «слепоты» «простолюдинов», доверяющих авторитету высокого сана церковников («Прозри, дурачицо, болишь слепотою»). Только в следующей — третьей — части ответа Аввакум комментирует Апокалипсис («Вонмем Апоколепсис, глава 13. . .») и истолковывает его применительно к фактам русской истории.

Таким образом, текст ответа производит впечатление фрагментов: не всегда ясна логика соединения частей, каждая из которых в то же время композиционно завершена.

Композиционная законченность и некоторая стилистическая обособленность текста третьей части — толкования на Апокалипсис — совпадают с ее палеографической обособленностью в рукописи Ак: эта часть текста (л. 10 об.—12) целиком написана другим почерком.³³ Чувствуя, по-видимому, необходимость устранить сомнение в том, что этот фрагмент является неотъемлемым продолжением ответа, новый переписчик поместил в начале фрагмента соответственную помету (киноварью): «Начало сей повести: Бог заплатит за труды, т. е. соотнес текст палеографически обособленной третьей части ответа «сей повести» с его началом: «Бог за труды твоя воздаст ти, чадо. . .», подтвердив тем самым, что в протографе списка, который он копировал, все три части текста составляли единое целое.³⁴

Сразу же отметим, что все три части (фрагмента) ответного послания находят соответствия в других сочинениях Аввакума и уже в основном известны. Фрагмент об аллилуйе (в значительно более полном объеме) встречается в различных вариантах вступления к «Житию»;³⁵ вторая часть («А ты, никониян, отщипался от святых отец. . .») в отредактирован-

³³ Текст «Возвещения» занимает в рукописи л. 1—8 об., написанные мелким полууставом. На л. 8 об.—13 находится ответ на «Возвещение», принадлежащий Аввакуму. До л. 10 этот ответ, не имеющий в рукописи особого заголовка, написан тем же почерком, что и «Возвещение», и заканчивается словом «аминь». С л. 10 об. почерк меняется на крупный полуустав.

³⁴ Напомним также, что толкование «от горних» в свете «Откровения» Иоанна Богослова было обещано автором ответа в самом начале послания.

³⁵ См.: РИБ, т. XXXIX, стб. 5 и др.

ном виде читается в составе «Послания к неизвестным», опубликованного А. К. Бороздиным (список XIX в.),³⁶ третья часть — толкование на XIII главу Апокалипсиса — с очень небольшими изменениями входит в тот вариант «Послания к некоему Иоанну», изданный Н. И. Субботиным³⁷ (список XVIII—XIX вв.), который является компиляцией из сокращенного текста «Послания к некоему Иоанну» дьякона Федора и фрагмента из неизвестного, по характеристике П. С. Смирнова, сочинения Аввакума.³⁸

Издатели и исследователи этого памятника (Н. И. Субботин, А. К. Бороздин, П. С. Смирнов) уже отмечали очевидную текстологическую зависимость между «Посланием к некоему Иоанну» дьякона Федора и «Посланием к Иоанну», приписываемым Аввакуму, и считали последнее «Аввакумовой редакцией» первого из названных сочинений. Дело, однако, обстоит значительно сложнее, и соотношение названных текстов представляется нам несколько иным.

Во второй трети (летом) 1669 г. дьяконом Федором Ивановым в Пустозерске было написано «Послание», адресованное «тезоименитому Иоанну, присному чаду восточныя церкви» — старшему сыну Аввакума, заключенному в земляной тюрьме на Мезени. В Послании обсуждался важнейший для старообрядчества вопрос об истинном священстве и о «последнем отступлении» от веры, которое совершилось на Руси. Послание Федора к Иоанну носило характер коллективной «епистолии», посланной на Русь от имени всех четырех пустозерских «страдальцев»,³⁹ кроме того, оно было скреплено в оригинале (это сохранили копии) одобрительными подписями Аввакума и московского инок Авраамия, получившего «епистолию» тогда же, в конце 1669 г.

Помимо ответов пустозерцев на вопросы «о попех» сочинение Федора содержало толкование на XIII главу Апокалипсиса (видимо, это обращение к «Откровению» Иоанна Богослова и послужило основанием для именования Ивана Аввакумовича «тезоименитым Иоанном»). В центре толкования Федора — рассуждение «о рогах антихриста», с помощью которых будет происходить на Руси «последнее отступление» от веры: «И то от часа сего на горшее происходит будет цари нечестивыми: то суть рози антихристовы. . . Два рога от земли исходяща виде Богослов: един от тех есть, второй же по нем будет пособитель же злу».⁴⁰

Следует отметить, что толкование этой главы Апокалипсиса Аввакумом заметно отличается от толкования, предложенного дьяконом Федором. Под «рогом», который уже «есть», дьякон Федор подразумевал царя Алексея; в письме семье Аввакума на Мезень 1 сентября 1669 г. Федор неоднократно называл его «рогом злым» и «антихристовым» и пересказывал слова пустытника Михаила Суздальца, будто бы сказанные при воцарении Алексея еще в 1645 г.: «. . . несть царь, братие, но рожок анти-

³⁶ А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1900, Приложение, с. 33—34. Текст, изданный А. К. Бороздиным, тщательно отредактирован переписчиком в духе осторожной, но целенаправленной правки стиля Аввакума (устранено опасное упоминание имени царя, исключены вульгаризмы, уточнены имена «Павла да Лариона» — «Павел Крутицкий» и «Иларион Резанский» и т. д.). Таким образом, вновь найденный список этого фрагмента восстанавливает подлинный текст Аввакума.

³⁷ Материалы для истории раскола. . . , т. V. М., 1875, с. 224—230.

³⁸ См. об этом: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе старообрядчества. СПб., 1898, с. LIXIV, примеч. 94.

³⁹ Коллективный характер послания подчеркнут и в его названии: «Список с епистолии великих отцов и страдальцев за истинную соборную и апостольскую церковь ис Пустозерской темницы» (такое название сочинения есть в ряде его списков, в том числе и в списке из сборника Ак).

⁴⁰ Материалы для истории раскола. . . , т. VI, с. 66.

христов». ⁴¹ Персонафикации «второго рога» в письме Федора нет, но из текста ясно, что это также царь, «пособитель злу», который будет после царя Алексея. Здесь же, в письме семье Аввакума, Федор упоминал о своем послании Иоанну «о попех», уже отправленном ранее на Мезень (т. е. до 1 сентября 1669 г.).

В ответе Аввакума на «Возвещение» (1676 г.) истолкование двух «рогов антихриста» иное: «Два же рога у зверя — две власти знаменует: один победитель, а другой — пособитель; Никита, по Алфавиту, или Никон, а другой пособитель — Алексей» (л. 12—12 об.). Заметим, что в этом тексте царю Алексею отведена только роль «пособителя», тогда как в толковании дьякона Федора он был представлен основным носителем зла. В то же время такое толкование снимает с нового царя Федора Алексеевича клеймо «второго антихристового рога». Как неизвестный нам московский информатор Аввакума, так и сам протопоп надеются на изменение церковной политики московского правительства при новом царе: «Да после ево (Алексея, — Н. Б., Н. Д.) державы дал нам бог царя, сына ево Феодора, млада суца верстою, да, слышать отчасти, смыслом стара. . . Всяко бы, аще бог изволил, чаять, не посящик бы он был на веру-ту. Авось молитв ради ваших, батюшко, и побаратель по истинне будет» (л. 2—2 об.). То же отношение к новому царю мы видим в письме Аввакума «К отцам святым и преподобным маткам», в котором он призывает «верных»: «. . . молитесь о царе Феодоре и иже с ним», ⁴² а также в первом послании того же автора к Исидору: «А о царе Феодоре за что не молитесь бога? Доброй он человек, спаси его господи. . .». ⁴³

Новое истолкование Аввакумом апокалиптических «двух рогов антихриста» как патриарха Никона и царя Алексея было принято частью старообрядцев. Свидетельством этого является создание нового компилятивного варианта «Послания к некоему Иоанну», которое в списках имеет название: «Выписано из епистолии великих отцов и страдальцев за истинную соборную и апостольскую церковь из Пустозерския темницы⁴⁴». Сочинение это сохранило обращение к «тезоименитому Иоанну», но оно представляет собой только извлечения из первой части «Послания» дьякона Федора, трактующие о попах. В конце же «епистолии» толкование XIII главы Апокалипсиса, данное некогда Федором, заменено толкованием Аввакума — тем самым, которое содержится в его ответе на «Возвещение».

Текст «Возвещения» и ответ Аввакума издаются по списку БАН, 45.6.7 с разночтениями к тексту «Возвещения» по списку ИРЛИ, Северодвинское собр., № 65; причем *ж* выносное вносится в строку как *же*, в разночтениях перестановки слов и орфографические варианты не отмечаются; отсылки к Библии отмечены звездочками.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

л. 1 // Возвещение ^{1,1} от сына духовнаго ко отцу духовному.

Батюшко-государь, сядем-ко² мы с тобою, побеседуем беседою духовною, аки лицом к лицу. Я к³ тебе возвещу, а ты от меня не скрой. Тайну цареву добро есть хранить, а дела божия проповедати ⁴преславно есть ⁵.

⁴¹ Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, с. 66—67.

⁴² РИБ, т. XXXIX, стб. 259.

⁴³ Там же, стб. 939.

⁴⁴ Материалы для истории раскола. . . , т. V, с. 224.

^{1,1} Вопрошение. ² сядем. ³ Нет. ⁴⁻⁵ Нет.

Царя у нас Алексея в животе не стало февраля в ⁶29^а день числа, в ноци 4-го часа, на тридесятое число в субботу против воскресения⁷. А по Триоди тот день Страшнаго суда. А скорбь-та⁸ ево взяла того же [фев]раля⁶ назад⁹ в 23-м числе. А ка[к] в болезни той был, так¹⁰ говорил: ¹¹«Трепещет, де¹², и ужасается душа моя сего часа, что по Триоди судной день именуется». И спешили ¹³всяко со тцаннем, как бы чем хоть¹⁴ мало помощь¹⁵ сотворить: лекарствами и¹⁶ волшебными хитростями, и ¹⁷ничто же¹⁸ успели. ¹⁹Так уже²⁰ схвата//лись²¹ за ризу господню, однако²² смертнаго часа не отстояли. Да как преставился, тот²³ же час²⁴ из него и²⁵ пошло²⁶: и ртом, и носом, и ушми всякая смрадная скверна, не могли хлопчатой бумаги напасти, затыкая. Да ²⁷тот же час²⁸ и погребению предали, скоро²⁹-скоро, в³⁰ воскресение то поутру³¹, с обеднею вместе.

А до болезни той, ³²как схватало³³ его, тешился всяко, различными утешении и³⁴ играми. Поделаны были такие игры, что во ум человеку не-вместно; от создания света и до потопа³⁵, и по потоке [д]о Христа, и по Христе житии³⁶ что³⁷ [т]во[р]илось³⁸ чудотворение ³⁹его, или [зна]ме-ние⁴⁰ кое, — и то все против писма в ыграх было учинено: и⁴¹ распятие Христово, и погребение, и во ад сошествие, ⁴²и воскресение⁴³, и на небеса вознесение. И⁴⁴ таким играм иноверцы удивляясь⁴⁵, говорят: «Есть, де, в наших странах такие игры, камидиями⁴⁶ их зовут, толко не во мно-гих верах⁴⁷». ⁴⁸Иные, де⁴⁹, у нас боятся // и слышати сего, что во образ ⁴ Христов будо мужика ко кресту будо⁵⁰ пригвождать, и главу тернием венчать, и пузырь подделав⁵¹ с кровию под пазуху, будто в ребра про-бодать⁵². ⁵³И вместо лица богородицы — панье-женке простерши власы, рыдать, и вместо Иоанна Богослова — голоусово детину сыном⁵ нари-цать и ему ее предавать⁵⁴. Избави, де⁵⁵, боже и слышати сего, что у вас⁵⁶ в Руси затияли, таково красно, что всех иноземцов всем перепахали. Первое — платьем да ухищрением, чинами, потом уже и верою-тою всех земель иноверцов перехвастали. Да топерь уже то все улеглось, еще не до игрушек. Воспомяна прежне веселие, слезами обливаются⁵⁷ все⁵⁸.

Да после ево державы дал нам бог царя, сына ево Феодора, млада суща верстою, да, слышат⁵⁹ отчасти, смыслом стара. Как то бог управит живот⁶⁰ и царство! Да⁶¹ ногами скорбен зело: от⁶² степеней-тех вверх⁶³ пухнет, уже мало // и ходит, все в креслах сидит; так и носят, куды из-волит. ⁶⁴Всяко бы, аще бог изволил⁶⁵, чаять⁶⁶, не посяхщик⁶⁷ бы он был на веру-гу. Авось⁶⁸ молитв ради ваших, батюшко, и побаратель⁶⁹ по истинне будет. Да молодой человек, мало деют⁷⁰ по ево хотению; приказ ево править⁷¹ князь ⁷²Юрью Долгорукому⁷³, да мало от него, ⁷⁴слышать, добра⁷⁵. А се⁷⁶ патриарха еще слушают. А⁷⁷ Яким⁷⁸-от, знаеш ты, коих мер лаготь⁷⁹. ⁸⁰И Феодору-то с се[с]трами — хто што: не он своим приговором учинил.

^a В буквенном обозначении числа 29 цифра К (20) подтерта. ⁶ Дефект рукописи здесь и далее восстанавливается в квадратных скобках по списку Сд или по смыслу; квадратные скобки в различиях также обозначают дефект рукописи. ^b Испр.; в ркп. сыном.

⁶⁻⁷ последнем числе 29 против воскресения. ⁸ скорбь. ⁹ Нет. ¹⁰ Нет. ¹¹⁻¹² Трепещет. ¹³⁻¹⁴ тем как бы. ¹⁵ помощи. ¹⁶ Нет. ¹⁷⁻¹⁸ ничем. ¹⁹⁻²⁰ Тако же. ²¹ хваталис. ²² однако же. ²³ того. ²⁴ часа. ²⁵ Нет. ²⁶ пошла. ²⁷⁻²⁸ то[го] часа. ²⁹ зело. ³⁰ В ркп. нет; испр. по Сд. ³¹ поутру рано. ³²⁻³³ Нет. ³⁴ Нет. ³⁵ потока. ³⁶ доньне. ³⁷ что ныне. ³⁸ утворилося; у бледно, почти стерт, л написано вместо т; возможно, первоначально было: творится. ³⁹⁻⁴⁰ Нет. ⁴¹ Нет. ⁴²⁻⁴³ Нет. ⁴⁴ Нет. ⁴⁵ дивятся. ⁴⁶ кандиями. ⁴⁷ местех и верах. ⁴⁸⁻⁴⁹ А иньде. ⁵⁰ бытто. ⁵¹ подделан. ⁵² прободает. ⁵³⁻⁵⁴ Нет. ⁵⁵ Нет. ⁵⁶ нас. ⁵⁷ обливается. ⁵⁸ Нет. ⁵⁹ слышит. ⁶⁰ жи- вот его. ⁶¹ Нет. ⁶² у. ⁶³ верх. ⁶⁴⁻⁶⁵ Нет. ⁶⁶ чаю. ⁶⁷ Испр. по Сд; в ркп. посящик. ⁶⁸ А. ⁶⁹ помогатель. ⁷⁰ Испр. по Сд; в ркп. дают. ⁷¹ правит. ⁷²⁻⁷³ Юрье Долгорукой. ⁷⁴⁻⁷⁵ добра слышат. ⁷⁶ все. ⁷⁷ Нет. ⁷⁸ Аким. ⁷⁹ лакоть. ⁸⁰⁻⁸¹ Нет.

И паки на первую беседу обратимся⁸¹. После⁸² умертвия тово царева вскоре приезжал⁸³ гонец от Соловков с победою, лист привез к царскому лицу: «Счастлием⁸⁴, де, твоим пособил бог: монастырь взяли и всех под меч подклонили⁸⁵. Человек за пять сот порубили, а десятков с шесть повесили, все⁸⁶ иноков. А⁸⁷ живых держат человек с⁸⁸ тритцать, мученых и пытаных. А взяли, де, монастырь февраля в ⁸⁹23-м числе»⁹⁰.

л. 3 // ⁹¹Бедные, бедные! Выслуги много⁹², а пожаловать некому! От ково чаяли противу трудов воздаяния, ано и самово ⁹³земля прибрала⁹⁴. Да на⁹⁵ ково пенять? Сами же к болной голове да прибавили чаду. Так, земля — и⁹⁶ в землю! ⁹⁷Да немного⁹⁸ не на всю семью. ⁹⁹Чюдо лише¹⁰⁰, сколь ловко учинилось!^{11, 1} Как бы не Соловки-те, не ²чаять бы и смерти ему, сколь бы ни пригубил людей-тех божиих по одиначке-той³. А то сия артель крепко стали⁴ против ево, и по смерти своей немного дали дышать⁵. А там уже бог знает, все⁶ на одной доске, ⁷пытай лишь⁸ отчитатися.

л. 3 об. ⁹Да что¹⁰, батюшко, не мы веть! Не чаяли оне¹¹ смерти той, сами ему у себя в книгах своих напечатали ево безсмертным. Есть у них новая книга, «Саблия никониянская», оне¹² нарицают ея¹³ «Мечь духовный», а слогу она¹⁴ епископа черниговского Барановича¹⁵. И¹⁶ в Предисловии книги пишет¹⁷ в лицах царя тово¹⁸, и царицу, // и чад всех ухищренно, в лицах. Тут же¹⁹ похвалу ему, бедной, приплел²⁰, сице: «Ты, царю державный, царствуши зде, донеле же круг солнца, а онамо имаши царствовати без конца».

Слыши, государь, не мы затеваем, ²¹сами о себе²² лжепророчествуют. Полно, по их не станется²³, а на нас не кручинься, мы с тобою согласно говорим. И Никон-от-враг исчезнет ²⁴со своими затейками!²⁵

л. 4 А ныне²⁶ он, батюшко-государь, враг-от Никон, будто диявол в бездне скован и заключен от Христовой смерти и воскресения на тысящу лет во аде, волхвовал сидя. А он после²⁷ царской смерти в монастыре-том посажен за ²⁸крепкой караул²⁹: ни к нему, ни от него³⁰. ³¹Да сам³² себя оковал³³ железы тяжкими по рукам и ногам³⁴, и обручи железныя наложил поперег утробы, и замкнул, и заклепал себя так, и ключи велел кинуть в воду³⁵. Да сам, ³⁶яко древле сатана³⁷, волхвует, сидя, чары волшебными целит, // сказывают, болящия³⁸ и недужныя³⁹, паче же всего прилежит — лечит⁴⁰ жен и девиц: разболокает⁴¹ пред собою донага и мастьми помазует⁴² сам⁴³ от главы и до ног. Да он же ⁴⁴им и мзду дает женкам — по полтине, а девкам — по рублю, а мужскому полу — по гривне. И⁴⁵ прорицает настоящая и будущая, и тем всех ко удивлению приводит их. Писал о нем в Верх⁴⁶ приставник-от царев подробну, все ево не исписать.

Было седение у бояр и приговорили было ево в Кирилов монастырь, в земляную тюрьму^Г заклепать. Да Яким, подобяся милостивому богу,

^Г На поле тем же почерком пояснение: полатку.

⁸² А после. ⁸³ прислан. ⁸⁴ Испр. по Сд; в ркп. счастье. ⁸⁵ скълонили. ⁸⁶ двое (может быть, в оригинале было: да все?). ⁸⁷ И. ⁸⁸ Нет. ⁸⁹⁻⁹⁰ 23 день. ⁹¹⁻⁹² Бедные, бедные вы слуги! Много служили. ⁹³⁻⁹⁴ зем[ле] прѣдали. ⁹⁵ не на. ⁹⁶ Нет. ⁹⁷⁻⁹⁸ Мало. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ и домищу.
 II, 1 вчинилось. ²⁻³ чаели бы смерти ему скоро быть, не пригубили б людей тех божиих, а по одиначки. ⁴ Нет. ⁵ здыхать. ⁶ тамо все. ⁷⁻⁸ пытаются. ⁹⁻¹⁰ дне то. ¹¹ о нем. ¹² и они. ¹³ Нет. ¹⁴ оне. ¹⁵ Лазаря Баравича. ¹⁶ Нет. ¹⁷ написано. ¹⁸ гова. ¹⁹ Нет. ²⁰ привел. ²¹⁻²² затеваем себе, они. ²³ ставается. ²⁴⁻²⁵ з задейками. ²⁶ и ныне. ²⁷ по. ²⁸⁻²⁹ крепким караулом. ³⁰ него нет выходу. ³¹⁻³² Давал. ³³ оковать. ³⁴ по ногам. ³⁵ реку. ³⁶⁻³⁷ Нет. ³⁸ болящих. ³⁹ недужных. ⁴⁰ лечить. ⁴¹ разболокает их. ⁴² мажет. ⁴³ Нет. ⁴⁴⁻⁴⁵ Нет. ⁴⁶ верхней.

милость⁴⁷ к нему, заключенному, покажет⁴⁸, отговорил так над ним чинить: «Много, де⁴⁹, ему и тех скорбей; лутче, де⁵⁰, розыщите⁵¹ о нем подлинно, как бы без правды не осудить».

Хорошой⁵² и разсудной⁵³ человек, батюшко, Яким-от, ⁵⁴умом телят гоняет⁵⁵. Да приговорил послать думново дворянина от лица царева о всем⁵⁶ разыскать подлинно, и что он говорит⁵⁷. Так // с тем приговором ^{л. 4 об.} и послан⁵⁸ к нему недавно, ⁵⁹вестей еще не бывало оттуду⁶⁰.

Да еще с тобою, батюшко, поговорю. При державе умершаго царя Алексея, в прошлых летех, взят был из Смоленска образ пречистые богородицы чюдотворной древней Одигитрии и принесен в Верх, и тамо был время немало. А здесь⁶¹ с нее⁶² списан список слово в слово, в⁶³ ⁶⁴Новодевичье монастыре⁶⁵ уставлен⁶⁶ тут. Да после тово тот список взяли повелением царевым иконописцы и переписали у превечнаго младенца руку благословенную⁶⁷ по Малакову преданию, раскорякою. Да и паки отнесли туды⁶⁸ же. Потом послали и⁶⁹ чюдотворной образ паки в Смоленск, так же учиня, руку переписав по Малакову преданию, развращенно⁷⁰, и мизинец отставя. И поставлен там⁷¹ в той же церкви, где преже⁷² был. И как в животе царя не стало, в то же время и в тот⁷³ час, в Смоленске-том в той церкви рвануло⁷⁴ так, что из силные пушки.

// ⁷⁵Во граде-том⁷⁶ в домех слышали, пошьли⁷⁷ скоро видети. Соб- ^{л. 5}рався мног народ к церкви в нощи; видят⁷⁸ тот⁷⁹ чюдотворной образ, аки во мгле стоящ⁸⁰ или в дыму, а древо-то вдоль-поперег⁸¹ благословенных руки розорвало, и отставлено-ет мизинец отсекло от руки прочь, и далеко стал от нея, да мрачен гораздо и незорок при руке-той стал. А преже-ет пригбенной к палцу мизинец — записаной — объявился с рукою в показание, яко⁸² и преже как был. Людие же видевше, прослезяся⁸³, прославиша бога, творящаго чюдеса дивна⁸⁴. И ⁸⁵о сем⁸⁶ нам ⁸⁷со умилением⁸⁸ поведаша, а в слухи, их лютости ради, умолчаша.

⁸⁹По сем же⁹⁰ молодой наш царь Феодор, по смерти отца своего, в нощи, лег на одре своем и засну сном тонким. Видит⁹¹ дверьми в полату ево идущу жену благообразну, багряны ризы носящу и посох в руке, а в другой⁹² — велику треплетенну⁹³ свещу носящу, и великим // пламенем ^{л. 5 об.} горящу. И прииде до одра его, и рече ему со властью: «Кто еси ты?» Он же безгласен, лежа, точию трепеща и ужасаяся⁹⁴. Окрест же предстоящи⁹⁵ ему, видя⁹⁶ ево трепещуща, недоумевахуся зело, а возбудити его не смеяху. И паки рече ему та же благообразная жена: «Ты ли то⁹⁷, де, цар-ет⁹⁸?» Он же рече ей с тихостию: «Кто еси ты, госпоже моя?» Она же отвеща: «Аз есмь мати царя небеснаго, приидох zde посетити и вопросити тя, ⁹⁹кто еси ты, повеждь ми¹⁰⁰?» Он же, недоумеваясь и ^{III, 1} рече: «Се аз есмь, его же ты нарицаеши, мати господня. Что велиши² твоему рабу?» Она же рече ему: «Ревнуй, ревнуй³ житию деда твоего⁴, и ⁵иди путем его, и узриши славу божию, и здравие получиши, и царство твое мирно и долготлетно будет. Аще же поревнуеши житию отца твоего и поидеши путем его, то ⁶в скорьбех⁷ истаяти имаши живот // свой. Да⁸ не точию от мене ^{л. 6}здравие получиши, но и огнем сим ⁹опален будеши¹⁰». И удари ¹¹по нем¹²

47 милостьвъ. 48 показал. 49 Нет. 50 Нет. 51 розыскать. 52 Хорош.
53 разумной. 54-55 умом та ево телят гоняет. 56 сем. 57 Нет. 58 послал.
59-60 и еще к нему оттуду вести не бывало. 61 Нет. 62 нее же. 63 и в.
64-65 Новодевичей монастырь. 66 оставлен. 67 благословящую. 68 тут.
69 по. 70 розкарякою. 71 там же. 72 и преж. 73 той. 74 ринуло.
75-76 Везде то и. 77 и пошли. 78 видеша. 80 стоит. 81 а поперек.
82 якоже. 83 прослезившеся. 84 дивная. 85-86 всем. 87-88 во удивление.
89-90 понеже. 91 И видит. 92 другой руке. 93 преплетену. 94 ужасаша.
95 предстоящим. 96 видяще. 97 Нет. 98 царь. 99-100 Нет.
III, 1 Нет. 2 велиши творити. 3 Нет. 4 своего. 5 Нет. 6-7 вскорее.
8 Нет. 9-10 от мене опалитися имаши. 11-12 огнем.

пламенем, иже от свечи горящей, ея она носяще, пламень же разлился¹³ по нем. Он же вострепета вельми и очютихся от видения, и не виде никого же, кроме предстоящих ему и служащих по обычаю царскому. И поведася им со ужасом в то время. Яким же услышав¹⁴, и засыпа прахом молчания, да никому же поведат бывшего¹⁵.

И паки потом мало дней мимошедши, той же царь Феодор видит сном тонким в ложницу его некую добродородну жену идущу и одеяние иноческое¹⁶ на себе носящи¹⁷, и по обе страны¹⁸ создаи ея¹⁹ две жены святолепныя грядущи, и на плещу свою разноцветно²⁰ одеяние носящи. И пришедши к нему, ²¹реша ему²²: «Царю младодержавный, здравствуеши ли?» Он же отвеща: «Сокрушен есмь болезнию». Они же реша: «Чим скорбиши²³?» И²⁴ отвеща им: «Ноги отягченны²⁵ имею». И паки реша: «Знаеши ли ны²⁶?» Он же отвеща: // «Ни, како же могу знати, аще не поведите²⁷ ми?» И глагола едина от них, первая: «Аз есмь Феодора, иже в мире бех²⁸ Феодосия Морозова, и преже смерти за пять лет приях сей аггельский образ еще в дому своем. А другая, иже со мною, сестра моя Евдокея, третья же Мария нарицается, иже без правды отец твой муча²⁹ и томя³⁰ нас, живых в землю погрузи, и преже смерти умори, и по смерти заключи телеса наша, да и сам ныне³¹ заключен до дни суднаго тако же. ³²Ты же³³ не ревнуй пути его, да не приидеши в место его и преже времени не погубиши живота своего. А буде хочещи здравие получитьи, возми телеса наша с честью в царствующий град³⁴ и повели по старопечатным книгам пение³⁵ в церквах божиих пети — и вскоре³⁶ исцеление³⁷ получиши. Аще же сего не сотвориши — узриши хотящая быти». И паки реша: ³⁸«Ну, мир ти, чадо». ³⁹И возвратишася, и отъидоша⁴⁰, им же путем //

л. 6 об.

л. 7

приидоша.

Царь же поведася патриарху, и моля⁴¹ его, да приложит ему таковой совет, еже⁴² взяти тела⁴³ их, ради исцеления своего. Патриарх же, помрачен сый неверием и необратне⁴⁴ и неисцелне недугуя, ⁴⁵рече ему⁴⁶: «Царю самодержавне, не достоит ти веры яти таковому сновидению, еже взяти телеса их и прменити предание вселенских патриарх и отец наших, и тем навести на себя клятву отца своего, и по смерти тем его и нас под зазором положити. Ни, царю, ниже помышляй о сем, ниже внимай таким⁴⁷ сновидением, веси убо о⁴⁸ них, како отвержени от соборных церкви и от отца твоего осуждены. А⁴⁹ ты тем их оправдаеши, а отца своего по смерти поругаеши. Престани убо от такова начинания. А ⁵⁰вере⁵¹, еже паки⁵² прменити, и не помышляй: не⁵³ я один, и⁵⁴ ни же ты, но собором так учинено⁵⁵, и руками закреплено⁵⁶, ⁵⁷и царскою печатью // запечатленно⁵⁸. Быть тому уже так». Да на том и остановил ево Яким-от, не⁵⁹ умилится⁶⁰ на скорбь-ту⁶¹ ево⁶², опсел⁶³ ево кругом, и он и положил на том, да стражет теперь ножками зело. А лекарства, де, приносить отказал и⁶⁴ не принимает⁶⁵: «Уш-то, де⁶⁶, бог судил так мне страдати».

Как тебе, батюшко, бог известит о сем? Попросите⁶⁷ у бога о исправлении веры⁶⁸, и о царстей души о обращении⁶⁹, и о⁷⁰ телесном его здра-

¹³ Так в ркп.

¹³ распалися. ¹⁴ сия услышаш. ¹⁵ бывшее. ¹⁶ Нет. ¹⁷ имуще.
¹⁸⁻¹⁹ Нет. ²⁰ равноцветно. ²¹⁻²² и реша. ²³ болиши. ²⁴ Нет. ²⁵ Испр.
по Сд; в ркп. отяченны. ²⁶ нас. ²⁷ поведаете. ²⁸ Нет. ²⁹ умучи. ³⁰ тогда.
³¹ Нет. ³²⁻³³ Так и ты. ³⁴ град Москву. ³⁵ В Сд испр. из пети. ³⁶ скоро.
³⁷ В Сд испр. из исцелееш. ³⁸⁻³⁹ И умрети. ⁴⁰ отъидоша от него. ⁴¹ моляща.
⁴² иже. ⁴³ те телеса. ⁴⁴ облазнен. ⁴⁵⁻⁴⁶ и рече. ⁴⁷ таковым. ⁴⁸ Нет;
испр. по Сд. ⁴⁹ И. ⁵⁰⁻⁵¹ веру. ⁵² Нет. ⁵³ ея не. ⁵⁴ Нет. ⁵⁵ учи-
нили. ⁵⁶ закрепили. ⁵⁷⁻⁵⁸ Нет. ⁵⁹ и не. ⁶⁰ умилится ту. ⁶¹ Нет.
⁶² ево смотря. ⁶³ опсер. ⁶⁴ Нет. ⁶⁵ приемлет. ⁶⁶ Нет. ⁶⁷ Попроси.
⁶⁸ веры, книг. ⁶⁹ обращения. ⁷⁰ Нет.

вии, и о всем полезном нам от бога. Аще же⁷¹ прекратится⁷² живот его, кто⁷³ весть, кроме бога и вас, рабов его? А мы мним, кроме конечного смятения нечему быть. Друго-ет царевич Иван⁷⁴ и разумен⁷⁵, да слеп, все ево водят; ⁷⁶глядит очми теми⁷⁷, а не видит⁷⁸ ⁷⁹ничего; сказывают⁸⁰, темная вода заслепила. ⁸¹Да как ни есть, однако не видит⁸².

А цар-ет⁸³ до °смер[ти]-тое^ж,⁸⁴ за день — за другой крепко тосковал, четверг-от⁸⁵ и пятницу-ту, да без зазору кричал сице: «О господие мои, помилуйте мя⁸⁶, умилитесь⁸⁷ ко мне, дайте мне // мало время, да ся покаюсь⁸⁸!» Предстоящие же ему вопрошают его со слезами: «Царь-государь, к⁸⁹ кому ты⁹⁰ сия глаголы⁹¹ вещаеш?» Он же рече им: «Приходит ко мне старцы соловецкие и пилами трут кости моя, и всяким оружием раздробляют составы моя. Прикажите⁹² свободить монастырь⁹ их». И⁹³ после того субботу⁹⁴ ту⁹⁵ уже не говорил ничего, лише тосковал, и пены⁹⁶ изо рта пушал. Да сидя в креслах и умер.

А до мучения тово, что ему было, видение видял страшно зело. Да одной царице сказал и заповедал никому не сказывать. И о том несть⁹⁷ слуху подлинно. А по ево приказу послали было⁹⁸ отступить велеть⁹⁹ от Соловков-тех. Да на дороге вестник стретил, что уже и тех в животе несть¹⁰⁰. ^{IV}. ¹Ин и ево не стало².

Ну, батюшко, я тебе сказал от дольних. Возвести же ты мне, что тебе любо показано и возвещенно от горних. А я с любовию послушаю и иным возвещу божия благодаяния.

А в Соловецкой монастырь послали, поставя // архимарита и келаря, ^{л. 8 об.} смирным, сказывают, их нравом, нуждою посланы. А приказывал изо уст царь им: «Так, де, делайте все, каков чин там чудотворцы положили, и не прелагайте предел их». А Яким приказал, кои осталися там живы — в веру свою приводить, а кои не покаются — так к Москве присылать их. Поехали с великою печалию. Аминь^а.

[ОТВЕТ АВВАКУМА]

Бог за труды твоя воздаст ти, чадо, яко потрудился еси описати кончину ^{л. 8 об.} губителя царя Алексея и возвестил ми еси от дольних. Гряди, да покажу ти от горних, еже виде и слыша Иоан Богослов, заточен был во острове Патме от царя Доментияна, якоже и аз от Алексея царя, умершаго злодея. Да и ладно так. Святых предание вечно: Василия Великаго, Григория Нисскаго. Разсудом.^а Василий рече: «Аллилуия — слава богу», а Григорий рече: «Аллилуия — хвала богу» — обоих однако; как от них прия//хом, так и держим неизменно, троицу славяще со аггелы купно. ^{л. 9}

¹А ты, никониян, отщипался от святых отец и приступил к римскому костелу и к Фармосову преданию, римскаго папы. Такой же был блядин сын, вор церковной, что и Никон-прелагатай. Весь Запад обольстил,

^{б-ж} В ркп. недописано, р — выносное; смертое. ^а Слово под титлом написано с ошибками. На поле тем же почерком еще раз написано исправленное слово монастырь под титлом. ^а В ркп. далее одна строка отстуга.

⁷¹ Нет. ⁷² прекратит. ⁷³ и кто. ⁷⁴⁻⁷⁵ разумные. ⁷⁶⁻⁷⁷ глядят очми. ⁷⁸ видят. ⁷⁹⁻⁸⁰ нечего сказывать. ⁸¹⁻⁸² Нет. ⁸³ царь Алексей. ⁸⁴ той. ⁸⁵ четверток. ⁸⁶ Нет. ⁸⁷ умилосердитесь. ⁸⁸ покаю. ⁸⁹ Нет. ⁹⁰ та. ⁹¹ слова. ⁹² Прикажите ми. ⁹³ Нет. ⁹⁴ в субботу. ⁹⁵ тут. ⁹⁶ пены больно много. ⁹⁷ Нет. ⁹⁸ бы. ⁹⁹ велит. ¹⁰⁰ Нет.

^{IV}. ¹⁻² ево в животе не стало. Аминь. Здесь список Сд кончается, далее в Сд идет текст летописца и фрагменты из первой беседы Аввакума, дополненные обобщенной характеристикой основных отступлений Никона от старой веры.

^а Так в ркп.

¹⁻² Близкий текст пересказан в выборке из сочинений Аввакума, известной под названием «Список с писем страдалческих священнопротопопа Аввакума о исповедании православия веры екротце», см.: БАН, собр. Дружинина, № 197 (237), л. 84—85. И о сем свидетельствует Иоанн Богослов во Апокалипсисе, толкуя: змий — диявол,

трема персты креститца научил и протчая догматы развратил. Также адовы псы, однако ходатаи пагубе вечной, гибнущими, яко кабалными обладали. Что псы велят, то и творят. Грязь худая! «Так, де, нам государи-патриархи указали, на них, де, бог положил то дело». А которой бог, скажи-тко, простолудин? Разве бог тмы века сего ослепил сердца ваша, еже не возсияти вам истинны и правды? Прозри, дурачицо, болишь слепотою. Предание веры — не от человек, но от Иисуса Христа, божия сына, и от святого Параклита, сиречь осенением духа святого, глаголаша божии святии человецы, свидетелствоваша // истинну, ни чревобожники, ни блудодеи, и не пьяницы, и не убийцы, ни сребролюбцы, но равноаггельно живущи в посте и в молитве со слезами, любящей правду. Таковыми действоваше благодать духа святого.

Али ты чаеш их потому святы, что нынешние законоположники власти, что брюха-те у них толсты? Нет, миленкой, не помышляй тово: и у коров толсто брюхо-то, да лише срать горазды, а о небесных тайнах не смышляют — ни пестрая, ни черная корова. Срать то обе горазды. Таки, су, и лутче-ет заец церковной не насерет столко, сиречь христианин, как пестрая власть или архимарит — черная риза. У властей-тех от воздержания-тово великого заходы-те насраны полны — я их знаю, а ты, простолудин, не знаеш! На то глядишь, что оне въздыхают. Не гляди на въздохи-те их! Воздыхает чернец, что долго во власти не поставят, а как воздохнется ве//зликыи степеня, вот⁶ уже и въздыхать перестанет. А буде и въздыхает, и он ласкосердствует, льстит мира, показуя свята, а внутрь — диявол.

Павел да Ларион горазды были сему рукоделию, да и все однако власти-те, кроме избранных. Да лихо, су, избранным-тем, и тесно бедным бывает от мокросов-тех. Повертится, что проплица, да и он туды же склонится, бедной: «Воля, де, божия, не один, де, я по сей колеснице еду, где же де детца?» А чорт ли бив взашей? Ино было не искать величества сана да жить пониже, так бы душе здоровье было.

Вот меня цар-ет и в духовники Алексей звал, да как о Христе Иисусе не захотел, да не захотел же, да живу себе в яме з братиею о Христе Иисусе. Вертеп сей лутче мне Синайския горы о святем дусе, аминь².

Есть-то, су, и мне хотелось пирогов-тех мяхких, да Христа жаль стало потерять. «Петь, — реку, — будет столько добра, — не ладно так будет». Да таки стал отплеватца от них, да бог пособил и отплевался о Христе Иисусе, госпode нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

⁶ В ркп. вож.

зверь — антихрист, лжепророк — учитель лукавый, как Никон отступник или древний Фармос, папа Римский, такой же был вор церковный, что Никон-прелагатай, ибо они, адовы псы, однако ходатаи пагубе вечной, гибнущими, яко кабалными обладали. Что они велят, то и творят. Так, де, нам государи-патриархи указали, на них же, де, бог тое дело възмет! Ох, бедная Русь простолудинная! Которой бог положил? Разве бог тмы века сего ослепил ум и сердце ваше? Прозри, безумие, слыши апостола, глаголюща: «Един господь, едина вера, едино крещение», и прочее. И предание веры не от человек, но от Иисуса Христа, сына божия, и святого духа. Глаголаша божии человецы и свидетелствоваша истинну, ни чревобожники, ни блудодеи, ни пьяницы, ни убийцы, и не сребролюбцы быша, но равноаггельно живущи в посте, и в молитве, и чистоте, и в любви нелицемерной, любящих правду во всем. Таковыми действоваше благодать святого духа! Али ты чаеши потому святы нынешния власти, законоположники новыя, что брюхи те у них толсты, что у коров, да о небесных тайнах не смыслят, понеже живут по-скотски, ко всякому беззаконию ползки, святых учению и преданию не верят. И книги святых полживили и отложили, и ссылаются на некоего Дамаскина иподдиякона и Студита, имя ему и сами не знают. И тому окаянному врагу божию верят. И по тому Дамаскинову преданию велят креститися. . . *Ближкий текст начиная со слов: «Али ты чаеш их потому святы . . .» издан по ныне утраченной рукописи Черниговской духовной семинарии, № 134, л. 43—43 об. в Приложении к кн.: А. К. Боровой и н. Протопоп Авакум, с. 33—34.*

//⁶Начало сей повести: Бог заплатит за труды⁷.

л. 10 об.

³Вонмем Апоколеписис, глава 13: И видех ѱ, глаголет Богослов, и зверь, исходя от земля, имяше рога два, подобна агньчим, и глаголаше, яко змий; и власть перваго звери и всю творяше пред ним; и творяше землю и вся живущая на ней поклонитися первому зверю.*

Толк. Прежде виде Богослов: на песце стоя, седмиглаваго зверя.** Сие назнаменует римскую власть и державу, и весь Запад со иными государствы, и по тысяще летех³ вочеловечения Христова отпадна от православныя христианские веры. Потом же виде из земли восходяща⁴ — назнаменует Рускую державу; в лета наша бысть сей зверь двоерогой. Чтый да разумеет.

И дано бысть ему дати дух образу зверину, да глаголет икона зверина и сотворит, да иже аще не поклонится образу зверину — убиеи; и сотворит вся малые // и великия, богатя⁵ и работныя, да даст им начертание на десней руке их или на челех их, на лбу, да никто же возможет ни купити, ни продати, токмо кто их имат начертание имя зверя, или число имени его. Зде мудрость есть. Иже имат ум, да почтет число зверино, число бо человеческо есть и число его 666.***

Толк. Не явно ли есть сего двоерогаго зверя в Русии нашей действо и малым детем? Во 160 году поставлен бысть Никон патриархом при царе Алексее и начаша оба, патриарх и царь, казити в Русии христианскую веру. Исперва треперстную ересь в церковь внесоша, сиречь печать антихристову, и нача ю силою и лестию давати людям на десную руку: малым и великим, богатым и убогим, свободным и работным. А не хотящих прияти печати, на тех муки великия и смерти налагаху и иныя безчисленныя воровския // умыслы творяху ко истреблению православныя веры.

Богослов глаголет: Зде мудрость есть. Гораздо мудрено и умисловато, су, есть. Исперва цар-ет, до соборища тово, бутто и не ево дело, а волю Никону всю дал, вору. Он же со диаволом на складе, что захотел, то и делал в седми летех своєю власти: вся превратил в церкве, и бысть вся горняя долу. Потом и соборище собра царь Алексей на подкрепление тоя бляди в лета-та, иже Богослов⁹ назнаменует: Число бо человеческо и число его 666. Человеческо число — отступление римско: столко лет как отпали, а число его — имя антихристово, о нем // же Ипполит священный повествует. Да и зверь двоерогой в том же числе — летах — приидет и из земли нашей, и подкланяет первому зверю свою землю, сиречь папе римскому, в дух⁸ един, еже в веру люди своя нудит. А непокоряющихся убивает.

Две печати Богослов глаголет, едина на руке, а другая на челе. Три перста на руке — сам на себя, скудоумной, возлагает печать, а на челе — печатают святители-бабоблуды с бесами.

Два же рога у зверя — две власти знаменует: един победитель, а другой — пособитель; Никита, по Алфавиту, или // Никон, а другой пособи-

⁷Текст написан киноварью и является записью переписчика. ⁸Испр.; в ркп. лететех. ⁹Испр.; в ркп. Богослове. ^{*}Испр. по изд. Н. И. Субботина (Материалы для истории раскола. . . , т. V, с. 230); в ркп. двух.

³⁻⁶Близкий к этой части ответа текст взодит в состав «Послания к некоему Иоанну», приписываемого Авакиму. См.: Материалы для истории раскола. . . , т. V, с. 228—230.

⁴Текст Апокалипсиса здесь сокращен по сравнению с «Посланием» (в «Послании»: . . . восходяща двоерогого зверя. Сие назнаменует. . .).

⁵Текст Апокалипсиса также сокращен (в «Послании»: . . . богатя и убогия, свободныя и работныя. . .).

* Ср. Апокалипсис, XIII, 11—12.

** Ср. Апокалипсис, XIII, 1.

*** Ср. Апокалипсис, XIII, 15—18.

тель — Алексей; пишется в книгах; рожка кругленьки в космах, яко у борашка, — добродетель знаменует, леста житием является добрым, бодый церковь рогама и уставы ея стирая.

Еще ли не разумееш? Да слыши, аз ти дебело возглаголю.

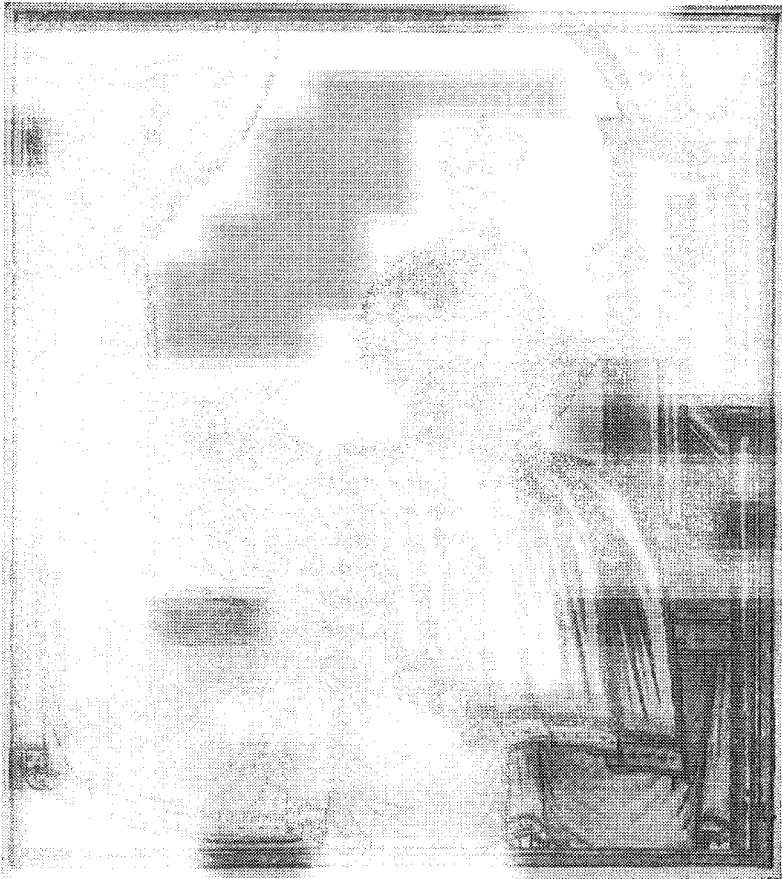
Царь Алексей десять лет добро жил: в посте, и молитвах, и милостив³, а Никон егда на патреяршество вскрался, показуя человеком лесть, лукаву добродетель же. Егда же слюбление сотвориша, яко Пилат и Ирод, л. 13 тогда и Христа распяша: Никон побеждать учал, // а Алексей пособлять испотиха. Тако бысть исперва, аз самовидец сему, ей, аминь⁶.

Зри умом зверя летописнаго: крестящися тремя персты поклоняются ему, и беси печатают перышками. Сей зверь двоерогой — бес, огнем дышет на люди⁴.

³ Так в ркп; в изд. Н. И. Субботина: в милости. ⁴ На этом текст ответа Аввакума кончается, и далее до конца этой части рукописи идут чистые листы (л. 13 об.—15). На чистом л. 14 сделана выписка (скорописью XVII в.) из окончания ответа Аввакума, слегка изменяющая текст: Зри умом зверя летописнаго крестящися трема персты; на л. 15 (тем же почерком): Да воздаст им господь по де[ла]м их.

лями. «Да как преставился, тот же час из него и пошло: и ртом, и носом, и ушми всякая смрадная скверна, не могли хлопчатой бумаги напасти, затыкая. Да тот же час и погребению предали, скоро-скоро, в воскресенье то поутру, с обеднею вместе» (л. 1 об.).

Автор «Возвещения» признавал, что тема смерти царя, затронутая в его сочинении, — тема запретная¹⁶ и что подробности, сообщаемые им о цар-

Большой царь Алексей Михайлович и патриарх Иоаким. Иллюстрация к «Истории о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова. Рукопись XVIII в. (БАН, 1.1.43, собр. Бурцева, № 14, л. 80).

ской болезни и погребении, носят характер государственной тайны, поэтому все изложение предваряется мотивировкой — необходимостью защиты «дела божия» («Тайну цареву добро есть хранить, а дела божия проповедати преславно есть», л. 1).¹⁷

¹⁶ Придворный врач царя Алексея Михайловича англичанин Самуил Коллинс писал другу в Лондон в 1671 г.: «Смерть тому, кто перескажет слова, говоренные во дворце царском. . . О происшествиях двора никто не смеет сказать ни слова. . .» (С. К о л л и н с. Нынешнее состояние России, изложенное в письме другу, жителствующему в Лондоне. М., 1846, с. 36).

¹⁷ Напомним, что этот афоризм, восходящий к Библии (книга Товита, XII, 7), был весьма популярен в сочинениях старообрядцев: он использовался дьяконом Федором в «Сказании об Аввакуме, Лазаре и Епифании», Аввакумом в «Житии» (редакция «Б» и Прянишниковский список), см.: Н. С. Д е м к о в а. Житие протопопа Аввакума. Л., 1974, с. 126.

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

Устюжский список «Возвещения от сына духовного ко отцу духовному»

18 октября 1747 г. Устюжская провинциальная канцелярия отправила секретный пакет в главное учреждение политического сыска империи — Канцелярию тайных розыскных дел. В пакете были вырезанные из какого-то рукописного сборника 8 листов, содержащие начало «Возвещения от сына духовного ко отцу духовному»¹ с описанием смерти царя Алексея Михайловича и по объему составляющие около половины памятника.² Так опять пересеклись пути Аввакума и Тайного приказа.

Сочинение, тесно связанное с жизнью и творчеством пустозерских узников, и спустя век после воцарения Алексея Михайловича рассматривалось как орудие тайной антиправительственной пропаганды. Устюжские власти были убеждены, что следствие о хранении этого сочинения входит в юрисдикцию того учреждения, которое в елизаветинской России вело все расследования по «слову и делу». Тайная канцелярия была вполне согласна с этим, приняв дело к рассмотрению. В этом решении есть своя логика.

В создании легенд XVIII в. о русских императорах-антихристах позорная смерть неблагочестивого царя Алексея Михайловича (связанная ясной причинной связью с разгромом Соловецкого монастыря) — своеобразная точка отсчета: царь Алексей Михайлович — последний «истинный» царь в смысле несомненности его «царского корня», происхождения, но уже ставший «неистинным» как предатель веры, «рог антихристов», что и подтверждается всей картиной его смерти. После Алексея Михайловича цари уже «неистинные», «неистовые» и по происхождению — ложные, самозванные, подменные. Цари-антихристы — цари «последнего времени». За них нельзя бога молить — это завет еще соловецких страдальцев. Им нельзя и платить подать — слова Христа о динарии Кесаря к лжекесарям не относятся.

Характерно, что накануне Тарского бунта 1722 г. на востоке страны зафиксирована волна слухов о том, что со времени смерти Алексея Михайловича «роды их царские пошли неистовые», что то ли Петр I, то ли его внук или иной наследник (а может быть, и все они вместе) — антихристы.³ Прошедший под этими эсхатологическими лозунгами Тарский бунт (вос-

¹ См. выше (с. 127—150) статью Н. Ю. Бубнова и Н. С. Демковой «Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск „Возвещение от сына духовного ко отцу духовному“ и ответ протопопа Аввакума (1676 г.)» и публикацию текста «Возвещения» по спискам Ак и Сд.

² ЦГАДА, ф. 7, № 1193, л. 16—23 об.; текст кончается словами: «Было седение у бояр и приговорили было ево в Кирилов монастырь, в земляную тюрьму» (см. л. 4 списка Ак).

³ ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, № 1844, л. 30—37 об.

ставшие, опираясь на авторитет Соловецкого монастыря, отказывались молиться за царя, отвергали систему податей и ревизий и требовали назначить наследника «царского рода» из истинной правой веры)⁴ способствовал разработке теории «расчлененного» антихриста, согласно которой антихрист воплощается в последовательном ряде русских «неистинных» царей после Алексея Михайловича. Теория эта окончательно оформляется как раз к середине XVIII в., когда Устюжский список «Возвещения от сына духовнаго ко отцу духовному» пересылается из Устюга в Канцелярию тайных розыскных дел.

Хотя старообрядческие дела подлежали ведению духовных властей, в Устюжской консистории и провинциальной канцелярии сочли хранение письма о смерти Алексея Михайловича делом политическим. Эсхатологические настроения по-прежнему носили антиимператорский характер и по-прежнему приводили на севере и востоке страны к многочисленным самосожжениям протеста — 24 декабря 1748 г., когда все еще длится дело об Устюжском списке «Возвещения», в устюжских деревнях произойдет одно из таких самосожжений, вскоре после окончания дела, в 1753 г., — другое.⁵

Посылая этот список в Канцелярию тайных розыскных дел, Устюжская провинциальная канцелярия сообщала об обстоятельствах его обнаружения. Он был найден в доме у крестьянина Пермогорской волости Устюжского уезда Василия Тарбакова. Нашедшие «тетратку» с «Возвещением» духовные власти арестовали крестьянина и передали его вместе с уликой в Устюжскую провинциальную канцелярию. Здесь сочли, что в «тетратке. . . писано касающееся высочайшей чести блаженныя и вечнодостойныя памяти великаго царя и великаго князя Алексея Михайловича, самодержца всероссийскаго», и допросили крестьянина о происхождении рукописи. Он ответил, что «тою тетратку назад тому года с три взял в раскольническом скитишке в Устьянской Дмитриевской волости у дяди своего, раскольническаго наставника Григорья Тарбакова, которой де после того умре». Устюжские власти, чтобы подчеркнуть свое служебное рвение, сообщая об этих показаниях крестьянина, отметили, что «вышеописанной скитишко от канцелярии Великоустюжской правинции раззорён и кельи выжжены».⁶

Устюжские власти, задержав арестованного крестьянина у себя, выслали протокол его допроса и уличающие листки в Москву, в Канцелярию тайных розыскных дел, прося указа о том, как поступить с В. Тарбаковым. Однако этой просьбе не повезло. Делопроизводство главного устрашающего ведомства империи велось то попеременно, то одновременно в обеих столицах, что подчас создавало изрядную неразбериху. В ней и затерялось устюжское донесение от 18 октября 1747 г., да так основательно, что поиски его заняли много лет. Прощав безуспешно 8 месяцев, устюжские власти повторили запрос 13 июня 1748 г. и затем делали это 6 октября 1749 г. и четырежды в 1751 г. Москва и Петербург горячо обвиняли друг друга в утере документов, «в которых писано касающееся к некоторому поношению» царя Алексея Михайловича. Они были обнаружены лишь в конце 1752 г. в Петербурге и были признаны действительно политически вредными. Конфисковав «Возвещение от сына духовнаго ко отцу духовному», елизаветинская Канцелярия тайных розыскных дел к самому В. Тарбакову отнеслась сравнительно милостиво. Ему зачли долгое пребывание в устюжской тюрьме в ожидании приговора и, хотя,

⁴ ЦГАДА, ф. 199, № 140, ч. 2, д. 2, л. 16.

⁵ См.: Д. И. Сапожников. Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). М., 1891, с. 110, 122—124.

⁶ ЦГАДА, ф. 7, № 1193, л. 4—4 об.

по мнению Петербурга, за его вину ему дополнительно «подлежало учинить наказание», в конце концов в столице решили «для многолетнего ея императорского величества и высочайшей ея императорской фамилии здравия» ограничиться 63 месяцами предварительного заключения. Правда, при этом Канцелярия тайных розыскных дел рекомендовала устюжским светским властям не освобождать В. Тарбакова сразу, а передать его консистории для следствия о нем как о потайном раскольнике. Однако в Устюге это бесконечное дело успело так надоесть, что в провинциальной канцелярии молниеносно постановили считать племянника скитского наставника православным, и в январе 1753 г. его отпустили наконец домой. В условиях нечеткости границ старообрядчества, широкого распространения социально-политических идей раскола далеко за пределами ядра строгих ревнителей старой веры⁷ В. Тарбаков действительно мог являться или признаваться православным.

Между тем отобранный у Тарбакова список «Возвещения» о смерти царя Алексея Михайловича не был оставлен даже в фондах Тайной канцелярии, а передан вместе со всеми материалами дела в наиболее секретную часть Государственного архива империи, содержащую дела, касающиеся царской фамилии (ныне — VII разряд Госархива в ЦГАДА).

Список этот насчитывает 8 л. в 8°. Устюжских следователей интересовало, по-видимому, преимущественно описание смерти царя Алексея Михайловича, поэтому можно думать, что вторая часть «Возвещения» и не была изъята из найденной у В. Тарбакова «тетратки». Точная датировка списка по палеографическим признакам затруднена: сохранился лишь небольшой фрагмент водяного знака — филигранный «Шут», литерного сопроvoждения не было или не сохранилось; скорописный почерк списка можно датировать лишь широко: последней четвертью XVII—началом XVIII в.

Несмотря на такое сравнительно раннее происхождение списка, он содержит много ошибок («ничто ж *успех*» вместо «ничто ж *успели*», «смертного часа не *отстали*» вместо «не *отстояли*», «а *слуга* она епископа» вместо «а *слогу* она епископа» и др.); разночтения его в основном орфографические («ведь» вместо «веть», «его» вместо «ево», «бутто» вместо «будто» и т. д.). Часто в Устюжском списке (далее — У) наблюдаются иные окончания слов — результат различного чтения выносных букв в тексте источника (ср., например, на л. 2 списка Ак разночтение 59: *слышашь* Ак, *слышиш* Сд, *слышав* У; л. 3 об: *замкнул* Ак, Сд, *замкнув* — У и др.).

В своих разночтениях список У в основном следует за списком Ак (он сохранил заглавие «Возвещение», в Сд — «Вопрошение»), но в ряде случаев поддерживает чтения Сд; ср. л. 2, разночтение 51: *подделав* Ак, но *подделан* Сд, У; л. 2 об., разночтения 70: *деют* Ак, но *дают* Сд, У; л. 2 об.: *мало от него, слышать, добра* Ак, но *добра слышат* Сд, *слышат добра* У.

Несколько раз список У исправляет характерные для круга Аввакума чтения (например, «затейми» вместо «затейками»). Из чтений, более интересных в списке У, чем в двух других, отметим два: 1) в Ак читаем: *пытай лишь отчитатися* (л. 3), в Сд: *пытאותце отчитатися*, в У: *потайшь ли отчитатися*; 2) в Ак и Сд: *а мужескому полу — по гривне* (л. 4), в У: *а мужикам по гривне*. Характерно, что в списке У между заглавием и началом текста уже появился типичный для сборника возглас: «Благослови, отче»; эти слова, как и заглавие, написаны киноварью, следующий затем киноварный инициал — типичный поморский.

⁷ Н. Н. Покровский. Организация учета старообрядцев Сибири в XVIII веке. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 381—406.

Н. В. ПОНЫРКО

Учебники риторики на Выгу

Честь открытия выговской литературной школы принадлежит В. Г. Дружинину. Почтенный исследователь первым обратил внимание на распространенность в среде выговцев целого ряда учебников риторики.¹ Работа, начатая им, нуждается в продолжении.

Можно утверждать, что все учебники риторики, имевшие хождение в России в первой половине XVIII в., были известны на Выгу. В арсенале русской словесности к первой четверти XVIII в. были накоплены следующие Риторик: так называемая Риторика Раймунда Люллия, сочинение Андрея Белобоцкого, Риторика Софрония Лихуда, «Риторическая рука» Стефана Яворского, Риторика Феофана Прокоповича, Риторика Козьмы Афоноверского. Все эти Риторик без исключения получили распространение среди выговских авторов.

Бывший келейник Трифона Петрова Григорий Яковлев, перейдя в 40-е гг. в официальное православие, указывал в каталоге выговской библиотеки среди прочих следующие книги: «Раймунда Люллия, Риторика Лихудиева, Риторика Козминская, Риторика Стефана пресвященнаго, Риторика пресвященнаго Феофана».²

Не вполне ясно, какое сочинение Раймунда Люллия имел в виду Григорий Яковлев:³ «Великую науку», о которой уже известно, что она распространялась на Выгу, будучи сокращена Андреем Денисовым,⁴ или Риторику, о хождении которой среди поморских писателей до сих пор ничего не было известно. Более вероятно, что данное упоминание, поскольку оно стоит в ряду учебников риторики, относится к так называемой Риторике Раймунда Люллия, являющейся, как и «Великая наука», сочинением Андрея Белобоцкого. О наличии на Выгу Риторик Раймунда Люллия свидетельствует рукописный материал. Сохранился выговский список данной Риторик — БАН, собр. Дружинина, № 123 (154),⁵ первая четверть XVIII в. О выговском происхождении списка свидетельствуют бесспорные археографические данные: известен список выговской Риторик-свода — БАН, собр. Дружинина, № 122 (153) (о нем см. ниже), а рукопись Рито-

¹ В. Г. Дружинин. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. Спб., 1911.

² Бывшего беспоповца Григория Яковлева Извещение праведное о расколе беспоповщины. Издано Н. Субботиным. М., 1888, с. 132.

³ См.: В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства конца XVII — первой половины XVIII в. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 300.

⁴ См.: Никанор, архим. «Великая наука Раймунда Люллия» в сокращении Андрея Денисова. — ИОРЯС, т. XVIII, кн. 2, 1913, с. 10—36; В. Г. Дружинин. К вопросу об авторе сокращения «Великой науки Раймунда Люллия». — ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, 1914, с. 342—344.

⁵ Он не учтен в ст.: А. Х. Горфункель. Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 188—213.

рики Раймунда Люллия писана тем же почерком, что и этот список. Бумага, на которой выполнены обе рукописи, абсолютно идентична: и в Риторике Раймунда Люллия и в Риторике-своде это филигрань-рожек с перевязью на щите под короной и контрмаркой «МСАРОУ».⁶ Рукопись Риторика Раймунда Люллия облачена в переплет, который по типу украшения очень близок переплету Риторика-свода. Все говорит о том, что обе рукописи вышли из рук одного переписчика и переплетчика. Кроме этого полного списка Риторика Раймунда Люллия дошла в отрывках в составе выговских сборников сочинений по риторике — ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 23, л. 1—11 об., середина XVIII в. и ГПБ, собр. Погодина, № 1659, л. 261—308, первая четверть XVIII в. (Последний писан рукой Димитрия Ерофеева, почерк которого известен по нескольким деловым бумагам, касающимся сношения Выговского общежития с местным ландратом).⁷

Дошли до нас и выговские рукописи Риторика Софрония Лихуда. Это список ГИМ, собр. Уварова, № 2111 (318), л. 1—167 (он выполнен в 1712 г., как следует из записи на л. 166, и принадлежал Алексею Иродионову, получившему его в свое время от Семена Денисова, — по листам внизу скрепа: «Сия книга Риторика есть новгородскаго Знаменскаго собора священника Алексея Иродионова домашняя»); список ГПБ, О.XV.8, л. 1—134 об., 30-е гг. XVIII в.; список из рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1659, л. 1—206 об., первая четверть XVIII в., писанной Димитрием Ерофеевым. Можно также назвать рукопись БАН, собр. Дружинина, № 593 (626), л. 1—167 об., середина XVIII в., писанную поморским полууставом. (По палеографическим данным — это поморская рукопись; примет, которые бы более точно говорили о хождении ее на Выгу, нет).

В. Г. Дружинин, сравнивая показания Григория Яковлева с известным ему рукописным материалом, заявлял, что поморских списков Риторика Стефана Яворского⁸ ему не попадалось, и на этом основании считал, что эта Риторика не употреблялась на Выгу.⁹ Он ошибался. «Риторическая рука» Стефана Яворского включена в уже упомянутый выговский сборник сочинений по риторике — ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 23, л. 12 об.—54, и в сборник ГПБ, О.XV.14, л. 1—41, первая половина XVIII в., который имеет следы хождения среди выговцев (см. запись на л. II: «1188 душ в Олонецком уезде, 2198 душ скитским житием живущих»). Отрывок из нее переписан в черновом сборнике упражнений по риторике учеников Семена Денисова — ГПБ, О.XVII.51, л. 10—18 об., 1725 г.

Как не нашедшее подтверждения в сохранившемся рукописном материале обсуждал В. Г. Дружинин и свидетельство Григория Яковлева о Риторике Козьмы.¹⁰ В. Г. Дружинин не встречал поморских списков этой Риторика.¹¹ В данный момент мне известно три поморских сборника сочинений по риторике, куда вошла Риторика Козьмы. Это уже названные рукописи: ГПБ, собр. Погодина, № 1659, л. 222—260 (отрывки); ГПБ, О.XV. 14, л. 42—243 об. и сборник ГПБ, О.XV. 13, л. 1—165, вторая поло-

⁶ См.: С. А. К л е п и к о в. Водяные знаки на бумаге иностранного производства 1476—1974 гг. М., 1976 (Рукопись РО БАН, архив С. А. Клепикова), № 1348—1711 г.

⁷ Ср.: В. Г. Д р у ж и н и н. Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915, с. 14, табл. XVI, XVII.

⁸ Риторика Стефана Яворского издана по неполному списку: Стефан Яворский. Риторическая рука. Перевод с латинского Федора Поликарпова. — ОЛДП, вып. XX. СПб., 1878.

⁹ В. Г. Д р у ж и н и н. Словесные науки. . . , с. 26.

¹⁰ О риторике Козьмы см.: Х. М. Л о п а р е в. Риторика Космы Грека 1710 года и «примеры» из нее по русской истории. — ИОРЯС, т. XII, кн. 4, 1908, с. 146—198.

¹¹ В. Г. Д р у ж и н и н. Словесные науки. . . , с. 26.

вина XVIII в. В. И. Срезневский среди рукописей, привезенных им из Олонецкого края, описал Риторику Козьмы (БАН, 21.8.5, Северное собр., № 644), назвав ее почерк почерком «руки Андрея Денисова». ¹² В 1915 г. В. Г. Дружинин, издавая альбом автографов писателей старообрядцев, заметил, что «поправки и заметки на списке Риторике Кузьмы, находящемся в рукописи № 644 Северного собрания», «судя по почерку», принадлежат Семену Денисову, а не Андрею, «с чем согласился и описатель этой рукописи В. И. Срезневский». ¹³ Однако почерк рукописи не сходен ни с почерком Андрея, ни с почерком Семена. ¹⁴ В. И. Срезневский не был знатоком выговских почерков. Ошибка же В. Г. Дружинина находит следующее объяснение. В. Г. Дружинин перепутал рукопись Риторике Козьмы, описанную у В. И. Срезневского под № 221 (БАН, 21.8.5, Северное собр., № 644), с рукописью Риторике, описанной у В. И. Срезневского под № 224 (БАН, 21.9.2, Северное собр., № 646), и, говоря о данных последней Риторике, назвал Риторику Козьмы. Именно в Риторике БАН, 21.9.2 имеются поправки на полях, почерк которых совпадает с почерком Семена Денисова. Почерк этих поправок отличен от почерка основного текста. В рукописи же, содержащей Риторику Козьмы, почерк поправок на полях аналогичен почерку основного текста. И потому, имея В. Г. Дружинин в виду Риторику Козьмы, он должен был говорить не о почерке поправок, а о почерке рукописи в целом (там, где почерк поправки отличается от почерка основного текста — л. 92 об., — он не сходен с почерком Семена Денисова). В Риторике же БАН, 21.9.2 именно почерк поправок принадлежит Семену Денисову, и только поправки этой рукописи приписывал Андрею Денисову В. И. Срезневский. ¹⁵ Так как рукопись БАН, 21.8.5, содержащая Риторику Козьмы, не имеет никаких других признаков, которые могли бы говорить об ее выговском или поморском происхождении, мы исключаем ее из рассмотрения.

Риторика Феофана Прокоповича сохранилась в следующих выговских рукописях: ГИМ, собр. Уварова, № 2111 (318), л. 168—204 (рукопись Алексея Иродионова); БАН, собр. Дружинина, № 124 (155), л. 71—148, последняя четверть XVIII в.; ГПБ, О. XV. 14, л. 289—339, первая половина XVIII в.

Эта Риторика представляет собой вольную переработку и перевод на русский язык латинской «De arte rhetorica» Феофана Прокоповича. Было даже высказано мнение (специалистом по творчеству М. В. Ломоносова), что русский перевод принадлежит Андрею Денисову. ¹⁶ Мнение это приходится оставить без внимания, поскольку оно ничем не подтверждено. Нет никаких документальных свидетельств в пользу того, что А. Денисов владел латынью и тем более занимался переводами с нее. Решение вопроса о происхождении русского текста Риторике Феофана Прокоповича предоставим знатокам творчества Феофана Прокоповича (пока он совершенно не исследован). Для нашей же работы важно то, что Риторика этого автора имела хождение среди выговских писателей.

В. Г. Дружинин среди Риторик, известных на Выгу, назвал рукопись ГПБ, О. XV. 16, отнеся ее к «сокращениям Риторик». ¹⁷ Он считал, что Слово о молитве, заключающее эту Риторику неизвестного ему автора, принад-

¹² В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для Императорской академии наук в Олонецком Крае. СПб., 1913, с. 206.

¹³ В. Г. Дружинин. Несколько автографов. . . , с. 8—9.

¹⁴ Ср.: Там же, табл. VI—IX.

¹⁵ В. И. Срезневский. Описание рукописей. . . , с. 208.

¹⁶ В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970, с. 91.

¹⁷ В. Г. Дружинин. Словесные науки. . . , с. 28.

лежит Андрею Денисову.¹⁸ Однако это была ошибка. Дошедшее в рукописи первой половины XVIII в. (ГПБ. О. XV. 16) под названием «Краткое изъяснение великаго Слова, тако церковнаго, яко гражданскаго» сочинение является Риторикой Георгия Даниловского, иеромонаха Александро-Невской лавры, бывшего в 1720-х гг. учителем и проповедником в доме новгородского епископа.¹⁹ Слово о молитве представляет собой заключительную часть этой Риторикой²⁰ и, стало быть, принадлежит Георгию Даниловскому, а не Андрею Денисову. К именам авторов Риторик, известных на Выгу, следует причислить и Георгия Даниловского.

Была известна на Выгу и старейшая русская Риторика новгородского митрополита Макария в переработке конца XVII в. М. И. Усачева.²¹ Спирок этой Риторикой БАН, 21.9.2, имеющий на полях поправки Семена Денисова, был привезен В. И. Срезневским из экспедиции в Олонецкий край. В. И. Срезневский, описывая эту Риторику, заметил, что некоторые мелкие поправки этой рукописи «может быть следует приписать Андрею Денисову».²² Как уже было сказано, В. Г. Дружинин, очевидно, имел в виду именно эту рукопись, когда исправил В. И. Срезневского, заявив, что почерк поправок, находящихся в ней, принадлежит Семену Денисову, а не Андрею.²³ Вероятно, после этого (В. Г. Дружинин указывает, что после ознакомления с почерком Семена Денисова В. И. Срезневский в личной беседе признал атрибуцию В. Г. Дружинина²⁴) на чистом листе в начале рукописи и появилась запись карандашом: «Поправки скорописью принадлежат Семену Денисову». Д. С. Бабкин, не зная об участии В. Г. Дружинина в атрибуции, ошибочно считал, что первоначально В. И. Срезневский атрибутировал почерк поправок Семену (и оставил об этом запись карандашом), а позднее, «ознакомившись более подробно с почерком Семена и Андрея», уточнил свое определение, приписав почерк Андрею. На основании этого Д. С. Бабкин написал, что поправки в Риторике сделаны Андреем и Семеном.²⁵

Кроме названных общерусских Риторик на Выгу переписывались и отрывки из каких-то неизвестных нам покуда трактатов. Это отрывки: «О расположении доводов» (ГПБ, собр. Погодина, № 1659, л. 207—214 об.; БАН, собр. Дружинина, № 593 (626), л. 168—174 об.); «О тропах» (ГПБ, собр. Погодина, № 1659, л. 215—221 об.); «Показательный род есть содержащий похвалу и гаждение» (ГПБ, О. XV. 14, л. 244—252); «О схиматах» (ГПБ, О. XV. 14, л. 253—259; ГПБ, О. XV. 13, л. 173—178 об.); «Полидора Виргилия из книги I, от главы 13 о начале риторики, и которыми вещами существо ея содержится» (ГПБ, О. XV. 14, л. 278—288). Суть ли это выписки, сделанные самими выговцами, или эти фрагменты существовали как отрывки уже в довыговской рукописной традиции, сказать трудно. Во всяком случае, статья «Иные диалектики Иона Спакинбергера, о силлогисмах вытолковано», встречающаяся в поморских сборниках ГПБ, О. XV. 14, л. 259—268 об. и ГПБ, О. XV. 13, л. 179—187, не есть выборка, сделанная выговцами, как может показаться из ее названия. Выборку и

¹⁸ В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, с. 118—119.

¹⁹ А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894, с. 230.

²⁰ Ср.: ГПБ, собр. СПб. ДА, № 232, л. 102—134 об.

²¹ См.: Д. С. Бабкин. Русская Риторика начала XVII в. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, с. 326—353.

²² В. И. Срезневский. Описание рукописей. . . , с. 208.

²³ В. Г. Дружинин. Несколько автографов. . . , с. 8—9.

²⁴ Там же, примеч. 1.

²⁵ Д. С. Бабкин. Русская Риторика. . . , с. 353.

перевод из латинского сочинения Иоанна Спангенберга о грамматике и риторике сделал Андрей Курбский, который и издал данную статью под заглавием «От другие диалектики Иоанна Спанинбергера о силлогизме вытолковано» в Вильне в 1586 г.²⁶ В XVII в. эта статья распространялась в рукописях.²⁷

Риторика на Выгу не читали, их учили. О деятельном чтении свидетельствует самое содержание переписанных здесь Риторик. Так, переписав Риторику Софрония Лихуда (ГПБ, О. XV.8), к ней тут же присовокупляют два Слова Андрея Денисова, написанных в соответствии с риторическими правилами (Слово о правосудии, нач.: «Иже любовию друг к другу дышат, тии от конец земли познаваются» и Слово на тему «Слышите, возлюбленнии мои, рече господь: „Се пред вами дни скорби и от всех избавлю вас. . .“», нач.: «Присно убо промышляй о роде человеческом преблагий и премиловитивый господь»), обозначая при этом на полях риторический костяк сочинения, который как бы препарирует Слово: «предисловие», «предложение», «вина», «прилоги», «противныя», «подобие», «свидетельства», «окончание».²⁸ Налицо учеба, ученичество. К Риторике Раймунда Люллия (БАН, собр. Дружинина, № 123 (154)), трактующей о формах риторской, философской и богословской в словесности, присоединяются четыре Слова, написанных по названным формам, автор которых неизвестен. Это также упражнения, и на полях также отмечен риторический костяк каждого Слова.

Можно указать на черновой выговский сборник упражнений в риторике — ГПБ, О. XVII.51, 1725 г., где представлены выписки из «Риторической руки» Стефана Яворского и «Розыска» Дмитрия Ростовского, переписаны примеры на фесис и ипифесис, даны определения отдельных тропов и примеры их, записаны образцы отдельных сентенций. Несколько Слов (Слово о молитве, нач.: «Молитва есть добродетель, усердное прошение, всежеланно к богу возсылаемое», Слово о молитве, нач.: «Велие благо есть молитва, аще с мыслию благодарною бывает», Слово о воздержании, нач.: «Воздержание есть добродетель всекрасная и всеполезная», Слово о чистоте, нач.: «Чистота есть добродетель, в тленном безтелесного естества усвоение») написаны с разделением на отдельные риторические «места»: «определение», «исчисление частей», «знаменованье имени» и т. п.²⁹ Сборник написан несколькими почерками, среди них: автографы Семена Денисова (л. 9, 40—41 об.), Дмитрия Ерофеева (л. 1—6 об., 42—45), Данилы Викулина (л. 179—185 об.).³⁰ Почерк на л. 26—39, 53—58 об., 88—95 об., 102—105, 108—112 я условно назову «почерком ученика Семена Денисова». Дело в том, что этот же почерк в сопровождении почерка Семена встречается еще в одной учебной выговской рукописи — в Грамматике БАН, собр. Дружинина, № 299 (345), основной ее текст писан «почерком ученика», а незначительные вставки различных примеров — рукой Семена Денисова.³¹

²⁶ К. Харламович. Новая библиографическая находка. Переводная статья кн. А. М. Курбского «От другие диалектики Иоанна Спанинбергера о силлогизме вытолковано». — Киевская старина, т. 70, 1900, июль—август, с. 211—224.

²⁷ Там же, с. 212.

²⁸ ГПБ, О. XV.8, л. 135—138 об.

²⁹ ГПБ, О. XVII, 51, л. 46—52, 53—60 об., 74—79.

³⁰ Ср.: В. Г. Дружинин. Несколько автографов. . . , табл. III, IV, IX, XVI, XVIII.

³¹ Среди известных автографов почерк «ученика» ближе всего к почерку Алексея Иродионова, бывшего келейника Семена Денисова (ср.: В. Г. Дружинин. Несколько автографов. . . , табл. XIV, XV). Отсутствие полной идентичности может объясняться большим разрывом во времени: опубликованный В. Г. Дружининым автограф относится к 50-м гг. XVIII в., а наш сборник писан в 1725 г.

Перед нами мастерская Семена Денисова и его учеников. Малочисленность помет, принадлежащих руке Семена, естественна. Характер мелких вставок, сделанных его рукой, таков, что ясно — это правка метра. Он дописывает окончание парадигм, начатых учеником, вставляет текст в тех трудных примерах, которые не смог одолеть (иногда разобрать, прочесть) ученик, вписывает добавочные парадигмы. Кое-где между строк вставлены киноварные пометы, почерк которых, крайне мелкий, писанный как бы на ходу, все же есть основания отождествлять с почерком Семена. Это также пометы метра: возле заглавия одного из параграфов «Риторической руки» Стефана Яворского он помечает: «Большими» [буквами]; там, где ученик, переписывая отрывок из Димитрия Ростовского, написал слова «аллигория, анагогия, тропология» по-гречески и по-латыни, он записывает: «Под сия место оставить, понеже сам напишу» и далее, рядом с другим греческим подзаголовком, пишет: «Оставить место».³²

Как и подобает учителю, Семен Денисов вносит в работу только редкие мазки, трудятся ученики.

Усвоив науку «внешних» русских Риторик, выговская школа пошла дальше, она создала собственный вариант Риторик. В 30-е гг. XVIII в. на Выгу была создана особая Риторика-свод, которая дошла до нас в списке БАН, собр. Дружинина, № 122 (153). Рукопись эта писана вскоре после 1726 г., так как филигрань ее бумаги датируется 1711 г., а в тексте (л. 564) 1726 год назван «прошлым». Предположить, что рукопись писана много позже 1726 г., значит предположить непомерно большую залежность бумаги, что маловероятно.

Даже если бы до нас не дошел ни один из ранее названных выговских списков общерусских Риторик, имея в руках Риторик-свод, мы бы знали, что все эти Риторик были известны на Выгу. Риторика-свод включила в себя в больших объемах Риторик Софрония Лихуда, Козьмы, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Андрея Белобоцкого (Риторика Раймунда Люллия), Георгия Даниловского. Имея в руках Риторик-свод, мы можем утверждать, что если общерусские Риторик стали известны на Выгу и с опозданием, то совсем небольшим: выговский Свод существовал уже в 30-е гг. Время создания Риторик, включенных в него, следующее: Риторика Андрея Белобоцкого написана в 1690-е гг., Риторика Софрония Лихуда — в 1698 г., «Риторическая рука» Стефана Яворского — в 1705 г., Риторика Феофана Прокоповича (латинский текст) — в 1706/1707 гг., Риторика Козьмы — в 1710 г.,³³ Риторика Георгия Даниловского — до 1720 г.³⁴

Названные Риторик включены в Риторик-свод не механически одна за другой, а в соответствии с особым планом ее создателей, так, что каждый раздел науки риторики иллюстрируется подборкой текстов из Риторик разных авторов. Возникает, таким образом, особая структура Свода, буквалью не совпадающая со структурой ни одной в отдельности Риторик, в него вошедшей, возникает универсальный вариант Риторик. Авторы включенных в Свод Риторик не были названы по имени, отрывки из их сочинений вводятся в соответствующих местах анонимно, хотя швы между ними и обозначаются с помощью слов «иног правило», «иног о. . .». Свод начинается предисловием к Риторике Софрония Лихуда. Это и ввело в заблуждение В. Г. Дружинина, который считал Свод Риторикой Софро-

³² ГПБ, О. XVII. 51, л. 10, 12 об., 13 об., 19, 20 об., 22 об., 25—25 об.

³³ А. Х. Горфункель. Андрей Белобоцкий. . ., с. 195; В. П. Зубов. К истории русского ораторского искусства, с. 299.

³⁴ А. Родосский. Описание. . ., с. 230.

ния Лихуда,³⁵ не сравнив внимательно его содержание с другими Риториками.

Обширный Свод представляет собой только одну половину Риторик, другая ее половина состоит из оригинальных сочинений выговских авторов. Она озаглавлена следующим образом: «Места риторические, собранные из Слов Андрея Дионисиевича и его учеников». Здесь представлены парадигмы ко всем риторическим «местам», тропам и фигурам, авторы которых (обозначены с помощью инициалов на полях) — Андрей и Семен Денисовы, Мануил Петров и некто И. Т., инициалы которого пока нет возможности расшифровать.³⁶ Впрочем, число парадигм с этими инициалами ничтожно мало, их всего четыре, в то время как трем другим авторам принадлежит больше ста парадигм.

Если бы В. Г. Дружинин подробно изучил содержание Свода, он не стал бы утверждать, что ему не встречались ни поморские списки Риторик Козьмы вообще, ни списки Риторик Козьмы с переделками Семена Денисова в частности. Он говорил об этом в связи со свидетельством Григория Яковлева о том, что Риторика Козьмы была переработана Семеном Денисовым, переделавшим будто бы ее полемические антистарообрядческие парадигмы на противониконианские.³⁷ Риторика-свод включает в себя Риторику Козьмы, антистарообрядческие парадигмы которой заменены здесь на противониконианские. Так, где у Козьмы была «Парадигма на раскольников, яко всем явна их прелесть», в Риторике-своде читается «Парадигма на еретиков, яко всем явна их прелесть» и добавлена отсутствующая у Козьмы вовсе «Ина парадигма на российское православие, яко всем известно есть». Парадигма Козьмы «Крамольниче и вертопраше староверче. . .» заменена на «Ревнителю и поборниче новья веры. . .», козьминское «Проклятии раскольники, сиречь схиматики. . .» — на «Новоизобретенных преданий теплии поборницы, Никон, и иже ему последующии. . .».³⁸

Обращает на себя внимание связь содержания сборника 1725 г. (ГПБ, О. XV. 51) с содержанием Риторик-свода. В сборнике выписан фрагмент из «Розыска о раскольничьей брынской вере» Димитрия Ростовского о 4-х способах толкования Священного Писания — «Како толкуются та, яже требуют толкования»; этот же фрагмент включен в Риторику-свод.³⁹ В сборнике находится отрывок из «Риторической руки» Стефана Яворского о тех же 4-х видах толкования, он же включен и в Риторику-свод.⁴⁰ Кроме этого, в сборнике 1725 г. и в Риторике-своде совпадают некоторые парадигмы фесиса и ипофесиса (из 4-х парадигм, представленных в той и другой рукописях, 2 парадигмы общие).⁴¹ В сборнике 1725 г. записаны с разбиением на риторические места Слова Андрея Денисова о молитве, о воздержании, о чистоте;⁴² в Риторике-своде эти места «разнесены» по параграфам, посвященным отдельным «внутренним местам».⁴³ В сборнике 1725 г. помещено Слово Семена Денисова «Яко время прекращено есть. . .»; в Риторике-своде это Слово предстает разбитым на парадигмы для иллюстрации параграфа о «внешних местах». В сборнике 1725 г. есть Слово

³⁵ В. Г. Дружинин. Словесные науки. . ., с. 27.

³⁶ Известно, что Трифон Петров в старообрядчестве был наречен Иоанн (см.: Бывшего беспоповца Григория Яковлева Извещение. . ., с. 78).

³⁷ В. Г. Дружинин. Словесные науки. . ., с. 26.

³⁸ ГПБ, О. XV. 14, л. 112, 204, 231 об.; БАН, собр. Дружинина, № 122, л. 98—99, 99—100, 187 об.—189, 219 об.—221.

³⁹ ГПБ, О. XV. 51, л. 19—24 об.; БАН, собр. Дружинина, № 122, л. 462—469 об.

⁴⁰ ГПБ, О. XVII. 51, л. 10—18 об.; БАН, собр. Дружинина, № 122, л. 455—462.

⁴¹ ГПБ, О. XVII. 51, л. 40—43 об.; БАН, собр. Дружинина, № 122, л. 485 об.—487.

⁴² ГПБ, О. XVII. 51, л. 46—52 об., 61—79.

⁴³ БАН, собр. Дружинина, № 122, л. 488—559.

Андрея Денисова о покаянии «Покайтесь, приближи бо ся царство небесное»; это же Слово помещено и в Риторике-своде.

Сборник 1725 г. представляет собой как бы черновую, подготовительную работу, предшествовавшую составлению Риторике-свода. В школе Семена Денисова в 1725 г. писали упражнения, а после 1726 г. из этих упражнений родилась Риторика-свод.

Что Семен Денисов был одним из составителей Риторике-свода, явствует уже из преемственности между сборником 1725 г. и Сводом. Как составителя Свода (а не только автора включенных туда сочинений, что не одно и то же) выдает Семена Денисова и заглавие второй части этого Свода — «Места риторические, собранные из Слов Андрея Дионисиевича и его учеников». При том непоколебимом авторитете, каким пользовался Семен в общежителстве, тем более в 30-е гг., годы его настоятельства, не назвать его имени рядом с именем брата Андрея (в то время как львиная доля сочинений, внесенных в Свод, совершенно очевидно принадлежала ему) было немислимо. Это было немислимо с точки зрения третьего лица. Но это было возможно с точки зрения самого Семена Денисова, авторская скромность которого диктовала ему укрыться под именем «ученика».

Соавтором Семена при составлении Риторике-свода был Мануил Петров. Парадигмы, помеченные здесь как принадлежащие Мануилу Петрову, не есть отрывки из самостоятельных, отдельно написанных сочинений, «места», собранные из Слов, какими являются парадигмы Андрея и Семена Денисовых. Среди сочинений Мануила Петрова неизвестно таких, к которым бы восходили эти его парадигмы из Риторике-свода. Это так называемые «двожды», помещаемые в конце каждого раздела «мест внутренних», и примеры «мест внешних». Их характер указывает на то, что это собственно парадигмы, придуманные специально для данного случая.⁴⁴

Итак, Семен Денисов и Мануил Петров были составителями Риторике-свода. Первая половина этого Свода, представляющая собой контаминацию всех известных выговцам Риторик, известна только в данном списке; вторая же, состоящая из парадигм Денисовых и Мануила Петрова, стала образцом для дальнейшей выговской словесности. Известен сборник середины XVIII в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 23, л. 55—171), где приписана именно эта половина Риторике-свода. После смерти Андрея и Семена Денисовых на основе этой половины была создана особая Риторика, которую назовем Поморской.⁴⁵ Это уже был учебник

⁴⁴ Все инициалы на полях Риторике-свода, помечающие авторство Мануила Петрова, кто-то пыгался стереть. Трудно найти этому удовлетворительные объяснения. Можно только высказать следующее предположение. Парадигмы, принадлежащие Мануилу Петрову, носят ярко выраженный полемический старообрядческий характер. Содержание примеров Андрея и Семена Денисовых (не считая антиноконстантинопольских переделок в Риторике Розьмы, которые не отмечены инициалами автора) более отвлеченное: о молитве вообще, о вере вообще, о человеке вообще, о смиреннии вообще и т. п. Примеры же Мануила Петрова направлены против гонителя старообрядцев нижегородского епископа Питирима, фальсифицированного новообрядцами деяния на Мартина еретика, в защиту двуперстия, статуса выговского общежителства. Не этим ли полемическим и потому опасным перед лицом властей содержанием парадигм и объясняется тот факт, что инициалы, выдающие их автора, были стерты?

⁴⁵ В полном своем виде Поморская Риторика дошла до нас в списке ГПБ, О. XV. 101, выполненном на бумаге 1789 г. Но время ее создания следует относить к годам до 1764 г. Части этой Риторике «О памяти» и «О произношении» переписаны уже в антологии сочинений Андрея Денисова, составленной в 1764 г. (Антология дошла в 2-х списках: БАН, собр. Дружинина, № 501 (531) и ГБЛ, собр. Егорова, № 1961. В 1-й рукописи на л. 260 об., во 2-й — на л. 199 запись: «Слава богу, всех помощнику, концем дело увенчавшему 1764-го года»). Значит, к 1764 г. Поморская Риторика уже существовала, этот год — верхняя граница времени ее составления. Нижняя же граница — даты жизни Андрея и Семена Денисовых, так как Риторика написана после их смерти. Андрей умер первым, в 1740 г. умер Семен. (См.: Сводный старообрядческий Синодик.

второго поколения школы Денисовых. Составитель, включив в него парадигматическую часть Риторики-свода, сам заявил о школе братьев Денисовых как об источнике: «Всех сих, яко внутренних, тако и внешних, и прочих риторических мест собравше по силе нашей, напишем различнии приклады доводов же и словорращения в просвещение учащимся. Обаче не своя, но готовая наших риторов Андреа и Симеона Дионисиевичев, елико возмохом собрати от многих малая».⁴⁶

Последние же две части Поморской Риторики оригинальны. В них выговский ритор второго поколения зафиксировал предание своей школы: Семен Денисов «при одаренной ему от всепревысочайшего создателя естественной памяти еще изрядно видим был и в художественных сих, спомоществующих памяти правилех: 1. С самых младых лет всегда непременно пребывал он в частом обучении божественнаго писания и внешнего любомудрия. 2. Прочитывал он писание с прилежным вниманием, не токмо телесными, но и душевными очесы. . . 3. Вытверживал к сказанию изустно на память грамматическия и прочих наук правила. 4. В твержении оных поступал умеренно. Не на все купно вскоре захватить простирался, но по частем и периодам. . . 5. Частыя о всем оном всегда со учеными людьми разговоры имел. 6. Употреблял в писмах некия для памяти значки, числа и азбучныя писмена. 7. Книги, по них же учился, исписанныя власною его рукою, никогда не изменял, но хранил их во всю свою жизнь неизменно, в разсуждении таком, что весьма сие памяти спомоществует. Премещение же книг оную несколько помрачает и воспоминания остроту притупляет. . .». А Андрей Денисов «наблюдал. . . всегда непреложно в произношении гласа и нижеследующия сии правила: 1. Дабы последния слоги в речениях чисто произносилися. 2. Чтобы говорити не велми косно и не велми бодро, но посредственно. 3. Не зело бы кричливо, напротив же и не весма б тихо, и не единообразно, не по подобию секиры, секущей лес, но по выше объявленному в периодах разуму. 4. Не опускал тогда по странам во инья вещи своих мыслей, но мужественно оныя содержал в надлежащем деле, и от сего никогда не шатался по стремнинам глас его. 5. В сем аще мало от естества был и недостаточен, однако искусством, сколко можно, востыгал себя, дабы не изглашать в ноздри. 6. Воздержался от частых одышек и еже б капляньми, сморканиями, иканиями и безвременными харканиями и плеваньми не растлити гласа. 7. Определял всегда гла голания количество разсудительне по времени и по своей силе. 8. Опасался велми частого отдохновения, а особливо на неперіодных окончаниях. 9. Искусно различал гласом не токмо периоды и двоеточия, но и самыя запятая. 10. Крепко содержал всегда во уме грамматическия правила, то есть по силе просодии во всяком речении ударения и чтобы речения свойственными кончать слогами, а не странными, например, рещи «бог», а не «бох», во множественном числе «богов», а не «богоф». . . 11. Частое всему оному имел обучение, не токмо при людех, но и наедине будучи. 12. Во всем своем риторстве тщался всегда подражать славным преславныя нашея веры духовным риторам, а наипаче пресладчайшему риторов святому отцу Златосту».⁴⁷

Второе издание Синодика по четырем рукописям XVIII—XIX вв. А. И. Пыпина. СПб., 1883, с. 30). Стало быть, Поморская Риторика была написана в промежутке между 1740 и 1764 гг.

⁴⁶ ГПБ, О.ХV.101, л. 2.

⁴⁷ Там же, л. 274 об.—281.

С. И. НИКОЛАЕВ

Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в.

I. «Выдание о добронравии»

Древнерусские переводы сочинений польского писателя Яна Жабчица (ум. после 1629 г.) известны в науке более ста лет. Тем не менее сведения о них столь же скудны, сколь и документальные данные о самом Яне Жабчице. Эти данные ограничиваются упоминанием о нем в предисловии к «Четвертаку» («Czwartak», Краков, 1630), где говорится, что издатель решает переиздать это «достойное сочинение» Яна Жабчица с предшествующего краковского (1629 г.) издания, и анекдотом о Жабчице 1650 г., в котором он предстает литератором-профессионалом, тщетно ищущим литературной работы.¹ Недавно Ян Дюрр-Дурский указал еще один источник, из которого ясно, что у Я. Жабчица был сын, тоже Ян.² Эта полумифическая личность еще при жизни стала жертвой «эпидемии литературного разбоя», свирепствовавшей, по выражению А. Брюкнера, в Польше в начале XVII в. Часть литературной продукции Я. Жабчица была нещадно разграблена, и только исследования польских филологов XX в. восстановили корпус сочинений этого незаурядного поэта-моралиста и панегириста.

В России в конце XVII в. были переведены два сочинения Яна Жабчица — «Polityka dworskie» («Выдание о добронравии») и «Czwartak» («Четвертак»). Если последнее вообще не изучалось и не публиковалось, то «Выдание о добронравии» имеет долгую историю изучения. В 1861 г. Ф. И. Буслаев по списку ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 250/455 частично опубликовал перевод.³ В 1899 г. П. К. Симоны опубликовал весь перевод по тому же списку параллельно с польским изданием 1630 г.⁴ В 1903 г. А. И. Соболевский в своем фундаментальном обзоре переводной литературы XIV—XVII вв. указал семь списков перевода.⁵ Тогда же был опубли-

¹ См.: Dawna faciesja polska (XVI—XVIII w.). Oprac. J. Krzyżanowski i K. Żukowska-Billip. Warszawa, 1960, s. 227; M. Piśczkowski. Pisma Jana Żabczyca. — Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie, dz. 1, t. 5, z. 3. Lwów, 1937, s. 2—8.

² J. Dügg-Durski. Żabczyc, jakiego nie znamy. Kolęda poborowa z roku 1627. — Prace Polonistyczne. S. 23. Łódź, 1967, s. 75.

³ Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 1415—1416.

⁴ Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симоны, вып. 1. СПб., 1899, с. 21—47.

⁵ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903, с. 177—178.

ликован еще один список — Воронежского губернского музея.⁶ Все эти публикации и сообщения снабжены лишь предварительными соображениями. Первый же анализ перевода принадлежит А. Брюкнеру.⁷ После беглого просмотра и сравнения с подлинником (только по публикации П. К. Симоны) он резко и несправедливо объявил перевод убогой карикатурой на оригинал. Отдельную работу «Выданию о добронравии» посвятил известный польский русист Р. Лужный.⁸ В результате внимательного сопоставления оригинала с переводом, опять только по публикации П. К. Симоны, Р. Лужный положительно оценил работу переводчика и отметил, что «Выдание о добронравии» должно «занять достойное место как в изучении литературного языка XVII в., так и в исследовании русско-польских литературных отношений этой эпохи».⁹

Таким образом, все исследователи занимались в основном сопоставлением перевода с оригиналом, причем по одному списку, который, как будет показано ниже, имеет свои индивидуальные чтения, отразившие работу переписчика — редактора этого списка (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 250/455). Не учтена была А. Брюкнером и Р. Лужным публикация воронежского, вполне исправного списка. Прежде всего открытыми остались вопросы атрибуции и датировки перевода, истории текста и места переводов сочинений Яна Жабчица в истории русской литературы переходного периода.

В данной работе предпринята попытка осветить эти и некоторые другие темы, касающиеся «Выдания о добронравии» и «Четвертака».

* * *

В настоящее время известно тринадцать списков «Выдания о добронравии» (далее — «Выдание»).

1. ГИМ, собр. Уварова, № 5 (далее — У1). Сборник, XVII в.,¹⁰ в 4-ку, 326 л., скоропись разных почерков, переплет — картон в коже. Водяные знаки: голова шута с пятью бубенцами (просматриваются одни бубенцы), голова шута с семью бубенцами (близкий к Гераклитову № 1388, 1391—1692, 1694 гг.). Содержание: Повесть о белом клобуке; «Описание расстояний столиц и нарочитых градов» А. А. Виниуса (1667 г.); выдержки из Космографии М. Бельского. «Выдание» — на л. 132 об. — 136, текст в два столбца в отличие от других статей.

Загл.: «Перевод полскаго писма с печатной тетрати выдание о добронравии Яна Запчица». Нач.: «Учтивное житие: бога бойся». Кон.: «... лекарство без доволство (*так!*). Конец тетрати Яна Запчица».

2. ГИМ, собр. Уварова, № 555/440 (далее — У2). Сборная рукопись, XVII—XVIII вв.,¹¹ в 4-ку, 653 л., скоропись. Сплетена из одиннадцати рукописей разного времени и характера. Переплет — картон в коже, сохранилась одна застежка. «Выдание» находится в первой рукописи

⁶ А. Д. Фадеев. Рукописи и древние акты Воронежского губернского музея. — Труды Воронежской ученой архивной комиссии, вып. 2. Воронеж, 1904, с. 17—24 (отдельной пагинации).

⁷ А. Вгюскнер. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta. Lwów, 1906, s. 61—68.

⁸ Р. Лужный. «Выдание о добронравии» — древнерусская переработка сочинения Яна Жабчица «Polityka dworskie». (Из истории русско-польских литературных связей XVII в.). — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 223—227.

⁹ Там же, с. 227.

¹⁰ См.: Леонид, архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. 4. М., 1894, с. 197—199.

¹¹ Там же, с. 220—223.

(л. 1—69), конец XVII в. Содержание: статья о покаянии и грехах (без заглавия); «Поучение, како подобает православным христианом в церкви божи со страхом стояти»; статья о браке. «Выдание» — на л. 52—68. Запись: «206-го (1698) марта в 26 день писал сии тетради святительския домовья вотчины пятницкий поп Хрисанф Григорьев, а по прозванию дедушка Антип».¹²

Загл.: «О добронравии Яна Запчица». Нач.: «Учтливое житие: бога бойся». Кон.: «. . .лекарство без доволства».

3. ГБЛ, собр. ОИДР, № 213 (далее — О). Сборная рукопись, первая половина XVIII в.,¹³ в 4-ку, 330+I л., скоропись, переплет — картон в коже, на переплете даты: 1747, 1751. Водяной знак: герб Амстердама (букв нет — в альбомах идентичного ему нам не попадалось). Содержание: Златый бисер; «География, или краткое земного круга описание», с печатного издания 1716 г.; Космография. «Выдание» — на л. 181—194 об. в отдельной тетради. На нижнем обресе л. 194 об. другим почерком запись: «Списано подлинн[о] слово в слов[о] лета 1708» (далее обрешено). Запись эта, очевидно, не относится к «Выданию». На верхней внутренней крышке переплета — реестр книг, содержащихся в рукописи; «Выдание» не указано.

Загл.: «Перевод с полского писма. Выдание автора Яна Запчица о добронравии человека краткими речениями сладостне и зело изячно изображено». Нач.: «Учтливое житие: бога бойся». Кон.: «. . .лекарство без доволства, своевольны з голодом».

4. ЦНБ АН УССР, ДА/П 549 (далее — Д). Сборник, 1749—1753 гг.,¹⁴ в 8-ку, 128 л., скоропись. Содержание: «Стихи Григория Богослова»; история о Богородице из Миней Четых Димитрия Ростовского; «Сказание о создании великия церкви печерския». Записи: «ср. 1. 3571 (т. е. 1753) апно» (л. 88), «Писана в Москве 1752 года октября» (л. 127 об.), «Сия книга досталась по наследству от священника села Юриновки Онисима Красовского его внуку ученику Черниговской семинарии Феодору Богуславскому философу 1852 года м[еся]ца августа 26 дня» (л. 128). «Выдание» — на л. 112—128.

Загл.: «Книга глаголемая обычаев человеческих. Выписано из книги Яна Затина о добронравии человечестем краткими речениями сладостне и зело изячно изображено». Нач.: «Житие благочестие: бога бояться». Кон.: «. . .лекарство без доволства».

После «Выдания» приписано семь нравоучительных сентенций.

5. Воронежский областной музей, № 9 (далее — В). Сборная рукопись, конец XVII в.,¹⁵ в 4-ку, 121 л. Состоит из пяти рукописей. Содержание: «О полевом верстании книжица» (1687 г.); развод сошному письму; латинский и польский алфавиты и т. д. «Выдание» — на л. 89—121, в отдельной тетради.

¹² У архимандрита Леониды «Антип» прочтено неправильно «амин» (там же, с. 220).

¹³ См.: П. М. Строев. Библиотека имп. общества истории и древностей российских. М., 1845, с. 97—99.

¹⁴ Рукопись описана по кн.: Н. Петров. Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. 2. Киев, 1877, с. 540—542. Мы пользовались микрофильмом рукописи.

¹⁵ Рукопись описана по кн.: Труды Воронежской ученой архивной комиссии, вып. 2, с. 8—16 (отдельной пагинации). Там же (с. 17—24) опубликовано «Выдание» по этому списку. Этой публикацией мы пользовались при подготовке «Выдания» по всем спискам, так как на наше письмо от 19 декабря 1977 г. в дирекцию музея ответа не поступило. А. И. Рогов пишет, что дирекция музея сообщила ему в письме от 18 апреля 1959 г. о том, что собрание рукописей, находящееся в музее, не разобрано. См.: А. И. Рогов. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962, с. 31.

Загл.: «Выдание о добронравии». Нач.: «Учтивное житие: бога бойся». Кон.: «. . . лекарство без доволство (*так!*)».

6. ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 476/956 (далее — М2). «Книга глаголемая прохладный вертоград, избранная от многих мудрецов о различных враческих вещей (*так!*) к здравию человеческому пристоящих», середина XVIII в., в лист, 246 л., полуустав. Водяной знак: герб Ярославля, буквы ЯМАЗ (Клепиков, Филигр. и штемп., с. 20 — 1756 г.). Переплет — доски в коже, сохранилась одна застёжка. «Выдание» — на л. 238—241 об., текст в два столбца.

Загл.: «Перевод с польского письма с печатной тетради именуемой Политока дворская Яна Заптица о добронравии». Нач.: «Бога бойся, старейшаго почитай». Кон.: «Мудрый дураком бывает: от пития крепкого вина, от явнаго сидения з девицею, от сеяния в непогодный дождь, от брани во пьянстве».

7. ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 250/455 (далее — М1). Сборная рукопись, конец XVII в.,¹⁶ в 4-ку, полуустав и скоропись разных почерков. «Выдание» — на л. 31—37 новой пагинации (старая пагинация — л. 314—320).

Загл.: «Выдание о добронравии». Нач.: «Учтивное житие: бога бойся». Кон.: «. . . лекарство без доволство (*так!*)».

8. БАН, 21.9.19, Северное собр., № 721 (далее — С). Сборная рукопись, XVIII—XIX вв.,¹⁷ в 8-ку, 188 л., поморский полуустав. Водяной знак: улей на гербовом щите. В заглавиях (кроме первых букв) и начальных буквах сентенций киноварь. «Выдание» — на л. 144—155 об., в отдельной тетради.

Загл. нет. Нач.: «Учтивное житие: бога бойся». Кон.: «Временная утеха: конь пригожей, оружие надежно, жена пригожа». После «Выдания» идут несколько сентенций правоучительного характера из «Четвертака» и других памятников.

9. ГПБ, собр. Погодина, № 1579 (далее — П). Сборная рукопись, XVII—XVIII вв.,¹⁸ в 4-ку, 133+IX л., скоропись и полуустав, переплет картонный с кожаным корешком. Состоит из 17 рукописей, преимущественно исторических, а также старообрядческих сочинений и др. «Выдание» — на л. 95—106, в отдельной тетради несколько меньшего размера. Полуустав, в заголовках киноварь. Водяные знаки: 1) семь провинций, АЈ (курсив) (Черчилль, № 116, 118 — 1701, 1707 гг.); 2) герб Амстердама (без постамента и букв — аналогичного обнаружить не удалось).

Загл. нет. Нач.: «Учтивное житие: бога бойся». Кон.: «. . . лекарство без доволства».

10. ГПБ, Q.1.480 (далее — Г). Сборник, XVII—XVIII вв., в 4-ку, 196+V л., полуустав, переплет картонный в коже, на корешке вытиснено: «Христианское учение первое». Водяной знак: семь провинций, буквы P I O L L Y, аналогичного в альбомах обнаружить не удалось, но на другой голландской же бумаге с филигранью герб Амстердама имеются те же буквы, хотя в несколько измененном виде — P I O L Y (Черчилль, № 37 — 1700 г.). На л. 32 об., 48, 102 об., 191 имеются замысловатые концовки,

¹⁶ Рукопись подробно описана в кн.: Старинные сборники русских пословиц. . . , вып. 1, с. 3—21, 46—68.

¹⁷ См.: В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913, с. 373—378.

¹⁸ См.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, с. 6—12. Ср.: Д. К. Уо. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 196, 201.

выполненные черными чернилами. В заголовках киноварь. Записи: «Сего 1820-го года октября 15 дня купил я оную и дал за нее 1. — С (фамилия выскоблена, — С.Н.)» (л. 1 об.); «Из книг ныне (выскоблено), ибо я ее купил в 1820 года (*так!*) октября 15 дня и дал за нее рубль. В С. Питербурге, в толкучем ряду на прилавке» (л. 103); на л. IV записаны две послышцы. Листы без текста: I—III, 7, 33, 49, 103, 127. Содержание: 1) л. 1—6 об., «Христианское вкратце учение»; 2) л. 8—10 об., молитвы; 3) л. 10 об.—32 об., «О книжном учении или разглагоство о тщанноствах писмен»; 4) л. 34—48, «Выдание о добронравии»; 5) л. 50—100, «Апология в уголение печали человека сущаго в беде, гонении и озлоблении»; 6) л. 100 об.—102 об., «Послание святаго исповедника Христова Хрисогона, от уз к святей Анастасии Фармаколитрии»; 7) л. 104—126 об., «Краткая беседа милости со истинною о божи милосердии и мучении» А. Х. Белобоцкого; 8) л. 128—172, «Выписано из книги степенной. Повесть философа греческого, беседа и благочестивое сказание. Глава 26»; 9) л. 173—186, «Охлада искушеними побежденному»; 10) л. 187 об.—191, «Прилог 3. Отступник монах иерей бысть разбойник и в мытарство на два тысяща лет сам себе осуди»; 11) л. 192—196, «Словеса избранные о житии человечестем и о состарении».

Загл. нет. Нач.: «Наказанию должны: чернец, ученик, воин, житель, слуга непослушной». Кон.: «. . . лекарство без довольства».

11. ГПБ, Q.XVII.257 (далее — 3). Сборная рукопись, XVII—XVIII вв.,¹⁹ в 4-ку, 28+I л., скоропись, переплет картонный новейшего времени с кожаным корешком и наугольниками. Сплетена из пяти рукописей. Содержание: отрывки из Александрии, из повестей о Савве Грудцыне, о взятии Иерусалима. «Выдание» занимает отдельную тетрадь на л. 22—28+I, скоропись. Водяной знак: герб Амстердама, буквы IY (С. А. К л е п и к о в. Бумага с филигранью «герб города Амстердама». — В кн.: Записки отдела рукописей ГБЛ, вып. 20. М., 1958, № 156 — 1673—1764 гг.). Листы без текста: л. 28 об., I. Список датруем первой третью XVIII в.

Загл.: «Перевод с полскаго писма с печатной тетрати выдано о добронравии трудами Яна Запчицкаго». Нач.: «Учтивное житие: бога бойся». Кон.: «Путь продолжают: воз неисправный, лошадь ленива, извоицк сонной».

12. ГПБ, Q.XVII.214 (далее — Б). Сборная рукопись, XVII—XVIII вв.,²⁰ в 4-ку, 43+I л., скоропись, переплет картонный. Содержание: «Помяник вседневный»; молитвы; повесть из «Римских деяний»; «История о Аполлонии Тирском»; интермедия. «Выдание» читается в отдельной тетради (л. 14—20), на л. 14—19, 19 об.—20 — несколько молитв (запись середины XVIII в.). Записи: «Сия тетрадь Сергея Стахеева» (л. 19); «Сия тетрадь Петра Сергеева сына Стахеева и подписал сию тетрадь Сергей Стахеев» (л. 20 об.), тут же примитивные рисунки и многочисленные пробы пера. Водяной знак: герб Амстердама (без постамента и букв, на одном листе неразборчиво просматривается часть контрмарки) — аналогичного обнаружить не удалось. Этот список «Выдания» датруем концом XVII в. Текст в два столбца (столбцы пронумерованы — 22, изречения также пронумерованы — 104). Во многих местах, особенно на сгибах, текст стерся, кое-где залит грязью и чернилами.

¹⁹ См.: Отчет императорской Публичной библиотеки за 1900 и 1901 гг. СПб., 1905, с. 106—107.

²⁰ См.: И. А. Бычков. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке. СПб., 1897, с. 321—323.

Загл.: «Перевод с полского писма печатной книги²¹ тетради выдание о добронравии Яна Запщца». Нач.: «Учтивное житие: бога бойся». Кон.: «. . . лекарство без доволства».

13. ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 47 (далее — К). Сборник, последняя треть XVIII в.,²² в лист, 66 л., скоропись, переплет картонный с кожаным корешком. Водяные знаки: буквы ВФ (в волнистом прямоугольнике) и СТ (в волнистом прямоугольнике) (Клепиков, Филигр. и штемп., № 151 — 1765—1776). Заголовки и заглавные буквы выполнены красными чернилами. Записи: «Из книг Василья Савина. Купленная (нрзб.) у вдовы Соломаны Семеновной (так!) Ерасовой 1818 года мая»; «Читал и пользовался керечанин Михайло Васильев Каргуев того же году в июне» (обе на нижней внутренней крышке переплета); «Василья Савина» (л. 1). Сохранилась старая потетрадная пагинация. Листы без текста: 65 и 66. На переплете наклейка: «№ 5. Житие Филиппа митрополита», ниже — прописные буквы чернилами «ВС» (Василия Савина?). Содержание: 1) л. 1—32 об., «Житие и подвизи и отчасти чудес исповедание иже во святых отца нашего и исповедника Филиппа митрополита московского и всея России новаго чудотворца»; 2) л. 33—57 об., Летописец соловецкий; 3) л. 58 об.—60, реестр вооружения Соловецкого монастыря; 4) л. 61—62 об., «Выдание о добронравии»; 5) л. 63, владельческие пометы крестьян села Кереть, пометы типа «проба пера» и письма хозяйственно-бытового содержания; 6) л. 63 об.—64 об., список русских князей и государей с датами и местами рождения и смерти.

Загл.: «Запщца (так!) Яна преведена с полского языка на славенский». Нач.: «Учтивное житие: бога бойся». Кон.: «. . . цыганская и воложеская правда».

* * *

Все 13 списков «Выдания о добронравии» XVII—XVIII вв. являются неполными или содержат позднейшие чтения. Нет даже двух списков, которые бы совпадали друг с другом, что осложняет текстологическое изучение и подготовку текста к изданию. Это связано с тем, что «Выдание о добронравии» — набор кратких сентенций нравоучительного характера, тяготеющих то к притче, то к фацеции. Специфика этого жанра такова (см. о нем ниже), что внутри одной сентенции в принципе возможны любые перестановки. Поэтому мы отказались от выделения редакций и выделили лишь варианты.

Несмотря на иногда весьма значительные отличия, все списки восходят к одному переводу, дополнительной сверки с оригиналом не было.

Как будет показано ниже, перевод был сделан в 1691 г. Самый же близкий к протографу перевода текст читается в варианте, представленном только одним списком II. Прежде всего, сохранились «родимые пятна» оригинала, например:

Оригинал	II	У1
do snoty bez farby zołnierz	до сноты (так!) без краски жолнер	до учтivosti без приправы воин

Кроме того, только в II сохранились следы перевода одной сентенции польского оригинала: «мухи, пси и борзые»; в II эти слова добавлены

²¹ Слово «книги» приписано позднее другой рукой.

²² Рукопись указана нам В. П. Бударягиным.

к № 84, в других списках этих слов нет.²³ В некоторых предложениях, например № 99, П дает верный порядок слов. Однако список этот позднейший и не совсем исправный. В нем нет заглавия, встречается неверная разбивка предложения на лемму и три посылки, две предложения объединены в одну (№ 58 и 59) и т. д. В рукописи, к которой непосредственно восходит П, были, очевидно, перебиты листы, поэтому в П переставлены местами некоторые предложения (№ 1—54, 54*, 55—82, 82*, 83, 99—103, 98, 104—105, 84—97, 106—113). Таким образом, П, хотя и содержит много поновленных чтений, появившихся в процессе переписки, тем не менее отражает начальный этап бытования «Выдания о добронравии».

Не позднее середины 90-х гг. XVII в. (в У2 дата — 1698 г.) возник Уваровский вариант, в нем убраны некоторые полонизмы П, о которых только что упоминалось. Вариант представлен 8 списками XVII—XVIII вв.: ГИМ, собр. Уварова, № 5, собр. Уварова, № 555; ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 250/455; БАН, 21.9.19; ГПБ, Q.XVII.257, Q.XVII.214, Q.1.480; Воронежский областной музей, № 9. Все списки этого варианта неполны. Так, У1, положенный в основу издания, не имеет двух предложений (№ 54*, 82*), которые в текст Приложения внесены по В. Их отсутствие объясняется следующим образом. В У1 № 54* должен был находиться на нижнем обрезе л. 134 или на верхнем обрезе л. 134 об.; это, очевидно, пропуск механический. № 82* был опущен, скорее всего, специально, так как входит полностью в № 36. В остальном же У1 дает лучшие чтения. У2 очень близок к У1, восходят они к одному протографу, так как имеют много общих чтений, но непосредственно между собой не связаны. У2 также не содержит всех предложений (№ 1—54, 54*, 55—72, 79—82, 82*, 83—113).

Очень близки друг к другу списки В и М1, оба конца XVII в. В обоих опущено по одному афоризму (№ 35), оба имеют одинаковое заглавие и одну и ту же интерполяцию в № 106.

От основного списка У1 В почти не отличается, а М1 носит явные следы правки, не всегда, впрочем, умелой и удачной. Заключалась она в довольно непоследовательной замене слов «девица», «жена» и т. д. на «старец», «люди». Как известно, этот список служил основным для исследователей²⁴ и эти индивидуальные чтения М1 были сочтены присущими всему переводу в целом.

Остальные списки этого варианта не приносят нового. Кроме С, все они неполны. Так, Г не имеет начала «Выдания» (№ 52—54, 54*, 55—82, 82*, 83—106, 108—113); З, наоборот, конца (№ 1—54, 54*, 55—82, 82*, 83—96); Б имеет спорадические пропуски (№ 1—45, 47—54, 54*, 55—81, 82*, 84—88, 92—95, 98—103, 105, 109—113). В С только два пропуска (№ 1—36, 39—54, 54*, 55—82, 82*, 83—106, 108—113, 38); интересен он тем, что в этом списке последней четверти XVIII в. после «Выдания» приписано без заглавия несколько предложений из «Четвертака» Яна Жабчица, что наталкивает на мысль о совместном бытовании двух переводных сочинений одного автора.

Вариант ОИДР представлен двумя списками: О и Д. Д восходит к О, но не прямо, так как в О опущены № 93 и 107, а в Д — № 10 и 107. Уже по расширенному заглавию виден характер вносимых изменений: «О добронравии человека краткими речениями сладостне и зело изящно изображено» (О, л. 181). В основном это перестановка слов внутри одной сентен-

²³ Вся нумерация дается по У1, в котором всего 113 предложений. Двух предложений, отмеченных астериксом, в У1 нет, внесены по В. Астериски употреблены для того, чтобы не нарушать нумерацию У1. «Выдание» цитируется по У1, кроме особо оговоренных случаев.

²⁴ См. примеч. 7 и 8.

ции, почти последовательно проведенная в Д, затем замена императивов на инфинитивы и отглагольные существительные в леммах (№ 85, 30, 37 и др.), что опять-таки более последовательно сделано в Д. Приведем примеры:

У1	О	Д
№ 49 человек правдив	справедливость	правда
№ 37 бегай сих	бегати достоит	бегати достойно
№ 75 от пития помнися	от пития излишняго	от пития излишнего воз- держание

Это могут быть и некоторые дополнения, например № 100: «Удержаться: . . . от игrania карт» (У1), а в Д: «Удерживаться: . . . от игrania карт в денги» и т. д. Но в основном для этого варианта характерны инверсии, о которых упоминалось.

Два оставшихся списка М2 и К представляют Карельский вариант, который возник поздно, во второй половине XVIII в. Карельский вариант восходит к варианту ОИДР, но М2 и К независимы друг от друга. Вариант отражает следующий и последний этап бытования «Выдания о добронравии», когда «Выдание» перестало осознаваться как целостный текст и превратилось уже в хаотичный набор морально-дидактических сентенций, никак композиционно не объединенных. Прежде всего нарушен порядок. Так, М2 содержит № 1—6, 13, 14, 7—12, 20, 21, 15, 17—19, 27—29, 22—26, 34—36, 30—33, 37—41, 36, 44—49, 42, 43, 52—54, 54*, 55—57, 50, 51, 58, 59, 84—94, 99, 100, 95—98, 105, 60, 101—104, 66—68, 61—65, 72—75, 69—71, 80—82, 76—79, 82*, 83; К — № 1—2, 48, 49, 45, 46, 8, 4, 12, 33, 30, 64, 102, 36, 82*, 68, 72, 43, 44, 54*, 94, 80, 84, 3, 110, 65, 77, 78, 83, 95, 96, 111, 112, 97. Характерно, что некоторые сентенции лишаются конкретности, становятся более абстрактны. Например, № 11: «Великой убыток: . . . дурак при совете» (У1); «Великой убыток: . . . дурак в природе» (М2), хотя последнее получилось, очевидно, из «дурак при раде» (О).

Этот краткий текстологический обзор позволяет, как кажется, сделать следующие выводы. Уже в 90-х гг. XVII в. перевод освободился от своих «родимых пятен» и несколько десятилетий существовал как цельный текст. В первой четверти XVIII в. «Выдание» стало подвергаться переработке, сначала незначительной (вариант ОИДР), а позже, в середине XVIII в., уже существенной (Карельский вариант). Это было результатом того, что «Выдание» перестало осознаваться как целостный текст. Историю текста отражает в определенной мере и история заглавия. Полное заглавие с характерной формулой Посольского приказа «перевод с полскаго писма» постепенно превращается в не совсем понятное «Выдание о добронравии», так как «выдание автора Яна Запцица» (О) значит, что книга издана (wydana, — польск.) этим автором.

* * *

Оригинал «Выдания о добронравии» был указан П. Симони при публикации списка М1, но только в одном списке (М2) он указан точно — «с печатной тетради, именуемой Политока дворская» (л. 238). В поисках издания, с которого был сделан перевод, мы сталкиваемся со следующей проблемой. Сведения об изданиях «*Polityka dworskie*» (а их было несколько), которые дают К. Эстрейхер,²⁵ М. Пицковский²⁶ и Центральный

²⁵ К. Estreicher. Bibliografia polska, t. 34, z. 1, Z — Załuski. Kraków, 1951, s. 15. Указано 6 изданий.

²⁶ М. Pi s z c z k o w s k i. Pisma Jana Żabczycsa, s. 53. Указано пять изданий.

каталог старопечатных книг Национальной библиотеки в Варшаве,²⁷ не только не совпадают, но и не отражают действительного положения вещей. К тому же в Центральном каталоге учтены не все экземпляры и несколько перепутаны издания. Поэтому мы даем краткое описание всех ныне известных в библиотеках ПНР изданий этого сочинения. Экземпляров изданий 1631 г. и 1637 г. не сохранилось, поэтому нами описаны известные экземпляры пяти изданий.

I. POLITICA // DWORSKIE. // Iana Zabczyca // W KRAKOWIE, // W Drukarniey v Dziedzicow Jákuhá Sy-//beneucherá. Roku P. 1616. 4°, 10 нм. л., на тит. л. издательская марка. — 1) Биб-ка Университета им. Н. Коперника, Торунь, Pol. 8 II 320; 2) Музей им. Чарторыйских, Краков, 38003/I.

II. POLITICA // DWORSKIE, // Przez // IANA ZABCZYCA // pári-fáná y wydána. // W KRAKOWIE, // Roku Páńjkiego, 1630. 4°, 8 л., тит. лист в художественной рамке. — Биб-ка Польской Академии наук, Курник, № 12646.

III. POLITYKA // DWORSKIE (нет тит. листа). 4°, 10 л., экземпляр дефектный, начинается от А₃, не хватает двух страниц в начале и одной в конце. — Биб-ка Польской Академии наук, Краков, № 2688.

IV. POLITYKA // DWORSKIE. // PRZEZ // IANA ZABCZYCA, // Do Druku podána. 4°, 8 л., на тит. л. чернилами ошибочно — «1630». — Биб-ка Польской Академии наук, Краков, № 2686.

V. POLITYKA // DWORSKA. // PRZEZ // IANA ZABCZYCA // Do Druku Podána. 4°, 10 л. — Биб-ка Варшавского Университета, IV.20.4.504.

Сравнивая польские издания и древнерусский перевод, остановимся только на двух наиболее показательных сентенциях для выяснения оригинала — 67-й и 97-й русского перевода. № 97 имеет следующее окончание: «Турское супружество, жидовское обещание, арианская вера, цыганская и волоская правда». Полное соответствие есть только в польских изданиях IV и V,²⁸ в остальных нет «арианской веры» и «жидовского обещания», а также следующей по порядку сентенции, следы перевода которой есть только в одном списке II (об этом см. выше, с. 168). В № 67 «младый от изрядных слов» соответствует «słowa młodego z czerstwości» опять только в IV и V, так как это опечатка, должно быть «sława młodego z czerstwości», т. е. «молодец славный здоровым видом». Издания IV и V имеют некоторые различия, которые не отразились в русском переводе. Надо отметить, что эти издания практически идентичны и, очевидно, были напечатаны в одной и той же типографии, скорее всего краковской. В пользу V говорит, хотя и косвенно, титул «Polityka dworska» — «Политока дворская» (M2), т. е. прилагательное в единственном числе.

Таким образом, перевод был выполнен с одного из двух краковских изданий без выходных данных. Но решительно утверждать это мы не можем, так как издания 1631 и 1637 гг. мы не смогли привлечь по вышеуказанным причинам.

Вопрос об издании имеет принципиальное значение. Установив его и сравнив с русским переводом, мы приходим к выводу, что польский текст был переведен полностью, без пропусков, хотя и с некоторыми изменениями и контаминациями, например, вторая и третья сентенции оригинала объединены (№ 2 русского перевода). Мы не останавливаемся на

²⁷ Хотя в Каталоге верно указано число изданий (7), в нем есть неточности. Экземпляров издания 1631 и 1637 гг. не сохранилось; ошибочно указан экз. ПАН, Краков, № 2688 как люблинское издание 1637 г., на самом деле это изд. III по нашей классификации.

²⁸ В Центральном каталоге этот экземпляр не учтен.

анализе перевода, в свое время специальную работу этому посвятил Р. Лужный. Добавим только, что его выводы нуждаются в некоторых коррективах, связанных с восстановлением истории русского перевода и установлением издания, с которого сделан перевод.

* * *

Обратимся к вопросу, который не получил еще разрешения: где, кем и когда был сделан перевод?

О. А. Державина, исследуя фации в рукописи БАН, 13.6.8, обратила внимание на запись, предшествующую собственно фациям: «Компендиум (или собрание) вещицам полезных к знанию. // Перевод полского писма с печатной тетради сочинения Яна Запчица, с которой переводил государственного посольского приказа переводчик Стефан Чижинской во 199-м (1691) году в июне месяце» (л. 91—91 об.). Остальная большая часть листа 91 об. без текста, а с л. 92 начинается текст фаций. О. А. Державина сравнила эту запись с заглавием «Выдания о добронравии», опубликованного П. К. Симони, и предположила, что С. Чижинский перевел «Выдание», а не фации.²⁹ Мы полностью присоединяемся к этому предположению, так как нам удалось обнаружить в этой же рукописи доказательство того, что «компендиум» действительно есть «Выдание о добронравии». На л. 99 об. читается следующее окончание фации «О бывшей в древние времена жене молодой доброй, а о старой злобней»: «Тако бо, жены, внемлите и вы таковое творити подобообразне реченное слово в Запчице:

Можеш выпросить:
у мудрой жены честь,
у ласковой денег,
у глухой, что хочеш».

Это сентенция № 73 «Выдания». Таким образом, мы имеем точную дату перевода и имя переводчика. О нем хотелось бы рассказать подробнее, так как С. Чижинский известен в основном как деятель театра царя Алексея Михайловича, а его переводческая деятельность остается в тени.

Степан Федорович Чижинский, как явствует из его собственноручной записки 1677 г.,³⁰ родился во Львовском повете, в православной дворянской семье. С 1657 г. участвовал в походах коронного гетмана С. Р. Потоцкого, был ротмистром. Бежал в Киев, который отошел к Московскому государству, два года преподавал латинский язык в Киево-Могилянкой Коллегии. Потом переехал в Смоленск, где в течение двух лет обучал латыни детей кн. М. А. Голицына. С 1675 г. Чижинский в Москве. А. С. Матвеев привлек его к участию в организации работы первого русского театра. Первоначально Чижинский обучал «комидийным наукам» 80 человек, а потом руководил постановкой двух пьес: «О Давиде с Галиадам» и «О Бахусе с Венусом», которые были поставлены 23 и 24 января 1676 г.³¹ Тексты пьес до нас не дошли, но сохранилась «монтажная

²⁹ О. А. Державина. Фации. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962, с. 46, 102. Ср.: А. П. Конусов, В. Ф. Покровская. Описание рукописного отделения Библиотеки АН СССР, т. 4, вып. 1. М.—Л., 1951, с. 279.

³⁰ Е. В. Барсов. Новые разыскания о первом периоде русского театра. — ЧОИДР, 1882, кн. III, отд. II, с. 4—6.

³¹ С. К. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914, с. XVI.

ная ведомость».³² Существует мнение,³³ что Чижинский был не только постановщиком, но и автором, однако большинство исследователей атрибутируют пьесы пастору И.-Г. Грегори.³⁴

После смерти царя Алексея Михайловича театральная жизнь затухает. Чижинский остается в Москве переводчиком, сначала у митрополита Паисия Лигарида, а после его отпуска из Москвы (с 1 февраля 1678 г.) — в Посольском приказе.

Чижинский часто ездит в различные «посылки». Так, в 1680 г. вместе с подьячим Ив. Богдановым ездил в Лихвин к посланнику Василию Даудову, в 1684 г. участвовал в переговорах с И. Х. Жировским и бароном Блумлергом в Дорогобуже.³⁵ В 1686 г. с боярином Б. П. Шереметевым Чижинский ездил в Варшаву и Вену. После этой «посылки» он получил прибавление к прежнему окладу и богатый подарок.³⁶ В Вене Чижинский выполнял также функции секретного агента, сохранился его отчет о тайном разведывании «подлинных вестей» по некоторым вопросам внешней политики Империи.³⁷ Из Вены вместе с Иваном Волковым Чижинский ездил в Венецию.³⁸ В 1695—1697 гг. Чижинский, с 1692 г. дворянин московский, опять был в Вене с дьяком Козьмой Нефимоновым.³⁹ К 1699 г. относятся последние упоминания о Чижинском, которые удалось разыскать.⁴⁰

В Посольском приказе Чижинский имел, судя по всему, довольно прочное положение. Уже в 1682 г. (16 октября) он входит в «комиссию» из шести переводчиков, «свидетельствовавших» Яна—Андрея Белобоцкого, философа, дипломата и поэта, в знании иностранных языков.⁴¹ В 1689 г. он занимает пятое место по жалованию среди 22 переводчиков,⁴² а в 1695 г. уже третье (после Николая Спафария и Семена Лаврецового).⁴³

Список выявленных литературных переводов Чижинского невелик, но, как и следует ожидать от переводчика Посольского приказа, разнообразен. В 1679 г. он по указу царя Федора Алексеевича переводит с латинского языка «Книгу о луне и о всех планетах небесных».⁴⁴ После смерти царя Федора Т. Н. Стрешнев «принял» ее для царевича Петра.⁴⁵ В 1679 же году Чижинский переводит с польского языка «Двор цесаря турецкого» Ш. Старовольского. Перевод сохранился в одном списке

³² Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972, с. 312—314.

³³ В. Всеволодский-Гернгросс. Русский театр. От истоков до середины XVIII в. М., 1957, с. 119.

³⁴ Русская драматургия. . . , с. 20.

³⁵ С. А. Белокуров. Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе (с начала сношений по 1800 год). — Сб. МГАМИД, вып. 5. М., 1893, с. 241—243.

³⁶ Памятники дипломатических сношений русского государства с державами иностранных, т. 6. СПб., 1862, стб. 1085—1087, 1602, 1604.

³⁷ Там же, т. 7. СПб., 1864, стб. 275—278.

³⁸ Там же, т. 6, стб. 1529.

³⁹ Там же, т. 7, стб. 1006, 1029, 1279.

⁴⁰ Там же, т. 8. СПб., 1867, стб. 443, 449.

⁴¹ А. Х. Горфункель. «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого. (Из истории польско-русских литературных связей). — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 40.

⁴² С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906, с. 131.

⁴³ И. М. Кудрявцев. «Издательская» деятельность Посольского приказа. — В кн.: Книга. Исследования и материалы, т. VIII. М., 1963, с. 239.

⁴⁴ Там же, с. 213. Очевидно, это «Селенография» И. Гевелиуса.

⁴⁵ Исторический очерк и обзор фондов рукописного отделения БАН. Вып. I. XVIII век. М.—Л., 1956, с. 37—38. В настоящее время местонахождение рукописи неизвестно. См.: Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Составила Е. И. Боброва. Л., 1978.

XVII в. (последняя четверть) — ГБЛ, собр. Ундольского, № 1034.⁴⁶ Эта польская книга, как известно, была популярна в России во второй половине XVII в. и шесть раз переводилась на русский язык, что объясняется обострением русско-турецких отношений.⁴⁷ Самый популярный перевод Чижинского — «Выдание о добронравии», выполненный в 1691 г. Он же, очевидно, и последний в списке его литературных трудов, так как мы не можем принять предположение И. А. Шляпкина, что перу Чижинского принадлежат вирши мальтийскому кавалеру генерал-фельд-маршалу Б. П. Шереметеву 1701—1705 гг.⁴⁸ Во-первых, оно основано только на том, что Чижинский — «старый шереметевский слуга»; во-вторых, мы не располагаем данными, которые свидетельствовали бы, что Чижинский жил в то время.

Так выглядит в кратком изложении деятельность Чижинского — одного из устроителей первого русского театра, дипломата и переводчика, которому принадлежит и перевод «Выдания о добронравии».

II. «Четвертак»

В настоящее время известно три списка «Четвертака» — перевода стихотворения Яна Жабчица «Czwartak».

1. ГПБ, Соловецкое собр., № 242/242 (далее — Сол.). «Великое Зерцало», последняя четверть XVII в.,⁴⁹ в лист, 279+VII л., переплет — кожа с тиснением в досках, с двумя застежками. Водяной знак: голова шута с пятью бубенцами (Тромонин, № 1253—1676 г., Гераклитов, № 1196—1674 г.), полуустав трех почерков. Перед «Великим Зерцалом» заставка, заголовки выполнены киноварью. Листы без текста: 11, 12, 232, 233. Запись: «Читал сию книгу с превеличайшим удовольствием Санкт-петербургский купец Николай Васильев Бакланов, тысяча восемьсот первого на десять года, февраля десятого дня» (2 нм. л.). Содержание: 1) л. 1—10, оглавление повестей (в конце приписан «Четвертак»); 2) л. 13—199 об., «Великое Зерцало» (по О. А. Державиной — 2 группа 2 типа, 266 рассказов); 3) л. 200—276 об., повести и притчи, взятые главным образом из «Римских деяний» (последняя повесть о царе Льве Премудром, без конца); 4) л. 277—279, «Четвертак»; 5) л. 279 — римские цифры и их славянские соответствия.

Загл.: «Четвертак старой полской или зеркало, в нем же всяк может прозреться». Нач.: «Искал поминка в лихой хижине своей». Кон.: «Так вы, волю, не себе плуг тянете».

2. ГПБ, Софийское собр., № 1496 (далее — Соф.). Сборник, первая четверть XVIII в., в 4-ку, 109+XL л., скоропись нескольких почерков, переплет — картон в тисненой коже с завязками. Водяные знаки: 1) герб Амстердама, буквы AJ (Клепиков, Филигр. и штемп., № 885 — 1702—

⁴⁶ Рукопись указала нам Е. М. Иссерлин. Ей же мы обязаны сведениями об атрибуции.

⁴⁷ В научной литературе сочинение известно как «Двор турецкого султана». См.: Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка XVII века. М., 1961, с. 9.

⁴⁸ И. Шляпкин. Библиографические разыскания в русских и заграничных библиотеках по славяно-русской письменности (Петровская эпоха). — В кн.: Библиографическая летопись общества любителей древней письменности и искусства, вып. III. М., 1917, с. 10.

⁴⁹ См.: И. Я. Порфирьев. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. I. Казань, 1881, с. 557—558; О. А. Державина. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, с. 167 («Четвертак» не упоминается).

1722 г.); 2) герб Амстердама, буквы (неразборчивый курсив) — в альбомах аналогичного обнаружить не удалось; 3) герб Амстердама, буквы IM (С. А. К л е п и к о в. Бумага с филигранью «герб города Амстердама», № 140 — 1719, 1721 г.). Листы без текста: I, II, между л. 79—80 и 107—108, V—XL об. На л. 110 запись простой литореей: «Лия тпича фмепие хикия гсегегелтачо песитачо поша чмаца лощомпые демътши лозеи имеруцмолки щхии ноцъятопа зецома ратлироша лна», т. е. «Сия книга Зрение жития человеческого Великаго Новаграда соборные церкви Софеи Премудрости божи подьякона Федора Максимова сына» (прочтена Н. Н. Розовым). На переплете наклейка: «Зрение жития человеческого». Содержание: 1) л. 1—65 об., «Зрение жития человеческого»; 2) л. 65 об.—67 об., «Четвертак»; 3) л. 68—79 об., выписки из библейских книг, Пчелы; 4) л. 80—107 об., краткие изречения без заглавия; 5) л. 108—109 об., Житие и притчи Эзопа, список с издания 1717 г. (начало).

Загл.: «Четвертак (старой полской) или зеркало. в нем же всяк человек может прозреться». Нач.: «Исках поминка в лихой хижине моей». Кон.: «Аеру Федмасу топрапие. История апослоф. Сему зеркалу скончание». «Аеру Федмасу топрапие» — запись простой литореей: «Алму зерзалу конмание», т. е. последняя фраза: «Сему зерзалу скончание».

3. БАН, 21.9.19, Северное собр., № 721 (далее — А). Сборная рукопись, XVIII—XIX вв.⁵⁰ Отрывок из «Четвертака» — на л. 154—155.

Загл. нет. Нач.: «Четырех вещей всегда желает жена». Кон.: «. . . сердце желати не преставет».

В основу издания положен список Сол. Не потому, что он самый ранний, а потому, что самый полный. В А читаются лишь несколько предложений, а указанный А. И. Соболевским⁵¹ список Соф. имеет много пропусков и позднейших чтений.

История текста русского перевода «Четвертака» не так сложна, как история «Выдания о добронравии», разве что в самом позднем списке А предложения переставлены местами. Основные трудности возникают при определении оригинала перевода.

В настоящее время известно два первопечатных издания «Czwartak» Яна Жабчица, каждое представлено одним экземпляром.

I. CZWARTAK // NOWY. // W KTORYM SIE // WYRAZAIA, OBYCZA- // ie lvdziom rozmai- // tego stanu. // Przez // IANA Z. ZABCZYCA. // W KRAKOWIE, // Roku Pánjkiego/1629. Тит. лист в художественной рамке, л. 1 об. — гравюра. 4°, 4 л., строфы пронумерованы 1—25. — Биб-ка Польской Академии наук, Курник, № 12729.

II. CZWARTAK // Przez Iana Z. ZABCZYCA // nowo wydány, // W ktorým się wyrażaia // Obyczaie, lvdziom roz- // maitego stanu nale- // zące. // Drukowano roku Pánjkiego 1630. 4°, 4 л., тит. лист в художественной рамке. Под «przez Jana Z. Zabczusa» почерком XVIII в. написано: «gaczej Daniela Naborowskiego», т. е. «скорее Даниеля Наборовского». — Биб-ка им. Оссолинских, Вроцлав, XVII—2518—III.

Но в этих изданиях мы не найдем соответствий первым двум строфам перевода. Дело в том, что «Четвертак» — это одно из сочинений Жабчица, которое было у него «украдено». С прибавлением этих двух строф, в остальном почти без изменений, мы находим «Четвертак» среди текстов польского поэта Д. Наборовского (1573—1640). Основываясь на этом, еще

⁵⁰ Описание рукописи см. выше, с. 166, № 8.

⁵¹ А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 178.

А. Брюкнер полагал, что автором является Наборовский,⁵² позднее он отказался от этой гипотезы.⁵³ В 1937 г. М. Пищковский уверенно атрибутировал «Четвертак» Жабчицу.⁵⁴ Однако это не помешало Яну Дюрр-Дурскому вернуться к старой гипотезе об авторстве Д. Наборовского.⁵⁵ С его легкой руки в последние годы «Четвертак» печатается вместе со стихотворениями Д. Наборовского почти без оговорок.⁵⁶

Русский перевод «Четвертака» позволяет еще раз высказаться в пользу Жабчица.

Список Сол. заканчивается следующим образом: «Естьли безвремение долее похочет меня пестовать, и мне придет к собранию писати до Ополлона на того, который мне четвертак украде.⁵⁷ За твоим по//велением, о Ополлоне драгий, жалобу с выписа кладу под твои ноги. Не имел есмь в сложении, токмо четвертак старый и тот не додержав печальным мужам веры. Покорыстовалися им, иже бы и трутни ленивые, своими трудами не живущия, но чужих желающе. Приключися мне в той мере з добродетельным Мароном глаголати. Я те строки сложих, иной же хвалу приемлет. Так вы, пчолы, не себе сладкий мед собираете, так вы, овцы, не себе волну носите, так вы, птицы, не себе гнездо вьете, так вы, волы, не себе плуг тянете» (л. 278 об.—279).

Этой концовки нет ни в печатных изданиях «Четвертака», ни в списках, приписываемых Д. Наборовскому. Нам кажется, что эти искренние слова, в которых не меньше, а, может быть, и больше поэзии, чем во всем стихотворении, принадлежат Жабчицу, действительному автору «Четвертака». Эта «жалоба», в заключительной части которой варьируется известная формула «sic vos pop vobis» («так вы не себе»), может принадлежать только автору, а Наборовский никак не мог считать себя «обворованным». По-видимому, этот фрагмент, сохранившийся только в переводе, свидетельствует об авторстве Жабчица. Примечательно, что сравнение перевода с изданиями и списками показывает, что перевод был осуществлен с какой-то промежуточной редакцией, так как наиболее близкие чтения дает издание 1630 г. и список библиотеки Польской Академии наук, Краков, № 1274, л. 176—177,⁵⁸ в котором уже есть две первые

⁵² J. T. T r e m b e c k i. Wirydarz poetycki, t. 1. Wydał A. Brückner. Lwów, 1910, s. 283, przur. 1. А. Брюкнер пишет тут же, что Анна Круазе ван дер Коп, голландская славистка, которая занималась вопросами польско-русских литературных связей, собиралась напечатать исследование о русских переводах «Четвертака», причем в одном из известных ей списков, по словам Брюкнера, были строфы, которых нет в польском оригинале. Очевидно, это и есть список Сол. Насколько нам известно, работа так и не была напечатана в связи со смертью исследовательницы.

⁵³ Ibid., t. 2. Lwów, 1911, s. 391—392.

⁵⁴ M. P i s z c z k o w s k i. Pisma Jana Żabczyca, s. 68 nn.

⁵⁵ J. D ü r r - D u r s k i. Daniel Naborowski. Monografia z dziejów manieryzmu i baroku w Polsce. Łódź, 1966, s. 91; D. N a b o r o w s k i. Poezje. Oprac. Jan Dür-Durski. Warszawa, 1961, s. 153—156, 222—225. («Четвертак» опубликован с разночтениями по 4 спискам). В польской литературе о Жабчине не учтен список с издания 1630 г. в киевской поэтике 1696 г. «Lyra variis» (ЦНБ АН УССР, собр. ДА/П 664, л. 162 об.—165.) См.: Н. П е т р о в. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, т. 3. М., 1905, с. 280—281.

⁵⁶ Poeci polskiego baroku, t. 1. Oprac. J. Sokołowska, K. Żukowska. Warszawa, 1965, s. 184—188; Poeci polscy od Średniowiecza do Baroku. Oprac. K. Żukowska. Warszawa, 1977, s. 351—354.

⁵⁷ Игра слов, основанная на том, что четвертак — название старинной польской монеты. Жабчиц не случайно так назвал свое стихотворение. Ср.: Е. В. С п е к т о р с к и й. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 1. Новое мировоззрение и новая теория науки. Варшава, 1910, с. 356, примеч. 1: «Монета производилась от монеге; еще в конце XVI века Кириак Шпангенберг усматривал в деньгах не более как нравственно-назидательный символ».

⁵⁸ D. N a b o r o w s k i. Poezje, s. 225.

строфы, очевидно, прибавленные Д. Наборовским. Возможно, что было еще одно, третье издание.

Когда и кем был сделан перевод, неизвестно. Можно полагать, что это произошло не позднее последней четверти XVII в. (так датируется список Сол.). Может возникнуть соблазн видеть переводчика в Чижинском. Для этого есть аргументы, хотя и слабые. Во-первых, логично допустить, что два сочинения одного автора сходной структуры переведены одним человеком; во-вторых, в рукописной традиции они встречаются вместе (БАН, 21.9.19), а в списках В и М1 «Выдания о добронравии» в сентенции № 106 есть интерполяция из «Четвертака». Но мы не рискуем назвать Чижинского переводчиком, потому что текст переведен неудовлетворительно и не везде удобопонятен, здесь не видно переводческой школы Посольского приказа. Кроме того, оригинал стихотворный, а в переводе «стиховно» переведены только две строфы, а остальные превратились в «Толкование сего четвертака»; посольские же переводчики великолепно справились со стихотворными оригиналами.

Таким образом, датируя перевод не позднее последней четверти XVII в., мы оставляем его в корпусе анонимных текстов.

III. Литературный контекст и художественный смысл

Среди большого числа произведений переводной повествовательно-беллетристической и морально-дидактической литературы XVII в. «Выдание о добронравии» и «Четвертак» занимают особое место. Прежде всего потому, что это комплексы афористических фраз, которые имеют трех- или четырехчастное строение. Как известно, триады и тетрады и их производные «являются абсолютно преобладающими в числовой символике мифа и ритуала, фольклора, в художественной литературе, изобразительном искусстве, а также в умозрительных философских и научных построениях в различных культурах».⁵⁹

В древнерусской литературе триады и тетрады были известны задолго до XVII в., примеров можно привести множество. Для иллюстрации ограничимся несколькими.

Так, в Кормчей книге имеется «Сказание известно и хитро о чувствех телесных и о душевнем свойстве и иже в сне изрой по вещи и чрес вещь»: «Четырми делесы душа оскверняется: хожением в граде, неснабдением обычным имениа и имением любве с славными, люблением бесед плотских и суетных словес. Четырми делесы темен бывает ум: ненавистью друг друга, похулением, рвением, злословием» и т. д.⁶⁰ В переработанном виде под заглавием «Слово о нравех добрых и злых» это же сказание читается в древнерусском Прологе под 13 мая: «Четыре нравы добры ко спасению суть: еже хранити заповеди божия, смирение уму, боязнь языка своего, тесность жития. . . Четыре нравы помогает новому подвижнику: поучение по вся часы, бдение без лености, послушание ко всем и молчание» и т. д.⁶¹ Н. И. Петров указал источник этого текста — это Слово аввы Исайи, ученика Макария Великого.⁶²

⁵⁹ А. Я. Сыркин, В. Н. Топоров. О триаде и тетраде. — В кн.: III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы. Доклады. Тарту, 1968, с. 110. Ср.: E. R. Curtius. European Literature and the Latin Middle Ages. London—Henley, 1979, p. 509—514.

⁶⁰ Кормчая. XVI в. — ИРЛИ, Древлехранилище, Причудское собр., № 48, л. 463—463 об. Ср.: И. И. Срезневский. Обзорные древних русских списков Кормчей книги. — СОРЯС, т. LXV, 1897, № 2, с. 108.

⁶¹ Пролог, вторая половина, март—май. М., 1643, л. 376—376 об.

⁶² Н. И. Петров. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (иноземные источники). Киев, 1875, с. 227. Ср.: PG, t. XL, col. 1126—1127.

Триады и тетрады встречаются в «Стефаните и Ихнилате», хотя их тут и меньше, чем в его прототипах — «Панчатантре» и «Калиле и Димне», например: «О чада, иже в житии сем възращаемы, 3 вещи требуем: довольно богатство и славу от человек, и получением благым онем, еже с праведными. Си же три вещи инако не пребывают никому же, точию 4-ми вещми: еже събирати богатство мерами праведными и благословенными, и еже стяжаемая добре разстваряти и сматряти, та же раздаати от стяжаемых требующим, еже ползует в будущем житии».⁶³ Примеры из паренетической литературы можно было бы умножить примерами из Златоуста, из сочинений Ермолая—Еразма и т. д., но ограничимся вышеприведенными. Обратимся к XVII веку. В переводной и оригинальной литературе мы также часто встречаем триады и тетрады, например в недавно обнаруженном «Златом иге супружества», переведенном с польского языка примерно в то же время, что и «Выдание о добронравии»: «Ветер, птица, жена — скорая суть», «Супружество трех вещей употребляет: чтоб был муж разумен, жена чиста, дети послушны» и т. д.⁶⁴

Эти числовые комплексы мы найдем в «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого⁶⁵ и в других сочинениях. Апофеозом же «числословия» является «Арифмология» Николая Спафария, в которой «от различных творцов» собраны и просчитаны всевозможные понятия, ситуации и вещи. В предисловии к этому компилятивному сочинению Николай Спафарий пишет: «Разум и сведение совершенно убо истинно есть, яко аще изрядная речения кратким числом объемлются, в памяти имети удобнейшее есть».⁶⁶ Примечательно, что кроме «числословий» традиционной дидактической литературы (Притчи Соломона, Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова) в «Арифмологии» в разделе «Арифмология правом от различных творцов» встречаются триады и тетрады, сходные с теми, что читаются в «Выдании» и «Четвертаке».

Таким образом, триады и тетрады были хорошо известны древнерусскому читателю, и вряд ли популярность «Выдания» можно объяснить интересом к этой хитроумной, но для человека средних веков банальной форме паренезы.

Суть в том, что триады «Выдания» принципиально отличаются от бытовавших в древнерусской литературе тем, что три (иногда две или четыре) послышки относятся к разным сферам материальной и духовной жизни, а не к одной, как, например, в Прологе. Далее, в триадах традиционной паренетической литературы три послышки иллюстрируют, раскрывают положение-лемму. В «Выдании» же действует иной механизм — механизм остроумия, когда в результате соединения трех, казалось бы, непохожих вещей обнаруживается их внезапное сходство, на основе чего возникает новое значение, прямо не выраженное.

Таково сопоставление коня и женщины, популярное в пословицах разных народов: «Конь чист и красив, подобен жене досужей» (№ 36); коня, женщины и ружья: «Временная утеха: конь досуж, ружье надежное, жена пригожая» (№ 38); коня и мешка: «Малая прибыль: конь в дороге выбит. . . порозжей мешек в торгу» (№ 39); коня, сапога и то-

⁶³ Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков. Изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье. Л., 1969, с. 7, ср. с. 46, 66.

⁶⁴ А. М. Панченко. «Златое иго супружества» и его источник. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 320, 329.

⁶⁵ Русская syllабическая поэзия XVII—XVIII вв. Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970, с. 138.

⁶⁶ Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Подгот. текстов и вступ. статья О. А. Белобровой. Л., 1978, с. 87.

пора: «Досадно: конь не подкован на лду, сапог с дырою в грязи, тапор тупой на дровах» (№ 41); мужа, птицы и рыбы: «Скорбное житие: муж без жены, птица в клетке, рыба в садке» (№ 84) и др. Ситуация называется, а не описывается.⁶⁷ Три послылки — это три свернутых сюжета. В этом смысле триады «Выдания» — форма переходная от гномы к фации, новелле, т. е. в сознании читателя сюжеты могут быть развернуты, но основной механизм «Выдания» — создание концепта — не подразумевает этого.

Подобное построение триад не было изобретено Жабчицем. Среди малых (простых) литературных форм ближайшим аналогом являются приамель⁶⁸ и шпрух,⁶⁹ которые были популярны в немецкой литературе XV—XVII вв. «Четвертак» практически есть набор шпрухов, триады «Выдания» не удовлетворяют одному из требований приамеля: они не стихотворны (в оригинале тоже). Латинской традиции подобных предложений нам пока проследить не удалось.

Как отмечали еще М. Пищковский и Р. Лужный, не все сентенции Жабчица оригинальны. Действительно, мы найдем здесь и следы Притч Соломона (№ 106), Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова («Четвертак»), а также следы пословиц и поговорок, например о недостатках разных народов (№ 97)⁷⁰ или о коне и женщине (№ 30, 36, 38, 65 и др.).⁷¹ Но Жабчиц не был паремикографом и опирался на пословицы лишь в незначительной степени. В основном его сентенции носят литературный, книжный характер, что хотелось бы подчеркнуть особенно.

Вопрос об авторстве Жабчица той или иной сентенции не так существен в изучении «Polityka dworskie» и их русского перевода. Оригинальность сочинения Жабчица заключается в другом — в композиции, в расположении материала. Его сочинение построено по принципу энциклопедических сочинений, которыми так богата литература европейского барокко. Представляется, что «Polityka dworskie» не просто собрание изречений, а целостный текст, составленный из сентенций, расположенных в определенном, строго продуманном порядке. Этим «Polityka dworskie» принципиально отличается от «Адагий» Эразма Роттердамского или Г. Кнапского, которые являются сборниками пословиц или изречений.

В традиционной дидактической литературе триады и тетрады выполняют служебную роль, иллюстрируя какую-то мысль или положение. В «Polityka dworskie» триады и тетрады, при том, что они самоценны, подчинены также общему замыслу и композиции.

В начале говорится о боге (№ 1), в конце — о финдриганции (т. е. блуднице, № 113). Это не иерархическое построение, что было бы типично для средневековой литературы, а рамочное: бог и блудница —

⁶⁷ Характерно, что в самих послылках практически нет глаголов. В варианте ОИДР, как отмечалось выше, императивы в леммах заменяются инфинитивами и отглагольными существительными, что, по нашему мнению, изменяет и ослабляет характер несомненно нормативной морали Жабчица. О типах польской паренетической литературы см.: H. Dziechcińska. Parenetyka — jej tradycje i znaczenie w literaturze. — In: Problemy literatury staropolskiej. Seria I. Pod red. J. Pelca. Wrocław, 1972, s. 355—390.

⁶⁸ K. Euling. Priamel. — In: Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Bd 2. Berlin, 1926—1928, S. 723—725.

⁶⁹ H. Schneider. Spruchdichtung, mittelhochdeutsche. — Ibid., Bd 3. Berlin, 1928, S. 287—293.

⁷⁰ J. Krzyżanowski. Mądrej głowie dość dwie słowie. Pięć centurij przysłów polskich i diabelski tuzin, t. 2. Warszawa, 1975, s. 333—335. Ср.: Николай Спарий. Эстетические трактаты, с. 101—102.

⁷¹ J. Krzyżanowski. Mądrej głowie dość dwie słowie, t. 3. Warszawa, 1975, s. 245.

обрамление идеологического кругозора автора, а в пределах рамки автор описывает обозримый мир более свободно.

Здесь названо прежде всего «учтивое житие» (№ 1) и «дело христианское» (№ 2), подробнейшим же образом описано «досмотрение» или «домостроение», т. е. хозяйственные заботы. Жабчиц постоянно возвращается к теме «жены», крестьянина, слуги, коня (конь упоминается более сорока раз), делая обобщения в императивной форме: «Таков бывай: жене большим, слуге господином, крестьянину владетелем» (№ 68).

Структура «Polityka dworskie» — все же открытая. Это подтверждается и тем, что издания отличаются друг от друга, и тем, что «Polityka dworskie» могла дополняться. Например, в экземпляре Музея им. Чарторыйских, № 38003/1 в конце приписаны две сентенции. Косвенно об открытости свидетельствует и история русского перевода. Так, в Д и С после «Выдания» приписано несколько нравоучительных сентенций.⁷² Не только общим принципом и рамкой определяется единство «Polityka dworskie». Многие сентенции связаны между собой хотя бы частично или подразумевают друг друга (№ 51, 52 и 53; 55 и 56; 57 и 58; 76 и 77; 90 и 93 и т. д.).

Анализ идеологического кругозора автора позволяет сделать следующий вывод. «Polityka dworskie» Яна Жабчица относятся к обширной группе сочинений о «шляхтиче-землевладельце». В польской морально-дидактической литературе конца XVI в. эта тема является важнейшей наряду с темой «шляхтича-рыцаря». Обе неразрывно связаны с идеологией сарматизма.⁷³ Шляхтич-сармат, шляхтич-помещик, устои и устройство его жизни — вот основное содержание сочинения Жабчица. Оно возникло в начале XVII в. (первое изд. 1616 г.) — в эпоху перерастания Речи Посполитой шляхетской в Речь Посполитую магнатскую. В противовес этим тенденциям и для сохранения, закрепления сарматского идеала Жабчиц создает «Polityka dworskie», детально описывая всевозможные ситуации, в которые может попасть небогатый шляхтич-помещик, и указывает, как он обязан в них себя вести. Не случайно книга пользовалась большим читательским успехом, о чем свидетельствует не только большое число изданий (семь), но и то, что экземпляров «Polityka dworskie» до нашего времени сохранилось очень мало.

Предложенный нами принцип чтения и интерпретации «Polityka dworskie» ставит нас перед вопросом о рецепции перевода на русской почве, в иной культурной среде.

Проблематика сарматского идеала была чужда древнерусскому читателю, поэтому в переводе практически нет польских реалий, изменилось и заглавие: из книги о поведении шляхтича в своем поместье («Polityka dworskie») текст превратился в сочинение о добронравии вообще. Тем не менее сохранилась композиция оригинала, и она, несомненно, осознавалась. Косвенно подтверждает это Карельский вариант, в котором система распадается и «Выдание» превращается в беспорядочный набор сентенций. Но это происходит в середине XVIII в.

Выше были охарактеризованы отличия триад «Выдания» от традиционных древнерусских памятников дидактической литературы. Но дело в том, что в «Выдании» читатель сталкивался с эффектом обманутого

⁷² Не останавливаемся на истории отдельных сентенций, которые встречаются в польских рукописных сборниках (например, рукопись Биб-ки им. Оссолинских, № 336, с. 204, № 105 русского перевода) или отразившихся в русской литературе XVIII в. (например, в «Письмовнике» Н. Курганова), так как эти сентенции выпали из общего контекста произведения.

⁷³ Теме «сарматизм и барокко» посвящена обширная литература. См.: J. Pełc. Sarmatyzm a Barok. — In: Problemy literatury staropolskiej, s. 105—153.

ожидания. Начинается «Выдание» довольно привычно: «Учтливое житие: бога бойся, старейшаго почитай, любовь ближнему воздавай» (№ 1). Но читатель обманывался. После № 8: «Мудрость: о добре советовать, скоро творити, дело исполнять» следует № 9, нарушающий систему предыдущих восьми сентенций: «Скудость: круглой стол, италианские ествы, одежда короткая». Таким образом, открывалась возможность двойного восприятия «Выдания» русским читателем: или ориентировка на традиционное начало (первые девять сентенций), которое дает инерцию восприятия, или на содержание всего текста. Эта двойственность подтверждается тем, что «Выдание» включается и в сборники повестей (З, Б) (в О даже имеет помету «куриозы полские»), и в сборники строго дидактической («полезной») литературы (У2, П, Г). Так «Выдание» начинает замещать традиционную паренетическую литературу в системе литературных жанров. Кстати говоря, «Четвертак» включался только в сборники нравоучительного содержания и полностью вписывался в традиционную дидактическую литературу, вероятно, поэтому он и не вызвал особого интереса у читателей. Следовательно, «Выдание» осознавалось как текст «не истинный, но правдоподобный» (*argumentum comoediarum*). Явление знаменательное в литературной культуре XVII в.,⁷⁴ когда появляются не только новые переводные сочинения, но и обновляется сам корпус переводной литературы.

Это «обновление» происходит и в жанрах малых литературных форм. Появляются новые переводы басен Эзопа П. Кашинского (1675 г.), «Зрелище жития человеческого» А. А. Виниуса (1674 г.). В конце XVII в. переводятся «*Monita politico-moralia*» А. М. Фредро: «Андрея Максимилиана Фредра, воеводы лвовскаго, наказание нравоучительное или моральное, како подобает жить со немногим народом без повреждения его силы и любви и чести». Перевод представлен одним списком.⁷⁵ Оригинал этой книги был в библиотеке Феофана Прокоповича,⁷⁶ еще одна книга Фредро, но уже не максим, а пословиц («*Przysłowia mów potocznych*»), находилась в библиотеке Феофилакта Лопатинского в одном конволюте с изданиями совизжальской литературы, среди которых оказались и «*Praktyka dworskie*» (1645 г.) Яна Жабчица.⁷⁷ Это подтверждает возможность двойного восприятия «Выдания», так как «*Praktyka dworskie*» является вариантом «*Polityka dworskie*». Можно назвать несколько экземпляров «Польско-латинско-греческого словаря» Г. Кнапского, третий том которого составляют «Польские пословицы», из которых делались и отдельные выписки.⁷⁸

«Прикладная» этика Яна Жабчица в русской литературе занимает довольно скромное место. Однако переводы сочинений Жабчица позволяют наглядно показать характерные изменения, происшедшие в русской литературе переходного периода.

⁷⁴ См.: А. М. П а н ч е н к о. История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 189—199.

⁷⁵ ГПБ, Ф. III. 8.

⁷⁶ П. В. В е р х о в с к и й. Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент. Т. 2. Материалы, отд. 5. Ростов-на-Дону, 1916, с. 42.

⁷⁷ БАН, Отдел редких книг, Лопатинский, 126786. В каталоге библиотеки Феофилакта Лопатинского (ЦГИА, ф. 796, оп. 20, № 576, л. 115—174) эти книги не указаны. Возможно, что они принадлежали библиотеке Тверской семинарии, в составе которой книги Лопатинского поступили в БАН.

⁷⁸ ИРЛИ, Древлехрамнище, колл. В. Н. Перетца, № 219. См.: Р. Ł u ź н у. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Kraków, 1966, s. 11.

ВЫДАНИЕ О ДОБРОНРАВИИ

Основной текст:	ГИМ, собр. Уварова, № 5	У1	ИРЛИ, Дрвлекхранилище, Карельское собр., № 47	К
Разночтения:	ГИМ, собр. Уварова, № 555/440	У2	ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 250/455	М1
	ГПБ, Q.XVII. 257	З	ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 476/956	М2
	ГПБ, Q.XVII.214	Б	Воронежский областной музей, № 9	В
	ГПБ, Q.I.480	Г	ГБЛ, собр. ОИДР, № 213	О
	ГПБ, собр. Погодина, № 1579	П	ЦНБ АН УССР, ДА/П 549	Д
	БАН, 21. 9.19, Северное собр., № 721	С		

4. ¹³² об. 1.1 Перевод ² полскаго писма с печатной ³ тетради ⁴ издание ⁵ о добронравии ⁶ Яна Запчица ⁷.
1. Уचितное житие ⁸: бога бойся ⁹, старейшаго почитай ¹⁰, любовь ¹¹ ближнему воздавай ¹².
 2. Дело христианское ¹³: своим буди ¹⁴ доволен ¹⁵, славы своей береги, ¹⁶ достойнаго мужа ¹⁷ люби ¹⁸.
 3. Мужественное дело ¹⁹: с богом покорственнo ²⁰, с человеком мужественно, с честным ²¹ постоянно поступаи ²².
 4. Беседа совершенна: ²³ с верным товарищем ²⁴, с соседом надежным ²⁵ безопасную думу ²⁶ имей ²⁷.
 5. Казна великая: учение в голове, ²⁸ в чину делность ²⁹, любовь у людей ищи ³⁰.
 6. Казнь злобная: с людьми браниться, воровство любить, за честь свою не стояти ³¹.
 7. Лож ³²: много обещати, а ³³ мало или ³⁴ ничто ³⁵ дати ³⁶, посуленное отдаляти ³⁷.
 8. Мудрость ³⁸: о ³⁹ добре советовати, скоро творити, дело исполняти ⁴⁰.
 9. Скупость ⁴¹: круглой стол, итталианские ествы, ⁴² одежда короткая ⁴³.
 10. Мало честно ⁴⁴: беседа ⁴⁵ без девиц ⁴⁶, музыка без пития, учение ⁴⁷ в скудости ⁴⁸.

1, 1-5 Нет У2М1В. 1-7 Нет ГПС; Запча (так!) Яна преведена с полскаго языка на славенский К; Книга глаголемая обычаев человеческих. Выписано из книги Яна Затина о добронравии человечестем, краткими речениями сладостне и зело изищно изображено Д; Куриозы полские. Перевод с полскаго писма издание автора Яна Запчица о добронравии человека краткими речениями сладостне и зело изищно изображено О. ² Доб. с ОМ2БЗ. ³ Доб. книги Б. ⁴ Доб. именуемой Полютока-дворская М2. ⁵ Нет М2; выдано З. ⁶ Доб. трудами З. ⁷ Запчаца Б; Запчацкого З. ⁷⁻⁸ Нет М2; житие благочестивое Д. ⁷⁻¹² Нет Г. ⁹ бояться Д. ¹⁰ почитати Д. ¹¹⁻¹² к ближнему имети Д. ¹²⁻¹³ христианское дело К. ¹²⁻¹⁸ Нет Г. ¹³⁻¹⁴ буди своим ОКД. ¹³⁻¹⁵ буди доволен своим М2. ¹⁶⁻¹⁷ мужа честна Д. ¹⁶⁻¹⁸ мужа достойнаго чести О. ¹⁷ Доб. чти и К. ¹⁸⁻¹⁹ дело мужественное Б. ¹⁸⁻²² Нет Г. ¹⁹⁻²⁰ богу покорственное С. ¹⁹⁻²² к богу покорство, к человеком мужество, к честным поступаи постоянно Д. ²¹ честивым Б. ²¹⁻²² ступай постоянно П. ²²⁻²⁷ Нет Г. ²³⁻²⁴ со благоученным, с верным товарищем М2; с товарищем верным К. ²⁴⁻²⁵ с надежным соседом З. ²⁵⁻²⁷ Нет М2Б; в дому имей на кого можеш надеяться Д. ²⁶ дому ЗУ2. ²⁷⁻³⁰ Нет КГ. ²⁸⁻²⁹ делность в чину О; делность в чину своем Д. ²⁹⁻³⁰ у людей любов смысканая О; в людех любви искание М2; любов в людех Б; у людей добрых любовь заслуженная Д. ³⁰ Нет П. ³⁰⁻³¹ Нет КГ. ³¹⁻³⁷ Нет КГ. ³² много ложь П; лжи явныя Д. ³³ Нет ОД. ³⁴ и ПБ. ³⁵ нечто ПД. ³⁶ даяти ОД; отдаги П. ³⁷⁻⁴⁰ Нет Г. ³⁷ задерживати Д. ³⁸ Доб. человеку Д. ³⁸⁻⁴⁰ советовати о добре, творити скоро, исполняти дело О; советовати о своем деле, обещанное творити, скоро исполняти обещанное дело Д. ³⁹ в К; нет С. ⁴⁰⁻⁴³ Нет КГ. ⁴¹ скудость П. ⁴²⁻⁴³ одежды короткия Д. ⁴³⁻⁴⁴ безчинно есть Д. ⁴³⁻⁴⁸ Нет КГ. ⁴⁵ беседы П. ⁴⁶ девицы М2; людей М1. ⁴⁷ учения М1. ⁴⁷⁻⁴⁸ учение не в совершенстве Д. ⁴⁸⁻⁵⁰ Нет КГД.

11. Великой убыток: свинья в огороде, козел в саду, дурак ⁴⁹при совете⁵⁰.
12. Полезно есть⁵¹: девица⁵² в красном наряде, молодец в добром⁵³ мужестве⁵⁴, доктор в мудром⁵⁵ учении⁵⁶.
13. Непристойность⁵⁷: неученный попом⁵⁸, мужик господином, дурак воином⁵⁹.
14. Бездельность⁶⁰: человек без добродетели⁶¹, дородство без сердца, ярость без силы⁶².//
15. Мудрых любовь: конь досужей и поволной⁶³, слуга делной ⁶⁴и при- 4. 133
лежной, жена⁶⁵ нарядна а к тому верна⁶⁶.
16. Неудача⁶⁷: воин без денег, чин⁶⁸ в скудости, ⁶⁹конь без силы⁷⁰.
17. Мудрых дело: проехать недалеко⁷¹, в путь⁷² ехать скоро, зла раба ⁷³отпустить тотчас⁷⁴.
18. Вскоре досадно⁷⁵: езда⁷⁶ в пути⁷⁷ без седла⁷⁸, полевати⁷⁹ без прибыли, ⁸⁰потчивать бранлива⁸¹ гостя⁸².
19. Славу получать: воину⁸³ добрым конем, бедному добронравием, жениху нарядом⁸⁴.
20. Не держать при себе: конюха пияницы, пса во хранине, ⁸⁵при ушах лгача⁸⁶.
21. Крепко держатися⁸⁷: ездоку⁸⁸ на коне, плотнику⁸⁹ на хранине⁹⁰, рыболову⁹¹ в лодке⁹².
22. Не можеш⁹³ хвалитися: ездок⁹⁴ злым конем⁹⁵, господин⁹⁶ глупым слугою⁹⁷, хозяин⁹⁸ гнилым⁹⁹ двором¹⁰⁰.
23. Худая прибыль: конь хромою, пс ленивою, крестьянин пияной. II, 1
24. Слабая² надежда: коня без слуги оставити³, денег⁴ скудному в заим⁵ дати⁶, деревню⁷ заимом покупати⁸.
25. Не можеш⁹ хвалити¹⁰: худого коня, ¹¹неверна слугу¹², невесту пияную¹³.
26. Всегда похвално¹⁴: конь в бегу скором¹⁵, слуга у вина не пиян, пс ¹⁶борз за зайцом¹⁷.
27. Друг другу подобен¹⁸: конь губами испорчен, человек в деревне ра зорен¹⁹, медведь в лесу раздражен²⁰.

⁴⁹⁻⁵⁰ при раде О; в природе М²; при рати или при совете П; в дому В; в совете С; в на-
ряде З. ⁵⁰⁻⁵¹ полезность В. ⁵⁰⁻⁵⁶ Нет Г. ⁵¹⁻⁵⁶ дохтор в мудром учении, девица
в красном наряде, молодец в добром мужестве О; доктор во учении совершенном, девица
в красном наряде, молодец в добром мужестве Д. ⁵² старик М¹. ⁵³ Нет З. ⁵⁴ Нет З.
⁵⁴ наряде У². ⁵⁴⁻⁵⁶ да к тому в добром учении С. ⁵⁵ добром К¹П^Б.
⁵⁶⁻⁵⁹ Нет К^Г. ⁵⁷ Непристойно есть ДМ². ⁵⁷⁻⁵⁸ неученым попом М²; неуче-
ный поп Д. ⁵⁹ воин З. ⁵⁹⁻⁶² Нет К^Г. ⁶⁰ бездельно есть ДМ².
⁶¹ добродетелей Д. ⁶²⁻⁶⁶ Нет К^Г; мудрыя любят: коня досужаго и по-
хвалнаго, слугу делнаго и прилежнаго, жену нарядну и верну Д. ⁶³ поводной П.
⁶⁴⁻⁶⁶ жена верна В. ⁶⁵ стара М¹. ⁶⁶⁻⁷⁰ Нет М²К^Г. ⁶⁷ Доб. есть Д.
⁶⁸ человек Д. ⁶⁹⁻⁷⁰ Нет О. ⁷⁰⁻⁷⁴ Нет К^Г. ⁷¹ недалеко З. ⁷² пути Д.
⁷³⁻⁷⁴ себе не удержати Д. ⁷⁴ в тот час М¹; нет З. ⁷⁴⁻⁷⁵ скорая досада Д.
⁷⁴⁻⁸² Нет К^Г. ⁷⁶ ездоку П. ⁷⁷⁻⁷⁸ бездельна Д. ⁷⁹ торговать Д. ⁸⁰⁻⁸² по-
дучивать бранью лиха гостя П. ⁸¹ неблагодарнаго Д. ⁸²⁻⁸⁴ Нет К^Г.
⁸³ воин Д. ⁸⁴ цветною одеждою Д. ⁸⁴⁻⁸⁶ Нет К^Г. ⁸⁵⁻⁸⁶ лгача при ушах ОД.
⁸⁶ лгуна П. ⁸⁶⁻⁹² Нет К^Г. ⁸⁷ держатся В. ⁸⁸ ездока П. ⁸⁹ плотника П.
⁹⁰ хоромине ПСЗ. ⁹¹ рыболова П. ⁹²⁻⁹³ неудобно Д. ⁹²⁻¹⁰⁰ Нет К^Г.
⁹³ может ОМ²ПБСВ. ⁹⁴ ездоку ОМ¹Д. ⁹⁴⁻⁹⁵ на злом коне Д. ⁹⁶ госпо-
дину ОД. ⁹⁷ рабом П. ⁹⁸ хозяину М¹; дворянину Д. ⁹⁹ худым В; худою Д.
¹⁰⁰ хоромною Д. ¹⁰⁰⁻¹¹, 8 Нет К^Г.
II, 1 пианой В. ² слепа П. ³ оставлять ЗМ². ⁴ денги Д. ⁵ взаимы
М²БСЗ. ⁶ давать З. ⁷⁻⁸ займами купити Д. ⁸ купити ОС. ⁸⁻⁹ не мо-
жет М²П; не можно В; невозможно С; не подобает Д. ⁸⁻¹³ Нет К^Г. ¹⁰ похва-
лить С. ¹¹⁻¹² неверну жену У². ¹² раба ОБД. ¹²⁻¹³ пьяную невесту ОД.
¹³⁻¹⁴ похвалы достойно Д. ¹³⁻¹⁷ Нет К^Г. ¹⁵ спор М²; скор ВЗ; скорой ПД.
¹⁶⁻¹⁷ за зайцем борз М²В; на ловитве борзой Д. ¹⁷⁻¹⁸ непотребно С; подобны друг
другу Д. ¹⁷⁻²⁰ Нет К^Г. ¹⁹ разоренной Д. ²⁰⁻²³ вельми не похвальны С;
единой похвалы достойны Д. ²⁰⁻²⁶ Нет К^Г.

28. Одинакой хулы²¹ годны²²: конь зело трясуший²³, мужик гордо²⁴ глаголющий²⁵, пузырь горохом звонящий²⁶.
29. Ненадобно²⁷ творити: коня в огороде²⁸ держати, соседу²⁹ непомерно кланяться, с подданным³⁰ не шутити³¹.//
- л. 133 об. 30. Безубыточно³²: с³³ конем не играй³⁴, жене не лсти³⁵, денги³⁶ сам блюди³⁷.
31. Не всегда верь: конским ногам, непристойным вестям, купецким хвалбам³⁸.
32. Недолго живут³⁹: конь зело⁴⁰ скор⁴¹, жена всегда убелена⁴², ястреб зело прыток⁴³.
33. К постоянству: коня⁴⁴ не бей⁴⁵, жены не дразни⁴⁶, слугу⁴⁷ не всегда брани⁴⁸.
34. Не ленивы⁴⁹: конь иноходец, ⁵⁰мужик скороездец⁵¹, жена громогласна⁵².
35. Худо таких⁵³ учить: коня сердитаго, мужика лживаго⁵⁴, жены безстыдной⁵⁵.
36. Добродетели⁵⁶: конь цел⁵⁷ ногами, поволен губами⁵⁸, жена трезва, чиста и стыдлива, слуга правдив, не горд и⁵⁹ неотговорлив⁶⁰, конь чист и красив⁶¹, подобен жене досужей⁶², коня на песку пропотити, ⁶³как есть⁶⁴ хочеш⁶⁵, чтобы был поволен⁶⁶, слугу на коне⁶⁷, девицу⁶⁸ в танце⁶⁹, коня⁷⁰ после⁷¹ боязливаго ездока отведывай⁷², вдовы⁷³ после худово мужа не бери⁷⁴, коню надобно⁷⁵ быть⁷⁶ ногами здорову, в посетке⁷⁷ постоянну, в корму⁷⁸ силу, в стрече⁷⁹ добру⁸⁰, в напуске⁸¹ смелу, в бегу скору, ⁸²в устах поволну⁸³, конь велик, скор и поведен⁸⁴, поп учен, благочестив ⁸⁵и доброприкладен⁸⁶, царь премудр, праведен, милосерд, воевода смел, делен⁸⁷, ласков⁸⁸.
37. Бегай сих⁸⁹: лошади⁹⁰, что на выезд⁹¹ дают⁹², господина, от котораго ⁹³слуги бегают⁹⁴, деревни, где ⁹⁵лихой сосед⁹⁶ живет⁹⁷.

²¹ хвалы *ОМ2ПЗ*. ²² достойны *М2*; годны *М1*. ²³ трясушей *П*. ²³⁻²⁵ мужик мужику гордо отвечающий *Д*. ²⁴ гордой *М1В*. ²⁵ вещающий *О*. ²⁶⁻³¹ *Нет КГ*. ²⁷ не достоин *ОД*; ненадолго *П*. ²⁸ городе *С*. ²⁹ с соседом *С*. ³⁰ подданными *С*. ³¹⁻³⁷ *Нет Г*. ³² безубыточно *П*; постоянство *Б*; *доб.* есть *Д*. ³³ *Нет С*. ³⁴ играти *Д*. ³⁵ мсти *Б*; лстити *Д*. ³⁶⁻³⁷ хранити *Д*. ³⁷⁻³⁸ *Нет КГ*. ³⁸ хвалам *З*. ³⁸⁻⁴³ *Нет КГ*. ³⁹ жить *Б*. ⁴⁰ *Нет М2*. ⁴¹ ретив *М2*; рева *Б*. ⁴¹⁻⁴² на женском лице белила *Д*. ⁴² весела *Б*. ⁴³ быстр *Д*. ⁴³⁻⁴⁸ *Нет Г*. ⁴⁴ *Доб.* своего *Д*. ⁴⁴⁻⁴⁵ не всегда бити *К*. ⁴⁵⁻⁴⁸ слугу не всегда брани, жен не дразни *М1*; жену дразнити, слугу бранити *К*; раба своего не всегда брани, жены своей не раздражай *Д*. ⁴⁶ здражай *О*. ⁴⁷ раба *О*. ⁴⁸⁻⁵² *Нет КГ*. ⁴⁹ ленивство *О*; *доб.* суть *М2*; ленивый *ПБЗ*; изрядство *О*; лянятся *Д*. ⁵⁰⁻⁵¹ молодец скороездец *Д*. ⁵² встанлива *Б*; многоречива *Д*. ⁵²⁻⁵⁵ *Нет М1КГВ*. ⁵³ сицевых *Д*. ⁵⁴ лениваго *М2*; лстиваго *П*. ⁵⁴⁻⁵⁵ жену упрямую *Б*; жену безстыдну *Д*. ⁵⁵ бездельной *П*. ⁵⁵⁻⁸⁸ *Нет КГ*. ⁵⁶ всех добродетели *Д*; добродетель *У2*. ⁵⁶⁻⁵⁸ *Нет Б*. ⁵⁷ чист *С*. ⁵⁸ гулбами *У2*. ⁵⁹ *Нет М1*. ⁶⁰ не оговорлив *У2М1*; не оговорчив *М2*; не отговорчив *ПБСЗ*; неговорлив *Д*. ⁶⁰⁻⁶¹ *Нет П*. ⁶⁰⁻⁶⁷ отведати: коня проезжати на песку, слуги на коне сидение *Д*. ⁶⁰⁻⁸⁸ конь досуж в езде, поволен, усматривай: коня на песку, слугу на коне, девицу в танце *Б*. ⁶¹ красен *ОМ2СЗ*. ⁶¹⁻⁶² *Нет М1*. ⁶¹⁻⁸⁸ смотрити: слугу на коне, девицу в тайнице, коня по себе боязливаго *С*. ⁶²⁻⁶⁶ коня естли хочеш, чтоб был поволен на песку пропотити *М2*. ⁶³⁻⁶⁴ естли *У2ОМ1ПЗВ*. ⁶⁵ хочет *З*. ⁶⁶⁻⁶⁷ отведывай слугу на коне *З*. ⁶⁷⁻⁶⁹ *Нет М1*. ⁶⁸ а девицу *М2*. ⁶⁹ венце *У2*; *доб.* познание *Д*. ⁷⁰ отведывай коня *О*. ⁷¹ бойся *П*. ⁷² *Нет ДЗ*. ⁷²⁻⁷⁴ *Нет М1*. ⁷³ не бери вдовы *З*; вдове *П*. ⁷⁴ не верь *П*; *нет З*. ⁷⁴⁻⁷⁶ коня хромова, слуги слепова, надежно коню *З*. ⁷⁵ требе *ОД*. ⁷⁷ посадке *М2*; слуге бити в посадке сытну *Д*. ⁷⁷⁻⁷⁸ *Нет М2*. ⁷⁹ во стрече *О*. ⁸⁰ бодрю *ОМ2ПЗ*. ⁸¹ наступке *М2*; напуге *М1*. ⁸²⁻⁸³ и поволну *З*. ⁸³⁻⁸⁴ *Нет М1М2Д*; праведная любовь *З*. ⁸⁴ поволен *У2*. ⁸⁰⁻⁸⁸ во устах поволну, в напуске смелу, в бегу скору *Д*. ⁸³⁻⁸⁸ угодно есть: государь премудр, праведен и милосерд, воевода смел, делен и ласков, поп учен, благочестив и добронравен, конь велик, скор и поволен *Д*. ⁸⁵⁻⁸⁶ *Нет М1*. ⁸⁶ прикладен *П*. ⁸⁷ *Нет З*. ⁸⁸⁻⁹⁷ *Нет КГС*. ⁸⁸⁻⁸⁹ богати достойно *Д*; богати достоин *О*.

38. Временная⁹⁸ утеха⁹⁹: конь досуж¹⁰⁰, ружье^{III, 1} надежное², // жена л. 134 пригожая³.
39. Малая прибыль⁴: конь в дороге выбит, ⁵борзая сабака⁶ в поле храма⁷, порозжей мешек⁸ в торгу⁹.
40. Убыточно: коня летом¹⁰ овсом кормить, ¹¹у торговых¹² без денег товар брать¹³, прикащика ¹⁴не питать¹⁵.
41. Досадно: конь ¹⁶не подкован¹⁷ на лду¹⁸, сапог ¹⁹с дирую ²⁰в грязи²⁰, тапор тупой ²¹на дровах²².
42. Часто болезнуют²³: конь ногами, кузнец руками, жена²⁴ очима²⁵.
43. Слуге охотно служить²⁶: у господина добраго, ²⁷шутливаго и податливаго²⁸.
44. Слуга бегаёт²⁹: от³⁰ господина немилостиваго, сердитаго и³¹ скуднаго³².
45. Вещи страшные³³: бог, ³⁴совесть³⁵ и³⁶ смерть³⁷.
46. Безвредны³⁸: бог, ³⁹разум совершен⁴⁰ и доброты⁴¹.
47. Дело похвалное⁴²: победа над неприятелем, ⁴³над⁴⁴ собою⁴⁵, над диаволом⁴⁶.
48. Благословение божие⁴⁷: имение отеческое, жена добронравна, дети достохвалны⁴⁸.
49. Человек правдив⁴⁹: праведно ⁵⁰жить⁵¹ с людьми⁵², никому не досадить⁵³, всякому ⁵⁴свое отдать⁵⁵.
50. Божий и человеческий враг: стар⁵⁶ блудник, ⁵⁷богат сребролюбив, бедный горд⁵⁸.
51. Ничего не⁵⁹ успеют⁶⁰: ученик без книги, воин без ружья⁶¹, мастер без снасти⁶².
52. Наказанию должны⁶³: чернец, ученик⁶⁴, воин, ⁶⁵житель⁶⁶ Речи⁶⁷ Посполитой⁶⁸, слуга непослушной⁶⁹.

⁸⁹ Нет МЗПБЗ. ⁹⁰ коня ОД. ⁹⁰⁻⁹² которого просят часто проезжати Д.
⁹¹ ссуду Б. ⁹³⁻⁹⁴ отходят люди Д. ⁹⁵⁻⁹⁶ сосед лихой ОМЗПБЗ. ⁹⁵⁻⁹⁷ живет лихой сосед Д. ^{97-III, 3} Нет КГ. ⁹⁷⁻⁹⁹ утеха временная Д. ⁹⁸ великая Б.
¹⁰⁰ пригожей С.

III, 1 оружие ПС. ² ненадежное О. ³ добродлична Д. ³⁻⁴ Нет С.
³⁻⁹ Нет КГ. ⁵⁻⁶ собака борзая О. ⁵⁻⁷ борзые пес но (так!) поле хром Б; в поле сабака борзая хрома Д. ⁶⁻⁷ хромая в поле С. ⁷⁻⁸ мешок порозжей О.
⁷⁻⁹ в торгу мешек без денег Д. ⁹⁻¹⁵ Нет КГ. ¹⁰ в лете О; в лето Д. ¹¹⁻¹³ товар без денег купцам отдавати Д; у торговых людей ¹² купцов О; доб. людей П. ¹²⁻¹³ товар без денег брати О. ¹⁴⁻¹⁵ нечасто своего считати Д.
¹⁵⁻²² Нет КГ. ¹⁶⁻¹⁷ бос ОМЗПБЗ. ¹⁶⁻¹⁸ на лду не подкован Д. ¹⁹⁻²⁰ в грязи з дирую Д. ²⁰⁻²² топор к дровам тупой Д. ²¹⁻²² к дровам О. ²² дрова МЗБ.
²²⁻²⁵ Нет КГ. ²³ болезнует МЗБ. ²⁴ повар Д. ²⁵⁻²⁶ слуга охотно служит КС; охотно служить слуге Д; слугам угодно служить Б. ²⁵⁻²⁹ Нет Г. ²⁶ жить УЗ.
²⁷⁻²⁸ повадлива и ласковаго, подле соседа умнаго Д; у шутливаго, у податливаго МЗ. ²⁸⁻²⁹ слуги бегают Б. ²⁸⁻³² Нет Г. ³⁰ Нет С. ³¹ Нет МЗ.
³² скупаго К. ³²⁻³⁷ Нет Г; страшитися: бога совестью своею и часа смертнаго Д.
³³ Доб. человеку К. ³⁴⁻³⁷ смерть, совесть Б. ³⁵ совет МЗП. ³⁶ Нет МЗКСЗ.
³⁷⁻⁴¹ Нет ГВ. ³⁸ Доб. человеку К; доб. пребывают Д. ³⁹⁻⁴¹ ум совершенный, добродетели, вкорененныя дела Д. ⁴⁰ Нет МЗС. ⁴⁰⁻⁴¹ добродетель К. ⁴¹ доброта УЗОМІСЗВ.
⁴¹⁻⁴² похвалы достойны Д. ⁴¹⁻⁴⁶ Нет КГ. ⁴² похвалы достойное О. ⁴³⁻⁴⁵ на бою Б. ⁴³⁻⁴⁶ победа над своими страстями, победу над диаволом совершенно содержати Д. ⁴⁴ Нет С; а не над П. ⁴⁶ Доб. одержать О; доб. в совести Б. ⁴⁶⁻⁴⁷ божие благословение Д. ⁴⁶⁻⁴⁸ Нет Г. ⁴⁷ Нет Б.
⁴⁸ хвалы достойны Д. ⁴⁸⁻⁴⁹ справедливость ОК; правда негиблящая Д.
⁴⁸⁻⁵⁵ Нет Г. ⁵⁰⁻⁵² со всеми жить МЗ; с людьми жити Д. ⁵¹ живет ПЗ. ⁵³ досаждати ОКД; досадит ПЗ; докуждати Б. ⁵⁴⁻⁵⁵ достойную ево честь отдать О; достойную честь воздавати К; достойную честь отдавати Д. ⁵⁵ отдает ПЗ.
⁵⁵⁻⁵⁸ Нет КГ. ⁵⁶ в старости Д. ⁵⁷⁻⁵⁸ в богатстве сребролюбец, в самой бедности кто горд Д. ⁵⁸ а горд МЗБС. ⁵⁸⁻⁶² Нет КГ. ⁵⁹ Нет О. ⁶⁰ успевают МІ.
⁶¹ оружия ОМЗПБСД. ⁶¹⁻⁶² художник без орудия ОД. ⁶² инструмента МЗ.
⁶²⁻⁶³ должни наказанию МЗ. ⁶²⁻⁷⁸ Нет К. ⁶³ достойны УЗ. ⁶⁴ учением Б.
⁶⁵⁻⁶⁸ гражданин посполи Д. ⁶⁶⁻⁶⁸ жителем Б. ⁶⁶⁻⁶⁸ Нет БС. ⁶⁷ реки МІ.
⁶⁹ непослушник П; непослушливой Д; доб. господам Б.

53. Безопасны⁷⁰: старец⁷¹ в келье⁷², воин⁷³ в ружье⁷⁴, житель⁷⁵ в уложеньи⁷⁶, поп в церкви⁷⁷, судья в приговоре⁷⁸.
54. Много могут⁷⁹: сила, наряд⁸⁰, промысл⁸¹.
^{84*} Беречися⁸²: домашнего вора⁸³, слуги гневливого, друга⁸⁴ примиренного⁸⁵.
4. 134
об. 55. Надобно⁸⁶ рано⁸⁷ встать⁸⁸: // для поездки, для⁸⁹ полевания, для досмотра⁹⁰.
56. Не⁹¹ могут ползовати⁹²: домостроение⁹³ без призрения, иск⁹⁴ без прилежания, ⁹⁵грабеж⁹⁶ без вымыслу⁹⁷.
57. Объявляют⁹⁸: узда⁹⁹ коня¹⁰⁰, язык человека, укус еству^{IV, 1}.
58. Мало дослуживают: узда изорвана, ²лодка дырява³, ожог⁴ деревянной⁵.
59. Неподлинны⁶ и⁷ ненадежны⁸ дела⁹: бодрость¹⁰ принужденна¹¹ в дому¹², дружба¹³ от страха человека¹⁴, смирение у волка в яме¹⁵.
60. Страшно¹⁶ ружье¹⁷ местом¹⁸: пицаль в лесу¹⁹, копье²⁰ в поле²¹, мечь²² на улице²³, кинжал²⁴ в тесноте²⁵.
61. Досадные²⁶ шутки: с королем²⁷, с пицалью, со лвом²⁸.
62. Вредительные вещи: рана без пластыря, деревня²⁹ без дозору, слово о³⁰ господине³¹ без боязни³².
63. Готовым³³ надобно³⁴ быть³⁵: руке у ездока³⁶, у девицы мягкой³⁷, у воина скорой³⁸.
64. Прибыль приносится³⁹: трудами многими, умением⁴⁰ добрым⁴¹, изобилием нескудным.
65. Убытки бывают⁴²: леностию, скорбью, скудостью⁴³.
66. Сим познаются⁴⁴: приятель ⁴⁵богатством⁴⁶, сосед⁴⁷ желательством⁴⁸, бодрый⁴⁹ радением⁵⁰.

^{a-6} в У1 нет, перенесено согласно другим спискам и оригиналу, восстановлено по В.
⁷⁰ безопасно М2; безопаство В; безопасное С. ⁷¹ монах В. ⁷¹⁻⁷² в своей келье Д. ⁷³⁻⁷⁴ во оружии ОМ2ПСД. ⁷⁴⁻⁷⁶ гражданин при уложенье ОД. ⁷⁴⁻⁷⁷ Нет В. ⁷⁵⁻⁷⁶ уложенем ГПС. ⁷⁶ Доб. волны З. ⁷⁸ приказе Д; приворе С; доб. правдивом М2. ⁷⁸⁻⁷⁹ могут быти С. ⁷⁸⁻⁸¹ Нет К. ⁸⁰ народ У2. ⁸¹ Доб. не верь: в доброй погоде плывучи на море, всегда лживому человеку, необузданному свирепому коню, недобро крепкому яду Д. ⁸² блюстися К; берегися ГПСЗМ2; брещися О; доб. надобно Д. ⁸³ врага П. ⁸⁴ врага К. ⁸⁵ смирившагося КО; умиренного ГПСЗ; умеренного М2; умиленного и лукавого П; вновь смирившагося Д. ⁸⁵⁻⁹⁰ Нет К; кому потребно рано вставати: кто хочет погулять, по полям разбегать, всего дома свое[го] рассмотреть Д. ⁸⁶ требе О. ⁸⁷ Нет С. ⁸⁸ вставать БС. ⁸⁸⁻⁹⁰ проездиться, пополевать, всего досмотрить О. ⁸⁹ и для П. ⁹⁰⁻⁹⁷ Нет К. ⁹¹⁻⁹² ползуют О; ползует Д. ⁹³ домостроительство ОД; досмотрение М2ГВ. ⁹⁴ и иск П; искание М2. ⁹⁵⁻⁹⁷ Нет В. ⁹⁶ корысти Д. ^{97-IV, 1} Нет К. ⁹⁸ А зде являют П. ⁹⁹ езда С. ⁹⁸⁻¹⁰⁰ коня узда Б. ^{98-IV, 1} коня узда, человека язык, еству вкус О; естеству вкус, коня узда, человека язык, девицу ложе Д. ^{IV, 1} есты В. ¹⁻⁵ Нет К. ²⁻³ лощка дироватая М2. ³ худая П; с диграми С; дыроватая Д. ³⁻⁵ свирель деревянная Д. ⁴ рожок ОМ2Б; рожен ГСВ; орок П. ⁵⁻¹⁵ Нет К. ⁵⁻⁸ ненадежныя ДМ2; неподлинной и ненадежный П. ⁶ негодни Б. ⁷ Нет О. ⁹⁻¹² Нет Г. ¹⁰⁻¹³ Нет В. ¹¹ Нет З. ¹³ Доб. учиненна Д; нет Г. ¹³⁻¹⁴ у человека от страха О. ¹⁴ Нет ЗД; у человека Г. ¹⁵⁻²⁵ Нет К. ¹⁵⁻¹⁸ страшны суть ружье на удобном месте Д. ¹⁶ страшны ОГПСЗ. ¹⁶⁻¹⁸ ружье в поле З. ¹² оружие М2ПС. ¹⁸⁻¹⁹ пицаль добрострелна Д. ¹⁹⁻²¹ Нет З. ²⁰ Доб. остро Д. ²¹⁻²³ Нет М1. ²² Доб. и копые З. ²⁴ Доб. и нож З. ²⁵⁻²⁸ Нет К. ²⁶ опасныя Б. ²⁷ царем О; государем Д. ²⁸ Доб. в пустыне П. ²⁸⁻³² Нет К. ²⁹ деревни П. ³⁰ от Д; нет М2. ³¹ господ Д. ³²⁻³⁸ Нет К. ³³ Нет М2. ³³⁻³⁵ быть угодно Б. ³⁴ требе ОД. ³⁶ Доб. готовой М2; доб. скорой Д. ³⁶⁻³⁷ Нет М1; девице мяхой Б. ³⁷ мяхкость С. ³⁸ скорость М1С; с ружьем Д. ³⁹ бывает Б. ⁴⁰ именем Б. ⁴¹ многим М1М2В. ⁴² приходят К. ⁴²⁻⁴³ от лености, от скорби, от скудости Д. ⁴³⁻⁵⁰ Нет К. ⁴⁴ позываются Б; позываются С. ⁴⁵⁻⁴⁶ в богатстве Д. ⁴⁷ Доб. как благо с ним поступаеш Д. ⁴⁷⁻⁴⁸ Нет Д. ⁴⁸ жителством П. ⁴⁸⁻⁵⁰ добрый человек радетелством Д. ⁴⁹ бодру П; добрый С. ⁵⁰⁻⁵⁷ Нет К.

67. Всегда славны⁵¹: младый⁵² от изрядных⁵³ слов⁵⁴, старый⁵⁵ от многих денег⁵⁶, средний добродетельством⁵⁷.
68. Таков бывай⁵⁸: жене⁵⁹ болшим, слуге господином, крестьянину⁶⁰ владетелем⁶¹.
69. Всяк хвалится: в дому конем⁶², при дворе⁶³ нарядом, в домостроительстве денгами⁶⁴.
70. Последние вещи⁶⁵: смерть⁶⁶ испытати, // всякому верити, надежду⁶⁷ а. 155 потеряти⁶⁸.
71. По природе належит⁶⁹: итталианину докторство, немчину купечество, поляку воинство⁷⁰.
72. Не припущай⁷¹: бумаги к воде, пера ко огню, чернца к жене⁷².
73. Может⁷³ чернец⁷⁴ выпросить: ⁷⁵у мудрой жены честь⁷⁶, у ласковой денег, у⁷⁷ глупой что хочет⁷⁸.
74. Всяк теряет: ловец дожидаяся⁷⁹ погоды, мужик⁸⁰ веря⁸¹ работником, пастух надеяся на псов⁸².
75. Мерность имети⁸³: от трудов⁸⁴ многих⁸⁵, от гнева яростна⁸⁶, от пития помнися⁸⁷.
76. Достойны хвалы⁸⁸: ездец⁸⁹ в храбрости, вдовой⁹⁰ в чистоте, домостроитель⁹¹ трудами⁹².
77. Достойны хулы: судия⁹³ дары емлющий⁹⁴, прикащик⁹⁵ с мужиками⁹⁶ в братстве⁹⁷ живущий, ⁹⁸нашедши теряет⁹⁹.
78. Дураки суть: кто много бранится¹⁰⁰, а не биется^{7,1}, много обещает, а ²ничего не дает³, много говорит, а ничего не знает⁴.
79. Тем же подобни⁵: бранится с болшим, ⁶пьян чинится⁷ богатым⁸, подданных отгоняет⁹.
80. Неподлинная радость: пьянаго¹⁰ обещание, убогаго гордость, скупаго учтивость¹¹.
81. Воздержание: жене¹² домостроительней, ¹³воздержной¹⁴ муж¹⁵, мужик послушной¹⁶.

⁵¹ славно М1В. ⁵²⁻⁵⁴ изрядными словами ОД. ⁵³ многих С. ⁵⁴⁻⁵⁷ средний от добродетельств, старый от многих денег Б. ⁵⁵⁻⁵⁶ многими денгами ОД. ⁵⁷ от добродетельств М2; от добродетельства ГПСЗ; добродетельми О; добрыми делами Д. ⁵⁷⁻⁵⁸ тако ж буди К; буди всегда таков Д. ⁵⁸ буди О; бывает Б. ⁵⁹ Доб. своей Д. ⁶⁰ крестьяном У2ОМ1М2ГПБСЗВ. ⁶¹ владетель ЗП; владельцем К. ⁶¹⁻⁶⁴ Нет К. ⁶² домом Б. ⁶³ дворянх Д. ⁶⁴⁻⁶⁵ горко на сердце Д. ⁶⁴⁻⁶⁸ Нет К. ⁶⁶ о смерти Д. ⁶⁷ Доб. свою Д. ⁶⁸ теряти М2. ⁶⁸⁻⁷⁰ Нет К. ⁶⁹ належит БЗД; належат П. ⁷⁰⁻⁷¹ надо хранити З. ⁷⁰⁻⁷² не давай случатися: бумаге с водою, перу со огнем, чернцу с женою Д. ⁷¹⁻⁷² к воде бумаги — замочит, к огню пера — затрещит, к жене чернца — закричит М2. ⁷²⁻⁷³ Нет У2К. ⁷³ можно Д. ⁷⁴ Нет ОД. ⁷⁵⁻⁷⁶ у жены у мудрой в честь М2. ⁷⁶ в честь П; учтивости Д. ⁷⁷ а у Д. ⁷⁸ хочеш Д; похочет М2. ⁷⁸⁻⁸² Нет У2К. ⁷⁹ ожидая М2; дождидается ОМ1ГП. ⁸⁰ хозяин М2; земледелец Б. ⁸¹ Доб. своим Д. ⁸²⁻⁸³ верность имеет С. ⁸²⁻⁸⁷ Нет У2К. ⁸³ имей М2; имеет ПЗ; имамя Б. ⁸³⁻⁸⁵ Нет Б. ⁸⁴ друзей М2. ⁸⁵ покой Д. ⁸⁵⁻⁸⁶ во гневе крепость Д. ⁸⁶ ярости М1П. ⁸⁷ излишняго О; безмернаго З; многаго М2; помнися Г; излишнего воздержание Д. ⁸⁷⁻⁹² Нет У2К. ⁸⁸ хваления М2. ⁸⁹ наездник Д. ⁹⁰ вдовец ОД; девица С. ⁹¹ досмотрител З. ⁹² в прилежании М2; в трудех Д. ⁹²⁻⁹⁹ Нет У2. ⁹³ Доб. неправедно О; неправедный К. ⁹³⁻⁹⁴ неправедный дар емлющи Д; посулы приемлющей М2. ⁹⁵⁻⁹⁶ мужиками С; со крестьяны М2; с работниками К. ⁹⁶⁻⁹⁷ Нет К. ⁹⁷ воровстве О; равенстве Б. ⁹⁸⁻⁹⁹ Нет ОМ1М2КГПБСЗВД. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ Нет У2. ¹⁰⁰ бьетса К. ¹ биет П. ²⁻³ мало отдает М2. ⁴ ведает ОМ1М2КГПБСЗВ. ⁴⁻⁵ тому же подобно У2. ⁴⁻⁹ Нет К. ⁵ Доб. кто Д. ⁵⁻⁹ кто подданных отгоняет, пьян богатым чинится и з болшими бранитса М2. ⁶⁻⁹ себе пьяным чинит, богаты подданных своих тягостию отгоняет Д. ⁷ чинитися У2; ставитса З. ⁸ Нет Б. ⁹ разговяет У2. ¹⁰ у пьянаго М2. ¹¹⁻¹⁶ Нет К. ¹² мужу М1. ¹³⁻¹⁵ земледелец послушный Б. ¹⁴ смиренной У2ОМ1М2СВД; смирению Г; нет П. ¹⁵⁻¹⁶ Нет С; работник делной Б. ¹⁶⁻²¹ Нет БК.

82. Работник¹⁷ сильный: здоровье с¹⁸ трудолюбием, ¹⁹ трезвость с чистотою²⁰, охотники веселые и смелые²¹.
- *82* Избирай себе²²: молодца ²³ на коне²⁴, девицу в танце²⁵, жену²⁶ в домо-строительстве²⁷.
83. Мудрый²⁸ дураком бывает²⁹: от³⁰ пития крепкаго вина, ³¹ от явнаго³² сидения с девицею³³, от сеяния³⁴ в непогодной дождь, от брани в пьянстве³⁵.
84. Скорбное житие: муж³⁶ без жены, птица³⁷ в клетке, рыба³⁸ в садке³⁹.
- а. 135 об. 85. О бережении⁴⁰: // слуга⁴¹ бы⁴² с соседом⁴³ не много⁴⁴ знался⁴⁵, в дому держи слугу⁴⁶ верна, а не вора, хлеб⁴⁷ осмотришь перед новым продавай⁴⁸.
86. Должен всяк быти⁴⁹: в церкви богобоязлив, в совете мудр ⁵⁰ как сенатор⁵¹, на коне яко чинный⁵² воин, в беседе как⁵³ трезвая девица⁵⁴.
87. Похвално есть⁵⁵: жена⁵⁶ рано молящаяся⁵⁷, а⁵⁸ к тому ⁵⁹ при столе разумно⁶⁰ сидящи⁶¹, а⁶² еще⁶³ на ложе угодна⁶⁴.
88. Возбуждение к радости: младой⁶⁵ доброй совет, ⁶⁶ в саду⁶⁷ сладкоречие⁶⁸, к прощению⁶⁹ невозбранение⁷⁰.
89. В подозрении есть: приятелства⁷¹ лесь при столе⁷², перевоз между⁷³ лдом⁷⁴, два к одной пришедше⁷⁵.
90. Належащее⁷⁶ к деревне: денги⁷⁷ береги⁷⁸, рубежами⁷⁹ обмежуй, время к пахиною блюди, ⁸⁰ по уложению подати⁸¹ плати⁸².
91. Не славны суть⁸³: дорожной⁸⁴ без искусства⁸⁵, войско⁸⁶ с безумным гетманом, государство без уложения⁸⁷.
92. Не верь⁸⁸: рабятam⁸⁹ в саду, жене в тайных делех, зернщику в денгах⁹⁰.
93. Убыток в деревне⁹¹: дворница пьяная, ключник прелюбодей, староста лгачь⁹².
94. Беречися⁹³ в дому: от худой печи ⁹⁴ дыму и⁹⁵ огню, от худой кровли ⁹⁶ воды⁹⁷ и ⁹⁸ капли⁹⁹, от злой¹⁰⁰ жены^{VI, 1} беды.

^{в-г} в У1 нет, перенесено согласно другим спискам и оригиналу, восстановлено по В.

а. Испр. по В, в ркп. приятелство.

- ¹⁷ мужик С. ¹⁸ Нет ПД. ¹⁹⁻²⁰ Нет П. ²¹⁻²² осматривай Б. ²³⁻²⁴ в борьбе З. ²⁴⁻²⁵ стара в деле М1. ²⁵ тайне КС; наряде З. ²⁶ мужика М1. ²⁷ домостройстве Б. ²⁷⁻³⁵ Нет Б. ²⁸ мудрые ПД. ²⁸⁻²⁹ дурак К; дураками бывают Д. ²⁹ бывають ГП. ³⁰ Доб. излишняго Д. ³¹⁻³³ Нет К. ³² Нет С; частаго Д. ³³ девицами Д; же-нами М1 ³⁴ сидения С. ³⁶ мужу ОМ2КГПБЗ. ³⁷ птице ОМ2ГПБЗД; птичке К. ³⁸ рыбе ОМ1М2ГПБСЗВД; рыбы К. ³⁹ сажалке ОМ2ПБСЗД; сажалке К; доб. и человек в темнице У2; доб. или в саду; мухи, пси и борзые П; доб. старцу в монастыре З. ³⁹⁻⁴⁰ бережливость ОД; обережение М2ГБСЗ. ³⁹⁻⁴⁸ Нет К. ⁴¹ слугам М2ГПБСЗ. ⁴² Нет М2ГПБСЗ. ⁴²⁻⁴³ с соседи Д. ⁴³ соседями П. ⁴³⁻⁴⁴ мало М2; нет Г. ⁴³⁻⁴⁵ знатися не много П; много знатися Б. ⁴⁵ знатися М2ГБСЗ; знается Д. ⁴⁵⁻⁴⁶ слугу держати М2; в дому слугу держи Б. ⁴⁷ хлебом П. ⁴⁷⁻⁴⁸ продавай осмотришь пред новым М2. ⁴⁸ продавать З. ⁴⁸⁻⁴⁹ должен быти всяк О; должно быти всяк Д; всяк должен быти У2. ⁴⁹ Доб. везде опасен, а напаче Д. ⁴⁸⁻⁵⁴ Нет К. ⁵⁰⁻⁵¹ Нет М1Б. ⁵² чисты М2; сильный П. ⁵³ яко ОМ2ПБСД. ⁵⁴ дева М1. ⁵⁴⁻⁵⁵ похвална весть Б. ⁵⁴⁻⁶⁴ Нет К. ⁵⁶ чело-век М1. ⁵⁷ молящейся М1; встающа З; встающая и молящаяся Д. ⁵⁸ Нет З. ⁵⁹⁻⁶⁰ разумна Б. ⁶⁰ разумна ОМ2ГБСЗД. ⁶¹ Нет ОМ2ГБСЗД. ⁶¹⁻⁶⁴ Нет М1. ⁶² и С; нет ЗБ. ⁶³ еже П; доб. же Б. ⁶⁴⁻⁷⁰ Нет К. ⁶⁵ человеку М1; младаго Б; младаму З; младых Д. ⁶⁶⁻⁶⁸ в разговорах сладоречение Д. ⁶⁷ старости З. ⁶⁸ доброй вкус Б; словоречие М1. ⁶⁸⁻⁶⁹ к понятию Г; к прощению П; к вопрошению З. ⁶⁸⁻⁷⁰ во прошение скорое подаяние Д; нет Б. ⁷⁰⁻⁷⁵ Нет К. ⁷¹ приятелева П; доб. льстивая сквернословие С. ⁷⁰⁻⁷² не доверяти: листи пред чужим обедом Д. ⁷³ Нет З. ⁷⁴ адом Г. ⁷⁴⁻⁷⁵ Нет М1; два жениха к одной девице Д. ⁷⁵⁻⁸² нет КБ. ⁷⁶ надлежащее ЗМ2Д. ⁷⁷ деревни П. ⁷⁸ Доб. землю Д; беречи Д. ⁷⁹ графнями М1. ⁸⁰⁻⁸¹ подати по уложению ОД. ⁸² выбирай Д. ⁸²⁻⁸³ не есть славно ОД; не славно суть М2ГПЗ; не слава суть У2; нескусна суть С. ⁸²⁻⁸⁷ Нет КБ. ⁸⁴ дорожной Д. ⁸⁵ искуса С. ⁸⁶ войска ОГЗ. ⁸⁷ законов Д. ⁸⁷⁻⁹⁰ Нет К. ⁸⁸ верить М1. ⁸⁹ детям малым ОД. ⁹⁰⁻⁹¹ деревенской убыток Д. ⁹⁰⁻⁹² Нет ОК. ⁹³ бере-гися ОМ2ГПБСЗД. ⁹⁴⁻⁹⁵ Нет Б. ⁹⁶⁻⁹⁸ Нет М2К. ⁹⁷ Нет П. ⁹⁷⁻⁹⁹ Нет Б. ⁹⁹ капли ОМ1М2ПС; капел З; доб. воды К. ¹⁰⁰ язычной Д.

^{VI, 1} Доб. всякой Д.

95. Приводит² печаль³: в нужде праздность⁴, во грехах непокаяние⁵, излишество⁶ всякого дела⁷.
96. Путь продолжают⁸: воз неисправный, ⁹возница пьяной, ¹⁰выезд с вечера¹¹.
97. В подозрении¹² дела¹³: гишпанская простота, италианское учтивство¹⁴, полской чин¹⁵, // прусские шутки, датское государствование¹⁶, аглинская волность¹⁷, французской стыд¹⁸, немецкое покорство, шкоцкое отдыхание, московское слово, ¹⁹турское супружество²⁰, жидовское обещание, арианская²¹ вера²², цыганская и²³ волоская²⁴ правда²⁵.
98. Достоин²⁶ похвалы²⁷: девица добрая²⁸ без приправы²⁹, вино без сахару, добронравие без случая³⁰.
99. Никогда не удоволиш³¹: гостя ³²и девки безстыдной³³, мужика лакомаго, мешка дыряваго³⁴.
100. Удержатися³⁵: от чюждаго имения, от играня карт³⁶, от непостоянных³⁷ слов³⁸.
101. Немочно³⁹ уберечися⁴⁰: пивничего⁴¹ вора⁴², жены блудницы⁴³, лгача⁴⁴ в обмане⁴⁵.
102. Удержание денгам⁴⁶: домостроитель прилежной, дворецкой⁴⁷ верной, господин⁴⁸ воздержной⁴⁹.
103. Радость домовая⁵⁰: тихое сидение⁵¹, утеха ⁵²о жене любовной⁵³, с соседы согласие⁵⁴.
104. Шляхтичем быти⁵⁵: боронити ⁵⁶природной своей⁵⁷ славы⁵⁸, мужественно где⁵⁹ надобно⁶⁰ стати, в храбрости не устрашатися⁶¹.
105. Ненадобно⁶² принимати⁶³: воина под знамя ⁶⁴без оружия⁶⁵, крестьянина беглеца ⁶⁶и нерадива⁶⁷, слугу лстива⁶⁸.
106. Непознаемо⁶⁹: путь ⁷⁰на воде ⁷¹после лодки⁷², птичьё летание⁷³ на воздухе⁷⁴, девицу⁷⁵ чистоту потерявшую⁷⁶.

² приходит К. ³ плачь Д; в печаль З. ³⁻⁴ в нужде дел быти праздну Д.
⁴ праздников З. ⁵ искаяться Д. ⁶ излишества ГПЗ. ⁵⁻⁷ во многия дела себя вдавати Д; во всяких делах излишество МЗ. ⁷⁻¹¹ Нет Б. ⁸ продолжает МИК; повреждают (испр. по первоначальному провозждают) Г. ⁹⁻¹¹ лошади ленива, извоицк сонной З. ¹⁰⁻¹¹ Нет С. ¹¹⁻¹² подозренье ОМЗГС; подозрения К; подозрительны Д; подозрение П. ¹¹⁻²⁵ Нет БЗ. ¹³ вещи П.
¹⁴ учительство Г; изобилие П. ¹⁴⁻¹⁵ полские чины Д. ¹⁶ государство П.
¹⁶⁻¹⁷ Нет УЗ. ¹⁷ познат Д. ¹⁷⁻¹⁸ Нет МЗ. ¹⁹⁻²⁰ Нет Г. ²⁰ содружество ОМЗКСД; доб. или перемире Д. ²⁰⁻²² Нет П. ²¹ христиан К. ²³ или П.
²⁴ поволская Д. ²⁵ Доб. арианская вера П. ²⁵⁻³⁰ Нет КЗ. ²⁵⁻²⁷ мощно похвалити П. ²⁶ достойны БСД. ²⁷ хулы Г; хвалы Д. ²⁷⁻²⁸ девы добрыя М1.
²⁷⁻²⁹ девицу без краски П. ³⁰ Доб. невинного Д. ³⁰⁻³⁴ Нет КЗ. ³¹ удоволит С. ³¹⁻³⁴ мужика лакома, мешка дырява, гостя и девки безстыдных П. ³²⁻³³ безстыдного М1. ³³ безстыдных ОМЗГСД; безстыдна Б. ³⁴ дырватого МЗД.
³⁴⁻³⁵ Нет КЗ. ³⁵ удерживатися ОМЗД. ³⁵⁻³⁶ удержитися от чюжих: жилищов, карт и П. ³⁸ Доб. в денги Д. ³⁷ непристойных ОМЗД. ³⁸ Доб. непостоянных МЗ. ³⁸⁻⁴⁵ Нет КЗ. ³⁹ немощно С; немного Д. ⁴⁰ уберечь П; удержатися Б.
⁴¹ ключника Д. ⁴² в воровстве П. ⁴³ в финдриянцы П. ⁴⁴ лгуна П.
⁴⁵⁻⁴⁹ Нет З. ⁴⁶ денег ПБ. ⁴⁷ пивничей П. ⁴⁸ хозяин К. ⁴⁹⁻⁵⁰ в дому радость П; нет КЗ. ⁵¹ Доб. в дому П. ⁵²⁻⁵³ о детех добрых М1; по любви П.
⁵³ любовная Б. ⁵³⁻⁵⁴ соседы согласные С; согласие с соседы Б. ⁵⁴⁻⁵⁵ шляхетность ОМЗ; шляхтичь П; дворянство Д. ⁵⁴⁻⁶¹ Нет КБЗ. ⁵⁶⁻⁵⁷ своей природной МЗ. ⁵⁸⁻⁵⁸ славы природной П. ⁵⁹ дело М1. ⁶⁰ достоин ОМЗ; стоять Д.
⁶¹ устрашитися Д. ⁶¹⁻⁶⁸ Нет КЗ; да не будет прияти: жолнер под знаменем безоружен, крестьянин нерадив беглец, слуга лстец П. ⁶² нетребно ОМЗ; непотребно Д.
⁶³ творити М1В. ⁶⁴⁻⁶⁵ безоружейна О; безоруженна БС. ⁶⁶⁻⁶⁷ нерадива Г.
⁶⁴⁻⁶⁵ слугу лстива и нерадива МЗ. ⁶⁸⁻⁷⁶ Нет МЗКБЗ. ⁶⁹ не познаеш ОП; незнаемо С; непознано есть Д. ⁷⁰⁻⁷² после лодки на воде П. ⁷¹⁻⁷² корабельного Д.
⁷²⁻⁷³ птичьё летания ГСД; птаха после летания П. ⁷⁴ Доб. змия ползуца по камени ВМ1. ⁷⁴⁻⁷⁶ девицы чистоты потерявшия О. ⁷⁵ девицы П. ⁷⁶ теряюща П. ⁷⁶⁻⁷⁷ нет ОМЗКГБСЗД.

107. Совершенство к тем належит: к господину, к чину и к маршалку⁷⁷.
 108. Злоба: на человека без вины находити⁷⁸, о чюжем⁷⁹ убытке⁸⁰ радоваться, печаль⁸¹ бездельна⁸² приводить⁸³.
 Л. 136 об. 109. До⁸⁴ учтливости⁸⁵ належит⁸⁶: младым⁸⁷ стыд, // среднему правда⁸⁸, старому⁸⁹ верность⁹⁰.
 110. Дело⁹¹ непристойное: господа бога забывати, старших укарати, добродетели⁹² не сохранятьи, учтливости⁹⁴.
 111. Прибыль несовершенна⁹⁵: сильной без работы, скудной ленивой, богатой⁹⁶ не радит⁹⁷.
 112. Опасно⁹⁸ таковым досаждать⁹⁹: цылюрику¹⁰⁰ пред VII. 1 бритием браны², вознице в пути, повару³ пред обедом⁴.
 113. Нечинно идут: правой⁵ без денег⁶, финдранганция⁷ з голодом⁸, лекарство⁹ без доволства¹⁰.

¹¹ Конец тетради Яна Запчица¹².

П Р И Л О Ж Е Н И Е 2

ЧЕТВЕРТАК

Основной текст: ГПБ, Соловецкое собр., № 242/242
 Разночтения: ГПБ, Софийское собр., № 1496
 БАН, 21.9.19, Северное собр., № 721

Сол.
 Соф.
 А

Л. 277 Четвертак старой полской или зеркало, в нем же всяк¹ может прозреться.

Искал² поминка в лихой хижине своей³
 тебе ради, честный⁴ господине. Но⁵ в худобе моей
 праздно имех⁶ устремлятися дары,
 прииме любовне от⁷ убога и сей четвертак старый.
 Не гнушайся четвертаком, добро во оно время бывало,
⁸ доколе нам еще старых четвертаков ставало⁹.
 Ныне новых издевичников умножилось,
^а ныне чтобы⁶ нам об них и не снилося¹⁰.

Толкование сего четвертака.

Четыре вещи на свете не оценены: волность, наука, добродетель,

⁶ Испр. по В; в ркп. доволство.
⁷⁷ Доб. или дворецкому П. ⁷⁷⁻⁸³ Нет МЗКБЗ. ⁷⁸ не ходить У2.
⁷⁸⁻⁸⁰ о убытке чюжем ОД; с чужего убытка П. ⁷⁹ Нет С. ⁸¹ в печаль
 ОГС; в печать Д; к жалости П. ⁸² без дела У2М1СВД; без дел (испр. по
 первоначальному безделья) О; нет П; доб. и без вины Д. ⁸³⁻⁹⁰ Нет КЗМ2.
⁸⁴ ко Б; да Г. ⁸⁵ сноты (так!) сия П; учтливость Г. ⁸⁶ надлежит БД.
⁸⁷ младому ОГБСД; младому в П. ⁸⁸ неправда П. ⁸⁹ Доб. постоянство и Д.
⁹⁰ безверность П. ⁹⁰⁻⁹⁴ Нет ЗМ2. ⁹¹ Доб. зело П. ⁹²⁻⁹⁴ учтливости не храни
 ни (на поле доб. добродетели) О; учтливости и добродетели не храни Д; и чтивство
 не храни К. ⁹³ сноты П; добродетелей МГС. ⁹⁴ Нет ГПБС. ⁹⁴⁻⁹⁷ Нет
 ЗМ2. ⁹⁵ неподлинная П. ⁹⁶⁻⁹⁷ нерадив ОКПСД. ^{97-VII, 4} Нет ЗМ2.
⁹⁸⁻⁹⁹ такова сердити П. ¹⁰⁰ цырылику К; цырюлику Г; цырулика П; цырюлику Д.
 VII, 1-2 голением браннем П. ³ вора П. ⁴⁻¹⁰ Нет ЗМ2. ⁵ право ОГПБ;
 правды С; доб. суд Д. ⁶ правды О. ⁶⁻⁸ блудница своевольно з голодом без дет-
 ства Д. ⁶⁻¹⁰ лекарство без доволства, своевольный з голодом О. ⁷ На поле глосса
 блудница У1В; финдранганция (на поле глосса блудница) У2; блудница ГБС; доб. блуд-
 ница М1; франдранганция П. ⁹ лекарства С. ¹¹⁻¹² Нет У2ЗГПБСКМ1М2ВОД.
^{а-6} Испр. по Соф.; в ркп. нечто бы.
¹ Доб. человек Соф. ² исках Соф. ³ моей Соф. ⁴ Нет Соф. ⁵ не
 Соф. ⁶ иметь Соф. ⁷ Нет Соф. ⁸⁻⁹ Нет Соф. ¹⁰ мнилось Соф.

здравие неповрежденное¹¹. Волность сердца, наука разум подает, добродетель¹² сокровище есть души, здравие живот дает¹³.

Четыре суть на свете на человека искушения: разумеемы яко мудрый, могущественный, богатый, еже века ему станет. Богатый лехко почитает, мудрый преизлише жалеет, век через меру обнадеживает, а богатый¹⁴ гордеет.

Ис четырех вещей человек приходит к мудрости: егда чел много, видел¹⁵ сила¹⁶, был в трудности¹⁷. Кто не учен, и не бывал, и не имел ни с кем дела, трудности не вкусил — и тот есть простолюдин¹⁷ //.

Четыре вещи человек иметь, а в¹⁸ целости не иметь¹⁹: мужество, приятство и разум при совершенности. Мужествен есть и на мужественнаго, а в приятстве²⁰ измена, порок в мудрых обретается, в совершенном помешка.

Четыре вещи нас²¹ губят²², а невозможно²³ возбранити: в делех сначала погрешат и не хочет исправить против здраваго совета, в даль²⁴ вступать, паче меры великое сокровище раздавать, нежели²⁵ иметь.

Четырех ради вещей лучше есть лишиться мира, нежели увидети: убожество под леты седые, изгнание из отечества, з болезнию плетения и по²⁶ полученной²⁷ доброй славе²⁸ бесчестие.

Четыре вещи на свете, ими же²⁹ гнушается господь бог³⁰, их же³¹ всяк человек³² не рад видети: лакамаго богача, гордаго увечнаго, младаго безстыдна³³, стараго блудника.

Четыре сия³⁴ на свете³⁵ приятелей³⁶ дает: добродетел с постоянством, изобилство³⁷ и³⁷ обычай. Кто постоянством добродетель светит, изобилно подает и³⁸ люцкий³⁸ есть сичевому приятелей³⁹ изобильствует.

Четыре сия⁴⁰ паче всего человека печалят: когда⁴¹ своих сущих детей⁴² погребение правит, егда утерет маетность, егда неприятельское счастье видит, а глупые дела приятельския.

Четыре вещи с тягостию⁴³ человек иметь терпети⁴⁴: // служити долго и⁴⁵ воздаяния никакого не имети, просити и не взяти, и желаемаго за службы не получитьи, в надежде быти прелщени⁴⁶, ⁴⁶ожидава долгие⁴⁷ время.

⁴⁸Четыре вещи ⁴⁹никогда⁵⁰ у всякого⁵¹ ненасыщенны⁵²: ухо, язык, рука, ⁵³к тому же и⁵⁴ сердце. Ухо всегда слышати хочет, язык не уставае⁵⁵, рука имати хочет, сердце⁵⁶ желати не преставае⁵⁷.

Четыре вещи, которые не⁵⁸ могут быти утаены: любовь, болезнь, ненависть, множество денег. Воздыханием являе⁵⁹ любовь, болезнь стонанием, возрением ненависть, денги собранием.

Четыре вещи абие⁶⁰ избытсыя⁶¹ и непостижимыя⁶²: девство, время, камень и слово изреченное. ⁶³Время не мощно достигнути, девство превратити⁶⁴, глас испущенный, камень верженный вспять возвратити.

А. 277 об.

А. 278

¹¹ Испр. по Соф.; в ркп. мудрости. ¹² Испр. по Соф.; в ркп. изобилством.
¹³ Испр. по Соф.; в ркп. люцкий. ¹⁴ Испр. по Соф.; в ркп. прощенну. ¹⁵ Доб. по А; в ркп. нет.
¹⁶ непотребное Соф. ¹⁷⁻¹⁸ Нет Соф. ¹⁹ длет Соф. ²⁰ Доб. zelo превысоко Соф.
²¹ видех Соф. ²² силу Соф. ²³ подлинно скоту уподоблен Соф. ²⁴⁻²⁵ целость не видит Соф. ²⁶ Доб. бывает Соф. ²⁷ Нет Соф. ²⁸ Доб. человека Соф.
²⁹ Доб. их Соф. ³⁰ дело Соф. ³¹ Доб. может Соф. ³² Нет Соф.
³³⁻³⁴ добр и славы Соф. ³⁵⁻³⁶ господь бог гнушается Соф. ³⁷ Доб. и Соф. ³⁸ Нет Соф.
³⁹ безстыдственна Соф. ⁴⁰ Доб. притчи Соф. ⁴¹ Доб. добродетельны Соф. ⁴² приятель Соф.
⁴³⁻⁴⁴ обычай добрый. Тот всеми любим, кто постоянством добродетель всем изобилно убогим подает и тот Соф. ⁴⁵ приятелю Соф. ⁴⁶ вещи Соф. ⁴⁷⁻⁴⁸ детей своих сущих Соф.
⁴⁹⁻⁵⁰ иметь человек Соф. ⁵¹ Нет Соф. ⁵²⁻⁵³ ожидать многое Соф. ⁵⁴ Здесь начинается список А. ⁵⁵⁻⁵⁶ Нет А. ⁵⁷ Нет Соф.
⁵⁸ Доб. суть Соф. ⁵⁹⁻⁶⁰ Нет А. ⁶¹ Доб. глаголати А Соф. ⁶² Доб. же Соф.
⁶³ престае Соф. ⁶⁴ Нет Сол. Соф. ⁶⁵ являет Соф. ⁶⁶ Нет А Соф. ⁶⁷ из-бытныя А. ⁶⁸⁻⁶⁹ непостижныя А. ⁷⁰⁻⁷¹ девство немощно превратити, время до-

Четыре вещи видим, не видя их знамения: дороги птичьи под облаки, зминна следу, пути по воде, которым обыкли ходить лодьи⁶⁵ и стези на водусе, ⁶⁶ею же⁶⁷ дым происходит⁶⁸.

Четыре вещи должен в⁶⁹ себе имети слуга добрый: должен быти прилежный⁷⁰, терпеливый, верный, истинный. ⁷¹Прилежны в служении⁷², истинный в глаголании⁷³, терпеливый в послушании, верный во вручении.

²⁷⁸ ^{об.} Четырех вещей наипаче⁷⁴ желает жена: красоты, богатства, платья⁷⁵, доброго слова. // То ей свет, егда устроится, егда⁷⁶ за лепую имеют, егда имеет толко⁷⁷, колко хочет немощ свою услаждать⁷⁸, и егда ей верят⁷⁹.

Четыре вещи должен имети господин по должности: милосердие, терпение, рассмотрение ⁸⁰с щедротою⁸¹. Милосердие отпускает, рассмотрение воздает, щедрота⁸² дарует, терпение доuku приемлет.

Сия четыре⁸³ воинского человека мерзка творят: скупость, ложь, несмелость⁸⁴, безуправие⁸⁵. Телец, а не молодец, кто неправдив, в житии суетен, в деле тороплив, в глаголе⁸⁶ лжив.

Четыре вещи, от которых абие⁸⁷ приятель отстает⁸⁸: младость, богатство, можность и любление. Млад, ⁸⁹егда состарее, богат⁹⁰ егда оскудеет, можный⁸⁹ любимец, егда от милости отпадает.

Четыре вещи должен тот имети, который что раздает: ведать, ⁹⁰для чего и что кому, егда дает⁹¹, для чего бы дать достойнее, а⁹² чтобы не мало, кто достоин⁹³, когда бы на время показалося.

Четыре вещи должен монах имети, которой в монастырь входит: радети о том, чтобы исполнить, что обещает, творити то, что повелевают, есть то, что дают, не быть печальному, егда наказывают.

^{4.} ²⁷⁹ Но зде⁹⁴ сей мой четвертак ⁹⁵на том да⁹⁶ станет, изшедши от убога, при монахе да пребудет. Естли безвремяние долее похочет меня пестовать, и мне придет к собранию писати до Ополлона на того, который мне четвертак украде. За твоим по//велением, о Ополлоне драгий, жалобу с выписа кладу под твои ноги.

Не имел есмь в сложении, токмо четвертак старый, и тот не додержав печальным мужам веры, покорыстовалися им, иже бы и трутни ленивые своими трудами не живущия, но чюжих желающе.

Приключися мне в той мере з добродетельным Мароном глаголати. Я те строки сложих, иной же хвалу приемлет. Так вы, пчолы, не себе волну носите, так вы, птицы, не себе гнездо вьете, так вы, волы, не себе плуг тянете⁹⁶.

^{3-н} Доб. по Соф.; в ркп. нет. ^к Доб. по Соф; в ркп. до.
 стигнути А. ⁶⁵ людей Соф. ⁶⁶⁻⁶⁷ чуже Соф. ⁶⁸ пройдет Соф. ⁶⁹ Нет А.
⁷⁰ Доб. и Соф. ⁷¹⁻⁷² Нет Соф. ⁷³ благоглаголания Соф. ⁷⁴ всегда А Соф.
⁷⁵ Доб. и А Соф. ⁷⁶ Доб. ю Соф.; доб. ея А. ⁷⁷ Доб. злата А Соф. ⁷⁸ услаж-
 дает А Соф. ⁷⁹ Здесь кончается список А. ⁸⁰⁻⁸¹ щедроты Соф. ⁸² щедроты
 Соф. ⁸³ Доб. вещи Соф. ⁸⁴ несмелство Соф. ⁸⁵ безуправление Соф. ⁸⁶ гла-
 голех Соф.
⁸⁷ Нет Соф. ⁸⁸ оставляется Соф. ⁸⁹ ложный Соф. ⁹⁰⁻⁹¹ что кому и
 для чего Соф. ⁹² и Соф. ⁹³ достоин Соф. ⁹⁴ Нет Соф. ⁹⁵⁻⁹⁶ или зеркало
 на том да пребудет и при монахе да станет. Аеру Федмасу топрапие. История апослоф.
 Сему зеркалу скончание Соф.

В. П. БУДАРАГИН

Краткая редакция Повести о Василии Златовласом

Текстология Повести о Василии Златовласом практически не изучена. В 1882 г. И. А. Шляпкин издал текст повести по единственному тогда известному списку.¹ Издание это, к сожалению, было выполнено в соответствии с устаревшими уже текстологическими принципами и содержало многочисленные ошибки. Так, например, в результате неверного прочтения рукописи появились в издании слова «ачпаг», «стридница», «Мечи-слав», ставшие впоследствии аргументами в научной полемике о происхождении повести. В настоящее время известно семь списков повести, причем к пространной ее редакции относится только один, изданный и упомянутый выше список. Остальные шесть списков повести представляют собой краткую редакцию, текст которой ни разу не издавался и практически не известен в науке.

Обратимся к самим рукописным сборникам, сохранившим текст повести.

1. ГПБ, собр. Погодина, № 1603 (далее — Пг). Сборник, первая половина XVIII в., в 4-ку, 460 л., скоропись. На л. 2 об. владельческая запись: «Сия книга в закладе у новгородского купца Силы Дербушева в дву реблях в семидесяти в шести копейках тулского купца Якова Яковлева сына Обусина. А денги пришлю, то прошу отдать». На л. 217 читательские пометы, относящиеся к нашей повести: «Ета повесть прекрасная» (почерком конца XVIII в.) и «То есть самая преглупая» (карандашная приписка XIX в.). На л. 217 об. читательская помета 1792 г. В состав сборника входят повести об Астраханском взятии, о Василии Златовласом, о Тимофее Владимирском, о царе африкийском Асириане, о Брунцвике, о царе Соломоне, о Вавилонском царстве и другие.² Повесть о Василии Златовласом — на л. 168—217. Этот список повести и был издан И. А. Шляпкиным.

Загл.: «Притча, яко невестам-девицам и юным вдовицам, хотящим посягати замуж, не довлеет женихов своих злословити и присланных от них безчестити. Повесть творим о Василии королевиче Златовласом Чешския земли и о Полиместре ево прекрасной кравелне франчюжской».

Нач.: «Бысть в древния лета в немецких режах, в Ческой земли, во граде Праге король именем Мстислав. . .».

2. ГИМ, собр. Барсова, № 2410 (далее — Б). Сборник, 50-е гг. XVIII в., в 4-ку, 168 л., скоропись. На л. 163 фрагмент записи: «. . . Нижегородскаго уезда, принадлежит мне, писана в 185. . . году дековрия 17 день». Содержит повести о великом князе Владимире (из Синописа), о Мамаевом по-

¹ И. А. Шляпки н. Повесть о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли. — ПДП. вып. XXXI. СПб., 1882.

² Подробное описание см.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882, с. 270—278.

боище, о царе Аггее, о царице и львице, о Петре Златых Ключей, Беседу трех святителей, сказание о хмельном питии. Повесть о Василии Златовласом — на л. 147—163 об.

Загл.: «История о Василии королевиче Златовласом земли Ческия и о Полиместре королевне французской».

Нач.: «Бысть в древния лета в немецких режах, в Ческой земли, во граде Праге король именован Станислав. . .».

3. ГИМ, Музейское собр., № 1283 (далее — М). Сборник, 40—50-е гг. XVIII в., в 4-ку, 323 л., скоропись. На л. 30—36, 208 об. имеются владельческие пометы мещанина «города Лалзека» Андрея Михайловича Бобровского. Содержит повести о Францеле Венециане, о дворянине Александре, о Елизавете королеве английской, о Ипполите и Жулии, о шляхетском сыне, о Василии Карпотском. Повесть о Василии Златовласом — на л. 284—299 об. (л. 292 в рукописи утрачен).

Загл.: «О Василии королевиче Златовласом земли Ческия и о Полиместре королевне французской».

Нач.: «Бысть в древния лета в немецких режах, в Ческой земли, во граде Праге король именован Станислав. . .».

4. ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 286 (далее — Пр). Сборник, 50—60-е гг. XVIII в., в 4-ку, 189 л., скоропись. На л. 74 запись латинскими буквами: «Переписана 1756 го[да] ав[густа] 9 дня», на л. 74 об. на русском и латинском языках: «Сия книга моя, свидетель есть бог, аще кто мя вопросит, сие имя обрящет: Петр нарицаюся, Зюзин прозываюся». На л. 122 об. и 153 тайнопись: «Писал сию гисторию Ярославля церкви Космы и Дамиана панамарь Иван Иванов своею рукою, исправливал с подлинной, он же действительно и подписал своеручно»; ниже на л. 153 помета Михея Кудрявцева, а на обороте листа скорописью XIX в.: «Сия книга принадлежала приказному Петру Егорову Семеновскому». На л. 136 читательская помета XIX в.: «Читай не смейся, на слог твердо надейся» (зачеркнуто, — В. Б.); тем же почерком на л. 138: «Вот и почухай, каков здесь слог». Сборник содержит повести о Евдоне и Берфе, об Аполлонии Тирском, о царице и львице, «ведомость» о баталии между редькой и хреном. Повесть о Василии Златовласом — на л. 123—153 (первый лист не сохранился, есть утраты текста). Публикуется ниже.

5. ГБЛ, собр. Тихонравова, № 324 (далее — Т). Сборник, 60—70-е гг. XVIII в., в 4-ку, 371 л., скоропись. На л. 194 об. владельческая запись некоего Матвея, на л. 175 об. читательская помета: «Гистория о Василии королевиче Златовласом земли Цесарской и о Полиместре королевне французской на многая лета весма изрядная повесть». Содержит «завещание» Стефана Яворского, сказание о граде Иерусалиме, повести об Аггее, о Бове, «Сказание о пауке, и о комаре, и о мизгире, и о муравье, и о мухегорюхе», повести о Еруслане Лазаревиче, Лафарии и Маргарите, о Димитрии Басарге, рыцаре Виргилиусе и королевиче Димитрии, о Бабере, о купце Феодоне и дочери его Освилберде, о Брунцвике, о Францеле Венециане. Повесть о Василии Златовласом — на л. 176—194.

Загл.: «Гистория о Василии королевиче земли Цесарской и о Полиместре королевне французской».

Нач.: «Бысть в древния лета в немецких режах, в Цесарской земли, во граде Праге король именован Апанимдов. . .».

6. ГАКО, ф. 1409, оп. 1, № 779 (далее — К). Сборник, 60—70-е гг. XVIII в., в 4-ку, 230 л., скоропись. На л. 229 об.—230 пометы «Ростовского Петровского монастыря служительского сына» Андрея Ивановича Межевского. Содержит повести о Полинционе и Милитине, о Евдоне и Берфе, о купце, купившем мертвое тело. Повесть о Василии Златовласом —

на л. 203—218 об. На последнем листе повести рисунок пером, надписанный сверху: «Как Василии Златовласы бил Полиместру».

Загл.: «Повесть о Василии королевиче Златовласом Ческие земли и о Полиместре королевне французской и о его походе зело предивном».

Нач.: «Бысть в древния лета в немецких краях, в Ческой земли, во граде Праге король именем Станислав. . .».

7. БАН, 45.8.170 (далее — А). Отдельная рукопись, 90-е гг. XVIII в., в 4-ку, 15 л., скоропись. Под заглавием приписка: «Тетрадь 1793 года Михаила Иванова». На л. 10 об. неразборчивая запись тем же почерком с упоминанием Красноборской округи.

Загл.: «История о Василии королевиче Златовласом Ческия земли и о Полиместре каралевне Французской земли».

Нач.: «В древные лета бысть в немецких ренсах король Ческия земли во граде Праге именем Станислав. . .». Конец повести не сохранился.

Все перечисленные списки Повести о Василии Златовласом свидетельствуют о существовании в рукописной традиции двух редакций текста этого памятника. Их можно обозначить как *Пространную* и *Краткую редакции*, поскольку «распространенность» повествования является весьма существенной приметой каждой из них. Число сохранившихся списков *Краткой* редакции повести позволяет предположить, что она пользовалась большей известностью у читателей XVIII в.

Рассмотрим текстологические взаимоотношения редакций повести. Вот несколько примеров количественного соотношения двух редакций:

Пространная (Пз)

И как приехаша во Францию королевство, и присташа на берегу града. Егда же бысть во Франции, и гость Василий поведати повеле о себе королю Карлусу, яко приеде на корабле гость Василий Чешския земли. И поведаша о нем королю Карлусу, и повеле ему король пред себя быти. Гость же Василий взяв дары и поиде х королю Карлусу. . .

Гость же Василий отдаде кравевича Василия королю Карлусу, а червонцы у него принел и златый ковер, и поиде на корабль свой. . .

Она же, кравевна, повинися отцу своему и матери и сказа им вся подробно, как что было и что над нею чинил королевич Василий. Они же о сем вельми печальны быша. И по некоем времени нача кравевна отца своего и мать молити. . .

Краткая (АБКМПРТ)

Егда же бысть во Франции гость Василий Чешския земли и по повелению королевскому пришед пред короля. . .

Гость же Васялий взяв за него злато и поиде на корабли свои. . .

Она же сказа отцу своему всю правду и нача его просити. . .

Число подобных примеров можно увеличить. *Пространную* редакцию отличает, в частности, тенденция к детализации описаний. Так, покрывает королевич пол «сукном красным кармазинным», берет не просто плеть, а «плеть-нагайку», запирает спальню «на крюк», поит девицу «всякими разными пойлы»; точно указывается количество «червонных», которые дает королевна девицам за подарки королевича Василия. Только в этой редакции упоминается во Франции и «королева», а благословение принимает королевич у отца и «матери». Текст насыщен условно-временными формулами, почти отсутствующими в *Краткой* редакции: «и по некоем времени», «и по днеш неких», «и не по многих же днеш в некое время».

Только в Пространной редакции сообщается о надписи на чаше, когда королевич посылает ее в дар королевне Полиместре. Только она и список Пр приводят текст этой «подписи». Остальные списки Краткой редакции не сохранили ни самого эпизода, ни записи, хотя и зафиксировали их изначально в тексте повести (после получения дара королевна «егда обратив чашу и видев на дне чаши подпись, и велми наполнися гневу»). Без текста надписи на чаше гнев Полиместры утрачивает мотивировку. Пространная редакция и список Пр, сохранившие этот текст, дают, однако, неодинаковые его чтения. Причем в Пр он приводится только в эпизоде получения королевой чаши: «. . . а подписано по-французский тако: „Тебе, королевне, сию чашу вручаю на увеселение, а мне, королевичу, на утверждение“». Но прочтение надписи предполагает изготовление ее. Действительно, в списке Пг эта сюжетная лакуна списков Краткой редакции отсутствует: «И подписав на дне чаши тоя писание же сицево: „Кролеви государыни прекрасная Полиместра! Приими сию чашу и поди за меня, за королевича Василия Златовласова“». При вручении чаши текст «писания» (с частичной перестановкой слов) приводится еще раз.

Таким образом, можно считать доказанным, что Пространная редакция в отличие от Краткой сохранила в рассмотренном эпизоде изначально сюжетную последовательность повествования. Однако это не позволяет сделать вывод о зависимости Краткой редакции от Пространной. Причиной тому текстуальная разница надписей на чаше. Королевну Полиместру обе «подписи» разгневали одинаково. В гневе она разбила чашу «и рекла выклад сице: „не терт де — не калач, не мят де — не ремень, не тот де сапог не на ту де ногу обут, садитца лычко к ремешку лицом, понять де хочет смердов сын кралевскую дщерь“» (Пг). Ответ королевы как бы двучленен: он представляет собой в начале аллегорию, а в конце — истолкование, смысл аллегории. Но надпись на чаше в списке Пр тоже аллегорична. А надпись в Пг вполне раскрывает смысл этой аллегории. Строилась ли по такому принципу надпись на чаше в архетипе повести, сказать трудно. Не исключено, что этот своеобразный диалог между Василием и Полиместрой изначально был только аллегорическим. Ведь королевич ищет невесту «подобну себе красотою и мудростию». Во Франции он, увидев Полиместру, будет радоваться, что она «такова прекрасна, како возвестил ему о ней гость Василий» (Пг). А пока он посылает ей дар с иносказательной надписью, позволяющей проверить «мудрость» королевы. Королевна выдерживает испытание и отвечает ему таким же мудрым иносказанием. Этот понятный лишь главным героям аллегорический диалог позволяет впоследствии королевне безошибочно узнать, с кем она имеет дело, когда Василий Златовласый бьет ее и приговаривает: «Не терт — не колач, не мят — не ремень. . .» и т. д. Истолкование же аллегорий могло быть или появиться в авторской речи повести.

Не противоречит такому предположению и текст памятника в целом. Рассмотренная аллегория не является в Повести единственной. Она стоит в одном ряду со сценой осыпания Василия-гусельника золотом на золотом ковре, с рассказываемыми королем снами Василия. Причем король внешне правильно истолковывает их («сон твой добр есть, аще збудется»), но лишь после третьего сна он начинает подозревать в них иной, более конкретный, смысл. Они остаются для него загадкой. В списке Пр авторская сентенция подчеркивает это непонимание аллегорического смысла снов героя: «А того не ведает, к чему королевич загадывает». Но если в архетипе повести надпись на чаше была аллегорической, то текст ее сохранился лишь в списке Пр Краткой редакции.

Когда Василий Златовласый начинает играть перед королем на гуслях, то королевна Полиместра «из тайного места зело игры ево смотрела»

(по чтению Пространной редакции), «ис своего места» (по списку Пр). В списках БКМ она смотрит «ис того места» (в АТ этих слов нет), что затемняет смысл фразы. Ошибка, возможно, восходит к списку, где по каким-то причинам не сохранились буквы в середине слова «тайного» или была допущена описка, закрепившаяся впоследствии в процессе переписывания повести. Не исключено, что из-за неясности смысла эти слова стали вообще опускаться, примером чего являются списки АТ. Но «тайное» или «свое» место было в архетипе повести, так как Полимистра, пока спят волшебным сном король и придворные, выходит оттуда, разговаривает с королевичем и снова уходит, т. е. это укрытие королевны имеет функциональное значение в сюжете повести.

Что, однако, за укрытие имеется здесь в виду? Королевна наблюдает из него за происходящим в королевской палате и возвращается в него во избежание «срамоты» после разговора с «рабом» гостя Василия. Назначение его, думается, вполне может прояснить следующая цитата: «Для того, чтобы видеть все эти церемонии царице и детям государя, в Грановитой Полате устроена была смотрильная палатка, тайник. . . Из этого-то тайника, сквозь смотрильную решетку, царица, малолетние царевичи, старшие и младшие царевны и другие родственницы государыни смотрели на великолепные церемонии, происходившие в полате. Особенно часто они присутствовали, скрытые таким образом, при посольских аудиенциях».³

Последовательна Пространная редакция в эпизоде, где король посылает утром за Василием-гусельником, и тот приходит «по присылке от короля». На вопрос короля «Что еси рано у меня не бывал?» он отвечает, что проспал, так как был вчера «зело пьян». Эпизод встречается в повести три раза, на третий раз меняется, правда, вопрос короля к своему «рабу» («Василий, что скажешь вестей?»). В Краткой редакции сначала Василий приходит «в обычное время», что лишает смысла вопрос короля и рассказ королевича о причинах опоздания; во втором случае текст совпадает с Пространной редакцией в списках АБМТ, но списки КПр вообще опускают словосочетание «по присылке от короля»; в третий раз эпизод излагается без каких-либо уточняющих временных характеристик.

Только в Пространной редакции есть высказывание чешского короля после возвращения из Франции «посрамленных поклицарей», обещание Карлуса иметь Василия-гусельника «вместо сына родного», просьба его рассказать сон, рассказ второй девицы о том, как донесла гусли, обещание Василию Златовласого послан жениться на Полиместре, рассказ его гостю Василию об отмщении «смеха своего», эпизод встречи королевича и примирения его с королем Карлусом. Послы везде в списке Пг именуются «поклицарями», плывет королевич на одном корабле. В списках Краткой редакции место поклицарей занимают «министры», «сенаторы» и «послы» (КПр) или из Чехии во Францию едут «поклицари», а французский король отправляет к Василию Златовласому «послов» (АБМТ). Плывет королевич на «кораблях», хотя в списках АПрТ встречается и форма единственного числа. Только в Пространной редакции есть частичное деление повести на главы: «О кралевне», «О кралевиче Василии», «О короле Карлусе».

В этой редакции королевич мечтает отомстить «королю Карлусу и шери ево, кралевне Полиместре». В списке Пр усилена роль обидчицы, и месть предполагается «королю Карлусу, а паче дщери его, королевне Полиместре», но все остальные списки Краткой редакции говорят только о короле. Отец Василия отговаривает его от поездки во Францию во избе-

³ И. Забелнв. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. 3-е изд. М., 1895, с. 289.

жание новых обид «от него» (ПгАБМТ), «от них» (Пр), «от нея» (К). Последовательны здесь, как видим, только списки Пг и К, каждый из которых наглядно подтверждает текстуальную зыбкость данного мотива. Грамматическая последовательность АБМТ опровергается в свою очередь сюжетом повести, поскольку Василий Златовласый сводит счеты и с Полиместрой, и с королем Карлусом. Таким образом, только список Пр сохранил здесь логическую последовательность текста.

В то же время в Краткой редакции встречаются чтения, отсутствующие в списке Пг. Число их, правда, очень ограничено. Так, например, если в списке Пг королева просто забирает перстень у первой девицы и дает ей 10 червонцев, то Краткая редакция описывает эту сцену значительно эмоциональнее: королева выпрашивает перстень у девицы и предлагает за него золота «елико хочещи». На следующий день, когда королевич приходит к Полиместре, он видит у нее на руке свой перстень и «нача радоваться». В Пространной редакции королевич не замечает никаких перемен в убранстве королевы, т. е. функция перстня в тексте ослаблена. Она сохраняется на уровне брачной символики, но не участвует в сюжетообразовании повести.

Иначе представлен в Краткой редакции и эпизод, когда королеве вторично предстоит назначить провожатую Василию-гусельнику: «Девицы же едина пред единой выступает для подарков, и королева за ним послала любимую свою девку-мамку» (Пр; «мамкину дочь» АБМ). В списке Пг этого сюжетного уточнения нет, и вторая девица — почти дословная копия первой. Повторяются и уговоры ее донести гусли до двора королевича. В Краткой редакции девица сразу идет за королевичем к его двору, поскольку идет «для подарков».

Если в списке Пг королевич просто «нача двор свой строити, палаты каменные», то в Краткой редакции для постройки он нанимает «каменщиков» (Б), «каменщиков и плотников» (АКМТ), «каменщиков и всяких мастеров» (Пр). Здесь мы имеем редкий пример большей конкретизации описаний в Краткой по сравнению с Пространной редакцией повести. Далее в Пространной редакции говорится: «и в скорых числах построил двор свой, что вси удивилися таковому строению и украшению палат тех», «и украси так дом свой многим красованием, что всему королевству в подивление». В Краткой редакции ничего не говорится о мнении окружающих, но сообщается, что украшены палаты были лучше королевских. Краткая редакция здесь последовательнее, так как речь в повести идет о внутреннем убранстве палат, которое до поры до времени никому не известно. На этом узнавании и строится в дальнейшем сюжет повести.

Иногда Пространная редакция лучше сохраняет текст. Так, в Краткой редакции отсутствует фраза: «. . . и лист написа х королю Каолусу с великими дарами». Однако «лист» в списке Пр вручают королю, и во всех списках этой редакции король читает его, но только Пространная редакция зафиксировала отправку грамоты с посольством. Последовательно употребляется в списке Пг выражение «сенаторские и рыцарские дети»; в Краткой редакции остаются постепенно только «сенаторские дети» (за исключением списка Пр, который в высказывании гостя Василия при торгах с королем Карлусом дает изначальную форму). Но нередки примеры, когда отдать предпочтение чтениям той или другой редакции повести практически невозможно.

Таким образом, мы рассмотрели основные текстологические отличия,⁴

⁴ О именах героев и их функции в повести см.: В. П. Б у д а р а г и н. О происхождении «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли». — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 273—275.

позволяющие выделить текст «погодинского» (Пг) списка в отдельную (Пространную) редакцию повести, а остальные списки отнести к Краткой ее редакции. Причем каждая редакция самостоятельно восходит к архетипу повести, и нет достаточных оснований говорить о зависимости одной редакции от другой, определять одну из них как более раннюю.

Обратимся теперь к спискам Краткой редакции. Список Пр чаще других привлекался нами при текстологическом сопоставлении двух редакций повести. Из списков Краткой редакции только он сохранил текст надписи на чаше, чтение «из своего места», сообщение о вручении «листа» королю Карлусу. Все эти примеры говорят, однако, не о влиянии Пространной редакции на список Пр, а свидетельствуют лишь о наличии перечисленных чтений или мотивов в архетипе повести и постепенной их утрате остальными списками. Количество аналогий между списками Пг и Пр можно даже несколько увеличить. Если, например, в списках АЖМТ после слов гостя Василия о том, что неволить короля он не хочет, тот сразу приказывает поставить королевича на золотом ковре и осыпать золотом, то в списках Пг и Пр этому распоряжению предшествуют какие-то сомнения Карлуса: «И король всякия речи много говорил — и бысть тако. И повеле. . .» (Пг); «Король же и с королевною, дщерию своєю, подумав и повеле. . .» (Пр). Ни о какой зависимости списков друг от друга здесь, однако, говорить не приходится.

В то же время есть в списке Пр и свои индивидуальные чтения, не встречающиеся в остальных списках повести. Так, уточняется, что надпись на чаше сделана «по-французский»; что все стали танцевать «бе бо дом королевской от станцыи их корабельной недалече». Каждый пересказ сна завершается авторской сентенцией «а того не ведает, к чему королевич загадывает»; помышляет о женитбе королевич «день и ночь»; не золото, а «сребро» получает он от короля Карлуса на постройку своего двора. В рассказе второй девицы в списке Пр есть фраза: «дивитися можно спальной ево кровати, что все сделано из стекол зеркаловых». Второй половины фразы нет более ни в одном списке Краткой редакции, но в Пространной говорится, что и кровать сделана «из стекол зеркальных». Здесь мы имеем или еще один пример аналогии между списками Пг и Пр, или просто опisku, тогда начало фразы следует читать: «. . . дивитися можно спальной ево полате. . .».

Все эти разночтения позволяют выделить список Пр в самостоятельный (Особый) вид Краткой редакции повести, который и публикуется ниже. Недостающее начало повести печатается по списку К, имеющему целый ряд чтений, общих только для списков К и Пр. По этому же списку восполнены утраты текста. Чтения, восполненные по Пг, отмечены звездочкой.

ПОВЕСТЬ О ВАСИЛИИ ЗЛАТОВЛАСОМ

Бысть в древния лета в немецких краях, в Ческой земли, во граде Праге король именем Станислав. Бе бо благодравен, и богат, и славен, и всякия добродетели исполнен. Имея у себя единого сына именем Валамих, еже есть Василий, зело добролична, и славна, и премудра. Таковой ради ево красоты прозва его Златовласым. Той же королевич Василий имея при себе доброличных в свои лета сенаторских детей и рыцарских в великой чести. И егда приде ему время женитися, начат отец ево, король Станислав, искати ему девицу в жену, дабы была во всем подобна красоте и разуму сыну ево. И не обрете таковые нигде. И о том зело искал себе сего, еже ему супружницу подобную взяти. . .

4. 123 . . . супружница была подобна себе. И начат спрашивать купецких людей, которы ежживал [и] по многим странам, и царствам, и ко [ро]левствам, где не знают ли ему [подоб]ную девицу красотою и разуму [его].* И рече ему некоторый купец именем Василий: «Яс королевство [зн]аю Француское, у короля Карлуса дщерь его, прекрасную королевну, именем Полиместру, красотою лепше [тебя] и разумом подобну тебе». [Короле]вичь же Василий услышал от гостя такие слова, зело у [сумнеся] и разгореся сердцем, помышляя // день и ночь, како бы пойти в жену себе. И шед ко отцу своему и рече: «Милостивый мой государь батюшка! Твоего королевства гость Василий поведал мне о красоте Полиместры, королевны французской, яко она красотою лепше меня и разумом подобна мне. Молю тя, драгий [мой] отче, да пошлещи во Францию х королю Карлусу, да даст за мя дщерь свою Полиместру». И рече ему отец его: «Сыне мой милый! Учинить [сего] не смею, понеже Француское [королевс]тво велико, честно и богато^а, а наше [ко]ролевство пред ними мало и неславно, и французской король не отдаст, лишь мы срамоту приемем». // Королевичь же Василий вельми бысть печален, и виде отец его печална, и рече: «Сыне мой [люб]езный! О сем не печался, чини себз [по] своей воли». Королевичь же Василий зело о сем порадовался, что отец его воли с него не снял, и нача учреждать что ни лутчих министров в посо [лс]тво. И дав им великия дары и велел поднести королю Карлусу, и дщери его, королевне Полиместре, от королев [ича] Васи [л]ия драгоценную чашу, и от [пусти]л с радостию.
- И как те ев [о ми]нистры приехали во Францию [к] царю Карлусу, и поднесли ему посланное с ними, лист да чашу // драгоценную. Королевна ж, взяв у них дары, зря на дивное учреждение чаши. И егда обратив чашу, и видев на дне подпись, а подписано по-француский тако: «Тебе, королевне, сию чашу вручаю на увеселение, а мне, королевичу, на утврждение». Она же прочет подпись и наполнися вельми гнева, удари чашу в полате и разбила на мелкие штуки, и рече сице: «Не терг — не колач, не мят — н [е ремень], тот сапог не на ту ногу [нрзб.]т обуват, хочет понять смердей сын [кор]олевскую дочь». Отец же ея, король Карлус, прочет лист, великаго гнева наполнися // и рече: «Чейския короли всегда бывають в подданных французским королям! Аз бы я хотя и злодей был дщери своей, а за подданаго б своего не отдал и срамоты такой бы не учинил». И отпустил министров посрамленных.
- Министры же возвратишася х королевичу Василию и сказаша ему все по ряду. Королевичь же Василий великие печали н [аполни]ся. И видя себя от короля [Карлуса] поругана, а паче от королев [ны Поли]местры, и нача непрестанно мыслить день и ночь, како бы смех отмстить. И прииде // к отцу своему, королю Станиславу, и рече ему: «Милостивый мой государь и драгий отче! Повели мне итить во Францию отмстить смех свой королю Карлусу, а паче дщери его, королевне Полиместре». И рече ему отец ево: «Аз тебе, чадо, глаголю, что тебе невозможно иттить во Францию лицом явным, понеже от них гнев примешь и поруган отидешь, а паче чего не [учинили]. Королевичь же Василий рече [ему]: «Ми]лостивый драгий мой отче! Аще прощения моего не исполнишь, то смертнаго меня узриши, понеже не могу от срамоты терпети». // И рече ему отец ево: «Сыне мой любимый! Аз с тебя воли не снимаю, чини по своему намерению, только б было без подозрения». Королевичь же Василий зело возрадовался, яко отец ево позволил ему итить во Францию. И взяв от него благословение, и учредив корабли з драгими товары, и на тех кораблях повелед итить гостю Василию, которой [ему] сказывал о красоте Поли-

^а Испр.; в ркп. бгато.

[местры] королевны. И взя с собою [30 доб]рородных сенаторских и рыцар[ских] детей, а сам облечеса в матроское платье и бысть // на кораблях матросом. Имена же им всем переменял. Себя же учинил рабом гостю Василию, протчих же 30 отроков наемники, и пошед во Францию. 4. 126 об.

Егда же бысть во Францыи гость Василий Чейские земли, и по повелению королевичеву пришед пред короля з драгими и многоценными дарами. Король же Карлус за те ево дары велми его почтил и повеле ему хлеба яс[ти]. Егда же гость Василий с корол[ем бесе]доваше, тогда королевич Василий на кораблях нача в гусли играти от премудрости // своей весма дивно. И как стал играть в гусли, то на дворе королевском м[ногия], такову слыша великую игру, [стали] и тонцовати, бе бо дом ко[ролевс]кой от станцы их корабельной недалече. Король же Карлус услышал игру, нача дивитися и рече гостю Василию: «На чьем корабле так играют?» Гость же Василий рече ему: «Я [мню], милостивый государь, на моем играет [раб] мой». И рече ему король: «Василий! По[вели] ему приити да играет пред нами». И рече ему гость Василий: «Милостивый мой государь король! // Аз при твоём королевском доме и при твоём величестве повелевать не могу. Но да будет во всем воля твоя, и аще вам б[удет] угодно, прикажи послать п[о него] на корабль». Король же Карлус посла по него на корабль. Посланные же приидоша к нему и рече ему: «Поиди пред короля з гуслями, понеже король велел тебе к себе быть». Он же посланным отвеща: «Идите и рчыте к[оролю: н]е ево есть раб, не слушаю е[го, имам] своего господина, аще он повелит, [то] прииду». Посланные же пришед пред короля и рече ему, что не идет «и тебя, государя моего, // не 4. 127 об.

слушает и говорит: я де не ево раб, имею де своего господина, аще ли он повелит, то поиду». И рече король Карлус: «Чего ради, Василий, раб твой не слушает меня?» Гость же Василий рече королю: «Чего ради, государь, не знаю. Повели, государь, по него вторицею послать». Король же посла по него и вторицею. Посланные же пришедша к нему и рече ему подробно, он же сказа им, как [прежде] пришедшим, толко еще к [тому]: «Аще господин мой с вами знак свой пришлет, то поиду пред короля вашего, а так учинить не смею». Посланные же // пришед пред короля и сказаша ему 4. 128 об.

все, что он им сказывал. Король же рече гостю Василию: «Не раб твой меня безчестит, но ты!» Гость же Василий усум[неся] о сем и, сня перстень, даде посланным по Василия королевича, яко по сущаго раба своего. Посланные [же] пришедша и показаша ему перстень: «Сей перстень господина твоего, иди пред короля!» Королевич же [Василий] взя тот перстень, взя с собою [гусли и] поиде пред короля. 4. 128 об.

И пришед, поклонися королю по обычаю и ста у дверей благочинно, яко обычай есть рабом стояти. Король же Карлус // и его королевна, и вси сущии ту подившася его благочинию, и рекоша король: «Аз великий и славный во всей земли, а такова у себя отрока не имею и из сенаторских детей, [яко] сего гость имеет у себя раба». И рече королевичу, чая истинно рабом: «Василей, играй в гусли!». «Великий⁶ королю, не твой, государь! Имею у себя государя своего, сего г[ос]тя вашего, что он повелит, то [и] творю». И рече король гостю Василию: «По[вели] ему поиграти в гусли». Гость же [повел]е ему: «Играй!». И по том пове[лени]и нача королевичь играти. король же и вси сущии ту начаша тонц[овати]. А прекрасная королевна Полимистра [ис своего] места зело // прилежно игры ево смотрела. а паче его похваляя, глаголя себе, яко «у нас таковаго молодца [умного] и прекраснаго нет, что [таковаго] гость при себе имеет [раба]». И сего велми желает, чтобы [он] у них в королевстве был. [Коро]левич же 4. 129 об.

И пришед, поклонися королю по обычаю и ста у дверей благочинно, яко обычай есть рабом стояти. Король же Карлус // и его королевна, и вси сущии ту подившася его благочинию, и рекоша король: «Аз великий и славный во всей земли, а такова у себя отрока не имею и из сенаторских детей, [яко] сего гость имеет у себя раба». И рече королевичу, чая истинно рабом: «Василей, играй в гусли!». «Великий⁶ королю, не твой, государь! Имею у себя государя своего, сего г[ос]тя вашего, что он повелит, то [и] творю». И рече король гостю Василию: «По[вели] ему поиграти в гусли». Гость же [повел]е ему: «Играй!». И по том пове[лени]и нача королевичь играти. король же и вси сущии ту начаша тонц[овати]. А прекрасная королевна Полимистра [ис своего] места зело // прилежно игры ево смотрела. а паче его похваляя, глаголя себе, яко «у нас таковаго молодца [умного] и прекраснаго нет, что [таковаго] гость при себе имеет [раба]». И сего велми желает, чтобы [он] у них в королевстве был. [Коро]левич же 4. 129 об.

И пришед, поклонися королю по обычаю и ста у дверей благочинно, яко обычай есть рабом стояти. Король же Карлус // и его королевна, и вси сущии ту подившася его благочинию, и рекоша король: «Аз великий и славный во всей земли, а такова у себя отрока не имею и из сенаторских детей, [яко] сего гость имеет у себя раба». И рече королевичу, чая истинно рабом: «Василей, играй в гусли!». «Великий⁶ королю, не твой, государь! Имею у себя государя своего, сего г[ос]тя вашего, что он повелит, то [и] творю». И рече король гостю Василию: «По[вели] ему поиграти в гусли». Гость же [повел]е ему: «Играй!». И по том пове[лени]и нача королевичь играти. король же и вси сущии ту начаша тонц[овати]. А прекрасная королевна Полимистра [ис своего] места зело // прилежно игры ево смотрела. а паче его похваляя, глаголя себе, яко «у нас таковаго молодца [умного] и прекраснаго нет, что [таковаго] гость при себе имеет [раба]». И сего велми желает, чтобы [он] у них в королевстве был. [Коро]левич же 4. 129 об.

И пришед, поклонися королю по обычаю и ста у дверей благочинно, яко обычай есть рабом стояти. Король же Карлус // и его королевна, и вси сущии ту подившася его благочинию, и рекоша король: «Аз великий и славный во всей земли, а такова у себя отрока не имею и из сенаторских детей, [яко] сего гость имеет у себя раба». И рече королевичу, чая истинно рабом: «Василей, играй в гусли!». «Великий⁶ королю, не твой, государь! Имею у себя государя своего, сего г[ос]тя вашего, что он повелит, то [и] творю». И рече король гостю Василию: «По[вели] ему поиграти в гусли». Гость же [повел]е ему: «Играй!». И по том пове[лени]и нача королевичь играти. король же и вси сущии ту начаша тонц[овати]. А прекрасная королевна Полимистра [ис своего] места зело // прилежно игры ево смотрела. а паче его похваляя, глаголя себе, яко «у нас таковаго молодца [умного] и прекраснаго нет, что [таковаго] гость при себе имеет [раба]». И сего велми желает, чтобы [он] у них в королевстве был. [Коро]левич же 4. 129 об.

И сего велми желает, чтобы [он] у них в королевстве был. [Коро]левич же

⁶ Иерг.: в ркп. велики. ⁷ Испр.: в ркп. псвоего.

- Василий удари в гусли, король же и вси сущии с ним нача крепко спати. Королевна же Полимистра вшед пред него и рече ему: «Поиграй!». Он [же, вид]ев ю, зело возрадовался душею, яко такова прекрасна, како ю ему [возвещал] гость Василий. И рече ей: «Вели[кая коро]левна, аще не изыдеши отсюду, не [буду иг]рать! Отец твой пробудится от сна и тебя узрит, то // срамоту примешь и гнев от него». И тако королевна Полимистра исшед вон ис тех полат в другие, он же паки начат [игра]ти. И пробудися король от сна и вси сущии с ним, и рече король: «Василий! Играеши [ты] непригоже, впрעד так не твори». И рече к нему королевичъ Василий: «Великий королю, о сем на меня гневу не держи: ка[ко] умею, так и играю». И посем [пришед] королевна Полимистра пред отца своего Карлуса: «Великий королю и мой государь отче! Многих ты [им]еешь у себя сенаторских и [рыцар]ских детей, а таковаго молодца благочинна и разумна не имеешь, // яко сей гостиной раб. Молю тя, да купиши его себе в рабы!». Королю же сие слово угодно бысть от нее, понеже ему короле[вичь] Василий зело понравился, и чае его истиннаго раба. И рече король гостю Василию: «Василий, продай мне отрока сего!». И рече ему гость: «Великий королю! Дивлюся речению твоему, яко ты имеши у себя мно[го] сенаторских и рыцарских детей, добродородных отроков, а у меня торгуеши [сего отр]ока, его же единого у себя раба имею. Не имам продати, понеже он мне верен есть, и все мое богатство и товары, еже // имею на кораблех, вручено ему». Король же слыша от него таковыя слова и нача прилежно торговати. И гость видя таковое короле[вское] прилежание и рече тайно королевичу Василию: «Хощеши ли в раба?». Королевичъ [же] рече ему: «Продавай! Того б душа моя желает». И тако рече гость: «Великий королю! Буди то на твоей [воли], токмо сей отрок не продает[ся] дешево. И рече король: «Дивлюся аз, Василий, что ты мне глаголеши. Аз [ко]роль велик и славен, богат и честен, имам довольно сокровища. А что требуеши, дам ти!». // И рече гость Василий: «Молю тя, королю, о сем: аще сего отрока изволишь купити, имей над ним честь. За таковым словом продаю его, понеже сей отрок зело ми угоден, и верен, и благочинен, и отселе мне таковаго раба не нажить». И рече король гостю: «Что за [не]го возмеши?». И рече ему гость Василий: «Цена ему, отроку, такова: поста[ви] его на златом ковре и осы[пати] з главы даже и до ног черв[оны]ми златыми». И рече король: «Аз много хотя и имею у себя сокровища и осыпать ево не притчина, толко сего не должно творити, // еже раба на злате ковре поставити и златыми осыпати. И се от странных людей велию срамоту приняти, якобы таковаго р[аба] во всем моем королевстве не имею, тако ж и от своих подданных возненавиден быти. Возми у меня злата и сребра елико хощеши, а сего мне учинить не возможно». И рече гость: «Великий королю! Я не неволю тебя, государя, мне истинно [само]му надобен и угоден он. [Да коли] же изволишь о сем, буди воля твоя, а мне так невозможно учинить». Король же и с королевною, дщерию своєю, подумав, // повеле ево скоро на златом ковре поставити и осыпати златыми червонными¹ з главы [даже] и до ног ево. Оного же королевича вскоре осыпав златом и отдаде гостю. Гость же Василий, взяв [за него] злато, поиде на корабли свои.

[Коро]левичъ же Василий рече королю: «Ве[лики]й королю и милостивый мой государь! Исполни прошение мое, раба твоего Василия гуселника, вели, государь, [дать] мне местечко, где бы жити, [чтоб] было близ твоего двора. Д[ля] того, ежели изволишь пред своим [ко]ролевским величеством играть в гусли, чтоб скоряя // до вашего величества приходить». Король же Карлус даде ему место близ своего двора, чрез едину улицу,

¹ Испр.; в ркп. червонным.

и даде ему на строение десять тысяч сребра. Он же наняв каменщиков и всяких мастеров, и прибавил к тому множество и своих, и построил двор свой в скорых числах. И устроил полаты велми чудные в скорых числах, что во всем королевстве таковых нет. И построил полату едину, где ему спать, из стекол зер[ца]ловых и пол из стекол же, а в ней [уст]роил кровать лутчи королевской и покры мост сукном красным. И украсил дом свой многим красованием, и скарбы своя постави, // тритцеть отроков своих, которых взял с собою из Чейской земли. Королевич же Василий повеле гостю своему Василию корабли [не] отпущать до времени. Сам же по вся дни хождаше х королю и ко прекрасной королевне Полиместре^е играть в гусли. За ту свою игру у всех был в великой милости, а паче всех жаловала королевна Полиместра.

По многих же днех игреши Василий королевич в гусли пред королем, а от короля хождаше х королевне играть. Королевна же, видя его красоту и благочиние, начат усумневатися о нем, яко не простые природы, и начат его поити, дабы из ума вывестъ. Он же нача пити, а иное // тайно лити и прикинулся, яко пьян: «Великая государыни королевна! Уже гораздо поздо, аз же зело пьян, не могу до двора дойти, боюся, дабы не разбить гусли. Молю тя, да повелиши мя проводить и донести гусли за мною». Королевна же от мужеска пола не имела при себе, кроме де[виц] добродных, и рече единой от девиц: «Шед, проводи ево и донеси за ним гусли, дондеже с крыльца соидет». Он же поклонися королевне до земли и пошед [к свое]му двору, шатаяся гораздо, [девица] же за ним. И егда спед с крыльца, и нача ему отдавати гусли, он же рече: «Молю тя, донеси // до врат». Она же донесе ему и до врат, потом нача отдавать. «Молю тя, госпоже, пожалуй^а, донеси до моего двора, ей-ей [не] могу нести». Девица же донесе ему до двора. Как пришед ко двору ево, начат отдавать, он же удари во врата и выбежали к нему помянутые тритцеть отроков и хотят ево принять. Он же рече: «Не принимайте мене, принимайте госпожу девицу!». И нача девица усумневатися, чае от него [какия] срамоты, он же рече к ней: «Госпоже де[вице], иди не опасайся, аз бо рад чтити тя за твою благодать, что донесла гусли за мною». Отроки же приняша ю честно и ведоша // за королевичем. Королевич же рече к ней: «Госпоже прекрасная девице, так аз пожалован у государя своего, короля Карлуса. Посмотри моего дому, каков построил мил[ости]ю своего государя за малые дни и колико себе приял рабов». И взяв ея за руку, нача по полатам водити и показовати красование полатное и скарбы своя. И введе ю в полату, в которой спит, и [показа] ей вся своя сокровища, токмо [единого] полу не показа. Девица же, ви[дев], нача дивоватися, откуда [такое кра]сование и строение взято и за [ка]кие малые дни построено, яко у самого короля такового // строения нет. А паче кровати дивовалась, яко учреждена по королевский. Он же выняв изо чпага перстень злат и [подар]и ея, и изшел ис полаты в сто[ловую] полату и нача ея поити. И на[поив] ю пьяну и проводил сам честно до двора королевскаго.

Девица же прииде х королевне, и рече ей королевна: «Что толикыя часы медлила?». И рече девица: «Виповата есмь, [государыни], пред тобою. Как ты изволила послать провожать Василия гусел[ника, и нес]ла за ним гусли до крыльца, и он у меня не принял. И аз до двора донесла, и он у меня // не принял же и просил, чтоб донести до его двора. Потому ж, что видя его зело пьяна, и аз, государыни, до двора донесла. Он же пришед ко двору и удари во врата, и выбежали отроков с 30 доброличных и хотяху его принять. Он же рече: „Не принимайте меня, но сию девицу, которая жало-

^е Испр.; в ркп. Милитине. * В ркп. повторенс.

вала меня, проводила до двора“. Аз же его весма испужалась, чаяла ка-
[кия] срамоты себе. Он же познав [мя] изменену и рече: „Не опасайся,
госпоже, [аз] тебе худа никакова не сотв[орю, н]о за твою милость имам
4. 136
06. ты подарити“. И те ево отроки приемша мя и введоша в полаты. // Аз же
егда пошла в полаты, он же, взяв меня за руку, нача водити по полатам и
красование полат показовати, такожде и сокровище свое. И аз, государы-
ныи моя, дивовалась, да и дивоватся можно, яко такового строения и
сокровища у вас в королевстве н[е ви]дала. А паче та полата, где [он] спит,
построена зело [дивно] из стекол зеркаловых. И нача меня подчивать
доволно, и подарил м[еня] перстнем, и проводил меня [пожелал?] до ва-
4. 137 шего королевскаго двора сам честно». // Королевна ж нача перьстень
смотреть и велми дивовалась, яко зело зделан преизрядно. И нача про-
сити у девки перстня того ради, что видит, яко не можно на простой руке
нести, кроме королевской: «Возми у меня что тебе угодно злата, а перь-
стень мне уступи». Девица же рече королевне: «Милостивая моя государы-
ныи королевна, изволь взять!». Королевна [же] даде девке злата до-
волно, а перстень, взяв, надела на руку.

На ут[рие] королевичь Василий во обыч[ное вре]мя пришед пред ко-
роля в гусли играть. И рече ему король: «Что долго у меня не бывал?». //
4. 137
06. Он же отвеща: «Великий король, винен есть пред тобою! Вчерашняго дни
ввечеру поздо играл пред тобою, а потом у дщери твоей прекрасной коро-
левны Полиместры, и по милости вашей и дщери твоей напился пьян, и
тако проспал долго. Токмо во сне видел, государь, зело дивно: как бы чрез
твой королевский двор бежала ол[ень] зело изрядна и прибежала на мой
дворишко, и я ее поймал и в[озложил] на рог ея золотый перстень, и [со
дв]ора спустил, и она тако ж чрез твой королевской двор побежала.
4. 138 Ты ж, великий король, // разсуди сон мой!». Король же рече ему: «Сон
твой добр есть, аще да избудется». А того не ведает, к чему королевичь
загадывает. Он же нача у короля в гусли [иг]рати, а потом поиде к коро-
левне и нача ж у королевны играти.

И как пришел и увидел перстень свой на руке, и нача зело радоватися.
И поиграв доволно, и нача ево королевна поити. И потом напився, яко бы
пьян, и рече: «Великая государыни королевна! Прикажи меня, раба
своего, пров[одити] до м[оего] двора, боюся, чтоб не разбить гусли». И рече
4. 139
06. королевна: «Проводите его!». Девицы ж едина // пред единой выступает
для подарков, и королевна послала за ним любимую свою девку, мамку,
девица же с радостию поиде. И шед за ним ко двору и нача ему гусли отда-
вати, он же рече ей: «Молю тя, госпоже, посети мой дворишко!». И как при-
шед ко двору и удари во врата, и выбежали к нему предреченные 30 отроков
и приняли его честно и при[шедшу]ю с ним девицу, и введоша в пол-
4. 139
06. [ат]ы. Он же почтив ю доволно и, взяв ея за руку, начат водити и ка-
зати в[ся св]оя сокровища, яко же и прежней девице. И поведе ея в спал-
ную полату, и отомкнул ковчег // и подарил ея златою цепочкою, которая
достойная королевне носить. И назвав ю сестрою и паки начат с нею пити.
Девица ж, видев дом его и отроки, служащая ему, зело дивовалась, а
паче спальной полате и кровати и сокровищам его, яко и у короля таковых
[по]лат нет. И поив ю доволно, и проводи[в] сам до королевскаго двора
чес[тно].

Девица ж прииде пред королевну, челом удари и рече: «По твоей, госу-
дарыни, м[илост]и королевской была у Васи[ль]я гусельника, и он меня
подаровал златою цепочкою, которая хотя б и милости твоей носить //
4. 139
06. не стыдно. И потом видела дом у него, которой сказывает по вашей милости
за малые дни построил, також и отроки ево, которые ему служат. А паче
дивится можно спальной ево кровати, что все зделано из стекол зеркаловых.
Истинно, государыни, у батюшка тво[его] такового украшения нет, что

тако сказать не возможно. Я мню, [яко] устроено не по-рабский, но по-королевский. А потом ево превзыде см[ирение и] благочиние и учтивость³, и рабом его предстояние истинно, яко королю. Аще бы и ты, государыни, увидела, то б подивовалась». // И потом поднесе королевне ту цепочку: «Изволь, государыни, носить!». Королевна ж, прият цепочку, дивовалась, яко зело дивно учреждена, и положи ю на себя, а [девиц]е за нея злата даде доволно. И рече девице: «Возможно ль мне посмотреть его дому?». Девица же рече: «Чего ради не возможно? Изволишь в свое место посадить девицу, а его на[пойт]ь допьяна, и потом изволь [деви]цею его провожать». И рече [королевна] к девице: «Не приму ль какой срамоты и безчестия от него?». Девица же рече: «Не опасайся, // государыни, поди! Истинно человек смирной и учливой». И потом, удумав, посадили.

На утрии же королевич Василий прииде х королю в гусли играть. И рече к нему король: «Василей, что медлиши?». Он же рече: «Великий королю, винен есть пред тобою, проспал. Что вчерашнаго дни играл пред дщерию твоею, королевною, и потом был весма [ва]ми, государыни, пожалован, напил[ся пь]ян. А как спал, во сне, государь, во [вторые]* видел во всем подобно первому: как бы чрез твой королевской двор бежала олень, // во всем подобна прежней, и вошла на мой дворишко, и я ее взял, и возложил на н[ее] златую цепь, и потом паки спустил з двора, и она пошла обратно чрез твой королевской дом. Молю тя, велики королю, что такой за сон во вторые видится? Разсуди ми, государь!». Король же рече ему: «Не опасайся, Василий, сон твой добр есть». [А то]го он не ведает, к чему королевич загадывает. Он же у короля играл в гусли, и как пришел вечер, и поиде // пред королевной играть.

Королевна ж учрежденную свою девку посадив на свое королевское место, девица же та зело природна к ней, а сама ж желает итти провожать ево и ста вместе з девицами. Королевич же Василий, играл в гусли, познал, яко не королевна сидит. Королевну ж виде предстоит с протчими девицами, познал, яко «провождать м[еня и] шщет итти», и нача сердцем радоватись, яко желание его исполняется. И нача ж // его поити, он же пив доволно и прикинулся, яко пьян. И рече девице, которая сидит вместо королевны: «Премилостивая моя государыни королевна Полимистра, пожалуй, вели меня проводити до двора моего и гусли донести за мною. Боюсь, чтобы не разбить, понеже по милости отца твоего и вас весма пьян». «Подите одна, проводите и снесите за ним гусли, а сама не з[ас]иживайся, приходи скоро». Королевна ж стоя з девицами, яко простая девица, и взяв гусли, понесла за королевичем. И как снесла // гусли с крыльца, и начат размышляти, дабы ея не познал, и рече к нему: «Василей, прими гусли!». Он же рече: «Молю тя, красная девице, донеси до моего дворишка». И рече ему королевна: «Боюсь, [яко] умедлю и от королевны гнев прииму». «Красная девице, донеси до моего домишку, имам тя подарити, яко же и протчих девиц». Она [же ре]че: «Прими! Дара твоего не требую, а во гнев королевны не хошщу приити». Он же признав ю, яко усумневается, и рече к ней: «Молю тя красная девице, видиши ли, // яко зело пьян и не могу нести. Донеси еще до половины двора королевского». И рече к нему королевна: «Василий, прими!». Он же рече: «Не прииму, яко то мне и честь: королевская дочь за мною гусли несет и государыни рабу служит». Она ж услыша⁴ от него, яко познал ю, и начат ужасатися, и лице ея начат изменятися, и рече к нему: «Аз не королевна, но простая девица, [ток]мо к тебе не иду. Понеже не пригоже [р]абу государынею называть, прими гусли!». Он же рече: «Не прииму, понеси за мною». Она же рече: // «Прими, кину

³ Испр.; в ркп. учливость.

⁴ Испр.; в ркп. улыша.

на землю и разобью!». Он же рече: «Аще кинеши, закричу! И услышит отец твой, велию срамоту примешь себе. Понеси за мною, имам тя королевскими дарами подарить». Она ж понесе за ним во иступлении ума своего и не ведая, что ей будет.

- И принесши ко вратам королевского двора и нача ему от [дава]ти, он же не принял: «Аще [не по]несешь, закричу!». Она же донесе до двора его и нача ему отдавати, он же удари во врата, и выбежали помянутые 30 отроков // и прияху его честно. Он же рече: «Принимайте Полиместру королевну! Уже ко мне и незвана идет, ею же душа моя желала». Отроки же приемше ю и введоша ю честно за королевичем в полаты. Королевич же посадив ю с собою и начат ю поити. Она же не хотяше, но волю его творила, [пил]а, боялась и порывалась часто [ко дв]ору * от него. Он же, взяв ея [за р]уку, нача водити по всем своим полатам и показывати вся своя сокровища, она же хоуждаше с ним вне ума своего. // И введе^к ея в полату свою, которая из зеркал построена, и сняв сукно стекляного полу, и повеле отроком своим выйти вон. Сам же замкнул полату, и сняв с нея платье и сорочку, и вынял плеть, нача бити по белому телу и приговаривати: «Не терт — не колач, не мят — не ремень, тот сапог не на ту ногу обува[т], * понимает де смердей сын [кор]олевскую дочь! А ныне королевская дочь сама к смердию сыну пришла». Королевна зело избита, а паче избилась о стекляной пол, понеже зело гладок и не можно удержатца, еже бы не упасть. Она же познав // его по тем словам, яко королевич Василий сам, и нача она молити его: «Великий мой государь, прекрасный королевич Златяя Власы! Помилуй, отпусти душу на покаяние, остави вину мою. Аще угодно тебе да буду королевна. Он же рече к ней: «Ст[ра]дница! Познала, яко аз посылах к [от]цу твоему что ни лутчих сенаторов. Почто мя ругала и смердием сы[ном] называла и чашу разбила, ругаяс[я] мне*]?». Она же рече: «Помилуй мя, ви[нна] есть пред тобою, и к тому не бу[ду] негодная творити. Аз сие учинила, государь, от безумия моего, // не ведая тебя такового прекрасного и премудраго. Аще бы знала, и аз бы тогда воли твоей не прекословила». И рече королевич Василий: «Виждь, страдница, како твои мне безумные слова за досаду, яко доступая своею волею отцу твоему продан бысть и раб был доволное время. А все то чинил для тебя, да отмщу свое безчестие на тебе». Она же рече: «[Велик]ий королевич и государь Василий! Винна есть пред тобою и глава моя под мечь твоя!». Он же отдав ей вину, и приветствовал // словами, и целовав доволно, и поведе ю на кровать, хотя растлти. Она же нача плакати зело и умилно к нему глаголати: «О Василий королевич! Ради самого бога, излиывшаго ради нашего спасения кровь свою за наше прегрешение, остави сие творити. Како буду тебе, государю, королевна? А паче реку: прими мечь и отсеки мне главу, а такова мне беззакония не т[вори]». Он же рече: «Аще сего не сотворишь, не имаше мне быти королевна, понеже есть отмщен смех мой». Она же рече: // «Василий королевич, мой государь! И так видишь наготу мою, и аще не поимешь меня, то во веки посрамлена буду!». Он же не слушав словес ея и растли девство ея, помышляя себе, яко и поневоле будет ему жена. Она же по сотворению его со слезами рече: «Василий королевич, мой государь! Умилосердись надо мною, поими меня за себя! Аще сего не [сот]вориши, не терплю поругания, зело себе сама поругана и смерти предаю. И о сем даждь ми верное слово». Он же // даде ей верное слово, яко пояти ю за себя: «Токмо за посмеяние отца твоего не в скорое сие учиню!». И выняв ис ковчега златый венец, устроен з драгим камением, даровал ю на знамя милости, и облече ю во одеяние ея, и отпусти ю от себя. Сам же тотчас послал к гостю Василию, велел корабль

* Испр.; в ркп. введ.

в готовности к походу имети и вся своя скарбы и сокровище на корабль переносил немедленно.

Королева ж, пришед [до] мой, показав венец злат [ый, сл]учившаяся же не сказа. Дев [ицы же] зело похвалили и дивовались венцу, яко у них // л. 147
в королевстве такова нет, и рече: «Великая государыни, каков дом его?». об.
Она же рече: «Яко у батюшка такового дому нет и сокровищ таких. Токмо упоил меня зело, не могу». И связав главу, и ляже в постелю.

Королевичь Василий поутру прииде к королю и поклонися ему. Рече ж ему король Карлус: «Василий, что скажеш?». Он же рече: «Ни, государь мой великий королю, ничего вещей не знаю, но от милости твоей, аще о чем мне рабу своему сказать, сл [ыш]ать желаю». И рече к нему король: «[Скажи] что-нибудь!». Он же рече: «Велики [й коро]лю, видел аз сей ноши сон: мню, дабы чрез твой королевской двор шла лань зело дивна, аз же ей удивился, и пришла к моему // дворишку. Аз ее поймал, и взял к себе, л. 148
и бил довольно, и кожу с нее содрал, и положил на главу ея златый венец, и паки пустил, она же паки побежала чрез твой королевской двор. И о сем молю тя, великий королю, разсуди сей сон мой!». «Сон твой благ есть, аще да избудется». Сам же во уме своем внят, яко часто он сказывает «и знатно, что помышляет на мой королевской двор». Королевичь же поклонися королю и поиде на свой двор. И убрався со всем своим скарбом, // и написав лист сице, яко он не Василей гуселник и не раб гостю, л. 149
но Чейския земли королевичь Василий Златыя Власы был во Францьи об.
во образе раба для отгмщения и ругания своего над королевной Полиместрой. Егда он посылал своих сенаторов ко отцу ея, королю Карлусу, дабы дал ему в жену, и тогда она ругалась, смердием сыном называла и зл [ат]ую чашу разбила, и за то о [на] сама в гостях была и поругана пошла. И тот лист прибил на вратех своего // дому, двор же пуст оставил и замкнул. л. 149
Сам же со отроки и со всем своим имением на корабли убрался и повелел борзо во свою Чейскую землю итти.

Людие ж короля Карлуса лист тот читали, зело в недоумении бысть о таковой учиненной срамоте от королевича Василия. И отодраша лист, принесоша к королю Карлусу и поведаша о нем, яко ушел на кораблях. Корол [ь же] приняв тот лист, и прочет, [и в] великия печали наполнися. И пришед к королевне, видя ее зело болну, и рече ей: «Чего ради ты болна?». Она же // нача отцу своему сказывати. Отец же рече ей: «Да скажи мне л. 149
правду обо всем случае, како у королевича в гостях была». Она же сказа об.
ему всю правду свою и начат у него просити: «Прошу, милостивый мой государь батюшко, да пос [ле]ши послов к нему з дары, да приедет и возмет мя. Аз же за иного ни за кого не хочу итти в жену, кроме его».

Королевичь же Василий [при]иде в свою землю к отцу своему [коро]лю Станиславу и поведав вся по ряду. Король же Станислав радуяся и благодарив // бога, яко сын его, королевичь, прииде и исполни свое же л. 150
лание. А гостя Василия зело пожаловал, и велми обогатил, и в совете своим велел ему быть всегда за ево доброе услугование сыну ево.

Король же Карлус ис Францьи послал в Чейскую землю послов, добродных министров. И послы к королевичу Василию приехали с великими дарами, просили его, дабы [он] пришел во Францью и взял [бы] дочь его, прекрасную королевну Полиместру, в жену и многия грады за ней. И послы приидоша // к нему и лист поднесоша. Он же у них принял и, прочет, л. 150
надвое передрал и рече: «Дивлюся сему, яко королевская дочь за смердьева сына хочет итти. Почто было прежде сего ругать, когда я ее желал взять за себя? И она мне в те поры ругалася. Понеже смех мой над королем Карлусом и над дщерию его отсмеял есть». И отпусти послов безделных. об.
И при [шед] послы к королю Карлусу, сказа [ша с] лова его, яко не хошчет дочь [тв]ю взять себе в жену. Он же в великой печали // нача быти, л. 151

но паки послов своих посылает с великими дарами и половину королевства своего за ней дает. Преждереченные ж послы приидоша х королевичу Василию и лист поднесоша и дары. Он же лист принял и, прочет, передрал надвое, то ж сказал, как прежде, и отпустил их посрамленных х королю Карлусу. Оные ж послы пришедши пред короля Ка[рлуса] и сказаша ему, что «дщери твоей в жену не берет». Он же великие печали наполни // и паки посылает послов к нему с великими дарами и все свое Францское королевство по смерти своей вручает ему, королевичу Василию. Посланники же к нему приидоша, и подаша лист, и дары поднесоша. Королевич же Василий приняв дары, и лист прочет, и на прошение короля Карлуса склонися. И взяв у отца своего благословение, и [убр]ав корабли своя с великим сокровищем, и взяв с собою сенаторов и рыцарей // множество, и поиде во Францию с великою славою.

Король же Карлус встретил его далече от королевства своего славно и радостно, и даде ему дочь свою в жену, прекрасную королеву Полиместру. Королевич же Василий нача с нею жити велми любезно. И по смерти тестя своего, короля Карлуса, бысть во Француской земле королем, и по см[ерти] отца своего, короля Станислава, бысть во отеческой земли королем. И тако // ^{л. 151} _{об.} ^{л. 152} _{об.} ^{л. 153} _{об.} ^{л. 154} _{об.} ^{л. 155} _{об.} ^{л. 156} _{об.} ^{л. 157} _{об.} ^{л. 158} _{об.} ^{л. 159} _{об.} ^{л. 160} _{об.} ^{л. 161} _{об.} ^{л. 162} _{об.} ^{л. 163} _{об.} ^{л. 164} _{об.} ^{л. 165} _{об.} ^{л. 166} _{об.} ^{л. 167} _{об.} ^{л. 168} _{об.} ^{л. 169} _{об.} ^{л. 170} _{об.} ^{л. 171} _{об.} ^{л. 172} _{об.} ^{л. 173} _{об.} ^{л. 174} _{об.} ^{л. 175} _{об.} ^{л. 176} _{об.} ^{л. 177} _{об.} ^{л. 178} _{об.} ^{л. 179} _{об.} ^{л. 180} _{об.} ^{л. 181} _{об.} ^{л. 182} _{об.} ^{л. 183} _{об.} ^{л. 184} _{об.} ^{л. 185} _{об.} ^{л. 186} _{об.} ^{л. 187} _{об.} ^{л. 188} _{об.} ^{л. 189} _{об.} ^{л. 190} _{об.} ^{л. 191} _{об.} ^{л. 192} _{об.} ^{л. 193} _{об.} ^{л. 194} _{об.} ^{л. 195} _{об.} ^{л. 196} _{об.} ^{л. 197} _{об.} ^{л. 198} _{об.} ^{л. 199} _{об.} ^{л. 200} _{об.} ^{л. 201} _{об.} ^{л. 202} _{об.} ^{л. 203} _{об.} ^{л. 204} _{об.} ^{л. 205} _{об.} ^{л. 206} _{об.} ^{л. 207} _{об.} ^{л. 208} _{об.} ^{л. 209} _{об.} ^{л. 210} _{об.} ^{л. 211} _{об.} ^{л. 212} _{об.} ^{л. 213} _{об.} ^{л. 214} _{об.} ^{л. 215} _{об.} ^{л. 216} _{об.} ^{л. 217} _{об.} ^{л. 218} _{об.} ^{л. 219} _{об.} ^{л. 220} _{об.} ^{л. 221} _{об.} ^{л. 222} _{об.} ^{л. 223} _{об.} ^{л. 224} _{об.} ^{л. 225} _{об.} ^{л. 226} _{об.} ^{л. 227} _{об.} ^{л. 228} _{об.} ^{л. 229} _{об.} ^{л. 230} _{об.} ^{л. 231} _{об.} ^{л. 232} _{об.} ^{л. 233} _{об.} ^{л. 234} _{об.} ^{л. 235} _{об.} ^{л. 236} _{об.} ^{л. 237} _{об.} ^{л. 238} _{об.} ^{л. 239} _{об.} ^{л. 240} _{об.} ^{л. 241} _{об.} ^{л. 242} _{об.} ^{л. 243} _{об.} ^{л. 244} _{об.} ^{л. 245} _{об.} ^{л. 246} _{об.} ^{л. 247} _{об.} ^{л. 248} _{об.} ^{л. 249} _{об.} ^{л. 250} _{об.} ^{л. 251} _{об.} ^{л. 252} _{об.} ^{л. 253} _{об.} ^{л. 254} _{об.} ^{л. 255} _{об.} ^{л. 256} _{об.} ^{л. 257} _{об.} ^{л. 258} _{об.} ^{л. 259} _{об.} ^{л. 260} _{об.} ^{л. 261} _{об.} ^{л. 262} _{об.} ^{л. 263} _{об.} ^{л. 264} _{об.} ^{л. 265} _{об.} ^{л. 266} _{об.} ^{л. 267} _{об.} ^{л. 268} _{об.} ^{л. 269} _{об.} ^{л. 270} _{об.} ^{л. 271} _{об.} ^{л. 272} _{об.} ^{л. 273} _{об.} ^{л. 274} _{об.} ^{л. 275} _{об.} ^{л. 276} _{об.} ^{л. 277} _{об.} ^{л. 278} _{об.} ^{л. 279} _{об.} ^{л. 280} _{об.} ^{л. 281} _{об.} ^{л. 282} _{об.} ^{л. 283} _{об.} ^{л. 284} _{об.} ^{л. 285} _{об.} ^{л. 286} _{об.} ^{л. 287} _{об.} ^{л. 288} _{об.} ^{л. 289} _{об.} ^{л. 290} _{об.} ^{л. 291} _{об.} ^{л. 292} _{об.} ^{л. 293} _{об.} ^{л. 294} _{об.} ^{л. 295} _{об.} ^{л. 296} _{об.} ^{л. 297} _{об.} ^{л. 298} _{об.} ^{л. 299} _{об.} ^{л. 300} _{об.} ^{л. 301} _{об.} ^{л. 302} _{об.} ^{л. 303} _{об.} ^{л. 304} _{об.} ^{л. 305} _{об.} ^{л. 306} _{об.} ^{л. 307} _{об.} ^{л. 308} _{об.} ^{л. 309} _{об.} ^{л. 310} _{об.} ^{л. 311} _{об.} ^{л. 312} _{об.} ^{л. 313} _{об.} ^{л. 314} _{об.} ^{л. 315} _{об.} ^{л. 316} _{об.} ^{л. 317} _{об.} ^{л. 318} _{об.} ^{л. 319} _{об.} ^{л. 320} _{об.} ^{л. 321} _{об.} ^{л. 322} _{об.} ^{л. 323} _{об.} ^{л. 324} _{об.} ^{л. 325} _{об.} ^{л. 326} _{об.} ^{л. 327} _{об.} ^{л. 328} _{об.} ^{л. 329} _{об.} ^{л. 330} _{об.} ^{л. 331} _{об.} ^{л. 332} _{об.} ^{л. 333} _{об.} ^{л. 334} _{об.} ^{л. 335} _{об.} ^{л. 336} _{об.} ^{л. 337} _{об.} ^{л. 338} _{об.} ^{л. 339} _{об.} ^{л. 340} _{об.} ^{л. 341} _{об.} ^{л. 342} _{об.} ^{л. 343} _{об.} ^{л. 344} _{об.} ^{л. 345} _{об.} ^{л. 346} _{об.} ^{л. 347} _{об.} ^{л. 348} _{об.} ^{л. 349} _{об.} ^{л. 350} _{об.} ^{л. 351} _{об.} ^{л. 352} _{об.} ^{л. 353} _{об.} ^{л. 354} _{об.} ^{л. 355} _{об.} ^{л. 356} _{об.} ^{л. 357} _{об.} ^{л. 358} _{об.} ^{л. 359} _{об.} ^{л. 360} _{об.} ^{л. 361} _{об.} ^{л. 362} _{об.} ^{л. 363} _{об.} ^{л. 364} _{об.} ^{л. 365} _{об.} ^{л. 366} _{об.} ^{л. 367} _{об.} ^{л. 368} _{об.} ^{л. 369} _{об.} ^{л. 370} _{об.} ^{л. 371} _{об.} ^{л. 372} _{об.} ^{л. 373} _{об.} ^{л. 374} _{об.} ^{л. 375} _{об.} ^{л. 376} _{об.} ^{л. 377} _{об.} ^{л. 378} _{об.} ^{л. 379} _{об.} ^{л. 380} _{об.} ^{л. 381} _{об.} ^{л. 382} _{об.} ^{л. 383} _{об.} ^{л. 384} _{об.} ^{л. 385} _{об.} ^{л. 386} _{об.} ^{л. 387} _{об.} ^{л. 388} _{об.} ^{л. 389} _{об.} ^{л. 390} _{об.} ^{л. 391} _{об.} ^{л. 392} _{об.} ^{л. 393} _{об.} ^{л. 394} _{об.} ^{л. 395} _{об.} ^{л. 396} _{об.} ^{л. 397} _{об.} ^{л. 398} _{об.} ^{л. 399} _{об.} ^{л. 400} _{об.} ^{л. 401} _{об.} ^{л. 402} _{об.} ^{л. 403} _{об.} ^{л. 404} _{об.} ^{л. 405} _{об.} ^{л. 406} _{об.} ^{л. 407} _{об.} ^{л. 408} _{об.} ^{л. 409} _{об.} ^{л. 410} _{об.} ^{л. 411} _{об.} ^{л. 412} _{об.} ^{л. 413} _{об.} ^{л. 414} _{об.} ^{л. 415} _{об.} ^{л. 416} _{об.} ^{л. 417} _{об.} ^{л. 418} _{об.} ^{л. 419} _{об.} ^{л. 420} _{об.} ^{л. 421} _{об.} ^{л. 422} _{об.} ^{л. 423} _{об.} ^{л. 424} _{об.} ^{л. 425} _{об.} ^{л. 426} _{об.} ^{л. 427} _{об.} ^{л. 428} _{об.} ^{л. 429} _{об.} ^{л. 430} _{об.} ^{л. 431} _{об.} ^{л. 432} _{об.} ^{л. 433} _{об.} ^{л. 434} _{об.} ^{л. 435} _{об.} ^{л. 436} _{об.} ^{л. 437} _{об.} ^{л. 438} _{об.} ^{л. 439} _{об.} ^{л. 440} _{об.} ^{л. 441} _{об.} ^{л. 442} _{об.} ^{л. 443} _{об.} ^{л. 444} _{об.} ^{л. 445} _{об.} ^{л. 446} _{об.} ^{л. 447} _{об.} ^{л. 448} _{об.} ^{л. 449} _{об.} ^{л. 450} _{об.} ^{л. 451} _{об.} ^{л. 452} _{об.} ^{л. 453} _{об.} ^{л. 454} _{об.} ^{л. 455} _{об.} ^{л. 456} _{об.} ^{л. 457} _{об.} ^{л. 458} _{об.} ^{л. 459} _{об.} ^{л. 460} _{об.} ^{л. 461} _{об.} ^{л. 462} _{об.} ^{л. 463} _{об.} ^{л. 464} _{об.} ^{л. 465} _{об.} ^{л. 466} _{об.} ^{л. 467} _{об.} ^{л. 468} _{об.} ^{л. 469} _{об.} ^{л. 470} _{об.} ^{л. 471} _{об.} ^{л. 472} _{об.} ^{л. 473} _{об.} ^{л. 474} _{об.} ^{л. 475} _{об.} ^{л. 476} _{об.} ^{л. 477} _{об.} ^{л. 478} _{об.} ^{л. 479} _{об.} ^{л. 480} _{об.} ^{л. 481} _{об.} ^{л. 482} _{об.} ^{л. 483} _{об.} ^{л. 484} _{об.} ^{л. 485} _{об.} ^{л. 486} _{об.} ^{л. 487} _{об.} ^{л. 488} _{об.} ^{л. 489} _{об.} ^{л. 490} _{об.} ^{л. 491} _{об.} ^{л. 492} _{об.} ^{л. 493} _{об.} ^{л. 494} _{об.} ^{л. 495} _{об.} ^{л. 496} _{об.} ^{л. 497} _{об.} ^{л. 498} _{об.} ^{л. 499} _{об.} ^{л. 500} _{об.} ^{л. 501} _{об.} ^{л. 502} _{об.} ^{л. 503} _{об.} ^{л. 504} _{об.} ^{л. 505} _{об.} ^{л. 506} _{об.} ^{л. 507} _{об.} ^{л. 508} _{об.} ^{л. 509} _{об.} ^{л. 510} _{об.} ^{л. 511} _{об.} ^{л. 512} _{об.} ^{л. 513} _{об.} ^{л. 514} _{об.} ^{л. 515} _{об.} ^{л. 516} _{об.} ^{л. 517} _{об.} ^{л. 518} _{об.} ^{л. 519} _{об.} ^{л. 520} _{об.} ^{л. 521} _{об.} ^{л. 522} _{об.} ^{л. 523} _{об.} ^{л. 524} _{об.} ^{л. 525} _{об.} ^{л. 526} _{об.} ^{л. 527} _{об.} ^{л. 528} _{об.} ^{л. 529} _{об.} ^{л. 530} _{об.} ^{л. 531} _{об.} ^{л. 532} _{об.} ^{л. 533} _{об.} ^{л. 534} _{об.} ^{л. 535} _{об.} ^{л. 536} _{об.} ^{л. 537} _{об.} ^{л. 538} _{об.} ^{л. 539} _{об.} ^{л. 540} _{об.} ^{л. 541} _{об.} ^{л. 542} _{об.} ^{л. 543} _{об.} ^{л. 544} _{об.} ^{л. 545} _{об.} ^{л. 546} _{об.} ^{л. 547} _{об.} ^{л. 548} _{об.} ^{л. 549} _{об.} ^{л. 550} _{об.} ^{л. 551} _{об.} ^{л. 552} _{об.} ^{л. 553} _{об.} ^{л. 554} _{об.} ^{л. 555} _{об.} ^{л. 556} _{об.} ^{л. 557} _{об.} ^{л. 558} _{об.} ^{л. 559} _{об.} ^{л. 560} _{об.} ^{л. 561} _{об.} ^{л. 562} _{об.} ^{л. 563} _{об.} ^{л. 564} _{об.} ^{л. 565} _{об.} ^{л. 566} _{об.} ^{л. 567} _{об.} ^{л. 568} _{об.} ^{л. 569} _{об.} ^{л. 570} _{об.} ^{л. 571} _{об.} ^{л. 572} _{об.} ^{л. 573} _{об.} ^{л. 574} _{об.} ^{л. 575} _{об.} ^{л. 576} _{об.} ^{л. 577} _{об.} ^{л. 578} _{об.} ^{л. 579} _{об.} ^{л. 580} _{об.} ^{л. 581} _{об.} ^{л. 582} _{об.} ^{л. 583} _{об.} ^{л. 584} _{об.} ^{л. 585} _{об.} ^{л. 586} _{об.} ^{л. 587} _{об.} ^{л. 588} _{об.} ^{л. 589} _{об.} ^{л. 590} _{об.} ^{л. 591} _{об.} ^{л. 592} _{об.} ^{л. 593} _{об.} ^{л. 594} _{об.} ^{л. 595} _{об.} ^{л. 596} _{об.} ^{л. 597} _{об.} ^{л. 598} _{об.} ^{л. 599} _{об.} ^{л. 600} _{об.} ^{л. 601} _{об.} ^{л. 602} _{об.} ^{л. 603} _{об.} ^{л. 604} _{об.} ^{л. 605} _{об.} ^{л. 606} _{об.} ^{л. 607} _{об.} ^{л. 608} _{об.} ^{л. 609} _{об.} ^{л. 610} _{об.} ^{л. 611} _{об.} ^{л. 612} _{об.} ^{л. 613} _{об.} ^{л. 614} _{об.} ^{л. 615} _{об.} ^{л. 616} _{об.} ^{л. 617} _{об.} ^{л. 618} _{об.} ^{л. 619} _{об.} ^{л. 620} _{об.} ^{л. 621} _{об.} ^{л. 622} _{об.} ^{л. 623} _{об.} ^{л. 624} _{об.} ^{л. 625} _{об.} ^{л. 626} _{об.} ^{л. 627} _{об.} ^{л. 628} _{об.} ^{л. 629} _{об.} ^{л. 630} _{об.} ^{л. 631} _{об.} ^{л. 632} _{об.} ^{л. 633} _{об.} ^{л. 634} _{об.} ^{л. 635} _{об.} ^{л. 636} _{об.} ^{л. 637} _{об.} ^{л. 638} _{об.} ^{л. 639} _{об.} ^{л. 640} _{об.} ^{л. 641} _{об.} ^{л. 642} _{об.} ^{л. 643} _{об.} ^{л. 644} _{об.} ^{л. 645} _{об.} ^{л. 646} _{об.} ^{л. 647} _{об.} ^{л. 648} _{об.} ^{л. 649} _{об.} ^{л. 650} _{об.} ^{л. 651} _{об.} ^{л. 652} _{об.} ^{л. 653} _{об.} ^{л. 654} _{об.} ^{л. 655} _{об.} ^{л. 656} _{об.} ^{л. 657} _{об.} ^{л. 658} _{об.} ^{л. 659} _{об.} ^{л. 660} _{об.} ^{л. 661} _{об.} ^{л. 662} _{об.} ^{л. 663} _{об.} ^{л. 664} _{об.} ^{л. 665} _{об.} ^{л. 666} _{об.} ^{л. 667} _{об.} ^{л. 668} _{об.} ^{л. 669} _{об.} ^{л. 670} _{об.} ^{л. 671} _{об.} ^{л. 672} _{об.} ^{л. 673} _{об.} ^{л. 674} _{об.} ^{л. 675} _{об.} ^{л. 676} _{об.} ^{л. 677} _{об.} ^{л. 678} _{об.} ^{л. 679} _{об.} ^{л. 680} _{об.} ^{л. 681} _{об.} ^{л. 682} _{об.} ^{л. 683} _{об.} ^{л. 684} _{об.} ^{л. 685} _{об.} ^{л. 686} _{об.} ^{л. 687} _{об.} ^{л. 688} _{об.} ^{л. 689} _{об.} ^{л. 690} _{об.} ^{л. 691} _{об.} ^{л. 692} _{об.} ^{л. 693} _{об.} ^{л. 694} _{об.} ^{л. 695} _{об.} ^{л. 696} _{об.} ^{л. 697} _{об.} ^{л. 698} _{об.} ^{л. 699} _{об.} ^{л. 700} _{об.} ^{л. 701} _{об.} ^{л. 702} _{об.} ^{л. 703} _{об.} ^{л. 704} _{об.} ^{л. 705} _{об.} ^{л. 706} _{об.} ^{л. 707} _{об.} ^{л. 708} _{об.} ^{л. 709} _{об.} ^{л. 710} _{об.} ^{л. 711} _{об.} ^{л. 712} _{об.} ^{л. 713} _{об.} ^{л. 714} _{об.} ^{л. 715} _{об.} ^{л. 716} _{об.} ^{л. 717} _{об.} ^{л. 718} _{об.} ^{л. 719} _{об.} ^{л. 720} _{об.} ^{л. 721} _{об.} ^{л. 722} _{об.} ^{л. 723} _{об.} ^{л. 724} _{об.} ^{л. 725} _{об.} ^{л. 726} _{об.} ^{л. 727} _{об.} ^{л. 728} _{об.} ^{л. 729} _{об.} ^{л. 730} _{об.} ^{л. 731} _{об.} ^{л. 732} _{об.} ^{л. 733} _{об.} ^{л. 734} _{об.} ^{л. 735} _{об.} ^{л. 736} _{об.} ^{л. 737} _{об.} ^{л. 738} _{об.} ^{л. 739} _{об.} ^{л. 740} _{об.} ^{л. 741} _{об.} ^{л. 742} _{об.} ^{л. 743} _{об.} ^{л. 744} _{об.} ^{л. 745} _{об.} ^{л. 746} _{об.} ^{л. 747} _{об.} ^{л. 748} _{об.} ^{л. 749} _{об.} ^{л. 750} _{об.} ^{л. 751} _{об.} ^{л. 752} _{об.} ^{л. 753} _{об.} ^{л. 754} _{об.} ^{л. 755} _{об.} ^{л. 756} _{об.} ^{л. 757} _{об.} ^{л. 758} _{об.} ^{л. 759} _{об.} ^{л. 760} _{об.} ^{л. 761} _{об.} ^{л. 762} _{об.} ^{л. 763} _{об.} ^{л. 764} _{об.} ^{л. 765} _{об.} ^{л. 766} _{об.} ^{л. 767} _{об.} ^{л. 768} _{об.} ^{л. 769} _{об.} ^{л. 770} _{об.} ^{л. 771} _{об.} ^{л. 772} _{об.} ^{л. 773} _{об.} ^{л. 7}

Ю. А. ЛАБЫНЦЕВ

Памятники древнерусской книжности и литературы в старообрядческих изданиях Супрасльской типографии (XVIII в.)

В настоящее время ни для кого уже не являются секретом односторонность традиционного освещения истории русской литературы XVIII в., малоизвестность «низовой», недворянской демократической книжности и литературы, о необходимости изучения которых советские ученые начали говорить еще в предвоенные годы.¹ Тем не менее многие трудности в решении поставленной проблемы привели к тому, что не все ее стороны получили с течением времени даже самую общую предварительную оценку. Так, например, как это ни парадоксально, даже Михаил Несторович Сперанский, посвятивший особый раздел своей монографии старообрядческим рукописным сборникам, считал, что «старообрядческая литература была в XVIII столетии почти исключительно письменной».² Таким образом, столь заметное явление в истории культуры русского народа, каким были старообрядческая печатная книжность и литература, по существу выпадало из поля зрения исследователей старшего поколения.

В наши дни положение во многом изменилось. Старообрядческие издания всех веков ныне собираются археографическими экспедициями ряда учреждений, а также приобретаются некоторыми библиотеками путем пассивного комплектования. Вместе с тем каких-либо конкретных исследований этих изданий пока нет, да и сам вопрос об их ценности для истории русской культуры в полной мере поставлен еще не был по причине, как нам думается, малоизвестности и нераскрытости состава этих изданий, значительная часть которых отсутствует даже в собраниях крупных государственных книгохранилищ.

Развернувшаяся в наши дни большая работа по изучению крестьянской культуры, в частности книги, а также значение старообрядчества и его культурной традиции в истории русской культуры заставляют по-новому взглянуть и на печатную старообрядческую книжность и литературу, располагавших в XVIII столетии примерно 300 изданиями, около четверти которых напечатано в Супрасле.³ Супрасльские старообрядческие издания являются как бы индикатором ценности всей этой книжности и литературы, отражают богатство их состава.

¹ См.: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963, с. 14—15.

² М. Н. Сперанский. Рукописные сборники. . . , с. 115.

³ Ныне Супрасль находится на территории Белостокского воеводства в Польской Народной Республике.

Книгопечатание в типографии Супрасльского Благовещенского монастыря⁴ для старообрядцев было начато в третьей четверти XVIII в. Михаилом Григорьевичем Соловьевым,⁵ позднее перенесшим свою издательскую деятельность в Варшаву в типографию Петра Дюфора. Ко времени начала книгопечатания для старообрядцев Супрасльская базилианская типография, основанная в конце XVII в.,⁶ была крупным, хорошо налаженным производством, снабжавшим печатными изданиями на церковнославянском, белорусском, польском, латинском и литовском языках несколько народов, проживавших в границах тогдашней Речи Посполитой.⁷ Типография охотно печатала на заказ, так как это давало ей сразу же основательную прибыль. В 1772 г., после значительной подготовительной работы по подбору типографского материала для старообрядческих изданий, она выпустила на заказ первое такое издание — «Часослов», перепечатанный с московского «Часослова» 1652 г.⁸ До конца XVIII в. в Супрасле вышло около 70 старообрядческих изданий.⁹ Это учебная литература, литургические и «четьи» книги, среди которых можно выделить произведения древнерусской и ранней старообрядческой книжности и литературы, в том числе апокрифические, исторические, полемические и житийные, а также сборники, содержащие от двух до нескольких сот произведений. Значительную часть супрасльских старообрядческих изданий составляют перепечатки книг, выпущенных на Московском Печатном дворе в первой половине — середине XVII в., т. е. до реформ патриарха Никона. С таких изданий старообрядцы старались сделать перепечатку «ни в чем неотменно», т. е. возможно ближе к оригиналу не только текстуально, но и графически. В целом все супрасльские старообрядческие издания стремились как можно точнее следовать московским, «дониконовым» образцам книжной печати, что, естественно, в каждом отдельном случае в силу различных причин не всегда удавалось.

Многие супрасльские старообрядческие издания достаточно сложно выделить по составу в какие-либо конкретные тематические группы, так как они представляют собой типичные сборники, содержащие подчас разнородные произведения. Например, очень показателен в этой связи Сборник около 1789 г.,¹⁰ в составе которого семь произведений — исторических, полемических, житийных, назидательных и т. д. Все это заставляет нас вначале дать характеристику сборников как наиболее сложных по составу и интересных для нас старообрядческих изданий Супрасльской типографии, а затем перейти к преимущественно тематическому обзору произведений древнерусской и ранней старообрядческой книжности и литературы, увидевших здесь свет.

Старообрядческие издатели печатали сборники, имеющие прямую связь с древнерусской рукописной традицией, а также создавали свои новые либо перепечатывали рукописные сборники, сложившиеся в более раннее время в самой старообрядческой среде.¹¹ В 80—90-е гг. XVIII в. в Суп-

⁴ О Супрасльском монастыре см.: Н и к о л а й, а р х и м. [Далматов]. Супрасльский Благовещенский монастырь. Историко-статистическое описание. СПб., 1892.

⁵ См.: J. V. R a k o w i e s k i. Prawda ruska, t. 2. Warszawa, 1822, s. 198—199.

⁶ Первое издание типографии — Служебник — вышло в свет в 1695 г.

⁷ По нашим подсчетам, в Супрасльской типографии было выпущено за всю историю ее существования более 400 изданий, в том числе свыше 100, напечатанных кирилловским шрифтом.

⁸ См.: В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические указания. Вып. 3. Кирилловские издания Супрасльской типографии. М., 1978, с. 23.

⁹ Там же, с. 23—49.

¹⁰ Там же, с. 31—32.

¹¹ Там же, с. 8.

расле было издано для старообрядцев более десяти сборников, в состав которых входят сотни различных сочинений десятков авторов. По времени и способу составления мы выделяем среди них следующие основные виды «четы» сборников: сборники, сложившиеся в XVII в. и в таком или несколько измененном виде перепечатанные в XVIII в.;¹² сборники, сложившиеся в старообрядческой среде в XVIII в.;¹³ сборники, видимо, составленные самими издателями.¹⁴

По тематике сборники можно разделить на сборники произведений житийной литературы,¹⁵ сборники исторических и полемических сочинений,¹⁶ сборники апокрифических сочинений,¹⁷ сборники произведений учительской литературы,¹⁸ сборники смешанного состава.¹⁹

Все сборники можно разделить на сборники авторских произведений,²⁰ сборники анонимных произведений,²¹ сборники смешанного состава.²²

Аналогичным образом сборники могут быть определены и по авторам: сборники произведений преимущественно византийских авторов,²³ сборники произведений древнерусских авторов и старообрядческих писателей,²⁴ сборники произведений только древнерусских авторов,²⁵ сборники произведений только старообрядческих писателей,²⁶ сборники смешанного состава, в том числе и с анонимными произведениями.²⁷

Говоря о сборниках, мы имели в виду лишь те, которые впервые были напечатаны старообрядцами. Издания типа книги поучений Ефрема Сирина и аввы Дорофея, четыре раза перепечатанной в Супрасле²⁸ с московских изданий середины XVII в., нами в расчет не принимались, хотя и они по существу являются сборниками.

По тематике все произведения древнерусской книжности и литературы, напечатанные в Супрасле, можно разбить на три большие группы — учебные книги, богослужебные книги и «четы» книги, среди которых последняя наиболее многочисленная и сложная по структуре.

Учебную литературу представляют отдельное издание «Азбуки» 1781 г., явно продолжающей традицию древнерусских азбук и букварей XVII в., в частности букваря Василия Бурцова, а также издания псалтыри, нередко открывающиеся специальным «Наказанием ко учителем, како им

¹² Таковы, например, четыре супрасльских издания «Страстей Христовых», первое из которых было напечатано в конце 80-х гг. XVIII в., второе и третье — в 1794 г., четвертое — после 1797 г.

¹³ К ним мы в первую очередь относим сборник, напечатанный в Супрасле около 1789 г.

¹⁴ См., например: Сборник. Супрасль, 1791.

¹⁵ См.: Собрание словесъ и деаний пр[е]в[о]д[о]бныхъ о[те]цъ скитскихъ яже обретаются в патерицех по алфавиту. Супрасль, 1791.

¹⁶ См.: [Сборник]. Супрасль, 1789. Содержит «Историю о отцех и страдальцех соловецких» (л. 1—124) и челобитную Соловецкого монастыря, «какова послана к Великому г[о]с[уд]арю къ Москве, во 176 году во октябре м[е]с[я]це» (л. 124 об.—173).

¹⁷ Мы имеем в виду супрасльские издания «Страстей Христовых» (см. выше, примеч. 12).

¹⁸ См.: Альфа и Омега. Супрасль, 1788.

¹⁹ См.: [Сборник]. [Супрасль, около 1789].

²⁰ См.: Сборник. Супрасль, 1791.

²¹ См. издания «Страстей Христовых».

²² См.: [Сборник]. [Супрасль, около 1789].

²³ См.: Сборник. Супрасль, 1791.

²⁴ См.: [Сборник]. [Супрасль, около 1789].

²⁵ См.: Служба всемъ с[вя]тымъ российскимъ. Супрасль, 1786.

²⁶ См.: [Сборник]. Супрасль, 1788. Этот сборник идентичен по составу сборнику, указанному в примеч. 16.

²⁷ См.: Альфа и Омега. Супрасль, 1788.

²⁸ Их описания см. в кн.: В помощь составителям Сводного каталога. . . , вып. 3, с. 26—28, 32, 36—37.

учити детей грамоте»,²⁹ издания часовника, некоторые из которых имеют вначале специальную статью о «учителяхъ, иже учать младыхъ отротать грамоте».³⁰

Собственно богослужебных книг для старообрядцев было издано в Супрасле немного. Почти все они — перепечатки московских изданий первой половины — середины XVII в., в то время как произведения, относимые нами к другим группам, в значительном и даже в большем своем числе были напечатаны непосредственно с рукописей. Среди собственно богослужебных книг, изданных в Супрасле для старообрядцев, лишь «Триодь цветная» 1793 г., видимо, была напечатана с рукописи.

«Четьи» книги — самая многочисленная группа супрасльских старообрядческих изданий, насчитывающая более половины их числа. Для того чтобы дать наиболее наглядное представление о содержании этих «четых» книг, мы выделяем среди сочинений, их составляющих, произведения исторические, полемические, учительные, житийные, апокрифические. Разумеется, что такое деление весьма относительно, так как целый ряд произведений может быть отнесен как к произведениям историческим, так и житийным, полемическим и т. д. Тем не менее конкретные черты и признаки того или иного произведения позволяют нам выделять те из них, которые дают преимущественное право относить данное произведение к историческим, полемическим, учительным, житийным и апокрифическим.

Исторические сочинения представляет «История о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова, трижды напечатанная в Супрасле в составе сборников.³¹ Один из них, изданный около 1789 г. и пользовавшийся впоследствии огромной популярностью, уже в XVIII в. получил среди старообрядцев название «исторической книги»³² благодаря помещению в нем «Истории», теснейшим образом связанной с традициями того направления древнерусской литературы, которое воспевает «страстотерпческие подвиги», «страстотерпческое мужество», «страстотерпческое страдание» и «страстотерпческую многотомленную смерть за истину».³³

Среди полемических сочинений выделяются три издания челобитной Соловецкого монастыря, «какова послана к Великому г[о]с[у]д[а]рю къ Москве, во 176 году в октябре м[е]с[я]це»,³⁴ являющейся известным полемическим сочинением сторонников «старой веры», в опровержение которого официальными православными богословами писались целые трактаты.³⁵ Полемический характер носят и другие сочинения, впервые напечатанные в Супрасле. Среди них как произведения древнерусской литературы, в том числе и широко известная ныне, например, «Повесть о белом клобуке»,³⁶ так и старообрядческие сочинения, среди которых немало почти неизвестных сейчас, таких, как «Мучение неких старец и исповедник Петра и Евдокима»,³⁷ где наглядно представлены некоторые стороны будущего старообрядческого учения. Автором последнего сочинения, видимо, следует считать священнодиакона Успенского собора в Москве Федора Иванова,³⁸ составившего краткую повесть о протопопе Аввакуме,

²⁹ См., например: Псалтырь. Супрасль, 1780, л. 1—6.

³⁰ См., например: Часовник. Супрасль, [после 1796], л. 1—5.

³¹ См.: [Сборник]. Супрасль, 1788; [Сборник]. [Супрасль, около 1789]; [Сборник]. Супрасль, 1789.

³² См. запись на экземпляре из собрания Отдела редких книг ГБЛ, инв. № 401.

³³ [Сборник]. [Супрасль, около 1789], л. 67.

³⁴ Челобитная входит в состав тех же трех изданий, что и «История о отцах и страдальцах соловецких» (см. выше, примеч. 31).

³⁵ См.: А. Б [р о в к о в и ч]. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола, ч. 2. СПб., 1861, с. 109—110.

³⁶ [Сборник]. [Супрасль, около 1789], л. 155—185.

³⁷ Там же, л. 188—194.

³⁸ См.: А. Б [р о в к о в и ч]. Описание . . . , ч. 1. СПб., 1861, с. 28—31.

о Лазаре и о Елифании, также изданную в Супрасле в составе Сборника около 1789 г.³⁹ Фэдором Ивановым написано еще одно полемическое сочинение, изданное в Супрасле, — «Прение священнодиакона Фэодора с митрополитом Афанасием Иконийским о сложении перст»,⁴⁰ в котором обстоятельно излагается содержание спора между автором и митрополитом Афанасием, повелевшим однажды «диякона Фэодора взяти ис темницы стражем и привести в келию к себе» для беседы.⁴¹

Произведения учительной литературы печатались для старообрядцев в Супрасльской типографии как с печатных московских изданий первой половины—середины XVII в., так и непосредственно с рукописей. Огромную часть этих произведений — общее их число несколько сотен — составляют сочинения византийских авторов преимущественно ранней поры, а также компиляции древнерусских книжников, имена которых в большинстве нам неизвестны. Среди изданий такого рода литературы специально следует отметить книги, напечатанные с рукописей. Например, «Сборник» 1791 г., в состав которого входят сочинения многих известных средневековых авторов, в большинстве византийских: Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина, Анастасия Синайского, Ефрема Сирина, Максима Грека и др.

Подлинной энциклопедией древнерусской литературы, в том числе и литературы учительной, является «Альфа и Омега», изданная в Супрасле в 1788 г. 90 глав этого издания состоят из произведений древнееврейских, древнегреческих, византийских, сирийских, славянских и других авторов. «Трех ради винъ повелехъ возлюбленный читателю сию. . . книгу написать»: ⁴² первая — не хлебом единым жив человек, душа питается словом; вторая — не только мирские, но и иноки в последнее время почти не читают учительных книг. Третья в том, что сейчас многие своим языком «словенскимъ смиреннымъ гнушаются и к чужимъ «баснемъ уклоняются». ⁴³ Составил же «Альфу и Омегу», как следует из текста, какой-то инок «в новоначалномъ монастыре» в условиях «скудости книг». ⁴⁴ Чтение этой книги, по мнению автора, должно было быть цикличным соответственно четырем временам года. Автору вообще, видимо, доставлял особое удовольствие математические упражнения, ⁴⁵ а цифровую символику он, кажется, полностью увязывал с самим содержанием книги, носящей также в общем глубоко символическое название «Альфа и Омега», перекликающееся с известными словами из «Откровения Иоанна Богослова» (XXII, 13): «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний». Символика «Альфы и Омеги» присутствует во многих произведениях средневековой литературы стран Европы и отчасти Азии, ⁴⁶ встречаем мы ее даже в «Божественной комедии» Данте (Рай, XXVI, 17).

Несмотря на «скудость книг», составителю «Альфы и Омеги» 1788 г. удалось использовать здесь произведения десятков авторов, среди которых имена, широко известные в русской книжности, например Кирилл Александрийский, Иоанн Дамаскин, Ефрем Сирин и др., а также мало и почти неизвестные, например Августин старый учитель, Никифор Историк, Сократ Схоластик.

³⁹ [Сборник]. [Супрасль, около 1789], л. 186—189.

⁴⁰ Там же, л. 195—203.

⁴¹ Там же, л. 195.

⁴² Альфа и Омега. Супрасль, 1788, л. 2 первого счета.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, л. 684 последнего счета.

⁴⁵ Там же, л. 682—683 последнего счета.

⁴⁶ См.: F. Dornseiff. Das Alphabet in Mystik und Magie. Leipzig, 1925, S. 17—18, 122—123; A. Skrinjar. Ego sum A et Ω. — Verbum Domini, 1937, t. 17, p. 10—20.

Среди произведений житийной литературы, напечатанных для старообрядцев в Супрасле, особый интерес представляет издание «Азбучного патерика» позднейшей редакции, вышедшее в 1791 г. Основу этого издания составляют статьи «Патерика Скитского» с добавлениями из других патериков.⁴⁷

Апокрифические сочинения, издававшиеся в Супрасле для старообрядцев, входят в состав сборника, известного под названием «Страстей Христовых». Все четыре супрасльских издания сборника с таким названием несколько неоднородны; это, видимо, объясняется тем, что печатание производилось с различных списков данного сборника, являвшегося в старообрядческой среде одним из самых любимых, читаемых, многократно переписываемых и издаваемых вплоть до начала XX столетия.

Непосредственно изученные нами около 500 экземпляров различных супрасльских старообрядческих изданий, находящихся в собраниях библиотек, музеев, архивов и т. д., дают возможность достаточно обстоятельно говорить о тех или иных сторонах их рецепции в читательской среде, а также в целом охарактеризовать саму эту среду.

Владельческие записи, учтенные нами, имеются на 123 экземплярах книг (всего 171 владельческая запись). Эти записи распределяются среди представителей различных социальных групп следующим образом: 52 из них принадлежат крестьянам, 37 — купечеству, 9 — инокам и инокиням, 4 — государственным чиновникам, 3 — мещанам, 1 — военному, 65 — лицам, социальное положение которых в записях не указывается (однако, судя по другим данным, приведенным в записи, — месту проживания владельца книги и т. д., — можно предположить, что в большинстве своем они принадлежат крестьянам и купцам). Владельцами супрасльских старообрядческих изданий были не только старообрядцы. Листы отдельных экземпляров этих изданий уже в XVIII в. были испещрены антистарообрядческими записями, атрибутировать которые логичнее всего официальному православному духовенству.⁴⁸ Некоторые старообрядческие издания являлись собственностью государственных чиновников и военных; особенной популярностью среди них пользовался Сборник около 1789 г.⁴⁹

Приведенные данные анализа социального состава владельцев супрасльских старообрядческих изданий показывают, что в основном ими были крестьяне и представители купечества, в семьях которых экземпляры этих книг нередко переходили из поколения в поколение на протяжении длительного времени. Все записи и пометы, имеющиеся почти на всех экземплярах супрасльских старообрядческих изданий, изученных нами, могут быть разделены на несколько характерных типов: записи, указывающие на принадлежность книги данному лицу или библиотеке;⁵⁰ купчие; дарственные; записи, говорящие о конфискации книги у ее владельца царскими властями; записи и пометы чисто технического порядка, относящиеся к самому процессу чтения книги; записи, оценивающие содержание книги в целом

⁴⁷ Об этом издании кратко упомянул голландский исследователь В. Р. Федер в своей работе «Сведения о славянских переводных патериках». (В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. I. М., 1976, с. 218).

⁴⁸ См., например, записи на экз.: [Сборник]. [Супрасль, около 1789]. — Отдел редких книг ГБЛ, инв. № 2003.

⁴⁹ См. экземпляр этой книги из собрания Отдела редких книг ГБЛ, инв. № 1964, 1965.

⁵⁰ Примеры записей и помет указанных типов см.: Ю. А. Л а б ы н ц е в. Читатели супрасльских старообрядческих изданий и их записи на экземплярах собрания Отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — В кн.: Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга. М., 1978, с. 80—81.

с точки зрения эстетической; записи, оценивающие преимущественно тематику книги;⁵¹ записи, эмоционально связанные с содержанием, но не дающие ему оценку, возникающие в процессе чтения книги или после ее прочтения; записи — летописи жизни семей, скитов и т. д.; записи, имеющие назидательный характер; записи о явлениях природы.

Учтенные записи и пометы дают ценный материал, помогающий понять механизм рецепции этой книжности и литературы среди читателей в основном из среды крестьян и купечества преимущественно во второй половине XVIII — начале XIX в.

Основываясь на комплексном анализе описаний супрасльских старообрядческих изданий и их сохранившихся экземпляров, можно сделать следующие общие выводы:

1) на основании анализа владельческих записей — о широком распространении этих изданий среди низших и средних слоев русского общества того времени, о большой и сравнительно однородной читательской группе;

2) на основании анализа различного рода записей и помет — об индивидуальном творческом характере чтения в этой читательской группе;

3) на основании анализа состава этих изданий — о наличии разнообразного, достаточно дифференцированного по содержанию материала чтения, а также большом круге тех религиозных, общефилософских, политических, морально-этических и эстетических проблем, которые занимали русского читателя из народа в XVIII в.

Все это позволяет говорить о данных изданиях и, таким образом, о всей старообрядческой печатной книжности и литературе как о значительной и принципиально важной части русской литературы XVIII в., без всестороннего учета и изучения которой мы никогда не будем иметь достаточно целостного представления о русской литературе и культуре той эпохи.

⁵¹ См., например: [Сборник]. [Супрасль, около 1789]. — Отдел редких книг ГБЛ, инв. № 401.

А. М. ГРАЧЕВА

«Повесть о Бове Королевиче» в обработке А. М. Ремизова

На протяжении долгих лет А. М. Ремизов создавал повести, используя сюжеты и тексты памятников средневековой русской литературы, как переводной, так и оригинальной. Четыре повести Ремизова — «Брунцвиг» (1949—1950 гг.), «Мелюзина» (1950 г.),¹ «Бова Королевич» (1952 г.), «Тристан и Исольда» (1953 г.)² — основаны на текстах переводных рыцарских романов, ставших известными восточным славянам в конце XVI—XVII вв. Одним из основных источников для повестей Ремизова «Тристан и Исольда» и «Бова Королевич» были тексты из Познанского сборника XVI в., опубликованные А. Н. Веселовским.³ Именно в этом сборнике сохранился древнейший список Первой редакции «Повести о Бове Королевиче» — произведения, необычайно популярного у русского читателя, сюжету и героям которого была суждена долгая жизнь на русской почве. На протяжении нескольких столетий до начала XX в. повесть читалась и распространялась в рукописях, печатных изданиях и лубочных картинках, а также передавалась устно как народная богатырская сказка. Не случайно поэтому к сюжету повести обращались такие писатели, как А. Н. Радищев («Бова»)⁴ и А. С. Пушкин («Бова»),⁵ использовавшие героев превратившейся в народную сказку повести как сатирические маски.

В XX в. к «Повести о Бове Королевиче» обратился А. М. Ремизов. На вопрос, как он писал свою повесть, писатель отвечал: «Я работал так: сначала изучение истории. Мне история дает толчок на воспоминание. Раньше переписал народную сказку о Бове (Изд. Шарапова). Потом я нарисовал картинки к Бове. Потом взял исследование А. Н. Веселовского о Бове и редакции — итальянскую, французскую и русскую XVI в. Это как вехи. Я прочитал также много вариантов. Так вышел Бова — повесть».⁶ В осмыслении писателем средневекового памятника значительную роль сыграло исследование А. Н. Веселовского «Из истории романа и повести», в котором был прослежен путь превращения старофранцузской *chanson de geste* в «Скаску полную о славномъ, сильномъ, храбромъ витязе Бове Королевиче и о прекраснейшей супруге его королевне Дружневне». Веселовский кратко охарактеризовал историю переводов,

¹ А. Ремизов. Мелюзина и Брунцвиг. Париж, 1952.

² А. Ремизов. Тристан и Исольда. Бова Королевич. Париж, 1957. Далее цитаты даны по этому изданию с указанием стр. в тексте.

³ А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. 2. СПб., 1888.

⁴ А. Н. Радищев. Бова. — В кн.: А. Н. Радищев. Стихотворения. Л., 1975, с. 130—162.

⁵ А. С. Пушкин. Бова (отрывок из поэмы). — Полн. собр. соч., т. I, 3-е изд. М., 1962, с. 68; т. IV, с. 403.

⁶ См.: Н. Кодрянская. Алексей Ремизов. Париж, 1959, с. 115.

переделок и сокращений повести о Бове на русской почве. Он проследил пути и этапы превращения народной книги в сказку, показал, как проникал в повесть сказочный стиль, происходила русификация действующих лиц (например, превращение герцога Орио в посадского мужика Орла-Урила). Многие положения исследования Веселовского вошли затем в качестве скрытых цитат в повесть Ремизова.

В качестве основных источников текста своей повести писатель использовал тексты двух списков «Повести о Бове Королевиче», опубликованных Веселовским: списка Первой, древнейшей, редакции⁷ — Познанского списка конца XVI в. и старшего списка Второй, более поздней, редакции — списка XVII в. (ГБЛ, собр. Ундольского, № 919), входившего в состав сборника, принадлежавшего К. Истоминому, — Истоминского списка (по терминологии Веселовского). Познанский список наиболее близок к итальянскому рыцарскому роману. Как показала В. Д. Кузьмина, основной интерес этой редакции заключается «в сплетении рыцарско-авантурной фабулы, окрашенной сказочным элементом, с любовной интригой» (Кузьмина, с. 27). Для этой редакции характерно также активное вмешательство автора в повествование. Вторую редакцию отличает воздействие стилистики воинской повести, здесь уже видны признаки русификации повести и «наметившееся изменение ее жанра» (Кузьмина, с. 36), т. е. тенденция к превращению ее в русскую богатырскую сказку.

Третий источник повести Ремизова — лубочное издание сказки, предпринятое Шараповым. Известно 10 изданий Шарапова 70—80-х гг. (Кузьмина, с. 252, 256), причем 6 изданий являются переложением с частичным сохранением иллюстраций «Полной лубочной сказки о Бове Королевиче». На основании включения в текст повести Ремизова описания иллюстраций лубочной сказки можно предположить, что писатель пользовался III вариантом «Полной лубочной сказки» (по классификации Кузьминой) — изданием Шарапова, в котором были частично сохранены иллюстрации издания № 26 (по Кузьминой), относящегося к 1830-м гг.,⁸ так как только в изданиях этого типа была 32-я картинка под названием «Конец сказки. Бова пирует с Дружневою», которая соответствует описанию Ремизова: «Благополучием и кончается сказка. На картинке: оба в королевских коронах, справа Бова, слева Друзиана, а по сторонам под ними два балбеса: их дети» (с. 136).

В предисловии к своей повести Ремизов пишет о литературной истории ее сюжета. На первый взгляд, это повторение выводов Веселовского: устный сказ (*chanson de geste*) перешел в книгу в форме повести, затем сложилась сказка, потом лубочная картинка, в конце концов «Бова» «ушел текстом к ученым исследователям» (с. 78). Тут же Ремизов противопоставляет две точки зрения на повесть — сложившуюся у «всех» («сказка русская народная и по содержанию занимательная и веселая», с. 78) и свою («эта трагедия не уступит Мелюзине», с. 78). Согласно ремизовской трактовке сюжета, судьба Бовы — трагедия, похожая на трагедию Эдипа. Писатель еще в предисловии определяет архетип сюжета: «Бова, не зная, как Эдип убил своего отца, не зная „правды“ о матери, кладет живую в гроб» (с. 78). В соответствии с архетипом писатель изменяет сюжет повести: Королевич Бова — не сын престарелого Гвидона и Брандории, а Брандории и ее возлюбленного Додона, зачатый в ночь накануне свадьбы Брандории и Гвидона. Додон, не зная, что Бова — его

⁷ Деление на редакции и характеристика списков даны в кн.: В. Д. Кузьмина и др. Рыцарский роман на Руси. М., 1964 (далее ссылки в тексте сокращенно — Кузьмина, с указанием страниц).

⁸ Русские народные картинки (Атлас), собранные Д. Ровинским, т. I. СПб., 1831, № 186.

сын, велит Брандории убить сына Гвидона. Она спасает Бову с помощью «дурочки» Зои, которая проникает в его тюрьму как бы для того, чтобы дать ему отравленный хлеб. Бова странствует в дальних странах и, полюбив королеву Друзиану, забывает о мести. Случайно он узнает, что Друзиана и их дети будто бы погибли. Тогда он возвращается в город Антон и мстит за Гвидона: убивает своего настоящего отца и закапывает живой в землю свою мать. Затем к нему приходит некий чернец, и Бова уходит с ним странником по «святой земле».

Своеобразие ремизовской переделки заключается в том, что писатель создает «трагедию», используя образы, приемы и способы изображения «веселой» сказки, точнее, сказки лубочной.

Повесть Ремизова построена на четком чередовании трагических и комических сцен. Трагические сцены основаны на движении лейтмотивов, воплощенных в повторяющихся словах. Помимо сюжетных элементов в эти сцены введены лирические авторские отступления и внутренние монологи героев. Именно в этих сценах раскрываются основные темы повести: любви и судьбы.

Писатель рассматривает различные аспекты темы любви через образы матери Бовы — королевы Брандории, ее рыцаря Ричарда, Бовы, Друзианы, рагильской королевы Мальгирей, «дурочки» Зои (имя «Зоя» писатель взял из «Бовы» Пушкина).

Любовь как темная страсть — основная тема, раскрывающаяся в образах королевы Брандории и ее рыцаря Ричарда. Во имя любви Брандория убивает своего мужа, Ричард способствует убийству и предает Бову. Забвение в страсти, ведущее к преступлению, — предмет исследования писателя во многих повестях на древнерусские сюжеты (например, в «Савве Грудцыне»⁹ Савва продает душу за любовь и убивает свою возлюбленную Степаниду; в «Брунцвиге» «верный» рыцарь королевы Неомении, князь Клеопа, убивает по ее желанию ее мужа — короля Брунцвига). Писатель так отвечал на вопрос о главной теме своих «повестей о любви»: «Высшая любовь: кто за любимое душу свою отдаст. И такое преступление там не взыщется. Кровью написанное испелелится».¹⁰ Музыкальность образа королевы Брандории выражена через словесный повтор: «Прекрасная королева Брандория!». Только с этим образом связан музыкальный рефрен — постоянное авторское обращение к героине: «Прекрасная королева Брандория, ты слышишь?» (с. 80). «Прекрасная королева Брандория, кто тебя не узнает?» (с. 84).

Образ матери Бовы, в источнике — злодейки, убившей мужа и пытавшейся отравить Бову, полностью переосмыслен Ремизовым. Это один из тех образов, которые остались, по мнению писателя, «не понятными» при письменной фиксации фактов. В одних списках древнерусской повести Брандория еще названа Бландой, но в других нарицательное «meretrice» превращается в собственное: «. . . а ей было имя Меретрысь» (Познанский список, с. 129),¹¹ и в дальнейшем в сказке имя матери Бовы — Мелетриса Кирбитьевна. Ремизов, используя исследование Веселовским постепенной замены имени, пишет: «Прекрасная королева Брандория, ты слышишь? А про это ты чуешь: злая молва — суд народа — назовет тебя позорным именем Милитриса (meretrice)» (с. 81). В Познанском списке встречаются еще два имени: «Меретрыс» и «Бландоя», в Истоминском — только первое, причем возникает любопытное сочетание постоянного эпитета и противоположного ему по смыслу имени — «пре-

⁹ А. Ремизов. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951.

¹⁰ См.: Н. Кодрянская. Алексей Ремизов, с. 107.

¹¹ Здесь и далее тексты списков цитируются по изданию А. Н. Веселовского «Из истории романа и повести» (см. примеч. 3).

красная Милитриса». Происходит полное уничтожение оценочного смысла эпитета как со стороны автора, так и со стороны героев. Характерна последняя сцена повести: «Прекрасная-ж Милитриса побеже вон из полаты, Бова-ж ее ухватил за руку и речи ей: О госпоже мати моя прекрасная Милитриса про што еси погубила отца моего. . .? И про што еси посадила меня в темницу. . .? И про што меня кормила змииним ядом? Прекрасная-ж Милитриса сыну своему Бове не могла ответу дат, Бова-ж повеле ее обковат в бочку дубову» (Истоминский список, с. 260). У Ремизова эпитет «прекрасная» превращается в знак лейтмотива Брандории и в то же время становится субъективным. В последней сцене — сцене похорон Брандории заживо — в тексте речи героя совмещены две точки зрения: Бовы и автора. Знак лейтмотива рыцаря Ричарда — «верный». Оба лейтмотива — Брандории и Ричарда — сливаются в момент смерти героев: «— В е р н ы й рыцарь, — обратился Бова, показывая на Ричарда, — тебе дадут заступ, твой последний долг, зарой п р е к р а с н у ю королеву Брандорию!» (с. 133).

С трагическими сценами чередуются сцены комические. Комическое в «Бове Королевиче» Ремизова воплощено в образах старых королей (Гвидона, Зензевея), для характеристики которых автор использует некоторые черты своего облика и бытовые детали собственной жизни. Комический эффект достигается введением в повесть элементов быта XX в. и своеобразных перепадок в духе интермедий народного театра. Например, такая перепадка происходит во время въезда Бовы в город его воспитателя Синибалды Сумин: «— Надо известить Териза! — засуетился Синибалда. И вместо телефона схватил подзорную трубку:

— Кто говорит? — надсаживался Синибалда до петушиного писку, — ничего не слышу. Приехал Бова, королевич Бова. Брандория — Оген — вилы — первая буква. Бова. Вылезай.

— Не кричи. . ., — сказала Джюкоонда, — легко напугать: у дяди может сделаться сердечный припадок, а Териз с перепугу еще стреляться вздумает: при нем всегда карманный самопал» (с. 126).

Наиболее резко комическая и трагическая грани повести совмещены в изображениях животных. Ремизов пользуется одним из приемов древнерусской литературы — достижением драматического эффекта через натурализм детали, через выдвигание на первый план, казалось бы, служебных фигур. О «выжлоках» — собаках, съевших отравленный хлеб Бовы, сообщают оба источника повести Ремизова, но их сообщения носят характер простой констатации факта. Картина смерти собак у Ремизова натуралистична. Возникает эффект соприсутствия читателя: «Выжлы, проглотя свои последние куски, с визгом катались по земле, давясь; и перевернувшись на спину, не дыша, мелко вздрагивали, лапы кверху» (с. 90). Трагикомичен в повести Ремизова и образ Пуликана-Полкана — человекособаки, богатыря, друга Бовы. Так, в обоснование происхождения Пуликана писатель, во-первых, ссылается на Бестиарий, где встречается «поскуда» — собака-птица, во-вторых, на «верные источники» (в повестях Ремизова это всегда знак того, что далее последует совершенно фантастическая история) и рассказывает о его рождении от безутешной вдовы и безутешного пса ее мужа.

По аналогии с источником (рыцарским романом) повесть Ремизова состоит из цепи авантур — замкнутых единиц сюжета. Каждая авантюра географически локализована, и пространство «Бовы Королевича» (черта, также идущая от источника) прерывисто, это как бы острова, разбросанные в море (город Антон, царство Армянское, Задонское, Рагильское, автономный «лес» — характерное место действия рыцарского романа). Все пространственные точки повести связывает только море,

но слово «море» у Ремизова приобретает не только географическое, но и излюбленное в Средневековье символическое значение «моря житейского» — судьбы человека и, конкретно, судьбы Бовы. Метафорическая символика «моря» пронизывает всю повесть.

Повесть состоит из пяти частей — пяти замкнутых «авантю» героя.

I часть: город Антон. История убийства Гвидона и любви Бравдории.

II часть: Армянское царство. История поединков Бовы с Маркобрувом и Лукофером и любви Друзианы.

III часть: Рагильское царство. История спасения Бовы и любви Мальгирей.

IV часть: Задонское царство. История поединков Бовы с Пуликаном и Маркобрувом и история любви Бовы и Друзианы.

V часть: город Антон. Три варианта конца повести.

Первая часть повести и первая «авантюра» кончаются изгнанием Бовы из царства отца, т. е. переменной географического пространства и соответственно потерей своего имени. Бова Королевич, законный наследник короля Гвидона, превращается в сына млынаря и прачки — Ангусея, а в дальнейшем в странствующего «богатыря», т. е. рыцаря. Но Бова и в источнике (позднем рыцарском романе), и у Ремизова — странствующий рыцарь «поневоле», он не сам отправляется искать приключений, а обстоятельства («судьба») выталкивают его из «родного» мира в мир «авантю», и герой странствует по разным землям не по своей воле, а по воле то корабельщиков, то недругов, то по воле «моря» (т. е. самой судьбы). Единственное самостоятельное перемещение Бовы — его приезд в город Сумин, чтобы оттуда вернуться в город Антон, т. е. вернуться к исходному географическому пространству и общественному статусу — стать королем Антона.

В процессе работы над повестью Ремизов широко использовал элементы лубочной сказки о Бове и элементы сказки вообще. Органично входят в структуру повести описания лубочных картинок. Например, писатель дает двойную мотивировку полного внешнего сходства Бовы и Додона. Во-первых, Бова — сын Додона, во-вторых, они оба, как показывают лубочные изображения, — «богатыри». На этом двойном тождестве построены эпизоды паники в городе Сумине и боя Бовы с Додоном, который представляет собой описание лубочной картинки, изображающей бой двух «богатырей»: «Всем в глаза два всадника: и про того, и про другого говорили, что это Бова, а другие, что Додон, — так они были похожи. И только одежда отличала их: Бова в малиновом, Додон в голубом» (с. 129). В одном листовом лубочном издании «Истории» о Бове была найдена картинка, на которой были изображены два одинаковых, как близнецы, богатыря, но если у одного камзол был зеленым, то у другого — малиновым, а если у одного плащ был малиновым, то у другого, соответственно, зеленым, и т. д.¹² Лубочные лица богатырей совершенно одинаковы: все они кукольные и большеглазые; может быть, поэтому Ремизов вводит единственную портретную черту Бовы, отличающую его от Додона, — глаза «неутолимые Брандории» (с. 82). Одной этой деталью он заменяет описание внешности Бовы в источнике — этикетную характеристику, данную по канону рыцарской красоты: «Бова-ж имея очи светлы, а власы желты аки шелк, а лице румяно аки злато» (Истоминский список, с. 237).

Цветовое решение «Бовы Королевича» Ремизова соответствует основным цветам раскрашенных лубочных картинок: малиновый, зеленый, голубой, синий, желтый, белый, черный. Возможно, что от лубочного

¹² Русские народные картинки . . . , № 15 («История о храбром и славном витезе Бове. . . », карт. 4).

изображения богатыря Салтана Салтановича¹³ идет ремизовский лейтмотив всего Рагильского царства — «зеленые змеи» (на картинке Салтан Салтанович в кольчуге, похожей на змеиную чешую, и в зеленом плаще). Голубой и синий — цвета Брандории и Додона, малиновый — цвет Друзианы и Бовы. В последнем поединке Додон и Бова бьются в одеждах символических цветов — подробность, взятая Ремизовым не непосредственно из романа-источника, а из средневековых рыцарских обычаев.

Сказка о Бове является для Ремизова не только источником повести, но и объектом полемики. По Ремизову, трагическая история, происшедшая когда-то, постепенно забылась и превратилась в «веселую» сказку. Задачей писателя становится раскрытие того «народного мифа»,¹⁴ который скрыло время. При этом он принципиально противопоставляет два жанра: повесть и сказку. (В жанре повести написаны все его последние пересказы). «Сказка — то, чего не бывает, а повесть — к добру или к худу — то, что есть» (с. 136). Таким образом, основа противопоставления — наличие или отсутствие установки на достоверность рассказываемого. Сказка о Бове Королевиче, вечном удачнике, богатыре и красавце, начинает складываться, по Ремизову, еще при жизни самого Бовы, и писатель показывает процесс расхождения сказки и человеческой судьбы.

В конце повести «богатырский» цикл приключений Бовы завершен, и писатель вводит цитату из рукописи XVII в.: «Бове слава не минется и до века!» — и пишет слово «Конец». После этого слова писатель дает три варианта конца героя.

I вариант («рассказывали»): Мальгирея, узнав, что ей не быть женой Бовы, душит его поцелуем.

II вариант («по другому рассказу, не менее правдоподобному»): Мальгирея выходит замуж за Териза, Бова, как это показано на лубочной картинке, благоденствует с Друзианой.

Эти два окончания — отражения окончаний «Повести о Бове Королевиче» в Познанском и Истоминомском списках.

III вариант («то, что есть») — вариант Ремизова, который разрушает специфическое время рыцарского романа, когда герои не стареют и не изменяются: Друзиана старится и умирает. Все дела в королевстве Бовы забирает в свои руки брат Додона — Дан Альбрига — герой из другой, негероической, реальности. Бова снова готов к началу нового цикла «авантюр», и тут ему в третий раз является **ч е р н е ц**. В рыцарском романе «чернец», «пелыгрим», «странник» — это злой волшебник, препятствующий герою, но которого герой силой заставляет служить ему. У Ремизова функции этого персонажа сложнее. В источнике Бова встречается с чернецом дважды, в повести Ремизова — трижды, и с каждым разом символическое значение этого образа усиливается. При первой встрече — это **в о р**, укравший коня и волшебный меч, при второй — **в о л ш е б н ы й п о м о щ н и к**, при содействии которого Бова получает обратно свой меч и зелья для превращений, в третий раз — это **п о с л а н е ц с у д ь б ы**, вновь отбирающий от Бовы ненужный ему меч-кладенец. Последний (третий) раз чернец является Бове тогда, когда тот вдруг понимает, что убил свою ни в чем не повинную мать. Здесь получает завершение своеобразный лейтмотив архетипа — мифа о царе Эдипе, который на протяжении всей повести выражался через повторяющиеся слова «дурочки» Зои: «убила отца», «убила родную мать». Царь Эдип бросил трон и покинул царство странником, Бова также уходит

¹³ Русские народные картинки. . . , № 28.

¹⁴ О «народном мифе» у А. М. Ремизова см.: А. М. Грачева. Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский прототип. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1978, с. 388—401.

неизвестно куда вместе с чернецом, как Савва Грудцын у Ремизова уходит с юродивым.

В итоге можно сделать вывод о том, что ремизовская переделка переводного рыцарского романа прежде всего заключалась в исключении или ином осмыслении специфически рыцарских героев, сюжетных ситуаций, куртуазных идеалов любви и чести. Писатель старался приблизить сюжет повести-источника к ее фольклорной основе, так как, по его мнению, именно в ней наиболее достоверно отразились когда-то действительно происходившие события. Но в процессе их фиксации неизбежно, по Ремизову, происходило искажение смысла случившегося, поэтому писатель, работая над средневековыми источниками, не только восстанавливал забытую сказку, легенду, сагу, но одновременно их переосмыслял. Одним из таких примеров и является превращение под пером А. М. Ремизова «веселой» сказки о Бове Королевиче в философскую повесть.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. Ф. АНТОНОВА

Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый

Вопрос о традициях литературы Киевской Руси в творчестве Епифания Премудрого был поставлен Д. С. Лихачевым. Он писал: «Иларион и Кирилл Туровский — два писателя, ораторские приемы которых называются не столько в механических заимствованиях из них, сколько в самой системе использования христианских символов и искусстве построения речи». ¹ Тем не менее влияние творчества Кирилла Туровского на Епифания Премудрого не было рассмотрено исследователями. Постараемся наметить один аспект разработки этой темы.

Необходимо учитывать, что Епифаний Премудрый обращался непосредственно к произведениям Кирилла Туровского — в похвале Стефану Пермскому в Житии Стефана Пермского использовано «Слово о снятии тела Христа с креста». Источником похвалы в Житии Стефана Пермского является не Житие Симеона Немани, как полагал А. В. Соловьев, ² а названное Слово Кирилла Туровского. ³

Слово о снятии тела Христа с креста ⁴

Кую похвалу створим достойну твоего блаженства, ли кому уподоблю сего праведника. Какю начну или како разложу Небом ли ты прозову но того...
Землю ли ты благоцветущую нареку но тоя...
Апостолом ли ты именую но и тех...
Святителя ли ты и старейшину прозову тем бо...

Житие Стефана Пермского ⁵

Какю похвалю, како почту, како ублажу, како разложу и како похвалу ти сплету? Тем же что ты нареку пророка ли яко...
Апостола ли ты именую яко...
Законодавца ли ты призову или законоположника им же...
Крестителя ли ты провещаю понеже...
Проповедника ли ты проглаголю...
Евангелиста ли ты нареку или благовестника им же...
Святителя ли ты именую елма же...
Учителя ли ты прозову яко...
Да что ты прочее назову страстотерпца ли или мученика яко...
Да что ты приглашу пастуха ли нареку понеже...
Что ты нареку... посетителя ли ты толкую яко же...
Врача ли ты наменю яко...

¹ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958, с. 57.

² А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 94.

³ М. Ф. Антонова. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 144—145.

⁴ И. П. Еремьев. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 425.

⁵ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897, с. 102—103. (Далее страницы этого издания приводятся в тексте в скобках).

Такая схема похвалы восходит к литургической письменности. В одной из великопостных стихир читаем: «Что вы наречем святии: херувимы ли, яко на вас почил есть Христос, серафимы яко непрестанно прославите его, ангелы ли тела бо отвратитесь, силы ли действуете бо чудесы — многая ваша имена и большая дарования. . .».⁶ У Кирилла Туровского эта схема принимает более развитый и усложненный вид, увеличивается количество сравнений, вводятся разветвленные сопоставления с персонажами и событиями священной истории. Епифаний Премудрый еще более усложняет похвалу: в Житии Стефана Пермского больше элементов сопоставлений, более сложный синтаксис. Епифаний употребляет глагольную лексику Кирилла Туровского («разложу, прозову, нареку»), но значительно шире, чем его предшественник, использует синонимию («похваляю, почту, ублажу, похвалу сплету», «нареку, именую, провещаю, призову, прозову, назову, приглашу, толкую, наменю»). В этом отрывке наблюдаются как общеязыковые («нареку, именую, похваляю, почту»), так и контекстуальные синонимы («призову, приглашу, толкую»).

Следует отметить сходство в образном строе произведений Кирилла Туровского и Жития Стефана Пермского — сходство в использовании метафор библейско-византийского стиля. Это сходство в известной мере определила общность одного из источников — литургической письменности.

Заметим сразу, что Кирилл Туровский в большей степени использует литургическую письменность, чем Епифаний Премудрый, — это отчасти объясняется тем, что тематика Слов Кирилла Туровского в ряде случаев совпадала с тематикой литургической письменности, тогда как сюжет агиографического произведения не давал значительных тематических совпадений. Великопостные стихиры явились общим источником плача Богородицы в «Слове о снятии тела Христа с креста» Кирилла Туровского и плача церкви Пермской в Житии Стефана Пермского Епифания Премудрого. Кирилл Туровский широко использует тексты стихир: плач Богородицы в его Слове — это мозаика из литургических текстов, писатель составляет единый художественно законченный отрывок своего произведения почти целиком из текстов стихир. В Житии Стефана Пермского прямого текстуального заимствования из стихир нет, но использована антитеза жизни и смерти в стихире.

Триодь постная

Вижу ты ныне возлюбленное чадо и любимое на кресте висяща. Сын мой, где доброта зайдет зрака твоего, не терплю зрети ты неправедно распинаема, хотела бых с тобою умерети — не терплю бо бездыхания мертва тебя видети. Где сын мой и боже благовещение древнее еже ми Гавриил глаголаше царя ты сына и бога вышняго нарицающе. . .

Увы мне чадо мое что сие сотвори еси красный добротой паче всех человек бездыханный беззрачный являешься не имея вида ниже доброты увы мне мой свете.⁸

*Слово о снятии
тела Христа с
креста*

Вижу ты милое мое чадо, на кресте нага висяща, бездушна безрачна не имуща видения ни доброты и горько уязвляюся душой. И хотела бых с тобою умерети не терплю бо бездушна тебе зрети.⁷

*Житие Стефана
Пермского*

Увы мне, како пременихся премеением жалостным, како пременихся напрасно от оного преукрашения в безкрасие (с. 94).]

⁶ Триодь постная. М., 1650, с. 129.

⁷ И. П. Еремичев. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII, с. 420.

⁸ Триодь постная, с. 149.

Принцип составления мозаичного текста был использован Епифанием Премудрым на другом материале: в Житии Стефана Пермского есть виртуозно составленные мозаики не из литургических, а из библейских текстов. Для Епифания Премудрого характерны развернутые символические картины; у Кирилла Туровского встречается этот прием, но сравнительно с Житием Стефана Пермского символические картины у Кирилла Туровского не столь детальны и содержат меньшее количество метафор. Например:

*Слово на собор святых отцов
Кирилла Туровского*

... добрии Христова стада пастыри за ню же и душу свою положисте не дадуще волку к агнцам приближаться но на пажити Божия закона целы и многоплодны упаше.⁹

Житие Стефана Пермского

... пастуше наш добрый оставил еси свое си стадо заблуждаться и скытаться по горам горопленным и волкохищным быти кому приказал еси стадо свое еже о пастве попечение кто ли тако яко ты попечется нами овцами заблудшими... быхом яко овца не имуща пастуха... (с. 87).

Исключение составляет обширное метафорическое описание весны в Слове «На Фомину неделю», заимствованное из Слова «На неделю новую, на весну и на память мученика Маманта» Григория Богослова.

Метафорические картины встречаются в литургической письменности, но менее развернутые, чем у обоих авторов.

Триодь постная

... в броня веры оболкшеса добре и образом крестным вооруживше себя воини благомошнии показастеса мучителем мужески протививистесе и дьяволю прелесть потребиسته победители бывше венцов сподобистеса...¹⁰

Житие Стефана Пермского

... препояши истинною чресла свои крепко акы храбрый воин Христов, вобронися во все оружие божественное, обуи нозе на уготование благовестования веры, облещися в броня правды приими же и щит веры, и щлем спасения, и меч духовный... (с. 15).

... препловивше пучину воздержания, пристанище приимем спасения.¹¹

... како преплову се море великое и пространное, ширшея печальное многумное нестояще, смятущеса, како препровожу душевную ми лодию промежу волнами свирепыми... волнуясе посреде пучины житейского мира и како... доиду в пристанище покаяния... (с. 101).

... мене, заблуждшаго на горах лютых преступлений...¹²

... оставил еси свое стадо заблуждаться и скытаться по горам, горопленным и волкохищным быти... (с. 87).

Триодь постная

... всю напоиша землю словом апостолы божественною росой.¹³

*Слово на собор святых отцов
Кирилла Туровского*

... вы есте реки разумного рая напоивше весь мир спасенаго учения и греховную скверну струями вашего наказания омывающе.¹⁴

⁹ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 347.

¹⁰ Триодь постная, с. 115.

¹¹ Там же, с. 35.

¹² Там же, с. 105.

¹³ Там же, с. 120.

¹⁴ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XV, с. 347.

Следует отметить, что в стиле Жития Стефана Пермского обнаруживается существенное сходство со стилем стихир. Знаменитый полиптит Епифания Премудрого «...един чернец сложил, един составил, един счинил, един калогер, един мних, един инок, Стефан, глаголю. . . един в единое время. . . един инок, един воединенный и уединяся, един уединенный, един у единого Бога помощи прося, един единого Бога на помощь призывая, един единому Богу моляся и глаголя» (с. 72) восходит к тексту великопостной стихире «единого едина родителю едиnorodного сына и отче и едина единого свете света сияние и едина единого бога святой душе господода господь воистину сый».¹⁵ «Извитие словес» у Епифания отличается от текста стихире разнообразием грамматических форм с корнем «един», многообразием мотивов, вошедших в этот полиптит, и синонимией («сложил, составил, счинил»).

Игру созвучий однокоренных слов, характерную для стиля Жития Стефана Пермского, также находим в стихирах.

Триодь постная

...омрачена ми прелестями борца
Христе мой просвети омрачивый на
кресте висий солнце иногда и просвет-
ивый верным свет истинный.¹⁶

Житие Стефана Пермского

...освети люди омраченны мракоетоу
кумирслужения... просветил еси...
(с. 108).

О светилнику светло освещену иже
просвети пермские люди... (с. 108).

И Кирилл Туровский, и Епифаний Премудрый используют прием полноты перечисления. Например, в «Слове на собор святых отцов» Кирилла Туровского читаем: «Святити патриарси, архиепископи и епископи архиереи и пречестнии презвитери и вси священнии учителя примите наши худые словеса».¹⁷ В Житии Стефана Пермского: «Яже суть се отци, праотци, патриарси, пророци, апостоли, евангелисты, благовестницы, проповедницы, и исповедницы, мученицы, святители, учителя, священномученицы, преподобномученицы, отцы святити преподобнии и богоноснии постници и пустынницы» (с. 104). Легко можно заметить, что перечислительный ряд у Кирилла Туровского меньше, чем у Епифания, в Житии Стефана Пермского наблюдаются значительные по величине ряды перечислений. Этот прием также имеет соответствие в стихирах, но встречается в них не в столь развитом виде, как у цитированных авторов.

Одним из ведущих художественных приемов Епифания Премудрого является синонимия. Синонимы, синонимические сочетания пронизывают весь текст Жития Стефана Пермского.¹⁸ Синонимия как художественный прием у Епифания Премудрого не восходит к традициям творчества Кирилла Туровского и литургической письменности. В Словах Кирилла Туровского наблюдается лексическая синонимия, но она не может рассматриваться в этих произведениях как значимый художественный прием. В Слове «На неделю цветоносную» читаем: «...славна и честна дому искусни строители, обильни и переполнены царские трапезы. . .».¹⁹ В тексте

¹⁵ Триодь постная, с. 92.

¹⁶ Там же, с. 97.

¹⁷ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XV, с. 348.

¹⁸ См.: М. Ф. Антонова. Некоторые особенности стиля «Жития Стефана Пермского». — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 127—133.

¹⁹ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII, с. 409.

уже приводившейся похвалы из «Слова о снятии тела Христа с креста» употребляются синонимы «нареку, именую, прозову». В литургической письменности также встречаются лексические синонимы. Например: «радуйтесь и веселитесь. . .»,²⁰ «ублажаю тя пречистое древо почитаю и поклоняюсь. . .».²¹ Лексическая синонимия не является важным элементом стиля стихир. Использование синонимии как художественного приема резко отличает стилистическую систему Епифания Премудрого от стиля Кирилла Туровского и литургической письменности.

Из приведенных примеров видно, что Епифаний Премудрый, безусловно, следовал традициям ораторской прозы Кирилла Туровского — это выразилось и в прямом заимствовании из «Слова о снятии тела Христа с креста» и в сходстве образного строя произведений обоих авторов. Но кроме того, что Епифаний обращался к произведениям Кирилла Туровского, он использовал и стилистику литургической письменности, явившуюся в свою очередь основой для стиля Кирилла Туровского, т. е. следовал той стилистической традиции, которая не прерывалась.

²⁰ Триодь постная, с. 112.

²¹ Там же, с. 115.

М. А. САЛМИНА

«На рицѣ на Чечѣ» в «Задонщине»

В «Писаніи» Софонія Рязанца, или «Задонщине», памятнике, сохранившемся в сборнике ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086,¹ читается выражение «на рицѣ на Чечѣ».² Река с таким наименованием в летописных и документальных источниках XV—XVI вв. не встречается. Словосочетание «на Чечѣ» считается испорченным чтением, опиской писца, появившейся вместо чтения «на Мечи». Между тем выражение «на рицѣ на Чечѣ» находит объяснение.

Это выражение, как представляется, включает в себе переданные «цифирной» и «обратной»³ тайнописью одновременно⁴ слова «на Сѣрице». «Затаенные» слова разгадываются следующим образом. Буква «ч» в слове «чечѣ», имеющая цифровое значение 90, заменяется также имевшей цифровое значение 90 греческой коппой — ς.⁵ Такая замена буквы «ч» коппой в целях тайнописи имела место в русских рукописях. М. Н. Сперанский в работе, специально посвященной тайнописи в русских и югославянских памятниках, приводит один из таких случаев: на л. 255 пергаменного Пролога середины XV в. (ГПБ, Фп. I. 48)⁶ читается запись 1456 г., автор которой, использовавший для «затаенія» помимо кириллицы греческий алфавит, при упоминании московского великого князя Василия Васильевича (πρί υελίχ^ομ κ^οςη βασιλίη βασιλιεβησι) в слове βασιλιεβησι взял для «ч» числительный знак (греческая ς=90=русской «ч»)⁷.

¹ Последнее описание сборника см.: М. Д. Каган, Н. В. Понырко, М. В. Рождественская. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, т. XXXV. Л., 1980, с. 107—146. Водяной знак бумаги, на которой написана «Задонщина», — петух. Идентичный знак в альбомах водяных знаков не найден; в работе эта бумага датируется приблизительно 70-ми гг. XV в.

² «...сѣѣхали сѣ вѣ кн(л)зи роускыѣ к великому кн(л)сю Дмитрію Ивановичю на пособѣ, а ркоучи такъ: „Г(о)с(поди)не кн(л)зь великыи, оуже погани татарове на полѣ на наши настоупають, а вотчиноу нашу оу нас’ ѣтнимають, стоить межю Дономъ и Днѣпромъ на рицѣ на Чечѣ. И мы, г(о)с(поди)не, поидемъ за быстроу рѣкоу Донъ, оукоушимъ землѣмъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ памѣт’“» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л.125). Далее листы указываются в тексте в скобках.

³ «Цифирная» тайнопись предполагает замену обычных букв другими на основании их численного значения и в русских рукописях встречается уже с XIV в.; «обратная» тайнопись предполагает перестановку букв и слогов в словах и чтение их справа налево и засвидетельствована в русских рукописях с XVI в., а в югославянской письменности с XV в. (см.: М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии, вып. 4.з. Л., 1929, с. 20, 42, 57, 58, 107, 137, 138).

⁴ Случай, когда записи комбинируют различные системы тайнописи, известны (там же, с. 42 и др.).

⁵ Там же, с. 21, 29, 31.

⁶ У М. Н. Сперанского ошибочно: F.I.43. См.: Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Сост. Е. Э. Гранстрем. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1953, с. 63—64.

⁷ М. Н. Сперанский. Тайнопись... с. 69.

Далее. Коппу (ç) в слове «чечѣ» мы прочитываем как русскую «с». Примеры такого прочтения коппы также находим в рукописях.⁸ Один из них приведен Л. Ковачевичем, описывавшим рукопись Белградской народной библиотеки XV в., содержащую Диоптру Михаила Псела и Шестоднев:⁹ в тайнописной записи,¹⁰ расшифровывающейся «а сие писа Николица», буква «с» в слове «писа» ($\overline{мм}$. $\overline{дд}$. $\overline{нм}$. а) получается так: $c = н + м (40 + 50 = 90) = ç$.

Итак, обе «ч» в слове «чечѣ» «Задонщины» прочитываются нами как «с», само же слово — «сесѣ».

Далее прочитать словосочетание помогает обращение к «обратной» тайнописи. В нашем случае это перестановка слогов в слове справа налево. М. Н. Сперанский перестановку слогов в слове иллюстрирует на примере записи в Домострое в списке XVII в.¹¹ Чтение «на Сѣрице» получается, если слог «сѣ» слова «сесѣ» переставить в словосочетании «на рицѣ на сесѣ» влево и присоединить к слову «рицѣ».¹² Оставшиеся части слов этого выражения — «на се» — входят в связь с последующим текстом.¹³

Серица — это река в Псковской земле, в десяти верстах от Изборска. Из военных событий, связанных с рекой Серицей, на протяжении XIV — первой половины XVI в. по летописным источникам известны две битвы. Одна из них — это столкновение на Серице между псковским войском и «немецкой ратью», происшедшее 7 октября 1407 г., окончившееся победой псковичей.¹⁴ Другая, более крупная по своим масштабам битва, в которой помимо псковичей принимали участие москвичи и другие силы, — это битва на Серице русских войск с войсками Ливонского ордена 27 августа 1501 г., ставшая началом русско-ливонской войны 1501—1503 гг.¹⁵

⁸ См.: Гласник српског ученог друштва, књ. XXXII. У Београду, 1871, с. 245, 246; Глас српске краљевске академје, књ. LIII. Београд, 1898, с. 142.

⁹ Л. К о в а ч е в и ч. Белешке и натписи. — Гласник српског ученог друштва, књ. LVI. У Београду, 1884, с. 340—341.

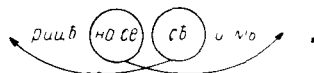
¹⁰ Запись имеет следующий вид: а. $\overline{рр}$. $\overline{дд}$. е $\overline{мм}$. $\overline{дд}$. $\overline{нм}$. а. $\overline{лк}$. $\overline{дд}$. $\overline{п}$ $\overline{мл}$. $\overline{еѣ}$. $\overline{ѣѣ}$ $\overline{дд}$ ца. Расшифровывается запись таким образом:

$$\begin{array}{ll} \overline{лк} = 100 + 100 = 200 = с & \overline{лк} = 30 + 20 = 50 = н \\ \overline{дд} = 4 + 4 = 8 = и & \overline{п} = 10 + 10 = 20 = к \\ \overline{мм} = 40 + 40 = 80 = п & \overline{мл} = 40 + 30 = 70 = о \\ \overline{нм} = 50 + 40 = 90 = ç & \overline{еѣ} + \overline{ѣѣ} = 15 + 15 = 30 = л. \end{array}$$

¹¹ «. . . коюру шнагогрѣ бараѣтныники дороваѢе насы, а сываѣспи гискини босковоѣ но (?) папо рѣфирѣлпе. . .» — «. . . рукою грѣшнаго раба Никиты Ѣедорова сына, а списывал с книги бо Николсково (?) (с боков, околно (?), — М. С.) попа Перфирѣл (М. Н. С п е р а н с к и й. Тайнопись. . ., с. 140—141).

¹² В тексте этого же памятника по отношению к реке «Непрѣднѣ» употреблено словосочетание «на рѣчкѣ».

¹³ Очень возможно, и это было бы в полном согласии с приемами «обратной» тайнописи, допускавшей «фигурное» чтение или чтение «скачками» (М. Н. С п е р а н с к и й. Тайнопись. . ., с. 43 и др.), что слова «на се» предполагалось читать не в обычном порядке, а после слов «и мы». В этом случае «на се», совершив как бы скачок вправо, повторяло бы рисунок перемещения Δ слога «сѣ» влево: на

господине. Текст при таком расположении слов читался бы более слаженно: «И мы на се (для этого, ради этого, — М. С.), г(о)с(поди)не, поидемь за быстроую рѣкою Донь. . .».

¹⁴ См.: Псковские летописи, вып. I. Подг. к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, с. 29.

¹⁵ «В лѣто 7009-е» месяца августа «въ 27 наехали силоу немецкую князь псковской Иван Ивановичъ Горбатой и с воеводы великого князя, и с посадники, и со псковичи на Сѣрицы за Изборском 10 верстѣ». (Там же, с. 85).

Через несколько дней, в сентябре, в среду,¹⁶ «в ноцъ въ 8 день на Рожество святей богородицы» немцы взяли и сожгли в Псковской земле город Остров. Оба сражения закончились поражением русских.¹⁷ Одержать победу над ливонскими силами русским войскам удалось лишь поздней осенью.

¹⁶ «В лето 7010-е» (1502 г.). — Там же, с. 86. 8-е сентября в 1502 г. приходилось на среду (см.: П. Х а в с к и й. Хронологические таблицы в трех книгах, кн. 2-я. М., 1848, с. 20).

¹⁷ В описанной Софонием битве упоминаются «шеломы нѣмецкіе», произведение заканчивается описанием скорби московских жен по погибшим в проигранной битве воинам; называется здесь и день «сѣмтѣбрѣ ѿ в среду на Р(о)ж(е)ство пр(е)с(вѣ)тыѣ б(огороди)ца» (л. 127 об., 128).

В начале «Задонщины» читается любопытное место: Софоний славит бояна (см. греч. βῶν, βῶά (дорич.) — пение, вещее слово, речь) «в городѣ в Киевѣ» и говорит, что тот боян «. . . поше славою роусскими кн(ѣ)земь. . . , восхвалѣ ихъ пѣсми и гоуслеными боуиными словеса на роусскаго г(о)с(поди)на кн(ѣ)сѣ Дмитрія Иванович(а) и брата его кн(ѣ)сѣ Володимера ѿндрѣвич(а), занеже ѿ ихъ было мужество и желаніе за землю Роусьскоую и за вѣроу хр(и)стіаньскоую» (л. 123 об.—124). «Се азъ», — далее пишет Софоний и, обратившись также к именам Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, начинает свой рассказ.

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ

Чудо митрополита Киприана.

(Еще один фольклорный мотив в сборнике XV в.
книгописца Ефросина)

Рукописные сборники, написанные в 60—90-х гг. XV в. монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином, богаты произведениями, впитавшими мотивы и сюжеты устного народного творчества. Я. С. Лурье, впервые исследовавший сборники Ефросина с точки зрения их литературного содержания, объяснил интерес книгописца к занимательным сказочным и апокрифическим текстам его эстетическими взглядами, характерными для эпохи русского Предвозрождения.¹

Среди текстов, воспринявших влияние фольклора, отмечены сюжеты Толковой Палеей, легенды о Соломоне и Китоврасе, о дьяволе, обманом проникшем в ковчег Ноя, проложное «Слово о правде и неправде», близкое к народному стиху о правде и кривде, притчи-загадки, тесно соприкасающиеся с апокрифической «Беседой трех святителей», народно-поэтические элементы «Слова о хмеле» и «Плача Адама о рае», помещенного у Ефросина под названием «стих старина заливом».² Полное постатейное описание сборников Ефросина позволяет открыть в них новые тексты, связанные с фольклором.³

В подборку традиционных высказываний о добрых и злых женах, приписанных Иоанну Златоусту и известных в составе «Пролога» и «Пчелы», Ефросин помещает оригинальный диалог, противопоставляющий добрую жену злой и напоминающий по своим интонациям скоморошью сценку.⁴ В сборниках Ефросина читается апокрифическая легенда о перстне Римского царя, в основу которой легла евангельская притча о статире — золотой монете, найденной апостолом Петром по предсказанию Христа в рыбе. И легенда, и притча — варианты широко распространенного в мировом фольклоре сюжета о Поликратовом перстне.⁵

¹ Я. С. Лурье. Элементы Возрождения на Руси в конце XV—первой половине XVI века. — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967, с. 190—199.

² Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 156—161.

³ М. Д. Каган, Н. В. Поньрко, М. В. Рождественская. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, т. XXXV. Л., 1980, с. 3—300.

⁴ М. Д. Каган-Тарковская. «Слово о женах о добрых и о злых» в сборнике Ефросина. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 382—386.

⁵ М. Д. Каган-Тарковская. Легенда о перстне в сборниках Ефросина, книгописца Кирилло-Белозерского монастыря. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 250—252.

Обратим внимание еще на один текст ефросиновского сборника, повествующий о чуде митрополита Киприана. Во время путешествия по Литве митрополит посетил в одном селе двор, который за какую-то вину не благословил. После его отъезда двор исчез, от него осталось только оконное бревно, на которое Киприан положил свои рукавицы.

«Киприянь митро(по)литъ видель и наездель в Литовском такова человека село велико тритцатора станица, а в станицы по 12-ти сыновъ 30 станицъ. И посѣдѣль в ызбѣ той, встрѣтилъ его человекъ той. Святитель же не причастился ни к чему у нихъ, мало посѣдѣль и вонъ пошелъ. На окнѣ на столбѣ рукавки забыль, борзо послалъ по нихъ на то мѣсто — не обрѣтесе ничто же, ни людеи, ни двора, ни животнаго — святитель не благословиль — толке бревно оконное, на чемъ рукавки положены» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 96 об.—97).

Сюжет о дворе, исчезнувшем (провалившемся) сквозь землю или утопнувшем) в наказание за скупость хозяев, не накормивших странников, известен в славянских, русских, белорусских, литовских сказках и отмечен в указателях сказочных сюжетов под № 751,⁶ однако мотив уцелевших на оконном столбе (или на печи) рукавиц встретился нам только дважды: в русской сказке «Убогий», записанной А. Н. Афанасьевым, и в белорусской сказке «Бог, богач и бедняк», помещенной у Е. Р. Романова.⁷

Текст, найденный в сборнике XV в., вероятно, одно из самых ранних свидетельств существования этого сюжета на русской почве. Но запись Ефросина явно дефектна. Слова «село велико» и «на окне» написаны между строк; совершенно непонятно начало рассказа: что за человек встретил Киприана, как следует расшифровать слово «тритцатора», кто такие 12 сынов и что за 30 станиц;⁸ возможно, слова «святитель не благословил», очень важные для понимания смысла всего рассказа, должны были находиться где-то в начале, рядом с сообщением о том, что митрополит не причастился ни к чему.

Сюжет, в подробностях изложенный в позднейших записях Афанасьева и Романова, у Ефросина как бы смазан, некоторые детали совсем утрачены, внимание заострено на нескольких мотивах: наказание двора, который Киприан не благословил, и уцелевшее оконное бревно, на котором Киприан забыл свои рукавицы (тем самым благословив один этот предмет). Метаморфоза, происшедшая с рассказом, объясняется, по всей видимости, тем, что в сборнике XV в. представлен не первоначальный текст, а краткий пересказ, сделанный, скорее всего, самим Ефросином, склонным редактировать памятники, которые он переписывал.⁹ О том, как делал

⁶ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979, с. 185, 750* = АА *751.1. «Скупые хозяева не приглашают к ужину бедных странников, которые попросились у них ночевать; дом их проваливается, остается одна печь с рукавицами нищего». См. также: J. K r z y Ź a n o w s k i. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, t. 1. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, АТ: 751; A. A a r n e, St. T h o m a s o n. The types of Folktales. Helsinki, 1961, 751A* (мотив уцелевших рукавиц в этих указателях не отмечен).

⁷ См. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 3, № 347. М., 1957, с. 102—103; Е. Р. Р о м а н о в. Белорусский сборник, вып. IV. Витебск, 1891, № 52, с. 198—200.

⁸ В сказке «Убогий» двор, в котором останавливаются путники, — разбойничий. Возможно, настоятельное упоминание в тексте Ефросина слова «станца» также указывает на разбойничий характер места, где остановился Киприан, так как одно из значений этого слова — притон, становище шайки. (См.: В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955, с. 313).

⁹ Р. П. Дмитриева исследовала характерные особенности редакторской работы Ефросина на примерах многих древнерусских произведений, см.: Р. П. Д м и т р и е в а. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. (К вопросу об инди-

книгописец свои пересказы, мы можем судить по тексту легенды о перстне Римского царя, читающейся в сборниках Ефросина как в полном виде, так и в кратком пересказе, создавая который он обращал внимание на детали второстепенные, но интересующие его своей занимательностью и беллетристичностью.¹⁰

Несмотря на фрагментарность записи Ефросина, попробуем сопоставить рассказ о чуде митрополита Киприана с отражением этого сюжета в народных сказках, записанных Афанасьевым и Романовым.

А. Н. Афанасьев.
«Убогий»

Бедняк Нестерка отправляется с детьми по миру.

Нестерка встречает убогого старика и берет его с собой.

Нестерка приехал в село и остановился на ночлег в богатом доме.

Гостей не накормили, они тайно уехали.

Убогий посылает Нестерку за забытыми на полотах рукавицами.

«А того дома как не бывало, сквозь землю провалился! Одни рукавицы на печном столбу уцелели».

На этом рассказ Ефросина заканчивается, в то время как у Афанасьева и Романова сюжет сказок развивается дальше: богатство хозяев пропавшего двора переходит к бедняку. Можно предположить, что подобная сказка существовала на Руси или в Литве в XV в. самостоятельно, безотносительно к имени митрополита Киприана и ее превращение в чудо святителя — явление вторичное в бытовании этого сюжета. Скорее всего, соединение сказки с именем митрополита произошло уже не в устной, а в письменной традиции.

То, что именно в записи Ефросина дошел до нас этот книжный вариант устного произведения, объясняется как тяготением Ефросина к устному народному творчеству, так и особым его интересом к личности митрополита Киприана. Возможно, Киприан интересовал книгописца как современник Мамаева побоища, рассказ о котором — «Задонщину» — Ефросин не просто переписал, но и отредактировал по-своему. Столетие боя за Доном отмечено у Ефросина специальной записью: «В лето 6888 сеп. 8 в среду был бой за Доном. В лето 6988 сеп. 8 и тому прешло лет 100».

Е. Р. Романов.
«Бог, богач и бедняк»

Бедняк повез продавать воз решет.

Бедняк встречает двух стариков и берет их с собой.

Бедняк приехал в село и остановился на ночлег в богатом доме.

Гостей не накормили, они тайно уехали.

Один из стариков посылает бедняка за забытыми «перщаточками и лежац яни на стовпе».

«Нема там ни двора, ни кола, одзин стовп стоиць, адезэ ваши перщаточки лежали».

Ефросин.
«Чудо митрополита Киприана»

Киприан путешествует по Литве.

Киприан «видел и наезде в Литовском татова человека... встретил его человек той».

Киприан приехал в село и «поседел в избе той».

«Святитель же не причастился ни к чему у них, мало поседел и вон пошел».

Киприан послал за забытыми на окне на столбе рукавицами.

«Не обретеса ничто же, ни людей, ни двора, ни животного... толке бревно оконное, на чем рукавки положены».

видуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 264—291.

¹⁰ М. Д. Каган-Тарковская. Легенда о перстне... с. 251.

В выписках из краткого Кирилло-Белозерского летописчика, помещенных им после текста «Задонщины» и как бы восполняющих недостающую в его списке вторую часть памятника, имя митрополита Киприана встречается неоднократно: «6889 во праздник Вознесения господня прииде изо Царя града на Русь Киприан митрополит год спустя по задончине»; «в лето 6891 князь велики Дмитрие сослал Киприана митрополита на третеи год по задончине»; «в лето 6897 выде из Царя града Киприан митрополит, а с ним два митрополита послы»; «в лето 6915, сеп. 15 преставися Киприан митрополит, пас церковь божию лет 30».¹¹ Так лаконично отметил Ефросин важнейшие вехи деятельности на Руси Киприана, хронологически связав его имя с борьбой против татар.

Болгарин Киприан, поставленный в русские митрополиты константинопольским патриархом Филофеем в 1375 г., был неугоден великому князю Дмитрию Ивановичу, хотевшему видеть на митрополии своего ставленника Михаила (Митяя). Вынужденный все же принять Киприана, Дмитрий изгоняет его в 1382 г., вменив в вину митрополиту его бегство из Москвы во время нападения на нее татарского хана Тохтамыша. Осенью 1382 г. Киприан уезжает в Киев и возглавляет митрополию западной Руси, подвластной Литве.¹² (Как видим, Литва фигурирует в рассказе о чуде митрополита отнюдь не случайно). Упомянув о распре великого князя с митрополитом, Ефросин не скрывает своих симпатий к Киприану. В кратком летописчике, переписанном рукою Ефросина, это выражено достаточно ясно: «В лето 6891 князь великии Дмитрие Иванович сослал Киприана митрополита, и бысть оттоле мятеж в митрополии».¹³ Право на митрополичий престол Киприан осаривал еще у двух претендентов — Дионисия Суздальского и Пимина, также получивших поставление константинопольских патриархов. Под «мятежом в митрополии» Ефросин, вероятно, и имел в виду призвание Пимина и все дальнейшие события борьбы за митрополичий престол. И хотя стать русским митрополитом окончательно Киприан смог только в 1390 г. после смерти всех своих соперников, а главное, после смерти в 1389 г. великого князя Дмитрия Ивановича Донского, Ефросин в кратком некрологе, указывающем год смерти Киприана (1407), пишет: «пас церковь божию лет 30», а в перечне русских митрополитов 25-м называет Алексея, а 26-м — Киприана, считая тем самым всех остальных претендентов незаконными.

Кроме упоминания о Киприане в известиях из краткого летописчика, Ефросин приводит в своем сборнике два сочинения самого Киприана. Первое — «Прощальная грамота», т. е. духовное завещание Киприана, помещенное впоследствии в Никоновской летописи и Степенной книге,¹⁴ и второе — «Молитва разрешати умершаго князя и всякого христианина, творение господина Киприана митрополита всея Руси, писана в Лутце над гробом княжим Дмитриевым».¹⁵ Оба произведения рассматривает Л. А. Дмитриев в своей работе о митрополите Киприане как писателе и отмечает, что в «Прощальной грамоте» развивается тема благословения и прощения митрополитом всех людей и даже его врагов: «. . . аще

¹¹ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 129 об.—130 об.

¹² См.: Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978, с. 47—124, 169—187. Все события борьбы Киприана за митрополичий престол излагаются на основании исследования Г. М. Прохорова.

¹³ ГПБ, собр. Погодина, № 1554, л. 15—15 об. (Отрывок краткого летописчика, находящийся в погодинской рукописи, вырван из сборника Ефросина, ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099). См. также публикацию: А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, т. V. М.—Л., 1950, с. 25.

¹⁴ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 87 об.—91; ПСРЛ, т. XI. М. 1963, с. 195—197; ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, с. 441—443.

¹⁵ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 93—95 об.

будет некто на мя пороштал или явно встал от епископского чину и священнического, или кто будеть мирьских совокупился с ними в мене предкнушася, от моя области разрешити должен есмь». ¹⁶ Эта же тема проходит и в молитве: «Или кого приобиде, или яростию подвигся не оправдова кого, или аще во лжу впад, господи человеколюбче, отпусти, ослаби, разреши душу раба твоего». Но молитва, как ясно из ее заглавия, читалась над гробом Дмитрия Донского, и именно ему были поставлены в упрек все перечисленные грехи, поэтому можно думать, что в намеках Киприана как в молитве, так и в грамоте имелась в виду его политическая борьба с князем и княжими ставленниками. В этой борьбе Киприан не только прощал своих врагов, но и проклинал их, и отлучал от церкви. Это известно из посланий Киприана Сергию Радонежскому и его племяннику Федору, написанных в 1378 г. после ареста и первого изгнания Киприана из Москвы и рассчитанных на широкий круг читателей. ¹⁷

Документальные памятники, связанные с именем Киприана, соединены в сборнике Ефросина с вымышленным рассказом, призванным другими средствами внушить читателю мысль о силе митрополичьего благословения или проклятья, «неблагословения». Дидактическое содержание рассказа о чуде митрополита Киприана — силе иерейского слова — часто встречается в переводных патериках, столь популярных в древнерусской письменности, в том числе и у Ефросина. Известен ряд рассказов, где слово иерея творит чудеса: делает человека неподвижным на несколько суток, воскрешает младенца, чтобы его окрестить, или убитого, чтобы тот указал убийцу и оправдал невиновного. Рассказ о чуде митрополита Киприана, дошедший до нас в кратком пересказе Ефросина, по своему жанру приближается к такого рода патеричным легендам. Сказочность повествования о чуде Киприана вполне согласуется с беллетристичностью и занимательностью патериков. Обращение же автора к мотивам устного народного творчества говорит о той роли, которую оно играло в формировании книжных произведений в XV в.

¹⁶ Л. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, с. 235.

¹⁷ См.: Л. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана... с. 230; Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе, с. 58.

А. И. ГЛАДКИЙ

К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского (житие Феодорита)

Значительное место в составе «Истории о великом князе Московском» занимает житие «священномученика» Феодорита, духовного отца Курбского. Это житие интересно для нас в связи с проблемой аутентичности «Истории», поставленной под сомнение в работах Э. Кинана.¹

Логически можно допустить, что рассказы Курбского о военных кампаниях и казнях крупных феодалов были созданы в XVII в. Память об опричном терроре сохранилась в многочисленных источниках. «Убиенных» князей, бояр, церковных иерархов помнили, Филиппа Кольчова даже канонизировали. Но детальную, а главное, достоверную биографию малоизвестного монаха-подвижника мог написать только человек, близко его знавший и уж во всяком случае его современник. Поэтому представляется необходимым проверить факты жизни Феодорита, сообщаемые Курбским. Если они достоверны, то житие Феодорита написано в XVI в., а это еще раз доказывает подлинность «Истории» в целом.

Личностью Феодорита нередко интересовались исследователи.² В основном внимание обращалось на миссионерскую деятельность Феодорита. Отсутствие в источниках сведений на этот счет приводило к выводу о невозможности проверить Курбского. Ю. Д. Рыков, собравший сведения о всех лицах, упомянутых в «Истории», в отношении Феодорита ограничился пессимистическим выводом: «К сожалению, у нас нет никаких данных, позволяющих проследить судьбу архимандрита Феодорита и степень достоверности Курбского».³

Однако некоторые сведения в источниках о жизни и деятельности этого человека все-таки сохранились. Ряд документов подтверждает по крайней мере два основных события его жизни, описанной Курбским: архимандрит-

¹ E. L. Keenan. 1) The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth—Century Genesis of the «correspondence», Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971, p. 62—63, 212; 2) Putting Kurbskii in his place, or observations and suggestions concerning the place of the History of the Grand prince of Muscovy in the history of Muscovite Literary culture. — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd 24. Wiesbaden, 1978, S. 131—161.

² См.: И. Я х о н т о в. Жития святых северорусских подвижников поморского края как исторический источник. Казань, 1881; А. Н. Я с и н с к и й. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889, с. 214—215; Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, 1-я половина. М., 1900, с. 859—862; А. А н д р е е в. К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова. — Дела и дни, кн. 1, Пб., 1920, с. 21—36; И. У. Б у д о в н и ц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966, с. 261—263.

³ Ю. Д. Р ы к о в. «История о великом князе Московском» кн. А. М. Курбского как источник по истории опричнины. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1972, с. 430 (машинописный экземпляр, ГБЛ, Дк 72—7/654).

ство в суздальском монастыре и важнейшее деяние жизни — поездку в Константинополь.

Как известно, Иван Грозный, коронованный на царство в 1547 г., добивался утверждения своего царского титула у Вселенского патриарха. Курбский пишет, что с этой целью в Константинополь был отправлен Феодорит, который через год вернулся, успешно выполнив свою миссию: он привез соборное послание с благословением патриарха.⁴

Никоновская летопись о деятельности Феодорита сообщает несколько иное: «А х патриарху послал. . . Ивашка Волкова, а во святую гору бывшего архимарита Евфимьева монастыря Феодорита».⁵ Был ли он все-таки у патриарха или царское задание выполнял И. Волков?

В 176-м ящике царского архива хранились «грамоты патриарше царегородского и александрийского и еросолимского и антиохийского и отписка к тем патриархом с архимандритом Феодоритом»,⁶ в описи же архива Посольского приказа 1614 г. упоминается «грамота из Царьграда от патриарха Иоасафа к царю. . . , прислана с старцом Феодоритом 7066-м году».⁷

Ряд ценных сведений о миссии Феодорита сообщают документы Посольского приказа. Он был отправлен в Константинополь вместе с митрополитом Евгрипским и Кизицким Иоасафом и русскими купцами 1 января 1557 г. с поручением получить от патриарха и собора грамоту с благословением Ивана IV на царство и вернулся от патриарха 2 декабря того же года.⁸ Таким образом, данные безусловно достоверных источников подтверждают сведения Курбского. Данные Никоновской летописи не совсем точны.

Второе важное сообщение Курбского касается архимандритства Феодорита в суздальском Спасо-Евфимьеве монастыре. Этого самого высокого в своей жизни поста он, по словам «Истории», достиг благодаря дружбе Артемия, который после Стоглава пользовался расположением царя. Нестязателя Феодорита не любили как сребролюбивые мнихи, так и епископ суздальский. По их наветам он был заточен в Кириллов монастырь, пробыв архимандритом четыре или пять лет.⁹ Из рассказа Курбского не совсем ясно, был ли он сослан одновременно с Артемием, на процессе которого был свидетелем.

По данным П. М. Строева, Феодорит был архимандритом Спасо-Евфимьева монастыря в 1551—1554 гг.¹⁰ Данные эти подтверждаются. В ЦГАДА хранится описная книга монастыря XVII в.,¹¹ в которой имеется ряд копий документов интересующего нас времени.¹²

Первый акт, упоминающий архимандрита Феодорита, — это жалованная несудимая грамота царя Ивана от 17 мая 1551 г.¹³ Как видим, это косвенно подтверждает сведения Курбского. Феодорит становится во главе монастыря в начале 1551 г. в момент наивысшего взлета Артемия.

⁴ А. М. Курбский. История о великом князе Московском. СПб., 1913, стб. 180 (отдельный оттиск из РИБ, т. XXXI).

⁵ ПСРЛ, т. XIII. М., 1963, с. 278.

⁶ Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Подгот. текста и комментарии А. А. Зимина. М., 1978, с. 77.

⁷ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. Под ред. С. О. Шмядта. М., 1960, с. 89.

⁸ ЦГАДА, ф. 52 (Дела греческие), оп. 1, № 1, л. 85—113 об.

⁹ А. М. Курбский. История о великом князе Московском, стб. 173—178.

¹⁰ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской империи. СПб., 1877, стб. 664.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1203, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 1.

¹² См.: А. А. Зимин. Хронологический перечень актов архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря (1506—1612). — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963, с. 366—396.

¹³ ЦГАДА, ф. 1203, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 1, л. 420—422 об.

Время оставления им обители датирует ряд документов, связанных с тяжбой между монастырем и охотниками целагинского яма за спорную землю по устью реки Подоксвы. «Лета 7063 октября в 24 день. . . целагинского яма охотники подали жалобницу на Спасского Евфимьева монастыря на архимандритова, на Феодоритова приказчика».¹⁴ А 28 января 1556 г. дело слушалось в присутствии «ответчика приказчика Ждана Сурина в архимандриче в Михайлово место».¹⁵ Следовательно, Феодорит покинул монастырь между 24 октября 1554 г. и 28 января 1556 г., пробыв архимандритом четыре или пять лет. Его смещение не последовало непосредственно за процессом Башкина—Артемия.

Подтверждается источниками еще одно сообщение Курбского о Феодорите, а именно о том, что он принял постриг в Соловецком монастыре.¹⁶ Авторы сборника «Соловецкий патерик» пишут, что близ южной стены Преображенского собора над его могилой «доселе сохранилась плита со следующей надписью: „лета 7079 августа 17 дня преставился раб божий священноархимандрит Суздальский Евфимьева монастыря священноинок Феодорит соловецкий постриженник“».¹⁷

Подводя итоги, можно сказать, что ряд данных жития Феодорита Курбского подтверждается другими источниками. Это свидетельствует в пользу его достоверности, а следовательно, и в пользу авторства Курбского. Трудно предположить, чтобы какой-нибудь писатель XVII в. с такой точностью восстановил биографию не слишком заметного деятеля прошлого века, выяснил даже такие детали, как продолжительность поездки в Константинополь (примерно один год) и архимандритства в Суздале (четыре или пять лет).

¹⁴ Там же, л. 539—539 об.

¹⁵ Там же, л. 562, 564.

¹⁶ А. М. Курбский. История о великом князе Московском, стб. 164.

¹⁷ Соловецкий патерик. СПб., 1873, с. 43.

Т. Ф. ВОЛКОВА

К вопросу о литературных источниках «Казанской истории»

(«Казанская история» и жанр «хождений»)

Уже первым исследователем «Казанской истории» Г. З. Кунцевичем было отмечено своеобразие ее стиля, в котором, с одной стороны, ощущалось влияние различных жанров, сложившихся в русской литературе к середине XVI в., с другой стороны — связь с литературными вкусами своего времени.¹ Это наблюдение Г. З. Кунцевича о переплетении «традиции» с «современностью» в стиле «Казанского летописца» было в дальнейшем развернуто и углублено в работах, так или иначе касавшихся вопросов его поэтики.² В стиле повести, объединившем «всю пестроту предшествующих приемов книжного повествования в однородную цветистую одежду»,³ исследователи в первую очередь отмечали влияние исторической литературы (хронографических повестей, летописных рассказов), воинских повестей (особенно повести о взятии Царьграда турками в 1453 г. Нестора-Искандера), агиографии, апокрифической литературы, беллетристики (Александрии, Повести о Трое). Обнаруживались в «Казанской истории» следы знакомства ее автора со «Словом о погибели Русских земель». Отмечалась связь «Казанской истории» с публицистикой XVI в. (посланиями Ивана Грозного, Сказанием о князьях Владимирских, сочинениями Ивана Пересветова).⁴

¹ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905, с. 510—515.

² Вопросы художественного своеобразия «Казанской истории» рассматривались, как правило, лишь в связи с более общими проблемами поэтики древнерусской литературы: А. С. Орлов касался стиля «Казанской истории», характеризуя историческую беллетристику XV—XVII вв. и устойчивые формулы воинских повестей (А. С. Орлов. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, вып. 4, с. 344—379); Д. С. Лихачев привлекал «Казанскую историю» в связи с проблемой разрушения литературного этикета (Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 102—107); Я. С. Лурье — характеризует особенность сюжетного повествования в литературе XVI в. (Я. С. Лурье. Судьба беллетристики в XVI в. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 429—432).

³ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля. . . , с. 346.

⁴ См.: Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. . . , с. 507—508, 510—514, 593; А. С. Орлов. 1) О некоторых особенностях стиля. . . , с. 346—355; 2) «Казанский летописец». — В кн.: История русской литературы, т. 2, ч. I. М.—Л., 1946, с. 465—470; Г. Н. Моисеева. 1) Казанская история. М.—Л., 1954, с. 13 (текст «Казанской истории» в дальнейшем цитируется по этому изданию); 2) О некоторых источниках «Казанской истории». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 187—197;

Цель настоящей заметки — обратить внимание исследователей еще на один жанр древнерусской литературы, оказавший влияние на повествование «Казанской истории». Это жанр «хождений», известный на Руси с XII в. и пользовавшийся популярностью вплоть до начала XVIII в.

Среди разнообразного литературного материала «Казанской истории» обращают на себя внимание несколько описаний природы, содержащихся в разных главах повести. Это три описания местности, где по приказу Ивана Грозного был построен городок Свияжск, и два описания окрестностей Казани. Анализ этих фрагментов обнаруживает хорошее знакомство автора «Казанской истории» с приемами описания чужих земель русскими путешественниками XII—XVI вв.

Появление в «Казанской истории» пейзажей, напоминающих описания природы в «хождениях», на наш взгляд, не случайно. Развернутые описания местности появляются в «Казанской истории» всегда в рассказе о военных походах либо русских, либо татарских князей. Эти походы в некотором смысле тоже «хождения» в «чужие» земли, правда, не столь отдаленные, как Палестина или Индия.

Первое описание в повести Казанской земли появляется в рассказе о странствиях по пограничным с Русью землям легендарного ордынского царя Саина (с. 47). Цель его «путешествия» — поиски места, подходящего для постройки города «на приезд и на опочивание послом его, по дань ходящим на Русь». Описание выбранного Саином места на Каме по своему содержанию субъективно-авторское, но сюжетно оно заменяет рассказ самого «путешественника» — Саина, оценившего это место и выбравшего его для основания Казани.

Сходную сюжетную функцию выполняет и второй «пейзаж» казанских окрестностей (с. 127—128). В тексте главы, рассказывающей о походе русских войск под Казань в 1552 г., это описание следует непосредственно за фрагментом, передающим впечатление Грозного от осмотра города («и удивися необычной красоте стен и крепости града»). Из следующей за этим фразы становится ясно, что царь только во время этого осмотра впервые по-настоящему «разглядел» Казань («прежде бо приходил бе в зимное время, тем не рассмотре града гораздо, каков есть»). Далее идет описание казанских окрестностей. При такой композиции данного фрагмента создается впечатление, что описываемые здесь Арское поле, Царев луг, озеро Кабан и две реки, кольцом охватившие город, т. е. все казанское междуречье, открываются взору московского царя, для которого эта земля пока еще чужая.

Описания другого междуречья, где была построена крепость Свияжск, также сюжетно обусловлены «путешествием» — в одном случае Ивана Грозного, возвращавшегося из неудачного похода под Казань в 1550 г. (с. 85—86), в другом — Шигалея и русских воевод, направленных Грозным на строительство Свияжска (с. 87).

Таким образом, сама сюжетная ситуация, порождающая описания природы в «Казанской истории», во многом сходна с той, которая обычно обуславливала введение пейзажа в текст «хождения».

Кроме того, обращение к жанру «хождения» диктовалось и самим типом описания природы, который использовал автор «Казанской истории». Изображение ландшафта местности, где будет строиться или уже

А. Н. Насонов. Новые источники по истории Казанского «взятия». — В кн.: Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962, с. 3—26; Д. Н. Альшиц. «Слово о погибели Рускыя земли» и «Казанская история». — В кн.: Летописи и хроники. М., 1974, с. 286—292; Истоки русской беллетристики. . . , с. 430.

построен город, ее природных богатств, характеристика ее с точки зрения пригодности и удобства для человеческого жилья — все это требовало от писателя XVI в. обращения к тому жанру древнерусской литературы, где подобного рода описания чаще всего встречались, к тем произведениям, в которых создан определенный канон изображения природы конкретной местности. Ведущим жанром в этом отношении, безусловно, и были древнерусские «хождения».⁵

Исследователями неоднократно отмечался интерес, который проявляли авторы «хождений» к экзотической природе далеких стран, хотя этот интерес в значительной мере был скован паломническими целями их путешествий. Впечатления от чужой природы содержатся и в самом раннем памятнике этого жанра — «Хождении игумена Даниила» (XII в.), и в позднейших «хождениях»: архимандрита Аграфения и Игнатия Смольнянина (XIV в.), Афанасия Никитина, Варсонофия, иродиакона Зосимы и неизвестного суздальца, участника посольства на Ферраро-Флорентийский собор (XV в.), Василия Позднякова (XVI в.).⁶

Ко времени создания «Казанской истории» жанр «хождений» выработал целый ряд ставших традиционными приемов описания ландшафта той или иной местности, ее климата, животного и растительного мира, графические формулы для определения ее природных богатств и изобилия. Специальных исследований по типологии описаний природы в древнерусских «хождениях», их эволюции в связи с эволюцией жанра в целом пока не существует. Н. И. Прокофьев, исследуя специфику жанра «хождений», лишь попутно касается этого вопроса.⁷

В данной заметке нам представляется важным привести некоторые дополнительные наблюдения о приемах изображения природы Даниилом и другими путешественниками.

Описания природы, которые содержатся в «хождениях» XII—XVI вв., можно разделить на три группы по степени их развернутости и сложности. Первую группу составляют устойчивые формулы, с небольшими вариациями переходящие из одного «пейзажа» в другой. Это повторяющиеся лаконичные характеристики флоры и фауны местности, высоты и очертаний гор, вкуса и цвета воды в реках, их течения и т. д. Они служат как бы первоэлементами более сложных описаний природы, хотя зачастую в тексте «хождений» встречаются и изолированно — в виде попутно сде-

⁵ Лаконичные описания местности, выбираемой для строительства города или монастыря, встречаются и в русских летописях (например, в Ипатьевской, под 1259 г.), и в некоторых житиях (например, в Житии Кирилла Белозерского. См.: В. Я б л о н с к и й. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, Прил., с. XVI). Однако эти летописные и житийные «пейзажи» обычно не развернуты и достаточно редки.

⁶ Особенности жанра «хождений» в последнее время рассматривались в работах: В. В. Д а н и л о в. О жанровых особенностях древнерусских «хождений». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 21—37; Н. И. Прокофьев. 1) «Хождения» как жанр в древнерусской литературе. — Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Вып. 288. Вопросы русской литературы. М., 1968, с. 3—24; 2) Русские хождения XII—XV вв. — Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Вып. 363. Литература древней Руси и XVIII в. М., 1970, с. 3—264; О. А. Б е л о б р о в а. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 257—272; см. также обстоятельную монографию К. Зеemана: K. D. S e e m a n. Die altrussische wallfahrtsliteratur Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976.

⁷ Н. И. Прокофьев отмечает различные аспекты «интереса» к природе игумена Даниила: «... природа, занимающая столь большое место в хождении, интересует Даниила и как место, где якобы происходили библейско-апокрифические события, и как проявление величия бога, и как условия, при которых приходилось путешествовать, и сама по себе как неотъемлемая часть пейзажа» (Н. И. П р о к о ф ъ е в. Русские хождения XII—XV вв. . . ., с. 41).

ланного замечания. Основной набор таких формул мы находим уже в «Хождении игумена Даниила».

Вторую группу составляют более развернутые описания — отдельных рек, озер, морей, гор, которые в свою очередь включаются в еще более сложные комплексы, представляющие собой третью группу описаний, — «пейзаж» какой-то отдельной местности. Это или описание окрестностей города, иногда монастыря, или рассказ о каком-то участке пути, наиболее поразившем путешественника.

Именно этот третий тип описания — «пейзаж» — главным образом используется автором «Казанской истории». Сформировался он также уже в «Хождении игумена Даниила» (мы находим его в описании семи палестинских городов и нескольких монастырей). Несмотря на различия и по объему, и по степени художественной выразительности, эти «пейзажи» Хождения заключают в себе много общего. Их типологическое сходство проявляется и в том, что все они построены примерно по одной и той же схеме, и в использовании общего набора устойчивых формул, с помощью которых Даниил обычно передает свои впечатления от палестинской природы. И на композиционном, и на фразеологическом уровнях «пейзажи» «Казанской истории» обнаруживают сходство с этими описаниями из «Хождения игумена Даниила».

Как правило, описания природы в Хождении Даниила содержат эстетическую оценку местности, открывающейся взору наблюдателя. Чаще всего такая оценка облекается в форму лаконичного замечания, носящего обобщенный характер. Эстетическая оценка, выраженная столь же обобщенно, содержится и в «пейзажах» «Казанской истории». Приведу несколько примеров.

Хождение игумена Даниила ⁸

И есть около мѣста того поле красно
вельми. . . (с. 68)

И есть земля та. . . красна зѣло. . .
(с. 66)

. . . и есть земля та около Самаря
красна и чюдна зѣло. . . (с. 96)

И ту есть мѣсто на верху горы тоя,
красно и высоко зѣло. . . (с. 75).

Казанская история

. . . поле, зовомое Арьское, велико и крас-
но. . . (с. 127)

. . . красный луг Царев на семь верст про-
должается, травюю мноюю зеленыя и
цветы красяся (с. 128)

. . . подле же обою рек тех, Волги и Свяги
великия луги прилежат и травны велми
и красны. . . (с. 85)

. . . место стройно, и твердо велми, красно
и подобно к поставлению града. . . (с. 85)
И видеша место угодно и добро велми. . .
(с. 87).

В «Хождении игумена Даниила» вслед за подобными лаконичными характеристиками (или предваряя их) в ряде случаев помещается более конкретный рассказ о природе данной местности, в оценках которой у Даниила преобладает утилитарный подход: прекрасным в ней видится прежде всего то, что приносит пользу человеку.

Представление об изобилии края в Хождении Даниила обычно создается не с помощью описания его полей, лугов, садов, а путем перечисления его природных богатств. Таковы описания Иерусалима, Вифлеема, Хананеи, Самарии. Тот же прием использует и автор «Казанской истории», впервые описывая природу Казани в главе об основании города.

⁸ Здесь и далее цит. по: Житъе и хоженъе Данила Руськыя земли игумена. 1106—1108 гг. Под ред. Т. А. Веневитинова. — ППС, т. 1, вып. 3, т. 3, вып. 3. СПб., 1883—1885.

*Хождение игумена Даниила
(описание Хананеи)*

И нынѣ по истиннѣ есть земля та Богомъ обѣтованна и благословена есть отъ Бога всѣмъ добромъ: пшеницею, и виномъ, и масломъ, и всякимъ овощемъ обилна есть зѣло, и скотомъ умножена есть. . . , и пчелами увязло ту есть въ камении по горамъ тѣмъ краснымъ. . . и всякий овощъ ту есть, и есть овощей лучи и болий всѣхъ овощей, сущихъ на земли подь небесемъ, нѣсть такого овоща нигдѣже. . . , и есть мѣсто то и красотою и всѣмъ добромъ неисказанна есть земля та около Феврона (с. 72—73).

*Казанская история
(описание Казани)*

Место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и всяцемъ земными семяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодыя много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Руской нашей земли, нигдеже таковому подобно месту красотою и крепостию и угодиемъ человеческим, не вемъ же, аще есть будетъ в чужихъ земляхъ (с. 47).

Наборы характеристик местности в обоих фрагментах, как можно видеть, примерно идентичны. Сходна и композиция этих описаний: каждое из них начинается и завершается формулами, передающими личное отношение автора к увиденному, — его восхищение богатством и пышностью поразившей его природы, желание противопоставить ее природе других земель как уникальную, ни с чем не сравнимую.

Сходен и тип описания рек и озер у Даниила и его последователей, к которым относится и автор «Казанской истории». В приводимых отрывках утилитарное начало преобладает над чисто эстетическим (описывается не красота реки или озера, а наличие в ней рыбы и вкус воды).

Хождение игумена Даниила

. . . вода же <в Иордане> мутна велми и сладка пити. . . (с. 45)
. . . вода его <Тивериадского моря> сладка зѣло. . . (с. 102)
. . . рыбы въ немъ множество есть. . . <о Генисаретском оз.> (с. 108)
Рыбы же въ немъ много зѣло. . . <о Тивериадском море> (с. 102).

Казанская история

<О реке Булак>: . . . грязна велми и топна, а не зело глубока. . . (с. 127—128)
. . . езеро мало <около Свяжска>, имеючи в себе воду сладку и рыбицъ всякихъ мале довольно на пищу человеком. . . (с. 88)
<Об озере Кабан>: . . . и рыбу многу пмущи в себе на пищу человеком (с. 127).

Описание природы в «хождениях» еще неотделимо от человека: рисуя пейзаж какой-то местности, путешественники всегда отмечали наличие человеческого жилья, сел, городов или, напротив, подчеркивали ее пустышность. Например, описывая путь к Назарету, Даниил замечает: «. . . погании срацини мнози сѣдятъ въ горахъ тѣхъ и по полю тому села суть многа срациньская. . . » (с. 110), а в описании горного ущелья, где приютился монастырь св. Саввы, неотделимой частью пейзажа становятся монастырские кельи: «. . . потокъ бѣ нѣкако страшень и глубокъ зѣло и безводень, стѣны [имать] бѣ высоки, и на тѣхъ стѣнахъ лпячь кѣлии. . . яко звѣзды на небеси утвержень» (с. 54). Отсутствие человеческого жилья обычно отмечалось в пейзажах с помощью формулы «место пусто». В Хождении Даниила так характеризуется богатая источниками местность возле города Асколона: «. . . есть бо пусто мѣсто то» (с. 13), а в Хождении Игнатия Смольнянина о безлюдных берегах Дона сказано: «Бяше бо пустыня зѣло, не бѣ бо видѣти ни села, ни человекъка».⁹

⁹ Хождение Игнатия Смольнянина. Под ред. С. В. Арсеньева. — ППС, т. 4, вып. 3. СПб., 1887, с. 3.

Эту черту можно отметить и в «Казанской истории» — при описании места на берегу Свияги, где Иван Грозный задумал построить город-крепость. Заметив, что царь не решился открыть сразу свой замысел воеводам, автор объясняет «хитрость» Грозного так: «Бе бо место то пусто и лес велик по нему», после чего идет описание прибрежных лугов, затем взгляд повествователя как бы движется в глубь междуречья, и в пейзаж включаются черемисские села, разбросанные по склону горы, служащей как бы естественной границей пейзажа: «вдале же от рек в гору села казанския стoяху, в них же горная черемиса живяше» (с. 85—86).

Наряду с описаниями возделанной земли, плодоносящих деревьев и богатых пастбищ в «хождениях» значительное место занимают заметки о ландшафте той местности, по которой проходил путь паломника. Иногда он бывает обозначен одним штрихом — двумя-тремя словами. Например, Эфес и Вифлеем, описанные Даниилом, расположены «въ горахъ», а Вифания «во удолиѣ мѣстѣ», Самария — «межи двѣма горама высокима»; рассказывая об Иерусалиме, Даниил замечает: «Дебри суть многи около его и горы каменя»; путь от Иерусалима к Иордану проходит сначала по горной местности («суть бо горы высоки каменѣ»), а затем «все по равну в песце»; местность вокруг монастыря св. Харитона описана Даниилом так: «. . . и есть <монастырь> близъ моря Содомскаго, въ горахъ каменныхъ; и пустыни около его. . . есть подъ нимъ дебрь камена и страшна зѣло» (с. 79).

Такого же рода замечания о ландшафте местности можно найти и в других «хождениях». Например, автор рассказа о поездке на Ферраро-Флорентийский собор русского духовенства, неизвестный суздалец, описывая переезд во Флоренцию, замечает: «А всѣ горы камены висоце, а путь тѣсенъ и тяжекъ вельми. . .». Упомянув о посещении монастыря под Юрьевом, тот же автор добавляет: «Горы жъ бяху у нихъ, поля и садове красны».¹⁰ В Хождении Игнатия Смольнянина также есть лаконичные указания на ландшафт местности (при описании прибрежной природы, наблюдаемой русскими путешественниками с корабля): «Бяху же ту горы высоки, и вполъ тѣхъ горъ сбирахуся облаци».¹¹

Столь же часто в ландшафтных зарисовках и Даниилом, и другими авторами «хождений» отмечается наличие рек, озер, водных источников, даже колодцев. В этом отчетливо проявляется тот прагматизм в восприятии и описании природы, о котором говорилось выше. Описания рек и озер интересны и в другом отношении: они помогают понять само восприятие ландшафта местности, целостного пейзажа средневековыми путешественниками. Река, озеро, водный источник в силу их большой практической значимости для жизни человека всегда так или иначе фиксируются авторами в описаниях природы чужих стран. Точно так же всегда отмечается и подчеркивается их отсутствие. При этом в описании рек авторы хождений начиная с Даниила неизменно стремятся к географической точности и конкретности: часто указывают истоки и направление движения реки, куда она впадает и по каким землям течет.

В интересующем нас типе пейзажа — описании окрестностей города, встречающемся в Хождении Даниила, указание на наличие рек и других водных источников, географическая и утилитарная их характеристика — неизменные элементы устойчивой композиционной схемы: «. . . естѣ близъ <Капернаума> рѣка велика и та рѣка поиде изъ езера Генисаритьскаго и входитъ рѣка та въ море Тивирадское» (с. 107); «И съ тоя бо горы Ливаньскыя идета 12 рѣцѣ велицѣ, и идѣтъ 6 рѣкъ къ востоку лицъ, а '6 рѣкъ

¹⁰ Древняя российская вивлиофика, ч. V, 2-е изд. М., 1788, с. 40, 29.

¹¹ Хождение Игнатия Смольнянина, с. 5.

на угъ лицъ. . . , и ту есть межю тѣми рѣками Харъранъ. . . » (с. 109); «И предъ градомъ <Вифанія> къ западу лицъ есть вода добра зѣло. . . » (с. 34) и т. д.

Приведенные наблюдения помогают понять, в какой степени рассматриваемые пейзажи «Казанской истории» традиционны в своей трактовке географического пространства,¹² в чем автор повести следует канону, сложившемуся в литературе путешествий, и что нового внесла эпоха XVI в. в эти описания. Рассмотрим два фрагмента «Казанской истории», наиболее приближающиеся по типу описания к пейзажу в современном его понимании. В одном перед читателями предстают окрестности Свияжска, в другом — Казани.

Описание Свияжска: «. . . прилежаху бо к нему <городу> *подале* от него превысокие горы. . . и стремнины глубокия, и дебри, и блата; *близ* же об едину стену озеро мало, . . . из него же *около града* течет Щука, и река мало шед, втечет в Свиягу реку. И на таковой границы красне, промеж двою рек, Щуки и Свияги, новый град ста» (с. 88).

Описание Казани: «Прилежит бо к нему <городу> с *востока* поле, зовомое Арьское. . . , по нему же течет под град Казань-река, на том же поле изливается озеро, Кабан именуемо, от града за 3 версты. . . Из него же истекает Булак-река, в Казань реку под градом втекает. . . , с *полудню* же града, от Булака и до Волги, красный луг Царев, на седьмь верст продолжается. . . Град же Казань зело крепок, велми, и стоит на месте висоце, промеж двою рек Казани и Булака. . . И вода двема реками быстро со обою страну града обтекши и в едину реку у стены града слися. . . и та река в Волгу поидет двема усты за три версты выше града, по реке же той и град словет Казань» (с. 127—128).

Приведенные фрагменты, как можно заметить, принципиально отличаются от рассмотренных выше описаний Казани и Хананеи. На сей раз перед нами не перечень природных богатств, а действительно описание, в результате которого создается зримый образ реального географического пространства — Свияжского и Казанского междуречий. Центром пейзажа в обоих случаях является город, на который повествователь смотрит как бы с высоты птичьего полета. Читая описание Свияжска, мы мысленно совершаем над городом два круга — большой и малый. В большой круг («прилежаху бо к нему <Свияжску> подале от него. . .») попадают описанные в традиционных формулах «хождений» «превысокия горы», «стремнины глубокия», «дебри», «блата»; в малый («близ же об едину стену. . .») — столь же обязательные для ландшафтного пейзажа «озеро мало» и две реки, кольцом охватившие город. В этом пейзаже поражает топографическая точность, документальность описания. В еще большей мере это относится ко второму отрывку. Описание окрестностей Казани напоминает подробный топографический комментарий к карте Волжско-Камского междуречья,¹³ украшенный характеристиками (Арского поля, реки Булак, озера Кабан, Царева луга — они приводились выше), напоминающими аналогичные описания в литературе «хождений».

Такого подробного, детального описания большой территории мы не найдем ни у игумена Даниила, ни в «хождениях» XIII—XIV вв. Аналог при-

¹² О восприятии географического пространства в Средневековье см.: Ю. М. Лотман. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 181. Труды по знаковым системам, II. Тарту, 1965, с. 210—216.

¹³ В своем исследовании о «Казанской истории» Г. З. Кунцевич по поводу этого пейзажа замечает: «Топографическое описание Казани довольно точно» и приводит большую библиографию карт и чертежей Казани середины XVI в. (см.: Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. . . , с. 428—431, 433).

веденным «топографическим» пейзажам «Казанской истории» отыскивается только в XV в. — в «Хождении Афанасия Никитина». Описание города Гульбарга, бывшей столицы Бахманидов, во многом напоминает описание Свияжска и Казани, хотя и отличается от них меньшей четкостью и стройностью. Особенно сходны описания Гульбарга и Казани, так как в обоих случаях речь идет о труднодоступных для вражеского войска крепостях, что определило и тип описания ландшафта окружающей их местности.

Хождение Афанасия Никитина

А град же его <султана> велми великъ, около его три ровы, да сквозъ его рѣка течеть; а со одну сторону его женьгъль <лес> злый, и з другую сторону пришел дол, чюдна мѣста велми и угодна на все, на одну же сторону приити нѣкуды, сквозъ град дорога, а града взяти нѣкуды, пришла гора велика да дебрь зла. . .¹⁴

Казанская история

. . . и согражден г. Казань в 7 стен. . . Толстина же градная от реки, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным неприсутны. . . И яко крепкими стенами и водами вокруг обведен бе град, и токмо со единыя страны града с поля Арсага приступ мал; но туда стена градная была в толстину 7 сажен, и прекопана около ея стремнина велика и глубока (с. 128).

Такая эволюция ландшафтного пейзажа «хождений» в сторону его расширения, охвата все больших и больших территорий с одновременным привнесением в него топографической точности, картографической наглядности, очевидно, связана со все более активным развитием жанров географической литературы.

Как известно, интерес к географическим сочинениям проявился в древнерусской литературе уже в раннюю пору ее существования, о чем свидетельствует, в частности, древнейший перевод «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова — средневековой географической «энциклопедии». Качественный сдвиг в развитии географических представлений, а вместе с этим и специальной географической литературы относится ко времени объединения разрозненных русских княжеств в единое государство.¹⁵ К началу княжения Василия III в России уже существовало три группы географических материалов: писцовые книги, содержащие описания различных земель, входивших в состав Московии, «чертежи» порубежных земель и дорожники.¹⁶ Во второй четверти XVI в. среди переводов, сделанных в это время, значительное место занимают географические сочинения (в частности, космография Мартина Бельского, география Помпония Мелы).¹⁷ Иван Грозный положил начало большим картографическим работам. В Казанском архиве, по сообщению В. Н. Татищева, хранился большой «чертеж» на 16 листах, включавший описание казанских владений и других земель. Позднее, в конце XVI в., на основе этих географических описаний создается «Книга большому чертежу», включающая описание всех русских земель.¹⁸ На большое значение, которое придавалось географическим сочинениям в эту эпоху, указывает и тот факт, что на космографии, так же как и на летописи, ссылался Иван Грозный при решении спорных международных вопросов.¹⁹

¹⁴ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. 2-е изд. М.—Л., 1958 (сер. «Литературные памятники»), с. 27—28.

¹⁵ См.: Б. А. Рыбаков. Географические знания. — В кн.: Очерки русской культуры XVI века, ч. 2. М., 1977, с. 209—227.

¹⁶ Там же, с. 213.

¹⁷ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, с. 40—41.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Географические знания, с. 226.

¹⁹ РИБ, т. XVI. СПб., 1897, с. 56, 126.

Знакомство автора «Казанской истории» с географической литературой своего времени несомненно.²⁰ Об этом свидетельствуют не только пейзажи Казанского и Свияжского междуречий, поражающие своей топографической точностью, но и многочисленные замечания, разбросанные по всему тексту повести, в которых указываются маршруты военных походов русских и татарских князей. Замечательны в этом отношении короткие «географические справки», которыми автор повести предваряет свои описания Казани и Свияжска: «. . . и обрете место на Волге, на самой украине русской, на сей стране Камы реки, концем прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и к Перме» (с. 47); «. . . течение имеюще ей <Волге> из Руси прямо на восток, от нея же за 15 верст град Казань о левую страну. . .» (с. 87); «и мимо грядущи <Иван Грозный> путем по Волге, ледом, за 15 верст от Казани, на реце зовомой Свияге, ей же устье в Волгу течет, и узре ту. . . гору високу. . .» (с. 85).

По своему стилю эти фрагменты очень напоминают лапидарные характеристики из «Книги большому чертежу».²¹

Отмечая сходство картин природы в «Казанской истории» с пейзажами «хождений» и описаниями земель в географической литературе, необходимо отметить и принципиальное их различие. Пейзажи «Казанской истории» — неотъемлемая часть сложного художественного целого, они включены в сюжетное повествование, где выполняют конкретные художественные функции.²² Пейзажи Свияжского и Казанского междуречий, «нарисованные» как бы с большой высоты, должны были создавать у читателя ощущение пространства и простора. В результате рождался конкретный живописный образ Казанской земли с ее реками и озерами, дремучими «дебрями» и цветущими лугами. Согласно концепции автора повести, в прошлом «все то Русская земля была единая» (с. 44) и только «покорение бусурманское» превратило ее в «гнездо змиево» — «злогордую» Казань.²³ Не случайно пейзажи «Казанской истории», несмотря на свою документальность, вызывают в памяти широкий пейзаж «Слова о погибели Рускыя земли» и напоминают о «ландшафтном зрении»²⁴ автора «Слова о полку Игореве»: так же как и картины природы в этих произведениях, они звучат гимном прекрасной Русской земле. И этот образ Русской земли становится в повести одним из существенных элементов ее художественного целого, способствуя реализации идейного замысла произведения: поведать о величайшем событии русской истории XVI в. — покорении Казани, «преокаянной дщери» Золотой Орды.

²⁰ К сожалению, нет возможности сопоставить описания «Казанской истории» с документальными материалами XVI в., связанными непосредственно с Казанью: архивы Казанского ханства погибли во время взятия Казани. Не сохранились и русско-казанские посольские дела, находившиеся в XV—начале XVII в. в Москве (см.: С. О. Ш м и д т. Восточная политика России накануне «Казанского взятия». — В кн.: Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX века. М., 1964, с. 541). До нас дошли лишь писцовые книги (1566—1568 гг.), описывающие Казань и прилегающие к ней земли после окончательного подчинения их Москве (см.: К. И. Н е в о с т р у е в. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877).

²¹ Ср., например, описания Свияжска и Казани в «Книге большому чертежу»: «А ниже Цывилы реки, на Волге, на нагорной стороне город Свияжской. А ниже города с нагорной стороны под городом пала в Волгу река Свияга. . .»; «А ниже Свияжского 20 верст город Казань от Волги 5 верст на реке на Казани. А Казань река вытекла верст со 100» (Книга большому чертежу. М.—Л., 1950, с. 137).

²² Конкретный анализ этих функций — задача отдельного исследования. Поэтому ограничусь лишь самыми общими наблюдениями.

²³ Мысль о том, что Казань — часть Русской земли, звучит и в других местах повести (см., например, «похвалу» Казани, которой завершается первое ее описание: «. . . и всяцего угодыя много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Руской нашей земли. . .» (с. 47).

²⁴ Термин Д. С. Лихачева.

К истории предания о смерти князя Рюрика в г. Кореле

В одном из поздних летописцев XVII в. под 6387 (879) г. читается следующее известие: «Умре Рюрик в Кореле в войне, тамо положен бысть в городе Кореле».¹ В классических текстах русских летописей, таких, например, как Лаврентьевская и Ипатьевская, не указывается место смерти князя Рюрика, но из контекста ясно, что это, скорее всего, могло произойти в Новгороде.

Таким образом, перед нами тот случай, когда в поздних летописях появляются оригинальные известия из начальных времен русской истории.

В таких случаях обычно высказываются два мнения: либо эти известия определяются как явно баснословные, либо предполагается, что в поздней летописи отразился более ранний источник.

Для того и другого мнения характерна одна общая особенность: такие мнения чаще всего не доказываются, а высказываются а priori.

Было бы, однако, интересно узнать, что служило причиной появления подобных известий, как возникали баснословия.

Как и многие вопросы, относящиеся к истории русского средневековья, вопрос о смерти Рюрика в г. Кореле имеет свою небольшую историографию.

Например, на него обратил внимание в своей работе К. Н. Бестужев-Рюмин: «... в весьма поздней рукописи, напечатанной в Вивлиофике Новикова под странным заглавием: „Подробная история Госуд. Рос.“, мы читаем краткое известие, что Рюрик умер в Кореле. Собственно, невероятного тут ничего нет; но между тем это известие, связанное с походом на Корелу какого-то Валинта, чрезвычайно подозрительно: Валинт в известиях позднейших является сам корелянином, и о нем мы находим упоминание в датских делах времен Годунова».²

Отсюда следует, что известие о смерти Рюрика в г. Кореле, тесно связанное с также оригинальным описанием похода русских во главе с Валинтом на г. Корелу, бралось исследователями XIX в. не из рукописи, а из публикации XVIII в.

Что же представляет собой этот летописный текст, каковы его источники, какой рукописью пользовался Н. И. Новиков при публикации текста?

Большинство исследователей брали известие о смерти Рюрика в г. Кореле из текста краткого летописца, опубликованного, как уже отмечалось, в XVI т. Вивлиофики.³ Этот летописец начинает свое изложение истории

¹ ГПБ, Q IV 88, л. 767 об.

² К. Б е с т у ж е в - Р ю м и н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868, с. 60.

³ Древняя российская вивлиофика, ч. XVI, 2-е изд. М., 1791, с. 42—85. Бестужев-Рюмин неточно указал заглавие летописца, в Вивлиофике читаем: «Подробнейшая История Государей Российских».

от потопа, а оканчивается известием 7000 (1492) г. о соборе русской церкви, где обсуждался вопрос о пасхалии.

После публикации местонахождение рукописи, в которой содержался летописец, было неизвестно, так как Н. И. Новиков не указывал источников.

На сегодняшний день известно три списка «Подробнейшей истории»: ГПБ, F IV 220, л. 1—23 об.; ГПБ, Q IV 310, л. 227—275; ГПБ, собр. Погодина, № 1609, л. 47—81.

Правда, надо отметить, что ни один из списков не имеет такого пышного заглавия, которое при незначительности текста дало повод Бестужеву-Рюмину назвать его «странным».

По всей видимости, такое название было дано летописцу его издателем Новиковым, так как два списка имеют свои заглавия («История» — ГПБ, F IV 220; «История о славянском народе, и о зачале Новограда» — ГПБ, Q IV 310), а третий список (ГПБ, собр. Погодина, № 1609) вообще не имеет заглавия, но по некоторым соображениям он и был тем списком, с которого текст летописца публиковался. По этому поводу можно отметить следующее: Новиков в основном публиковал московские материалы, и собрание Погодина до его поступления в Публичную библиотеку формировалось в Москве; материалы, опубликованные в XVI т. Вивлиофики перед летописцем и после него, находят параллельные тексты в этой рукописи. Последний аргумент наиболее существен.

Но вопрос о списке, бывшем в руках Новикова, не так важен, как важно то, что список из собрания Погодина датируется 2-й половиной XVII в. (другие два списка датируются началом XVIII в.), следовательно, 2-я половина XVII в. — время, которым датируется наиболее ранний список летописца.

Важно было бы узнать, не было ли у этого летописца более раннего источника с известием о Рюрике и Валите.

Такой источник есть. Это летописная часть хронографа Сергея Кубасова, представленная несколькими списками также 2-й половины XVII в., но которая все-таки является источником «Подробнейшей истории», так как в последней появились вставки более позднего текста; но, самое главное, в пространным заглавии одного из списков «Истории» (ГПБ, Q IV 310) читаем: «выписано вкратце из Российского летописца». Так на самом деле и есть; в «Подробнейшей истории» летописный текст в сравнении с летописной частью хронографа Сергея Кубасова значительно сокращен, хотя основной костяк известий и хронологии остался. Что же касается летописной части хронографа Сергея Кубасова, то у нее был свой источник, где также читаются известия о Рюрике и Валите. Этот источник представлен тремя списками летописца, один из них (ГПБ, Q IV 88) более полон и первичен. Этот летописец доводит свои известия до 1399 г., а список датируется 30-ми гг. XVII в.

Более раннего источника с интересующими нас известиями о Рюрике и Валите нам не удалось найти, и, весьма вероятно, что его и не существует.

Итак, наиболее ранней датой появления этого известия можно, по-видимому, считать 30-е гг. XVII в. (датировка наиболее раннего списка летописца, где сообщается о смерти Рюрика в Кореле).

Теперь необходимо вернуться к наблюдениям Бестужева-Рюмина, который, говоря об интересующих нас известиях, сделал ссылку на Н. М. Карамзина.

У Карамзина читаем, что предание о Валите «узнали от Ланландских

старожилов в 1592 году князь Звенигородский и Васильчиков».⁴ Из текста «Истории. . .» Карамзина следует, что одно время фигура Валита имела некоторое значение в международных отношениях России. Деятельность Валита на севере, известная по преданиям, была одним из аргументов в споре 1601 г. между Данией и Россией о том, кому принадлежат Кольские и Варгавские земли. В этом споре король датский Христиан (через своих послов) ссылался на Историю Саксона Грамматика и даже на Мюнстерову Космографию, а русские ссылались на факт крещения местных жителей новгородскими священниками и на известия о Валите.⁵

Из наблюдений Карамзина для нас существенны два момента. Появляется еще одна временная точка — 1592 г. Дата эта интересна тем, что именно и только в конце XVI в. начинают говорить о Валите как о фигуре седой древности, основываясь на устном предании местных жителей. Таким образом, у нас появляется небольшой отрезок времени между концом XVI в. и 30-ми гг. XVII в., к которому, скорей всего, можно отнести появление известия о смерти Рюрика в г. Кореле, так как это известие неразрывно связано с фигурой Валита.

Другой момент не менее интересен: известия о Валите, основанные на устном предании, используются в международном споре о границах двух государств.

В этом споре, надо отметить, датская сторона чисто внешне выглядела более солидно, когда утверждала свои права ссылками на хронику Саксона Грамматика, в то время как русская сторона ссылалась в основном на предания.

Видно, русские того времени не склонны были придавать особую важность подобной аргументации.

В споре с послами датского короля, как мы видим, в качестве аргумента выдвигалась только фигура Валита.

В нашем же летописце речь идет о Кореле, а Валиту сопутствует Рюрик. К тому же все это изложено не в сказании, а в летописном тексте, который является явной параллелью тексту западноевропейской хроники.

До этого момента все наше изложение строилось только на фактах, теперь же нам придется высказать и некоторые предположения.

Перед нами два весомых факта: во-первых, конкретный период времени (1592 г.—30-е гг. XVII в.), когда фигура Валита появилась как фигура седой древности и была зафиксирована в летописном тексте; и, во-вторых, связь Валита с международными переговорами о границах. В этот же промежуток времени Валиту стал сопутствовать Рюрик, и оба они были связаны с г. Корелой.

Если мы обратимся к событиям того времени, то увидим, что г. Корела (шведское название г. Кексгольм) оказался в сфере влияния двух государств — Швеции и России. Вопрос о территориальной принадлежности Корелы и Корельской области был одним из спорных вопросов между двумя странами, г. Корела неоднократно переходил из рук в руки, пока по Столбовскому мирному договору 1617 г. он не был отдан «навечно» Швеции. Здесь же надо отметить, что переговоры между Швецией и Россией о границах и спорных территориях продолжались и после 1617 г.

У нас нет данных о том, что летописец с известиями о Рюрике и Валите, связанными с г. Корелой, использовался в посольских делах, но, по нашему мнению, написан он был с целью показать всю беспочвенность аргумента-

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XI. СПб., 1824, с. 21, примеч. 56.

⁵ Там же, с. 42—44.

ции шведов в споре о Кореле: по утверждению русской стороны, в этом городе был похоронен один из первых русских князей.

Таким образом, мы пришли к выводу, что известия о Рюрике и Валите были внесены в летописный текст в первые десятилетия XVII в.

«Наши летописи не были литературными произведениями в узком смысле этого слова, а политическими документами», — писал М. Д. Приселков.⁶ В нашем случае к словам Приселкова можно добавить: документами международной политики.

Необходимо сказать еще несколько слов о Валите. Прежде всего, надо отметить, что списки по-разному пишут это имя, что происходило от невнимательности писцов. Если большинство списков содержит чтение «Валит», то список ГПБ, Q IV 88 дает «Валлт», а один из списков «Подробнее истории» — «Валет».

Кроме того, немаловажно, что в предании о Валите, известном нам по записи конца XVI в., отразилась деятельность реального Валита. Правда, он действовал не в начале русской истории, а гораздо позднее. Так, под 6845 (1337) г. в СИЛ сообщается о том, что Валит Корелянин, воевода Корельского города, передает свой город сначала немцам, а потом подступившим к городу новгородцам.⁷ Русские летописи знают еще одного Валита: Иоанна Федоровича, боярина новгородского, чью деятельность можно проследить за период с 6885 (1377) по 6925 (1417) г. Вполне возможно, что этот последний Валит был родственником, даже сыном предыдущего, а имя отца стало фамилией сына. Деятельность же их обоих в сознании потомков вылилась в предание.

В заключение этого сообщения отмечу, что разобранный выше вопрос немаловажен, так как, например, Гедеонов в своем исследовании о варяжском вопросе, основываясь на данных Н. М. Карамзина о Валите, делал фактические выводы «о связи лопьского предания с более чем вероятным поселением, еще до Рюрика, западнославянской колонии в новгородской области. . .» и высказывал еще ряд предположений, связанных со словом «Валит».⁸

«Действительно, если историк, не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из нарочно для него заготовленного фонда, т. е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте, то этим он, с одной стороны, обессиливает запас возможных наблюдений над данным источником, так как определение первоначального вида записи и изучение ее последующих изменений в летописной традиции могли бы дать исследователю новые точки зрения на факт и объяснить его летописное отражение, а, с другой стороны, при этом историк нередко может попасть в то неловкое положение, что воспримет факт неверно».⁹

Эти слова М. Д. Приселкова могут быть еще раз подтверждены примером летописного известия XVII в. о Валите.

⁶ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 6.

⁷ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 220 (СИЛ, списки Карамзинский IV и Оболенского).

⁸ С. Гедеонов. Отрывки из исследования о варяжском вопросе. — В кн.: Записки императорской Академии наук, т. II, кн. I. СПб., 1862, с. 152—154.

⁹ М. Д. Приселков. История русского летописания. . . , с. 6.

И. Д. АЗВОЛИНСКАЯ

«Повесть о семи мудрецах»

(датировка древнейших русских списков XVII в.)

«Повесть о семи мудрецах» — один из популярнейших памятников мировой средневековой литературы. Широко известны ее многочисленные версии — восточные (родина Повести — Индия) и западноевропейские. История оклеветанного мачехой царевича и заступничества семи мудрецов, составляющая содержание рамочной новеллы Повести, обрастает многочисленными новеллами-притчами, в которых содержится целый ряд рассуждений на морально-этические темы, свойственных эпохе средневековья: о смысле жизни, добре и зле, о человеческих взаимоотношениях.

Изучением Повести (вопросами о литературных источниках, о времени перевода на польский язык, об истории сюжета на Западе и Востоке, о времени перевода на русский язык, о польском оригинале русского перевода и т. д.) занимались крупнейшие ученые-слависты: А. Н. Пыпин, Ф. И. Бушлаев, Ф. Булгаков, В. Неринг, А. Н. Беселовский, М. Мурко, В. Н. Перетц, А. С. Орлов, А. Брюкнер, Ю. Кжижановский и др.

Однако наличие в хранилищах новых списков Повести привело к необходимости вновь заняться их изучением.

Данная статья посвящена датировке списков Повести XVII в.

Принято думать, что русский перевод Повести о семи мудрецах относится ко второй половине XVII в. Это мнение было высказано Ф. Булгаковым¹ и подтверждено академиком В. Н. Перетцом.²

В. Н. Перетц обнаружил рукопись 1660 г., содержащую украинский пересказ Повести о семи мудрецах, и отметил, что он появился задолго до русского перевода, очевидно, непосредственно с польского оригинала.

Однако проведенный нами палеографический анализ филиграней и почерков русских рукописей XVII в., содержащих Повесть, позволяет сделать вывод, что тексты ее были известны на Руси уже в 10-е гг. XVII в.

По известным библиографическим справочникам В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской³ и А. А. Назаревского⁴ насчитывается 76 рукописей, содержащих Повесть о семи мудрецах.

¹ Ф. Булгаков. Предисловие к изданию ПДП, вып. XXIX. СПб., 1878, с. 1—15.

² В. Н. Перетц. К истории украинской повести XVII в. — СОРЯС, т. СІ, 1926, № 2, с. 128—133.

³ В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Покровская. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1940, с. 199—206. Отметим некоторые неточности: на с. 201 под шифром О.XVII.18 указана рукопись, содержащая «Сказание о великих мудрецах», но это совсем другой текст, ничего общего с Повестью о семи мудрецах не имеющий; на с. 202 рукопись О.XV.2 (XVII в.) указана как две разные под двумя шифрами: О.XV.2 и О.III.13; на с. 204 неточно указан шифр рукописи, хранящейся в ГИМ, — собр. Уварова, № 2086 (1109) вместо собр. Уварова № 2086 (1009) (XVII в.).

⁴ А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, с. 134—135.

К существующим спискам следует добавить 2 новых: ГПБ, собр. Тиханова (ф. 777), № 709 (XVII в.) и ОЛДЦ, Q.693 (XVIII в.).

Библиография В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской указывает 40 списков Повести XVII в., однако при изучении оказалось, что 4 списка были созданы в XVIII в., поэтому в работе они не рассматриваются. Укажем их шифры: ГИМ, Музейское собр., № 1446; ГИМ, собр. Забелина № 536; БАН, 21.10.18; ГБЛ, Музейное собр., № 3011.

Таким образом, в настоящее время нам известно о существовании 36 списков Повести XVII в. (включая фрагменты). К исследованию удалось привлечь 28 полных списков XVII в. Текстологическое изучение списков привело к выделению трех редакций, которые мы условно вслед за М. Мурко⁵ обозначаем как редакции А, В и С.

Не имея возможности подробно рассматривать их в данной статье, укажем лишь основные отличия. Редакция А содержит наиболее краткий текст, избыточный полонизмами. Редакция В содержит наиболее связный и подробный рассказ, число полонизмов заметно уменьшается. Редакция С представляет собой переработку текста, выполненную, по видимому, русским редактором.

Большинство этих рукописей было описано ранее. Однако мы сочли необходимым как первый этап работы заново провести датировку списков XVII в., что дало возможность прийти к более точным выводам.

Ниже помещаем перечень списков, располагая их по редакциям, внутри каждой редакции — в хронологическом порядке.

Списки XVII в. редакции А находятся в следующих рукописях.

1. ГБЛ, ф. 37, собр. Большакова, 8°, № 116, л. 42—159 об., 40-е гг. XVII в. Водяной знак: двуглавый орел, Гераклитов, № 129, 1643 г. Рукопись подробно описана.⁶

2. ГИМ, собр. Барсова, 8°, № 2392, л. 1—178 об., 40-е гг. XVII в. Водяной знак: кувшинчик с одной ручкой, Гераклитов, № 712—719, 1644 г. Рукопись описана.⁷

3. ГПБ, ф. 550, Q.XVII.252, 4°, л. 132—250 об., 50-е гг. XVII в. Водяные знаки: крест лотарингский с двумя «С», Хивуд, № 2896, 1644 г.; голова шута с семью бубенцами, Хивуд, № 2006, 1656 г. Рукопись подробно описана.⁸

4. ГБЛ, ф. 298, собр. Тихонравова, № 283, 4°, л. 477—513, 50-е гг. XVII в. Водяной знак: крест лотарингский с двумя «С», Гераклитов, № 377—378, 1650—1651 гг. Рукопись описана.⁹

5. ГПБ, ф. 550, Q.XVII.35, 4°, л. 461—559, 70-е гг. XVII в. Водяные знаки: голова шута с пятью бубенцами, Хивуд, № 1949, 1674 г.; голова шута с семью бубенцами, Хивуд, № 2022, 1669 г. Рукопись описана.¹⁰

6. ГБЛ, ф. 298, собр. Тихонравова, 16°, л. 189—262 об., 70-е гг. XVII в. Водяной знак: голова шута с пятью бубенцами, Хивуд, № 1949, 1674 г. Рукопись описана.¹¹

7. ГБЛ, ф. 298, собр. Тихонравова, № 333, 4°, л. 107—199, 90-е гг. XVII в. Водяной знак: герб города Амстердама, близок к знаку Хивуд, № 25, 1690 г. Рукопись описана.¹²

8. ГБЛ, ф. 298, собр. Тихонравова, № 12, 4°, л. 189—262 об., 70-е гг. XVII в. Водяные знаки: голова шута с пятью бубенцами, Хивуд, № 1949, 1674 г.; голова шута с семью бубенцами, Хивуд, № 1996, 1666 г. Рукопись описана.¹³

⁵ М. Мурко. Die Geschichte von den sieben Weisen bei den Slaven. Sitzungsber. d. phil.-histor. Klasse d. keis. Akad. d. Wiss. Bd 122, X. Wien, 1890, S. 87—134.

Проблема соотношения редакций должна быть предметом специального исследования; различия, имеющиеся между ними, позволяют предположить возможность существования различных переводов Повести.

⁶ См.: Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в Московском Публичном и Румянцевском музее. Пг., 1915, с. 93.

⁷ См.: ГИМ, рукописный инвентарь собрания Е. В. Барсова.

⁸ См.: Отчет Публичной библиотеки за 1893 г. СПб., 1896, с. 165.

⁹ См.: Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова..., с. 50.

¹⁰ См.: К. Калайдович, П. Строев. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстого, ч. II. М., 1825, с. 387.

¹¹ См.: Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова..., с. 100.

¹² Там же, с. 59.

¹³ Там же, с. 6.

9. ГИМ, собр. Щукина, № 251, 8°, л. 1—50, конец XVII в. Водяные знаки неясны. Рукопись описана подробно.¹⁴

Списки редакции В находятся в следующих рукописях.

1. ГПБ, ф. 777, собр. Тиханова, № 709, 8°, л. 1—140 об., 20-е гг. XVII в. К изучению привлекается впервые. Рукопись без начала и конца, в 8°, написана мелкой скорописью начала XVII в., заголовки цветом не выделены; переплет деревянный, верхняя доска расколота, застежек нет. Водяные знаки: кувшинчик с двумя ручками, Гераклитов, № 831, 1624 г.; кувшинчик, сверху украшенный гроздью винограда, Гераклитов, № 874, 1623 г.

2. ГИМ, собр. Уварова, № 2130 (406), 4°, л. 1—39 об., 40-е гг. XVII в. Водяные знаки: столбы, Гераклитов, № 1127, 1636, 1637 гг.; имеются водяные знаки (л. 8, 13, 21, 27), однако по фрагментам не удалось восстановить их изображение. Рукопись описана.¹⁵

3. ГПБ, ф. 550, Q.XVII.169, 4°, л. 1—96 об., 40-е гг. XVII в. Водяные знаки: кувшинчик с одной ручкой, украшен сверху цветком из четырех лепестков, Гераклитов, № 495, 1629 г.; кувшинчик с одной ручкой, украшенный цветком из четырех лепестков и полумесяцем, Гераклитов, № 642, 1622 г.; столбы, Хивуд, № 3492, 1640 г. Рукопись описана.¹⁶

4. ГПБ, ф. 550, Q. XV.31, 4°, л. 199—308 об., 50-е гг. XVII в. Водяные знаки: крест внутри небольшого щита, Гераклитов, № 355, 1656 г.; кувшинчик, сверху украшенный цветами из трех и четырех лепестков и полумесяцем, Гераклитов, № 718, 1644 г. Рукопись в 4°, писанная скорописью XVII в.; переплет деревянный, обтянут кожей, застежки не сохранились, корешок подклеен бумагой. Сборник на 309 л., в составе: Сказание о Мамаевом побоище, Повесть о парие Динаре, Александрия, Повесть о семи мудрецах. Владычьи записи XVIII в.: на л. 1— «Сия тетрадь Московского второй гильдии купца Герасима Герасимова сына Шемаханова»; на л. 2 об. — «Сия книга Александрия Михайла Ивановича Еропкина. . .».¹⁷

5. ГПБ, ф. 550, Q.XVII. 209, 4°, л. 287—357 об., 70-е гг. XVII в. Водяной знак: голова шута с пятью бубенцами, Хивуд, № 1949, 1674 г. Рукопись описана.¹⁸

6. БАН, 1.4.1, 4°, л. 88—177, 1689 г. Название: «Повесть о семидесяти мудрецах римския земли, о королех и о цысарех». Рукопись описана и датирована.¹⁹

7. ГПБ, ф. 588, собр. Погодина, № 1773, 4°, л. 90—195 об., 90-е гг. XVII в. Водяной знак: герб города Амстердама, Клепиков, Филигр. и штемп., № 89-а, 1691 г. Сборник-конволют, в 4°, на 361 л., писан скорописью XVII в., переплет новый. В составе: Повесть о Шале ростомце, Повесть о Египте граде, Повесть о Горе-Злочастии (единственный известный список), Повесть о Бове Королевиче и др. Рукопись описана.²⁰

8. ГПБ, ф. 536, ОЛДП Q. 18, 4°, л. 194—303 об., 90-е XVII в. Текст издан Ф. Булгаковым (ПДП, вып. XXIX. СПб., 1878; вып. XXXV. СПб., 1880). Водяные знаки: голова шута с пятью бубенцами, Хивуд, № 1978, 1689 г.; герб Амстердама, Черчилль, № 24, 1686 г.; герб семи провинций, Гераклитов, № 306, 1697 г. Рукопись описана.²¹

9. ГБЛ, ф. 37, собр. Большакова, № 119, 4°, л. 1—115, конец XVII в. Водяной знак: герб Амстердама, изображение не совпадает ни с одним из приведенных в альбомах филиграней. Рукопись описана.²²

10. ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 1338, 4°, л. 1—96, 90-е гг. XVII в. Водяной знак: герб Амстердама, Черчилль, № 38, 1700 г. Рукопись описана.²³

¹⁴ А. И. Я ц и м и р с к и й. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина, вып. I. М., 1896, с. 333.

¹⁵ См.: Л е о н и д, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. IV. М., 1894, с. 511—512.

¹⁶ См.: Отчет Публичной библиотеки за 1882 г. СПб., 1884, с. 62.

¹⁷ Рукопись поступила в Публичную библиотеку в 1818 г., не описана.

¹⁸ См.: А. И. Б ы ч к о в. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих Публичной библиотеке. СПб., 1897, с. 276—277.

¹⁹ См.: В. И. С р е з н е в с к и й. Сведения о поступлениях в рукописный отдел АН в 1902 г. СПб., 1903, с. 17.

²⁰ См.: П. К. С и м о н и. Повесть о горе и злочастии, как горе-злочастие довело молодца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII-го века. — СОРЯС, т. LXIII, 1907, № 1, с. 13—23. Отметим, что в описании П. К. Симони рукопись указана как сборник, написанный одним писцом. По нашим наблюдениям, это рукопись-конволют, состоящая из нескольких тетрадей, писанных на бумаге разного времени, с отличающейся пагинацией. ❧

²¹ См.: Описание рукописей кн. П. П. Вяземского. СПб., 1902, с. 103.

²² См.: Г. П. Г е о р г и е в с к и й. Рукописи Т. Ф. Большакова. . . , с. 95.

²³ См.: А. В и к т о р о в. Собрание славяно-русских рукописей В. М. Ундольского. Библиографический очерк. М., 1870, с. 32.

11. БАН, Археологический инст., № 44, 4°, л. 225 об.—326, конец XVII в. Водяной знак: герб Амстердама, изображение не совпадает ни с одним из приведенных в альбомах филиграней. Рукопись подробно описана.²⁴

12. ГИМ, собр. Уварова, № 1866 (555) (440), 4°, л. 551—641, конец XVII в. Водяной знак: литеры ALEPHODEPAPIR, ни в одном из альбомов филиграней обнаружить не удалось. Рукопись описана.²⁵

Списки редакции С находятся в следующих рукописях.

1. ГИМ, собр. Уварова, № 1828 (560) (389), 4°, л. 132—210, 20-е гг. XVII в. Водяной знак: кувшинчик, сверху украшенный пирамидой из полумесяцев и цветком из четырех лепестков, Гераклитов, № 867—869, 1618 г. Рукопись подробно описана.²⁶

2. ГПБ, ф. 550, О. XV.2, 8°, л. 207—386, 20-е гг. XVII в. Водяные знаки: небольшая сфера, украшенная сверху цветком из трех лепестков, снизу — сердцевидной фигурой, Гераклитов, № 1496, 1497, 1618 г.; кувшинчик с одной ручкой, Гераклитов, № 730, 1622 г. Фрагмент этого списка «О псе и соколе» опубликован А. Н. Пыпиным.²⁷ Рукопись описана.²⁸

3. ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 947, 4°, л. 1—109 об., 30-е гг. XVII в. Водяные знаки: столбы, Гераклитов, № 1127, 1636—1637 гг.; кувшинчик с двумя ручками, Гераклитов, № 823, 1636—1638 гг. Рукопись подробно описана.²⁹

4. ГИМ, собр. Забелина, № 334, 8°, л. 1—213 об., 70-е гг. XVII в. Водяной знак: голова шута с пятью бубенцами, Хивуд, № 1949, 1674 г. Рукопись описана.³⁰

5. ГПБ, ф. 550, Q. XVII.27, 4°, л. 229—364 об., 70-е гг. XVII в. Водяной знак: герб Амстердама, Хивуд, № 373, 1670 г. Рукопись описана.³¹ Повесть четвертого мудреца опубликована Ф. Булгаковым.³²

6. ГПБ, ф. 550, Q. XV.28, 4°, л. 1—261 об., 90-е гг. XVII в. Водяной знак: герб Амстердама, Черчилль, № 38, 1700 г. Рукопись описана.³³ Эта рукопись считается автографом Каменевича-Рвовского, так она названа и в описании К. Калайдовича и П. Строева. Перед названием запись: «... Сложена книга деи римских от древних повестей глаголемая семь мудрецов, како избавиша они в семь дней сына цесарева от семи смертей. Повести многия сия зело утешны и потребны, удивления велиа и умилениа прерадостна и пресладостна суть, всяк сия часто да приницает и всепрелюбезно и безотступно да прочтает».

Написанася и исправшася з древних преводов смиренным кенселиром Рвовским Каменевичем во двосотом (1692) годе всем человеком чтущим и сказующим и послушающим и в разумы своя без забытия приемлющим к великой их охоте, аминь. Августа 6-го дня».

7. ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 946, 4°, л. 1—80, 90-е гг. XVII в. Водяной знак: герб Амстердама, Черчилль, № 25, 1690 г. Рукопись описана.³⁴

На основании анализа филиграней и почерков рукописей XVII в., содержащих Повесть, можно сделать вывод: тексты редакций В и С были известны на Руси уже в 10-е гг. XVII в.

Таким образом, наличие рукописей, датированных 10-ми и 20-ми гг. XVII в., подтверждает существование рукописи профессора Баузе, датированной 1634 г., сгоревшей в 1812 г. в Москве и считавшейся до сих пор самой старшей рукописью, содержащей текст Повести о семи мудрецах.³⁵

Наша датировка рукописей позволяет по-новому подойти к решению вопроса о времени появления Повести на русской почве и уточнить некоторые факты, остававшиеся неясными для исследователей.

²⁴ См.: А. П. Ко ну с о в, В. Ф. Покр ов с к а я. Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР, т. 4, вып. I. М.—Л., 1951, с. 165—167.

²⁵ См.: Ле о н и д, архим. Систематическое описание . . . , ч. IV, с. 199.

²⁶ Там же, с. 148.

²⁷ А. Н. Пы п и н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1875, с. 353—357.

²⁸ См.: К. К а л а й д о в и ч, П. С т р о е в, Обстоятельное описание. . . , ч. III, с. 580.

²⁹ См.: А. В и к т о р о в. Собрание славяно-русских рукописей. . . , с. 32.

³⁰ М. Н. С п е р а н с к и й. Собрание рукописей И. Е. Забелина (Приложение II к Отчету Гос. Исторического музея за 1916—1925 гг.). М., 1926, с. 11.

³¹ См.: К. К а л а й д о в и ч, П. С т р о е в. Обстоятельное описание. . . , ч. III, с. 364.

³² ПДП, вып. II. СПб., 1880, 2-я пагинация, с. 9—12.

³³ Там же, ч. II, с. 508.

³⁴ См.: А. В и к т о р о в. Собрание славяно-русских рукописей. . . , с. 32.

³⁵ История русской литературы, т. 2, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 110.

О. А. БЕЛОБРОВА

Об автографах Николая Спафария

Большинство древнерусских писателей, поэтов, переводчиков, занимавшихся литературным трудом в последней трети XVII в., известны своими автографами (Аввакум, Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, чудовский монах Евфимий и многие другие). Любопытным исключением из этого круга является Николай Спафарий. Его сочинения дошли в «подносных» беловых списках (или в более поздних, также неавторских). До сих пор не разысканы черновые материалы, которые составлялись Николаем Спафарием совместно с подъячим Посольского приказа Петром Долговым при подготовке «Хрисмологиона», «Василиологиона», «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах», «Книги о сивиллах» (1672—1673 гг.).¹ Не выявлены также и черновики статейного списка посольства Николая Спафария через Сибирь в Китай, составлявшиеся при участии подъячих Посольского приказа Никифора Венюкова и Ивана Фаворова. Все эти материалы, возможно, хранятся в ЦГАДА, но не определены как исходные или подготовительные. Весьма вероятно при этом, что черновики сочинений Николая Спафария были написаны — как это ни парадоксально — не его рукой, а очередным помощником, данным ему «для письма».² На рукописях такого рода могли быть пометы и правки Спафария. В связи с этим необходимо различать индивидуальный почерк как самого Спафария, так и его помощников. Достоверный материал такого рода содержат не литературные, а документальные рукописи. Например, в деле 1673 г. «О выезде в Россию Посольского приказа эллиногреческого языка переводчика Николая Спафария. . .» находится скрепа «Справил Петр Долгов» (рис. 1),³ — конечно, не единственный его автограф. В делах Посольского приказа сохранилось множество расписок о получении переводчиками жалованья. Разница почерков на некоторых листах таких дел очевидна.

Иногда о жалованье каждого переводчика сделана официальная запись, а под нею следует собственноручная расписка и подпись названного лица: «Николаю Спафарию по шеснатцати алтын по четыре денги на день, итого на тритцать на один день шпятнатцать рублей шеснатцать

¹ Об их совместной работе сообщалось в документах Посольского приказа, опубликованных в кн.: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археогрфической комиссиею, т. VI. СПб., 1857, № 43, с. 199—200: «. . . А слагал те книги и сбирал из различных книг Посольского приказу эллино-греческаго языку переводчик Николай Спафарий да подъячей Петр Долгов».

² Именно таким — «для письма» — было назначение Никифора Венюкова и Ивана Фаворова, судя по Наказной памяти о посольстве Николая Спафария в Цинскую империю. (См.: Русско-китайские отношения в XVII веке, т. 1. М., 1969, с. 335—336, 346).

³ ЦГАДА, ф. 150, оп. 1, 1673 г., № 13, л. 12 об.

алтын четыре денги (далее другим почерком, — О. Б.). Великих государей жалование кормовий деньги пятнадцать рублей шестнацать алтын четыре денги Николай Спафарий взял и росписался» (рис. 2).⁴ Здесь

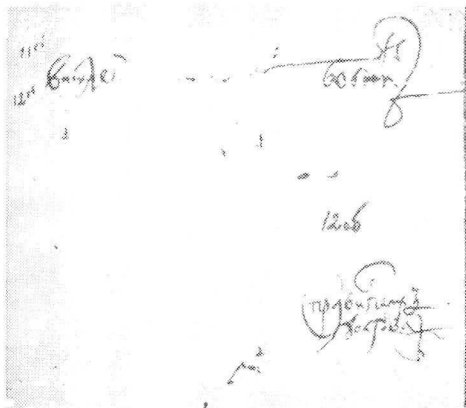

Рис. 1. Подпись подьячего Посольского приказа Петра Долгово (ЦГАДА, ф. 150, оп. 1, 1673 г., ед. хр. № 13, л. 12 об.).

Рис. 2. Расписка Николая Спафария (ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1683 г., ед. хр. № 6, л. 35).

мы встречаемся с бесспорным автографом Спафария и видим, что его почерк достаточно индивидуален и характерен (с сильным наклоном вправо) и что он довольно разборчив.

Иногда же на листе расположены только расписки переводчиков: Спафария, Чижинского, Тохтаралея Баигинина, Сулиманки Мерзатонки и др. (рис. 3).⁵

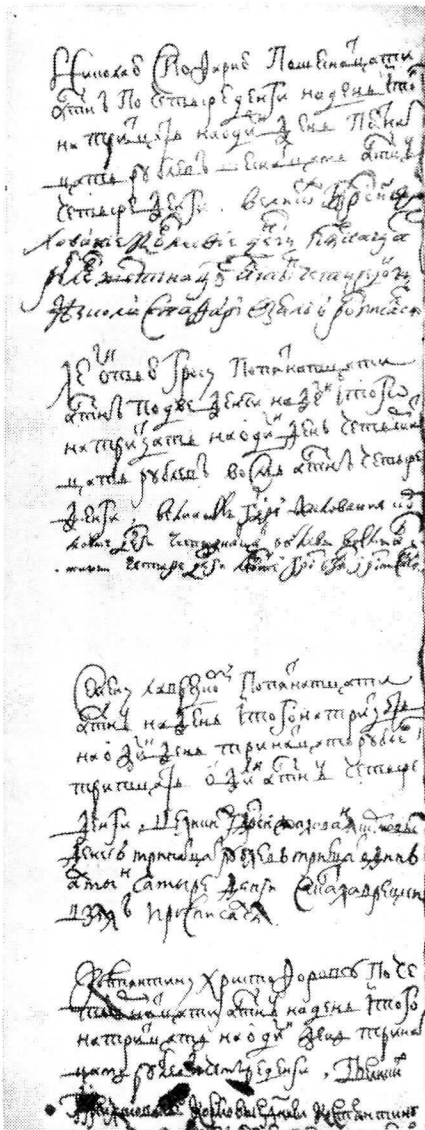
Видно, что Спафарию принадлежало ведущее место в среде переводчиков: о его жалованье говорится в самом начале перечня, и его расписка — самая первая (рис. 4).⁶ Порой расписки Спафария занимают целый лист (рис. 5, 6): «По сему великих государей указу их великих государей жалование придачу в оклад двадцать пять рублей Николай Спафари взял и росписался» и «Великих государей жалование за хлеб двадцать три рубли с полтиною Николай Спафари взял и росписался».⁷

⁴ ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1683 г., ед. хр. № 6, л. 35. Далее следуют записи с расписками Леонтия Гроса, Семена Лаврецкого, Константина Христофорова.

⁵ ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1683 г., ед. хр. № 6, л. 13.

⁶ Там же, л. 21.

⁷ Там же, л. 4 об. и 5 об.

Если автографы расписок сравнить с известным нам подлинником письма Спафария Ф. А. Головину о приезде из Валахии корабельных мастеров (около 1705 г.), станет совершенно очевидно, что текст письма написан профессионалом-писцом, в то время как подпись сделана самим Николаем Спафарием (рис. 7).⁸ Далеко не все письма Спафария были такими, некоторые из них он писал собственноручно⁹ (эпистолярное наследие его в сущности не изучено, хотя отдельные письма и публиковались¹⁰).

Сопоставление документальных автографов с недавно обнаруженными в Хельсинки записями на книгах из библиотеки боярина А. С. Матвеева (в которых упоминается Спафарий) позволяет определить, что книжные записи сделаны определенно не его рукой.¹¹ Впрочем, здесь еще могут быть обнаружены и автографы Спафария.

Розыски подлинных рукописей ученого переводчика, составителя обширных и разнообразных сочинений, отнюдь не самоцель. Находка одних только документальных автографов писателя позволяет уточнить вопрос о его правильном наименовании. В научной литературе существует разноречие: одни пишут Н. Г. (Николай Гаврилович) Спафарий, другие — Николай Спафарий, третьи — Спафарий (Спафари) Милеску или просто Милеску и т. д. При выборе наиболее правильного наименования Спафария представляется важным учесть, как он называл себя сам в литературных произведениях, как он подписывался в письмах и документах и как его называли современники. (Мы не будем здесь касаться периода жизни Спафария до приезда в Москву в 1671 г., хотя, кажется, не существует особой разницы между его наименованием в европейских странах и на Руси).

⁸ Архив ЛОИИ, ф. 175, оп. 3, № 21, л. 251 об. Текст письма по подлиннику и в современном переводе на румынский язык опубликован в кн.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в. Документы и материалы, т. III. М., 1970, с. 223—224, № 66. Приняв первоначально почерк письма за подлинную руку Спафария, я высказала ранее ошибочное предположение о переписке автором некоторых листов рукописного сборника его переводов и сочинений (ГБЛ, Вологодское собр., № 170). См.: О. А. Белобров а. География в виде колоды карт. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 110, примеч. 8.

⁹ Например, в 1675 г. в письме А. С. Матвееву он отметил: «Не прогневайся, что я пишу своею рукою по-русски, для того что хочу учиться языку и письму» (и это после составления 4-х или 5-ти книг! — О. Б.). — Русский архив, 1881, № 1, с. 57.

¹⁰ [Ю. Арсеньев]. Письмо Николая Спафария боярину Артемону Сергеевичу Матвееву из Енисейска (июль 1675 г.). — Русский архив, 1881, № 1, с. 52—57; другое письмо в Посольский приказ также из Енисейска (июнь 1678 г.) см. в кн.: И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России. Киев, 1895, с. 26; три письма 1704 г. президенту посольских дел Ф. А. Головину, одно (выборочно) см. в кн.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VIII, т. 15. М., 1865, с. 125; другое, от 5 октября, в кн.: И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спафария. . . , с. 37—38; третье, от 15 ноября, см.: Русский архив, 1867, № 2, стб. 308—309. Существует еще публикация писем Спафария, написанных на греческом языке, которой мы здесь не касаемся.

¹¹ Например, в книге Роберта Флудда (R. Flud. De Technica Microcosmi Historiae, t. II. Francofurti, 1617) на обороте верхней крышки наряду с польской владельческой надписью читается скорописная русская запись: «Книга разных действ; Спотарей челом ударил». Благодарю Т. П. Воронову за предоставление ксерокопий владельческих помет и надписей; благодарю также М. В. Кукушкину и И. Н. Лебедеву за сообщение о находках в Библиотеке Хельсинкского университета. См.: Т. Г. Лазарев а. 1) Библиотека русского дипломата. — Вечерний Ленинград, 19 апреля 1979 г., № 92. 2) В поисках книжных редкостей. — Книжное обозрение, 31 октября 1980 г., № 44.

В Румынии находится рукопись-автограф переводчика, в которой читается: «. . . aicea iaste slova lui Neculai Spatarul». См.: A. Mages. In legatură cu o traducere românească a lui Nicolae Milescu. — Limba Română, 1979, anul XXVIII, N 3, mai—iunie, p. 259, fig. 1—4. Благодарю доктора Замфиру Михаил за указание на эту публикацию.

Обращение к трудам писателя показывает, что автор фигурирует в них только как Николай Спафарий. В «Хрисмологоне», например,

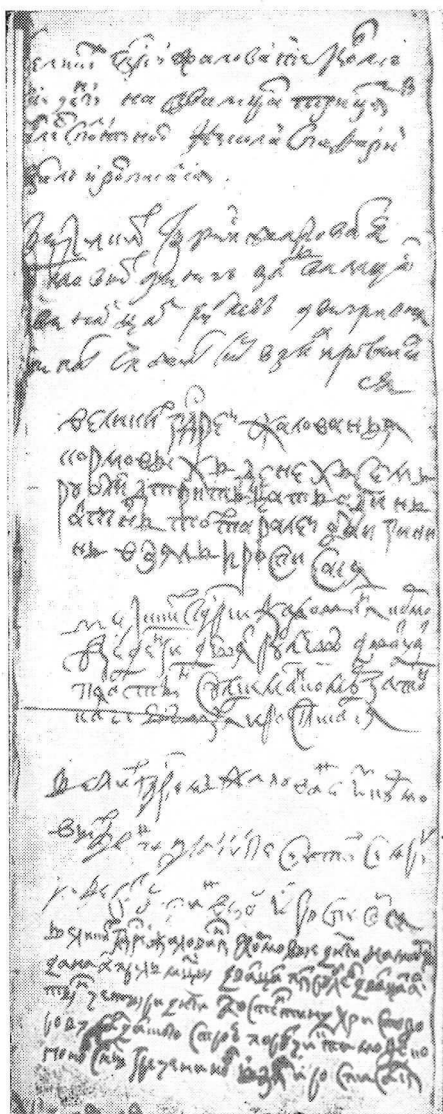

Рис. 3. Расписки переводчиков Посольского приказа (ЦГАДА; ф. 138, оп. 1, 1683 г., ед. хр. № 6, л. 13).

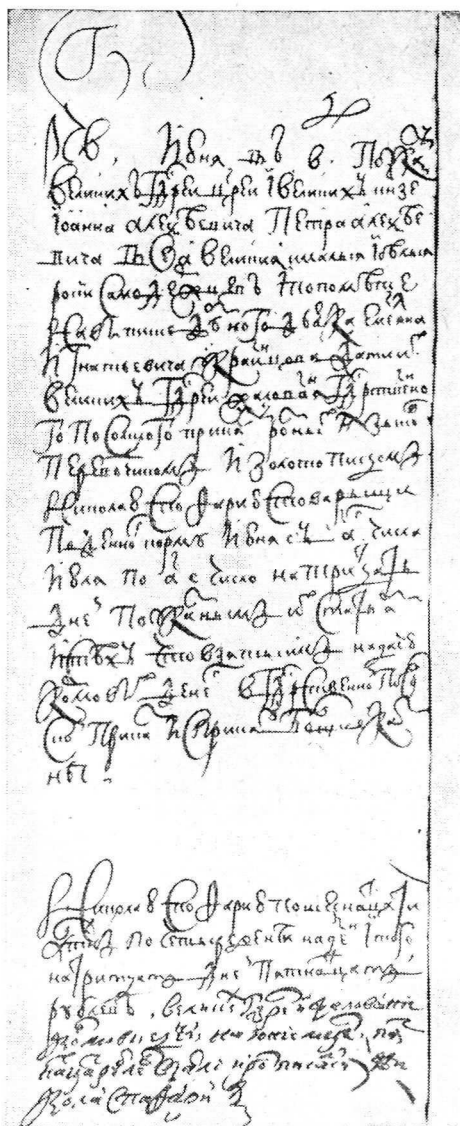

Рис. 4. Расписка Николая Спафария (ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1683 г., ед. хр. № 6, л. 21).

еще в начале говорится, что эта книга «чрез Николая Спафария и не токмо преведена, но и на вся главы различная и пространная толкования его многотрудным тщанием приложена».¹² В «Книге избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» в стихотворной концовке упоминается «Спатарий».¹³ «Арифмология» заканчивается строками: «Со-

¹² Цит. по подноному списку: ГИБ, Эрмитажное собр., № 27, л. 2.

¹³ Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978, с. 47.

вершился и преведеса сия книжица новая от Николая Спафария лета 7181-го году септевриа в 26 день». Сходная концовка читается и в «Книге о сивиллах».¹⁴

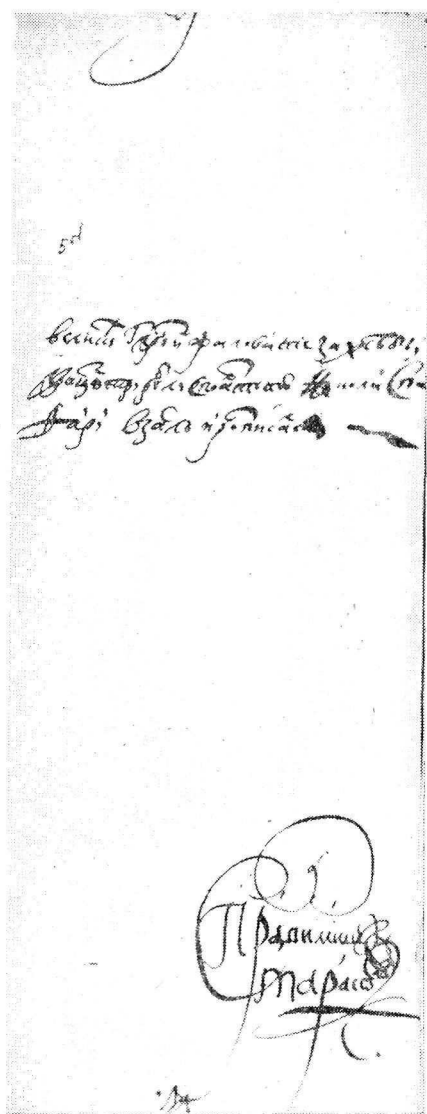
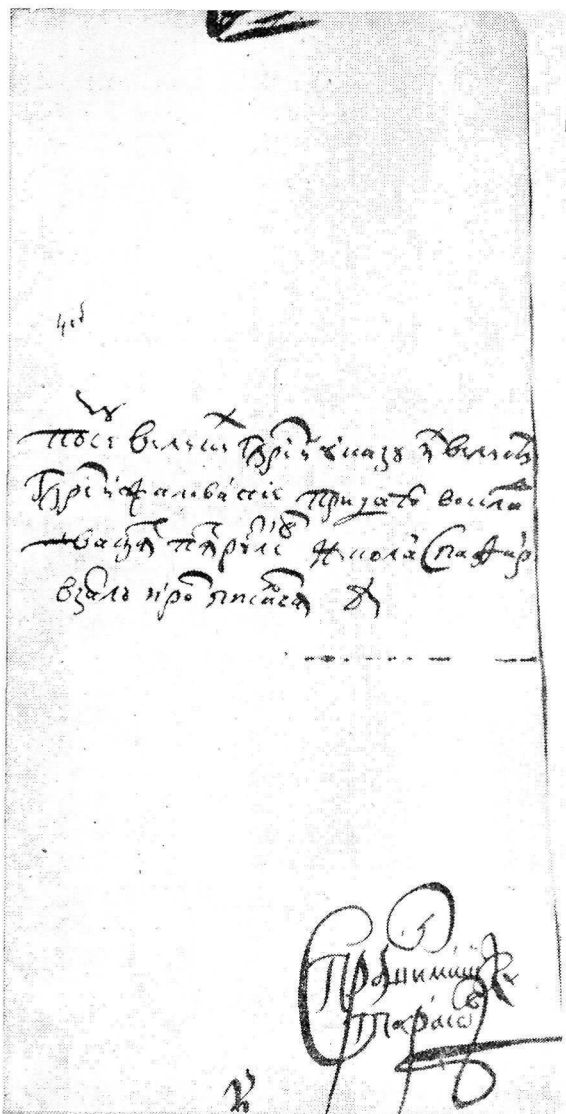

Рис. 5. Расписка Николая Спафария (ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1683 г., ед. хр. № 6, л. 4 об.).

Рис. 6. Расписка Николая Спафария (ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1683 г., ед. хр., № 6, л. 5 об.).

Подписи Спафария в деловых документах приводились выше.

Письма подписывались таким же образом; например, письмо Ф. А. Головину из Москвы от 15 ноября 1704 г.: «нижайший раб Николай Спа-

¹⁴ Там же, с. 124, 86.

Впрочем, в наказной памяти, данной из Посольского приказа 28 февраля 1675 г., предписывается «...ехати Николаю Гавриловичю Спафарию для своих великого государя дел х китайскому богдыхану в послех. . .».¹⁹ Но в данном случае официальный характер документа определял более торжественное, чем обычно, наименование посла.

Устойчивое сочетание имени и прозвища — Николай Спафарий — сложилось на Руси вскоре после его приезда в Москву. В первые месяцы пребывания Спафария в Москве его называли то «греченин Миколай Спотариус», то «Миколай Гаврилов сын», то «Миколай боярин», то «волошенин Миколай Спотариос»,²⁰ то, наконец, Микалос Спотали.²¹ Но даже и в этих случаях имя двучастное.

Таким образом, традиционным на Руси следует признать наименование Николай Спафарий. Ни в одном из современных ученому переводчику документов Московского государства (Посольского приказа, Сибирского приказа, архива «Греческих дел» и др.) никто его не называл Милеску. Эта топонимическая приставка, нехарактерная для русской историографии XVII—XIX вв., появилась у нас в наименовании Спафария довольно поздно, в работах А. И. Яцимирского;²² П. А. Сырку предпочитал имя «Николай Спафари».²³ Все это следует учитывать и в настоящее время, когда интерес к личности и наследию Николая Спафария неизмеримо возрос и когда перед исследователями — историками, филологами, философами — встает ответственная задача по изучению и публикации трудов ученого переводчика московского Посольского приказа (1671—1708 гг.) во всем их объеме.²⁴

¹⁹ Русско-китайские отношения в XVII веке, т. I, с. 335.

²⁰ ЦГАДА, ф. 52, оп. кн., 1674 г., № 7, л. 130, 130 об.

²¹ Из всех этих имен одно только это последнее имя сохранилось в списках; Спафариева перевода латинской надписи на Фреловской (Спасской) башне Московского Кремля, относящихся к концу XVII и к XVIII вв. См.: О. А. Белоброва. Эпиграфическое известие о работе итальянских мастеров в Московском Кремле. — В кн.: Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского Кремля 500 лет. Тезисы научной конференции. М., 1979, с. 29—31.

Впервые имя Милеску (наряду с другими прозвищами Спафария!) встречается в летописи Иона Некулчи (первая треть XVIII в.). Здесь читается: Neculai Milescul Spătariul, Nicolai Milescul, Nicolai Cîrnul (все по одному разу) и просто Cîrnul — Курносый (четыре раза). См.: I. Neculce. Letopisețul Țării Moldovei. București, 1975, p. 28—30. См. также: В. П. Коробан, Е. М. Руссев. Летописец Ион Некулче. Жизнь и творчество. Кишинев, 1958, с. 64, 148—150 и др.; Г. Ф. Богач. Иркутские материалы о Николае Милеску Спафарии. — Лямба ши литература молдовеняскэ, анул XXII, 1979, № 1, с. 44—57 (здесь словесный портрет Спафария (Николая Карнула) приведен в переводе В. Мазеряна).

²² А. И. Яцимирский. Николай Милеску Спафарий. Страница из истории русско-румынских отношений в XVII в. Казань, 1908. Н. Кедров (Николай Спафарий и его Арифмология. — ЖМНП, 1876, ч. 183, с. 1—31) отмечал «...прибавочное прозвище Спафарий. . . обратившееся в России в фамилию его. . .».

²³ П. А. Сырку. Николай Спафари до приезда в Россию. — В кн.: Записки восточного отделения имп. Русского археологического общества, т. III, вып. III. СПб., 1889, с. 185. Наиболее полный обзор библиографии отечественных работ о Николае Спафарии интересующего нас периода см. в кн.: А. А. Матковски. Презентце молдовенешть ын публикациициле русе дин анйи 1880—1905. Кишинэу, 1976, с. 104—128 (на молдавском языке).

²⁴ Об этом читаем в новых работах советских и румынских ученых, например: Д. Т. Урсул. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М., 1980; Z. Mihaile. Nicolae Milescu, le spathaire — un «encyclopédiste» roumain du XVII-e siècle. — Revue des études Sud-Est Européennes, т. XVIII, 1980, N 2, p. 265—285. Переводческая деятельность Спафария до приезда в Москву охарактеризована в кн.: V. Căndea. Rațiunea dominantă. Cluj-Napoca, 1979.

Л. В. СОКОЛОВА

К вопросу о переводах на русский язык сборника «Римские деяния»

Сборник «Римские деяния» (*Gesta Romanorum*) возник в XIII в. на почве латинской проповеднической литературы.¹ Как на латинском языке, так и в переводах сборник получил широкое распространение в Европе и при этом был популярен среди самых различных социальных слоев читателей, начиная от проповедников, широко использовавших рассказы «*Gesta Romanorum*» в своих проповедях, и кончая всемирно известными писателями, черпавшими из этого сборника сюжеты для своих произведений (например, Боккаччо, Шекспир, Шиллер, Чосер и др.).

На Русь сборник «Римские деяния» (далее РД) пришел в XVII в. То, что русский перевод был сделан с польского языка, считается у исследователей почти бесспорным. На это указывают как многочисленные полонизмы в тексте, так и прямые указания русских рукописей на то, что перевод был сделан «з друкованой с полской книжицы и языка на словенский язык».² Иной точки зрения придерживался лишь П. П. Вяземский, автор предисловия к изданию «Римских деяний». Не зная о существовании польского сборника «*Historye rzymskie*», он ошибочно предполагал, что перевод был сделан с латинского текста непосредственно на белорусский, а с него на русский язык.³

Вопрос же о том, сколько раз был переведен с польского языка сборник «Римские деяния», до сих пор не решен, хотя поставлен он еще А. Н. Пыпиным, предполагавшим, что 1691 год, на который как на дату русского перевода указывает одна русская рукопись (ГИМ, собр. Уварова, № 555—4°), это или год второго перевода, или год переделки старого.⁴

¹ Исследователи «*Gesta Romanorum*» считают, что сборник возник в Англии. Составитель сборника неизвестен; по мнению С. Л. Пташицкого, этот вопрос вообще не может быть решен, а потому не должен и рассматриваться, поскольку сборник составлялся постепенно разными авторами. См. об этом: С. Л. Пташицкий. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянских литературах. Вып. 1. Истории из Римских деяний (*Gesta Romanorum*). СПб., 1897, с. 4. В исследованиях последних лет этот вопрос не получил дальнейшей разработки. Не решается вопрос об авторе-компиляторе и в недавно вышедшем издании русского перевода «*Gesta Romanorum*». См.: С. В. Полякова. Из истории средневековой латинской новеллы XIII в. — В кн.: Средневековые латинские новеллы XIII в. Л., 1980, с. 349—369 (Литературные памятники).

² Сборник ГИМ, собр. Уварова, № 66 — 8°. Аналогичные указания см. также в рукописях: ГИМ, Музейское собр., № 2961; ГПБ, Ф.XVII.21; ГПБ, Q.XV.47; ГПБ, собр. Погодина, № 1604; ГПБ, собр. Погодина, № 1713; ГПБ, собр. Титова, № 1757; ИРЛИ, отд. пост. № 80; БАН, Архангельское собр., Д.420.

³ [П. П. Вяземский]. Римские деяния (*Gesta Romanorum*). — Изд. ОЛДП, вып. V. СПб., 1877—1878, с. I—VI.

⁴ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, с. 194.

Н. С. Тихонравов касался этого вопроса в предисловии к изданию отдельно (вне состава РД) встречающейся Повести об Аполлоне Тирском. Он, в частности, писал: «Повесть о Аполлоне в том виде, как она встречается в наших „Деяниях“ (а следовательно, и весь сборник РД, — Л. С.) . . . имеет два особые перевода с польского: один в рукописи моей и Толстого (II, 215), другой в рукописи историй из „Деяний“ графа А. С. Уварова № 440,⁵ не столько обильный полонизмами, как первый. Что этот последний список представляет особый перевод с польского, можно между прочим видеть из самого заглавия его. . .».⁶

М. Мурко, полемизируя с Н. С. Тихонравовым, считал, что рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 555 (далее Ув. 555), язык которой почти лишен полонизмов, это не второй перевод с польского, а переложение с западно-русского на русский язык, осуществленное, судя по указанию рукописи, в 1691 г.⁷

С. Л. Пташицкий в указанном выше исследовании, посвященном сборнику «Римские деяния», также рассматривал вопрос о том, сколько раз переводился сборник на русский язык. Однако решал он его не в связи со сборником Ув. 555 (будучи знаком с этим списком только по описанию, ученый без всяких оговорок отнес его к первому переводу, даже не подчеркнув его особенностей), а на основании второй, более поздней группы списков первого перевода, в частности, опубликованного ОЛДП. С. Л. Пташицкий, указывая общие ошибки в первой и второй группе списков, утверждал, что все русские списки восходят к одному переводу и составляют одну редакцию.

После исследования М. Мурко и С. Л. Пташицкого многие ученые посчитали вопрос решенным в пользу одного перевода. Ю. А. Яворский, например, считал доводы этих ученых «существенными и вескими».⁸ Больше того, А. Н. Пыпин, который, основываясь на особенностях списка Ув. 555, предполагал второй перевод РД, после двух указанных исследований тоже, по-видимому, принял точку зрения этих авторов.⁹

С доказательствами С. Л. Пташицкого вполне можно согласиться: указанные им списки действительно восходят к первому переводу. Что же касается работы М. Мурко, то здесь мы встречаем не доказательства, а скорее соображения относительно в о з м о ж н о с т и второго русского перевода. Рукопись Ув. 555 М. Мурко знал только по описанию, поэтому никаких текстологических доказательств он не смог представить.

Это побуждает вновь рассмотреть вопрос о втором переводе на русский язык сборника «Римские деяния» в связи с рукописью Ув. 555.

Отметим прежде всего особенности этой рукописи, отличающие ее от других рукописей «Римских деяний» и наводящие на мысль об особом переводе с польского.

Во-первых, это заглавие сборника. В большинстве рукописей он называется так: «История из римских дѣяний, преведена ново и списана с друкованой с польской книжицы и языка на словенский языкъ» (ГИМ, собр. Уварова, № 66—8°). Сборник Ув. 555 озаглавлен иначе: «Истории розмаитые, сирѣчь повѣсти избранныя, с толкованием надлежащим, вы-

⁵ Н. С. Тихонравов имеет в виду рукопись из собрания Уварова, № 555, которая в собрание Царского входила под № 440.

⁶ Н. С. Тихонравов. Повесть об Аполлоне Тирском. — В кн.: Летопись русской литературы и древностей, т. 1, ч. 2. М., 1859, с. 5.

⁷ М. Мурко. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus und der Gesta Romanorum. — In: Arch. f. sl. Phil., Bd XIV, 1892, H. 3, S. 412—413.

⁸ Ю. А. Яворский. Повести из «Gesta Romanorum» в карпато-русской обработке конца XVII века. Прага, 1929, с. 4, примеч. 4.

⁹ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1902, с. 512—513.

писано из римских и из инных книг, яже нынѣ обрѣтаются в сей выше-реченной книгѣ, кратко собраны и людем в научение и к познанию изданные. Печатанные в Краковѣ, в типографии пана Войтѣха Секѣльновича, типографа его королевскаго величества полскаго, в лѣто от Христова рождения 1663 году. Нынѣ же милостию великаго Бога с полскаго языка на Словенский преведены в лѣто 7199 (1691) году».

Как на год перевода рукопись указывает на 1691 г., тогда как известны более ранние русские рукописи РД, например ГПБ, собр. Погодина, № 1604 (1681 г.) или ГИМ, собр. Уварова, № 66—8°, (конец 60-х—начало 70-х гг. XVII в.). Следовательно, это или второй, особый, перевод сборника с польского языка, или же переделка старого перевода (например, «перевод» с западнорусского на русский, как считал М. Мурко).

Вторая точка зрения представляется менее вероятной уже потому, что в этом случае придется допустить, будто в одной из самых поздних по времени рукописей сохранилось первоначальное название сборника, соответствующее в своей первой части заглавию польского сборника: «Historyje rozmaite z rzymskich i z innych dziejów wybrane z wykłady ich obyczajnymi, ludzi ku rozmyłowaniu mądrości i też innych snót przywodzące» (Польское издание «Historyj rzymskich» 1566 г.).¹⁰

На мысль о втором, особом, переводе с польского, представленном сборником Ув. 555, наводят и названия отдельных глав. В нескольких случаях в нем иначе переведены названия глав польского сборника, чем в остальных рукописях.

1. В названии 4-ой главы польского сборника «Przykład o chytrości diabelskiej, a jako sądy boskie są skryte» слово «sądy» передано в Ув. 555 как «суды» (Повѣсть о хитрости дьявольской, како покушает челоувѣки во отчаяние и о судѣх Божиих, яко невѣдомы суть), тогда как в остальных списках оно передано словом «судьбы» (Приклад о хитрости дьяволстѣ и яко судьбы божии неиспытанны скрыты суть).

2. В названии 5-ой главы польского сборника «Przykład o dziwnym zrzędzeniu boskim i o poczęciu świętego Grzegorza» слово «o poczęciu» переведено в Ув. 555 — «о початии» (Повѣсть о дивном смотрѣнью Божиим и о початію святаго Григорія, папы Римскаго, и да никтоже да не отчавается своего спасения), тогда как во всех других русских рукописях¹¹ — «о почитании» (Приклад о дивном промыслѣ божии и о почитании святаго Григорія).

3. В названии 39-й главы польского сборника «Przykład, że przejrzeniu bożemu żaden się sprzeciwić nie może» польское слово «przejrzeniu» в Ув. 555 передано словом «воли» (Повѣсть на изъявление, яко воли божии никто же противитися может), тогда как в остальных рукописях в соответствующем месте встречаем полонизм «прозрению» (Приклад, яко прозрѣнью Божию никто может противитися).

Следует отметить, что названия и других 3-х глав сборника в рукописи Ув. 555 отличаются от названий соответствующих глав в остальных рукописях. (Всего в сборнике 6 глав).

Что касается текста Повести об Аполлонии Тирском (памятника, специально исследуемого нами)¹² в составе Ув. 555, то он существенно

¹⁰ Переиздано частично Ю. Кжижановским, см.: Proza polska wczesnego Renesansu 1510—1550. Opracował Julian Krzyżanowski, PIW. Warszawa, 1954, s. 149—181.

¹¹ В рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1714 в соответствующем месте стоит слово «о зачатии». Но, по всей видимости, это не первоначальное чтение первого перевода, а вторичная правка одного из переписчиков, поскольку в этой рукописи читается не первоначальный, а второй, несколько переработанный текст РД.

¹² См.: Л. В. Соколова. 1) Об источнике перевода Повести об Аполлонии Тирском. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 342—355; 2) Две русские редакции

отличается от текста повести в других списках «Римских деяний». Во-первых, язык сборника Ув. 555 почти лишен полонизмов, характерных для других рукописей, во-вторых, в нем можно отметить различные сокращения сравнительно с текстами других списков и расхождения с ними в отдельных подробностях и стилистическом оформлении.

Что касается стилистических расхождений, то они могли возникнуть и на русской почве. Другое дело — ошибки в рукописях первого перевода, которым соответствуют верные чтения в Ув. 555. Можно, однако, предположить, что эти ошибки были выправлены в Ув. 555 позднее, на основании сверки с польским текстом.

Чтобы решить проблему списка Ув. 555 (т. е. установить, к какому переводу он восходит), обратимся к польской повести. Как известно из работ А. Брюкнера¹³ и Ю. Кжижановского,¹⁴ существует две редакции польских «Historyj rzymskich» — первоначальная и вторая, «модернизированная и сокращенная», по определению А. Брюкнера.¹⁵ Н. Нильссон, сравнив с польскими текстами имевшийся в его распоряжении список РД из собрания Спарвенфельда и опубликованный русский сборник, пришел к выводу, что русские тексты передают текст первой польской редакции (далее ИПР), а из двух известных изданий этой редакции — 1543 и 1566 гг. — они ближе к последнему.¹⁶

Это справедливо по отношению ко всем русским спискам РД, исключая лишь список Ув. 555, который отличается как от ИПР (изд. 1566 г.), так и от русских рукописей. Сравнив же его с изданием Быстроны,¹⁷ представляющим вторую польскую редакцию сборника (далее ИПР), мы увидим, что они полностью соответствуют друг другу. Пропуски и изменения русского текста имеют соответствия в польском тексте второй редакции.

Обратимся теперь к тексту интересующей нас Повести об Аполлонии Тирском из списка Ув. 555 и покажем его зависимость от ИПР, «сокращенной и модернизированной», по характеристике А. Брюкнера.

Текст ИПР по сравнению с текстом ИПР значительно сокращен. В нижеследующих примерах из польского издания 1566 г. фразы, опущенные в ИПР (издание Быстроны), а вслед за ней и во втором русском переводе (далее РП—2), выделены курсивом.

1. O możne książę! Krwi ślachtetna! Przemóżyż swą przyrodzoną ślachtetnością umysł swój szkarady, a nie bądź gańcą krwi królowny. . . (с. 171).

2. Mówią, abyś był zwycięzyciel, ale nie jesteś, nie zwyciężysz li nad swą złą myślą. Ale lepsze jest zwycięstwo takowe, niżli który by zburzył niedobyte miasta i grody albo zwyciężył nad mocnym królem (с. 152).

3. A temu, któremuż mię był kazał zabić, morscy zbójce odjęli mię, a tak mręcy, nie mrę (с. 171).

4. Видимо, уже при переводе с чешского была испорчена и загадка о губке (5-я), выпущенная в ИПР. Не находим ее и в РП—2.

5. В другом месте в ИПР и РП—2 отсутствует целый отрывок, испор-

XVII века Повести об Аполлонии Тирском. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 313—322; 3) Литературные обработки Повести об Аполлонии Тирском в XVIII веке. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 279—291.

¹³ A. B r ü c k n e r. Zvej polnische Unicate der Baurischen Staatsbibliothek. — In: Arch. f. sl. Phil., Bd XLI, 1927, S. 161—168.

¹⁴ J. K r z y ż a n o w s k i. Klocek powieściowy z XVI wieku. — In: «Exlibris». Czasopismo poświęcone książce, VI. Kraków, 1924, s. 2.

¹⁵ A. B r ü c k n e r. Zvej polnische Unicate. . ., S. 165.

¹⁶ N. Å. N i l s s o n. Die Apollonius-Erzählung in den slavischen Literaturen, t. 3. Uppsala, 1949, S. 133—134.

¹⁷ J. B y s t r o Ń. Historye rzymskie (Gesta Romanorum). — In: Biblioteka pi-sarzów polskich, t. 29. Kraków, 1894.

ченный еще при переводе с чешского на польский,¹⁸ повествующий о том, что после смерти жены король Антиох имел единственное утешение — дочь, одаренную Богом всевозможными достоинствами: «Tedy król ją się z córką swą dary darzyć, bo na niej nic nie było zamieszkało przygodzenie, jedno iż ją Bóg śmiertelną był uczynił» (с. 151).

6. В ИПР сообщалось, что после продажи пшеницы Аполлон повелел возвратить гражданам полученные за нее пенязи, чтобы его купцом не назвали: «Ale aby jego kurcem nie nazywali, wszystkie pieniądze im wrócić a kazał tym miasto ograwować» (с. 157). В ИПР, а вслед за ней и в РП—2 эта фраза опущена.

Еще нагляднее зависимость РП—2 от ИПР в тех случаях, когда польский редактор не пропускает, а изменяет отдельные фразы. Примеры приводятся по изданию 1566 г. (ИПР), по изданию Быстроны (ИПР) и по рукописи Ув. 555 (РП—2). Для сравнения приводится и текст первого русского перевода (далее РП—1) по рукописи БАН, собр. Плюшкина, № 110.

ИПР

W tym mieście król z dworem swym przebywał z swą królową, która była od Boga nadarzona wysoce: krasą, piękną rozmową, a nade wszystko czystym życiem a wiernym sercem (с. 151).

РП—1

А та его кралева была от Бога нарощена высокою красоты, чудными и бесѣдою сладка, паче же всего житнем чистым и вѣрным сердцем (л. 376 об.).

ИПР

... która była bardzo piękną, mądrą i snotliwą (с. 11).

РП—2

Королева же его была такожде велми прекрасна и премудра и розмотрительна (л. 402 об.).

ИПР

Królu Antiochu! Każdy to na twym licu zna, iżem ją gadkę wyłożył. . . (с. 156).

РП—1

Королю Антиоше! Всяк то на твоём лице познает, что я твою загадку прямо выложил. . . (л. 383).

ИПР

Królu, każdy to widzi, że ją gadkę wyłożył. . . (с. 16).

РП—2

Цесарю великий Антиоше! Каждый то человек видит, что я загадку твою отгадал есть (л. 411).

Прямая речь Аполлона в ИПР заменяется в ИПР (а следом за ней и в РП—2) словами автора, кратко передающими смысл высказывания Аполлона.

ИПР

Ej, mili towarzysze! Poniechajcie jej w okręcie, bo nie jest ciało sprosnego człowieka, aleć była króla wielkiego (с. 164).

РП—1

Ей милые товарищи, подождите мало, ибо не есть тѣло проста человекѣка, але была дочь короля великаго (л. 395).

ИПР

K temu Apollon z wielką żałością nie chciał być tego uczynić, aby ją miał wyrzucić z okrętu, ale. . . (с. 25).

РП—2

Аполлон же с великою жалостию того и не хотя учинити, дабы то тѣло королевы иво из коробля в море было пущено. . . (л. 427 об.).

¹⁸ Подробнее об этом см.: Л. В. Соколова. Об источнике перевода Повести об Аполлонии Тирском, с. 352—353.

Вопрос Аполлона к Антиоху перед ответом на загадку по-разному звучит в двух польских редакциях. РП—2 следует за ИПР.

ИПР

Przeto daj mi znać, tajemnie li ją każesz
wyłożyć czyli jawnie! (с. 155).

РП—1

Сего ради дай мнѣ знать, тайно ли ю по-
велѣваеши выложить или явно?
(л. 382 об.).

ИПП

Przeto powiedz mi, jeśli mam ją jawnie
wyłożyć! (с. 15).

РП—2

Токмо скажи мнѣ, мочно ли ю явно
при всѣх людях объявити? (л. 410 об.).

Изменена в ИПП и вслед за ней в РП—2 рифмованная поговорка, бывшая в тексте ИПР.

ИПР

Kto nie waży, ten nie przeważy (с. 154).

РП—1

Кто не важить, тот не преважить (л. 381).

ИПП

Kto nie waży, ten nie ma (с. 14).

РП—2

Кто чего не желает, тот того и не полу-
чает (л. 408 об.).

На ИПП как на оригинал указывают также отдельные слова и выражения РП—2.

1. ИПР: idiż na grę (с. 158);
ИПП: idiż na górę (с. 18);
2. ИПР: gąść (с. 159);
ИПП: grać (с. 19);
3. ИПР: kurwi gospodarz (с. 170);
ИПП: nieuczciwych biatych głów gospodarz

- РП—1: пди на игру (л. 387)
РП—2: иди на гору (л. 416)
РП—1: умѣла густь (л. 388)
РП—2: умѣла играти (л. 417 об.)
РП—1: курвей господарь (л. 402 об.)
РП—2: нечестивый господин (л. 439 об.)

Приведенные примеры достаточно убедительно, на наш взгляд, говорят о том, что текст в рукописи Ув. 555 представляет собой особый, второй, перевод РД с польского на русский язык.

Что можно сказать о качестве второго перевода?

На этот вопрос ответить пока трудно, поскольку текст второго перевода известен нам всего по одной рукописи — ГИМ, собр. Уварова, № 555. Повествование в ней ведется на русском литературном языке второй половины XVII в.; в отличие от первого перевода полонизмы здесь встречаются редко, и пословного соответствия польскому тексту здесь нет.

Однако большое число явно вторичных чтений, а также неполнота текста (всего 6 глав) позволяют допустить, что список Ув. 555 отражает не первоначальный текст второго перевода, а более поздний. На эту мысль наводит и существование нескольких украинских списков «Римских деяний», так же как и Ув. 555 восходящих к ИППР. Некоторые из них представляют собой небольшие отрывки (например, список ГПБ, Q XVII.220 — загадки Тарсии), другие — различные переработки текста повестей из РД (например, рукопись, описанная Ю. А. Явор-

ским¹⁹ и содержащая 8 рассказов из РД в переработке для устной проповеди на малорусском наречии, или рукопись ГПБ, 0 XV.5 — обработка повести об Аполлонии Тирском). Известно, что А. А. Назаревский готовил издание обнаруженных им украинских текстов рассказов из РД.²⁰

Ив. Франко указал единственный (из известных) полный украинский текст «Римский деяний» в рукописи Ст. Самборины (далее Ст. Самб.) первой половины XVIII в., принадлежавшей библиотеке Перемышльского капитула (шифр L I.I.8). В настоящее время местонахождение рукописи неизвестно, поэтому судить о ней можно лишь по описанию Ив. Франко²¹ и скудным сведениям М. Возняка.²²

О взаимоотношении указанных рукописей можно будет судить лишь после изучения всех известных украинских списков, здесь же мы отметим лишь некоторое сходство рукописей Ст. Самб. и Ув. 555.

Во-первых, сборник Ст. Самб. во многом отличается от русских рукописей первого перевода и восходит, по-видимому, как и Ув. 555, к ИПР. Это можно предположить исходя из следующего. Сборники первого перевода не следуют точно за польским в порядке расположения глав. Кроме того, они не включают первую главу польского сборника — «О унижении суетной хвалы». Рукопись же Ст. Самб. точно соответствует по составу и по расположению глав польскому сборнику, и именно второй редакции, в которой опущена глава о скупом кузнеце (37-я в сборниках ИПР). Заглавие сборника Ст. Самб. также отличается от заглавий сборников РД первого перевода и сходно с заглавием Ув. 555 (в последнем оно лишь несколько распространено и русифицировано). Если рукописи первого перевода по сути дела дают сборнику самостоятельное название, хотя и восходящее к польскому, но не следующее ему, то в заглавиях сборников Ст. Самб. и Ув. 555 находим соответствие польскому сборнику, причем в Ст. Самб. почти дословное.

Поскольку заглавия сборников ИПР и ИПР различаются, то возникает вопрос: заглавие сборника какой польской редакции передают Ст. Самб. и Ув. 555? Ответить на него определенно и однозначно пока нельзя.

В польском сборнике ИПР (переизданном Быстроном) помимо основного заглавия (на титульном листе) приводится еще одно — непосредственно перед текстом. Можно предположить, что это название того сборника, который лег в основу переизданного Быстроном (текст какой из польских редакций он содержал — ИПР или ИПР — неизвестно). Именно это второе заглавие польского сборника ИПР (переизданного Быстроном) и передают Ст. Самб. и Ув. 555.

Для наглядности приведу заглавия польского издания 1566 г. (1), два заглавия сборника ИПР, переизданного Быстроном (2, 3) и заглавия русских сборников: РП—1 по рук. ГИМ, собр. Уварова, № 66—8° (4), Ст. Самб. (5) и Ув. 555 (6).

1. Historyje rozmaite z rzymskich i z innych dziejów wybrane z wykłady ich obyczajnymi, ludzi ku rozmyślowaniu mądrości i też innych cnót przywodzące.

2. Historie rzymskie rozmaite z różnych dziejów z wykładami obyczajnymi krótko zebrane, ludziom ku rozmyślaniu mądrości i też i innych cnót przywodzące. Teraz z poprawą lepszą ku wiadomości ludzkiej wydane.

¹⁹ Ю. А. Яворский. Повести из «Gesta Romanorum...», с. 6—12.

²⁰ А. А. Назаревский. К истории русско-украинских литературных связей (статья вторая). — Вопросы русской литературы. Львов, 1968, № 2 (8), с. 10, примеч. 26.

²¹ Ив. Франко. Карпато-руське письменство XVII—XVIII вв. Львов, 1900.

²² М. Возняк. История украинской литературы, т. III. Л., 1924, с. 144.

3. Historie rozmaite z rzymskich i też innych dziejów krótko zebrane.
4. История из римских дѣяний, преведена ново и списана с друкованой с польской книжицы и языка на словенский язык.
5. Гисторие rozmaite z римских и теж инных акторов коротко зобраны.
6. Истории rozmaite, сирѣчь повѣсти избранныя, с толкованием надлежащим, выписано из римских и из инных книг, яже нынѣ обрѣтаются в сей вышереченной книгѣ, кратко собраныя и людем в научение и к познанию изданные...

Интересно, что на месте слова «деяний» (ср. польское «dziejów») в рукописи Ст. Самб. находим слово «акторов», а в рукописи Ув. 555 — «книг». Это служит доказательством того, что эти рукописи восходят или к одному польскому изданию, или к одному славянскому переводу с польского. В последнем случае слово «акторов» (авторов) следует признать первичным, соответствующим польскому оригиналу.²³ Слово же «книг» появилось, видимо, уже на более позднем этапе как более соответствующее контексту (выписано из книг. . .).

Подчеркнем, что обе эти рукописи не дают традиционного названия русского сборника — Римские деяния. Впрочем, и рукописи первого перевода называют его иначе — История из римских деяний. . .

Сходство между собой рукописей Ув. 555 и Ст. Самб. и отличие их от рукописей первого перевода видно также из названий отдельных глав. Например, как и в Ув. 555, в рукописи Ст. Самб. слово «sady» (4-я глава) переводится как «суды», а «o rozcecin» (5-я глава) как «о початии».

О сходстве этих рукописей свидетельствует и подзаголовок «Истории об Аполлоне». В рукописях первого перевода он звучит так: «Прлклад, что печаль пременяется в радость». В Ув. 555 и Ст. Самб. слово «приклад» дано с предлогом — «на приклад».

Итак, рукопись Ст. Самб. содержит текст, отличный от текста рукописей РП—1 и восходящий, как и Ув. 555, к ИПР. Сходство Ст. Самб. и Ув. 555 позволяет думать, что они восходят к одному (в таком случае к западнокарпатскому) переводу. Однако мы пока не располагаем достаточным материалом, чтобы доказать это, поскольку в одном случае мы имеем лишь описание рукописи (Ст. Самб.), а в другом — лишь явно не первичный, переработанный текст 6-ти глав РД.

Если же на основании приведенных фактов предположить, что рукопись Ст. Самб. восходит к тому же переводу, что и Ув. 555, то в таком случае в Ст. Самб. читается более ранний текст РД, более близкий к польскому оригиналу. По словам Ю. А. Яворского, он даже не может никоим образом считаться переводом с польского текста, а является лишь «простой кирилловской транскрипцией его, которой даже иногда без польского сочтения нельзя понять».²⁴ Список же Ув. 555 представляет собой в таком случае уже великорусский извод перевода, язык в котором русифицирован.

Кроме того, в том случае, если две эти рукописи действительно восходят к одному переводу, можно будет говорить о том, что второй славянский перевод «Римских деяний» (южнорусский) включал все 39 глав польского сборника второй редакции, а не 6 глав, как можно предполагать, судя по списку Уварова № 555.

²³ Именно это слово (autorów) находим в единственной польской рукописи «Historij rzymskich», списанной с печатного издания. См. о ней: L. B e r n a s k i. Przyczynki do dziejów dawnej powieści polskiej. — In: Pamiętnik literacki, t. 2. Lwów, 1903, s. 396—397.

²⁴ Ю. А. Я в о р с к и й. Повести из «Gesta Romanorum. . .», с. 5, примеч. 3.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

К изучению Радзивилловской летописи

Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись иллюстрирована более чем 600 миниатюрами. Ряд наблюдений показывает, что миниатюристы использовали при работе более ранний оригинал.¹ Наряду с архаичными реалиями и элементами в рукописи представлены и позднейшие, непосредственно связанные со временем создания рукописи (концом XV в.). Среди этих позднейших элементов выделяется целый ряд несомненно возникших под западноевропейским культурным влиянием.² Вопрос о характере этого культурного влияния и о механике их проникновения на страницы рукописи по существу не разработан. Между тем их изучение в этом направлении может помочь понять ту историко-культурную ситуацию, в которой была создана рукопись, и объяснить многие ее особенности (например, последовательный архаизм миниатюр и почти полное игнорирование достижений древнерусского искусства XIV—XV вв.).

Наиболее детально изучавший западноевропейские элементы на миниатюрах Радзивилловской летописи В. И. Сизов определенно связывал их с влиянием образцов немецкого искусства конца XV в., в частности гравюр печатной Нюрнбергской хроники Шеделя (1493 г.). Однако влияние именно этой книги на иллюстраторов Радзивилловской летописи не доказано — бесспорные перерисовки гравюр хроники в рукописи отсутствуют. Согласно издательскому примечанию к работе В. И. Сизова, исследователь не считал Нюрнбергскую хронику безусловным и единственным источником западных элементов миниатюр Радзивилловской летописи. В последние месяцы своей жизни он искал такой источник также в лицевых списках известного юридического произведения «Саксонское зеркало».³

Перечисленные В. И. Сизовым западноевропейские элементы не являются бесспорным свидетельством использования миниатюристами образцовых образцов. В. И. Сизов останавливал свое внимание на предметах вооружения, одежде, утвари и прочих реалиях, которые могли попасть на миниатюры как в виде заимствования из чужеземного изобразительного искусства, так и непосредственно, в результате наблюдения. В пользу второй возможности говорит важное наблюдение В. И. Сизова: художник смело варьирует позу и ракурсы повторяющейся фигуры всадника в рыцарских доспехах.⁴ Очевидно, перед нами не копирование об-

¹ См.: А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 12—18.

² См.: В. И. Сизов. Миниатюры Кенигсбергской летописи. — ИОРЯС, т. X, 1905, вып. 1.

³ Там же, с. 50.

⁴ См.: там же, с. 37, 38; М. И. Артамонов. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи. — Известия государственной академии истории материальной культуры, т. X, вып. 1. Л., 1931, с. 20, 21.

равца, а свободный подход к знакомому образу. Таким же образом варьируются и фигуры герольдов в двухцветных одеждах.

Рассматривая по порядку миниатюры Радзивилловской летописи, можно видеть, что изображения, отражающие западноевропейские влияния, распределены на них неравномерно, причем эта неравномерность может быть связана с общей эволюцией стиля и содержания миниатюр.

Прежде всего отметим, что наиболее тщательно исполненные миниатюры находятся в самом начале рукописи, тогда как заключительная ее часть иллюстрирована явно небрежно. Та же тенденция к деградации оформления от начала к концу рукописи прослеживается и по другим признакам. По первоначальному замыслу каждая миниатюра должна была иметь пояснительную надпись на полях. Однако такие надписи имеются лишь на самых первых миниатюрах, до восьмого листа рукописи включительно. Незаконченным осталось и украшение рукописи заглавными буквами: после 107-го листа места, оставленные для инициалов, не заполнены.

На миниатюрах Радзивилловской летописи вполне определенно опознается художественный почерк работавших очень по-разному миниатюристов.⁵ Из них первый работает в более ученической и архаичной манере: в его рисунках сильнее ощущается влияние раннего оригинала, а второй — в более свободной и профессиональной. Почти все миниатюры до л. 194 исполнены первым мастером и затем подправлены вторым, затем следуют миниатюры, принадлежащие только второму мастеру. Среди последних имеются как исключение две, исполненные опять-таки первым мастером. Степень участия второго мастера в оформлении той части рукописи, где он выступает вместе с первым, различна. В нескольких случаях он не просто подправляет стиль и манеру исполнения, а полностью бракует работу первого мастера.

На л. 38 второй мастер вырезает и переклеивает попавшую не на свое место миниатюру первого мастера, а на подклеенной в результате этой операции части листа с заново переписанным текстом помещает собственные миниатюры. На л. 88—89 второй мастер заклеивает ряд миниатюр первого мастера своими, так как одна из миниатюр не соответствовала непосредственно предшествующему тексту, а последующие оказались смещенными на один порядок. Еще одна миниатюра заклеена на л. 95 об.,⁶ где первый мастер по ошибке повторил композицию, уже изображенную им значительно раньше (на л. 88 об., где также имеется заклейка). Очевидно, цепь исправлений миниатюр с заклеиванием их новыми начинается с л. 95, где ошибка первого миниатюриста объясняется незнакомством с примыкающим текстом, возможно — неграмотностью. Переместив миниатюру с л. 95 на место, положенное ей по тексту, второй мастер обнаружил, что на обороте листа, на который он перенес эту композицию, она же изображена еще один раз (итого, считая две заклеенные, в рукописи три миниатюры, иллюстрирующие одно и то же место текста!) и был вынужден продолжить заклеивание миниатюр.

На л. 155—170 неудовлетворенность второго мастера работой первого выражается по-другому. Здесь он присовывает к композициям, выполненным первым мастером, свои дополнения, преимущественно расширяя миниатюры за счет полей рукописи. Среди этих дополнений сначала выделяется ряд изображений животных, затем их сменяют фигуры людей, причем дорисовки текстом прямо не обусловлены. На тех же листах зна-

⁵ Взаимные отношения миниатюристов описаны на основании исследования М. И. Артамонова (Миниатюры Кенигсбергского списка летописи, с. 5—15). Определения западноевропейских реалий сделаны В. И. Сивовым.

⁶ См.: О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, с. 62, 71, 72, рис. 30—32.

чительное число пририсовок архитектуры. Но это последнее явление встречается и в других местах рукописи.

Исполненные на полях пририсовки нет основания относить к другому времени и другим мастерам. Лица фигур на этих пририсовках вполне идентичны лицам, исполненным вторым мастером, а несколько неожиданные персонажи — фигура в рыцарских доспехах, герольды — появляются в дальнейшем на миниатюрах заключительной части рукописи, иллюстрированной одним вторым мастером, в качестве основных, изначальных элементов композиций.

Западноевропейские элементы, убедительно определенные В. И. Сизовым, как правило, связаны со вторым мастером и находятся преимущественно в заключительной части рукописи, над иллюстрированием которой он работал один, а также среди его пририсовок к миниатюрам на л. 155—170. Это обстоятельство побудило В. И. Сизова объявить этого мастера немцем.⁷ Это мнение, как убедительно показал М. И. Артамонов,⁸ несостоятельно. Помимо доводов М. И. Артамонова, укажем на такой факт: второй мастер в отличие от первого вполне профессионально рисует условные горки по древнерусской иконописной традиции (см. л. 211 об., нижняя миниатюра, далее: н.; л. 222 н.; ср.: л. 160 об. н., 187 н.). Тому же второму мастеру, очевидно, принадлежат и пририсованные к ряду миниатюр архитектурные формы в духе современной созданию рукописи древнерусской иконописи. О. И. Подобедова предполагает, что эти изображения принадлежат руке еще одного, третьего, мастера.⁹ Это положение может быть, как кажется, оспорено. На миниатюрах, принадлежащих одному второму мастеру, имеются изображения архитектуры, аналогичные тем, которые представлены на пририсовках, причем в ряде случаев всякая возможность «врисовывания» архитектуры исключается, так как последняя изначально связана с другими элементами композиций, в частности, загораживает части уходящих в нее или выходящих из-за нее фигур (л. 194 об. н., 195 об.). Наиболее значительное скопление пририсовок архитектуры приходится на те же листы, где упоминавшиеся выше пририсовки животных и людей (л. 155—170). Очевидно, вся эта серия пририсовок, для большей части рукописи не характерных, возникает одновременно, тогда как, по представлению О. И. Подобедовой, третий мастер должен был работать после многолетнего перерыва в оформлении рукописи. Само существование третьего мастера представляется сомнительным, поскольку на всех миниатюрах, в создании которых первый мастер не участвовал, нет бесспорных следов работы другого художника, кроме второго мастера, если не считать непрофессиональных пририсовок шпор и т. п., очевидно, не имеющих отношения к оформлению рукописи.¹⁰

Таким образом, второй мастер, наиболее свободно изображающий западноевропейские реалии, в то же время обнаруживает близкое знакомство с иконописными приемами. Характерно, что первое изображение женщин, одетых по западной моде, соседствует на одной миниатюре с таким уникальным для миниатюр Радзивиловской летописи условным элементом византийской и русской иконописи, как велюм, т. е. драпировка или завеса на архитектурных сооружениях (л. 119 в.). Для более полной

⁷ См.: В. И. Сизов. Миниатюры Кенигсбергской летописи, с. 47, 48.

⁸ См.: М. И. Артамонов. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи, с. 19—21.

⁹ См.: О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей, с. 87, 88.

¹⁰ См.: В. И. Сизов. Миниатюры Кенигсбергской летописи, с. 19, 48.

характеристики второго мастера следует напомнить, что им же исполнены и наиболее небрежные миниатюры рукописи.

Западноевропейские элементы на миниатюрах Радзивиловской летописи не ограничиваются теми, которые привнесены вторым мастером. Они есть и в произведениях первого мастера: готический трон и фигура рыцаря на л. 96 об., еще один рыцарь на л. 132, верхняя миниатюра (далее: в.), фигура волхва в западноевропейской одежде на л. 106 в. Очевидно, наличие западных элементов — не просто следствие случайного пристрастия одного из мастеров. Д. В. Айналов писал, что западноевропейские элементы появляются лишь с л. 96, а предшествующая часть рукописи следует за более древним оригиналом.¹¹ Это не вполне точно: ориентация на ранние образцы чувствуется до самого конца совместной работы двух мастеров, а отдельные западноевропейские реалии (архитектура, доспехи) появляются и в самом начале рукописи — на л. 9, 10. Тем не менее тенденция к увеличению роли западных элементов к концу рукописи, безусловно, существует.

Перейдем к рассмотрению некоторых изображений на миниатюрах Радзивиловской летописи, в которых можно также видеть следы западноевропейского культурного влияния из числа не отмеченных В. И. Сизовым. Речь будет идти об изображениях с чертами условности, присущей именно западноевропейскому, а не древнерусскому искусству.

К числу объектов, всегда передаваемых на миниатюрах Радзивиловской летописи условно, относятся небесные светила. Из них семь изображены согласно древнерусской традиции в условном сегменте неба, одно — на небесном свитке (иллюстрирует текст о небесных знамениях). Часть этих светил представлена в виде маленьких кружков с узким пучком лучей (л. 84 об. в., 124 н.). В трех случаях представлены образцы более развитой иконографии: часть диска отделена линией и образует полумесяц, в оставшейся (основной) части изображен человеческий лик в профиль; лучи образуют четыре пучка, расположенные крестообразно (л. 153 об. н., 172, 184). Изображение лучей в виде отдельных пучков, в частности четырех, восходит к византийским и русским домонгольским образцам.¹² Выделение как в лунном, так и солнечном диске полумесяца — распространенная особенность древнерусской иконографии этих светил XV—XVI вв.¹³ Небо-свиток — обычный элемент композиции «Страшный суд».

Помимо помещенных в сегментах неба и на небе-свитке, в рукописи есть изображения еще четырех светил, вокруг которых небо никак не показано. Из них одно, находящееся в заключительной части рукописи и исполненное вторым мастером (л. 243 об. н.), вполне соответствует древнерусской иконописной традиции: лучи образуют четыре пучка, расположенных крестообразно. Человеческий лик представлен в диске без полумесяца на этот раз в фас, имеет особые очертания головы и шеи, так что окружность диска не является в то же время очертанием лика, как это обычно бывает на изображениях XVI в. свител с лицом в фас. Указанная особенность также восходит к византийским и древнерусским домонголь-

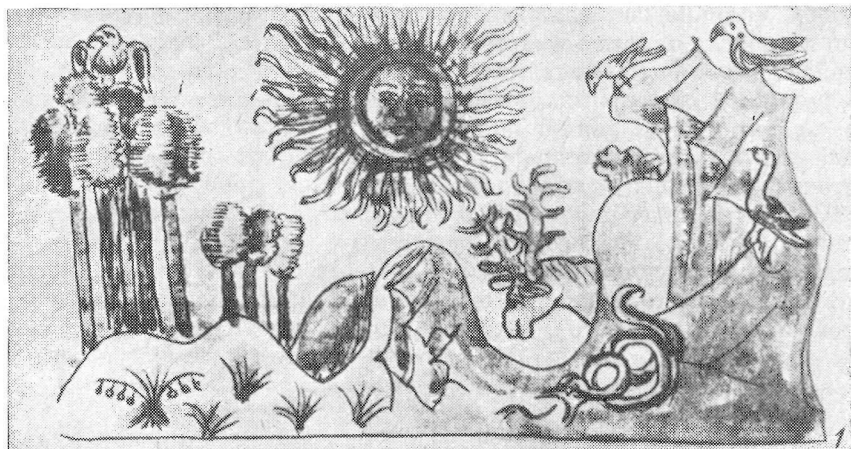
¹¹ См.: Д. В. Айналов. О некоторых сериях миниатюр Радзивиловской летописи. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, вып. 9, с. 319.

¹² См.: Е. К. Редин. Христианская топография Косьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916, с. 222, рис. 222; В. Н. Лазарев. История византийской живописи. Атлас, т. II. М., 1948, табл. 19, 107; В. И. Антонова, Н. Е. Мневина. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи, т. I. М., 1963, табл. 27.

¹³ См.: Е. К. Редин. Христианская топография Косьмы Индикоплова. . . , табл. II, 2; XV.

ским образцам.¹⁴ Если учесть два изображения маленьких солнц без лиц еще на одной миниатюре, изображающей небесное знамение, то на пяти миниатюрах Радзивилловской летописи имеется шесть изображений светил с крестообразным сиянием.

Еще два изображения небесных светил представляют их в виде диска-лика, ограниченного двумя concentрическими кругами, с заостренными

Изображение солнца и гербовых щитов на миниатюрах Радзивилловской летописи (1 — л. 124 об.; 2 — л. 168₂(в); 4 — л. 214 об. (в)).

лучами (описанные выше светила имеют лучи-черточки), причем прямые лучи чередуются с волнистыми (л. 95 н., 124 об. — рис. 1). Последняя черта в сочетании с ликом в фас — характерная особенность западноевропейских изображений солнца, восходящая к традициям готического искусства. Такая иконография солнца особенно характерна для его условных изображений прикладного характера. Именно так солнце изображается в геральдике, такая иконография долго сохраняется в лубке и

¹⁴ Там же, с. 122, рис. 99, табл. XXIV, 2.

Если изображение солнца на л. 95 сопровождается еще одной миниатюрой, представляющей неблагоприятное знамение, то миниатюра на л. 124 об. завершает целую серию из четырех таких миниатюр. На л. 123 об. миниатюра изображает, как «спаде змии превелик с небеси», а две миниатюры на л. 124 изображают явление бесов в Полоцке. Вся эта цепь знамений, очевидно, рассматривалась как предвестие трагических событий 1093 г., в частности неудачной для русских битвы у Треполя, где погиб брат Владимира Мономаха Ростислав. Эти события, равно как и события 1067 г., рассматривались летописцем как величайшие бедствия. По поводу обоих в летопись включены пространные поучения о казнях божиих. Очевидно, миниатюрист сознательно выделит знамения, связанные с наиболее драматическими событиями. Показательно, что для этого понадобилось обратиться к чужеземным образцам. Изображение небесного знамени на л. 124 находится в той части летописи, где следы западного влияния встречаются довольно редко. Ближайшие западные элементы имеются на л. 119 в. (женская одежда) и л. 132 в. (фигура в рыцарских доспехах). В непосредственной близости от рассмотренного изображения солнца имеется изображение, представленное в сегменте (л. 124 н.), еще несколько традиционных сегментов без светил находятся на ближайших листах (л. 121 об., 123 об., 129 об. н.).

Еще одно изображение небесного светила вне небесного сегмента или свитка находим на л. 132 н. Это изображение луны в виде полумесяца с профильным ликом. Такая иконография не характерна для древнерусского и византийского искусства, для которых обычен полный диск, иногда с выделенным в нем полумесяцем, зато обычна в западноевропейском искусстве. Заостренные лучи, исходящие от полумесяца, также находят западную аналогию.¹⁹ Рассматриваемое изображение луны не обладает значительной смысловой нагрузкой: миниатюра посвящена нашествию саранчи, которая двигалась к северным — «полуночным» — странам. Изображение луны текстом прямо не обусловлено. Очевидно, она как ночное светило символизирует «полуночь» — север. Данный элемент западноевропейской иконографии в этом месте рукописи не одинок: на том же листе, выше, имеется изображение фигуры в рыцарских доспехах, исполненное первым мастером.

Из числа образов фантастических животных на миниатюрах Радзивилловской летописи внимание привлекает образ единорога (л. 191 об.). В отличие от обычного, конского, облика этого существа в древнерусском искусстве в данном случае он наделен определенными чертами козла (форма морды, борода, манера выступать, раздвоенное копыто). Ранние византийские изображения единорога трактуют его как сказочное существо, в котором трудно опознать черты реального зверя.²⁰ То же касается древнейшего изображения единорога на Руси (имеется в виду изображение на находящемся в Александрове новгородских дверях 1336 г.).²¹ Отметим, что домонгольские изображения единорога, если не считать Козерога в Изборнике Святослава,²² неизвестны. Его нет в чрезвычайно богатом арсенале звериных образов на стенах белокаменных соборов

¹⁹ См.: Н. Kuntze. Geschichte der Buchillustration in Deutschland in das 15 Jahrhundert. Leipzig, 1975, Taf. 3, 146; Ф. И. Булаев. Свод изображений. . . , табл. 246, д.

²⁰ См.: В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II., табл. 44 в.; J. Strzykowski. Der Bilderkreis des Griechischen Physiologus. — Byzantinisches Archiv. Н. 2. Leipzig, 1899, Taf. XII.

²¹ См.: В. Н. Лазарев. Васильевские врата 1336 г. — В кн.: Светская археология, т. XVIII. М., 1953, с. 428, рис. 28.

²² См.: В. Б. Гиршберг. Козлырог в Изборнике Святослава 1073 г. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М.—Л., 1972.

Владими́ро-Суздальского княжества. Таким образом, весьма сомнительно, что этот образ в рукописи может восходить к оригиналу домонгольского времени. Между тем козлоподобный единорог с бородкой и витым рогом находит близкие западноевропейские аналогии.²³ Впрочем, история проникновения этого образа на Русь неясна. Единорог из близкой по времени рукописи Христианской топографии Косьмы Индикоплова имеет, как и позднейшие русские единороги, ярко выраженный конский облик, в частности положение передних ног, отсутствие бородки; однако у него раздвоенные копыта и витой рог.²⁴

Рассматриваемая миниатюра — единственная полностью аллегорическая композиция Радзивиловской летописи. Изображенные на ней единорог, павлин, летящая птица, поверженное оружие и стяг иллюстрируют текст о чудесном спасении Андрея Боголюбского в бою: «. . .шолом с него слете и щит на нем оторгоша. Божьим заступлением и молитвою родитель своих сохранен бысть без раны». Таким образом, и батальная сцена и идея божественного покровительства заменены аллегорией с образами животных. Это единственная миниатюра рукописи, где главными действующими лицами являются животные, до того представленные в основном в виде пририсовок второго мастера (на миниатюре имеются следы работы обоих мастеров). Миниатюра, помещенная в рукописи ранее (л. 185 н.), изображает еще одно чудесное спасение того же князя на поле брани. Первоначально она включала изображение святого заступника князя, фигура которого, однако, была затем стерта и раскраске не подвергалась.²⁵ Очевидно, средневековая аллегория была миниатюриста́м ближе, чем чисто иконописная трактовка идеи божественного покровительства.

Точное значение элементов аллегорической композиции не вполне ясно. Думается, что мысль Н. Н. Воронина о том, что единорог здесь символизирует смерть,²⁶ не верна. В таком значении единорог изображался лишь в одной композиции, связанной с определенным текстом. В Физиологе единорог — положительный образ. Здесь это существо с поднятым рогом скорее всего связано с библейским текстом «вознесется яко единорога рог мой» (Псалом 91, 11) (рядом с этим текстом единорог изображен на полях византийской псалтыри),²⁷ т. е. отражает идею торжества праведника. Ближайшие серии миниатюр, отмеченных сильным западным влиянием, имеются на л. 155—170, где представлен ряд изображений животных, часть из которых, по-видимому, имела аллегорическое значение, и в заключительной части рукописи — с л. 194 до конца.

Значительное количество изображений рыцарских доспехов и герольдов, представленных как в двухцветных одеждах, так и в виде ряженных, заставляет поставить вопрос: а не оказал ли воздействие на миниатюристов такой важный аспект рыцарской культуры, как геральдика?

²³ См.: R. van Marle. *Iconographie de l'art profane au Moyen age et a la Renaissance*, v. 1, La Haye, 1934, p. 184, fig. 184; E. Panofsky. *Renaissance et Renaissance in Western art*. Stockholm, 1960, fig. 52.

²⁴ См.: Е. К. Редин. Христианская топография Косьмы Индикоплова. . . , табл. XX, 1. См. также: Н. Н. Розов. Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтыри. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1966, с. 78, рис. 3.

²⁵ См.: А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры. . . , с. 32.

²⁶ См.: Н. Н. Воронин. Рец. на кн.: А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. — Вестник АН СССР, 1945, № 9, с. 113.

²⁷ См.: В. М. Ундольский. Описание греческого кодекса псалтыри IX—XII вв. с современными изображениями, принадлежащего А. И. Лобкову. — В кн.: Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866, с. 152.

Рыцарский щит мог быть геральдически значимым даже без всякого рисунка, за счет одной окраски. Однако при отсутствии дополнительных аргументов одноцветный щит нельзя считать геральдическим. Не бесспорно геральдическими являются и изображения на щитах животных и т. п. Собственно геральдическими фигурами называются чисто условные фигуры, образованные разделением щита на части и окрашенные в разные цвета.²⁸ Только наличие таких фигур, одних или совместно с другими изображениями, можно рассматривать как отражение западноевропейской геральдики. Простейшим видом щита с бесспорным геральдическим изображением следует считать «рассеченный щит», т. е. разделенный вертикальной чертой на две равные части, окрашенные по-разному.²⁹ Такой щит имеется на л. 168 в., в составе группы миниатюр с пририсовками (рис. 2). Ряд щитов на других миниатюрах имеет аналогичную разделительную черту, но половины щита цветом не выделены (л. 116 об., 120 об., 133 н., 153 об. в., 156 в., 158 в., 170 об., 173 н., 206 об. н., 228 в.). Возможно, если предположить несогласованность или некоторый разрыв между рисованием и иллюминировкой миниатюр, что по первоначальному замыслу эти щиты тоже должны были изображать гербовые рассеченные щиты.

Еще одна простейшая геральдическая фигура — столб — вертикальная полоса, отличающаяся по цвету от остальной части щита.³⁰ Такой щит имеется в заключительной части рукописи на л. 214 об. в. (рис. 3). Кроме него также имеется ряд щитов, аналогичных по рисунку, но не имеющих соответствующей раскраски (л. 21 об. н., 195 н., 212 в., 214 об. н., 217 об. н., 223, 226 об., 229 в., 231 об.). Отметим, что, по мнению А. Н. Кирпичникова, полоса на этих щитах изображает конструктивную особенность — долевого желоб.³¹ Однако такой рисунок имеется не только на щитах, по форме близких павезам — щитам, имевшим такой желоб, но и на круглом щите (л. 214 об. н.) и миндалевидном (л. 229 в.). Щит на л. 214 об. в. по форме сходен с павезой, но поскольку полоса выделена цветом, ясно, что она не изображает долевого желоб. В этой связи возникает сомнение и в интерпретации щита, изображенного на костяном изделии XII в. из Пскова,³² который, по мнению А. Н. Кирпичникова, позволяет относить появление щитов рассматриваемого типа к более раннему времени. Рисунок этого щита, по-видимому, также геральдический. Во всяком случае, неясно, почему одни линии рисунка на щите А. Н. Кирпичников рассматривает как конструктивные, а другие — косые зубчатые, «подложенные», по геральдической терминологии, под столб — как декоративные. Сама форма этого щита миндалевидная и, таким образом, отличается от позднейшей павезы.

На л. 206 об. в. в рукописи имеется фигура в рыцарских доспехах с крестом на щите. Кресты часто встречаются среди геральдических изображений, но их могли изобразить на щите и просто как христианский символ.

²⁸ См.: И. Х. Гаттерер. Начертание гербоведения, с. 40.

²⁹ См.: там же, с. 45, табл. II, 22; Ю. В. Арсеньев. Геральдика, с. 143, табл. II, 16.

³⁰ См.: И. Х. Гаттерер. Начертание гербоведения, с. 82, табл. IV, 154; Ю. В. Арсеньев. Геральдика, с. 148, табл. IV, 31.

³¹ См.: А. Н. Кирпичников. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, с. 46.

³² Там же, с. 47, рис. 19. За время, пока данная статья готовилась к печати, вышла заметка польского исследователя А. Новаковского (A. Nowakowski. Jeszcze o genezie pawazy. Uwagi na marginesie książki A. N. Kirpicznikowa. — In: Kwartalnik historii kultury materialnej, 1980, N 1), в которой также подвергается сомнению версия А. Н. Кирпичникова о раннем появлении павезы на Руси.

В целом для памятника, столь богатого западными реалиями, такое бедное отражение геральдики показательно. По-видимому, знакомство миниатюристов с собственно феодальной западноевропейской культурой было достаточно отдаленным.

Внимание исследователей останавливалось на схематическом рисунке, занимающем нижний правый угол л. 228, в значительной части перекрытом зеленой краской при расцветивании поэма расположенной выше миниатюры (при этом рисунок местами расплылся, что доказывает его одновременность с миниатюрой). Этот рисунок, сделанный чернилами, сходными с теми, которыми пользовались писец и миниатюрист, представляет собой несколько групп точек, разделенных тремя вертикальными линиями. Р. А. Симонов, предпринявший первую попытку интерпретации этого рисунка (на существование которого ему указал Б. А. Рыбаков), склонен связывать его со счетным инструментом, древнерусским абаком, отмечая в то же время, что он мог быть связан с каким-то видом гадания.³³ Последнее предположение было развито автором данной статьи, причем была найдена точная аналогия в современных миниатюрам рукописи западноевропейском материале.³⁴ Это так называемая геомантия, представляющая собой гадание (при этом точки, составляющие группы, не имеют счетного характера, и, таким образом, весь рисунок никакого отношения к абаку не имеет).

Этимология слова «геомантия» свидетельствует, что первоначально это гадание было связано с землей и производилось на ее поверхности. В позднейшее время геомантические операции осуществлялись также на бумаге, аспидной доске и т. п. Название «геомантия» известно еще в античных письменных источниках,³⁵ однако оно могло относиться к иному виду гадания, чем известное позднее под тем же названием. В средние века и позднее геомантия и сходные формы гадания известны в мусульманских странах, Византии и Западной Европе.³⁶

В полном виде геомантическое гадание тесно связано с астрологией, причем употреблявшиеся при этом гадании фигуры имели значения, выражаемые в словесной форме, и, кроме того, находились в соответствии со стихиями, планетами и зодиакальными созвездиями. Известны аллегорические изображения планет в сопровождении связанных с ними геомантических фигур³⁷ (в астрологической рукописи XIV в. соответствие фигур и планет совпадает с данными позднейших руководств).

Прямых свидетельств о распространении в древней Руси геомантии в развитой форме, кроме рассматриваемого рисунка, пока нет. В сербских гадательных книгах известно гадание с использованием групп точек, вполне аналогичных геомантическим фигурам. Оно значительно упрощено по сравнению с геомантией: в процессе гадания изображается только одна фигура. Значение отдельных фигур в сербском гадании в основном соответствует значению идентичных фигур в западноевропейских руководствах по геомантии.³⁸

³³ См.: Р. А. Симонов. 1) О проблеме наглядно-инструментального счета в средневековой Руси. — Советская археология, 1975, № 3, с. 90; 2) Математическая мысль древней Руси. М., 1977, с. 62, 63.

³⁴ См.: А. В. Чернецов. Об одном рисунке Радзивиловской летописи. — Советская археология, 1977, № 4; De la geomantia dell'ecel filosofo Gioanni Geber parte prima con una brevissima chiromantica phisionomia. Vinegia, 1552, p. 4.

³⁵ См.: Буше-Леклерк. Из истории культуры. Истолкование чудесного (ведовства) в античном мире. Киев, 1881, с. 217—218.

³⁶ См.: М. Н. Сперанский. Из истории отреченных книг. Гадания по Псалтыри. СПб., 1899, с. 71—74, 159—165.

³⁷ См.: E. Panofski. Renaissance. . . , fig. 89.

³⁸ См.: М. Н. Сперанский. Из истории отреченных книг, Приложение, с. 15—20.

В Радзивиловской летописи представлена развернутая форма геомантического гадания, связанная с астрологией. Основная часть рисунка несомненно состояла из четырех групп по три фигуры, расположенных в виде треугольников вершиной вниз; из этих четырех групп полностью сохранились три, а большая часть четвертой утрачена в связи с подрезкой полей. Каждая из 12 фигур, расположенных подобным образом, связывалась с одним из 12 домов гороскопа.³⁹

Геомантический рисунок находится в заключительной части рукописи, миниатюры которой выполнены только вторым мастером и отмечены значительным западным влиянием. На миниатюре, к которой примыкает этот рисунок, имеются западноевропейские женские головные уборы.

Еще одно изображение, связанное с гаданиями, — сцена бросания жребия в связи с предполагаемым человеческим жертвоприношением (л. 46 об.). Изображенные на миниатюре три игральные кости, очевидно, связаны со способом гадания, при котором одновременно бросались три кости и результат гадания определялся комбинацией очков. По поздним русским гадательным книгам кости, легшие таким образом, как показано на миниатюре, соответствуют неблагоприятному предсказанию (но не гибели).⁴⁰ Можно думать, что миниатюрист не справлялся по гадательной книге и изображенные игральные кости отражают не конкретное предсказание, а лишь саму практику гадания, при котором использовались три кости. Такое гадание в XV—XVI вв. было широко распространено в Европе.⁴¹ Тот же способ использовался и для бросания жребия. Известны, в частности, изображения трех игральных костей для иллюстрации евангельского текста о распинавших Христа воинах, бросавших жребий, чтобы разыграть его одежду.⁴² О распространении на Руси гадания с использованием игральных костей помимо рассматриваемой миниатюры, по-видимому, свидетельствует также Домострой, где упомянуты «кости волшебные».⁴³ Как геомантия, так и гадание с тремя игральными костями являются развитыми формами гадания, подразумевающими наличие специальных письменных руководств и толкований.

Рассматривая обилие западноевропейских элементов на миниатюрах Радзивиловской летописи, следует отметить, что в этом отношении рукопись представляет собой памятник, стоящий особняком и отразивший тенденции, не получившие преемственного развития и продолжения в древнерусском искусстве.⁴⁴

В самом деле, древнерусским художникам даже в XVI в. было свойственно, скорее, русифицировать события в чужой земле и уж никак не представлять деятелей отечественной истории в чужеземной одежде. Не получили развития и достижения в области изобразительного искусства, отразившиеся в рисунках второго мастера, например владение, пусть неполное, сложными ракурсами. Это особое положение миниатюр рукописи в древнерусском искусстве требует объяснения.

³⁹ См.: А. В. Чернецов. Об одном рисунке Радзивиловской летописи, с. 302, рис. 2; Grillot de Givry. Le musée des sorciers, les mages et les alchimists. Paris, 1927, p. 331, fig. 287.

⁴⁰ См.: А. Н. Пыпин. Ложные и отреченные книги русской старины. Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 3. СПб., 1862, с. 161, 162; М. Н. Сперанский. Из истории отреченных книг, с. 79.

⁴¹ См.: Grillot de Givry. Le musée. . . , p. 335; А. А. Бобринский. Jeu d'amour. Французская гадательная книга XV в. СПб., 1886.

⁴² См.: T. O. Weigel, A. Zestermann. Die Anfänge der Druckenkunst in Bild und Schrift. Bd I. Leipzig, 1866, S. 138, 139, 154, 155.

⁴³ Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908, с. 22 (гл. 23).

⁴⁴ На это указывал в свое время Н. П. Лихачев (Лицевое житие святых благоверных князей Бориса и Глеба по рукописи XV ст. СПб., 1907, с. 6—7).

Вопрос о значительном западноевропейском влиянии, отразившемся на миниатюрах Радзивиловской летописи, должен рассматриваться вместе с до сих пор спорным вопросом о месте создания рукописи.

В своих статьях, вышедших одновременно с фототипическим изданием рукописи, А. А. Шахматов и Н. П. Кондаков предполагали создание Радзивиловской летописи в Северо-Восточной Руси.⁴⁵ Определивший большую часть западноевропейских реалий В. И. Сизов был склонен связывать создание рукописи с Новгородом.⁴⁶ Вскоре выходит из печати новая статья А. А. Шахматова, в которой исследователь, отказываясь от первоначальной точки зрения, связывает происхождение рукописи с зоной контакта белорусского и великорусского наречий и склоняется к мысли о создании рукописи в Смоленске.⁴⁷ Эта мысль, основанная на весьма убедительных диалектологических наблюдениях, получила развернутое обоснование в работе ученика А. А. Шахматова В. М. Ганцова.⁴⁸

Точка зрения Шахматова—Ганцова была впоследствии принята М. И. Артамоновым.⁴⁹ А. В. Арциховский усомнился в смоленском происхождении рукописи, хотя и считал эту версию наиболее обоснованной. Диалектологические особенности рукописи, по его мнению, можно объяснить происхождением писца.⁵⁰

По мнению О. И. Подобедовой, наиболее вероятным местом создания рукописи является Тверь.⁵¹ Основанием для такого предположения послужили стилевые аналогии миниатюрам рукописи, а также анализ культурной и исторической обстановки на Руси в конце XV в.

На полях рукописи Радзивиловской летописи имеется ряд приписок, появление которых все исследователи считают одновременным или почти одновременным с созданием рукописи. Имеются в виду скорописные приписки на полях, сделанные одной рукой, начинающиеся с л. 88.⁵² Из них большая часть (7 из 12, кроме того, одно изображение благославляющей руки) приходится на заключительную часть рукописи, составляющую примерно одну пятую объема. Такая диспропорция, по-видимому, связана с тем, что приписки делались по ходу изготовления рукописи. Почти все остальные приписки (кроме одной) связаны с местами рукописи, отражающими осложнение отношений миниатюристов: три приходятся на л. 88—96, где имеется серия заклеек, одна — на те листы, где второй мастер делает серию пририсовок к работам первого. О. И. Подобедова склонна синхронизировать эти приписки с работой выделяемого ею третьего мастера. Однако большинство приписок находится в заключительной части рукописи, где сама О. И. Подобедова не отмечает сколько-нибудь значительного участия третьего мастера.⁵³

В своей ранней работе А. А. Шахматов писал, что рассматриваемые

⁴⁵ См.: А. А. Шахматов. Описание рукописи. — В кн.: Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб., 1902; Н. Кондаков. О миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи. — Там же.

⁴⁶ См.: В. И. Сизов. Миниатюры Кенигсбергской летописи, с. 49, 50.

⁴⁷ См.: А. А. Шахматов. Заметка о месте составления Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи. — В кн.: Сборник в честь семидесятилетия Д. Н. Аночина. М., 1913.

⁴⁸ См.: В. М. Ганцов. Особенности языка Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи. — ИОРЯС, т. XXXII, 1927.

⁴⁹ См.: М. И. Артамонов. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи, с. 25.

⁵⁰ См.: А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры. . . , с. 12, 13.

⁵¹ См.: О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей, с. 91, 92.

⁵² См.: А. А. Шахматов. Описание рукописи, с. 7.

⁵³ См.: О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей, с. 88.

приписки в рукописи сделаны в пределах Московской Руси.⁵⁴ Впоследствии, переменив свою точку зрения на место создания рукописи, он ничего не говорит об этих приписках. Не упоминает о них и В. М. Ганцов. Если принять в одно и то же время западнорусское происхождение рукописи и великорусское — приписок (к чему склоняется А. В. Арпиховский), то судьба рукописи оказывается очень сложной: летопись, написанная в конце XV в. в Западной Руси, вскоре оказывается в Московском государстве, а к началу XVII в. опять попадает на запад — в Белоруссию.⁵⁵

Обратимся к содержанию приписок. В нескольких случаях упоминаются названия городов. Это Киев, Новгород, Владимир на Клязьме, Владимир Волинский, Луцк, Полоцк, Полонный. Новгород упомянут один раз в приписке «свобода новгородская». Вторая приписка, связанная с одобрением вечевых порядков, не называет Новгород; она находится рядом с текстом, в котором говорится о вече в целом ряде древнерусских городов. Киев упомянут в связи с его разгромом Андреем Боголюбским. Полонный, «город пресвятой Богородицы» (т. е. Десятинной церкви), очевидно, комментируется как малоизвестный. Две приписки, упоминающие Владимир на Клязьме и Владимир Волинский, были призваны помочь читателю разобраться. Владимир Волинский назван «старым», а Владимир на Клязьме — «московским». Последнее определение свидетельствует, скорее, в пользу создания рукописи за пределами Московского государства. Еще два города, упомянутые в приписках, — Луцк и Полоцк — находились в конце XV в. в пределах Великого княжества Литовского. Причем Луцк упомянут вместе с Владимиром Волинским. При упоминании Полоцка приписка содержит свидетельствующее о важности этой заметки слово «зри» (еще один раз «зри» находится при надписи, одобряющей вечевые порядки). В этом втором случае примыкающий текст летописи упоминает Полоцк среди старых вечевых городов (в соответствующем месте Лаврентьевской летописи Полоцк отсутствует).

Упоминание в приписке Владимирской церкви находится рядом с летописным рассказом о Владимире Волинском, поэтому связывать его с Успенским собором во Владимире на Клязьме нет достаточных оснований. По этой причине нельзя согласиться и с датировкой приписок А. А. Шахматовым.⁵⁶ Логичнее прибавить указанные в приписке годы к прилегающей летописной дате (что предложила в качестве варианта О. И. Подобедова⁵⁷), тогда получается 1487 г., что соответствует датировке по филиграммам и палеографическим данным.

Упоминание новгородской свободы и одобрение вечевых порядков в конце XV в. в Великом княжестве Литовском могли восприниматься в среде горожан актуально в связи с развитием городов и их борьбой за свободу и привилегии. В это время западнорусские города получают магдебургское право (в частности, Полоцк — в 1498 г.).

В приписках на полях могут быть отмечены те же особенности, что и в тексте. Это отвердение согласных («давныны» от «давнина»), окончания на «ьск» («новгородская»), переход безударного «я» в «е» («Ерослав» (!), как и в одном месте текста).⁵⁸

Ни наличие в Радзивилловской летописи изображений, навеянных западноевропейскими образцами, ни содержание приписок на полях

⁵⁴ См.: А. А. Шахматов. Описание рукописи, с. 7.

⁵⁵ Там же, с. 2.

⁵⁶ Там же, с. 8.

⁵⁷ См.: О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей, с. 89, примеч. 59.

⁵⁸ Ср.: В. М. Ганцов. Особенности языка Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи.

сами по себе не являются достаточными основаниями для определения места создания рукописи. Однако и то и другое — сильные аргументы, свидетельствующие в пользу гипотезы А. А. Шахматова и В. М. Гавцова о западнорусском происхождении рукописи. Эта гипотеза представляется на сегодняшний день наиболее обоснованной.

Предлагаемая версия происхождения рукописи объясняет целый ряд ее особенностей. Архаизм миниатюр, их ориентация на древнерусские образцы домонгольского времени, практическое отсутствие отражения в миниатюрах достижений древнерусского искусства XIV—XV вв., общая деградация стиля и связанная с ней небрежность исполнения — все это, таким образом, объясняется периферийным по отношению к ведущим центрам русской культуры того времени местом создания рукописи, причем это обстоятельство усугублялось политическим отторжением западнорусских земель от Северо-Восточной Руси.

Место создания рукописи предопределило и такие ее особенности, как обилие западноевропейских влияний, малоцерковный характер оформления и отражение политических представлений эпохи феодальной раздробленности. Действительно, православная церковь на территории Великого княжества Литовского не была господствующей, и, таким образом, осуществляемая ею здесь духовная цензура была слабее, чем в Московской Руси. Следует отметить также сложность положения православной церкви Великого княжества Литовского после Флорентийской унии. Ослабление позиций православной церкви и политическое отторжение от Руси, естественно, повлекли за собой ослабление «иммунитета» против чужеземных культурных влияний, что ярко отразилось на рукописи Радзивилловской летописи. Оценивая особенности оформления рукописи и связанные с ними культурные процессы, следует иметь в виду, что они протекали на фоне «информационного взрыва», обусловленного изобретением книгопечатания.

Отсутствие в миниатюрах рукописи тенденций, связанных со сложением русского централизованного государства, объясняется созданием Радзивилловской летописи за его пределами. Ориентация на порядки удельного периода, сочувствие новгородскому вечевому строю (уже после потери независимости Новгородом!), очевидно, связаны с борьбой населения западнорусских земель за сохранение остатков независимости от усиливающегося Литовского государства.

Принимая гипотезу о западнорусском происхождении рукописи Радзивилловской летописи, следует отметить, что рукопись свидетельствует о существовании здесь интереса к общерусской истории, к периоду, предшествующему потере независимости.

В отошедших к Великому княжеству Литовскому западнорусских землях в конце XV—начале XVI в. сложилась своеобразная культурная ситуация. Местный диалект древнерусского языка использовался в роли официального языка Великого княжества Литовского, языка делопроизводства и Литовского статута. На этом же языке создаются и так называемые литовские летописи. Во второй половине XV в. в Западной Руси осуществляется ряд переводов на западнорусский с древнееврейского.⁵⁹ Между православным населением Великого княжества Литовского и Северо-Восточной Русью существовали развитые культурные связи, в частности обмен рукописными книгами. Русские книги отмечаются в библиотеках знати польско-литовского государства. Существовала даже прак-

⁵⁹ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, с. 396—436.

тика изготовления рукописей для знатных заказчиков из Великого княжества Литовского московскими мастерами.⁶⁰

В конце XV в. начинается издательская деятельность Швайпольта Феоля, печатавшего книги для православного населения Великого княжества Литовского, а в первой четверти XVI в. развертывается книгоиздательская деятельность уроженца Полоцка Франциска Скорины.

Особенности изданий Скорины⁶¹ во многом перекликаются с характерными чертами Радзивиловской летописи. Интерес к общерусской истории, отразившийся в содержании летописи и приписок на полях, перекликается с национальным характером изданий Скорины, напечатанных на народном «русском» языке. Западноевропейские влияния, многочисленные на миниатюрах Радзивиловской летописи, полностью определяют оформление скоринских изданий. Отражившийся в миниатюрах интерес к астрологии находит соответствие в гербе Скорины (соединение солнца и луны) и в астрономическом инструменте (армиллярной сфере) на портрете издателя. Маловыразительные, но все же имеющиеся геральдические изображения Радзивиловской летописи можно сопоставить с развитой геральдикой скоринских изданий, а малоцерковный характер оформления летописи — с неясно выраженным вероисповедным характером изданий Скорины (издатель постоянно указывает свое католическое имя — Франциск; религиозные композиции трактованы по-западному). Можно отметить также, что Скорина ссылается на книгу «Тайная тайных» («Аристотелевы врата»), расценивавшуюся в Москве как еретическая, и что князь Курбский считал его деятельность еретической. Отражающие взгляды горожан приписки на полях Радзивиловской летописи также заставляют вспомнить о Скорине, который сам был горожанином и опирался на поддержку горожан, а не церковников или феодалов. Таким образом, в оформлении Радзивиловской летописи можно видеть отражение того культурного движения в западнорусских землях, высшим достижением которого стала деятельность белорусского первопечатника.

⁶⁰ См.: А. Д. Седелников. «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV в. — Известия АН СССР, XII серия, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 4.

⁶¹ См.: П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888; Л. Бразна. Гравюры Франциска Скорины. Минск, 1972.

Рис. 1. Богоматерь Боголюбская. Икона московской школы XVI в. (ГИМ, № 53898, IVш 3414, 63,7 × 55,3 см).

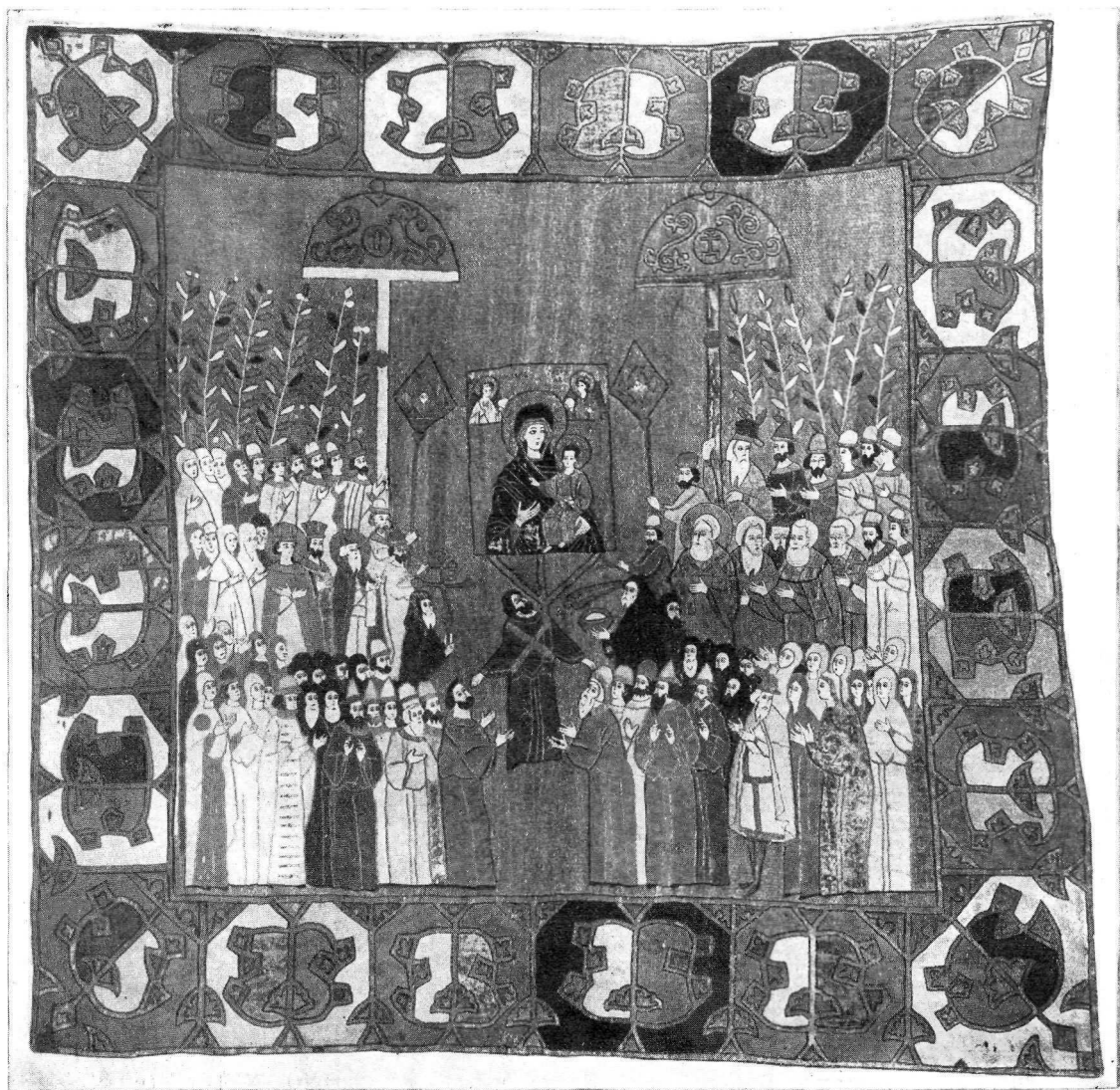

Рис. 2. Пелена 1498 г., шитая княгиней Еленой Волошанкой, с изображением крестного хода в Москве (ГИМ, 5 рб. 93.5×98.5 см).

Заметка о методе оживления традиций иконописи в русской живописи XV—XVI веков

В России, как, впрочем, везде, к концу средних веков наблюдается постепенное включение реальной жизни в изображения традиционных религиозных сюжетов. Этот процесс начинается не повсюду одновременно и развивается более или менее быстро и широко, к нему прибегают то робко, то смело. Типично при этом, что окружающая художника жизнь не становилась сразу темой изображений новых категорий, а выражалась в новых толкованиях старых тем и в их оживлении.

В настоящей краткой статье я приведу лишь несколько примеров этого процесса на русской почве, относящихся к одной из двух самых типичных категорий изображений, которые подвергались такому обновлению. Это иллюстрации к житиям национальных святых. Среди них первое место занимают иллюстрации к житиям Бориса и Глеба, которые когда-то привлекли внимание моего первого учителя Д. В. Айдалова. То же наблюдается в иллюстрациях к эпизодам из жизни московских митрополитов Петра и Алексея и целого ряда канонизированных основателей монастырей — от Троице-Сергиевой Лавры до Соловков.

И ограничусь в данной статье лишь упоминанием всех этих изображений первой категории и примеров отражения в них реальной жизни, действий отдельных лиц и исторических событий, чтобы остановиться подробнее на произведениях искусства второй группы, где наблюдается то же сближение с окружающей жизнью. Эти произведения связаны не с житийными сюжетами, а с темой «молящихся».

Можно было бы подумать, что такого рода оживление выводило живопись за пределы того, что церковная власть включала в круг религиозного искусства. Но постановление Стоглавого собора, созданного в Москве в 1551 г. по инициативе Ивана Грозного, свидетельствует об обратном. Сомнения по этому поводу возникли не у духовенства, а у царя, который в одном из своих вопросов, обращенных к собору, спрашивает о том, дозволено ли изображать на иконах лиц еще живых, хотя бы и царей, князей или народ, как это делается на иконах Воздвижения креста, Покрова, Страшного суда, а также в сценах «Деяний» Богородицы. Законны ли эти изображения «бесчисленного множества народа»? Собор ответил: «Дозволено» и сослался при этом на прецеденты в прошлом.¹

На наш взгляд, эти прецеденты не очень убедительны, но очевидно и важно то разграничение, которое русские церковные деятели XVI в. — очень консервативные в других случаях — делали между изображениями собственно религиозных сюжетов, которые нужно было воспроизводить

¹ Прьския вопросы и соборныя ответы о многоразличных церковных чинех. (Стоглав). М., 1890.

по старым образцам, ограничиваясь тем, что входит в традицию, и изображениями того и тех, кто «окружал» эти религиозные сюжеты. Это разграничение открывало путь к «оживлению», о котором мы говорим выше, и по крайней мере облегчало его. Мне кажется, что в этом разграничении нужно видеть отзвук какого-то обновления мысли, которое нельзя не поставить в связь с началом нового времени, с XV и XVI вв. Стоглавый собор закреплял убеждения, появление которых находило отражение в иконографии начиная с XIII и особенно с XV в.

Начнем с общеизвестной иконы XV в. (открытая теперь надпись датирует ее 1467 г.), существующей под названием «Молящиеся новгородцы».² На этой иконе два ряда фигур. Верхний ряд воспроизводит традиционный «Деисус», тогда как нижний ряд занят изображением двух детей и шести фигур взрослых людей в молитвенной позе. Предполагается, конечно, что они молятся перед иконой деисуса. Это члены одной семьи Кузьминых (пять мужчин, двое детей и одна женщина), они показаны в тех костюмах и головных уборах, которые носили. Перед нами семья именитых граждан Новгорода XV в.

Интерес к изображению представителей современного русского общества (на этот раз московского) можно наблюдать на других произведениях искусства — иконах и шитье — той же эпохи, из которых я выделяю два. Остановлюсь на них подробнее. В обоих случаях это произведения московских мастерских, скорее всего, конца XV в. В обоих случаях центральной фигурой является Богородица, но наряду с ней изображена также толпа молящихся. Оба памятника хранятся в Государственном Историческом музее. Первое из этих изображений написано на деревянной доске. Это обычная икона (рис. 1). Второе вышито шелками на ткани. И то и другое не раз воспроизводилось в новейшее время, но только шитье, если не ошибаюсь, было предметом особого исследования, к которому я вернусь ниже. На иконе Богородица изображена во весь рост и обращена вправо, ее руки протянуты вперед (в одной из них она держит свиток).³ Это соответствует иконографическому типу «Боголюбской Богородицы». Согласно традиции этот тип в России (в Византии и южнославянских странах то же изображение носит другие названия и встречается довольно часто) восходит к иконе, которая принадлежала Андрею Боголюбскому и почиталась им лично. Обычно произведения икон этого типа ограничиваются изображением Богородицы, т. е. самой иконы, принадлежавшей Андрею Боголюбскому, тогда как икона Государственного Исторического музея вносит два нововведения: сама Богородица изображена сохраняющей традиционную позу, во весь рост, и стоящей на земле (а не в виде иконы на особой доске), и перед ней изображены опирающиеся на ту же землю склонившиеся перед ней многочисленные представители московского общества. Они одеты в разные костюмы, определяющие их социальное положение. На некоторых из них головные

² Икона «Молящиеся новгородцы» изображает семью бояр Кузьминых и датируется 1467 г., судя по надписи, которую мог расшифровать еще в 1849 г. Г. Л. Филимонов: «В лето 7975 индикта 15 повелением раба божия Антипа Кузьмина на поклонение православным». Следует обратить внимание на последние слова этой надписи, из которых следует, что эта икона с портретами членов только одной семьи предназначалась не для их домашнего обихода, а для «всех православных», которые приглашались поклоняться ей, т. е., конечно, деисусу, занимающему верхнюю половину иконы. Мы имеем перед собой редчайший пример указания современника иконы, что и те из икон, которые являются плодом индивидуального благочестия (подчеркнутого здесь присутствием семейных портретов), предназначались для хранения в церкви и должны были служить для всеобщей духовной пользы. См.: В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, с. 119, табл. 110—111.

³ Описание и воспроизведение иконы Богоматери Боголюбской с толпой молящихся см.: Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975, с. 347—349.

уборы разного типа. Есть старые и молодые, преобладают мужчины, но есть и женщины.

В целом икона представляет сцену, которая разыгрывается в одном и том же пространстве и в которую включены и эта толпа и фигура Богородицы. Мария как бы вышла из иконы (типа Боголюбовской) и остановилась перед людьми, которые ждут ее заступничества.

Автор пытается посредством живописи передать реальную сцену, которую можно было наблюдать в России тех времен, превращая иконное изображение Богородицы как бы в живую фигуру Марии, показывая ее такой, какой она могла представляться тем, кто молился перед ее иконой.

Мой следующий пример, как я уже сказал выше, — шитая пелена, современная только что рассмотренной иконе.⁴ На этой пелене (рис. 2) изображена та же московская толпа, но в более сложной и полной редакции, и та же икона Богородицы, к которой обращены все персонажи. На этот раз Богородица не выходит из иконы, окруженной толпой молящихся. Эта икона воспроизводит один из самых распространенных иконографических типов Богородицы, так называемую «Одигитрию». В этом отношении пелена не представляет собой ничего нового. Новое только в том, что икону окружает толпа и что автор пелены изображает русских людей, своих современников.

Как и в предыдущем случае, традиционный образ Богоматери представлен на фоне реальной современной русской жизни. На пелене изображены великий князь с княгиней, и там же — третья лицо княжеской семьи, несколько епископов, бояре, монахи, простой народ всех званий и немало женщин. По византийскому обычаю нимбы окружают головы князя и княгини, и — скорее по русской инициативе — также голову первого из иерархов, который, судя по этому, — глава русской церкви, митрополит московский.

Тоже скорее всего русского происхождения те два огромных зонтика (солнечника), существование которых в Москве засвидетельствовано текстами (в Византии они, вероятно, тоже существовали, но неизвестны ни по текстам, ни по иконографии). Эти зонтики — знаки почетного отличия — осеняют головы княгини и митрополита.⁵

⁴ А. Н. С в и р и н. Древнерусское шитье. М., 1963, с. 52—54, воспроизведение на с. 55. Это замечательное и единственное по своему сюжету шитье было впервые воспроизведено в Трудах VIII археологического съезда в Москве в 1890 г. (т. IV, М., 1897, табл. XXII). Исследование об этой пелене см.: М. В. Щ е п к и н а. Изображения русских исторических лиц в шитье XV века. — Труды Государственного Исторического музея, т. XII. М., 1954.

⁵ О зонтиках, которые в древней Москве назывались «солношник», «солночник» или «зонт», см.: И. З а б е л и н. Домашний быт русских царей, т. I. М., 1869, табл. I, описание на с. VII; С. П и с а р е в. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904, с. 150. Вне России (и, вероятно, в старой Москве) открытый зонт служил знаком почетного отличия и, может быть, был привилегией определенных лиц. Древнейший пример — один из рельефов Персеполиса, где слуга держит открытый зонт над персидским царем. В знаменитой каролингской Утрехтской псалтыри, иллюстрации которой большей частью следуют моделям V в. н. э., в одной из сцен крылатый ангел держит зонт над молящимся царем Давидом (De Wald, 1930, табл. 25, XV в.). Изображение этого зонта соответствует словам написанного рядом псалма 27 (28), стих 7, где говорится, что бог является щитом молящихся, но это не значит, что иллюстратор не был знаком с темой зонта, раскрытого над царем. Не думаю, чтобы зонты, изображенные на русском шитье, имели символический смысл, но он не исключается, о чем свидетельствуют другие примеры, из которых укажу два: зонт над фигурой папы на фресках римской церкви Quattro Coronati (XIII в.) и зонт над несколькими изображениями Сасанидского царя Хозроя на знаменитых рельефах VI в. на скале Так-и-Бостан в Персии. Если не ошибаюсь, такого рода почетный зонт несли над головой эфиопского негуса до последнего времени.

Все это говорит о русской действительности, и поэтому неудивительно, что М. В. Щепкина в 1954 г. предложила истолковать эту сцену как изображение одного конкретного события, датируемого 1498 г.⁶ Мы укажем ниже (см. примеч. 6), что наблюдения М. В. Щепкиной не точны и что поэтому ее выводы не вполне обоснованы. Но прежде всего нам кажется важным указать на одбу деталь шитья, которая как будто предполагает наличие какаго-то византийского образца, хотя бы для центральной части изобра-

⁶ Подробный анализ сцены, вышитой на рассмотренной нами пелене Государственного Исторического музея, привел М. В. Щепкину в 1954 г. к выводу, что эта сцена изображает конкретное историческое событие, а именно крестный ход и молебен, которые имели место в Кремле в Вербное Воскресение 1498 г. около 9 часов утра. Эта необыкновенная точность для покойного А. И. Свирина стала доказательством правильности наблюдений и выводов М. В. Щепкиной, и он использовал их в своей работе «Древнерусское шитье».

Мне кажется, однако, что это не более чем гипотеза, которую я лично считаю неправдоподобной, но не отбрасываю ее окончательно только потому, что иконописцы XV в. не стремились точно воспроизводить события, которые им случалось изображать. Поэтому, если бы им заказали картину крестного хода 1498 г., упомянутого М. В. Щепкиной, они могли бы внести в свое произведение те или другие элементы, которые я приведу ниже и которые не соответствуют тому событию, которое М. В. Щепкина нашла возможным идентифицировать с изображенным на этом шитье.

Перечислю главные из этих элементов, не пытаясь называть их в порядке важности. Растения в верхней части изображения дали основание М. В. Щепкиной отнести крестный ход к какому-то Вербному Воскресению. Но эти ветви с листьями не вложены в руки участников церемонии. Ни один из них не держит эти ветви, как это делалось в таких случаях, и, следовательно, предположенное указание на Вербное Воскресение отпадает. То же можно сказать относительно наблюдения М. В. Щепкиной, что на вышивке представлена встреча двух крестных ходов. На самом деле такой встречи двух процессий нет; если бы речь шла о встрече церковных процессий из Благовещенского и Успенского соборов, то с каждой стороны во главе процессии шли бы духовные лица, и те из них, которые шли бы из Благовещенского собора, несли бы иконы. Таков был порядок, засвидетельствованный текстом. Но этого нет на пелене, где толпа построена симметрично и с каждой стороны включает три ряда фигур. Верхний и нижний мало отличаются один от другого по своему составу. Эта симметрия проявилась даже в расположении двух огромных «солнечников» — зонтов от солнца: с каждой стороны особый служащий несет огромный открытый зонт. По московскому обычаю (см. упомянутые работы И. Забелина и С. Писарева) «солнечники» носились над великой княгиней и позже над патриархом. Может быть, той же чести удостоивался и великий князь, но я не нашел на это письменных указаний.

Но между этими двумя рядами различных лиц представлены главные персонажи: слева великий князь и члены его семьи в сопровождении нескольких женщин, справа — четыре епископа и за ними две мужских фигуры, может быть, светские лица. Другими словами, художник изобразил не две церковные процессии, а как бы две дополняющие друг друга группы главных персонажей: с одной стороны, князь и его двор, с другой — высшее духовенство. Это над ними несут зонты, и головы главных из них окружены нимбами. Такой нимб окружает голову только первого из архиереев — это, конечно, московский митрополит. Два других нимба выделяют головы князя и княгини, имена которых нам остаются неизвестными. Между ними, в княжеских одеждах и в короне, молодой человек без нимба. Я считаю, что это сын княжеской четы, и не вижу оснований вслед за М. В. Щепкиной признавать в той, безусловно, женской фигуре в княжеских одеждах, которую мы считаем супругой князя (отсюда ее нимб), какое-нибудь историческое лицо, а именно Димитрия, сына Елены Стефановны (Волошанки), первой жены великого князя Ивана III. Всякая идентификация этих фигур произвольна, и вместе с ней отпадает основание видеть в данной картине определенный крестный ход с участием великого князя Ивана III, Софии Палеолог и княгини Елены (Волошанки). М. В. Щепкина считала Еленой ту княжескую фигуру рядом с князем, в которой мы узнаем сына князя, и отождествляла Софию Палеолог (бывшую в опале в день изображенного события) с последней слева женской фигурой. Эта гипотеза в глазах ее автора подтверждается тем, что на плече у этой женщины видно какое-то округлое пятно. М. В. Щепкина считает, что это тавлион, т. е. нашивка, якобы обозначавшая царское происхождение ее носителя. Но византийский тавлион прямоугольный, а не круглый; он нашивался на некоторые мужские одежды и не был знаком, присвоенным членам царской семьи. Мы перечислили важнейшие из элементов иконографии шитья. Они единогласно свидетельствуют против идентификации, предложенной М. В. Щепкиной.

жения. Я имею в виду фигуру лица, которое держит икону Одигитрии, и своеобразную позу этого персонажа. Обычно носящий икону держит двумя руками вертикальный шест, на верхнем конце которого укреплена икона. Две планки наискось соединяют шест с нижними углами иконы для большей прочности. Такой же шест с боковыми планками изображен и на московской ткани, но несущий икону не держит шест в руках: нижний конец его как бы заткнут у него за край одежды, на которую крест-накрест наложены две полосы материи (вроде перекрещенного ораря на груди диакона). Мне кажется, что художник не представлял себе точно, на чем держалось древко иконы, но одно он знал наверное: несущий икону протягивал руки в обе стороны во всю их длину. Он казался как бы распятым, и именно эта поза объясняет, вероятно, всю странность этого изображения в целом. И вот почему.

Оригинальная икона Одигитрии хранилась в Константинополе, вероятно, начиная с V в. и почиталась там и на всем византийском востоке как одна из самых больших святынь. Ее неоднократно переносили из одной церкви в другую или во дворец императоров, но среди этих церемоний одна была особенно известна, потому что она возобновлялась в течение веков, каждый вторник. В XIV—XV вв., т. е. в эпоху, непосредственно предшествовавшую исполнению московской пелены, два путешественника присутствовали при этой церемонии и описали ее. Около 1350 г. это был русский паломник Стефан Новгородец, а в 1437/38 г. — испанский путешественник Гонзалес Клавихо.⁷ Оба утверждают, что церемония перенесения Одигитрии была связана с особым «чудом». Мы узнаем, что эта икона была особенно большой и исключительно тяжелой, потому что она была написана не на дереве, а на каменной плите. Не было человека, который был бы в состоянии ее нести, как любую другую икону, но каждую неделю повторялось то же «чудо»: в нужный момент появлялась группа каких-то силачей, одетых в длинные одежды. Помогая друг другу, они взваливали тяжелую икону на плечи одного из них; этот грузчик удерживал ее на своей спине и протягивал руки в обе стороны; как распятый на кресте, он шел вперед с иконой над собой. К этому прибавляли, что он шел, качаясь из стороны в сторону. Это положение рук и неуверенную походку объясняли действием чудесной силы (один из описателей прибавляет, что носящему икону завязывали иногда глаза), но, конечно, движение распостертых рук служило тому, чтобы не потерять равновесие (как это делают все акробаты, идущие по канату или по проволоке), а качание вызывалось тяжестью иконы.

Московское изображение так своеобразно — особенно из-за положения рук несущего икону (того самого положения, которое описывает Стефан Новгородец), что оно необъяснимо вне какого-то особого источника. Несмотря на то что толпа изображала несомненно русских, в их костюмах и головных уборах, этот источник, по всей вероятности, был византийского происхождения и так или иначе восходил к изображению процессии перенесения цареградской Одигитрии. Но автор композиции шитой пе-

⁷ О первоначальной иконе Одигитрии в Константинополе и связанных с ней церемониях см.: R. J a n i n. La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin, t. I, 3. Paris, 1953, с. 175—176, 203; Р. Г. де К л а в и х о. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. — СОРЯС, т. XXVIII, 1881, № 1, с. 82, гл. 44. «Странник» Стефана Новгородца: М. Н. С п е р а н с к и й. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934. Привожу цитату из «Странника» Стефана Новгородца: «Ту икону в всякой вторник выносят. . . Икона же та велика велми. . . единому человеку вьставят на плеща, а он руке распострет, аки распят. . . видети грозно, по буюещиу мычет его семо и овамо, велми силго повертывает им а он не помнится куды его икона носит». Мы узнаем от Клавихо, что икона Одигитрии была написана на каменной доске.

лены мог быть осведомлен о таких изображениях разными путями. Он мог знать об этом из описания Стефана Новгородца, которое мы привели выше (оно было написано за сто с небольшим лет до шитья), или по рассказам или описаниям других паломников; наконец, до него могла прийти икона или миниатюра, греческая или южнославянская, посвященная тому же сюжету. Это последнее предположение не невероятно, потому что сцена почитания иконы Одигитрии в присутствии правителей и толпы вошла в XIV в. в состав иллюстраций акафиста Богородицы, цикл которых воспроизводился не раз. Мне известны три изображения этой сцены в стенописях XIV в. в Югославии и Румынии (Марков монастырь возле Скопье,⁸ Матеич в той же области,⁹ Козия в Валахии)¹⁰ и один пример среди иллюстраций рукописи псалтири (болгарская псалтирь Томича, хранящаяся в Москве).

Связь иконографии пелены Исторического музея с иллюстрациями акафиста как будто подтверждается тем, что та особенная манера нести икону Одигитрии, которую мы наблюдали на пелене, повторяется на одной из иллюстраций акафиста в Ферапонтовом монастыре (1500 г.). Это та же поза, но воспроизведенная менее ясно: так бывает в случаях, когда копист воспроизводит мотив, понимая его хуже, чем автор образца, которым он пользуется. Уже автор композиции шитья не совсем ясно себе представлял положение нижнего конца песта, на котором держалась икона, но автор фрески знал об этом еще меньше. Для него это была всего лишь схема, и стиль его живописи позволял ему не углубляться в эту реалистическую деталь. Но, по-моему, можно считать установленным, что ядро картины на шитой пелене Исторического музея восходит к сцене из акафиста, и это хорошо определяет то сложное искусство, которым пользовались русские иконографы самого конца средних веков и в котором сочетались старые и новые византизмы и наблюдения над окружающей действительностью, особенно над организованной частью (церемонии, процессии и т. д.) общественной деятельности московской столицы.

⁸ О стених росписях церкви Маркова монастыря вблизи Скопье в Македонии см.: G. Millet — T. Velmans. *La peinture du moyen âge en Yougoslavie*, IV. Paris, 1969, pl. 80, 81, 153, 154. С. XXXIV с библиографией; T. Velmans. *Une illustration inédite de l'Acathiste et l'iconographie des hymnes liturgiques à Byzance*. — In: *Cahiers Archéologiques* t. XXII. Paris, 1972, p. 131, fig. 28, 29; G. Babić. *L'iconographie constantinopolitaine de l'Acathiste de la Vierge à Cozia (Valachie)*. — In: *Recueil des travaux de l'Institut des études byzantines*, Belgrad, XIV—XV, 1973, с. 173—190; V. D. Lihacheva. *The illustration of the Greek Manuscript of the Acathiste Hymne (Moscou, State Hist. Mus. Synodal gr. 429)*. — In: *Dumbarton Oaks Papers*, XXVI, 1972, p. 253. (Сцена иконы с Одигитрией не воспроизведена). Ни в одной из выше указанных статей не упоминаются ни древнерусская шитая пелена, которую мы изучаем, ни те указания на константинопольские процессии, о которых я говорил выше. Об этих процессиях в связи с Одигитрией я упоминаю в статье: A. Grabar. *L'Hodigitria et l'Eléousa*. — In: *Зборник за ликовне уметности*, № 10. Нови Сад, 1974, с. 13; На одной из журнальных иллюстраций (*Cahiers Archéologiques*, t. XXV, Paris, 1976, p. 195, fig. 1 (Марков монастырь)) показан несущий икону, но иначе, чем на русской пелене.

⁹ G. Millet — T. Velmans. *La peinture...*, pl. 47, fig. 96; pl. 48, fig. 97.

¹⁰ G. Babić. *L'iconographie...* fig. 4, 6.

С. В. ФРОЛОВ

«Большой» роспев Федора Крестьянина на текст праздничной стихиры

(Опыт музыкально-текстологического исследования)

Со второй половины XVI в. становятся известными имена отдельных древнерусских композиторов-головщиков. Среди них имя московского попа Федора Крестьянина (вторая половина XVI—начало XVII в.) занимает особое место. О нем и его композиторской школе неоднократно и с большим уважением писали современники, ему больше, чем кому-либо другому, уделяли внимание исследователи XIX—XX вв. Циклу «Стихир Евангельских» Федора Крестьянина посвящено единственное в своем роде монографическое исследование М. В. Бражникова.¹ Известны и некоторые другие произведения этого композитора: М. В. Бражников в своей работе упоминает о «Фитах розводных» в списке середины XVII в.;² несколько праздничных стихир Федора Крестьянина содержатся в сборной рукописи первой половины XVII в.;³ прокимен «Хвалите имя господне»⁴ и Стихирарь праздничный с пометой «Перевод Крестьянинов»⁵ выявлены в рукописях XVII в.

Один из роспевов Федора Крестьянина был обнаружен нами в певческом крюковом сборнике середины XVII в.,⁶ поступившем в Дрeвлехранилище Пушкинского Дома в 1977 г. По своему нетрадиционному сложному

¹ М. В. Бражников. Федор Крестьянин. Стихиры. Публикация, расшифровка и исследование. — В кн.: Памятники русского музыкального искусства, вып. 3. М., 1974.

² ГПБ, собр. Погодина, № 1925. См.: М. В. Бражников. Федор Крестьянин. Стихиры, с. 8.

³ ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751. См.: З. М. Гусейнова. К вопросу об атрибуции памятников древнерусского певческого искусства. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 191—203.

⁴ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 642/889. Сообщено Л. Ф. Мореховой.

⁵ ГПБ, Софийское собр., № 492. См.: С. В. Фролов. «Инбо переводу Лукошково». Опыт исследования. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 352.

⁶ ИРЛИ, Дрeвлехранилище, колл. М. В. Бражникова, № 25, сборник певческий на крюках, середины XVII в.; филигранны: Гераклитов № 148—1628—1630 гг., № 326—1648—1649 гг., № 1173—1183—1635—1646 гг., № 261—266—1642—1649 гг., № 269—1649 г., № 192—1646 г., Хивуд № 609 и 610—1621 г. и 1627 г., № 1923—1927—1640—1649 гг., № 192—1646 г., Лихачев, Вод. зн., № 3081—1643 г., Тромонин, № 536—1644 г.; в 8-ку 419 листов, полуустав, без переплета, часть листов в начале, середине и конце рукописи утрачена; имеются орнаментированные заставки и рисунки (чернила), а также владельческие записи и другие приписки XVII—XX вв. (чернила и карандаш). Столповое, путевое и демественное знамя без киноарных помет, текст раздельноречный. Содержание: Ирмологий с Розниками, различные части знаменной столповой певческой азбуки (перечисления, толкования, Строки розводные, Кокизник, Фитник, Подобники и т. п.), фрагменты Обихода, Стихирарь праздничный и т. п.

составу и ряду уникальных фрагментов этот сборник представляет исключительный интерес. Он содержит демественное многолетие царю Михаилу Федоровичу (л. 361), образцы путевого роспева и путевой нотации, значительный по объему фрагмент знаменного (демественного) двухголосия (песнопения Обихода — л. 148—173 об.), редкую редакцию певческой азбуки и несколько примеров многороспевности, состоящих из подборок в два-три различных роспева⁷ на один текст.

Одна из таких подборок в Стихираре праздничном включает два песнопения на текст стихиры Введению Богородицы «Давыдо провозгласи тя чистая». Первое из них озаглавлено «И ныне. Глас 8. Усольской» (л. 201 об.); второй роспев помещен непосредственно вслед за Усольским и озаглавлен «[Б]ольшой с Крестянинов» (л. 202 об.). Отметим, что в заглавии второго песнопения остался недописанным киноварный инициал в слове «Большой» и добавлен нетрадиционный в этом типе помет предлог «с».

Музыкально-текстологическое исследование этих двух песнопений позволило установить, что Усольский и Крестянинов роспевы в рукописи ИРЛИ, колл. М. В. Бражникова, № 25 соотносятся между собой как два самостоятельных музыкальных произведения на текст стихиры «Давыдо провозгласи тя чистая».

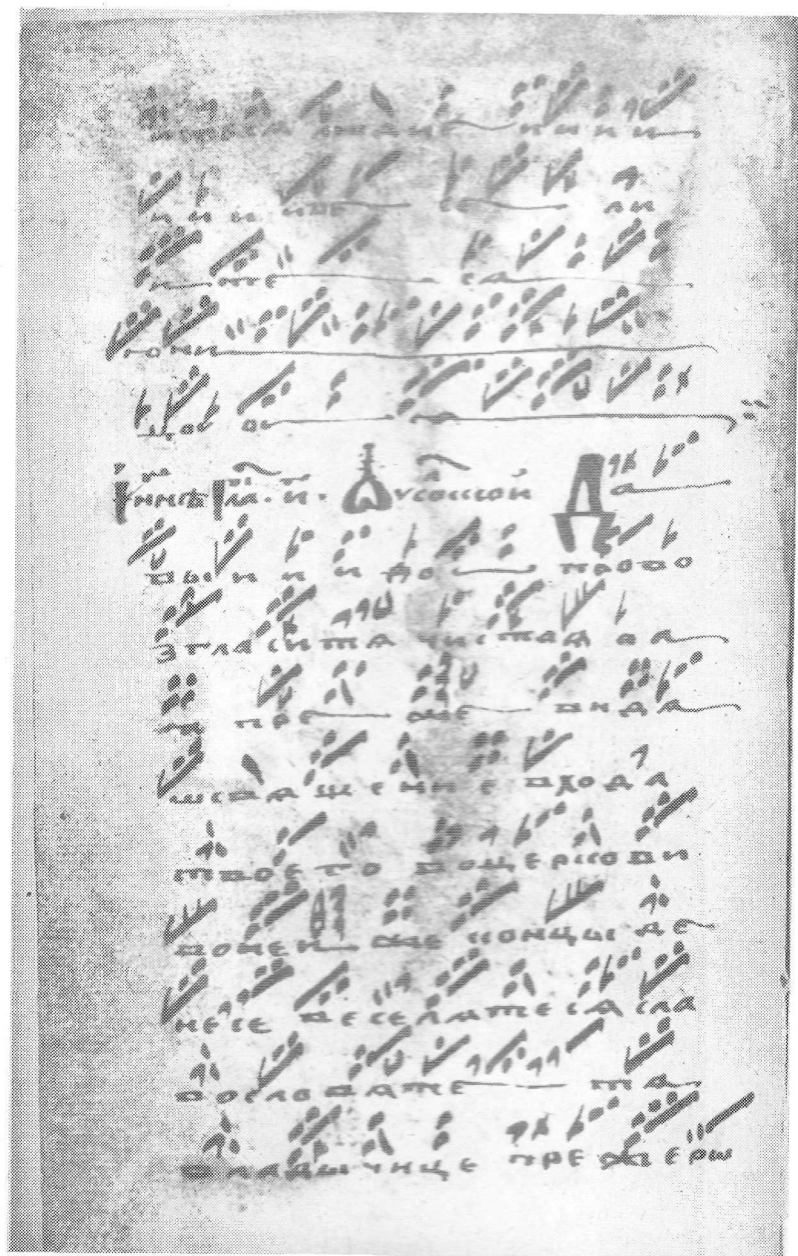
Музыкальная текстология еще не выработала своих устойчивых методов исследования. В науке еще не сложилась система приемов анализа и сопоставления нескольких роспевов на один общий текст. Поэтому в качестве одного из возможных для данного исследования методов нами применялся метод формально-статистического анализа.⁸

Суть упомянутого метода заключается в том, что сопоставление роспевов производится по знакам нотации, расположенным над идентичными разделами общего для данных роспевов текста — фразами, строками, словами, слогами — и в соответствующих построениях внутрислоговых мелодических роспевов. Степень совпадения или расхождения знакового состава музыкальных строк в соответствующих разделах общего текста позволяет установить музыкально-текстологические взаимоотношения между роспевами. При этом наиболее важными следует считать знаковые соотношения между роспевами в опорных моментах музыкальной формы — в кадансах, в крупных внутрислоговых роспевах и т. п.

Применению формально-статистического метода сравнения двух роспевов способствовало то обстоятельство, что текст и в Усольском и в Крестяниновом песнопениях удалось разделить на равное число строк

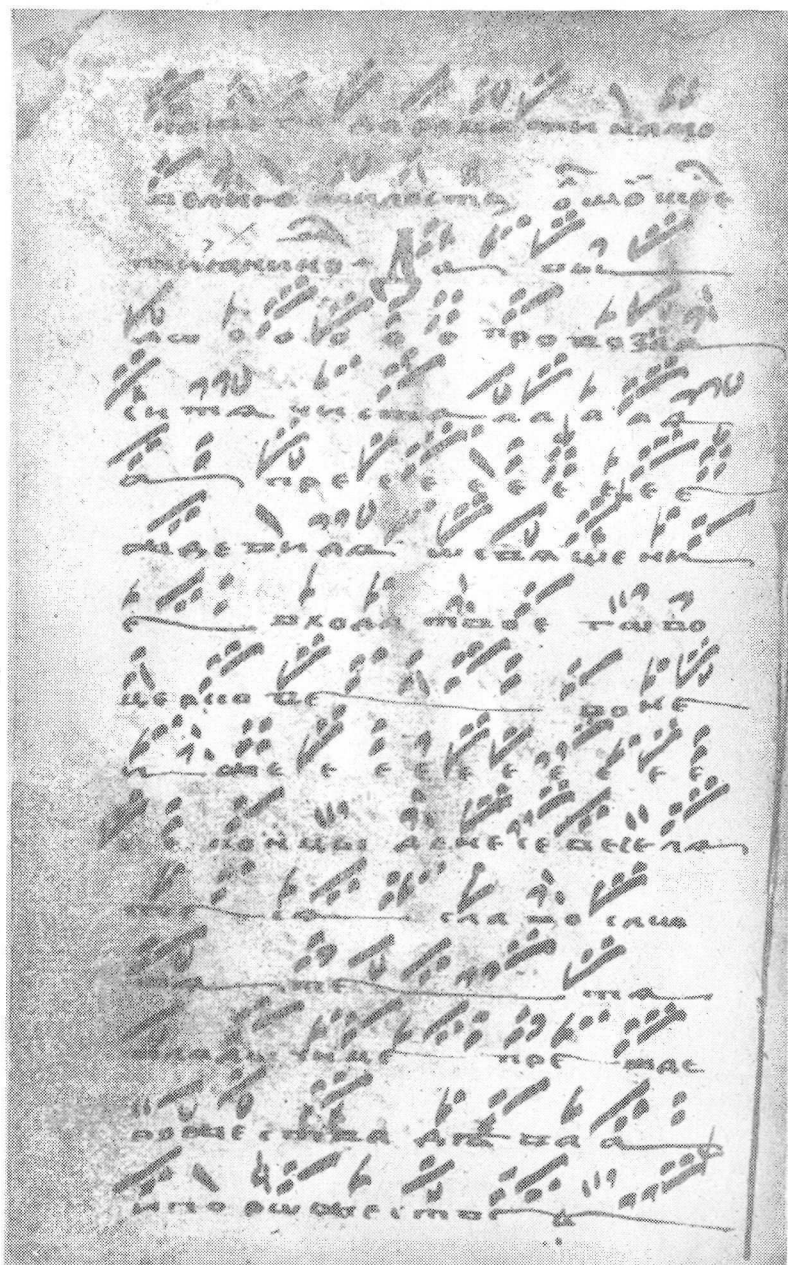
⁷ Встречающийся в певческих рукописях термин «роспев» употребляется в нескольких значениях: 1) для обозначения стиля данного музыкального произведения — знаменный роспев, демественный роспев, большой роспев и т. п.; 2) для обозначения собственно музыкального произведения на данный текст, т. е. песнопения. В этом значении термин «роспев» может сопровождаться дополнительными указаниями на принадлежность песнопения творчеству какого-либо автора или композиторской школе — «Крестянинов роспев», «Усольский роспев», «Тихвинский роспев» и т. п.; 3) для обозначения интонационного содержания какого-либо отдельного начертания знаменной нотации, знакового оборота («лица», «фиты») или фрагмента музыкальной формы. Термин «роспев» имеет синонимы: в 1-ом значении — «знамя» (демественный роспев — демественное знамя), во 2-ом значении — «перевод» («Лукошков роспев» — «Лукошков перевод»), в 3-ем значении — «розвод».

⁸ Беспометная нотация данного списка не поддается прямой нотной расшифровке. Возможные реконструкции напевов не обладают той степенью точности, которая необходима для интонационного музыковедческого анализа и сравнения. Поэтому метод, который мы назвали формально-статистическим, представляется пока наиболее удобным и достоверным для подобных аналитических действий. Впервые этот метод был применен нами при сопоставлении трех роспевов на текст прокимна «Да ся исправит молитва моя» (см.: С. В. Ф р о л о в. «Иного перевода Лукошкова». Опыт исследования, с. 353—356).

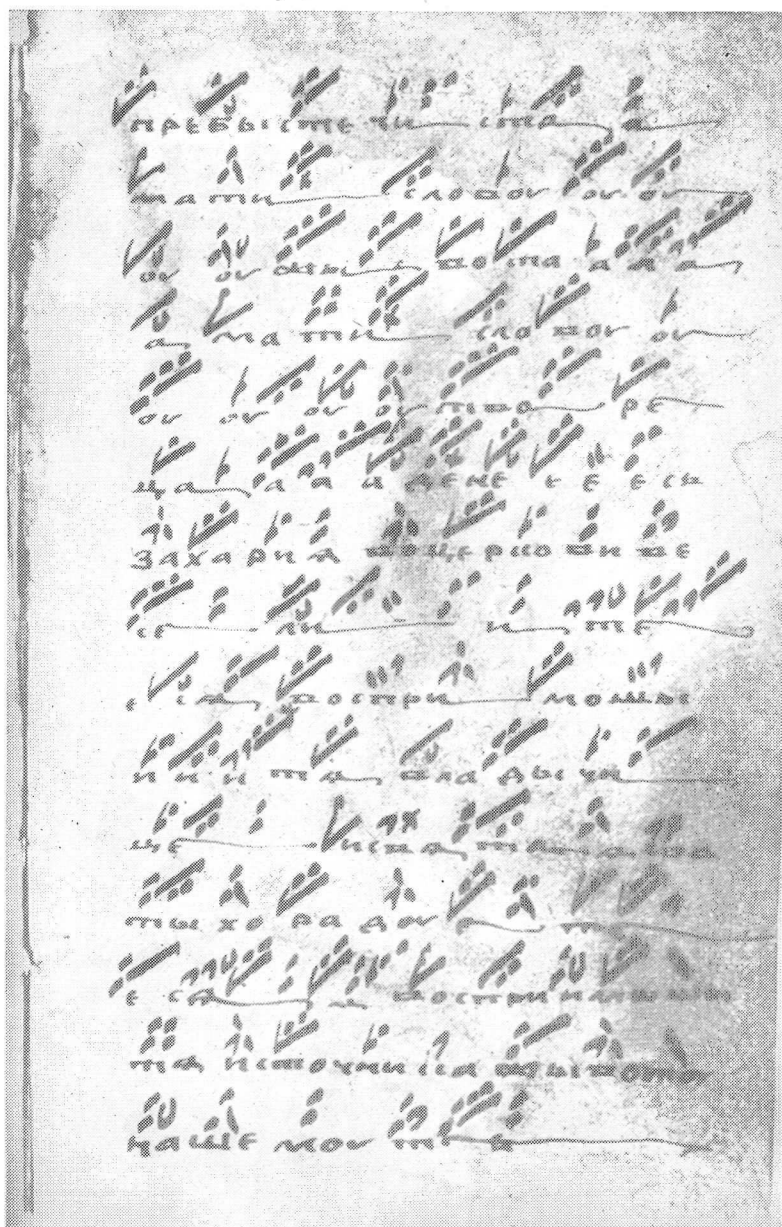
«Усолюи» роспев (ИРЛИ, древлехранилище, колл. М. В. Бражникова, № 25, середина XVII в., л. 201 об.).

(16 строк). Это деление было основано на смысловом членении текста, а в музыкальном отношении выражалось различного рода цезурами и кадансами. Близкое нашему делению текста предлагает и анонимный переписчик одной из редакций роспева Федора Крестьянина в списке

«Большой Крестянинов» роспев (ИРЛИ, древлехранилище, колл. М. В. Бражникова, № 25, середина XVII в., л. 202 об.).

1. Давыдо провозгласи ты чистая.
2. Прже видя освящение.
3. Входа твоего во церкве
4. Во ней же. Концы денесе веселятеся
5. Славословяте ты владычице.
6. Прже рожества дева.
7. И по рожестве пребыте чиста.

«Большой Крестяниновъ» роспев (ИРЛИ, Дрвлекхранилище, колл.
М. В. Бражникова, № 25, середина XVII в., л. 203).

8. Мати слову живота
9. Мати слову творца.
10. Денесь. Захария во церкви веселитесь
11. Воспримошы ты владычице.
12. И святая святыхо радуются.
13. Воспримошы ты источника животу нашему.
14. Теме и мы песнеми возопиемо.

1) точное совпадение знаков, приходящихся на данный слог или фрагмент внутрислогового распева; 2) знаки, взаимозаменяемые по своей ритмической функции, но различающиеся по высоте интонирования; 3) точное совпадение знаковых групп-формул;¹¹ 4) кадансы в конце строк.

Полученные в результате формально-статистического сравнения распевов числовые данные объединены в таблицу. Они показывают, что из общего числа знаков в Усольском песнопении (222) и в песнопении Федора Крестьянина (308) точно совпадают только 75; некоторую близость по своему ритмическому значению обнаруживает 41 знак; из 16 приходящихся на концы строк кадансов совпадают только 2, остальные кадансы в этих песнопениях коренным образом различаются. Все наиболее значительные знаковые совпадения (из общего числа 75 точно совпадающих знаков) приходятся на моменты речитативного изложения мелодии. Это восемь знаковых формул и две музыкально-текстовые строки песнопений (13-я и 16-я). Их речитативный характер проявляется не только в следовании принципу один знак на один слог, но и в значениях каждого отдельного знака. Более половины этих знамен распевается в один звук. Распев других знаков, как правило, не превышает двух, в лучшем случае трех звуков. Во всем остальном эти песнопения существенно различаются.

Песнопение Федора Крестьянина почти в полтора раза пространнее Усольского. Каждое из песнопений отличается своим ярко выраженным преобладающим видом каданса. Двенадцать (из 16) строк Усольского распева завершаются кадансовой формулой, основную часть которой составляют знаки

/ \ / \

Девять строк Крестьянинова распева заканчиваются кадансовой формулой с основным знаковым зерном

/ \ / \

Многokrратно повторяющиеся кадансы в этих песнопениях выступают в роли своего рода постоянного рефрена в конце строк и в значительной степени определяют самостоятельность этих произведений.

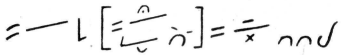
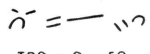
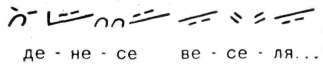
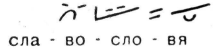
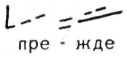
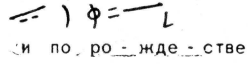
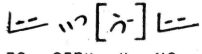

Музыкально-текстологическое исследование распева Федора Крестьянина из рукописи колл. Бражникова, № 25, помимо сравнения с Усольским распевом из той же рукописи, производилось и на материале других рукописных источников. Было просмотрено более сорока распевов на текст стихирь «Давыдо провозгласи тя чистая» в списках XV—первой половины XVII вв. Сравнение этих списков показало, что на протяжении XV—XVII вв. существовало по крайней мере семь самостоятельных произведений на текст стихирь. Из них пять произведений знаменного распева и два путевого.¹²

Старейшим из знаменных произведений является распев из рукописи второй половины XV в.¹³ Его характеризует архаика текста и нотации. В тексте присутствуют еще неогласованные редуцированные ъ и ь, в нотации преобладают древнейшие начертания XII—XIII вв. Крюки и стоици

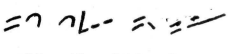
¹¹ Последовательности знамен, образующиеся из числа точно совпадающих знаков музыкально-текстовой строки, в которых имеется не менее двух знаков с яркой интонационной характеристикой (т. е. знаков распевных, неречитативных), мы условно называем знаковыми формулами.

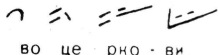
¹² Произведения путевого распева занимают особое место в древнерусской певческой культуре. Путевой распев как стилистическая разновидность знаменного в настоящее время еще мало изучен. Его нотация остается непередаваемой на современную потную запись. Значения большинства начертаний путевой нотации остаются невыясненными, и метод формально-статистического сравнения оказался здесь неприменим. Поэтому, установив существование двух произведений путевого распева, в дальнейшем изложении мы касаться их не будем.

¹³ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 637/894, л. 12—12 об.

№№ строк текста	Кол-во знаков в строке		Кол-во точно совпадающих знаков	Кол-во знаков взаимозаменяемых по ритмической функции	Формулы	Кадансы
	Усол.	Крест.				
1	19	26	6	3	 про - во - згла - си - тя	разные
2	12	21	2	1		»
3	12	13	4	5 (3)	 тво - е - го	»
4	16	31	6	1	 де - не - се ве - се - ля...	»
5	13	16	5	2	 сла - во - сло - вя	»
6	8	11	2	2	 пре - же	»
7	14	16	5	2	 и по - ро - же - стве	»
8	16	17	1	6 (4)		»
9	16	19	1	5		»
10	20	26	5	4		»
11	12	16	5	2	 во - спи - и - мо - шы	»
12	12	21	3	2		»
13	16	16	14	1	Формульное совп. роспевов за искл. 1 знака.	совп.
14	12	20	4	1	 ле - сне - ми	разные
15	12	27	1	3		»
16	12	12	11	1	Формульное совп.	совп.
Итого:	222	308	75	41		

Примечания: в квадратных скобках помещены знаки внутри формул, различающиеся по приемам исполнения; в верхнем ряду — знаки Усольского роспева, в нижнем — Крестьянинова. В графе взаимозаменяемых знаков в круглых скобках учтены знаки, точно совпадающие или взаимозаменяемые, но расположенные над соседними слогами текста:

Усольский
во - це - рно - ви

Крестьянинов
во - це - рно - ви

выписываются округлым движением, нет даже намеков на острые углы. В составе знаков обнаруживается большое число начертаний, в конце XV—начале XVI в. выходящих из употребления:

и т. п. Текст в соответствии с кадансами делится на семь строк. При этом деление на строки в этом роспеве и в более поздних различно. С музыкаль-

ной точки зрения это песнопение также представляет исключительный интерес. В нем преобладают речитативные элементы. На каждый слог приходится один знак, как правило, фиксирующий один звук (в основном это стопицы):

| | | | | |
в ъ · х о · да тво · е · го

Среди господствующей речитации выделяются отдельные островки мелодического изложения. Они выражаются редкими сложными знаменами либо комбинациями знаков, проставленных над одним слогом. Единственная в этом роспеве фита помещена над словом «теме» и находится в такой части текста, в которой во всех последующих роспевах фиты не употребляются.

Этот старейший роспев второй половины XV в. в более поздних рукописях нам не встречался. Очевидно, он относится к древнейшей традиции интонирования текста стихирь «Давыдо провозгласи тя чистая» и в дальнейшем вышел из употребления.

Вторым по времени бытования является роспев, встретившийся в рукописях конца XV—начала XVII в.¹⁴ В известных нам списках этого песнопения нотация уже утратила архаику начертаний и состава знамен, изменилась композиция роспева, деление на музыкально-текстовые строки стало более дробным. Общим для обнаруженных списков песнопения является редакционное изменение текста — «концы денесь радуетсяя», тогда как в песнопениях XV и XVII вв. это место читается «концы денесь веселяетсяя». Новым по сравнению со старейшим песнопением является усиление внутрислоговой распевности, что проявляется в отсутствии речитативных стопиц и введении двух фит на слова «во неи же» и «восприймоши тя». Фиты от списка к списку проявляют неустойчивость. Меняется их начертание и, следовательно, мелодия, но неизменным остается их место на указанных словах. Вообще в разных списках этого песнопения обнаруживаются многочисленные редакционные различия, объясняемые продолжительностью его бытования. Вместе с тем основной состав знамен, фиксирующих интонационный контур этого произведения, остается почти неизменным.

В первой половине XVII в. в певческом репертуаре появляются сразу три новых произведения на текст стихирь «Давыдо провозгласи тя чистая».

В сборнике инока Христофора 1604 г.¹⁵ обнаруживается ранний из известных списков роспева, который мы условно называем Кратким.¹⁶ Он назван так благодаря своей исключительно сжатой крюковой строке (всего 191 знак), в которой на каждый слог приходится не более одного знака. Вместе с тем этот роспев нельзя охарактеризовать как речитативный, так как большинство использованных в нем крюков может быть расшифровано как мелодическое движение в 2—3 звука. Отдельные же знамена или лицевые начертания предполагают и более пространный мелодический развод.¹⁷ Краткое песнопение делится на 20 музыкально-текстовых строк, образующих три основных раздела. Столь дробное деление привело к тому, что строки стали гораздо короче, увеличилось количество ка-

¹⁴ ГПБ, Софийское собр., № 472, л. 61 об.; Кирилло-Белозерское собр., № 675/932, л. 212 об., № 616/873, л. 57; собр. Титова, № 3636, л. 78 об.; БАН, собр. Каликина, № 69, л. 147 об.

¹⁵ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 665/922, л. 127. См.: М. В. Бражников. Древнерусская теория музыки. Л., 1972, с. 119.

¹⁶ Известны также другие списки Краткого роспева первой половины XVII в.: БАН, Строгановское собр., № 39, л. 110, № 40, л. 249 об. и др.

¹⁷ См. примеч. 7.

дансов и сами кадансовые обороты (они занимают в коротких строках до половины слогов) стали играть весьма важную роль. Так, четыре раза использованный совершенный каданс

$$\dot{\sim}) \approx \approx \approx \approx$$

четко разграничил три основных раздела формы песнопения и выделил из него начальную строку. Четыре раза был использован большой полукаданс

$$\dot{\sim}) \approx \approx \approx \approx \approx \approx$$

и шесть раз — малый полукаданс

$$l) \approx$$

Повторяющиеся кадансовые обороты, придавая форме песнопения исключительную стройность и интонационное единство, играют роль основного музыкально-выразительного средства этого произведения.

Параллельно с Кратким на протяжении первой половины XVII в. существовали в певческой практике Усольский и Крестьянинов роспевы.¹⁸ Из трех этих роспевов, судя по имеющимся у нас данным, наибольшую употребительность имел Усольский роспев. Он был зафиксирован в 14 из просмотренных нами певческих рукописей, Краткий — в 10, а Крестьянинов только в 7 рукописях. Трудно что-либо определенное сказать о причинах большей или меньшей популярности того или иного роспева на данный текст в XVII в. Можно лишь предполагать, что роспев Федора Крестьянина, состоящий в записи из 308 знаков, самый пространственный и мелодически богатый из трех роспевов (недаром он получил наименование «Большой»), представлял и наибольшую трудность для исполнения и предназначался для хорошо обученных певцов какого-либо крупного хора. Доступнее по меньшей протяженности звучания и сложности для исполнения был, вероятно, Усольский роспев (222 знака), вместе с тем он был достаточно мелодичным и, отличаясь этим от Краткого роспева (191 знак), получил наибольшее распространение.

Все три рассмотренных знаменных произведения первой половины XVII в. встречались в рукописях только в подборках из нескольких роспевов на этот текст. Отметим, что в рукописях этого времени на данный текст вообще, как правило, дается несколько роспевов, тогда как громадное большинство других текстов Стихираля праздничного помещается только с одним роспевом. В подборках на текст стихиры «Давыдо провозгласи ты чистая» может быть от 2-х до 7-ми роспевов, включая путевые роспевы и дополнительные редакции 3-х основных песнопений. Часть из них бывает помечена различного рода писцово-певческими указаниями.

Три рассмотренных выше песнопения группировались в подборках в различных комбинациях, но обнаружили замечательную закономерность: роспев Федора Крестьянина почти никогда не помещался первым, он следовал за каким-либо другим — Кратким, Путевым или Усольским. Таким образом, Крестьянинов роспев постоянно попадал в традиционной схеме расположения роспевов в подборке в положение «иног» роспева, т. е. не основного для данной эпохи или музыкального стиля, а как бы дополнительного, «прибыльного». Лишь в одной рукописи из семи, содержащих Крестьянинов роспев, в подборке песнопений на текст стихиры «Давыдо провозгласи ты чистая» (ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751, первая половина XVII в.) произведение Федора Крестьянина было помещено первым (л. 107); за ним следовал Усольский роспев (л. 108); далее, в другом

¹⁸ Помимо списка ИРЛИ, колл. М. В. Бражникова, № 25 были обнаружены более ранние списки этих песнопений. Старшими из них являются списки всех трех роспевов в сборнике инока Христофора (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 665/922, 1604 г.).

разделе рукописи был помещен еще один роспев на текст этой стихирь, но также Усольский (другая редакция — л. 186); наконец, в третьем разделе приведен путевой роспев стихирь (л. 203 об.).

Нетрадиционное расположение роспевов в рукописи Соловецкого собрания, № 690/751 сопровождается не менее нетрадиционными писцово-певческими пометами. Первый роспев, известный по списку ИРЛИ как Крестьянинов, здесь озаглавлен Усольским, а второй — «Ин перевод» (в списке ИРЛИ — «Усольской») — имеет на поле листа помету, указывающую Федора Крестьянина. Таким образом, и в этой рукописи остается формально выдержанной последовательность роспевов. Роспев, атрибутированный здесь Федору Крестьянину, помещен как дополнительный к некоему основному, в данном случае озаглавленному Усольским. Вместе с тем в рукописи Соловецкого собрания роспевы поменялись заглавиями, что ставит под сомнение атрибуцию роспевов по списку ИРЛИ. Возникает вопрос: в какой же рукописи дана верная атрибуция?

Прямого ответа на этот вопрос дать пока невозможно. Для этого потребуются многие новые списки роспевов с точными указаниями авторства. Пока же их нет. Нет у нас и оснований не доверять и переписчикам или редакторам-составителям этих рукописей. Обе рукописи, представляя собой сборники избранного состава, принадлежат к числу наиболее выдающихся памятников знаменного пения первой половины XVII в. В рукописи Соловецкого собрания, вероятно, нарочно сведены вместе многие роспевы на общие тексты (тропари, задостойники, стихирь праздникам и нарочитым святым и т. п.). В ней представлены уникальные произведения не только Федора Крестьянина, но и троїцкого головщика Логгина, песнопения Усольской и других композиторских школ. О составе сборника ИРЛИ уже говорилось выше. Поэтому представляется, что создателями этих сборников были люди весьма сведущие в знаменном пении. Вместе с тем сличение роспевов показывает, что в одной из этих рукописей была допущена ошибка.

Опираясь на косвенные данные, можно только предполагать, что более точной является атрибуция в сборнике ИРЛИ, колл. М. В. Бражникова, т. е. та атрибуция, которой мы придерживались в данной статье. В пользу этого мнения могут свидетельствовать следующие рассуждения.

Во-первых, указания на произведения Усольской композиторской школы более распространены в рукописях XVII в., нежели указания на роспев Федора Крестьянина. Усольский роспев встречается с большим числом певческих текстов.¹⁹ Поэтому представляется, что Усольский роспев мог быть более распространенным и мог выглядеть более обыденным по сравнению с роспевом Федора Крестьянина. В парном соединении этих роспевов Усольский роспев как «обычный» мог ставиться первым, а Крестьянинов — «необычный» — выступал в роли дополнительного, «иного». Примеры подобного соединения мы и отмечали во всех случаях парного расположения этих песнопений. Более того, в одном из списков роспевов Федора Крестьянина при сопоставлении с Усольским роспевом был даже выделен специальной пометой «произвол».²⁰

¹⁹ Помимо уже упомянутых произведений Усольского роспева на текст стихирь «Давыдо провозгласи тя чистая», Усольский роспев указан в тех же рукописях — ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751 на другие тексты праздничных стихирь (л. 113, 125, 128 об.), ИРЛИ, колл. М. В. Бражникова, № 25 на текст стихирь «Благовестит Гавриил» (л. 207), а также в рукописях: ГПБ, Софийское собр., № 498, XVII в. (л. 492 об.); ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 180, XVII в. (л. 117) и др.

²⁰ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 665/922, 1-й роспев — Краткий (л. 127), 2-й — Усольский (л. 131 об.), 3-й — Крестьянинов, озаглавлен «Ин», а на поле листа выписано «произвол» (л. 131 об.).

Во-вторых, заглавие «Крестьянинов» в рукописи колл. Бражникова, № 25 имеет дополнительное обозначение «Большой». Большим роспевом это песнопение названо и еще в одном списке первой половины XVII в.²¹ В научной литературе существует по поводу большого роспева мнение, что одним из создателей этого стилистического подвида знаменного пения конца XVI—начала XVII в. был Федор Крестьянин.²²

В-третьих, в рукописи колл. Бражникова, № 25 имя композитора включено в заглавие стихиры и выписано непосредственно в тексте — «Большой с крестьянинов», очевидно, рукой переписчика всей рукописи. Также полно выписано в заглавии и указание на Усольский роспев. В рукописи же Соловецкого собрания, № 690/751 указания на Крестьянинов и Усольский роспевы даны на полях и в сокращении «кр^с» (л. 107) и «Усо^с» (л. 108). Эти пометы на полях рукописи могли проставить и писец, и редактор-составитель, и читатель, т. е. певец. Можно даже допустить, что, встретив помещенными один за другим два роспева и зная, что один из них Крестьянинов, а другой Усольский, писец (редактор, певец), не уточняя, в какой последовательности они записаны, мог руководствоваться традицией и первый роспев отнести к более распространенному, обыденному, Усольскому, а второй — дополнительный — пометить как Крестьянинов.

Приведенные выше рассуждения не могут окончательно решить проблемы атрибуции роспевов и служат рабочей гипотезой. В настоящее же время следует признать только то, что один из двух роспевов в рукописи ИРЛИ, колл. М. В. Бражникова, № 25 действительно создан выдающимся русским головщиком-композитором Федором Крестьянином.

²¹ БАН, Строгановское собр., № 39, л. 114.

²² См.: М. В. Бражников. Федор Крестьянин. Стихирь, с. 132—133.

И. Ф. БЕЗУГЛОВА

«Достойно есть» Опекаловского роспева

Древнерусская профессиональная музыка на протяжении многих веков своего существования создавалась на неизменные тексты, переведенные с греческого языка. В древнерусском песнопении текст и музыка образуют неделимое единство. Однако стабильность текста не означает неизменности его роспевов. Поскольку текст в песнопениях конструктивно не изменялся, то процесс становления песнопения связан с изменяемой его частью — роспевом. Исследование песнопений показало, что один текст может иметь множество различных роспевов. Таким образом, каждое песнопение можно определить как существование данного текста во множестве музыкальных интерпретаций, в различной степени отходящих от канона и созданных в разное время. Эта особенность бытования песнопения сближает его с древнерусским литературным произведением, имеющим разновременные списки и редакции. Данное обстоятельство позволяет говорить о сходстве приемов работы музыковеда-палеографа и литературоведа-текстолога. Д. С. Лихачев, определяя задачи текстолога, указывает на необходимость исторического подхода к памятнику, изучения «истории текста на всех этапах его существования». Только в этом случае можно выявить «изменения в стиле», «динамику творческого процесса», а следовательно, своеобразие каждого момента существования текста.¹

В настоящей работе исследуются особенности Опекаловского роспева текста «Достойно есть».

Изучение справочной литературы,² архивных материалов,³ певческих рукописей помогло установить, что памятник был создан во второй половине XVII в. роспевщиками школы Опекалово-Вознесенского монастыря. К этому времени уже существовало множество видов, типов и редакций⁴

¹ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 27.

² В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890—1897, с. 211, № 1852; П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, с. 478, № 39.

³ ЦГАДА, ф. 231, № 5/1192, 56/11696, 57/11697, 95/11735, 96/11736; ГАКО, ф. 473, № 184, 511, ф. 160, № 1269, 1270, 1272.

⁴ Используемая нами терминология исходит из двух уровней восприятия текста роспевщиком: фонетического и структурного.

В связи с первым роспевы разделяются на виды: а) малый роспев (в стилях: знаменном, путевом, демественном) — без внутрислогового или с небольшим внутрислоговым распевом; б) большой роспев (в стилях: знаменном, путевом, демественном) — со значительным внутрислоговым распевом.

В связи со структурным уровнем роспевы делятся на типы, имеющие индивидуальные черты воплощения данного текста, что выражается в мелодико-интонационной основе и приемах развития роспевов.

Редакции — изменения в каждом типе (при сохранении его структурно-мелодического рельефа и особенностей интонационного развития). Изменения могут

песнопения «Достойно есть». Нам удалось выявить и систематизировать некоторые из них.⁵ Обнаруженные нами 17 списков конца XVI—начала XVII в. этого песнопения распадаются на две группы (по видам роспевов): малого роспева (13 списков) и большого роспева (4 списка).⁶ В списках малого роспева «Достойно есть» выявлено два типа: 1-й тип существовал с конца XVI до середины XVIII в., 2-й тип — с начала XVII до конца XVII в.

Заметим, что 1-й тип песнопения лишь условно отнесен нами к малому роспеву, поскольку особенности его графики, наличие в нем небольшого внутрислогового роспева позволяют предположить, что данный тип представляет собой вид путевого роспева либо содержит тайнозамкнутые начертания. Более возможно первое предположение, так как найденный путевой вариант (с путевой нотацией) 2-го типа озаглавлен «Кирилловское», как и большинство редакций рассматриваемого типа. Однако идентификация путевого варианта с редакциями 2-го типа пока нами не произведена. Поэтому мы не включаем анализ этого типа в данную работу. Заметим лишь, что 2-й тип роспева «Достойно есть» имеет значительное число списков XVII в. и принципы формирования данного типа сходны с таковыми в 1-м типе.

Списки большого роспева представляют собой четыре типа, существовавших в одно время — в конце XVII в.

выражаться в незначительном варьировании (расширении, сокращении) внутрислогового роспева (не приводящем к изменению вида роспева), замене отдельных заключительных оборотов попевок (кадансов) при сохранении их свободных частей.

Примером тому может служить сделанное нами сравнение редакций «Достойно есть» (см. пример 2), где свободные части попевок совпадают, а значительная часть кадансов различается, не принося в роспев ничего нового.

В связи со сказанным мы не можем считать универсальным способ определения самостоятельности произведения, предлагаемый С. В. Фроловым («Иного переводу Лукошково». — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 355), поскольку самобытность роспева оценивается им на мелодическом, а не структурном уровне. В результате различие кадансов характеризуется как один из основных показателей самостоятельности произведения, чему противоречит приведенный нами пример.

⁵ Поскольку данная работа представляет собой первый этап исследования Опекаловского роспева, в нее вошел анализ только знаменного малого и большого роспевов «Достойно есть» XVI—XVII вв. Мы не исследовали местных, путевые и многоголосные интерпретации этого текста, не касались проблемы гласового развития в Опекаловском «Достойно есть».

⁶ Указываем шифры и время фиксации всех списков песнопения.

Малый роспев

1-й тип: ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 569/826, конец XVI в.; редакции: ГПБ, собр. Погодина, № 380, 1602 г., л. 141 об.; Основное собрание рукописей, Q I, № 1504, середина XVII в., л. 126; Кирилло-Белозерское собр., № 639/896, середина XVII в., л. 108; ГПБ, Q I, № 1408, 2-я половина XVII в., л. 61 об.

2-й тип («Кирилловское»): ГПБ, собр. Погодина, № 380, 1602 г., л. 142; редакции: ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 665/922, 1604 г., л. 953 об.; № 639/896, середина XVII в., л. 168; № 624/884, середина XVII в., л. 164; ГПБ, собр. Михайловского, № 017, середина XVII в., л. 199 об.; ГПБ, Q I, № 85, конец XVII в., л. 50; ГПБ, Q I, № 130, конец XVII в., л. 59 об.; Кирилло-Белозерское собр., № 728/985, конец XVII в., л. 133.

Большой роспев

1-й тип («Тихвинский»): ГПБ, собр. ОЛДП, Q № 108, конец XVII в., л. 370 об.; Кирилло-Белозерское собр., № 728/985, конец XVII в.

2-й тип: ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 677/934, конец XVII в., л. 120.

3-й тип: ГПБ, Q I, № 1051, конец XVII в., л. 171 об.

4-й тип («Опекаловский»): ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 677/934, конец XVII в., л. 122.

Опекаловское песнопение относится к виду большого роспева.

Исследуемое песнопение «Достойно есть» — величание богоматери — исполняется в литургии «Иоанна Златоуста» дважды: в начале службы при входе в храм и в третьей ее части — «литургии верных», выражающей страдания, смерть, погребение Христа.⁷

Конструктивной особенностью текста является членение его на две части точкой и инициалом в певческих рукописях, так как в песнопении соединены два гимнографических текста — богородичен «Достойно есть»⁸ и ирмос 9-й песни канона «Честнейшую херувим».⁹ Содержание обоих текстов сходно. В певческих рукописях все песнопение именуется первыми словами богородична «Достойно есть».

Самый ранний из найденных нами роспевов двух соединенных текстов относится к концу XVI столетия.¹⁰

В статье используются терминология и понятия, примененные Б. А. Шиндиным для исследования особенностей композиции демественного роспева.¹¹ Б. А. Шиндин исходит из следующих определений типов композиции:

Н о р м а т и в н а я к о м п о з и ц и я — последование или цепь попевок, чаще всего соединенных незначительными по объему мелодически неразвитыми звеньями.

П о л у н о р м а т и в н а я к о м п о з и ц и я — нормативные песнопения со связующими разделами (свободными построениями), разросшимися до крупных разделов.

Н е н о р м а т и в н а я к о м п о з и ц и я — такая, в которой попевки сохраняются как минимум в начальном и конечном разделах — наиболее важных с точки зрения формы. Такое же соотношение попевки и свободного построения наблюдается и в построении малого роспева «Достойно есть». Поэтому мы считаем возможным применение терминологии Шиндина к анализу песнопения малого роспева.

На основании сказанного отметим, что малый роспев «Достойно есть» со временем эволюционировал от полунормативной композиции роспева 1-го типа (конец XVI в.) до ненормативной в путевом (или с тайнозамкнутыми начертаниями) роспева 2-го типа (XVII в.).

В конце XVII в. появился большой роспев «Достойно есть». Недостающее звено в этом эволюционном процессе — малый роспев нормативной композиции. В полном песнопении, состоящем из богородична и ирмоса, данный роспев нами не обнаружен. Однако найдена вторая часть песнопения — ирмос «Честнейшую херувим»,¹² который исполняется отдельно от богородична (на 9-й песни канона). Данный ирмос существовал в начале XVI в. ранее 1-го типа малого роспева «Достойно есть» (полунормативная композиция) и обладает нормативной композицией. Можно предположить, что ирмос был одним из первых звеньев в эволюции роспева «Достойно есть».

⁷ Нам неизвестно, в какой из частей литургии исполнялось Опекаловское песнопение (найдено в певческом сборнике как отдельное песнопение: ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 677/934, XVII в., л. 122).

⁸ Текст богородична встречается в постной триоди в службе страстной недели.

⁹ Этот ирмос исполняется и отдельно от «Достойно есть» на 9-й песни канона. В рукописях встречаются указания: «Иерей глаголет Богородицу в песне возвеличим, диакон кадит, песнь 9 ирмос» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, конец XV в., л. 376).

¹⁰ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 569/826, конец XVI в.

¹¹ Древнерусская книжность. Резюме докладов на конференции молодых специалистов. Июнь 1975 г. Л., 1975, с. 41.

¹² ГПБ, Софийское собр., № 472, начало XVI в., л. 484.

Развитие ирмоса основывается на чередовании двух попевок, основные части которых

повторяются, связующие их звенья (свободные построения)¹³ меняются.

Принцип чередования основного материала сохранился и в ирмосах малого роспева 1-го и 2-го типов полного песнопения «Достойно есть».

Это свидетельствует о преемственности роспевов ирмоса «Честнейшую херувим», ставших составной частью полного песнопения «Достойно есть» с одиночным ирмосом, исполняющимся самостоятельно.

Укажем основные особенности формирования роспевов 1-го типа «Достойно есть». Они имеют два раздела, граница между которыми соответствует границе между богородичным и ирмосом. Первый раздел (до слов «Честнейшую херувим») — трехфазный с репризой. Второй раздел (ирмос) основан на чередовании свободного построения, вычлененного из первого раздела, с другим материалом.

Важно отметить, что в 1-м типе песнопения формообразующими были не попевки, как в нормативной композиции малого роспева, а свободные построения. Поясним это на примере.¹⁴ Роспев основывается на вариантном повторении свободного построения [а] начальной попевки (в примере выделено пунктиром). См. пример 1.

<p>Достойно есть</p>	<p>яко воистину</p>	<p>каданс</p>
<p>и мать бога</p>		<p>каданс</p> <p>нашего</p>
<p>благити тя бого-</p>		<p>каданс</p> <p>родице</p>
<p>и пренепоро-</p>		<p>каданс</p> <p>чнюю</p>

Устойчивые же части попевок (кадансы), как видно из приведенного примера, изменены. При сравнении редакций одного типа роспева «Достойно есть» это становится очевидным. См. пример 2 (с. 313).

Таким образом, в роспевах полунормативной композиции (1-й тип) по сравнению с роспевом нормативным (ирмос начала XVI в.) произошла переакцентировка формы на свободные построения, т. е. «кирпичиками» формы стали свободные построения, а не попевки.

Итак, мы рассмотрели основной тип малого роспева «Достойно есть». Как было показано, он имеет ряд характерных черт.

1. Основополагающий принцип формирования песнопения — опора на вариантно изменяемые свободные построения.
2. Членение музыкальной формы соответствует текстовой границе.
3. Трехфазная форма первого раздела; рондообразная форма второго

¹³ Свободные построения — связующие звенья между попевками (по терминологии Шивдина).

¹⁴ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 569/826, конец XVI в.

раздела, основанная на чередовании формообразующего свободного построения с другим материалом.

Напомним, что строение второго раздела «Честнейшую херувим» (ирмоса) сходно со строением ирмоса «Честнейшую херувим» более раннего времени, который исполнялся самостоятельно, не соединяясь с богородич-

Свободное постр.	каданс	К. Б., № 569 826
$\overbrace{\text{н} = \frac{\text{—}}{\text{+}} \text{л} \text{л} \text{л}} \quad \text{н}; \text{л} = \text{л} \text{л}$	$\overbrace{\text{л} \text{л} =}$	
Достои но есть яко вои	стину	

$\overbrace{\text{л} = \frac{\text{—}}{\text{+}} \text{л} = \text{л}} \quad \text{л} \text{л} = \text{л} \text{л}$	$\overbrace{\text{л} \text{н}; = =}$	Пог., № 380
--	--------------------------------------	-------------

$\overbrace{\text{н}; \text{л} = \text{л} = \frac{\text{—}}{\text{+}} \text{л} = \text{л}} \quad \text{л} = \text{л}$	$\overbrace{= = \text{л} = \text{л} =}$
блажити тя бого -	родиче

$\overbrace{\text{н}; \text{л} = \text{л} = \frac{\text{—}}{\text{+}} \text{л} = \text{л}}$	$\overbrace{= \text{л}) \text{л} \text{л} \text{л}}$
---	---

$\overbrace{\text{л} = \text{л} \text{л} = \text{—} \text{н};)}$	$\overbrace{\text{н}; \text{л} = \text{л} \text{н}; = \frac{\text{—}}{\text{+}}}$	каданс
присноблане нну ю и пренепо	$\overbrace{= \text{л} \text{л} = \frac{\text{—}}{\text{+}}}$	рочную

$\overbrace{\text{л} \text{л} \text{л} = \text{—} \text{н};)}$	$\overbrace{\text{н}; \text{л} = \text{л} \text{н};}$	$\overbrace{= \frac{\text{—}}{\text{+}} \text{н}; = =}$
---	---	---

$\overbrace{\text{н} = \frac{\text{—}}{\text{+}} \text{л} = \text{л} = \text{л}}$	$\overbrace{= \text{л} =}$
и мать бога	нашего

$\overbrace{\text{л} = \frac{\text{—}}{\text{+}} \text{л} \text{л}}$	$\overbrace{\text{л} \text{л} = \text{л} \text{л} \text{л}}$
--	--

$\overbrace{\text{н}; \text{л} = \text{л} \text{л}}$	$\overbrace{) = \text{л} = \text{л}}$
бога слова	рож шую

$\overbrace{\text{н}; \text{л} \text{л}}$	$\overbrace{\text{н}; = \text{—} \text{л} \text{л}}$
---	--

ном «Достойно есть». Таким образом, традиция распева данного ирмоса сохранилась в полном песнопении, объединяющем богородичен и ирмос. Этот факт, а также особенность формы полного песнопения «Достойно есть» (составная форма, состоящая из двух разделов, один из которых соответствует богородичну, другой — ирмосу) свидетельствуют о том, что песнопение еще не осознавалось как единое целое.

Следующим этапом в развитии песнопения «Достойно есть» является большой роспев. Нами найдено четыре его типа, относящихся ко 2-ой половине XVII в.; среди них исследуемый Опекаловский роспев.

Все четыре типа большого распева «Достойно есть» отличаются от типов малого распева иной интерпретацией текста, осознанного как единое целое. Все песнопение имеет единую, не составную форму.

Несмотря на то что большой распев — новое явление в развитии песнопения «Достойно есть», он сохраняет связь с рассмотренным выше малым распевом.

Прежде всего укажем на общность в интонационном языке. См. пример 3.

Малый р.

Херу - ви - им

К.Б. № 728 985 н. XVII в.

Большой р.

(Богоро - дичу)

[транспонировано на кварту]

К.Б. № 677 234 XVII в.

Малый р.

(Бога нашего)

Большой р.

(пренепорочную)

Если вернуться к анализу типов малого распева (см. пример 1), станет очевидно, что первые строчки примера 3 представляют собой вариантно измененные формообразующие построения из 1-го типа малого распева. Эти свободные построения в большом распеве подвергаются интенсивной разработке, из них вычленяются отдельные интонационные обороты, которые, вариантно изменяясь, формируют распев.

Если малый распев «Достойно есть» полунормативной композиции (1-й тип) основывается на свободных построениях при наличии попевок, то в большом распеве попевок нет. Он состоит из свободных построений, одно из которых является формообразующим, в процессе развития суженным до формулы — интонации. Таким образом, большой распев «Достойно есть» является гипертрофией ненормативности малого распева.

Мы располагаем четырьмя типами большого распева «Достойно есть». Каждый из них индивидуален, тем не менее все четыре имеют ряд сходных черт, которые рельефнее проступают не в принципах формообразования (как это было в «Достойно есть» малого распева), а в мелодическом материале песнопения.

Стабильность мелодического материала проявляется в употреблении общих мелодических оборотов в разных типах большого распева «Достойно есть». В музыкальной ткани рассматриваемых типов большого распева выделяется интонация, формирующая основные мелодические построения «Тихвинского» распева (1-го типа) и средних частей распевов 2-го типа,

«Опекаловского». Наблюдается общность некоторых мелодических построений. См. пример 4.

Наиболее существенные различия типов большого роспева «Достоинство» проявляются в организации мелодического материала и в форме роспева. В большом роспеве песнопения наблюдаются два принципа развития: 1) вариантность основной интонационной формулы (интонационная вариантность); 2) вариантность строк или отдельных частей строк роспева.

Музыкальные примеры с интонационными формулами и вариантами:

1 тип: Тихвинский р. (I тип)
при - сно бла женную

IV тип: Опекаловский р. (IV тип)
Досто - и - но е - сть

I тип: Честне -- йшу ю же - ру - вим

IV тип: Бо -- га на --- шего

II тип: Бого - ро - ди - цу

[транслонировано на секунду]

«Тихвинский» роспев основывается на первом принципе развития (интонационная вариантность). Начальная интонация преобразуется на протяжении всего песнопения, изменяясь ритмически и высотно, сокращаясь и расширяясь. Образуется вариационная форма второго вида, в которой ведущая интонация не создает повторного мелодического построения (отсутствует второй принцип развития — повторность строк).

Главная интонационная формула не создает более широкого повторяющегося построения. В результате мелодический материал песнопения имеет единую интонационную основу, но без обобщения в конструктивном плане.

Во 2-м типе большого роспева «Достоинство», как и в 1-м, действуют законы вариационной формы второго вида, но организация роспева 2-го типа более сложная и цельная благодаря действию в нем второго принципа развития (вариантность строк роспева).

Вариантный повтор первых двух строк образует репризную третью фазу в первом разделе песнопения (до слов «мать бога нашего»).

При повторении исчезает граница между строками, что подчеркивает суммирующее значение третьей фразы первого раздела.

Таким образом, первый раздел песнопения формируется в трехчастную композицию с репризой третьей частью.

Однако второй принцип развития (вариантность строк) выдержан не до конца роспева. Поэтому в целом песнопение не имеет репризы, оно замыкается суммированием отдельных основных интонационных формул, которое выполняет функцию коды.

Таким образом, в данном роспеве первый принцип развития уже не единственный, но преобладающий.

2 = Н + 3 L =

Достой -- но

я · ко во истину ·

блани ти · тя ·

Богородицу

В рассмотренном типе песнопения ощущается стремление к цельности как мелодического развития, так и формы песнопения. Оно вызвано сложностью и широтой внутрислогового распева. Поэтому мелодические песнопения самостоятельны и не совпадают с текстовыми границами.

Попытка создать цельную музыкальную форму (независимую от текста) свидетельствует о тенденции к развитию самостоятельного музыкального мышления.

Эта тенденция усилилась в творчестве мастеров Опекаловской школы. Исследуемый Опекаловский роспев «Достойно есть» по степени сложности, развитости представляется нам заключительным звеном в рассмотренной выше цепочке вариантов этого песнопения.

В Опекаловском роспеве действуют оба принципа развития (интонационная вариантность и вариантность строк). Первый принцип осуществляется последовательно из строки в строку, создает активное мелодическое движение, которое имеет единую основу — 1-ю строку песнопения. На протяжении всего роспева варьируются две ее ячейки — нисходящая терция (начинает каждую строку песнопения) и ритмически характерная серединная интонация строки:

Вторая интонационная формула, варьируясь из строки в строку, ритмически воздействует на вновь появившиеся мелодические обороты; образуется интонационная цепляемость. См. пример 5 (выше). Мелодические обороты «прорастают» друг из друга, постепенно расширяя звукоряд.

Новая интонационная формула (№ 4) в середине роспева также имеет основу в 1-й строке песнопения. См. пример 6.

Сохранилось направление движения, ритм изменился под влиянием основной интонации № 2. Новый мелодический оборот варьируется (вы-

отно и ритмически) на протяжении шести строк роспева, составляя его среднюю часть. Создается новый вариационный комплекс, варьируемое звено которого, однако, интонационно связано с первой частью роспева. См. пример 7.

при -- сно блаже -- нную и пренепо -- ро --

чу -- ю и ма

те -- рь

Бо -- га на

ше -- го

Непрерывность интонационной цепляемости, постепенно расширяющей круг мелодических оборотов и звукоряд, создающей динамизм движения, отличает Опекаловский роспев от рассмотренных типов большого роспева, в которых интонационная вариантность главенствовала, но не отличалась непрерывно последовательным развитием. В Опекаловском

песнопении начальные строки дают импульс в с е м у мелодическому движению и, как будет показано ниже, «собирают» его в конце песнопения в репризный комплекс с кодой.

Переходя из строки в строку, интонационная вариантность образует вариантность строк, повторность которых создает обобщающий третий раздел — репризу («Честнейшую херувим»). Но и в этом разделе развитие не прекращается. В начале третьего раздела варьируется 2-я строка песнопения (интонационная формула № 3). Сохранены ее запев и замыкающие, в середине дан новый мелодический оборот (№ 5), который преобразуется до конца песнопения. См. пример 8.

Я ... ко во и ... стину
Честне (и)шюу

Характерные интонационные ходы (№ 1, № 2) 1-й строки песнопения появляются только в 6-й и 7-й строках третьего раздела, в иной последовательности и с высотным вариантом. См. пример 9.

и сла - внешюу
Досто - ино е -- сть

Запев 1-й строки богородична повторяется в запеве 7-й строки третьего раздела. См. пример 10.

Досто(ино)
безсравнения)

Последняя фаза третьего раздела («сущую богородицу тя величаем тайно») не включает в себе повтора строк, в ней объединены основные интонационные обороты песнопения:

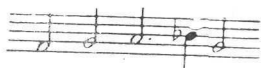
1. Интонационная формула № 2 1-й строки роспева в ритмо-высотном варианте (расширение). См. пример 11.

2. Интонационная формула № 3 (2-я строка роспева). См. пример 12.

3. Интонационная формула № 4 (середина роспева). См. пример 13.

4. Новый мелодический оборот (№ 5), возникший в третьем разделе роспева. См. пример 14.

Ритмическое движение замедляется (увеличивается длительность звуков).

Интонационное суммирование, ритмическое замедление позволяют определить роспев заключительной фразы текста как коду.

Становится очевидным, что непрерывное развитие, преобразование мелодического материала Опекаловского роспева, конструктивно четко организовано. Оно имеет единый источник (1-я, 2-я строки роспева) и обобщение в третьей фазе роспева (реприза, кода).

Заметим, что мелодическая повторяемость обусловлена не текстовой (словесной) повторностью, как это часто бывает в роспевах древних мастеров. Как уже отмечалось, оба текста составного песнопения «Достойно есть» сходны по содержанию. В Опекаловском варианте реприза приходится на второй текст (ирмос), по смыслу повторяющий первый. Вероятно, здесь проявилась смысловая связь роспева с текстом, т. е. стремление отразить содержание текста, найдя ему функциональное соответствие в музыкальной форме.

Вспомним, что в «Достойно есть» малого роспева форма составная, в рассмотренных типах большого роспева форма уже цельная, имеющая единый интонационный материал, но организованная еще по принципу цепных композиций знаменного роспева.¹⁵ В Опекаловском типе большого роспева

¹⁵ Во втором типе намечается отход от этого принципа.

«Достойно есть» «текучесть» формы преодолена четкой организацией материала, связанной с новым осмыслением текста.

Таким образом, намечаются три этапа в музыкальной интерпретации текста «Достойно есть»: малый распев, большой распев и Опекаловский тип большого распева.¹⁶

В заключение укажем, что Опекаловский распев рассматривается нами как этапное явление только на уровне формообразования и принципов развития. Мелодическая основа распева традиционна: мелодический оборот 1-й строки песнопения, имеющий основополагающее значение, встречается почти в неизменном виде в «Тихвинском» распеве (1-й тип большого распева, см. пример № 4).

Все типы большого распева «Достойно есть» (включая и Опекаловский) имеют ряд общих интонационных формул, играющих формообразующую роль, что говорит о существовании известного канона, которого придерживались распевщики.

В творчестве мастеров Опекаловской школы соединялось тончайшее, филигранное мастерство древнерусских мелодистов с принципами развития музыки иного склада. Опекаловский распев представляет интерес не только как этапное явление в плане воссоздания истории русской музыки, но и как собственно памятник, обладающий большой художественной ценностью.

¹⁶ Напомним, что это — предварительное замечание, поскольку не рассмотрены путевые, демественные и многоголосные варианты песнопения.

А. С. БЕЛОНЕНКО

Показания архиерейских певчих XVII века

В Архиве ЛОИИ АН СССР в рукописном сборнике из коллекции Н. П. Лихачева содержится редкий документ, озаглавленный исследователем XIX в. так: «1666 года. Показания архиерейских певчих, чему учены они церковного трехштрошного пения».¹ Этот документ был известен еще В. Ф. Одоевскому, о чем можно судить по копии «Показаний» из его коллекции.² Очевидно, с этой копией был знаком Д. В. Разумовский, который ввел документ в научный оборот музыковедения. Впоследствии, кажется, лишь один Н. Ф. Финдейзен упоминает его и приводит цитату из него по статье Д. Разумовского в Материалах для археологического словаря.³ Так как трестрочное (строчное) пение стало сегодня объектом специального изучения,⁴ а источников, содержащих такого рода памят-

¹ Помимо «Показаний» в сборник ф. 238, оп. I, ед. хр. 349 (скорпись 1665—1683 гг. в 4-ку, на 45 л., переплет — папка, покрытая целой гладкой кожей XIX в.) вошли: переписная книга церковного имущества новгородского Лютова монастыря 1681 г., перепись оружия в Кириллове монастыре 1665 г., калька с грамоты Иоанна Грозного Кирилло-Белозерскому монастырю 1575 г. и челобитной царям Иоанну и Петру стольника Кирилла Бычкова 1683 г. «Показания» были доставлены в 1862 г. в Отделение русской и славянской археологии Русского археологического общества членом-корреспондентом этого общества, учителем вологодской семинарии Н. И. Суворовым (см.: Известия Русского археологического о-ва, т. IV, 1863, вып. 3, стб. 260). По всей видимости, этот документ в случайной подборке с другими попал в коллекцию Н. П. Лихачева из музея Русского археологического о-ва. «Показания» писаны разными почерками, скорописью XVII в., на бумаге того же века (о чем можно судить скорее по фактуре бумаги, нежели по едва просматривающимся филиграммам; на л. 24 виден фрагмент водяного знака типа герба «лилия на щите», Гераклитов, № 181—1635 г. или Хивуд, № 1724 — 1617 г.; на л. 9, 12, 15, 22, 26 и 29 — фрагмент филиграммы типа щита с четырехконечным крестом на поле, близкой Гераклитову, № 352 — 1631—1633 гг. или Хивуду, № 971—973 — 1613 г., № 977 — 1634 г.). В начале «Показаний» указана дата их создания: «В 7174 (1666) августа в день» (Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. I, ед. хр. 349, л. 6 об.).

² Копия эта хранится ныне в рукописном отделе ГБЛ, в собрании В. Ф. Одоевского (ф. 210, ед. хр. 31, л. 51—54 об.). Сведения об этой копии приводятся нами из кн.: Собрания Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского. Архив Д. В. Разумовского. Описание. М., 1960, с. 157.

³ См.: Д. В. Разумовский. 1) Ананьин Иван. — Древности. Труды Московского археологического о-ва, т. I, 1867, вып. 2, с. 23; 2) Государевы певчие дьяки XVII века. — В кн.: Сборник на 1873 год, издаваемый Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873, с. 167; Н. Ф. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, вып. 3. М.—Л., 1928, с. XXIV, примеч. 345.

⁴ См., например: М. В. Бражник. Многоголосие знаменных партитур. — В кн.: Проблемы истории и теории древнерусской музыки. Л., 1979, с. 7—61; И. В. Коленько. Демественные партитуры как памятники демественного многоголосного распева. 1979 (машинпись). Рукопись хранится в Ленингр. ордена Ленина гос. консерватории.

ники или сведения, сохранилось мало, то «Показания», на наш взгляд, вновь обретают научный интерес для исследователей.

Прежде всего «Показания» интересны как особый тип актового материала. Это документ, отразивший специфическую форму отчетности средневекового художественного коллектива. И хотя предназначение этого документа не совсем ясно, понять суть дела достаточно легко. Митрополичьи певчие, возможно, весь наличный состав хора (16 человек), говоря современным языком, сдавали репертуар своему архиерею и записывали названия выученных произведений. «Показания» начинаются формулой: «Певчей диак [имярек] сказал великому господину преосвященному Симону⁵ архиепископу Вологодскому и Белозерскому⁶ чему учен⁷ церковного трестрочного пения». Далее следует перечисление выученного, а в конце — замечания митрополита («а впредь должен учиться во все строки») ⁸ или обещание певчего («а протчая чево не умею и я стану у Бога милости просить и учиться рад»).⁹

Имена певчих дьяков и подьяков митрополичьего хора почти неизвестны музыкальной науке.¹⁰ Однако упоминанием конкретных имен певчих не ограничивается ценность «Показаний». Трострочное пение — ранняя форма русского профессионального многоголосия — содержит в себе еще много неизвестного. Ученые не пришли к единому выводу о времени его появления на Руси,¹¹ слыхом мало еще наблюдений над музыкально-технической стороной его, не говоря уже о его стиле. В частности, еще мало изучен репертуар строчного пения.¹² «Показания» дают возможность довольно точно представить себе, что пел северо-русский профессиональный хор в середине 60-х гг. XVII в. Документ отразил большой певческий репертуар, охватывающий практически весь круг русского церковного пения. Всего в нем упоминается 125 различных наименований. Здесь певческие книги и сборники (октаи воскресные, триоди цветная и постная, обиходы, праздники, трезвоны), жанры и «циклы» песнопений (светилны, богородичны, каноники, задостойники, славники, стихи седмичные, евангельские стихиры, часы царские), отдельные службы (литургии, всенощная) и песнопения («Свете тихий», «На реце вавилонстей», великое славословие, многолетие государю, канон «Воду прошед» греческого роспева,

⁵ Симон был архиепископом Вологодским и Белозерским в 1664—1684 гг. Сведения о нем см.: Сборник Русского исторического общества, т. 62, 1888, с. 274; П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, с. 731; Ж. Ф. Коновалова. О библиотеке архиепископа Вологодского и Белозерского Симона. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1978. Л., 1979, с. 113—118.

⁶ Написание «Вологодскому» выдержано во всей рукописи; имеются варианты написания «Белозерскому» и «Белоозерскому».

⁷ Однажды встречается вариант: «чему умею» (Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. 1, ед. хр. 349, л. 15).

⁸ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. 1, ед. хр. 349, л. 28 об.

⁹ Там же, л. 30. За исключением начальной формулы, показания велись от первого лица. Этот факт, а также то обстоятельство, что каждое показание написано особым почерком, наводят на мысль о том, что певчие сами вели запись.

¹⁰ В «Показаниях» упоминаются следующие имена: певчие дьяки Иван Афанасьев, Лука Иванов, Тимофей Евтропиев, Иван Иванов, Дмитрий Стефанов, Яков Копотилов; певчие подьяки Косма Василев, Алексей Климов, Матюшка Иванов, Калинка Филимонов, Гришка, Сен[ъ]ка Анкидинов, Вахрушка Казак, Алешка Поп, Степа Филимонов и певчий Федор Стефанов.

¹¹ Так, например, В. М. Беляев полагал, что ранние формы многоголосного церковного пения на Руси появились в XII—XIII вв. (История культуры Древней Руси, т. II. М., 1951, с. 508), в то время как М. В. Бражников считал, что наиболее раннее, так называемое демественное многоголосие встречается, судя по рукописям, не ранее второй половины XVI в. (Многоголосие знаменных партитур, с. 8).

¹² В упоминавшейся работе И. В. Коленько полностью приводится репертуар так называемых демественных партитур (термин И. Коленько), хранящихся в Ленинграде.

катавасии «Отверзу уста моя» и «Море огустевая», псалмы «Блажен муж» и «Благослови душе моя», антифон 4 гласа «От юности моя», кондак «Дева днесь», песнопения из господских праздников и служб отдельным святым, в том числе Стефану Пермскому и Дмитрию Прилуцкому, вологодскому чудотворцу).

Большой научный интерес представляет отраженная в «Показаниях» певческая терминология строчного пения, редко встречающаяся в певческих рукописях. Часть этих терминов известна науке и сравнительно легко поддается истолкованию, уточняя существующие в научной литературе их интерпретации. Так, например, достаточно ясно угадывается собирательный смысл основного термина «трострочное пение».¹³ Под этим словом подразумевалось прежде всего демественное и знаменное (собственно строчное) многоголосие. В «сказке» певчего дьяка Ивана Ананьина «чему учен церковнаго трестрошнаго пения» отмечено: «. . . обиход стропной и демественой. . . низ и путь пел».¹⁴ Аналогичное показание читаем у дьяка Луки Иванова: «. . . обедня в три строки: низ, верх и путь; обедня демественая в три строки: демество, верх и путь».¹⁵ При этом достаточно ясно можно понять, что «трострочное пение» не означало обязательно трехголосия. Дьяк Яков Копотиллов сказал: «. . . чему умею церковному трестрочному пению: . . . обиход демественой во все четыре строки».¹⁶

Указание на вид многоголосия существенно уточняет представление о репертуаре. И хотя термины «демественный» и «строчный» употребляются сравнительно редко, понять, к какому виду строчного многоголосия относится то или иное песнопение или певческая книга, сравнительно нетрудно. Это можно определить по указанию на певческие строки (хоровые партии). Указания встречаются двух видов. Один вид — указание в тексте («пел путь и низ»), другой — проставленные над текстом киноварью специальные певческие термины или буквы, обозначающие строки: н (низ), в (верх), п (путь), д (демество). Как правило, демественное песнопение или книга отмечаются надстрочной буквой «д» или указанием на эту строку в тексте, чаще всего двумя способами одновременно. Так, например, подьяк Вахрушка Казак пел демественное «Государю многолетие менший роспев», что отмечено надстрочной надписью: «п в демеством».¹⁷

На репертуар демественного многоголосия указывают и следующие обозначения: «„Реку Вавилонскую“, „Исполать“ тройную, кондак Рожеству Христову демеством пел»¹⁸ или даже просто одна надстрочная буква:

н п д
«И нам дарова».¹⁹

Оба способа указания певческой строки заслуживают особого внимания. Они дают возможность представить состав хора в России конца XVII в. Дело в том, что певчие указывают, какие строки они учили. «Показания» обнаруживают одну существенную для хороведения особенность: певчие учили как минимум две строки. Лишь трое певчих из шестнадцати (Алексей Климов, Алешка Поп и Степа Филимонов) учили одну строку. Некоторые, очевидно, более опытные, старшие по чину певчие дьяки могли петь все строки демественного и строчного репертуара.²⁰ Большинство певчих

¹³ Варианты написания: трестрошное, трострошное, строщное.

¹⁴ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. I, ед. хр. 349, л. 75.

¹⁵ Там же, л. 25.

¹⁶ Там же, л. 16.

¹⁷ Там же, л. 25.

¹⁸ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. I, ед. хр. 349, л. 28 об.

¹⁹ Там же, л. 24.

²⁰ Как пишет Д. В. Разумовский в упомянутой выше статье, «такой певчий, который путем долгого изучения и естественной способности своего голоса достигал возможности исполнять с одинаковым удобством все три строки и умел еще петь четвер-

обычно знали две соседних строки: «путь» и «низ» или «путь» и «верх» или «верх» и «демество». Этот факт говорит о том, что строчное многоголосие не знало дифференциации мужских голосов. Последняя пришла в русский хор вместе с практикой пения бель канто. Судя по отдельным расшрифтовкам, звуковой диапазон, используемый в «строчных» сочинениях, был сравнительно невелик (полторы октавы), в пределах возможностей среднего мужского голоса.²¹ Тем не менее выбор строк певчими свидетельствует о том, что в профессиональном русском хоре XVII в. существовало разделение на преимущественно низкие (условно басы и баритоны), средние (условно вторые тенора) и высокие голоса.²² Так, из шестнадцати певчих шесть пели только «путем» и «низом», четверо — только «путем» и «верхом» или «верхом» и «демеством» и лишь трое были демественниками. Примечательно, что все певчие, которые могли петь лишь одну строку, знали «путь», т. е. партию основного голоса. Такая практика если и не давала возможности хору блистать тембровыми красками, тем не менее позволяла добиваться относительного ансамбля, уравниваемости звучности, так как уставщик мог свободно назначать необходимое число певчих на строку в зависимости от наличного состава.

Не все певческие термины «Показаний» читаются ясно. Встречаются, например, совсем неизвестные науке термины вроде пения «на мере»²³ или «вийные строки».²⁴ Не совсем понятен смысл сокращения слова под титлой «при стихи» (цареви?).²⁵ Не совсем ясно, что собою представляли «киевские стихи». Идет ли речь о традиционном богослужебном репертуаре, распетом киевским роспевом, или имеются в виду канты и псалмы, занесенные на Московскую Русь киевскими «вспеваками» вместе с новой практикой «мусийского» пения по нотам? Однако вологодские певчие употребляют терминологию, характерную именно для строчного пения: подьяк Калинка Филимонов «стихи киевские путем пел».²⁶ Любопытный случай смешения терминов «старословенороссийского» и нового «киевского» пения наблюдается в показаниях Вахрушки Казака, вероятно,

пвбас

выходца с Украины. Он пел канон греческого согласия «Воду прошед» и пбв пбв «славословие» и «Свете тихий» и «Да исполнятся уста моя».²⁷ Термин «бас» — явно чужой среди терминов строчного пения. Причем наряду с «басом» Вахрушка употребляет термин «низ», впрочем, ни разу не соединяя их вместе.

Такое смешение понятий объясняется особенностями переходного периода в истории русской профессиональной музыки, когда одновременно сосуществовали и взаимодействовали две музыкальные системы: «музыка» европейского типа, с ее партесными концертами и кантами, с «киев-

тую, известную под именем демества (разрядка Д. В. Разумовского, — А. Б.), назывался демественником» (Д. В. Разумовский. Государевы певчие дьяки. . . , с. 167).

²¹ О звуковом диапазоне голосов в строчном пении см., например, упоминавшуюся выше работу М. В. Бражникова «Многоголосие знаменных партитур».

²² Эти голоса имели свои собственные названия. Как пишет Д. В. Разумовский, «певчий, исполнявший верхнюю строку, назывался вершником, среднюю — путником, а нижнюю — нижником» (Д. В. Разумовский. Государевы певчие дьяки. . . , с. 167).

²³ «А что у подьяков писаны стихи седмичные, что поют на мере и яз те пою все низ и путь» (Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. I, ед. хр. 349, л. 7 об.).

²⁴ «Все то пел путем, да и вийные строки должен учиться» (там же, л. 20 об.).

²⁵ «И при стихи выбором немногие путем пел» (там же, л. 14 об.).

²⁶ Там же, л. 19.

²⁷ Там же, л. 25.

В ^{путь в}
 ною мудростию», Знамению «Буде веселитесь людие», Введению Богородицы ^{путь верх} «Днесь вернии ликовствуем», да славник ^{п в} «По рожении твоём», Преображению славник ^{путь в} «Прообразуя Воскресение свое», Стретению ^{п в} «Да отверзется дверь», Алексею человеку божию ^{путь в} «Тихое твое» да ^{п в} «Человека ты познахом», Благовещению Пресвятей Богородицы ^{п в} «Совет пречечный» да славник ^{п в} «Послан бысть».

л. 25 об.

В неделю цветоносия// ^{п в} «Днесь благодать» да ^{п в} «Имей престол небо». Прежде шести дней Пасхи ^{п в} в чет[верток] великий ^{п в} «Союзом любви» да ^{п в} «Иж неодолимую державу». На святую Пасху ^{п в} «Воскресения днесь», ^{п в} «Воскресение Христово», 9 песнь ^{п в} «Светися о божественаго», ^{п в} «О Пасха», ^{п в} «И нам дарова», светилен ^{п в} «Плотию уснув». Преполовению ^{п в} «Празнику преполовившуся». Рожеству Иоанну Предтечи ^{п в} «Иелисавет зачат». Усекновению ^{п в} «Рожеству сотворяему». Иоанну Богослову ^{п в} «Видитель неизреченный» да ^{п в} «Апостоле Христов». Стефану Пермскому ^{п в} «Премудрости твоей». Рожеству Богородицы ^{п в} «О дивное чудо». Иоанну Златоусту ^{п в} «Труба золотая». Происхождению ^{п в} «Пособивый Господи». Одигитрию Богородицы ^{п в} «Радуися вселенней похвало». Общий [стих] преподобным ^{п в} «Инок множества». Илие пророку ^{п в} «Пророче проповедателю», святителем ^{п в} общий стих ^{п в} «Человече божи», Николаю Чудотворцу славник ^{п в} «Святителем удобрение», Кириллу Белозерскому ^{п в} кондак ^{п в} «Яко пребидев», Дмитрию Прилуцкому ^{п в} ^{п в} «Возлюблен//бысть богом», Предпразнеству Рождества Христова ^{п в} «Восприиме Вифлиоме», Рожеству Христову ^{п в} «Днесь Христос» да ^{п в} «Господу Иисусу» да ^{п в} «Отец благоизволил есть»,^а Божоявлению ^{п в} «Днесь Христос на Иордан приде креститися» да ^{п в} «Преклонил еси главу Предтечи» да ^{п в} «Просветителя нашего», троп[арь] ^{п в} «Во Иордане», да праздник Успению Пресвятей Богородице, да по 50-м псалме от полу ^{п в} «О Дево вижу ты ясно». И то все путем и верхом певал да и впредь должен учитися и во вся строки.

Подиак Алешка Поп сказал великому господину преосвященному Симону архиепископу вологодскому и белоозерскому, чему учен церковнаго трестрочнаго пения.

^а Здесь в тексте сноски, вынесенная на поле: Кондак «Дева днесь» деме-
 ственная.

Обиход и обедню Златоустову и обедню постную // и октай и *л. 26 об.*
 задостойники путем пел. Катавасию и канон роспев греческой «Воду
 прошед» и славословие великое, «Свете тихи», «Амин», «Да исполнятся»,
 антифон 4 гласу «От юности моя» путь пел.

Стихи седмичныя. В неделю стих «Днесь ад стоя вопиет», другой
 «Воскресение Христово». В понедельник стих архагелу Михаилу
 «Идеже осеняет». Вторник стих Иоанну Предтечи «Днесь света светилник». В среду стих Успению Богородице «Всечестное твое Успение», другой
 Богородице «Свыше пророцы». В четверток апостолом стих «Трикраты во-
 прошение». В пяток стих Животворящему кресту «Кресте Христов». В субботу стих всем святым «Духовнии витии» путь пел.

Многолетие государю меньшей роспев демеством пел. Господских // *л. 27*
 праздников и трезвонов выборные стихи и каноники. Новому лету стих
 «Иже неизреченную мудростию», Знамению Богородице стих «Веселитесь
 людие», Введению Богородице стих «Днесь вернии». Славник «По роже-
 нии твоём», Преображению «Прообразуя воскресение свое», Стретению
 стих «Да отверзется дверь», Человеку божию Алексею стих «Тихое
 твое отче», Благовещению Богородицы стихи «Совет превечный», славник
 «Послан бысть».

В неделю цветоносия стихи: «Днесь благодать», «Имей престол небо»,
 «Прежде шести дней Пасхи». В четверток великий стихи «Союзом любве»,
 другой «Иже неодолимую державу». В субботу Лазареву стих «Пред-
 стал еси». На святую Пасху стихи «Воскресения день», 9 песнь,
 «И нам // дарова», задостойник демественной, светилен «Плотию уснув яко *л. 27 об.*
 мертв». Преполовению стих «Празнику преполовившуся», Рождеству Иоанна
 Предтечи стих «Иелисавет зачат», Усекновению «Рождеству сотворя ему»,
 апостолу ивангелисту Иоанну Богослову стихи «Апостоле Христов»,
 «Свидитель неизреченных откровений», Стефану епископу пермскому стих
 «Премудрости твоей», Рождеству Богородицы стих «О дивное чудо»,

Иоанну Златоусту стих «Труба златогласная», Происхождению Честного

креста стих «Пособивый Господи кроткому Давиду», Одигитрию Богоро-

дице стих «Радуися вселенней похвало», общий стих преподобным

л. 28 «Инок множества», пророку Илие стих «Пророче проповедателю Христов»,

общий стих святителям «Человецы божии», Николаю Чудотворцу стих

«Святителям удобрение», Алексею митрополиту стих «Святителям удобре-

ние» и «Отцем красоту», Кириллу Белоозерскому Чудотворцу «Иордан

яко преобидев», Дмитрию Прилуцкому вологодцкому чудотворцу стих

«Возлюблен бысть богом», Предпразнеству Христова Рожества стих

«Восприими Вифлием», Рожеству Христову стихи «Днесь Христос»,

другой «Отец благоизволил есть», «Господу Иисусу розжуся». Богоявле-

нию «Днесь Христос на Иордане», «Преклонил еси главу Предтечи»,

л. 28 об. «Просветителя нашего». Тропарь «Во Иордане крещающутися Господи». Успению Богородице весь праздник путем пел.

«Реку Вавилонскую», «Исполать» тройную, кондак Рожеству Христову демеством пел, а впредь должен учиться во все строки.

Успению Богородицы по 50 псалм стихера от полу «О Дево».⁶

Подиаки Степа Филимонов сказал великому господину преосвященному Симону архиепископу вологодцкому и белозерскому, чему учен церковнаго трестрочнаго пения.

Обиход и обедню Златоустову и задостойники путем пел. Катавасию

и канон роспев греческой и славословие великое, «Свете тихи», «Амин»,

л. 29 «Да исполнятся», антифон 4 гласу «От юности моя» // и стихи седмиш-

ные и стихи киевския все то путем пел. Новому лету стих «Иж неизре-

ченною мудростию». Воздвижению «Крест воздвигаем», славник преподоб-

ным общий «Инок множества», славник Илье пророку «Пророче». Мно-

голетие государю, Знамению Богородице стих «Веселитесь людие». Вве-

дению стих «Днесь вернии ликовствуи». Славник «По рожении твоём».

Преображению «Преобразуя воскресение твое». Благовещению Богородицы

⁶ Это предложение написано красными чернилами.

стих «Совет превечный».

В неделю цветоносия «Днесь благодать», «Имеяй престол». На святую Пасху стихи «Воскресения день», Девятую песнь «И нам дарова» то все путем пел. Светилен «Плотию уснув».

л. 29 об.

Рожеству Иоанну Предтечи стих «Иелисавет». Усекновению «Роже-
ству сотворяему». Степану епископу пермскому стих «Премудрости твоей».
Рожеству Богородицы стих «О дивное чудо». Иоанну Златоусту стих
«Труба златогласная». Одигитрию Богородицы стих
«Радуйся вселенней похвало». Общий стих преподобным «Инок множества».
Общий стих святителем «Человецы божии». Николаю Чудотворцу стих
«Святителем удобрение». Кирилу Белоезерскому кондак «Яко преобидев»
п². Рожеству Христову стихи «Днесь Христос», другой «Отец благоизво-
лил есть», «Господу Иисусу рождышуся». Богоявлению «Днесь Христос
на Иордане», «Преклонил еси», «Просветителя нашего». Успению Богоро-
дицы весь праздник — то все путем пел и «Реку Вавилонскую». // А прот-
чая, чево не умею и я стану у Бога милости просить и учитися рад.

² Здесь киноварная помета «п» попала в строку.

И. А. КОЧЕТКОВ

Иконописец как иллюстратор жития

Для изучения взаимодействия литературы и изобразительного искусства в Древней Руси интересный материал предоставляют так называемые житийные иконы, в которых изображение святого в среднике окружено клеймами — сценами из жизни святого, иллюстрирующими текст его жития. Историки древнерусской литературы почти не привлекают житийные иконы при работе над житиями святых. Между тем изображения в клеймах могут помочь в уточнении истории бытования различных редакций жития, а главное дают редкую возможность узнать, как воспринимался текст в ту или иную эпоху. Еще важнее совместное рассмотрение текста и его иллюстраций в клеймах для историка изобразительного искусства. В некоторых случаях знание истории текста поможет ему датировать икону, без сравнения с текстом невозможно правильно понять идейный замысел художника. Наконец, сравнение изображений с текстом позволяет понять принципы иллюстрирования в средние века, а это одна из главных проблем, поскольку большинство произведений средневековой живописи восходит к тому или иному литературному тексту.

Историки древнерусской живописи обычно обращаются к текстам житий при анализе отдельных памятников, но часто делают неверные выводы из-за слабой изученности общих закономерностей иллюстрирования текста в житийной иконе.¹ Вот почему в настоящей работе делается попытка рассмотреть некоторые общие закономерности иллюстрирования текста жития в житийной иконе, а именно отношение, существующее между системой житийных клейм и редакциями жития. Прежде всего необходимо ответить на вопрос, всегда ли система клейм является иллюстрацией определенной редакции жития или же художник может одновременно использовать разные редакции жития, привлекать другие литературные источники: тексты служб, похвальные слова, устные предания и т. п. Если художник иллюстрирует определенную редакцию, то какую

¹ Так, например, рассмотрение житийных икон Бориса и Глеба привело Э. С. Смирнову к выводу о существовании утерянного первоисточника Жития Бориса и Глеба (Э. С. Смирнова. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 312—324). К тому же выводу ранее пришел Д. В. Айналов на основании анализа миниатюр Сильвестровского сборника (Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. IV. Миниатюры Сказания о свв. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. — ИОРЯС, т. XV, 1910, вып. 3).

Однако А. В. Поппэ убедительно показал, что утверждения обоих исследователей являются итогом неправильного понимания соотношения текста и его иллюстраций в миниатюре и иконе (А. В. Поппэ. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе. — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, с. 24—45).

именно он предпочитает и почему? В любом случае художник по необходимости иллюстрирует не все эпизоды жития. Понять критерии отбора эпизодов, что именно художник считает главным в своем рассказе — значит проникнуть в замысел его. Без этого вряд ли можно успешно анализировать художественную сторону произведения, оценить его место в идеологической жизни. Известно, что житийные иконы одного и того же святого могут отличаться составом клейм и их очередностью. Чем вызвано это различие? Подчиняется ли процесс изменения состава клейм каким-либо закономерностям? Создатель первой житийной иконы святого имел дело только с текстом. При написании уже второй иконы того же святого в распоряжении художника кроме текста был и живописный образец. Как это обстоятельство влияло на отношение художника к тексту жития? Продолжал ли текст являться источником иллюстраций или же художник отныне обращался только к иконе-образцу?

Для ответа на эти вопросы рассмотрим житийные иконы русских святых конца XV—начала XVI в. Ограничение материала произведениями одной эпохи позволяет снять сложную проблему исторической эволюции принципов иллюстрирования текста. В отдельных случаях будем обращаться для сравнения к памятникам предшествующей и последующей эпох. На рубеже XV—XVI вв. появляется значительное количество житийных икон русских святых. Многие из них создавались, по-видимому, впервые. Это позволяет рассматривать принципы иллюстрирования текста «в чистом виде», не осложненном наличием иконописной традиции. В ходе исследования сначала сравним различные редакции житий каждого святого с системой клейм посвященных ему житийных икон, а затем попробуем выявить общие закономерности соотношения жития и житийных клейм.²

1. Дмитрий Прилуцкий

Автором Жития Дмитрия Прилуцкого все списки называют Макария, игумена Прилуцкого монастыря. По словам самого Макария, ему источником служили рассказы инока Пахомия, который пришел из Переяславля вместе с Дмитрием и после смерти Дмитрия в 1392 г. стал его преемником. Годы игуменства Макария неизвестны. В конце текста Жития упоминается нападение на Вологду Дмитрия Шемяки, которое имело место, согласно летописи, в 1450 г. Отсюда В. О. Ключевский делает вывод, что первоначальная редакция была составлена Макарием в начале 2-й половины XV в. Она содержала описание семи посмертных чудес. Более пространная редакция возникла в результате прибавления к тексту Макария описания еще пяти чудес. При этом В. О. Ключевский ссылается на принадлежавший ему сборник середины XVI в., где описание новых чудес вводится словами: «По сих же летех и иная ненаписана чудеса, ему же и мы самовидцы бывше».³

Предложенная В. О. Ключевским история редакций Жития не вызывает возражений. В подтверждение ее можно привести следующее. В описании десятого чуда упоминается поход русских войск на Казань по Волге. Первый такой поход был в 1468 г. Следовательно, пространная

² Рассматриваются иконы Дмитрия Прилуцкого, Кирилла Белозерского, Сергия Радонежского, митрополитов Петра и Алексия. Иконы Бориса и Глеба исключаются из рассмотрения, так как наличие длительной (с XII в.) иконописной традиции затрудняет анализ отношения системы житийных клейм к тексту.

³ В. О. Ключевский и др. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 189.

редакция Жития не могла быть составлена ранее конца 1468 г., в таком случае игумен Макарий вряд ли мог по возрасту быть ее автором.⁴

Весьма знаменательно также, что в службе Дмитрию Прилуцкому воспоминание «о чудесах» кончается тем самым «Чудом о граде Вологде», которое завершает, по В. О. Ключевскому, составленную Макарием краткую редакцию Жития. Уже автор «Истории русской церкви» Макарий предполагал, что текст службы был написан в XV в. Пахомием Логофетом или игуменом Макарием.⁵ Это предположение подтверждается надписью в сборнике XV—XVI вв. из собрания Троице-Сергиевой Лавры перед текстом канона Дмитрию: «Творение Кир Макария, игумена тоя же честныя обители».⁶

Однако В. О. Ключевский неправомерно допускает слишком позднюю датировку пространной редакции серединой XVI в., чему противоречит наличие рукописей конца XV—начала XVI в., где содержатся все 13 чудес.⁷ Ошибка знаменитого историка произошла оттого, что он третьей соборной церковью, о строительстве которой упоминает Житие, считал каменную церковь 1542 г., тогда как явно имеется в виду деревянная: монах видит Дмитрия, носящего «целые осляди под позухою от реки к церкви горе», да и на иконе святой изображен с бревном в руках. Забегая вперед, скажем, что поздняя датировка пространной редакции невозможна еще и потому, что тогда бы пришлось икону Вологодского музея датировать серединой XVI в., чему решительно противоречит ее стиль.

Итак, пространная редакция Жития была создана между 1468 г. (начало казанских походов Ивана III, об одном из которых упоминает текст) и рубежом XV—XVI вв. (этим временем датируются первые рукописи, содержащие пространную редакцию, и икона, созданная, как увидим, на основе ее).⁸

В двух известных нам житийных иконах Дмитрия Прилуцкого⁹ совпадают число клейм, их расположение, композиции как средиников, так и каждого клейма. Сходство касается таких мелких деталей, что не приходится сомневаться в том, что прилуцкая икона послужила образцом для иконы из лихачевского собрания. Сюжеты клейм были правильно в основном определены уже В. Богусевичем, первым исследователем иконы.¹⁰

⁴ Мы не знаем, когда умер Пахомий, рассказы которого слышал Макарий. Вряд ли это случилось позже второго десятилетия XV в., ибо после Пахомия и до Макария в монастыре сменилось по меньшей мере два игумена. См.: П. Савваитов. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. СПб., 1844, с. 38—39.

⁵ См.: Макарий. История русской церкви, т. VIII. СПб., 1877, с. 54—55.

⁶ ГБЛ, ф. 304, № 765, л. 204 об.

⁷ Например, ГБЛ, ф. 228, № 142, л. 410—470; ф. 304, № 642, л. 21—58; ф. 304, № 643, л. 270—301; ф. 304, № 765, л. 213—242.

⁸ Ни одно из просмотренных автором рукописных житий Дмитрия XV—XVI вв. не дает краткого варианта. Это еще раз подтверждает, что полный вариант появился вскоре после краткого.

⁹ 1) Вологодский областной краеведческий музей, инв. № 1593 (1264д), икона происходит из Спасо-Прилуцкого монастыря. Воспроизведение: Северные памятники древнерусской станковой живописи. Вологда, 1929; 2) ГРМ, инв. № 1915, из собрания Н. П. Лихачева. Воспроизведение: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания, т. I. СПб., 1906, табл. CLXXVII, № 306.

¹⁰ См.: В. Богусевич. Живопись конца XV ст. в Привологодском районе. — В кн.: Северные памятники древнерусской станковой живописи. Вологда, 1929, с. 13—22. Трудно согласиться только с его истолкованием последнего клейма как «исцеление ослабленного сына боярского». Этот эпизод содержится в рукописи XVII в., которой пользовался В. Богусевич, но его нет ни в одном из древних списков Жития. Заметим, что здесь Дмитрий представлен сидящим в гробнице, тогда как в других клеймах чудеса происходят у закрытого гроба. Эту деталь легко объяснить, если видеть здесь ис-

Сравнение с текстом Жития показывает, что художник имел перед глазами пространную редакцию Жития, следуя ей в составе эпизодов и их последовательности при изложении событий жизни святого. Отличия между системой клейм и текстом весьма незначительны.

1) Художник не иллюстрирует рождества святого. Возможно, это связано с тем, что его рождение не сопровождалось никакими знаменами.

2) Художник также пропускает эпизод «О жене расслабленной». Очевидно, само содержание его представляло некоторую трудность для художника: жена пришла, чтобы увидеть красоту Дмитрия, но сделалась расслабленной от света лица его; после раскаяния она была исцелена Дмитрием. Традиционная композиция «исцеление расслабленного» не передала бы содержания этого эпизода.

3) Не находят отражения в иконе подвиги монашеского аскетизма: для этого нет изобразительных приемов.

В тексте Жития описано 13 посмертных чудес Дмитрия. По необходимости художник отбирает для иллюстрирования только 4 из них. Каким принципом он руководствуется при отборе? Во всяком случае, для него мало значит важность события: спасение города от нашествия неприятеля здесь не отражено. И вовсе не старается художник подчеркнуть добрые дела: к ним вряд ли относится смерть грабителя-вятчанина. Изображенные здесь чудеса объединяет только то, что это именно чудеса, т. е. следы вмешательства божественной силы, свидетельствующие о святости Дмитрия. Из нескольких сходных эпизодов художник иллюстрирует только один; так он поступает, например, с шестью эпизодами избавления от бесов.

Во всем остальном художник выступает добросовестным иллюстратором текста Жития. В отборе эпизодов невозможно усмотреть какую-либо идеологическую тенденцию. Художник следует тексту даже в том случае, когда речь идет о деянии не особенно значительном (благословение брата на торговлю) или если текст рассказывает о неудаче святого (изгнание его с реки Лежи). Текст службы Дмитрию не оказал никакого влияния на отбор эпизодов для иллюстрирования. В службе упоминается всего 3 посмертных чуда, и ни одно из них не иллюстрируется в иконе.

2. Кирилл Белозерский

Существуют 3 редакции Жития Кирилла: краткая и 2 пространные (А и Б). Редакция А была написана Пахомием Логофетом между 1462 и 1474 г. Редакция Б появилась тогда же (до 1475 г.) в результате небольшого механического сокращения редакции А. Возможно, автором ее был тот же Пахомий. Краткая редакция возникла несколько позже пространной, списки ее известны с конца XV—начала XVI в.¹¹

целение немого: согласно тексту, Иван заговорил после того, как Дмитрий ударил его ладонью по щеке.

Итак, вот сюжеты клейм иконы Дмитрия Прилуцкого: 1) пострижение, 2) поставление в иеромонахи, 3) основание монастыря Николы близ Переяслава-Залесского, 4) беседа Дмитрия с Сергием Радонежским, 5) Дмитрий Донской встречает Дмитрия Прилуцкого в Москве, 6) изгнание Дмитрия Прилуцкого с реки Лежи, 7) приход Дмитрия Прилуцкого к Вологде, 8) Дмитрий Прилуцкий чудесным образом узнает о смерти Дмитрия Донского и сообщает об этом братии, 9) Дмитрий Прилуцкий благословляет брата, отправляющегося на Печору, 10) Дмитрий благословляет на игуменство своего ученика Пахомия, 11) преставление Дмитрия, 12) погребение, 13) чудо о вятчанах, 14) исцеление бесноватого, 15) чудо о построении третьей соборной церкви в Прилуцком монастыре, 16) исцеление онемевшего Ивана.

¹¹ См.: В. Я б л о н с к и й. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, с. 84—94. В Приложении дается текст Жития (с. I—LXIII).

В основе системы клейм житийной иконы Русского музея ¹² несомненно лежит одна из полных редакций Жития. Какая именно? Состав редакции Б неустойчив, отличается большим или меньшим количеством эпизодов. Но некоторые эпизоды отсутствуют во всех вариантах этой редакции. К ним относятся «Чудо о Далмате» и «Чудо об исцелении боярина Романа Александровича», как раз эти эпизоды иллюстрированы в клеймах 14-м и 15-м указанной иконы. Следовательно, художник исходил из наиболее полной редакции А. ¹³

Состав клейм довольно точно следует за текстом Жития. Художник не может иллюстрировать все эпизоды текста, но в его пропусках обнаруживается определенная логика. Из нескольких сходных эпизодов иллюстрируется обычно один. Так случилось с шестью эпизодами исцеления бесноватых. Только поднятый кулак одного из сопровождающих свидетельствует о том, что речь идет об исцелении «злого бесноватого» Симеона, который бесновался тем сильнее, чем больше его били. Однако надпись, сопровождающая эту сцену, дает возможность отнести изображение и к другим подобным случаям: «Многа исце [лени] а бывають у гр[о] [ба] святого и дон [ыне]». Любопытный прием совмещения двух сходных сюжетов дан в 16-м клейме, где представлено исцеление слепой. Ее богатые одежды, группа сопровождающих женщин за ее спиной указывают, что перед нами княгиня Каргопольская, однако книга в руках Кирилла намекает на другой близкий по сюжету эпизод — исцеление жены, которая после прозрения увидела прежде всего книгу в руках Кирилла. О том, что подобное совмещение деталей разных эпизодов входит в замысел художника, свидетельствует надпись: «О княгине [К]арголом[ской] ¹⁴ и о жене слепой, еже узре книгу в ру[ц]е святого». Таким образом, перед нами сознательная контаминация двух сюжетов. Эти приемы позволяют художнику иллюстрировать большее количество эпизодов Жития. В идеале он стремится к той же полноте рассказа, что и автор Жития. Если текст предоставляет ему возможность различить два сходных эпизода, художник охотно изображает оба, не боясь упрека в однообразии композиций. Так, очень близки по композиции эпизоды «Явление Кирилла князю Белевскому» и «Исцеление боярина Романа Александровича».

Стремление художника как можно подробнее иллюстрировать текст заставляет его в некоторых случаях изображать два сюжета в одной композиции. В 7-м клейме основным сюжетом является приход «делателей церковных», а на периферии изображен крестьянин Андрей, который хотел сжечь монастырь. Этот персонаж не участвует в действии, его фигура находится вне центростремительной композиции клейма. В последнем клейме, где изображены посмертные чудеса Кирилла, представлено

¹² ГРМ, инв. № 2741. Происходит из Кирилло-Белозерского монастыря. Воспроизведение: СССР. Древние русские иконы. Изд. ЮНЕСКО, 1958.

¹³ Сюжеты клейм: 1) пострижение, 2) беседа Кирилла с Сергием Радонежским, 3) поставление во священство, 4) Кирилл оставляет игуменство, 5) видение света и уход с Ферапонтом из Симонова монастыря, 6) приход на Белоозеро и благословение места для монастыря, 7) рассказ об Андрее, который пытался сжечь обитель; приход плотников для построения Успенской церкви, 8) усмирение огня молитвою святого, 9) приход послов от князя Белевского, 10) явление Кирилла князю Белевскому во сне, 11) умножение вина служебного, 12) умножение потребных, 13) спасение рыбаков от потопления, 14) оживление умершего Далмата для причащения, 15) исцеление боярина Романа Александровича, 16) исцеление слепой жены, 17) пророчество Кирилла о своей смерти, 18) благословение братии перед смертью, 19) погребение Кирилла, 20) исцеление слуги Авксентия; пророчество о приходе князя Михаила; исцеление бесноватого; исцеления у гроба святого.

¹⁴ Так в некоторых рукописях, например: ГБЛ, ф. 310, № 325, л. 82 об.

сразу несколько сюжетов. Слева Кирилл исцеляет от трясотицы слугу Авксентия. Справа Кирилл сидит на гробе, благословляя правой рукой. Перед ним группа с бесноватым. Это иллюстрация эпизода Жития «Исцеление злого бесноватого». Между Кириллом и бесноватым, в дверном проеме церкви, видна фигура монаха в черном клобуке. Это иллюстрация другого эпизода Жития — накануне приезда князя Михаила одному старцу было видение: Кирилл откинул крышку гроба, сел и призвал молиться за князя, «ибо кормильцы наши». Наконец, рядом видны головы двух людей, склонившихся над гробом. Эти фигуры нельзя связать ни с каким из конкретных случаев исцеления. Это условное изображение многочисленных исцелений, случившихся у гроба святого, живописный эквивалент заключительным словам Жития: «Многая и иная изрядная чудеса блаженнаго отца Кирилла быша и бывают, даже и до сего дне, не точию егда быше в временней сей жизни, но и по преставлении, ова явлена ова же неявлена, богу же обоя ведома. Их же писанию не предашес множества ради». Таким образом, в последнем клейме фигура сидящего Кирилла относится сразу к трем различным эпизодам.

Как видим, с помощью разнообразных приемов художник старается иллюстрировать максимальное количество эпизодов текста. Вынужденный все же отбирать из многого немногое, художник опускает эпизоды, сходные по сюжету или трудные для иллюстрирования (Кирилл отказывается от подаренного монастырю села, устыдил брата Федота, ненавидящего его, и др.). Пропускает также художник эпизоды Жития, не имеющие непосредственного отношения к святому. Можно заметить, что предпочтение отдается таким сценам, в которых с наибольшей силой проявляется свойственный святому дар чудотворения. Какой-либо другой идеологической тенденции невозможно заметить в подборе сюжетов. Художник добросовестно иллюстрирует текст, сохраняя все основные эпизоды и соблюдая их последовательность. Единственное нарушение очередности сюжетов в том, что чудо о князе Белевском художник поставил несколько раньше, чем в Житии.

Отметим также, что в иконе Кирилла, как и в иконе Дмитрия Прилуцкого, много места уделено преставлению святого. В 17-м клейме Кирилл пророчествует о собственной смерти ученику своему Христофору, в 18-м клейме благословляет братию перед смертью, а в 19-м клейме изображено погребение Кирилла.

Текст службы Кириллу Белозерскому никак не повлиял на состав житийных клейм, как это мы отметили и в иконе Дмитрия Прилуцкого. Здесь встречаются эпизоды, отсутствующие в житийной иконе (спасение от упавшего дерева), о других говорится в общей форме (дьявол вооружает против святого лукавых людей, гроб его — источник исцелений), большинство же событий, отраженных в клеймах, не упоминается в тексте службы.

Кроме рассмотренной нами житийной иконы Кирилла Белозерского существуют шитая пелена с изображением Кирилла и сцен его Жития, происходящая из Кирилло-Белозерского монастыря и датируемая 1-й четвертью XVI в.,¹⁵ и икона 2-й половины XVI в. из ГТГ.¹⁶ Сравнение состава клейм и их композиций этих трех памятников показывает, что они возникли независимо друг от друга. Пелена имеет близкий, хотя и не совпадающий с иконой из ГРМ состав клейм (в пелене есть сюжет

¹⁵ ГРМ, № 276. Воспроизведение: Н. А. Маясова. Древнерусское шитье. М., 1971, с. 26, табл. 40.

¹⁶ В. И. Антонова, Н. Е. Мневa. Каталог древнерусской живописи, т. II. М., 1963, с. 139—141, кат. 529. Далее для икон собрания ГТГ указывается только каталожный номер по этому изданию.]

«Рождество», которого нет на иконе; напротив, сюжеты «Кирилл оставляет игуменство», «Пророчество Кирилла о своей смерти» отсутствуют на пелене). Однако композиции клейм с одинаковыми сюжетами значительно отличаются друг от друга, так что сходство состава клейм следует объяснять сходством принципов отбора у авторов этих двух близких по времени создания памятников. Состав клейм иконы из ГТГ значительно отличается от состава клейм иконы из ГРМ и пелены. Здесь чрезвычайно подробно повествуется о начальном периоде жизни Кирилла: учение, приход к Тимофею Вельяминову, поставление во дворецкие, облачение во иноческие одежды, ссора Тимофея со Стефаном Махрицским и, их примирение. В этой части художник иллюстрирует чуть ли не каждую фразу текста. Будучи ограничен небольшим числом клейм, он членит каждую композицию на две части. Клейма сближаются с книжной миниатюрой 2-й половины и конца XVI в. Подобно миниатюристу, художник послушно следует за текстом даже тогда, когда текст отступает от изложения событий жизни святого. Затем рассказ становится намного менее подробным, но и здесь художника привлекают сюжеты, не совсем обычные для житийных клейм: спасение Кирилла от упавшего дерева, спасение от пожара, которые ранее не привлекали иллюстраторов. После этого в распоряжении художника остается совсем немного клейм. И хотя он старается дробить композиции, ему приходится пропустить многие чудеса и закончить сценой погребения, вовсе не упомянув о посмертных исцелениях.

Рассмотрение этой иконы позволяет говорить об одном из возможных направлений развития системы житийных клейм в последующую эпоху. Увеличивается количество клейм, композиции дробятся, появляется повествовательность, как будто бы забывающая о цели повествования, теряется монументальность — клейма сближаются с миниатюрой. Вместе с тем меняется и само отношение художника к тексту. Живопись все больше теряет самостоятельность и подчиняется тексту. Одновременно происходит освобождение композиций клейм от иконографического канона, благодаря чему художник становится более свободен в выборе тем. Это приводит к некоторой случайности в подборе сюжетов. Постепенно теряется представление о житийной иконе как об особом жанре живописи, забывается ее назначение. Этот процесс происходит уже во 2-й половине XVI в.

3. Сергей Радонежский

Имеется несколько житийных икон Сергея, которые датируются концом XV—1-й половиной XVI в.¹⁷

Кроме иконы из музея им. Андрея Рублева, все они имеют одинаковое число клейм, подбор сюжетов и их расположение.¹⁸ При этом расположе-

¹⁷ 1) Загорский историко-художественный музей-заповедник, инв. № 3031. Находится в иконостасе действующего Троицкого собора. Воспроизведение: Т. В. Никольева. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1968, табл. 34; 2) Музей им. Андрея Рублева, инв. № 135 ВП. Происходит из г. Дмитрова. Воспроизведение: Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Альбом. Автор-составитель И. А. Иванова. М., 1963, илл. 53—56; 3) Костромской музей-заповедник, инв. № 7668. Воспроизведение: С. Масляница и др. Кострома. Л., 1968, илл. 25—33; 4) ГТГ, кат. № 430. Происходит из Серпуховского Высоцкого монастыря; 5) там же, инв. № 20879. Недавно расчищенная икона в фондах.

¹⁸ Сюжеты клейм: 1) рождество, 2) благословение старцем, 3) приход старца к родителям, 4) пострижение, 5) прогнание бесов, 6) поставление во священство, 7) изведение источника, 8) молитва над мертвым отроком, 9) воскрешение отрока, 10) о поселянине неверующем, 11) посольство от патриарха Филофея, 12) явление Богоматери Сергию, 13) о епископе неверующем, 14) видение божественного огня на ли-

ние клейм не совсем обычное: в вертикальных рядах клейма читаются справа налево. Нет сомнения, что все эти иконы имели единый образец. Логично предположить, что им была икона Троицкого собора Сергиевой Лавры, где находились мощи святого.

Какой текст имел перед собой художник?

Житие Сергия было написано Епифанием Премудрым в 1417—1418 гг. Текст Епифания кончался смертью Сергия и не включал описание обретения мощей, бывшего в 1421—1422 гг. Эта редакция была мало распространена на Руси. Гораздо большую популярность имела редакция Пахомия Логофета, который сократил текст Епифания и дополнил его описанием обретения мощей и случившихся затем чудес. Однако во всех известных списках редакции Епифания XV—XVI вв. вслед за текстом Жития идет описание обретения мощей и посмертных чудес, взятое из редакции Пахомия. Каждая из двух основных редакций имеет множество вариантов. Существует мнение, что протографы как той, так и другой редакции до нас не дошли.¹⁹ Таким образом, история редакций Жития Сергия чрезвычайно сложна и до конца не выяснена.²⁰ Поэтому ограничимся тем, что укажем на наличие рукописных списков Жития, в которых имеется та же последовательность эпизодов, что и в житийных иконах. Это редакции F и C по таблице Л. Мюллера (см., например, рукописи: ГБЛ, ф. 113, № 644, XVI в.; ф. 304, № 643, конец XV—начало XVI в.; ф. 304, № 761, 1487 г.; ф. 304, № 762, середина XV в.).

При подборе сюжетов для иллюстрирования художник имел богатый выбор. Он изображает основные эпизоды жизни святого: рождение, научение грамоте, пострижение и т. п., некоторые чудеса его и эпизоды, которые говорят о славе святого при жизни или о небесных знамениях его избранности. Такой подбор сюжетов в общем вполне соответствует тексту Жития. Как обычно, художник опускает эпизоды, не имеющие непосредственного отношения к святому, трудные для иллюстрирования или не особенно значительные по содержанию. Из прижизненных исцелений художник оставляет самое яркое — воскрешение отрока, ему он посвящает даже два клейма. Столь же подробно иллюстрировано благословение отрока Варфоломея-Сергия старцем, это первое чудесное знамение его святости. Зато такая важная сторона деятельности Сергия, как основание им монастырей, и особенно благословение Дмитрия Донского перед Куликовской битвой, не привлекла внимания художника. Еще раз приходится отметить поразительное равнодушие иконописца к фактам гражданской деятельности святого.

тургии, 15) погребение Сергия, 16) обретение мощей, 17) исцеление Захария Бороздина, 18) исцеление Симеона Антонова, 19) исцеление слепого.

Только на вновь раскрытой иконе из ГТГ в последнем клейме — сюжет «Явление Сергия архимандриту Иоасафу», определяемый по поздней надписи, удаленной при реставрации: «В ц[ерк]ви пресв[я]тыя Троицы архимандриту Иоасафу воздремавшу явися ему прес. Сергий гла[голя] востани брате Иоасафе». Однако этот сюжет написан на вставке грунта, которая идет по всему нижнему краю иконы. От первоначальной живописи сохранились только луковица церкви и верхняя часть головы старца. Они расположены в композиции точно на том же месте, что и в других иконах Сергия в сюжете «Исцеление слепого». По-видимому, новый сюжет появился по какой-то причине при ремонте иконы. Он содержится в Житии Сергия в редакции Симона Азарьина, напечатанной в Москве в 1646 г. (Книга жития преподобного отца Сергия Радонежского чудотворца и учеников его Никона и Саввы Сторожевского. М., 1646, л. 127). Эпизод относится к тому Иоасафу, который был игуменом Троицкого монастыря в 1605—1609 гг.

¹⁹ См.: В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб (к вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского»). — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 145—158.

²⁰ См.: Л. Мюллер. Особая редакция жития Сергия Радонежского. — Записки отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1973, вып. 34, с. 71—100.

Из 11 посмертных чудес художник иллюстрирует 3, отбор эпизодов кажется случайным. Можно заметить только, что художник не берет трудные для иллюстрирования эпизоды. Наличие близких по содержанию эпизодов не смущает художника, если какие-то детали изображенного позволяют отличить одну сцену от другой. Так, две сцены исцелений (Захария Бороздина и Симеона Антонова) отличаются только тем, что во втором случае рядом с ложем больного наряду с Сергием изображен Никон.

Икона из Музея им. Андрея Рублева отличается от всех других житийных икон Сергия как по составу сюжетов, так и по их расположению. Этой иконе мною посвящено специальное исследование,²¹ поэтому ограничимся здесь только изложением основных выводов. Автор этой иконы более решительно перерабатывает тот же живописный образец. Он склонен подчеркивать типические черты в биографии своего героя, иногда в ущерб индивидуальным. Для этого он не только меняет очередность эпизодов, некоторые из них исключает, но и вводит сюжет, которого нет ни в других иконах, ни в тексте, но который зато обычен для житийных икон разных святых. При этом утрачиваются некоторые живые подробности рассказа о святом и возникает отвлеченный образ христианского подвижника. Этот путь в общих чертах напоминает развитие литературного жития от полной бытовых деталей редакции Епифания к более упорядоченной и трафаретной редакции Пахомия. То же стремление к отвлеченности в сочетании со свободным отношением художника к последовательности эпизодов сближает его произведение с другим литературным жанром — похвальным словом.

Эта икона дает возможность проследить один из возможных путей дальнейшей трансформации житийной иконы. Первая житийная икона Сергия довольно точно следовала Житию в подборе эпизодов, их содержания и последовательности. Затем с первой иконы было сделано несколько копий, достаточно близких к образцу. Один из художников сделал копию вольную, изменив состав эпизодов и их очередность. Но ни этот художник, ни другие после создания первой житийной иконы, послужившей им точкой отправления, к тексту Жития более не обращались. Это создавало условия для постепенного отхода житийных клейм от текста.

Текст церковной службы святому Сергию не оказал никакого влияния на подбор эпизодов для иллюстрирования. В службе упоминаются только два конкретных события из жизни святого и один из них — проричание победы над Мамаем — не отразился в клеймах иконы. Этому же эпизоду наряду с описанием наставления Сергием монастырской братии перед смертью уделено сравнительно много места в проложном Житии Сергия. Значит, и проложное Житие, которое читалось в церкви ежегодно в день памяти святого, не принималось художником во внимание.

4. Митрополит Алексий

Текст Жития митрополита Алексия дошел до нас в нескольких редакциях. В. О. Ключевский насчитывал 5 редакций Жития, из которых 3 относил к XV в.²² Это мнение с некоторыми оговорками привняли последующие исследователи Жития.²³ По мере дальнейшего изучения текста

²¹ И. А. Кочетков. Житийная икона Сергия Радонежского в собрании Музея имени Андрея Рублева (в печати).

²² См.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития. . . , с. 132—140, 243—245.

²³ См.: Я. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, с. 27—31; В. Яблонский. Пахомий Серб. . . , с. 75—80; Е. Голубинский.

Жития называлось все большее число редакций: Н. В. Шляков насчитывает их 8—9,²⁴ а автор последнего исследования текста Жития В. А. Кучкин — почти полтора десятка различных редакций.²⁵

Первый жизнеописатель святого Питирим был игуменом Чудова монастыря, а затем епископом Пермским. На негосылается следующий биограф — Пахомий Логофет. В. О. Ключевский и Е. Голубинский считают временем написания первоначального Жития 1447—1448 гг., когда Питирим был в Москве на церковном соборе. Краткий текст Жития Алексия, который встречается в немногих рукописях и в Воскресенской летописи,²⁶ В. О. Ключевский считает редакцией Питирима, хотя нигде имя автора не названо. Это мнение не может считаться вполне доказанным, ему противоречит наличие многих фактических расхождений между редакцией Пахомия и текстом Воскресенской летописи, хотя сам Пахомий называет текст Питирима самым достоверным своим источником. Во всяком случае, по справедливому наблюдению того же В. О. Ключевского, краткое Житие было написано не позднее 1483 г., а скорее в середине XV в., притом оно не могло возникнуть путем сокращения Пахомиева Жития.

Пахомий написал свой текст Жития Алексия в 1459 г., как об этом говорит заглавие Жития в некоторых рукописях XV—XVI вв.²⁷ Сравнение редакций позволило В. А. Кучкину выделить и опубликовать старшую редакцию по сборнику ГИМ, Синодальное собр., № 948. Написана рукопись в 70-е гг. XV в. Таким образом, она довольно близка по времени к протографу. Ранее старшая редакция была опубликована Н. В. Шляковым по рукописи начала XVII в. (ГПБ, собр. Погодина, № 961) с разночтениями по двум другим редакциям.²⁸

Известна только одна житийная икона митрополита Алексия интересующего нас времени. Она происходит из Успенского собора Московского Кремля и в настоящее время находится в собрании ГТГ (кат. № 279).²⁹

История русской церкви, т. II, ч. 1. М., 1900, с. 171—172, примеч.; Леонид, архим. Святая Русь. СПб., 1891, с. 130—131.

²⁴ См.: Н. В. Шляков. Житие св. Алексия митрополита московского в пахомиевской редакции. — ИОРЯС, т. XIX, 1914, вып. 3, с. 92.

²⁵ См.: В. А. Кучкин. Из литературного наследия Пахомия Серба. Старшая редакция жития митрополита Алексия. — В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 242.

²⁶ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 26—28.

²⁷ ГИМ, Синодальное собр., № 556, л. 140.

²⁸ Одна из редакций Жития опубликована в кн.: Житие митрополита всей Руси св. Алексия, составленное Пахомием Логофетом. — ОЛДП, вып. IV. СПб., 1877—1878.

²⁹ Сюжеты некоторых клейм ее по-разному толкуются исследователями. Сделаем некоторые уточнения.

1) В 5-м клейме иконы В. И. Антонова (Каталог. . . , т. I, с. 337) и И. Е. Данилова (Житийные иконы митрополитов Петра и Алексея из Успенского собора в Кремле в связи с русской агиографией. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 205) видят изображение поставления в архиепископы города Владимира. Больше оснований видеть здесь поставление в митрополиты всея Руси в Константинополе. Изображенный здесь храм — не московский Успенский собор, который и на этой иконе в 9-м клейме и на парной ей иконе митрополита Петра имеет другие, притом устойчивые, формы. Кроме того, старшая редакция Жития, которую, как будет показано ниже, иллюстрирует художник, ни слова не говорит о его поставлении в епископы.

2) По мнению В. И. Антоновой, чудо воскрешения младенца изображено в трех клеймах. На самом деле справа изображено чудесное исцеление слепой жены, принесшей икону Алексия в церковь святого, как правильно определила И. Е. Данилова. Воскрешению младенца посвящено одно клеймо.

Таким образом, икона имеет 19, а не 20 клейм: 1) рождество Елевферия—Алексия, 2) приведение во учение, 3) сон Елевферия, 4) пострижение Елевферия, 5) поставление Алексия в митрополиты, 6) утишение Бердибека, 7) беседа Алексия с Сергием Радо-

Составу клейм иконы не соответствует ни краткая редакция (отсутствуют многие эпизоды), ни редакция, опубликованная Обществом любителей древней письменности (другая очередность клейм), ни та редакция, что вошла в Никоновскую летопись под 1378 г. (нет посмертных чудес). Полностью совпадают сюжеты только со старшей редакцией Пахомиева Жития.³⁰

Нет ни одного сколько-нибудь значительного эпизода в Житии, который не был бы изображен в клеймах. О поставлении в епископы текст не упоминает — этого нет и на иконе. Текст подробно говорит об основании Андроникова монастыря и особенно об исцелении ханши — и художник посвящает первому событию два, а второму даже три клейма. Текст рассказывает о двух беседах Алексия с Сергием Радонежским. Казалось бы, художник должен опустить один из сходных эпизодов, чтобы не давать две одинаковые композиции. Но художник идет на повторение композиций, лишь бы ни в чем не отступить от текста. В иконе Алексия исследователи обычно замечают сознательное стремление художника подчеркнуть роль Алексия «как борца за национальную независимость и защитника русского народа от татарского варварства».³¹ Рассмотрение иконы в связи с Житием показывает несправедливость такого мнения. Это стремление скорее можно обнаружить у Пахомия Сербя.

Житие кончается описанием девяти чудес исцеления у гроба Алексия. Из них художник иллюстрирует только два: чудо второе «о отрочати умершем» и чудо седьмое «о жене слепой». Очевидно, берутся наиболее трудные и потому самые славные случаи исцеления. В некоторых списках старшей редакции Пахомиева Жития к описанию девяти чудесных исцелений прибавлено «Чудо о хромце». Это событие — исцеление хромого чернеца Наума — произошло в 1462 г. и встречается в Воскресенской летописи под тем же годом.³² По мнению В. О. Ключевского, этот эпизод вошел в текст Жития в конце XV в.³³ Рядом с чернецом Наумом в последнем клейме изображены другие исцеляющиеся у гроба. В этих фигурах долгое время видели обобщенное изображение многочисленных случаев исцеления у рака святого. Вслед за В. А. Кучкиным я считаю возможным видеть здесь конкретные случаи исцелений, описанные в летописях под 1518—1519 гг.³⁴

нежским об игумене для Спасского монастыря, 8) благословение Андроника на игуменство, 9) молитва у гроба Петра, 10) встреча Алексия в Орде, 11) исцеление ханши, 12) встреча в Москве, 13) Алексей уговаривает Сергия стать его преемником, 14) основание Чудова монастыря, 15) погребение Алексия, 16) обретение мощей, 17) воскрешение отрока, 18) исцеление жены, принесшей икону в церковь; 19) исцеления у гроба Алексия.

³⁰ Есть только одно несоответствие последовательности событий: в иконе беседа Алексия с Сергием Радонежским о поставлении в митрополиты происходит до построения церкви архангела Михаила, а в тексте — после. Встречаемая в иконе последовательность событий не находит объяснения ни в других редакциях Жития Алексия, ни в реальности: церковь Чуда в Хонех была построена в 1365 г., за 13 лет до смерти митрополита. Очевидно, логика повествования требовала, чтобы сразу же после сцены построения церкви и приготовления гроба было изображено погребение Алексия в этой церкви и в этом гробу.

³¹ В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа. — В кн.: История русского искусства, т. III. М., 1955, с. 512. Эта точка зрения идет от первого исследователя иконы — В. Борина (Две иконы Новгородской школы XV века св. Петра и Алексия, митрополитов московских. — Светильник, 1914, № 4) и повторяется затем почти всеми учеными.

³² ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 149.

³³ См.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития... с. 133.

³⁴ Обоснование этого положения см. в моей статье «Когда были написаны иконы митрополитов Петра и Алексия из Московского Успенского собора?» (Средневековая Русь. Сб. памяти Н. Н. Воронина. М., 1976, с. 310—316).

Икона из ГТГ является единственной известной нам житийной иконой митрополита Алексия. Однако до войны в Государственных центральных реставрационных мастерских раскрывалась другая житийная икона Алексия, происходящая из Чудова монастыря. Местонахождение ее сейчас неизвестно. Сохранился фотоснимок этой иконы, сделанный до раскрытия, в момент поступления в мастерскую.³⁵ Судя по характеру композиций, эта икона может быть датирована 1-й половиной XVI в. Она имеет 20 крупных клейм и по их составу лишь немного отличается от иконы ГТГ: в первом клейме изображен переезд родителей Алексия из Чернигова в Москву; среди посмертных исцелений нет рассказа о жене, принесшей икону Алексия в Чудов монастырь; рассказ о воскрешении младенца разбит на два самостоятельных клейма. Дважды встречается другая последовательность соседних клейм: «Беседа Алексия с Сергием Радонежским» идет после «Основания Чудова монастыря» в точном соответствии с текстом. Таким образом, исправляется единственное нарушение очередности эпизодов, имеющееся в иконе ГТГ. Изображение хана на коленях перед Алексием дано не перед, а после сцены исцеления ханши. Таким образом, это не «Встреча в Орде», а «Проводы Алексия в Орде». Ближе к тексту Жития здесь автор иконы ГТГ: во всех древнейших редакциях хан подносит дары митрополиту до исцеления, а не после. Переосмысление этого сюжета автором чудовской иконы свидетельствует о том, что по крайней мере в этом случае он исходил не из текста, а из иконного образца, неверно им понятого. Возможно, таким образом была икона ГТГ: об этом говорит значительное сходство композиций большинства клейм этих двух икон. Тогда икона из Чудова монастыря позволяет проследить дальнейшую эволюцию однажды созданной системы житийных клейм. Художник берет у своего предшественника состав клейм, их очередность, композиции отдельных клейм. Но все это еще не превратилось для художника в обязательный канон. Он позволяет себе исключить один сюжет, включить дополнительно другой, исправить неправильную, с его точки зрения, очередность эпизодов. Но эти отступления от живописного прототипа не идут далеко. Во всяком случае, автор второй иконы отталкивается уже от живописного образца, хотя и сверяется еще с текстом Жития.

5. Митрополит Петр

Житие митрополита Петра имеет несколько редакций. Наибольшее распространение на Руси получил текст Жития, написанный митрополитом Киприаном между 1397 и 1404 г.³⁶ При составлении Жития Киприан использовал первоначальный текст, составленный неизвестным москвичом в 1327 г. в связи с канонизацией Петра на Владимирском соборе.³⁷ Киприан подверг этот текст переработке, которая касается главным образом стиля и лишь незначительно отражается на изложении событий.³⁸ Киприан вводит только два дополнительных эпизода: поставление Петра в дьяконы, а затем пресвитеры и рассказ о том, как князь Волынский,

³⁵ Архив ГТГ, ф. 67, № 93.

³⁶ См.: В. О. Ключевский и др. Древнерусские жития... с. 88.

³⁷ См.: В. А. Кучкин. Сказание о смерти митрополита Петра. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 59—79.

³⁸ Первоначальный текст Жития Петра митрополита см.: Макарий. История русской церкви, т. IV. СПб., 1866, Приложения. Текст Жития, составленного Киприаном, см.: ВМЧ от 21 декабря. Сравнение этих двух редакций см. в статье Л. А. Дмитриева «Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.)» (ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1964, с. 215—254).

желая превратить Галицкую епископию в митрополию, уговорил Петра ехать в Константинополь для поставления в митрополиты. Оба эти эпизода мы находим в клеймах житийной иконы митрополита Петра из Успенского собора Московского Кремля.³⁹ Сюжеты остальных клейм этой иконы, как и их последовательность, соответствуют эпизодам Жития в редакции Киприана (за исключением одного клейма, о чем речь пойдет ниже). Итак, при создании системы клейм художник исходил из текста Киприана.

Особый интерес представляет 14-е клеймо, где изображено видение Ивана Калиты. Этого эпизода нет ни в одной из редакций Жития митрополита Петра. Он попал в икону, по всей видимости, из устного предания.⁴⁰

Кроме этого вставного эпизода, намек на который содержался в тексте Киприана, состав клейм и их очередность довольно точно соответствуют тексту. Художник традиционно заканчивает свой рассказ посмертными исцелениями у гроба святого. Киприан же после этого рассказывает о переписке между митрополитом Феогностом и патриархом по поводу чудес у гроба Петра и об установлении празднования святому. Этот эпизод вполне закономерно не привлекает внимания художника, как не имеющий непосредственного отношения ни к самому Петру, ни к его мощам.

В подборе клейм иконы митрополита Петра, как и в иконе митрополита Алексия, невозможно усмотреть какую-либо политическую тенденцию художника. Клейма точно отражают все основные эпизоды Жития, сохраняя и их последовательность. В соответствии с текстом здесь даны даже такие мелкие детали биографии, как служба Петра в монастырской поварне и его занятия иконописью. Одно из клейм повествует о том, как князь Юрий Галицкий, недовольный тем, что митрополит всяя Руси постоянно пребывает во Владимире, уговаривает Петра ехать на поставление в митрополиты Галицко-Волынской Руси. Подобное проявление сепаратизма не могли не осуждать в Москве в эпоху сложения и укрепления централизованного Московского государства. Казалось бы, московский художник должен был умолчать об этом бесславном эпизоде в жизни митрополита. Но художник и здесь послушно следует тексту Жития.

Не оказал никакого влияния на подбор эпизодов и текст службы митрополиту Петру, составленный, как и Житие, Киприаном. Он полон

³⁹ Музей Московского Кремля, инв. № 3228 соб. Воспроизведение: В. Н. Лазарева. *Московская школа иконописи*. М., 1971, табл. 62—65. Сюжеты клейм: 1) рождение, 2) приведение во учение, 3) пострижение, 4) поставление в дьяконы, 5) занятия иконописью, 6) служба в монастыре, 7) Петр получает благословение от митрополита Максима и дарит ему икону Богородицы, 8) князь Юрий Галицкий уговаривает Петра ехать в Константинополь для поставления в митрополиты, 9) морская поездка Петра в Константинополь, 10) Петр получает благословение патриарха, 11) поставление в митрополиты, 12) Петр прощает на соборе Андрея, епископа Тверского, оклеветавшего его перед патриархом; 13) строительство Успенского собора в Кремле и в нем гробницы, 14) видение Ивана Калиты, 15) ангел возвещает Петру о скорой кончине, 16) завещание Петра тысяцкому Протасию, 17) перенесение гроба с телом Петра (видение некоему иноземцу), 18) погребение Петра, 19) исцеление у гробницы Петра.

В 6-м клейме И. Е. Данилова видит изображение ухода Петра из монастыря на реку Рату (Житийные иконы. . . , с. 211). В этом случае трудно объяснить полено и ведро в руках святого. Скорее здесь изображены труды икона Петра в монастыре: согласно Житию, он носил дрова и воду в монастырскую поварню. Однако в пользу мнения И. Е. Даниловой говорит место этого эпизода в системе клейм. Возможно, здесь следует видеть контаминацию двух сходных сюжетов, как это было отмечено на иконе Кирилла Белозерского. Тогда предметы в руках Петра служат обозначением его монастырских трудов, а поток у его ног означает реку Рату, на берегу которой Петр основал новый монастырь.

⁴⁰ См.: И. А. Кочетков. Когда были написаны иконы митрополитов. . . , с. 313—314.

риторики и не содержит никаких воспоминаний об эпизодах жизни святого.

Из древних житийных икон митрополита Петра нам известны еще икона 2-й половины XVI в. из Вологодского областного краеведческого музея (инв. № 7801) и резная по кости икона XVI в. в собрании Оружейной палаты.⁴¹ Вологодская икона несомненно является копией иконы из Успенского собора. Совпадают число и сюжеты клейм, очень близки их композиции. В последовательности клейм есть только одно отступление: 9-е и 10-е клейма перенесены на ряд выше, что грубо нарушает последовательность событий. То ли художник как-то переосмыслил эти сюжеты, то ли не придавал особенного значения очередности клейм. Во всяком случае, это лишнее доказательство того, что автор вологодской иконы обращался не к тексту, а к иконному образцу.

Резная икона Оружейной палаты представляет собой реплику живописной иконы Успенского собора, о чем говорит значительное сходство композиций клейм и изображений в средниках. Здесь на пять клейм меньше. Отсутствуют следующие сюжеты: обучение иконописанию и монастырские труды Петра, встреча им митрополита Максима, беседа с Волынским князем, прощение Петром епископа Андрея. Как видим, рассказ сокращается за счет биографических моментов. Остаются в неприкосновенности типовые сюжеты: поставления, знамения и чудеса. В последнем клейме — обобщенное изображение исцелений у гроба святого.

* * *

После того как мы проанализировали состав клейм житийных икон пяти русских святых, можно сделать некоторые выводы.

1. Создатель первой житийной иконы святого всегда исходит из текста жития в какой-либо его редакции. Он не пытается сочетать эпизоды, содержащиеся в разных редакциях жития, или черпать из других источников.⁴² Текст службы святому, который оглашался в церкви каждый раз в день его памяти, мог бы, казалось, повлиять на подбор художником сюжетов клейм. Однако анализ показывает, что этого не происходило. Художник как будто с самого начала соглашается на служебную роль иллюстратора. Автор текста жития может использовать записи своего предшественника-агиографа, согласовывать его сведения с показаниями очевидцев и учеников, исключать неподходящие, по его мнению, эпизоды или вводить новые. Роль художника-агиографа настолько же скромнее, насколько меньшее значение в глазах современников имеет житийная икона по сравнению с житием. Наличие текста жития и службы было непременным условием канонизации святого. Наличие житийной иконы не являлось обязательным даже в храме, посвященном данному святому. Храмовые иконы, как правило, не содержали клейм жития. Книжники, способные составить житие, насчитывались на Руси единицами. Они обычно не без гордости называют свои имена во вступлении к тексту, и эти имена бережно сохраняются писцами при переписке. Работу художника не ценили столь высоко, и никому не приходило в голову сохранить для потомков имя автора той или другой замечательной иконы. Если, согласно господствовав-

⁴¹ Воспроизведение: Русское декоративное искусство, т. I. М., 1962, илл. 298.

⁴² Только автор житийной иконы митрополита Петра вводит дополнительный эпизод «Видение Ивана Калиты», которого нет ни в одном списке иллюстрируемой им редакции Жития и, может быть, ни в одном письменном источнике его времени. Но этот случай единственный, притом намек на это событие содержится в тексте Жития, так что художник только «раскрывает скобки».

шему мнению, во всякой иконе композиция принадлежит святым отцам, а художнику «только» исполнение, то в клеймах житийной иконы рассказ принадлежит очевидцам и автору жития, а художник только превращает литературное повествование для большей наглядности в живописное. Это мнение разделяет сам художник и вовсе не пытается соперничать с агиографом.

2. Если художник иллюстрирует определенную редакцию жития, то какой он отдает предпочтение? Первоначальные краткие редакции, предназначенные для проложного чтения, ни разу не используются художником. Художник всегда иллюстрирует наиболее популярную и, что важно, последнюю по времени возникновения редакцию. Житие святого — не только любимое чтение Средневековья и наставление к нравственной жизни, это своего рода юридический документ, доказывающий святость праведника. По идее своей житие не должно иметь разных редакций.⁴³

Автор новой редакции жития как бы заново собирает свидетельские показания, ссылаясь на источники сведений и доказывая их доброкачественность. Если он дополняет рассказ своего предшественника новыми фактами, их истинность доказывается авторскими ссылками и авторитетом церкви, принявшей новую редакцию. Если же автор считает нужным исключить некоторые эпизоды предшествующей редакции, то они тем самым признаются менее значимыми или сомнительными. Вот почему новая редакция жития оказывается через некоторое время, необходимое для ее распространения в списках, наиболее популярной. Так, составленное Пахомием Логофетом Житие Сергия довольно быстро вытеснило текст Епифания Премудрого при всех литературных достоинствах последнего. Если бы дело было только в том, что писцы предпочитали переписывать более короткий текст, то первоначальные проложные тексты житий дошли бы до нас в наибольшем количестве списков. На самом же деле этого не наблюдается. Понятно, что автор житийной иконы должен был предпочитать не самый короткий и не самый подробный, а самый последний текст жития. Эта редакция может иметь варианты, но это уже художника несколько не интересует, он вполне доверяет тому тексту, который у него под рукой. По той же причине текст службы святому не оказывал воздействия на состав клейм: по сравнению с житием это не только другой текст, но и текст, имеющий другое назначение: славословие, а не доказательство.

3. Взяв определенный текст для иллюстрирования, мастер следует ему довольно точно. Если текст содержит небольшое количество эпизодов, то все они оказываются представленными в житийных клеймах. Но обычно клейм не хватает. Тогда художник пытается преодолеть это затруднение с помощью некоторых приемов. Иногда он контаминирует два сходных сюжета в рамках одной композиции, давая в ней признаки разных сюжетов и тем достигая ее двузначности. Не увеличивая числа клейм и не дробя композиции, художник получает возможность увеличить число иллюстрируемых сюжетов, т. е. приблизиться по полноте описания к тексту. С той же целью художник может совмещать в одном клейме два различных

⁴³ Пахомий Логофет в Житии Кирилла Белозерского рассказывает о том, как он писал это Житие по рассказам монахов Кириллова монастыря: «... и начаша беседовати ко мне о житии святого и о чудесах, бывающих от него, ов сиа, и ина ж подобная тем, и на многи и различныя части глаголаня бяху святого действия... Аще и груб сы и не научен внешней мудрости, но понеж повелен быв и разсудив яко неподобно святого чудесем по разньству глаголатис (выделено мной, — И. К.) и сиа всу елика слышах в едино събрав... руку прострех к повести...» (В. Я бл он с к и й. Пахомий Серб... , Приложения, с. 1). Таким образом, необходимость унифицировать рассказы о святом выдвигается как одна из главных причин составления жития.

сюжета. Этот прием в иконах рубежа XV—XVI вв. применяется редко и осторожно: из двух совмещаемых сюжетов один является главным и определяет характер композиции, а второй, побочный, выступает на периферии, пространство клейма остается единым. Начиная со 2-й половины XVI в. этим приемом начинают злоупотреблять, что приводит к увеличению числа клейм и дроблению некогда единого пространства внутри клейма.

Но как бы ни стремился художник к полноте описания, ему не удастся сравняться с агиографом даже по числу эпизодов. Вынужденный отбирать, художник в самом выборе проявляет и отношение к литературному источнику и понимание своей задачи. Наблюдение показывает, что опускаются, во-первых, эпизоды, сходные по содержанию. Соблазнительно было бы думать, что это еще одно проявление того же приема контаминации. Однако этому противоречат многие факты. Художник всегда дает понять зрителю, какой именно из сходных эпизодов он изображает. Во многих случаях художник, не боясь упрека в однообразии, дает рядом два очень близких по содержанию и композиции эпизода, если только какая-либо деталь позволяет зрителю их все же различить. Если житийная икона, как и житие, — это доказательство святости подвижника, то каждое чудо, сотворенное им, — это еще один аргумент в ходе доказательства. Вот почему художник, как и агиограф, больше дорожит каждым конкретным случаем, чем общим риторическим утверждением о присутствии святому даре чудотворения. Наличие в клеймах сходных эпизодов указывает, что главная задача художника — полнота повествования, ради этого можно поступиться и разнообразием форм. Если художник и вынужден подчас опускать сходные эпизоды, то это для него не художественный принцип, а печальная необходимость.

Во-вторых, художник часто опускает эпизоды, трудные для иллюстрирования, т. е. такие, для передачи которых нет готовых иконографических схем или других приемов повествования. По этой причине художник никогда не изображает, например, подвигов монашеского аскетизма, описанию которых агиограф всегда уделяет значительное внимание. Пропускает художник и эпизоды, не имеющие непосредственного отношения к святому: различные события монастырской жизни, рассказы об учениках святого. Таким образом, специфика житийной иконы накладывает на состав эпизодов ряд ограничений дополнительно к тем, которые определяют самим жанром жития. Что же остается? Основные этапы жизни святого (рождение, приведение во учение, пострижение, поставление, погребение), сотворенные им чудеса и небесные знамения его избранности — эти главные свидетели святости. Рождество, например, может пропускаться, если оно не сопровождалось никакими знамениями. Состав клейм житийной иконы оказывается, таким образом, довольно трафаретным. Невозможно заметить здесь какой-либо политической тенденции автора.

Автор житийной иконы стремится сохранить не только состав эпизодов жития, но и их последовательность. Исключения единичны. Строгое отношение к последовательности рассказа художник тоже заимствовал у агиографа, который располагает все эпизоды, в том числе и рассказы о чудесах, в хронологическом порядке. Точное следование художника тексту вовсе не обязательно свидетельствует о творческой пассивности его. Скорее здесь сказывается особое отношение художника к своему труду: вольность в композиции или несоблюдение последовательности событий только уменьшают ценность документа.

4. И жития, и житийные клейма кончаются, как правило, чудесными исцелениями у гроба святого. Этим чудесам придавалось едва ли не большее значение, чем чудесам при жизни. Посмертные чудеса — главное и

часто единственное доказательство святости в Древней Руси. Чудеса показывают, что умерший святой продолжает влиять на ход событий в мире. В этом его отличие от простого смертного и в этом же его значение для потомков. Ему молятся не только в благодарность за совершенные подвиги, но и в ожидании новых. Этот источник благодати может изливаться вечно, но может и иссякнуть.⁴⁴ И автору жития, и автору житийной иконы важно было подчеркнуть, что святые не лишили русских людей своего покровительства. Такой подход имел важные последствия для формы как литературного, так и живописного повествования. Агиограф описывает посмертные исцеления с подробностями, которые должны придать достоверность рассказу: где и когда произошло чудо, имя, общественное положение и место жительства исцеленного, характер его болезни и обстоятельства, при которых произошло исцеление. Ясно, что живописец не в состоянии передать многие из этих подробностей, но подход его к своей задаче тот же. С помощью некоторых приемов он дает понять зрителю, какое именно из описанных в житии чудес он изображает. Цель художника достигнута, если зритель узнал исцеленного, а за подробностями можно обратиться к тексту жития. Вот почему в заключительных клеймах житийной иконы почти всегда изображаются не исцеления вообще, а совершенно конкретные случаи исцелений.

Главная особенность повествования о посмертных чудесах в житиях — это его композиционная незамкнутость. Список чудес мог постоянно пополняться новыми случаями. Так, к Житию Сергия в редакции Пахомия было добавлено сначала чудо о пресвитере Симеоне, записанное с его слов в Троицком монастыре, а затем описание трех чудес, случившихся у гроба Сергия 31 мая 1449 г. В Житии Кирилла Белозерского таким дополнительным эпизодом является рассказ об исцелении князя Михаила Андреевича. В Житии митрополита Алексия — исцеление инока Наума (см.: ГБЛ, ф. 304 — Лавра № 789. Сборник XVI в., л. 20 об.—26 об.). В Житии митрополита Петра нет дополнительных эпизодов, зато в похвальном слове ему есть рассказ о двух «новейших» исцелениях (см.: ГБЛ, ф. 256-Рум, № 153, л. 45—45 об.). Дополнительные эпизоды обычно не влияли на форму жития. Они присоединялись к нему чисто механически, после заключения и похвального слова фразой типа «Приложено же се да будет» или «И ино чудо у гроба святого». Так эпизоды могли нанизываться в любом количестве.

Система клейм имела такую же незамкнутую композицию, как и текст жития. Это давало возможность художнику изобразить «новейшие» случаи исцелений, даже если они не вошли еще в текст жития, как это мы видим на иконах московских митрополитов. Таким образом, только при изображении посмертных чудес художник может выступать самостоятельным рассказчиком, не зависимым от литературного текста. В этом случае задачи художника усложнялись: его изображение должно было быть не отсылкой к тексту, а понятным для зрителя рассказом. Не случайно именно в таких эпизодах автор икон митрополитов прибегает к помощи «иконографического намека».

Но все описанные в житии чудеса вместе с дополнительными эпизодами — это лишь незначительная часть того, что было на самом деле и

⁴⁴ Так, в Никоновской летописи под 1522 г. рассказано о видении одной монахини: погребенные в Московском Кремле митрополиты и епископы русские во главе с Петром и Алексием покидают город, унося с собой чудотворную икону Владимирской богородицы, «понеже людие страх Божий презреша и о заповедях Божих не радиша». Только по просьбе Сергия Радонежского и Варлаама Хутынского после всенародных молитв святые покровители Русской земли возвращаются на свое место (ПСРЛ, т. XIII. М., 1965, с. 40—42).

что невозможно описать из-за великого множества их. Агиограф никогда не забывает высказать эту мысль в конце своего труда: «Не преста бо Господь от оного дня даже и до ныне знамения и чудеса творя у гроба святого. Приходящей бо с верою независти приемлют исцеление дары, а болшаа же исцеления и втай бывают и в сем и по смерти смирение держа Божий угодник и тайные и съкровенные болезни исцелееваа»;⁴⁵ «Многаж и иная изрядная чудеса блаженнаго отца Кирилла быша и бывают, даже и до сего дне, неточию егда бяше въ временней сей жизни, но и по преставлени, ова явлена ова же неявлена, Богу же обоя ведома. Их же писанию не предашес множества ради»;⁴⁶ «Аз же. . . дерзну написати, елико слышах или видех, от великих малая и елико мощно бысть мне, смиренному; многая же ина повести достойна святаго преминух множества ради: земли убо широта и морю глубина и святых чудеса неисчетена суть».⁴⁷ Этими словами писатель утверждает принципиальную незамкнутость своего произведения. Подобную точку зрения разделял несомненно и художник, но ему труднее было ее выразить. Он мог дать в заключительном клейме иконы обобщенный образ многочисленных исцелений у гроба святого, но это противоречило бы тому основному принципу фактической точности изображаемого, которого он придерживался во всех остальных клеймах. Но ограничиться изображением только конкретных случаев исцеления — значит как будто исчерпать неисчерпаемое, исчислить «земли широту» и «морю глубину». Художники по-разному разрешают это противоречие. В иконах Сергия Радонежского, Дмитрия Прилуцкого и, возможно, митрополита Алексия изображены только конкретные случаи исцелений. В иконе Кирилла Белозерского два противоположных принципа совмещены в последнем клейме: большинство изображений легко связывается с конкретными случаями исцелений, и только две фигуры остаются вне сюжетов и могут рассматриваться как условное изображение многочисленных исцелений. Автор этой иконы максимально приближается к литературному повествованию: рассказав о нескольких случаях исцелений, он дает затем условное изображение исцелений, что соответствует заключительной фразе жития или, в более общем случае, словам «и другие», «и так далее», «и тому подобное», которые следуют за перечислением в речи. В иконе митрополита Петра в последнем клейме несомненно есть рассказ о конкретных случаях исцелений, но некоторые фигуры не удается связать с известными нам эпизодами. И все же позы персонажей здесь настолько выразительны, что трудно отрешиться от впечатления, что художник рассказывает нам о каких-то хорошо известных его современникам лицах и событиях, но только мы потеряли ключ к этим изображениям. Не нужно забывать, что многие случаи «чудес», в свое время составлявшие злобу дня, не были записаны и потому не дошли до нас. Наличие условного изображения посмертных чудес, да и то на периферии композиции, можно уверенно утверждать только по отношению к иконе Кирилла Белозерского. (Заметим, кстати, что эта икона отличается от всех других житийных икон конца XV—начала XVI в. и более развитым характером композиции клейм: только здесь встречается дробление клейма на несколько отдельных сцен. Икона Кирилла показывает, в каком направлении пойдет дальнейшее развитие житийных клейм). В иконах с клеймами жития в эпоху Дионисия, безусловно, преобладает принцип документальной точности при изображении посмертных чудес. Как это можно проследить на более

⁴⁵ Житие митрополита Петра в редакции Киприана. — ВМЧ от 21 декабря.

⁴⁶ Житие Кирилла Белозерского, написанное Пахомием Логофетом. — В кн.: В. Я б л о н с к и й. Пахомий Серб. . . , Приложение, с. LX.

⁴⁷ Житие Сергия в редакции Пахомия Логофета. — ВМЧ, сентябрь, дни 25—30. СПб., 1883, стб. 1462.

поздних иконах московских митрополитов, намеки на конкретные случаи исцелений обычно исчезают со временем, если они не зафиксированы в тексте.

5. Как уже сказано, в житийных клеймах могут изображаться новейшие чудеса у гроба святого, независимо от того, вошли они в текст жития или нет. Распространяется ли это правило на сюжеты, связанные с судьбой захоронения святого, — перенесение мощей, обновление раки и т. п.? В иконах митрополитов не представлено ни перенесение гроба Алексия во вновь построенную церковь его имени, заложенную Геннадием Гонзовым в 1483 г., ни перенесение мощей Петра из старого собора в новый, только начатый строительством в 1472 г. Отсутствие этих эпизодов служило аргументом в пользу датировки икон митрополитов временем раньше 1472 г.,⁴⁸ чему довольно решительно противоречит их стиль. Если же принять новую датировку икон митрополитов 1519 г., то окажется, что в их клеймах не представлены также перенесение мощей Петра в собор Аристотеля в 1479 г. и мощей Алексия в новый собор Чудова монастыря в 1503 г. Очевидно, пропуск этих эпизодов не случаен. Они не имели большого значения для доказательства святости подвижника и его покровительства Московскому государству, что являлось внутренним пафосом и жития и житийной иконы. Эти события относятся не к небесным знаменаниям избранности святого, а к земному прославлению его. Рассказ о перенесении мощей в рукописях иногда следует за житием, но всегда в виде самостоятельного произведения. Он не входит в состав жития, как рассказы о новейших чудесах, а присоединяется к нему. Вводя в систему клейм новые эпизоды исцелений, художник временно выходит, в виде исключения, из принятой им роли скромного иллюстратора текста. Но он не считает нужным делать исключение еще и для рассказа о дальнейшей судьбе мощей. Возможно, некоторую роль играло и то обстоятельство, что при всех перенесениях мощей митрополитов они продолжали оставаться все в том же Чудовом монастыре и Успенском соборе, где и были погребены.⁴⁹

6. Художник самостоятельно иллюстрирует текст жития только в том случае, если в его распоряжении нет иконы-образца. С появлением первой иконы художник не обращается больше к тексту. Из двух источников — литературного и живописного — он всегда предпочитает второй. Делает он это из простой экономии сил: зачем делать то, что уже хорошо сделано другим? Чаще всего иконописец создает вольную копию своего образца. Однако этот образец не имел обязательности иконографического канона. Если художник решал, справедливо или нет, что его предшественник допустил ошибку, он эту ошибку исправлял. Подход художника к своему труду можно сравнить с подходом писца. Писец — не автор. Его задача служебная: точно воссоздать текст. Но он не преминет исправить действительную или мнимую ошибку своего предшественника. И такого же отношения он хочет и к своему труду, прося в заключительной приписке исправить ошибки, вкравшиеся по недоразумению в его работу.

Как правило, отступления от живописного образца были незначительными. Но изредка встречаются случаи, когда художник подвергает образец основательной переработке, меняя состав клейм, их очередность, а тем самым и идейный смысл произведения. Это уже работа не писца, а редактора. Новые «редакции» житийной иконы могут возникать на чисто живописной основе и вовсе не обязательно связаны с особой редакцией литературного жития.

⁴⁸ См.: И. Е. Данилова. Житийные иконы. . . , с. 202.

⁴⁹ Как отмечает И. Е. Данилова, изображение перенесения мощей есть в лицевом Житии митрополита Алексия и иконе митрополита Петра, написанной Истомой Савиным. Это доказывает только, что в начале XVII в. принципы иллюстрирования были иными.

Г. К. ВАГНЕР

Архитектурный образ и слово в трудах Н. Н. Воронина

Одним из бесспорных завоеваний отечественной медиевистики является утверждение комплексного метода исследования явлений духовной жизни, в том числе и искусства. Сейчас даже странно вспомнить, что было время, когда различные виды искусства изучались в отрыве друг от друга, не говоря уже об отрыве изобразительного искусства от литературы. Правда, в свое время такие ученые, как А. Кирпичников и Ф. Буслаев, уделяли немало внимания связям древнерусской живописи и словесности, но главным образом в плане содержания. Нужно было полвека и даже больше, чтобы эта связь захватила и область стиля. Наконец, потребовалось еще некоторое время, чтобы в эти связи была включена и архитектура. Показательно, что последнее произошло в области изучения владимиро-суздальской культуры, в которой в силу исторических обстоятельств архитектура, скульптура, живопись и литература получили яркое воплощение как в отдельности, так и в своем историческом синтезе.

Сказанное нашло свое интересное выражение в трудах Николая Николаевича Воронина, который по широте своих научных влечений охватывал все перечисленные области. Остановимся только на двух сюжетах его работ: на интерпретации Дмитриевского собора во Владимире в связи со «Словом о полку Игореве»¹ и на характеристике дворцового комплекса в Боголюбове в связи с библейскими текстами.² При этом высказывания о Дмитриевском соборе в связи со «Словом о полку Игореве» были сделаны на одиннадцать лет раньше, и их можно рассматривать как подготовку того метода, которым Н. Н. Воронин пользовался при написании своего двухтомного труда о зодчестве Северо-Восточной Руси.

Статья «„Слово о полку Игореве“ и русское искусство XII—XIII веков» родилась, по-видимому, из того краткого Введения, которое Н. Н. Воронин предпослал второй главе первого тома академической «Истории русской литературы».³ Здесь читаем такую фразу: «Необычайно пышный расцвет искусства, который переживала Киевская Русь на протяжении XI, XII и начала XIII в. вплоть до татарского нашествия, рисует нам ту обстановку культурного подъема, в которой родились и такие величайшие произведения древнерусского литературного творчества, как „Слово о полку Игореве“ и „Повесть временных лет“».⁴

¹ Н. Н. Воронин. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII веков. — В кн.: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950, с. 320—351 (Литературные памятники).

² Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. I. М., 1961, с. 299, 318—319, 337—339 (далее ссылки в тексте в скобках).

³ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, с. 36—39.

⁴ Там же, с. 39.

Как видим, речь идет об искусстве пока лишь как об «обстановке культурного подъема». Далее Н. Н. Воронин говорит, что «развитие искусства домонгольского периода во многом совпадало с литературным развитием того же времени».⁵ Вот эти две мысли — об «обстановке культурного подъема» и «совпадении» развития искусства и литературы — и были развиты Н. Н. Ворониным в статье 1950-го года «„Слово о полку Игореве“ и русское искусство XII—XIII веков».

Прежде всего Н. Н. Воронин конкретизирует свой подход к сравнению архитектуры и литературы. Теперь он сравнивает со «Словом о полку Игореве» не древнерусскую архитектуру вообще, а главным образом Дмитриевский собор во Владимире. Сравнение начинается с констатации чувства «гиперболизма в выражении образа», свойственного как автору «Слова», так и создателям собора. И в «Слове», и в соборе отмечается «эпическая грандиозность в изображении героев».⁶ (Говоря о «героях» собора, Н. Н. Воронин имел в виду не только образы царя Давида в центральных закомарах, но и образ великого владимирского князя Всеволода III в левой закомаре северного фасада, а через него и образы других персонажей).

Вторую черту, роднящую «Слово» и Дмитриевский собор, Н. Н. Воронин усматривал в светскости художественной образности и в насыщенности ее языческими мотивами.

Переходя к третьей черте сходства — широкому охвату пространства и чувству силы природных явлений вообще, Н. Н. Воронин уже несколько отдалается от Дмитриевского собора и далее переносит эти качества на всю древнерусскую архитектуру.

Таким образом, Дмитриевский собор пока выступает как «могучее эхо» «Слова о полку Игореве».⁷

В первом томе капитального труда «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков», вышедшем через одиннадцать лет после рассматриваемой статьи, Н. Н. Воронин углубляет сравнение Дмитриевского собора со «Словом о полку Игореве». На этот раз сравниваются не гиперболизм образов, не светскость, а выражение в том и другом произведении «представления своего времени о могуществе и общерусском авторитете власти владимирских князей» (с. 462). В смысле выраженности «апофеоза власти» «архитектура времени Всеволода (имеется в виду Дмитриевский собор, — Г. В.) проникнута теми же идеями, что и „Слово о полку Игореве“» (с. 462). Более того, Н. Н. Воронин подключает к своему сравнению и владимирское летописание, и «Моление Даниила Заточника». В частности, образ Давида-псалмопевца сравнивается с известными словами «Моления»: «Гусли строятся персты, а град наш твоею державою» (с. 437).

Нетрудно заметить, что все эти сравнения развиваются на семантическом уровне. Более стилистическим уровнем сравнения отличается анализ скульптурных элементов Дмитриевского собора, прежде всего скульптурного портрета князя Всеволода III с сыновьями, для чего привлекается стиль владимирского летописания. Н. Н. Воронин выделяет такие черты, как эмблематизм, церемониальность, т. е. ту «меру обобщения», которой характеризуются летописные портреты (с. 437).

Итак, в сравнениях Н. Н. Воронина вырисовываются две линии связей архитектурного образа с литературным: семантическая (идея, замысел, сюжет) и формально-стилистическая (гиперболизм, эмблематизм, церемониальность), причем формально-стилистическая линия выступает в достаточно семантизированных категориях.

⁵ Там же.

⁶ Н. Н. Воронин. «Слово о полку Игореве». . . , с. 332.

⁷ Там же, с. 345.

В наиболее развернутом виде сравнение архитектурного образа с литературным дано Н. Н. Ворониным в анализе дворцового комплекса в Боголюбове, включая сюда и храм Покрова на Нерли.

Здесь нужно заметить, что, работая над своим трудом «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков», в котором это развернутое сравнение дано, Н. Н. Воронин опубликовал в 1957 г. специальную статью «Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих»,⁸ так что эта тема не выходила из круга внимания ученого. При этом разработка ее все время углублялась. Завершение же она нашла в упомянутой работе.

Н. Н. Воронин обратил внимание на то, что автор известной «Повести о смерти Андрея» при описании строительной деятельности Андрея Боголюбского во Владимире и Боголюбове настойчиво прибегает к сравнениям владимирского князя с Соломоном. Сначала Н. Н. Воронин объясняет это как обычный для Средневековья «литературный прием гиперболизации героя», а также стремлением автора «уподобить его (князя Андрея, — Г. В.) деятелям библейской древности», для чего автор «Повести о смерти Андрея» мог использовать текст о Соломоне из Хроники Георгия Амартола, известной на Руси еще в XI в. (с. 337—338). Но, продолжая сравнение текста Хроники как с «Повестью о смерти Андрея», так и со строительством Андрея Боголюбского, Н. Н. Воронин пришел к заключению, что князь Андрей в своих строительных замыслах как раз и вдохновлялся той частью Хроники, в которой ярко описывается строительство Соломона. Более того, Н. Н. Воронин высказал мысль, что «текст Амартола был у к а з а н (выделено Н. Н. Ворониным, — Г. В.) мастерам, что у „владимирского самовластца“ князя Андрея была горделивая мысль „последовать“ мудрому библейскому царю» (с. 339). Н. Н. Воронин приводит в качестве совпадений такие детали, как строительство «на горе», сочетание камня построек с золотом, обилие декоративных деталей из золота, окружение строительства стеной, вымостка участка камнем и пр.

В настоящее время этот вывод Н. Н. Воронина можно подкрепить новыми материалами. Перед дворцовым храмом в Боголюбове был сооружен своего рода «богородичный столп», увенчанный четырехликой капителью с изображением Девы Марии.⁹ Поводом для сооружения такого столпа могли послужить столпы, стоявшие, судя по описанию, перед храмом Соломона.¹⁰ Если сказанное верно, то следует допустить, что Андрей Боголюбский вдохновлялся не только текстом Хроники Георгия Амартола, но и Третьей Книгой Царств, где в седьмой главе эти столпы (Иахун и Боос) описаны довольно подробно. Они, конечно, не увенчивались подобно боголюбовскому столпу, но мотив крина, которым украшены рельефные лики Девы Марии в Боголюбове, упоминается и в описании увенчаный соломоновых столпов.¹¹ Вернемся, однако, к тексту Хроники Амартола.

Мысль Н. Н. Воронина позволяет поставить вопрос о том, что текст, т. е. слово Хроники, мог дать мастерам XII в. образ предмета. Иначе говоря, мастера смотрели на образ «через слово». Вообще, конечно, в этом нет ничего удивительного, так как все средневековое изобразительное искусство тесно связано со словом, о чем много писал Д. С. Лихачев.¹² Насколько, однако, могут быть схожими слово и архитектурный образ?

⁸ ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 364—374.

⁹ См.: Г. К. Вагнер. Скульптура древней Руси. Владимир. Боголюбово. М., 1969, с. 88—94, илл. 58.

¹⁰ См.: А. А. Олесницкий. Ветхозаветный храм в Иерусалиме. — ППС, вып. 13. СПб., 1889, с. 254 и след.

¹¹ Третья Книга Царств, 7.

¹² Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 24 и след.

В рассматриваемом случае об адекватности говорить не приходится, так как этому помимо специфики материала мешала еще и специфика иконографии. Но если сходства не было в самом чувственном образе, то оно могло быть в характере идеи.

Известно, что взаимоотношение идеи и чувственного образа может быть тройным, в зависимости от чего можно говорить о символе (в случае равновесия общего и индивидуального), об олицетворении (в случае перевеса общего) и, наконец, об аллегории (в случае перевеса индивидуального).¹³ В отношении боголюбовского дворца, очевидно, правильнее говорить об олицетворении, поскольку общее (блеск белокаменного ансамбля) преобладает над индивидуальным (сходство с Соломоновым строительством). Иначе говоря, боголюбовский дворец с его дворцовым храмом и богородичным столпом выступает олицетворением Соломонова строительства. В дополнении к сказанному напомним, что одна из частей древнего Боголюбова носила название «Сионы» (с. 201).

Но, как уже сказано, при равновесии идеи и чувственного образа олицетворение может перейти в символ. Интересный в этом отношении материал дает тонкий анализ Н. Н. Воронина архитектурного образа храма Покрова на Нерли.

«Стройный вертикализм» храма Покрова, по мнению Н. Н. Воронина, «перекаляется с характеристикой образа самой богородицы, как он описан в Житии Андрея Юродивого, — она „явилась“ ему „вельми высокая сущи“»; в «Службе» на Покров часто сравнение Богородицы с высокой сверкающей горой, она является «на воздухе светле» (с. 318). «Все эти черты литературного произведения, — пишет Н. Н. Воронин, — лучезарность и прозрачность их образов нашли отражение в архитектуре Покрова на Нерли, в ее изяществе и поэтичности» (с. 318). Далее следует сопоставление со словами акафиста Богородице таких элементов композиции церкви Покрова, как сооружение храма на горе, устройство рядом с храмом пристани, к которой вела лестница, и пр. С видением Андрея Юродивому Богородицы сопоставляются рельефы царя Давида, а с псалмами Давида — женские лики в фасадной скульптуре храма, наконец, рельефы львов и птиц. «Перед нами — не нарочитое исполнение заданной идейной „программы“, а проникновенное перевоплощение ее в специфические архитектурные формы, овеянные подлинной народной силой и поэтичностью» (с. 318).

В свое время при обсуждении работы Н. Н. Воронина один известный московский искусствовед упрекнул автора в «витийстве». В этом, конечно, проявилась отсталость искусствоведческой мысли. Н. Н. Воронин положил основание тому, что можно было бы назвать ассоциативностью художественного образа, в данном случае словесного. Чувством этой ассоциативности несомненно обладали мастера XII в. При этом ассоциативность их образного восприятия основывалась не только на поэтически развитом мышлении, но и на художественных знаниях, на том, что можно было бы назвать художественным багажом. Из художественного багажа ими взяты так называемые женские маски, живо перекликающиеся с теми «масками», которые, судя по некоторым иконографическим материалам, были и на Соломоновом храме.¹⁴ Сейчас невозможно установить, каким образом эти иконографические материалы стали известны мастерам, работавшим в Боголюбове. Тем уважительнее и доверительнее мы должны относиться к их переводу литературного слова в архитектурный образ. Заслугой Н. Н. Во-

¹³ См.: А. Ф. Лосев. Эстетика Возрождения. М., 1978, с. 194—195.

¹⁴ См. подробно: Г. К. Вагнер. Четырехликая капитель из Боголюбова. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 388.

ронина является то, что он сумел различить неоднородные формы такого перевода. Если в постройке боголюбовского дворца общее довлело над индивидуальным, что привело к олицетворению, то в образности храма Покрова на Нерли общее и индивидуальное находятся в том равновесии, которое позволяет говорить о символе. Храм Покрова — не олицетворение, а символ.

Намеченный Н. Н. Ворониным подход к раскрытию архитектурного образа в содружестве с литературным образом при его развитии может очень обогатить теорию искусства.

Н. П. ДРОБОВА, В. П. БУДАРАГИН

Обзор древнерусских рукописей Череповецкого краеведческого музея

Череповецкий краеведческий музей был основан в 1895 г. Инициатором его создания был известный этнограф, историк древнерусской литературы и коллекционер Е. В. Барсов, уроженец села Логиново Череповецкого уезда. Барсов неоднократно передавал музею книги, монеты, картины и другие материалы из своих коллекций. Собрание древних рукописей и книг кирилловской печати, начавшее складываться уже в первые годы существования музея, особенно интенсивно пополнялось, однако, в 20—30-е гг. нашего века за счет поступлений из местных церквей и монастырей. Так, в 1928 г. сотрудники музея привезли из Кирилло-Новоозерского монастыря 25 рукописных и 150 книг кирилловской печати. В 1938 г. в музей поступила большая часть библиотеки и архива череповецкого Воскресенского монастыря (в том числе 24 рукописные книги, около 150 столбцов XVII—XVIII вв. и другие документы). В эти же годы еще 51 рукописная книга и несколько сот документов были привезены из церквей Череповецкого, Кадуйского, Белозерского, Кирилловского районов. Пополнялась коллекция музея и в последующие годы. В комплектовании собрания, таким образом, участвовали сотрудники музея разных поколений, но особая роль в этой собирательской работе, безусловно, принадлежит прежнему заведующему отделом фондов К. М. Бухариной (1893—1963) и заслуженному работнику культуры РСФСР К. К. Морозову, возглавлявшему музей с 1937 по 1974 г. Всего в настоящее время в музее хранится 150 рукописных книг XV—XX вв., краткому обзору которых и посвящена эта статья.

Рукописи Череповецкого краеведческого музея отличает известная древность представленной ими рукописной традиции. Так, серединой XV в. можно датировать Триодь постную, переписанную полууставом на 342 листах. На обороте последнего листа сохранилась писцовая запись: «Господи, помози рабу своему попу Михаилу, списавшему книги сия Триодь». К концу XV в. относятся и тетради в сборной рукописи XV—XVII вв., содержащие гимнографические сочинения Кирилла Туровского. Остальная часть этой рукописи состоит преимущественно из поучений Иоанна Златоуста.

В 1-й трети XVI в. был, очевидно, переписан полный круг миней служебных, восемь книг которого поступили в музей из череповецкого Воскресенского монастыря. Рукописи имеют сходство в формате, почерке и оформлении переплета. Ноябрьская Минея дополнена в конце службой Варлааму Хутыньскому. Два списка Октоиха (с 5-го гласа), Апостол, Триодь постная и сборник богослужебный представляют собой палеографические образцы высокого профессионального уровня разных десятилетий XVI в. Водяные знаки не позволяют сколь-нибудь точно датировать Псалтырь с воследованием, по преданию принадлежавшую Кириллу Новоозер-

скому и обретенную, как гласит монастырская запись XIX в., при открытии мощей преподобного. Рукопись действительно производит впечатление слежавшейся, текст ее постепенно угасает. Однако перечисление в святцах Псалтыри большого числа русских святых, канонизированных в 1547 и 1549 гг., свидетельствует, очевидно, о позднейшем происхождении рукописи. В конце Псалтыри с воследованием переписаны сказание о днях месяца, когда можно и нельзя «крови пуцати», цифирная таблица, молитвы иконам (общие), вопросо-ответ «Что ради наречется Иван-вечер Купальницею, коея ради вины полезно есть на различение лечебных потребы?» с изложением легенды о Товите.

Из рукописей XVII в. только Беседы Иоанна Златоуста на евангелия от Матфея и Марка были переписаны в начале столетия. Остальные рукописные книги принадлежат последней четверти и концу XVII в. Из них прежде всего необходимо отметить лицевое Житие Кирилла Новоезерского, представляющее собой незаурядный образец книжной миниатюры этого времени. В 1804 г. эта рукопись была тщательно скопирована, копия также хранится в музее.

Представлены в собрании Житие Алексия митрополита, список Уложения царя Алексея Михайловича, Златоуст постный. В Синодике Новоезерского монастыря, переплет которого поновлялся в 1761 г., сохранилась писцовая запись 1682 г.: «Лета 7190 в месяце марте преписан сей литийной синодик Новоезерского монастыря со старого и ветхаго синодика рукою многогрешнаго черньца Макария Сибирца». В конце XVII столетия переписаны Синодик Филиппо-Ирапской пустыни и Синодик Троицкой Танищевской церкви.

Сборники XVIII—XIX вв. включают произведения самых разных жанров. Преобладают, однако, житийные и служебные тексты, переписываемые зачастую с печатных изданий. Несколько отличается по составу сборник середины XVIII в. (последняя тетрадь датируется 1751 г.), объединивший списки Синодика, украшенного акварельными миниатюрами в новом стиле, Луцидариус и Хождение Трифона Коробейникова. В сборнике 20-х гг. XIX в., принадлежавшем Рождественской церкви, представлены повесть о епископе Удоне, жития Иосифа Волоцкого и Филиппа Ирапского, наставления Тихона Воронежского, Чудо 1778 г. в Воронеже о вселившемся в девицу Феодосию бесе. Сборник сказаний о иконах Одигитрии и сборник выписок из Евангелия учительного Кирилла Транквиллиона XVIII в. переписаны одним почерком и имеют приписки тайнописью красными и черными чернилами. Указаны выходные данные изданий, с которых делались списки житий Параскевы Пятницы, Иоанна Кушника, службы Димитрию Ростовскому в орнаментированном сборнике последней трети XVIII в.

«Сия книга о скончании мира, и о антихристе, и о втором пришествии писана во обители Кирилла Новоезерскаго монастыря в разные числа 1813-го года», — сообщает приписка на эсхатологическом сборнике, дополненном молитвой и литургией Василия Великого. Выписками из Пролога заполнен сборник 1752 г., переписанный вологодским подьячим Никитой Яковлевым сыном Травиним. Старобрядческой традиции принадлежит сборник последней четверти XVIII в. с видением Макарием Египтянином ангела в пустыне и поучениями Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, Ефрема Сирина, а также сборник 2-й трети XVIII в., значительная часть которого переписана поморским полууставом. В состав последнего сборника входят: «О житии святых отец предание Нила Пустынника», Житие Филиппа Ирапского (с указанием авторства Германа, инока «монастыря святого Спаса, еже есть на Кубенском озере», и последним чудом 1672 г.), тропарь Антонию Дымскому. На л. 225 об.

сохранилась позднейшая приписка: «Начало книги сей 1673 г.». Имеется владельческая помета XIX в. Мартьяна Матвеевича Гагарина.

Отдельные рукописи поздней рукописной традиции полнее всего представлены в музее синодиками и житиями. В списках XVIII в. дошли до нас жития Зосимы и Савватия Соловецких (один из списков лицевой), Кирилла Белозерского, Леонида и Адриана Пошехонских, основателя Синозерской пустыни Ефросина, Житие патриарха Никона в изложении Ивана Шушерина. В 1811 г. переписано для Воскресенского собора в Череповце Житие Кирилла Новозерского. Из синодиков, часто украшенных миниатюрами и гравюрами, отметим Синодик Синозерской пустыни в списке 1-й трети XVIII в. с поминанием родов патриарха Иосифа, благовещенских протопопов и царских духовников Стефана Внифатьева и Меркурия Гаврилова, последнего крупного представителя рода Пушкиных боярина Матфея Стефановича и других. В собрании музея сохранился также Иконописный подлинник XVIII в., переписанный, возможно, в Пошехонье или какое-то время там обращавшийся. «Соборное деяние киевское на арменина еретика Мартина» в списке последней трети XVIII в., судя по припискам, восходит к печатному изданию 1719 г., книга хранилась в Ильинской церкви в Мотоме, где и была переплетена дьяконом Григорием Ивановым.

В переводе 1717 г. представлено в собрании сочинение иезуита Стангурсста,¹ озаглавленное в нашем списке «Книга глаголемая Будильник или Колесница четверочастная». На л. 3 имеется писцовая запись: «Списана сия книга 1753 года с писмянной же книги». Переводом XVIII в. является и другое сочинение — «Крины селныя или Цветы прекрасные», состоящее из 44-х глав и переписанное во 2-й трети XVIII в. Федором Васильевичем Митрополовым. Из других рукописей этого столетия отметим «Ифику или Иерополитику» в списке 1766 г. с издания 1764 г., объемистый сборник Слов Исаака Сирина, сказание о явлении Воронинской иконы Одигитрии и Кормчюу, на первых листах которой переписаны сказание о начале патриаршества на Руси и «сказание известно» о поставлении царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета.

Среди книг позднейшей рукописной традиции — Псалтырь с восследованием 1833 г., украшенная красочными заставками и изображением царя Давида и сохранившая на последнем листе датирующую писцовую запись «рабы божии» Ирины. Имя переписчицы скрыто в цифровой тайнописи приписки. Выписки из Лечебника, службы Воронинской иконе Одигитрии, Кириллу Новозерскому, летопись Борисоглебской Плишкинской церкви, выписки «О родах поэзии» с владельческими пометами Ионы Мороцкого, сатирические вирши «Братское сетование или печальные разговоры соборных старцев при отобрании у них в казну лаврских имений» и синодики практически исчерпывают круг названий сохранившихся в музее рукописей XIX—XX вв.

Кроме перечисленных в обзоре материалов Череповецкий краеведческий музей располагает некоторым количеством певческих рукописей (преимущественно нотополитических), а также фольклорными записями. Значительно полнее представлены здесь документальные материалы, в числе которых около 300 столбцов XVII—XVIII вв., и книги кирилловской печати XVI—XIX вв., насчитывающие около 400 единиц хранения. Собрание Череповецкого краеведческого музея, таким образом, безусловно, заслуживает более пристального внимания историков, искусствоведов, археографов.

¹ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 212.

В. П. БУДАРАГИН

Экспедиция в Витебскую область

Археографическое обследование Витебской области давно уже было в планах Древлехранилища Пушкинского Дома. О наличии древнерусских книг в этом районе свидетельствовало, в частности, приобретенное в конце 1964 г. рукописное собрание С. Г. Евсеева.¹ Оно составилось в результате поездок собирателя по городам бывшей Витебской губернии, когда в ее состав входил и г. Невель, ныне относящийся административно к Псковской области. В 1974 г., изучая рукописную традицию старообрядческого населения Латвии, Г. В. Маркелов и А. Н. Розов побывали в Браславском р-не Витебской области.² Археографам удалось не только подтвердить тесную связь местных старообрядцев-беспоповцев с латвийскими, но и пополнить Латгальское собрание Древлехранилища 10 рукописями XVII—XX вв. Таким образом, экспедиция 1979 г. в составе В. П. Бударagina и Д. М. Буланина располагала уже некоторыми адресами и приблизительным маршрутом поисков. Однако эти данные нуждались в уточнении и проверке.

Мы начали поиски в Витебске, зная, что здесь существует община старообрядцев-беспоповцев. Получив разрешение ознакомиться с книгами моленной, мы увидели значительное книжное собрание, основную часть которого составляют издания Преображенской типографии. Рукописей здесь оказалось только две, обе певческие, начала XX в. Несколько книг из своей личной библиотеки показал нам В. С. Красиков. Рукописные орнаментированные Праздники конца XIX в., привезенные им из г. Резекне, несомненно, представляют интерес для исследователей поздней традиции книжного оформления. Среди других витебских почитателей письменной старины следует упомянуть Ф. Т. Матвеева, уже передававшего рукописи в государственные хранилища. Нам он подарил два рукописных фрагмента безымянного переписчика начала XX в., один из которых представляет собой переработку «Изложения на люторы» Ивана Наседки, озаглавленную «Псалма на 6-й глас». В состав второго (под 14 апреля) включена служба «новым мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию, в Литве пострадавшим». На хранящемся у Т. Ф. Матвеева Трефологоне (июнь—август), изданном в Москве в 1638 г., по л. 378—398 прочитывается скрепа: «Лета 7151-го декабря в 4-й день великий господин святейший Иосиф, патриарх московский и всея Руси, сию книгу Трефолой дал к церкви Зосимы и Саватая соловецких чудотворцов, что на ево

¹ См.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов). Составил В. И. Малышев. М.—Л., 1965, с. 194.

² См.: Г. В. Маркелов. Поездка за рукописями в Латвию. — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 372.

святительском патриаршем дворе». Со следующего листа ее сменяет другая запись: «И 165-го марта в 2 день великий государь святейший Никон, патриарх московский и всея Великие и Малыя и Белыя Руси, пожаловал дал сию книгу Трефолой в свое государство строение в церковь Успения Пречистые, что на Волоку Ламском, в . . . монастырь в вечный помин по себе и родителей своих при игумене Досифее с братею».

Съездили мы также в д. Фокино, где живет двоюродный брат Ф. Т. Матвеева, известный своим умением петь по крюкам (вообще же в этом согласии поют «по попевке»). Сам он, к сожалению, оказался на сенокосе, но в деревне удалось познакомиться с другими книжниками, посмотреть рукописи конца XIX—начала XX в. письма Ивана Лукьяновича Пухова.

Кратковременная поездка в Гомель к Е. А. Бобкову оказалась более результативной. Из подаренных им пяти певческих рукописей XIX—XX вв. и двух помянников отметим прежде всего Обиходник демественный крюковой 40-х гг. XIX в. В его состав, кроме Азбуки демества, входят светильны, прокимны, стихирь избранным праздникам и святым, блаженны и «запевы возвашные» (столповым знаменем). Имеются пометы «почин демеством» и «захват демеством». Рукопись украшена многочисленными инициалами и заставками в красках, а также миниатюрами с изображениями Романа Сладкопевца, царя Давида, птицы Сирина, Василия Великого. Другая рукопись, содержащая Трезвон и Обиходник краткий, была переписана в 1887 г. уставщиком Ф. А. Приходкиным. Здесь, как и в Обиходе крюковым конца XIX в., представлено столповое и демественное знамя с киноварными пометами и признаками. Фрагменты Октоиха и сборник певческий принадлежат уже рукописной традиции XX в.

Из Витебска мы перебрались в п. Шумилино, когда-то густо населенный старообрядцами. Однако и здесь сохраняются книги в основном печатные и не старше начала XX в. Правда, у Д. С. Коваленко видели мы несколько певческих рукописей, в том числе изящно орнаментированный Обиход начала XX в. Нам он передал сборник певческий крюковой 3-й четверти XIX в., содержащий Азбуку, Октоих со стихирями евангельскими и Обиходник. В значительном книжном собрании С. Я. Рубина из д. Заборье выделяется хорошей сохранностью и пышностью оформления поморский Обиход, переписанный в начале XIX в. До трех десятков книг принадлежит А. К. Ковалеву из д. Ловша. Все книги служебного назначения, есть издания XVII в., есть и рукописи. Нам была подарена рукопись конца XVIII в. с выписками из Евангелия учительного и «Сказанием от священных правил и от учителей церковных, яко не подобает к еретиком и схизматиком приобщение имети в молитвословии, в ядении, в питии и любви».

Дальнейшие поиски мы вели в западных районах области, граничащих с Латвией и Литвой. В с. Полесье Поставского р-на Д. И. Гашенко передал нам сборник 1852 г., переписанный бомбардиром Гераспом Никитиным Поповым и содержащий Сказание о Тихвинской иконе Богородицы со службой и чудесами (список с гродненского издания 1789 г.), Слова и поучения Иоанна Богослова, Иоанна Дамаскина, Андрея Критского, Иоанна Златоуста и др. Мы ознакомились также с рукописями и книгами, принадлежавшими Куклянкой старообрядческой часовне, и привезли несколько образцов помянников 1885—1906 гг. местного письма. Некоторые из них сохранили имена переписчиков: Патрикия Федорова, Калистрата Кузнецова, М. К. Зубкова, Лариона Горбоносова. Помянники орнаментированы, встречаются изображения голгофского креста, гроба, лестовки; в помяннике Ф. Т. Тащенко переписан стих «Гробе мой гробе, темной мой доме. . .». В г. Видзы Браславского р-на единственный наш адресат М. Е. Бирюлин подтвердил, что вряд ли можно рассчитывать в городке на значительные находки. Мы приобрели у М. Е. Бирюлина рукописный

Требник 1835 г., дополненный Святцами, Сказанием о молитве Иисусовой, Сказанием о лестовке. Возможно, что переписчиком всей рукописи был Артемий Абрамович Колпаков, полууставные и скорописные пометы которого сохранились на листах книги.

Не принесло находок обследование Миорского р-на и г. Полоцка. Правда, здесь тоже сохраняются в основном книги «преображенской» печати, но встречаются и рукописные певческие, в том числе орнаментированные поморские. В Полоцке довелось нам видеть несколько рукописей, среди которых был «четый» житийный сборник, переписанный Гавриилом Алексеевичем Гуковым. Гуков долгое время был наставником в Ловше, а умер в Полоцке в 1942 г. в возрасте 96 лет.

Последние дни экспедиции мы провели в г. Невеле. Здесь еще до недавнего времени существовали три старообрядческие общины, были и рукописи. Сначала мы навестили Е. Н. Филатова и ознакомились с остатками его книжного собрания. Книги поздние, а единственная книга XVII в. (Минейная общая) принадлежала в свое время, судя по вкладной записи, Изборскому девичьему монастырю. Рукописи тоже переписывались уже в XX в. Среди них оказался, однако, фрагмент значительно большего когда-то по объему сборника 1-й трети XVIII в. На сохранившихся 22-х листах сборника переписана Повесть о крестном сыне, дополненная на последнем листе сентенцией: «Ищай чужаго свое погубляет». Эта повесть, как и гектографированное издание «Беседы А. А. Надеждина с протоиереем Казанского собора в Сызрани в 1888 году», была подарена Е. Н. Филатовым археографам.

Еще шесть рукописей передала нам И. Н. Савина. Муж ее, Никифор Андреевич, долгое время был наставником одной из невельских общин и книгу любил. К сожалению, после его смерти некоторые книги остались в небрежении, и сцементировавшиеся от чердачной сырости книжные блоки производят тягостное впечатление. Лучше сохранились книги, оставшиеся в комнатах. Из числа привезенных нами рукописей Шестоднев служебный, переписанный в XVIII в., и Устав о христианском житии (с дополнениями) начала XX в. нуждаются в срочной реставрации. Среди других, лучше сохранившихся рукописей выделяется украшенный заставками Месяцеслов 1801 г., одна из начальных статей которого («Сказание окозрительному знамени ко всякому числу») представляет собой систему уточняющих обозначений для ведения службы. Почерк и оформление этой рукописи и учительного сборника 1810 г., привезенного в этом году северодвинской экспедицией из-под Архангельска, совпадают. Избранные Святцы 1862 г. имеют владельческие пометы «свенянского мещанина» С. С. Зубкова и И. Ф. Белого. Чин бракосочетания, переписанный полууставом в начале XX в., дополнен карандашными уточнениями относительно «брадобривцев». В XX в. переписан и сборник запрещательных молитв со Сказанием о рукописании Адамовом, также подаренный нам И. Н. Савиной. Из рукописей в доме остался только Канонник, переписанный в начале века Иларионом Алексеевичем Дубковским, жившим где-то близ Новосокольников.

В результате археографической экспедиции в Витебскую область Белорусское собрание Древлехранилища пополнилось 30 рукописями XVIII—XX вв. Перспективы поисков в этом районе, казалось бы, довольно ограничены, тем более что мы не были здесь первыми собирателями рукописной старины. Однако сплошное археографическое обследование района предпринималось впервые. И можно утверждать, что сведения, полученные в ходе экспедиции, подкрепленные самим рукописным материалом, дают достаточные основания для продолжения поисков.

Г. В. МАРКЕЛОВ

Прибалтийские находки 1979 года

Фонд древнерусских рукописей, найденных у русского старожильческого населения в Прибалтике, возрастает в Древлехранилище Пушкинского Дома с каждым годом. Более чем на 50 рукописей увеличился этот фонд и в 1979 году — юбилейном для Древлехранилища им. В. И. Малышева. В Прибалтику была направлена археографическая экспедиция, в которой принимали участие автор этих строк и научный сотрудник ИРЛИ В. Е. Багно. Экспедиция работала с 1 по 15 сентября в некоторых районах Эстонской ССР и Латвийской ССР.

На первом этапе нашей экспедиции мы побывали в не раз обследованной археографами местности: на западном берегу Чудского озера. Как всегда, мы начали с обхода знакомых адресов в деревнях близ городка Муствее. У жительницы д. Омеду А. Н. Гужовой был приобретен объемистый сборник XIX в. (№ 195),¹ составленный местным переписчиком. В нем содержится свыше 70-ти повестей из Великого Зеркала, повести об Иверской иконе Богородицы, о царе Агее, об именитом человеке Иоанне, о покаянии Феофила-эконома, о Варваре разбойнике, сказания о пьянстве и хмельном питии, Макариево видение, Притча о богатом, Сказание о 12 снах царя Мамера, большое количество слов и поучений отцов и учителей церкви, выписки из разных книг, Прение Павла Прусского со старообрядцами, «Меч Духовный» Алексея Самойловича, «Альфа и Омега», каноны избранным русским праздникам и нарочитым святым. Судя по большому количеству повестей из Великого Зеркала, находящихся во многих рукописных сборниках Причудского собрания, как например, и в сборнике А. Н. Гужовой, в Причудье бытовал и пользовался большой популярностью у переписчиков и читателей старинный список Великого Зеркала, найти который пока не удалось.

В д. Рая (Раюши) после многолетних попыток нам наконец-то удалось осмотреть остатки обширной некогда библиотеки местного собирателя Калистрата Антоновича Малышева. На чердаке одного из домов нам показали груды книг, брошюр и журналов. Библиотека по составу весьма характерна для старообрядческого книжника-начетчика: старопечатные издания, в том числе издания XVII в., книги старообрядческих типографий, богословско-учительная литература, книги по истории, философии, немного художественной литературы. Были у К. А. Малышева и рукописи. Около десятка из них ранее попали в состав Причудского собрания Древлехранилища. Ныне мы приобрели еще 6 рукописей. В их числе: Сборник певческий на линейных нотах начала XVIII в. (№ 191) киевского знамени с различными знаками альтерации и транспозиции (диезы и бемоли) в раз-

¹ Цифра в скобках означает шифр рукописи собрания (Причудского, Латгальского или коллекции И. Н. Заволоко) в зависимости от места приобретения.

личных ключах, фрагменты певческих и богослужебных сборников, апокрифические вопросы и ответы (№ 197), Похвальное слово (русское) на Покров Богородицы (№ 206) и другие рукописи XIX—XX вв. работы причудских книгописцев.

Три рукописи, также местного письма, подарил нам в городке Калласте А. Ф. Ноев. Рукописи принадлежали отцу дарителя — калластевскому наставнику Ф. Я. Ноеву. В одной из них (№ 193), переписанной А. И. Жбановым в 1886 г., содержится любопытная апология брака «Брачное врачество» — сочинение Павла Любопытного,² содержащее церковно-исторические свидетельства о бракосочетаниях. В этом же сборнике имеются сказания о происхождении табака, повести о жидовине, кокоше и яйце, о танцевавшей девице, об игроке, о пьяницах, а также чины бракосочетания. Рукописи из Калласте включают апокрифы ветхозаветные, каноны и тропари русским святым и подвижникам.

Из Калласте мы направились в причудские деревни Тартуского р-на Казепель и Кольки. Здесь нам предстояло обследовать близлежащую д. Муравьевку, но она оказалась малоперспективной в археографическом отношении, так как была основана в 1929 г. У тамошних жителей — старообрядцев — имеются на руках только печатные славянские издания, а моленную они посещают в д. Кольки. В Казепели нам повезло больше. У Л. И. Кузнецова мы приобрели две рукописи и старопечатную «Диоптру» (Кутеино, 1651 г.). В рукописном сборнике XIX в. (№ 198) содержатся слова и поучения Анастасия Синайского, Иоанна Златоуста, Нектария епископа, Григория Антиохийского, Нифонта (о русалиях), повесть об Исаакии, мнихе печерском, главы из ветхозаветных книг пророка Даниила, Ездры и др.

Затем, через Тарту, по р. Эмайгы и Чудскому озеру мы добрались до острова Пийрисаар, на котором бывали археографы около 20 лет назад. На этом небольшом острове в двух деревеньках Межа и Желачек живут русские старообрядцы, действует одна моленная (в д. Желачек). Моленную мы осмотрели с согласия наставника Д. Т. Ильина. На клиросе, как и в большинстве других причудских моленных, были рукописи богослужебного и певческого содержания и старопечатные издания, в частности напрестольное Евангелие (М., 1634 г.), Евангелие учительное (М., 1628 г.), Триодь цветная начала XVII в. и другие книги. Однако в большинстве домов пийрисаарских жителей рукописных книг мы не встретили. Только у рыбака И. Д. Булкина мы приобрели сборник апокрифов местного письма начала XX в. (№ 204). В доме наставника Д. Т. Ильина, как нам было известно, находился рукописный план острова XVIII в., но его, по словам владельца, увезли в Тарту, вероятно, в ЦГИА Эстонской ССР.

Причудское собрание увеличилось на 18 рукописей, а общее число рукописей фонда достигло 208. За последние годы в Причудье было найдено около 90 рукописей,³ но, вероятно, рассчитывать впредь на ценные археографические находки здесь уже не приходится: рукописно-книжная традиция угасла.

С острова Пийрисаар через Чудское озеро по реке Великой мы добрались до Пскова. Целью поездки во Псков было посещение местного старообрядческого наставника М. А. Елифанова, который присылал в Пушкинский Дом рукописи, в частности великолепный лицевой Апостол XV в.

² См.: Н. И. Костомаров. История раскола у раскольников. — Вестник Европы, 1871, кн. 4, с. 525.

³ В декабре 1978 г. в Причудье кратковременно побывал сотрудник Сектора древнерусской литературы ИРЛИ Д. М. Буланин. Он привез 8 рукописей в основном певческого и богослужебного содержания и один сборник 1914 г. письма М. И. Беззубова (№ 187) с повестями о царе Агее, о Федоре купце, духовными стихами и др.

За недосугом хозяина мы очень бегло осмотрели его обширную библиотеку, но видели среди прочих книг несколько рукописных сборников литературного и полемического содержания. После осмотра старообрядческой моленной, помещающейся в Завеличье в церкви XVI в. «Никола от каменной ограды», мы отправились в г. Резекне.

Обследование старообрядческих деревень Резекненского р-на (Латгалия) — следующий этап нашей экспедиции. И здесь уже было много знакомых адресов, но мы начали с еще необследованных пунктов. Мы обошли несколько деревень, расположенных вокруг большого живописного озера Резно. Поиски были успешными. В д. Астицы у А. А. Алексева мы приобрели 10 старообрядческих гектографированных изданий, представляющих собой воспроизведения рукописей певческого, церковнослужебного, учительного, учебного, уставно-канонического характера (№ 127—136). Старообрядческие гектографы, выпускавшиеся подпольно в конце XIX — начале XX в., почти не изучены, а между тем они в изобилии встречаются в старообрядческих библиотеках и, видимо, занимали немаловажное место в истории поздней рукописно-книжной традиции в демократической среде как по своей распространенности, так и по своему влиянию на содержание и облик продукции местных переписчиков.

Наставница из д. Липушки П. Г. Иванова подарила Пушкинскому Дому два датированных литературных сборника. В одном, 1877 г., местного писца Лариона Буцева (№ 123), находятся Страсти Христовы, Память Антония новгородского, слова на Рождество Христово (русское), о злых женах, о пьянстве, Свиток Иерусалимский, Повесть о милостивом купце и его дочери и злой жене, жития Кирика и Улиты, Евстафия Плакиды и др. В другом сборнике, также местного письма 1888 г. (№ 124), содержатся слова и поучения Палладия мниха, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста, апокрифы о Макарии Египтянине, повести из патериков, Лимониса, Пролога, повесть о купце и разбойнике, поучение к детям о почитании родителей и др. Сборники переписаны четкими полууставными почерками на толстой бумаге, любопытны как характерные образцы Латгальской рукописно-книжной традиции.

Затем мы обследовали ряд деревень вблизи г. Резекне: Дорошкевичи, Столярово, Минкино, Братово и др. Рукописей здесь приобрести не удалось. Между тем этот район старообрядческой глубинки известен своими деятелями XIX — начала XX в.: начетчиками-книжниками Суворовыми (д. Бесовка), П. И. Карпушенко (д. Речини), здесь же некогда был центр «скриповцев» — ответвления федосеевского толка, отсюда распространялись по Прибалтике, доходя, впрочем, даже до Москвы, сочинения местных полемистов, апологетические и обличительные послания, велась переписка древних рукописей, часть из которых была собрана И. Н. Заволоко и находится ныне в Пушкинском Доме.

В нескольких десятках километров от Резекне находятся деревни Парамоновка и Заболотье, уже известные археографам. Здесь нам удалось найти ценные рукописи. В Парамоновке у А. М. Богданова мы приобрели 6 рукописей XVIII—XIX вв., среди них и самая интересная находка экспедиции — список конца XVIII в. Повести о боярыне Морозовой (№ 121). В рукописи не хватает первого и нескольких последних листов, на остальных же 39 листах, переписанных красивым полууставом, содержится текст пространной редакции Повести. Существенных отличий от недавно опубликованного новонайденный список не имеет, хотя и содержит некоторые разночтения.⁴ Остальные рукописи, подаренные А. М. Бог-

⁴ Ср.: Повесть о боярыне Морозовой. Подгот. текстов и исследование А. И. Мазунина. Л., 1979, с. 128—151.

дановым, представляют собой Канон явлению Казанской иконы Богородицы (№ 120, XVIII в.), Канон Николаю Чудотворцу (№ 117, XVIII в.), сборник певческий на крюках (№ 126) и две певческие азбуки, в одной из которых (№ 137) имеются «Строки и попевки на 8 гласов», «Фиты в лицах и розводах» и другой учебно-теоретический материал для роспевщиков. В Парамоновке мы приобрели еще одну рукопись у Е. И. Дубровой. Это сборник XVIII в. (№ 118), содержащий повести о Федоре купце, о бесе Зерефере и старце Антонии, о страданиях Харлампия Магнисийского, Григориево видение, старообрядческое сочинение о силе крестного знамения и другие произведения. Посетили мы Ф. Л. Борисенко. Он был болен, но принял нас любезно и пообещал передать Пушкинскому Дому хранящийся у него лицевой Апокалипсис XVIII в.

Далее мы побывали в небольшой деревне Заболотье. С особенной благодарностью вспоминаем мы местную жительницу К. В. Панину, большую любительницу старинной книжности, головщицу Тискадской моленной. Она подарила Пушкинскому Дому 4 рукописи: Сборник поучений Аввы Дорофея, XVIII в. (№ 119), певческую Азбуку (№ 122) и еще одну крюковую Азбуку (№ 140), переписанную в 1927 г. крестьянином Режицкого уезда, Узулмуйжеской волости д. Лоси Н. И. Добринским, а также сборную рукопись XIX в. (№ 125), в состав которой входят жития и памяти Алексея человека божия, Козьмы и Дамиана, Андреяна и Натальи, Тита-презвитера, повести о девице пастуховой дочери, об Иверской иконе Богородицы, из Великого Зерцала, Пролога и патериков, апокрифы, поучения о книжном почитании и др. В гостеприимном доме Г. С. Шнитова мы получили в дар рукопись «Толкования на слово в неделю 25-ю по памяти всех святых о последних днях и казнях божиих Иоанна Златоуста» (№ 138). Рукопись интересна тем, что она не Латгальского, а Причудского происхождения, это видно по характерным заставкам и полууставному почерку, сходным с рукописями Причудского собрания № 76, 142, 82, 74 и др., переписанными жителем Причудской деревни Малые Кольки С. М. Кукиным-Белокуровым на протяжении последней трети XIX в. То, что рукопись из Малых Колек оказалась в Заболотье, лишний раз свидетельствует о книгообмене между Латгалией и Причудьем. Наконец, в Заболотье мы получили еще одну рукопись. Владелица ее Ф. П. Громова, узнав, что мы интересуемся рукописной стариной, догнала нас уже на автобусной остановке и вручила тетрадку, сокрушаясь, что более ничего нет. Это оказались апокрифы Сон Богородицы и Сказание о 12-ти пятницах, переписанные Л. И. Грозовым в 1959 г. (№ 141).

В этот раз за недостатком времени мы не попали в д. Тискады. В местной моленной, по сведениям И. Н. Заволоко, издавна хранится беспометная певческая рукопись, вероятно, XVI или даже XV в. Не застали мы и тискадского наставника А. Т. Данилова, известного книжника-начетчика. Зато у нас остались самые теплые воспоминания о жителях Парамоновки и Заболотья и, главное, уверенность в необходимости проводить археографические изыскания в Резекненском р-не и в дальнейшем.

В Резекне нас ожидала еще одна любопытная находка. А. Т. Буров, от которого Пушкинский Дом получил уже несколько ценных рукописей, предложил нам старопечатное Евангелие учительное, изданное в типографии Мамоничей в 1595 г. с досок Ивана Федорова. Теперь этот редкий экземпляр находится в Отделе редкой книги библиотеки ЛГУ.

В итоге нашей поездки в Резекненский р-н Латвийской ССР Латгальское собрание Пушкинского Дома пополнилось 25-ю рукописями. Нами были установлены новые адреса латгальских книжников и держателей старины, определены перспективные районы археографических поисков.

В 1979 г. в наше Древлехранилище поступили из Латвии еще две рукописи. Их привезли с собой в ноябре сотрудники Фонограммархива ИРЛИ С. В. Фролов и В. П. Шифф, ездившие в Ригу и Даугавпилс со специальной командировкой. Одна из рукописей представляет собой объемистый певческий сборник середины XVII в. (№ 142), в состав которого входят списки стихов покаянных; другая рукопись XIX в. (№ 143) содержит скитское покаяние и каноны. Обе рукописи получены от гривского наставника П. Т. Стрелкова (г. Даугавпилс).

Наша экспедиция завершилась в Риге, где мы посетили И. Н. Заволоко и Гребенщиковскую старообрядческую общину. И. Н. Заволоко, как всегда, в пополнение своей коллекции, находящейся в Древлехранилище Пушкинского Дома, передал нам несколько рукописей из своих последних находок.⁵ Это были: 4-я часть «Пандектов» С. Гнусина, содержащая разделы о церковных таинствах и иноческом чине (№ 329), крюковой Ирмологий XVIII в. (№ 328), старообрядческие полемические послания Е. С. Суворова (№ 331), богослужебные рукописи (в частности, служба Никодиму Кожеозерскому — старообрядческий гектограф начала XX в., № 332), а также подборка материалов о первопечатнике Иване Федорове, собранных рижанином историком-любителем И. М. Шориним, содержащих переводы латинских и украинских архивных документов, таблицы жизни и деятельности первопечатника (№ 333). Ныне коллекция И. Н. Заволоко содержит свыше 330 единиц и, как мы надеемся, еще будет пополняться.

Вместе с находками 1979 г. Прибалтийский фонд Древлехранилища достиг почти 680 рукописей и по своей историко-культурной ценности не уступает другим территориальным собраниям Пушкинского Дома. За последнее время вышло несколько научных исследований, посвященных разным аспектам изучения старинной русской культуры в инациональной среде в Прибалтике.⁶ Однако существование у русского старожильского населения развитой рукописно-книжной традиции не отмечено исследователями. Между тем изучение фондов Древлехранилища Пушкинского Дома обогатило бы представление о духовной культуре старинных русских «островков» в Прибалтике, о литературных вкусах и запросах, о круге чтения в крестьянских домах. Без этого история культуры демократических слоев населения в прошлом будет далеко не полной.

⁵ Ранее, в апреле 1978 г., И. Н. Заволоко передал Пушкинскому Дому 19 рукописей и редких изданий, сведения о которых еще не публиковались. Среди них послания и бумаги книжников-старообрядцев Е. С. Суворова, М. Е. Суворова, Г. Е. Фролова; сборники полемического и апологетического содержания (гектографы, изд. П. М. Безводина, Д. В. Батова и др.); журнал «Истина» старообрядческого издателя Константина Голубцова, выпускавшийся в славянской типографии А. Гонсеровского в Иоганнесбурге, Восточная Пруссия. Выпуски: I том — январь 1863 г., июль 1863 г., апрель 1864 г., март 1865 г., декабрь 1866 г., II том — кн. 1 и кн. 2 за 1867 г., кн. 3 и 4 за 1868 г. В журнале имеются статьи, адресованные герценовскому «Колоколу», Н. П. Огареву и др.

⁶ См., например: Е. В. Р и х т е р. Русское население западного Причудья. Таллин, 1976; Т. С. М а к а ш и н а. Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М., 1979.

Н. И. НИКОЛАЕВ

Пинежская экспедиция 1979 года

Археографическая экспедиция Научной библиотеки ЛГУ проходила в июле 1979 г. в Пинежском р-не Архангельской области. В работе экспедиции принимали участие студенты 2 курса филологического факультета ЛГУ А. Г. Бобров, О. Р. Николаев и автор настоящего сообщения. По традиции эта работа проводилась в тесном сотрудничестве с Древлехранилищем им. В. И. Малышева Пушкинского Дома. После почти ежегодных и очень результативных экспедиций на Пинегу 60-х гг., когда были налажены устойчивые связи с населением и был обследован практически каждый дом, участники экспедиции этого года оказались по существу в новой археографической обстановке. Вероятно, сказался долгий перерыв в экспедициях: последняя из них — студентов филологического факультета ЛГУ — была в 1971 г., и ее результаты, более скромные по сравнению с предыдущими, не давали особых надежд на этот год. К тому же надо учесть, что Пинежское собрание — одно из самых больших территориальных собраний Древлехранилища — насчитывает ныне около 600 рукописей.¹

В первый пункт по маршруту экспедиции — с. Пинега — мы прибыли, чтобы встретиться с давним другом и корреспондентом В. И. Малышева, собирателем книжной старины В. И. Стирмановым и получить от него сведения о местных книжниках. Здесь мы с прискорбием узнали, что основатель и организатор замечательного Пинежского краеведческого музея скончался минувшей весной. После осмотра книг в музее мы отправились на теплоходе в Чаколу, с которой и начали сплошное, по возможности, обследование селений по среднему течению р. Пинеги. Но прежде столь богатые книжностью места давали в этом году лишь случайные находки.

В районе Чаколы житель дальней д. Конецгорье К. М. Ошурков передал нам хранившийся у него несколько десятилетий объемистый сборник конца XVIII—XIX вв., содержащий Житие Василия Нового (список с печатного издания 1795 г.), Слово о обретении Макарием Египетским главы человеческой, Житие Мартинаана черноризца, Сказание о явлении ангела в пустыне Макарию Египетскому, Слово Палладия мниха о втором пришествии и другие памятники. От жительницы той же деревни Ф. П. Юдиной мы получили печатную Псалтирь XVIII в. Другая Псалтирь XVIII в. поступила от чакольского жителя К. П. Просвирнина. Поход в д. Шеймгора не дал никаких находок.

С таким же результатом участники экспедиции после переправы на правый берег Пинеги вернулись из путешествия в деревни Водо-

¹ См. отчеты о предыдущих экспедициях на Пинегу в следующих томах ТОДРЛ: XX, XXV—XXVIII.

гора и Юбра, где жителей теперь уже практически не осталось. В Веегоре, славившейся некогда своими фольклорными традициями, от молодого служащего совхоза Н. Л. Рюмина к нам поступил Номоканон последней трети XVII в. Эта рукопись переписана часто встречающейся на Пинеге скорописью, восходящей, по предположению В. И. Малышева, к школе Афанасия Холмогорского. В Веегоре же нам было подарено Житие Василия Нового старообрядческой печати начала XIX в.

Во время пешего перехода от Веегоры в Чешегору участники экспедиции обследовали деревушки Шаста, Кочмогора, Турья, где ничего не было обнаружено кроме синодальных изданий конца XIX—начала XX в. Вообще на Пинеге мы столкнулись с фактом вторичного скопления у отдельных лиц именно этих книг, хотя среди них изредка попадаются и ранние издания.

В Чешегоре Т. Н. Малыгина передала нам рукописный канон за единоумершего начала XIX в. с владельческой записью того же времени: «Пинеской округи Карпагорской волости Ваймуского селения крестьянина Степана Попова, руку приложил прошением крестянина Степана Попова для Федора Коровина»; а в расположенной напротив, на левом берегу, Пиринеми удалось обнаружить клинцовскую Псалтирь 1786 г.

Далее вверх по течению Пинегы в деревнях Шотогорка и Березник удалось напасть на след крестьянской библиотеки Шиловых 1-й половины XIX в. Одна из книг этой библиотеки — «Молодым детям наука» Эразма Роттердамского (М., 1788) — была подарена нам в Шотогорке М. В. Холмовской. Две другие, тоже с владельческими записями Шиловых, а также других крестьян-читателей (отсюда видно, как широко эти книги обращались в крестьянской среде), нам показывали в Березнике. Это — служба и Житие Никандра Псковского (М., 1799) и экземпляр журнала «Ежемесячные сочинения» (СПб., июль—ноябрь 1764 г.), последняя с владельческой записью Василия Шилова от 20 декабря 1837 г.

Затем экспедиция перебралась к устью притока Пинегы — Покшеньги, откуда вверх по Покшеньге по обоим берегам подряд на много километров расположены одна за другой деревни, в которых в прошлом было сделано много замечательных находок. Участники экспедиции обошли почти весь этот куст деревень — Кобелево, Красное, Лохново. В Лохново был найден Цветник, изданный в Гродно в 1795 г. В дальних деревнях Большое и Малое Кротово находок было больше. В их числе рукописный канон за единоумершего начала XX в., печатный Пролог (июль—август) 1780-х гг., московское издание Бесед на Книгу Бытия Иоанна Златоуста 1766 г. В д. Малое Кротово было обнаружено редко встречающееся издание Псалтири 1636 г. работы печатника Василия Федорова Бурцова (дар А. Е. Хариной).

Равномерная малочисленность находок вынудила нас, чтобы не прийти к отрицательному заключению об археографическом потенциале всего района, перебраться сразу из Покшеньги вверх по течению р. Пинегы в Кушкопалу, пропустив ряд селений. Здесь участники экспедиции разделились. В то время как автор статьи совершал в течение нескольких дней безрезультатные походы в д. Еркино, А. Г. Бобров и О. Р. Николаев успешно работали в Кушкопале. В той части деревни, которая прилегает к реке и называется Волость, где раньше была старообрядческая моленая, Е. С. Заварзиной был подарен рукописный Месяцеслов с «Триодионом» последней четверти XVI в. Среди многочисленных приписок разного времени рукопись сохранила и имя местного ее переписчика: «Дъячек Дениско, Ильин сын, промьенил книгу сию полууставье своего писма Трофиму, Петрову сыну, и миряном Лавелской волости и Сурской, а в дом Ильи Пророку в Лавелу, а взял на кните двадцать алтын денег и руку свою

приложил». Эта писцовая запись позволит соотнести по почерку эту рукопись с другими рукописями Пинежского собрания. И если прежде нам было известно, что крестьянские библиотеки на Пинеге вели свое начало с XVII в., то теперь можно говорить о XVI в. Кроме того, заслуживает внимания приписка почерком XVIII в.: «Сия книга 7106 года». Две рукописи XIX в. поступили от Т. В. Вахрамеевой (Волость), одна из них — «Последование о усопших» последней четверти XIX в. — содержит писцовую запись: «Писал Евдоким Матвеев Южаков. Не осудите, Алексей Онакин, где ошибаюсь или нету сил или точек и запятых, то сами можете, а грешнаго человека не судите, праздна слова не говорите, о том простите бога ради». А среди книг кирилловской печати оказался еще один экземпляр бурцовской Псалтири 1636 г. (от М. К. Худяковой).

Во время путешествия по Пинеге мы уже не встретили прежних любителей чтения, знающих толк в вопросах «древлего благочестия». Только в д. Еркино еще осталась известная археографам А. С. Порохина, слышавшая от отца, что «рукой писанные книги правильнее». Она же рассказала, что учил ее отца старой вере в Питере артельщик Иван Яковлевич Немиров, чей дом до сих пор стоит в Карпогорах. Но с ее собранием и нам не удалось познакомиться. Кроме того, она приоровилась к новым условиям. — Слишком увеличилось на Пинеге в последние годы число частных «охотников» до книг — раздает книги соседкам.

Последние дни экспедиции прошли в с. Карпогоры, откуда мы совершали поездки в окрестные деревни. В д. Немнюга от жителя с. Карпогоры А. П. Нетесова была получена рукопись 80-х гг. XVIII в. с владельческой пометой 1786 г.: «кеврольда с Ваймуши Григорья Иоанова сына Рудакова». В ее составе «Азбука от книги осмочастния, сиречь граматика», толковая азбука, «Сказание, како состави святыи Кирил Философ азьбуку на языку словенску и книги преведе на словенский язык», молитва «на учение грамоте детям». В Немнюге же найдены рукописные фрагменты и несколько печатных книг. В д. Шардонемь были обнаружены рукописная тетрадка первой четверти XIX в. и книга «Ответы Александра Дякона на Керженце» (приложение к журналу «Старообрядец» 1906 г.) кирилловской печати с рукописи. С Б. Н. Яковлевым, лет 10 тому назад передавшим рукописные материалы своей матери в Древлехранилище, мы встретились в д. Шотова гора. Борис Николаевич передал нам «Розыск о брынской вере» Димитрия Ростовского (М., 1745). В этой книге из местной церкви имеется изящно оформленная запись о чтении ее в Архангельске коллежским асессором Евграфом Либеровским 10 декабря 1810 г.

Всего в этом году было привезено с Пинег и поступило в Древлехранилище 10 рукописей XVI—XX вв., а также некоторое число писем и других бумаг 2-й половины XIX — начала XX в. Это немного, но даже и в этих скромных находках отразилась древность и непрерывность пинежской рукописной традиции. В Отдел редких книг Научной библиотеки ЛГУ поступило 17 изданий кирилловской печати XVII—XX вв. Среди них Псалтирь с воследованием (М., 1710-е гг.), которая является редким, не учтенным в библиографии изданием, что еще раз говорит о необходимости собирания и учета синодальных изданий 1-й половины XVIII в.

И вот еще что необходимо отметить. Настороженность пинежан, вызванная нашествием так называемых любителей старины, сразу рассеивалась, когда они слышали, что мы археографы из Ленинграда. На Пинеге добрую память о себе оставили экспедиции 60-х гг. мальшевской школы археографии: опыт человеческого общения с хранителями и дарителями книг столь же важен для исследователя, как и сами памятники рукописной и печатной традиции.

Т. Ф. ВОЛКОВА, А. М. ГРАЧЕВА

Рукописные и старопечатные книги с Северной Двины

В июле 1979 г. состоялась археографическая экспедиция студентов филологического факультета ЛГУ на Северную Двину.¹ Целью экспедиции было продолжение археографического обследования Виноградовского и Верхнетоемского р-нов Архангельской области, начатого в 1970 г. и проводившегося с тех пор ежегодно.² Экспедицией 1979 г. были обследованы 4 крупных населенных пункта, расположенных по берегам Северной Двины и ее притоков, — села Топса, Борок, Пучуга и Нижняя Тойма.

Работа студенческой экспедиции началась уже в Архангельске. В с. Нижнее Ладино, расположенном недалеко от города, удалось приобрести интересный рукописный сборник с писцовой записью 1810 г., в котором содержались слова и поучения Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Палладия мниха, Дионисия Ареопажита, ряд произведений Максима Грека, многочисленные выписки из Пролога. В дальнейшем участники экспедиции разделились на три группы.

Первая группа, в составе Т. Ф. Волковой, аспирантки ИРЛИ А. М. Грачевой, выпускницы ЛГУ Э. Х. Давлетшиной, студенток Е. П. Ширмаковой и Е. Э. Терентьевой, приступила к обследованию деревень Топецкого сельсовета; в Пучугу направились И. А. Евсеева, Е. Д. Захарова и Г. В. Никул; остальные участники экспедиции — Е. В. Литвинова, Н. П. Гашкова и Г. А. Юринова — начали работу в Нижней Тойме.

Обследование Топсы было начато с посещения известных ленинградским археографам хранителей рукописной и старопечатной книги. Прежде всего мы побывали у Ф. П. Бекетовой, которая неоднократно передавала ценные рукописи в Древлехранилище ИРЛИ. На этот раз от нее были получены рукописные Святцы начала XIX в. в берестяном переплете, обтянутом кожей, украшенные рисованными пером заставками, и фрагмент Евангелия от Матфея (рукопись начала XX в.). В д. Гуликовщина студенты-археографы были тепло встречены М. А. Шалагиной, рукописи которой также имеются в Северодвинском собрании ИРЛИ. Теперь к ним прибавились еще 3 рукописные книги. Одна из них — Псалтырь последней четверти XVI в. с вкладной записью 1584 (?) г. — стала самой древней из находок нашей экспедиции. Две другие рукописи содержат духовные стихи, Плач Адама о рае, Разделение дел бога и дьявола и другие в списках XVIII в.

¹ Руководитель экспедиции — аспирантка кафедры истории русской литературы ЛГУ им. А. А. Жданова Т. Ф. Волкова.

² См. отчеты об археографических экспедициях на Северную Двину в следующих томах ТОДРЛ: XXVII—XXIX, XXXI—XXXIV.

Сплошное обследование топецких деревень выявило ряд неизвестных ранее владельцев рукописей и книг и пополнило находки экспедиции еще 3 рукописями. Две из них получены от Н. С. Дерягиной. Это Псалтырь последней четверти XVIII в. с пометами и записями начала XX в., сделанными рукой П. А. Дерягина (среди которых, в частности, рецепт для оставления крови), и Устав о христианском житии последней трети XIX в. Еще одна рукопись — богослужебный сборник 20-х гг. XIX в., содержащий чин погребения, последование четьередесятницы и кондаки (царевичу Дмитрию, Сергию Радонежскому, митрополиту Филиппу и др.), — была найдена в д. Савино у А. А. Федосеевой. Ею же были подарены экспедиции и 2 старопечатные книги: Азбучный патерик (Супрасль, 1791) с многочисленными читательскими записями на полях, сделанными в 80-е гг. XIX в., и Устав о христианском житии конца XVIII в. В другой деревне Верхней Топсы был найден печатный конволют, в котором фрагмент московской Псалтыри 1651 г. был приплетен к супрасльскому изданию 1786 г. Службы всем святым Российским. Закончив первый этап обследования Топсы, работавшие здесь археографы переехали в район Борка.

Группа, прибывшая в Пучугу, также начала работу с посещения домов, где уже бывали участники археографических экспедиций. В. П. Колодкин, у которого сохранились остатки некогда большой библиотеки пучужского книжника И. Ф. Колодкина, подарил Древлехранилищу ИРЛИ еще 3 списка лицевых Святцев XIX в. местного пучужского письма. Учительница-пенсционерка А. Ф. Масленникова, создательница народного краеведческого музея в Пучуге, передала посетившим ее археографам два издания старообрядческих типографий: Цветник (Гродно, 1794) и Псалтырь (Вильно, 1784). Вместе с директором пучужской школы Л. Д. Шкрябиной участники экспедиции осмотрели экспонаты школьного музея, которые сейчас из-за отсутствия помещения для музея хранятся в ящиках, запертых в сарае во дворе школы. Среди экспонатов оказалось также несколько книг кирилловской печати. Две из них (Житие Сергия Радонежского, Никона и Саввы Сторожевского. Клипцы, 1788 и Цветник XIX в., изданный в Почаевской типографии) Л. Д. Шкрябина передала нашей экспедиции. Е. А. Гledenova подарила рукописную Азбуку XIX в., для переплета которой использовано, в частности, донесение в Вологодскую удельную контору 1823 г., а супруги Севостьяновы — Устав о христианском житии, переписанный в 30—40-х гг. XIX в.

Следующим этапом работы пучужской группы было обследование деревень, значительно удаленных от центра. В д. Слуда археографы были радушно встречены И. Я. и А. М. Анисимовыми, которые подарили им рукописные Святцы конца XIX в., украшенные заставками, выполненными пером, черными и красными чернилами. В д. Шаповская от Н. Л. и А. Г. Шкрябиных были получены тетрадь с духовными стихами в списке XX в. и печатная Псалтырь с воследованием, изданная в 1793 г. В результате посещения д. Кодима было приобретено синодальное издание Пролога (март—август, М., 1702). В д. Анциферовская от П. Д. Конухиной был получен старообрядческий сборник-конволют конца XVIII—начала XIX в., содержащий рукописную повесть о патриархе Никоне. Была обследована и д. Анисимовщина. Здесь археографы познакомились с А. Я. Худяковой, у которой в настоящее время хранится небольшое собрание книг кирилловской печати, в основном начала XX в. Возможно, среди книг имеются и рукописи. Закончив обследование района, пучужская группа экспедиции, так же как и топецкая, переехала в Борок.

В Борецком сельсовете, как и в двух уже обследованных районах — Топсе и Пучуге, необходимо было продолжить работу с уже известными хранителями книжных собраний, одновременно проводя сплошное обследо-

дование отдельных деревень, так как практика предшествующих экспедиций показала именно эту методику наиболее плодотворной в северодвинских селах.

В первые дни нами были обследованы деревни Скобели, Фалюки и Задориха. Здесь на протяжении последних лет успешно велась археографическая работа. Тем не менее неожиданная находка ждала и нашу экспедицию. На чердаке одного из домов в д. Скобели среди домашней утвари и отживших вещей отыскан большой короб, наполненный книгами и отдельными рукописными листочками. Содержимое короба составили семь рукописных книг XIX в. Среди них: литературный сборник (Мартыново увещание, Житие Иоасафа царевича, выписки из седмитолкового Апокалипсиса), переписанный В. С. Вежливцевым; Устав о христианском житии в переплете И. С. Точилова; Псалтырь с инициалами этого же северодвинского книжника, помещенными в заставках; Часовник; Святцы 1825 и 1836 гг., также украшенные заставками, блаженны, кондаки и тропари, вплетенные между печатными изданиями Часовника и Монастырского устава конца XVIII в. В самой отдаленной деревне борецкого сельсовета Сельменьге, в прошлом богатой старопечатными и рукописными книгами, в этом году удалось приобрести лишь Скитское покаяние в списке последней четверти XIX в. и Псалтырь Почаевской типографии 1807 г. В д. Островок был найден литературный сборник 30-х гг. XIX в., в котором на 174 листах собрано до трех десятков различных произведений: слова и поучения (например, Петра черноризца «о временнем житии», Евгария мниха о спасении души, Василия Великого о гордости, Иоанна Златоуста о смерти), различные Чудеса (в частности, несколько Чудес Зосимы и Савватия Соловецких: о явлении Зосимы старцу Герасиму, Чудо Зосимы «как явиси на мори странствующим человеком» и др.), патеричные рассказы, выписки из Катехизиса; гимнографические тексты (каноны, тропари, кондаки); воспроизведены также записи Спиридона и Досифея о написании ими Жития Зосимы и Савватия.

Работа в Городке — самой живописной деревне Борка, расположенной вдали от центра почти на самом берегу Северной Двины, — каких-либо значительных находок не дала. У М. Н. Парфенова, родственника В. Ф. Парфенова, часть рукописного собрания которого вошла в Северодвинское собрание ИРЛИ, книг и рукописей не оказалось. Лишь у З. И. Чупровой сохранился Часослов 1793 г. Супрасльской типографии, который она и подарила археографам. Зато посещение д. Ропотиха в самом центре Борка принесло неожиданную удачу: семья Бокановских передала экспедиции все книги и рукописи, хранившиеся в их доме. По-видимому, в прошлом они составляли значительное собрание. Полученная нами коллекция состояла из трех рукописей (Святцы 1764 г. и две тетради с богородичными молитвами XX в.), шести книг кирилловской печати, нескольких изданий 2-й половины XIX в., а также отдельных рукописных фрагментов. Наибольший интерес в этом собрании представляют старопечатные книги: Пролог (март—август, М., 1643), «Альфа и Омега» (Вильно, 1786), Часовник (Супрасль, 1794), Святцы (Вильно, конец XVIII в.) и две Псалтыри того же времени.

В последние дни поисков мы побывали в деревнях Зауита и Затеда. В первой ничего приобрести не удалось. В Затеде книги оказались только у К. А. Пестовой, подарившей нам рукописный Месяцеслов 1860 г. и варшавское издание Цветника Аввы Дорофея 1785 г.

Закончив обследование Борка, почти все работавшие здесь члены экспедиции присоединились к нижнетоемской группе археографов. А. М. Грачева и Е. П. Ширмакова, согласно плану, вернулись в район Топсы, совершив пешеходный переход через деревни Рочегды. В д. Кур-

гомень они получили ряд полезных для будущей работы сведений. Возвращение в Топсу в конце экспедиции вполне оправдало себя. Н. К. Худякова, к которой мы не попали в начале экспедиции, оказалась дома и подарила археографам интересный по составу рукописный сборник XVIII в., содержащий разнообразные литературные тексты, главным образом назидательного характера: слова и поучения против блуда, матерной брани, хмельного питья, патериковые новеллы, выписки из Пролога, старообрядческие сочинения. Пополнилась и коллекция старопечатных находок — Цветником Аввы Дорофея 1789 г. В д. Герасим Двор был записан рассказ о местном переписчике Петре Гавриловиче Сысоеве: по словам его родственницы, Петр Гаврилович работал, как правило, по ночам, переписывал книги «на вышке», или в маленькой избе за домом, где у него был специальный стол. Писал он обычно куриным пером и чернилами, которые держал в приспособленной под чернильницу масленке. Закончив работу в Топсе, А. Грачева и Е. Ширмакова присоединились к остальным членам экспедиции, находившимся в Нижней Тойме.

Работа в этом селе с самого начала проходила удачно. Как и в предыдущие годы, археографы зашли в гостеприимный дом А. Г. Третьяковой, которая на этот раз подарила Древлехранилищу Пушкинского Дома старообрядческий рукописный сборник XIX в. (10—20-е гг.), содержащий синодик, старообрядческую компиляцию о праве простых иноков совершать пострижение, о целовании икон, о силе псалмов, выписки из Катехизиса. Архив нижнетоемского книжника В. И. Третьякова, хранящийся в ИРЛИ, пополнился еще двумя прорисями его работы. Из семьи Третьяковых вышел и приобретенный нами рукописный Устав о христианском житии 1904 г. Из других рукописей, найденных в Н. Тойме, необходимо отметить Ирмологион начала XVIII в., единственную крюковую рукопись, приобретенную нашей экспедицией.

Наиболее интересными книжными нижнетоемскими находками стали: Псалтырь с воследованием (М., 1627), не учтенная в библиографии русских изданий XVII в., Часовник (М., 1640-е гг.) и Диоптра (Кутеино, 1651).

Работа в Красноборском р-не Архангельской области не была запланирована. Однако полученные в ходе экспедиции сведения привели нас в с. Белая Слуда, где экспедицию ждали еще три ценные находки. Это прежде всего рукописная Псалтырь 1-й трети XVII в. с записью о вкладе книги «Дементеем Самсоновым Режеской волости», «вкладчиком и трудником»: «А по[д]писал сию книгу, глаголемую псалтырь, Двиницкой волости поп Флорище Иванов сын Озорников, а на прозвище Десятоище лета 7149 году генваря в 27 день. Аминь». Рукописный сборник конца XIX—начала XX в. частично переписан известным северодвинским писцом Федором Сметаниным и содержит Службу в четверг 5 недели поста и Житие Марии Египетской; Поучительные слова Ефрема Сирина, изданные в Москве в 1667 г., сохранили несколько владельческих записей. Первая сделана уже через год после напечатания Поучений Иваном Петровым сыном Калининым «на Москве». Из записей XIX в. явствует, что книга в течение нескольких десятилетий находилась на Северной Двине в крестьянской семье Сметаниных.

На один день выезжали члены экспедиции и в с. Афанасьевское, откуда был привезен рукописный сборник конца XVIII—начала XIX в., содержащий выписки из Измарагда, Житие Нифонта, стихиры.

Общий итог экспедиции — 44 рукописи XVI—XX вв. и 40 книг кирилловской печати XVII—XX вв. Находки этого года на Северной Двине показали, что этот район нуждается в дальнейшем археографическом обследовании и новые экспедиции целесообразны.

БИБЛИОГРАФИЯ*

Хронологический список трудов Льва Александровича Дмитриева

1951

- На выставке в литературном музее. (Выставка, посвященная 150-летию первого издания «Слова о полку Игореве», в Институте литературы АН СССР). — *Ленинский путь*, Путивль, 26 января.
- Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР. — В кн.: Доклады и сообщения Филологического ин-та ЛГУ, вып. 3. Л., с. 287—290.
- Юбилей первого издания «Слова о полку Игореве» (1800—1950). — *ТОДРЛ*, т. VIII. М.—Л., с. 415—423.

1952

- Слово о полку Игореве. Ред. М. Скрипиль. Л. 308 с. (Библиотека поэта. Большая сер.). Подгот. текстов; статья: «Слово о полку Игореве» — величайший памятник мировой культуры — с. 5—49 (совместно с В. Л. Виноградовой); примеч. — с. 233—305.

1953

- Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве». — *ТОДРЛ*, т. IX. М.—Л., с. 30—38.
- Сказание о Мамаевом побоище. Автореф. канд. дис. Л. 207 с.

1954

- О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — *ТОДРЛ*, т. X. М.—Л., с. 185—199.

1955

- Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — *ТОДРЛ*, т. XI. М.—Л., с. 140—155.
- «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований 1938—1954. Сост. Л. А. Дмитриев. Отв. ред. М. О. Скрипиль. М.—Л. 90 с.
- Ред.: Библиография древнерусской повести. Сост. А. А. Назаревский. Ред. Н. К. Гудзий и Л. А. Дмитриев. М.—Л. 192 с.

1957

- М. О. Скрипиль. (Некролог). — *ТОДРЛ*, т. XIII. М.—Л., с. 721—724.
- Список трудов М. О. Скрипиля. — *ТОДРЛ*, т. XIII. М.—Л., с. 725—730.
- Славяно-русские рукописи Отдела редких книг Латвийской гос. библиотеки в Риге. — *ТОДРЛ*, т. XIII. М.—Л., с. 579—580.
- Памяти Михаила Осиповича Скрипиля. — *ИОЛЯ*, т. XVI, вып. 4, с. 386—392.

* В настоящем томе мы помещаем списки работ старших научных сотрудников Сектора древнерусской литературы ИРЛИ Якова Соломоновича Лурье (род. 20 мая 1921 г.) к 40-летию научной деятельности и Льва Александровича Дмитриева (род. 18 августа 1921 г.) к 30-летию научной деятельности.

1958

- Повести о житии Михаила Клопского. Отв. ред. И. П. Еремин. М.—Л. 172 с.
 Факсимильные издания «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., с. 77—82.
 Ответ на 7-й вопрос Советского комитета славистов «Какие возникают задачи дальнейшего изучения „Слова о полку Игореве“?» — В кн.: IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., с. 31—32; то же. — ИОЛЯ, т. XVII, вып. 2, с. 190—191.
 Русские повести XV—XVI веков. Сост. М. О. Скрипиль, ред. Б. А. Ларин. Л. 488 с.
 Подгот. текстов: «Задонщина» — с. 9—15, «Сказание о Мамаевом побоище» — с. 16—38; статьи и примеч.: «Задонщина» — с. 341—348, «Сказание о Мамаевом побоище» — с. 349—365.

1959

- Повести о Куликовской битве. Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М. 512 с. (Сер. «Литературные памятники».)
 Подгот. текстов: «Сказание о Мамаевом побоище». Основная редакция — с. 43—76, Распространенная редакция — с. 111—162; примеч. к переводу Основной редакции (совместно с М. Н. Тихомировым) — с. 277—287; статьи: К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище — с. 406—448, Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище — с. 449—480, Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище — с. 481—509.
 Книга о рукописном отделе Библиотеки Академии наук. [Рец. на кн.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц, Вып. I, XVIII в. М.—Л., 1956. 483 с.; вып. II, XIX—XX вв. М.—Л., 1958. 398 с.] — ИА, т. IV. М., с. 231—233.

1960

- История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследование. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л. 378 с.
 Новонайденная повесть XVIII в. «История о португальской королеве Анне и о гшпанском королевиче Александре». — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., с. 490—505 (совместно с Ю. М. Лотманом).
 Собрание рукописей научной библиотеки Саратовского гос. университета им. Н. Г. Чернышевского. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., с. 554—560.
 Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского. — В кн.: Археографический ежегодник за 1958 г. М., с. 335—349.
 Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. Отв. ред. А. М. Астахова. М.—Л. 320 с. (Сер. «Памятники русского фольклора».)
 Подгот. текстов: «История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике» — с. 113—115, [История об Илье Муромце] — с. 129—131; описание рукописей, по которым опубликованы тексты, — с. 271, 277.
 Принцип трехчленности в композиционном построении «Слова о полку Игореве». — [Рец. на ст.: Б. Н. Двигинин о в. Принцип трехчленности в плане и композиции «Слова о полку Игореве». — Учен. зап. Тамбовского гос. пед. ин-та, 1958, вып. XII. Воронеж, с. 137—182]. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., с. 606—610.

1961

- Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., с. 531—544 (совместно с А. И. Копаневым).
 Обсуждение проекта «Словаря-комментария „Слова о полку Игореве“». — Научные доклады высшей школы. Филологические науки, № 4. М., с. 159—163.
 Адрианова-Перетц В. П. — В кн.: СИЭ, т. 1. М., стб. 219.

1962

- История открытия рукописи «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве — памятник XII века. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., с. 406—429.
 Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., с. 38—49.
 Вновь найденное сочинение об Иване Грозном. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., с. 374—408.
 Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., с. 412—419 (совместно с А. И. Копаневым).

- Адрианова-Перетц В. П. — В кн.: КЛЭ, т. 1. М., стб. 88.
 Баркулабовская летопись. — В кн.: СИЭ, т. 2. М., стб. 133—134.
 Боян. — В кн.: СИЭ, т. 2. М., стб. 657.
 Рец. на кн.: Министерство культуры РСФСР. Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Музейное собрание рукописей. Описание. Т. 1, № 1 — № 3005. Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. 524 с. — ИЮЛЯ, т. XXI, вып. 4, с. 348—350.

1963

- Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV-XV вв.). — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., с. 215—254.
 Великоустюжские летописи. — В кн.: СИЭ, т. 3. М., стб. 256.
 Витебская летопись. — В кн.: СИЭ, т. 3. М., стб. 510.
 Вологодские летописи. — В кн.: СИЭ, т. 3. М., стб. 673.
 Рец.: ТОДРЛ, т. XIX. Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур. Рец.: Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. М.—Л. 456 с.

1964

- Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV века. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., с. 72—89.
 Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., с. 120—138.
 Игорь Петрович Еремин. (Некролог). — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., с. 418—424.
 Задовщина. — В кн.: СИЭ, т. 5. М., стб. 595.
 Иларион. — В кн.: СИЭ, т. 5. М., стб. 787.
 Задовщина. — В кн.: КЛЭ, т. 2. М., стб. 974—975.

1965

- Кирик. — В кн.: СИЭ, т. 7. М., стб. 280.
 Кирилл Туровский. — В кн.: СИЭ, т. 7. М., стб. 282.
 Климент Смолятич. — В кн.: СИЭ, т. 7. М., стб. 425.
 М. Н. Тихомиров. (Некролог). — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., с. 397.

1966

- Киево-Печерский патерик. — В кн.: КЛЭ, т. 3. М., стб. 509—510.
 От редакторов. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». Рец.: Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.—Л., с. 3—10 (совместно с Д. С. Лихачевым).
 Вставки из «Задовщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». Рец. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.—Л., с. 385—439.
 Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., с. 239—263.
 Памяти Николая Калининвича Гудзия (1887—1965). — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., с. 469—471 (совместно с В. П. Адриановой-Перетц).
 Дмитрий Сергеевич Лихачев (к шестидесятилетию со дня рождения). — Русская литература, № 3, с. 233—240 (совместно с В. П. Адриановой-Перетц и Я. С. Лурье).
 «Новая» работа о «Слове о полку Игореве». — [Рец. на кн.: Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves, t. XXXIV. Quelques données historiques sur le Slovo d'Igor' et Tmutorokan' par M. I. Uspenskij (1866—1942). Traduction française et texte russe avec pièces complémentaires et appendice par André Mazon et Michel Laran. Paris, 1965. 176 pp.] — Русская литература, № 2, с. 238—246.
 Рец.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». Рец.: Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.—Л. 620 с.

1967

- Слово о полку Игореве. Вступительная статья Д. С. Лихачева. Сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л. 540 с. (Библиотека поэта. Большая сер., 2-е изд.).

Статья: «Слово о полку Игореве» и русская литература — с. 69—92; переводы: «Слово о полку Игореве» — с. 57—66 (совместно с Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым), «Задонщина» — с. 378—388 (совместно с Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым), «Слово о погибели Русской земли» — с. 360—362 (совместно с Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым); примеч. — с. 529—536 (совместно с О. В. Твороговым).

По поводу статьи А. А. Зиминой «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“». — Русская литература, № 1, с. 105—121 (совместно с Р. П. Дмитриевой и О. В. Твороговым).

1968

Повесть о разорении Рязани Батыем. — В кн.: СИЭ, т. 11. М., стб. 230—231.

1969

«Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). Вступительная статья Д. С. Лихачева. Сост. и общая ред. тома Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М. 800 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая, т. 15).

Подготовка древнерусских текстов и переводы: «Киево-Печерский патерик» — с. 290—324, «Задонщина» — с. 380—397, «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе» — с. 404—413, «Житие Михаила Клопского» — с. 414—431, «Повесть о Басарге» — с. 446—453; примеч.: к «Киево-Печерскому патерику» — с. 736—739, к «Задонщине» — с. 747—750, к «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе» — с. 751—752, к «Житию Михаила Клопского» — с. 752—754, к «Повести о Басарге» — с. 756.

Первоначальный вид и время возникновения Сказания о молодце и девице. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., с. 205—209.

От редактора. — В кн.: Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле. Исследование и подгот. текстов М. О. Скрипиля. Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Л., с. 3—10. Сказание о Мамаевом побоище. — В кн.: СИЭ, т. 12. М., стб. 940—941.

Труд, побеждающий скептиков. (О книге В. П. Адриановой-Перетц «Слово о полку Игореве и русская литература XI—XIII веков»). — Правда, 5 сентября, № 248 (18661), с. 3 (совместно с Д. С. Лихачевым).

Рец. на кн.: В. П. Адрианова-Перетц. Слово о полку Игореве и русская литература XI—XIII веков. Л. 200 с. — ИОЛЯ, т. XXVIII, вып. 4, с. 365—369.

Ред.: Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле. Исследование и подгот. текстов М. О. Скрипиля. Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Л. 218 с.

Ред.: А. М. Панченко. Чешско-русские литературные связи XVII века. Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Л. 182 с.

1970

Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Отв. ред. Я. С. Лурье. Л. 596 с.

Гл. VI. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV в. — с. 208—262; гл. VI. Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV—XV вв., раздел III — с. 284—319 («Повесть о Царьграде» совместно с Я. С. Лурье).

Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.). Отв. ред. В. Г. Базанов. Л.

Гл. 2. «Слово о полку Игореве» — с. 36—54.

Повесть о житии Варлаама Керетского. — ТОДРЛ, т. XXV. Л., с. 178—196.

Проблемы изучения севернорусских житий. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Ред.: Д. С. Лихачев, Н. Ф. Дробленкова. Л., с. 65—75.

1971

Автор «Слова о полку Игореве» и анонимные авторы в древнерусской литературе. — В кн.: Русские писатели. Библиографический словарь. Ред. коллегия: Д. С. Лихачев, С. И. Машинский, С. М. Петров, А. И. Ревякин. М., с. 11—18.

Нестор. — В кн.: Русские писатели. Библиографический словарь. Ред. коллегия: Д. С. Лихачев, С. И. Машинский, С. М. Петров, А. И. Ревякин. М., с. 36—38.

Исторический эпизод XVI столетия в устном предании нового времени. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., с. 50—53.

Н. В. Шарлемань. (Некролог). — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., с. 374—378.

Слово о полку Игореве. — В кн.: СИЭ, т. 13. М., стб. 69—70.

Скрипиль. — В кн.: КЛЭ, т. 6. М., стб. 903—904.

Ред.: ТОДРЛ, т. XXVI. Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв. *Ред.*: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (отв. ред.), М. А. Салмина. Л. 384 с.

1972

- Жанр севернорусских житий. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., с. 181—202.
Отрывок сборника пословиц XVII в. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Отв. ред. А. М. Панченко. Л., с. 28—56.
Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Отв. ред. А. М. Панченко. Л., с. 330—337.
К спорам о датировке «Слова о полку Игореве» (по поводу статьи Л. Н. Гумилева). — Русская литература, № 1, с. 83—86.
Осторожно — «Слово о полку Игореве!» (Письмо в редакцию). — Русская литература, № 1, с. 246—255 (совместно с О. В. Твороговым).

1973

- Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Отв. ред. А. М. Панченко. Л. 304 с.
Легендарно-биографические повествования древнего Новгорода. Автореф. докт. дис. Л. 32 с.
Кто с мечом. Три произведения древнерусской литературы XIII—XV веков. Пер. с древнерусского. Консультант акад. Д. С. Лихачев, сост. А. Д. Шмаринев. М. Примеч. к «Сказанию о Мамаевом побоище» — с. 85—94 (совместно с М. Н. Тихомировым). Перевзд.: М., 1975, с. 116—125.
Литературные судьбы жанра древнерусских житий. (Церковно-служебный канон и сюжетное повествование). — В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. Ред. коллегия: М. П. Алексеев, Д. Ф. Марков, А. Н. Робинсон. М., с. 400—418.
Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Некролог. — ИОЛЯ, т. XXXII, вып. 1, с. 100—103 (совместно с Н. Дробленковой, Д. Лихачевым, А. Панченко).
Ред.: Е. К. Ромодановская. Русская литература в Сбири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Новосибирск. 172 с.

1974

- Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., с. 155—179.
«Слово о полку Игореве» в трудах В. П. Адриановой-Перетц. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., с. 6—11.

1975

- Стосемидесятилетие первого издания «Слова о полку Игореве». — Русская литература, № 4, с. 57—65.
Книге «Слово о полку Игореве» — 175 лет. — Неман. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Минск, № 9, с. 162—166.
К вопросу об издании памятников тырновской книжной школы. — ИОЛЯ, т. XXXIV, вып. 2, с. 175—177.
Древнерусская литература (конец 10—17 вв.). — В кн.: Большая Советская Энциклопедия, т. 22, 3-е изд. М., с. 266—267.
Из глубины веков. (К 175-летию первого издания «Слова о полку Игореве»). — Литературная газета, 23 июля, № 30, с. 6.
Ред.: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л. 264 с.
Ред.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974. М. 462 с. (совместно с другими).

1976

- 175-летие первого издания «Слова о полку Игореве». (Некоторые итоги и задачи изучения «Слова»). — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., с. 3—13.

- Два замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., с. 285—290. Книга академика В. Н. Перетца «Слово о полку Игоревім пам'ятка феодальної України-Руси XII віку» (К 50-летию издания). — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., с. 344—350.
- Проблемы изучения древнерусской литературы. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. Под ред. редколлегии. М., с. 3—23 (совместно с Я. С. Лурье и А. М. Панченко).
- Реминисценции «Слова о полку Игореве» в памятнике новгородской литературы. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. Под ред. редколлегии. М., с. 50—54.
- Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (К 70-летию со дня рождения). — Русская литература, № 4, с. 251—254 (совместно с Я. С. Лурье и А. М. Панченко).
- Первые издатели «Слова». — Вестник Академии наук СССР, № 4, с. 97—103.
- Нестареющее слово. — В мире книг, июль, № 7, с. 85—87.
- О первом издании «Слова о полку Игореве».
- Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции Велико-Тырно-вской книжной школы (резюме). — В кн.: Втори международен симпозиум «Ученици и последователи на Евтимий Тырновски» (Резюмета на докладите и научните съобщения). Велико-Търново, с. 28.
- Резюме доклада, прочитанного на Международном симпозиуме в Велико Тырнове в мае месяце 1976 г.
- «Слово о полку Игореве» в интерпретации О. Сулейменова. [Рец. на кн.: О. Сулейменова в. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975]. — Русская литература, № 1, с. 251—258 (совместно с О. В. Твороговым).
- Ред.: ТОДРЛ, т. XXXI. «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Редколлегия: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (отв. ред.), М. А. Салмина. Л. 404 с.
- Ред.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. Редколлегия: М. Б. Храпченко, В. Г. Базанов (отв. ред.), Л. А. Дмитриев, А. М. Панченко, Г. М. Фридлендер, М. А. Салмина. М. 460 с.
- Ред.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1975. М. 476 с. (совместно с другими).

1977

- Ред.: М. В. Кукушкина. Монастырские библиотеки русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Отв. ред.: С. Н. Валк, Л. А. Дмитриев. Л. 224 с.
- Ред.: Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. 2-е доп. изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. Отв. ред. Л. А. Дмитриев. М. 488 с. (Сер. «Литературные памятники»).
- Ред.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1976. М. 406 с. (совместно с другими).
- Ред.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1977. М. 472 с. (совместно с другими).

1978

- Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI—начало XII века. Вступительная статья Д. С. Лихачева. Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 464 с.
- Подгот. текста и перевод: Сказание о Борисе и Глебе — с. 278—303; коммент. к Сказанию о Борисе и Глебе — с. 451—456.
- Ред.: Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958—1967 гг. Сост. Н. Ф. Дробленкова. Ч. I (1958—1962 гг.). Ред.: В. П. Адрианова-Перетц, Л. А. Дмитриев. Л. 206 с.

1979

- «Книга о побойци Мамай, царя татарского, от князя владимерского и московского Димитрия». — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., с. 61—71.
- Тысячелетие русской литературы. — Русская литература, № 1, с. 3—13 (совместно с Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым).
- Обзор изданий памятников древнерусской литературы (1917—1978). — Русская литература, № 1, с. 183—199.

- Ред.*: ТОДРЛ, т. XXXIV. Куликовская битва и подъем национального самосознания. Редколлегия: О. А. Белоброва, Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (отв. ред.). Л. 414 с.
- Ред.*: Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958—1967 гг. Сост. Н. Ф. Дробленкова. Ч. II (1963—1967 гг.). Ред.: В. П. Арианова-Перетц, Л. А. Дмитриев. Л. 278 с.
- Ред.*: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1978. Л. 510 с. (совместно с другими).

1980

- История русской литературы XI—XVII веков. Под ред. Д. С. Лихачева. М. 462 с. Гл. 2-я. Литература второй четверти XIII—конца XIII века — с. 142—181; гл. 3-я. Литература начала XIV—третьей четверти XIV века — с. 183—202; гл. 4-я. Литература конца XIV—первой половины XV века — с. 204—247.
- Памятники литературы Древней Руси. XII век. Вступительная статья Д. С. Лихачева. Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 704 с.
Подгот. текста и перевод: Киево-Печерский патерик — с. 412—623; коммент. к Киево-Печерскому патерику — с. 692—704.
- Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси». — Русская литература, № 1, с. 109—120 (совместно с Д. М. Буланиным).
- История русской литературы в четырех томах. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Ред. тома Д. С. Лихачев и Г. П. Макогоненко. Л. 816 с.
Гл. 3-я. Литература первых лет монголо-татарского ига. 1237 год—конец XIII века — с. 90—125; гл. 4-я. Литература эпохи русского предвозрождения. XIV—середина XV века — с. 126—184.
- Куликовская битва 1380 года в литературных памятниках Древней Руси. — Русская литература, № 3, с. 3—29.
- Сказание о Мамаевом побоище. Лицевой список конца XVII века. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Вступительная статья Л. А. Дмитриева. Л. 28 с.+19 табл. (Альбом).
- Повесть о Куликовской битве. Из Лицевого летописного свода XVI века. Научн. ред. Д. С. Лихачев. Авторы статей Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. Сост. Л. А. Дмитриев. Пер. с древнерусского О. П. Лихачевой. Л. 196 с.
Статья: Куликовская битва в древнерусских литературных памятниках — с. 178—182.
- Поле Куликово. Сказания о битве на Дону. Вступительная статья Д. С. Лихачева. Сост., подгот. текстов, послесловие и примеч. Л. А. Дмитриева. Пер. Л. А. Дмитриева и В. В. Колесова. М. 220 с.
Текст и пер. «Задонщины» — с. 20—49; текст и пер. Краткой летописной повести о Куликовской битве — с. 54—59; текст и пер. Пространной летописной повести о Куликовской битве — с. 64—105; текст Сказания о Мамаевом побоище — с. 111—217; статья: Куликовская битва в памятниках литературы Древней Руси — с. 219—237.
- За землю Русскую. Древнерусские повести. Пер., сост., предисл. и примеч. Л. А. Дмитриева. М. 128 с.
Предисл.: Героические страницы древнерусской литературы — с. 6—19; Слово о гибели Русской земли (пер.) — с. 23; Повесть о разорении Рязани Батыем (пер.) — с. 26—41; Сказание о Мамаевом побоище (пер.) — с. 44—93; Задонщина (пер.) — с. 96—111; примеч. — с. 112—125.
- На поле Куликовом. Рассказы русских летописей и воинские повести XIII—XV веков. М. 240 с.
Слово о гибели Русской земли (пер.) — с. 91—93; Повесть о Шевкале (пер.) — с. 119—122; О войне и о побоище на реке Воже (пер.) — с. 125—128; Летописная повесть о Мамаевом побоище (пер.) — с. 131—152; Задонщина (пер.) — с. 155—172; предисл. — с. 7—26; коммент. — с. 191—238.
- Задонщина. Подгот. текста, пер. и примеч. О. В. Творогова. М.
Статья: Поэтическое слово о Куликовской битве — с. 5—34; Библиография: Тексты и переводы «Задонщины». Исследования — с. 125—138.
- Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции великотырновской книжной школы. — В кн.: Търновска книжовна школа. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. Втори международен симпозиум. Велико-Търново, 20—23 мая 1976. София, с. 64—70.
- Ред.*: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1979. Л. 488 с. (совместно с другими).

1981

Памятники литературы Древней Руси. XIII век. Вступительная статья Д. С. Лихачева. Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 616 с.

Подгот. текста и перевод: Слово о погибели Русской земли — с. 130—131, Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора — с. 228—235; коммент. к Слово о погибели Русской земли — с. 544—546, к Слово о Меркурии Смоленском — с. 560—561, к Сказанию об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора — с. 563—564.

К вопросу об истории открытия рукописи «Слова о полку Игореве». — Русская литература, № 3, с. 69—75.

Мамаево побоище в памятниках древнерусской литературы. — В кн.: Задонщина (Задонщина. Летописная повесть о побоище на Дону. Сказание о Мамаевом побоище). Иллюстрации худ. Ильи Глазунова. М., с. 197—242.

Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. Вступительная статья Д. С. Лихачева. Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 606 с.

Подгот. текста и перевод: «Хождение» Стефана Новгородца — с. 29—41. Повесть о побоище на реке Пьяне — с. 88—91. Повесть о битве на реке Воже — с. 92—95. Задонщина — с. 96—111. Сказание о битве новгородцев с суздальцами — с. 448—453. Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе — с. 454—463. Повесть о Благовещенской церкви — с. 464—467; подгот. текста: Сказание о Мамаевом побоище — с. 132—182 (совместно с В. П. Бударагиным); коммент. к «Хождению» Стефана Новгородца — с. 529—531, к Повести о побоище на реке Пьяне — с. 542—543, к Повести о битве на реке Воже — с. 543—544, к Задонщине — с. 545—549, к Сказанию о Мамаевом побоище — с. 553—559, к Сказанию о битве новгородцев с суздальцами — с. 583—584, к Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе — с. 585, к Повести о Благовещенской церкви — с. 585—586.

Ред.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1980. Л. 568 с. (совместно с другими).

Хронологический список трудов Якова Соломоновича Лурье

1939

Роль Твери в создании Русского национального государства. — Учен. зап. ЛГУ, № 36. Сер. ист. наук, вып. 3, с. 85—109.

1941

Из истории политической борьбы при Иване III. — Учен. зап. ЛГУ, № 80. Сер. ист. наук, вып. 10, с. 75—92.

Письма Джерома Горсея. — Учен. зап. ЛГУ, № 73. Сер. ист. наук, вып. 8, с. 189—201.

1947

Английская политика на Руси в конце XVI в. — Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. LXI, каф. Истории СССР, с. 121—145.

Герберштейн. — Дипломатический словарь, т. 1. М., стб. 476—477. (2-е изд. М., 1960, стб. 361; 3-е изд. М., 1971, с. 379—380).

Деулянский договор о перемирии. — Дипломатический словарь, т. 1. М., стб. 553. (2-е изд. М., 1960, стб. 437; 3-е изд. М., 1971, с. 456—457).

1948

Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. — ИЗ, т. 27, с. 291—300. Первые идеологи московского самодержавия. (София Палеолог и ее противники). — Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. LXXVIII, каф. Истории СССР, с. 81—106.

1951

Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. — В кн.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., с. 468—519.

Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Пер. и коммент. Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л. 715 с. и пл. (Сер. «Литературные памятники»).

Археографический обзор посланий Ивана Грозного — с. 520—576 (совместно с Д. С. Лихачевым); разночтения — с. 577—582 (совместно с Д. С. Лихачевым).

1954

Новые списки «Царева государева послания во все его Российское царство». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., с. 305—309.

«Открытие Англии» русскими в начале XVI в. — В кн.: Географический сборник, вып. III, с. 185—187.

Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л. 490 с. и пл. (Сер. «Литературные памятники»).

Тексты статейных списков И. М. Воронцова, И. П. Новосильцева, Ф. А. Писемского, Г. И. Микулина, Ф. Елчина, П. И. Потемкина — с. 7—315 (подгот.

совместно с Р. Б. Мюллер); археографический обзор — с. 347—356 (совместно с Р. Б. Мюллер); коммент. к статейным спискам Воронцова, Новосильцева, Писемского, Микулина — с. 358—417.

1955

Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. Отв. ред. В. Д. Бонч-Бруевич. М.—Л. 544 с. и ил. (Музей истории религии и атеизма). Совместно с Н. А. Казаковой.

Ч. 2. Новгородско-московская ересь конца XV—начала XVI в. — с. 74—224; Источники по истории еретических движений XIV—нач. XVI в., № 1—7, 11—29, 32 — с. 230—276, 305—503, 510—513.

Внешняя политика и международное положение Русского государства. Гл. 1. Русское централизованное государство в конце XV и первой половине XVI в. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в. М., с. 147—164.

Внешняя торговля. Гл. 1. Русское централизованное государство в конце XV—первой половине XVI в. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в. М., с. 86—92.

Внешняя торговля. Гл. 2. Укрепление русского централизованного многонационального государства. Реформы правительства Ивана Грозного 1547—1584. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в. М., с. 269—277.

Завершение объединения русских земель и борьба феодальных группировок за власть. Гл. 1. Русское централизованное государство в конце XV и первой половине XVI в. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в. М., с. 101—116.

Из истории русского летописания конца XV века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., с. 156—186.

Рец. на кн.: Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. — ВИ, № 10, с. 143—145.

1956

Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлячества. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., с. 116—140.

Сочинения И. Пересветова. Подгот. текст А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л. 388 с. и ил.

Коммент. к тексту Музейного списка Полной редакции — с. 277—327; коммент. к Сказанию о Петре воеводе Волосском — с. 350—359.

Рец. на кн.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., 1955. — ИОЛЯ, т. XV, вып. 2, с. 171—177.

Рец. на кн.: Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV—XVII вв. Отв. сост. Л. Н. Пушкарев. М., 1955. 324 с. и ил. — ИА, № 4, с. 277—281.

1957

К вопросу об идеологии Нила Сорского. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., с. 182—213.

Католическая реакция и подготовка интервенции против Русского государства (конец XVI—начало XVII в.). — Ежегодник музея истории религии и атеизма, т. I. М.—Л., с. 350—361.

1958

Афанасий Никитин и некоторые вопросы русской общественной мысли XV в. — В кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. 2-е изд. М.—Л., с. 126—142.

Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х—первой половине 80-х годов XV в. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., с. 219—228.

Был ли Иван IV писателем? — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., с. 505—508.

Вопрос об идеологических движениях конца XV—начала XVI в. в научной литературе. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., с. 131—152.

Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году. (По материалам Венского архива). — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. М., с. 451—466.

Известие о Варфоломеевской ночи в русских «Посольских делах» XVI в. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма, т. VI. М., с. 216—230.

- Какие явления гуманизма могут быть отмечены в русской литературе и публицистике в XV—XVII вв.? — В кн.: IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., с. 56—58.
- Повесть о мунтыянском воеводе Дракуле (подгот. текста, послесловие). — В кн.: Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., с. 92—97, 420—429.
- Послание великому Иоанну о смерти князя. (К проблеме атрибуции древнерусских литературных памятников). — *Slavia. Praha, ročník XXVII, sešit 2*, S. 216—225.
- Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. 2-е изд., доп. и перераб. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л. 284 с. и ил. (Сер. «Литературные памятники»).
- Подгот. текстов: Троицкий список конца XV—начала XVI в., Эттеров список XVI в., список Ундольского XVII в. — с. 11—67; археографический обзор, варианты и текстологические примеч. — с. 161—186.

1959

- Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель. — В кн.: Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., с. 370—374.
- Московские послы во время «двенадцатой ночи» 1601 г. — Театр, № 3, с. 190.
- Послания Иосифа Волоцкого. Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. Отв. ред. И. П. Еремш. М.—Л. 391 с. и ил.
- Археографический обзор — с. 98—136 (совместно с А. А. Зиминим); коммент. к текстам — с. 243—286 (совместно с А. А. Зиминим); приложения — с. 289—369 (совместно с А. А. Зиминим).
- IV Всесоюзное совещание по древнерусской литературе. — *Русская литература*, № 3, с. 229—232.
- Рец. на кн.: А. А. Зими н и Я. С. Пересветов и его современники. (Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.). Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1958. — ИЮЛЯ, т. XVIII, вып. 3, с. 450—453.
- Рец. на кн.: Д. С. Л и х а ч е в. Изучение древней русской литературы в СССР за последние 10 лет. М., 1955. (Доклад советской делегации на Международном совещании славистов в Белграде). — *Az ó-orosz irodalom tanulmányozása a Szovjetunióban a háború utáni időszakban. — Filológiai közlöny. A magyar tudományos Akadémia. I. Osztályának világirodalmi folyóirata. Budapest, 1959, V évf., 1—2 szám (július)*, s. 218—222.

1960

- Заметки к истории публицистической литературы конца XV—первой половины XVI в. 1. Геннадиевский кружок и теория «Москвы — третьего Рима». 2. Мнимые послания Нила Сорского Паисию Ярославову. — *ТОДРЛ*, т. XVI. М.—Л., с. 457—465.
- Иван III. — *Дипломатический словарь*, т. I. 2-е изд. М., стб. 546—547; 3-е изд. М., 1971, с. 565—566.
- Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л. 532 с. и ил.
- Издание без текстолога. (По поводу издания Географизом «Хождения за три моря Афанасия Никитина»). — *Русская литература*, № 3, с. 220—223.
- О возникновении теории «Москва — третий Рим». (К выходу в свет второго издания книги Х. Шедер). — *ТОДРЛ*, т. XVI. М.—Л., с. 626—633.
- Das Problem der Ideologischen Hauptrichtungen in der russischen Literatur am Ende des XV und in der ersten Hälfte des XVI Jh. — *Zeitschrift für Slawistik*, Berlin, 1960, Bd V, N. 3, S. 356—369.

1961

- Истоки большой традиции. (Русское свободомыслие 14—17 веков). — *Наука и религия*, № 7, с. 41—45.
- К вопросу о «латинстве» Геннадиевского литературного кружка. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., с. 68—77.
- Курицын Ф. В. — *Дипломатический словарь*, т. 2. 2-е изд. М., стб. 158; 3-е изд. М., 1971, с. 158.
- Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — *ТОДРЛ*, т. XVII. М.—Л., с. 130—168.
- «Московский период» в «Истории русской литературы» А. Стендер-Петерсена. — *ТОДРЛ*, т. XVII. М.—Л., с. 629—639 (совместно с М. Д. Каган).
- Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., с. 419—443.

1962

- Выступления в прениях. — В кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., с. 123, 176.
- К выходу в свет собрания сочинений И. Ильфа и Е. Петрова. (Текстологические заметки). — Русская литература, № 3, с. 236—240.
- Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., с. 464—475.
- Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., с. 289—293.
- Повесть XV века и фильмы XX века. — Русская литература, № 2, с. 226—228.
- Роман об Александре Македонском в славянских литературах XV—XVI вв. — Программа и тезисы докл. на Всесоюзн. конф. по слав. филологии 17—22 декабря 1962 г. Л., с. 29—30.
- Рец. на кн.: Дж. Феннел. Иван Великий Московский. Лондон, 1961. Fen-
nell J. L. I. Ivan the Great of Moscow. London, 1961. — История СССР, № 4,
с. 206—210.
- Ред.: Библиография русского летописания. Сост. Р. П. Дмитриева. М.—Л. 356 с.
Ред.: ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л. 608 с.

1963

- Геннадий. — В кн.: СИЭ, т. 4, М., стб. 201—202.
- Краткий летописец Погодинского собрания. — Археографический ежегодник за 1962 год. М., с. 431—444.
- О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв. — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., с. 262—288.
- О судьбах переводной беллетристики в России и у западных славян в XV—XVI вв. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. София, сентябрь 1963. М., с. 71—88.
- В какво се изразява взаимодействието на средновековното преводни литератури с оригиналните литератури в славянските страни (до XVIII в. включително)? — В кн.: Славянска филология, т. II. Отговори на въпросите за научната анкета по литературознание, литературно-лингвистични проблеми, народно поетическо творчество, общославистични историко-филологически проблеми. София, изд. на Бълг. АН, с. 97. (Материали за V Международен конгрес на славистите).

1964

- К изучению классового характера древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., с. 100—119.
- Новые памятники русского летописания конца XV в. (К выходу в свет тт. XXVII и XXVIII Полного собрания русских летописей). — История СССР, № 6, с. 118—131.
- О неизданной Холмогорской летописи. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвящ. 75-летию С. Н. Валка. М.—Л., с. 449—455.
- О художественном значении древнерусской прозы. — Русская литература, № 2, с. 3—28.
- От редактора. — В кн.: Повести о споре жизни и смерти. Исследование и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.—Л., с. 3—9 и ил.
- Перед началом съемок. . . (О сценарии «Андрей Рублев»). — Искусство кино, № 11, с. 86—90.
- Повесть о Дракуле. Исследование и подгот. текстов Я. С. Лурье. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л. 212 с. и ил.
- Ред.: Повести о споре жизни и смерти. Исследование и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.—Л. 214 с. и ил.
- In legătură cu originea subiectului povestirilor din secolul al XV-lea despre Dracula (Vlad Țepeș). — Romanoslavica. București, 1964, vol. X, p. 5—18.
- Une légende inconnue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit du XV-e siècle. — Revue des études slaves, t. XLIII, f. 1—4, Paris, 1964, p. 7—11.

1965

- Александрья. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. Издание подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л. 270 с. и ил. (Сер. «Литературные памятники»).
- Приложения — с. 141—144; археографический обзор — с. 185—214; коммент. — с. 218—257 (совместно с М. Н. Ботвинником).
- Древнерусская литература и наши «представления о прекрасном». — Русская литература, № 4, с. 3—20.

- Д. С. Лихачев. — В кн.: СИЭ, т. 8, М., стб. 741.
 «Собрание на лихоимцев» — неизданный памятник русской публицистики конца XV в. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., с. 132—146.
 Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. — В кн.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.—Л., с. 145—168.
 От «Белой гвардии» к «Дням Турбиных». — Русская литература, № 2, с. 194—203 (совместно с И. З. Серманом).

1966

- А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнилат». — Русская литература, № 4, с. 176—179.
 Дмитрий Сергеевич Лихачев. (К 60-летию со дня рождения). — Русская литература, № 3, с. 233—240 (совместно с В. П. Адриановой-Перетц и Л. А. Дмитриевым).
 Критика источника и вероятность известия. — В кн.: Культура Древней Руси. Сб. статей к 60-летию Н. Н. Воронова. М., с. 121—126.
 Филологическая практика и философская теория. — Русская литература, № 3, с. 202—204.
 Рец. на кн.: V. Nørggøtranders. The Shaping of Czardom under Ivan Groznyj. Copenhagen, 1964. — История СССР, № 2, с. 200—204.
 L'hérésie dite des judaïsants et ses sources historiques. — Revue des études slaves, t. XLV, Paris, 1966, p. 49—67.

1967

- Древнерусская литература (гл. 2). — В кн.: Советское литературоведение за 50 лет. М.—Л., с. 34—64.
 Подвиг Афанасия Никитина. (К 500-летию его путешествия). — Изв. Всесоюзн. геогр. общества, т. 99, № 5, с. 435—442.
 Элементы Возрождения на Руси в конце XV—первой половине XVI века. — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., с. 183—211.

1968

- Еще раз о Дракуле и макиавеллизме. — Русская литература, № 1, с. 142—146.
 Изучение русского летописания. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. I. Л., с. 4—32.
 «Мировые сюжеты» средневековой беллетристики в русской и южнославянских литературах («Александрия» и «Стефанит и Ихнилат»). — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., с. 16—26.
 М. Д. Приселков. — В кн.: СИЭ, т. 11, М., стб. 572.
 Религиозно-философские течения. (Разд. 3, гл. VII. Русь XIV—XVI вв.). — В кн.: История философии в СССР, т. I. М., с. 190—216 (совместно с Н. А. Казаковой).
 Problems of Source Criticism (with Reference to Medieval Russian Documents). — Slavic Review, v. XXVII, N 1, March, 1968, p. 1—22.

1969

- А. М. Курбский. «История о великом князе Московском». (Подгот. текста и примеч.). — В кн.: «Изборник». (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., с. 474—476, 762—764. (Библиотека всемирной литературы).
 К проблеме свода 1448 г. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., с. 142—146.
 Национальные истоки социально-утопических идей (гл. 1). — В кн.: Идеи социализма в русской классической литературе. Л., с. 19—61 (совместно с К. В. Чистовым).
 Образы людей древней Руси в фильмах С. М. Эйзенштейна. (К проблеме «древнерусского жанра» в современном искусстве). Тезисы. — В кн.: Совещание «Древнерусская литература и проблемы истории культуры XVIII—XX вв.». (Тезисы докладов). Л., с. 19—20.
 Первое послание Ивана Грозного А. М. Курбскому. (Подгот. текста и примеч.). — В кн.: «Изборник». (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., с. 467—471, 758—761. (Библиотека всемирной литературы).
 Послание Ивана Грозного Василию Грязному. (Подгот. текста и примеч.). — В кн.: «Изборник». (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., с. 472—473, 761—762. (Библиотека всемирной литературы).
 Сказание о Дракуле воеводе. (Подгот. текста и примеч.). — В кн.: «Изборник». (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., с. 432—444, 754—756. (Библиотека всемирной литературы).

- «Стефанит и Ихнилат» в русской литературе XV в. — В кн.: Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков. Л., с. 158—188.
- Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков. Издание подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье. Пер. греческого текста Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. Л. 251 с. и ил. (Сер. «Литературные памятники»).
- Троицкий список (подгот. текста) — с. 46—62; разночтения — с. 218—220 (совместно с О. П. Лихачевой); коммент. — с. 221—244.
- Сюжет на ранних стадиях повествовательного искусства (на материале древнерусской литературы). — Русская литература, № 1, с. 44—56.
- Zur Zusammensetzung des «Laodicenischen Sendschreibens». — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, Bd 17, H. 2, Wiesbaden, S. 161—169.
- Рец. на кн.: Н.-Д. Д ö p m a n n. Der Einfluß der Kirche auf die moskowitzische Staatsidee. — Zeitschrift für Slawistik, Bd XIV, H. 3, S. 475—481.

1970

- Введение. Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV—XV вв. (разд. 1, гл. VII). Переводная беллетристика XIV—XV вв. (гл. VIII). Оригинальная беллетристика XV в. (гл. IX). Судьба беллетристики в XVI в. (гл. X). Заключение. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., с. 3—30, 263—277, 320—449, 562—574.
- Историк-писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева) (совместно с Е. М. Добрушкиным). — Русская литература, № 2, с. 219—224.
- Проблемы изучения русского летописания. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., с. 43—48.
- Холмогорская летопись. — ТОДРЛ, т. XXV. Л., с. 135—149.
- Рец. на кн.: Повесть о Дмитрие Басарге и его сыне Борзосмысле. Исследование и подгот. текстов М. О. Скрипиля. Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Л., 1969. — ИОЛЯ, т. XXIX, вып. 4, с. 348—352.
- Рец.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л. 595 с.

1971

- К истории присоединения Новгорода в 1477—1479 гг. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., с. 89—95.

1972

- Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» п Устюжского летописца. —/ Археографический ежегодник за 1971 год. М., с. 120—129.
- Устав Корнилия Комельского в сборнике первой половины XVI в. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пупкинского Дома. Л., с. 253—260.
- Филофей. — Краткая Ист. энциклопедия, т. 7, М., стб. 981.
- Черты Возрождения в русской культуре XV—XVII вв. (Древнерусская литература и западная «народная книга»). — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвящ. Л. В. Черепнину. М., с. 157—161.
- Рец. на кн.: Н. А. К а з а к о в а. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. — История СССР, № 4, с. 163—167.
- The London and L'vov Mss. of the Vologda-Perm' Chronicle: The Problem of Reconstructing Grand-Princely Chronicle-Writing of the Early 1470 s. — Oxford Slavonic Papers. New Series, v. V, p. 89—100.

1973

- Истоки жанра в литературе Древней Руси. — В кн.: Русская повесть XIX в. Л. с. 23—34.
- К изучению летописного жанра. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., с. 76—93.
- Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., с. 405—419.
- Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х гг. XV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. V. Л., с. 219—249.

- О некоторых принципах критики источников. — В кн.: Источниковедение отечественной истории, вып. I. М., с. 78—100.
- Об учебнике по истории древнерусской литературы. — Русская литература, № 4, с. 203—210 (совместно с Н. С. Демковой).
- Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей. — ВИ, № 8, с. 194—203 (совместно с Д. С. Лихачевым и В. Л. Янинным).
- Проблема реконструкции недошедших сводов при исследовании летописей. — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., с. 137—145.

1974

- Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., с. 50—67.
- Летописание XV в. и Кирилло-Белозерский монастырь. — В кн.: Летописи и хроники. Сб. статей, посвящ. памяти А. Н. Насонова. М., с. 202—211.
- Литература XV—XVI вв. в трудах В. П. Адриановой-Перетц. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., с. 12—17.
- Новгородская Карамзинская летопись. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., с. 207—213.
- Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., с. 114—139.
- Сергей Леонидович Пештич. (Некролог). — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., с. 422—424.
- Троицкая летопись и московское летописание XIV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. VI. Л., с. 79—106.
- An Unpublished Epigram on an English Ambassador in Russia. — Oxford Slavonic Papers, New Series, v. VII, 1974, p. 13—17.

1976

- Академик Д. С. Лихачев. (К 70-летию со дня рождения). — Русская литература, № 4, с. 251—254 (совместно с Л. А. Дмитриевым и А. М. Панченко).
- В защиту академика В. Г. Васильевского (письмо в редакцию). — Юность, № 3, с. 111 (совместно с М. П. Алексеевым, Д. С. Лихачевым и др.).
- Два миниатюриста XV в. (К проблеме так называемого художественного мышления Древней Руси). — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., с. 105—111.
- Двуименные монеты Василия II и Шемяки и двоевластие в Москве. — В кн.: Средневековая Русь. М., с. 84—88.
- Московская Русь в современном художественном творчестве. — Север, № 1, с. 119—124. (Переиздано в сборнике: В поисках и преодолении. Петрозаводск, с. 205—217) (совместно с П. М. Карпом).
- Московский свод 1479 г. и его протограф. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., с. 95—113.
- О шахматовской методике исследования летописных сводов. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1975 г. М., с. 87—107.
- Общерусские летописи XIV—XV вв. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. 283 с.
- От редакции (послесловие к статье В. Л. Комаровича). — ТОДРЛ, т. XXX. Л., с. 57—59.
- Первое послание Ивана Грозного Курбскому. (Вопросы истории текста). — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., с. 202—234.
- Проблемы изучения древнерусской литературы. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., с. 3—23 (совместно с Л. А. Дмитриевым и А. М. Панченко).
- Русские летописи XI—XV вв. (Материалы для описания). — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. I. М., с. 78—139. (Ротапринт) (совместно с Б. М. Клоссом).
- Сигизмунд Натанович Валк. (Некролог). — ТОДРЛ, т. XXX. Л., с. 367—368.

1977

- Вторая пространная редакция Первого послания Грозного Курбскому. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., с. 56—69.
- Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., с. 199—218.
- О гипотезах и догадках в источниковедении. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976 г. М., с. 26—55.
- Полное собрание русских летописей, т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.

- (Сост. тома совместно с К. Н. Сербиной; подгот. текста Холмогорской летописи совместно с Ю. А. Лимоновым и З. Н. Савельевой).
- Рассказ о боярине И. Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977 г. М., с. 7—11.
- «*obleme der gegenwärtigen «Draculiana»*». — *Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für G. Stökl zum 60 Geburtstag*. Köln—Wien, 1977, S. 316—327.
- Рец. на кн.: Н.-Ж. Грабмüller. *Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13—15. Jahrhundert*. (Schriften zur Geschichte des östlichen Europa. Bd X). Wiesbaden, 1975. 240 S.— *Russia Mediaevalis*, t. III. München, S. 83—92.

1978

- «Дифференциал истории» в «Войне и мире». — *Русская литература*, № 3, с. 43—60.

1979

- Елена Ивановна, королева Польская и великая княгиня Литовская как писатель-публицист. — *Canadian-American Slavic Studies*, v. 13, N 1—3, p. 111—120.
- К истории сюжетного повествования Древней Руси. (Русский «Стефанит и Ихнилат» и грузинская «Калла и Димна»). — В кн.: *Русская и грузинская средневековые литературы*. Л., с. 129—133.
- О возникновении и складывании в сборнике переписки Ивана Грозного с Курбским. — *ТОДРЛ*, т. XXXIII. Л., с. 204—218.
- О московском летописании конца XIV в. — *Вспомогательные исторические дисциплины*, т. XI. Л., с. 3—19.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. 431 с. и ил. (Сер. «Литературные памятники»).
- Подгот. текста посланий Ивана Грозного к Курбскому — с. 12—100, 103—105; Перевод — с. 119—180 (совместно с О. В. Твороговым); археографический обзор — с. 250—351 (совместно с Ю. Д. Рыковым); разночтения — с. 352—376 (совместно с Ю. Д. Рыковым); коммент. — с. 377—413 (совместно с В. Б. Кобринным).
- Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси. — В кн.: *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*. Л., с. 214—249.
- Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв. — *ТОДРЛ*, т. XXXIV. Л., с. 96—115.

1980

- Литература в период образования единого Русского государства. Элементы Возрождения в русской литературе. Середина XV—XVI век. — В кн.: *История русской литературы в 4-х томах*. Т. I. Древнерусская литература. Литература XVIII в. Л., с. 185—290.
- Литература второй половины XV в. Литература XVI в. — В кн.: *История русской литературы X—XVII вв.* Под ред. Д. С. Лихачева. М., с. 250—333.
- Особенности русского летописания и его изучение (лекция). — В кн.: *Чтения по древнерусской литературе*. Ереван, с. 36—57.

1981

- Рец. на кн.: Б. М. Клосс. *Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв.* М., 1980. — *История СССР*, № 1, с. 173—176.
- Русское историческое повествование и западная письменность XV—XVII вв. — *ИОЛЯ*, т. 40, № 1, М., с. 66—73 (совместно с В. И. Охотниковой).
- Повесть о битве на Липице (подгот. текста, перевод, коммент.). — В кн.: *Памятники литературы Древней Руси. XIII век*. М., с. 114—127, 539—541.
- Статейный список Константина Скобельцына (публикация). — В кн.: *Археографический ежегодник за 1979 год*. М., с. 308—314 (совместно с Н. А. Казаковой).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные. . . Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Брикк — С. М. Briquet. Les filligranes. Paris, 1907.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие Минеи Четии, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГАКО — Государственный архив Калининской области.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 Гераклитов — А. А. Гераклитов. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГЛИМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ГПНТБ СО АН СССР — Государственная публичная научно-техническая библиотека сибирского отделения Академии наук СССР.
 ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).
 ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИИФФ — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (Новосибирск).
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
 ИшОРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 КИХМ — Кирилловский историко-художественный музей-заповедник.
 Клепиков, Фялигр. и штемп. — С. А. Клепиков. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
 Клепиков, Шут — С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «голова пуга (Foolscap)». — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 26. М., 1963.
 КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
- МГАМИД — Московский главный архив министерства иностранных дел.
- МДА — Московская духовная академия.
Мошин — V. A. Mošin i S. M. Traljić. Vodeni znakovi XIII. i XIV. vijeka, I—II. Zagreb, 1957.
- НИЛ, НИЛЛ, НИЛЛЛ, — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
НИУЛ, НУЛ
ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
ПВЛ — Повесть временных лет.
ПДП — Памятники древней письменности.
ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
Пиккард — G. Piccard. Die Ochsenkopf—Wasserzeichen. Findbuch II, 1, 2, 3 der Wasserzeichenkarteil Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Stuttgart, 1966.
- ППС — Православный Палестинский сборник.
ПЛЛ, ПЛЛЛ, ПЛЛЛЛ — Псковские первая, вторая и третья летописи.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
СИЭ — Советская историческая энциклопедия.
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- СПб. ДА — Санктпетербургская духовная академия.
СПЛ, СПЛЛ — Софийские первая и вторая летописи.
Срезневский, — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
Материалы
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
- Тромони — К. Тромони. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
- Хивуд — E. Hea wood. Watermarks mainly of the 17th and 18th Centuries. Hilversum, the Pater Publications Society. 1950.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
- ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук УССР.
Черчилль — W. Churchill. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII Centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- РГ — J. P. Migne. Patrologiae Graeca.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

	Стр.
<i>Л. С. Ковтун</i> (Ленинград). Азбукovníки среди других текстов древней лексикографии и проблемы их издания	3
<i>Я. С. Лурье</i> (Ленинград). О возможности и необходимости при исследовании летописей	13
<i>В. В. Колесов</i> (Ленинград). К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского	37
<i>Г. М. Прохоров</i> (Ленинград). Книги Кирилла Белозерского	50
<i>Д. М. Булакин</i> (Ленинград). Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси	71
<i>Н. Н. Покровский</i> (Новосибирск). Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека	80
<i>Я. Г. Солодкин</i> (Кустанай). К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Росийском царстве»	103
<i>Р. Б. Гарковский</i> (Борисоглебск Воронежский). О формах повествовательно-речевого приспособления текста в системе пословного перевода в России XVII в. (на материалах первого перевода басен Эзопа)	114
<i>Н. Ю. Бубнов, Н. С. Демкова</i> (Ленинград). Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвешение от сына духовнаго ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.)	127
<i>Н. Н. Покровский</i> (Новосибирск). Устюжский список «Возвещения от сына духовнаго ко отцу духовному»	151
<i>Н. В. Поньрко</i> (Ленинград). Учебники риторики на Выгу	154
<i>С. И. Николаев</i> (Ленинград). Произведения Яна Жабчница в русских переводах XVII в.	163
<i>В. П. Бударягин</i> (Ленинград). Краткая редакция Повести о Василии Златовласом	193
<i>Ю. А. Лавинцев</i> (Москва). Памятники древнерусской книжности и литературы в старообрядческих изданиях Супрасльской типографии (XVIII в.)	209
<i>А. М. Грачева</i> (Ленинград). «Повесть о Бове Королевиче» в обработке А. М. Ремизова	216

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>М. Ф. Антонова</i> (Ленинград). Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый	223
— <i>М. А. Салмина</i> (Ленинград). Из комментария к «Слову о полку Игореве»	228
<i>М. А. Салмина</i> (Ленинград). «На ридѣ на Чечѣ» в «Задонщине»	231
<i>М. Д. Каган-Тарковская</i> (Ленинград). Чудо митрополита Киприана. (Еще один фольклорный мотив в сборнике XV в. книгописца Ефросина)	234
<i>А. И. Гладкий</i> (Ленинград). К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского (жизне Феодорита)	239
<i>Т. Ф. Волкова</i> (Сыктывкар). К вопросу о литературных источниках «Казаанской истории» («Казаанская история» и жанр «хождений»)	242
<i>В. К. Зиборов</i> (Ленинград). К истории предания о смерти князя Рюрика в г. Кореле	251
<i>И. Д. Азволинская</i> (Ленинград). «Повесть о семи мудрецах» (датировка древнейших русских списков XVII в.)	255
<i>О. А. Белоброва</i> (Ленинград). Об автографах Николая Спафария	259
<i>Л. В. Соколова</i> (Ленинград). К вопросу о переводах на русский язык сборника «Римские деяния».	266

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

<i>А. В. Чернецов</i> (Москва). К изучению Радзивилловской летописи	274
<i>А. Н. Грабар</i> (Париж). Заметка о методе оживления традиций иконописи в русской живописи XV—XVI веков	289
<i>С. В. Фролов</i> (Ленинград). «Большой» роспев Федора Крестьянина на текст праздничной стихиры. (Опыт музыкально-текстологического исследования)	295
<i>И. Ф. Безуглова</i> (Ленинград). «Достойно есть» Опекаловского роспева	308
<i>А. С. Белоненко</i> (Ленинград). Показания архиерейских певчих XVII века	320
<i>И. А. Кочетков</i> (Москва). Иконописец как иллюстратор жития	329
<i>Г. К. Вагнер</i> (Москва). Архитектурный образ и слово в трудах Н. Н. Воронина	348

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

<i>Г. М. Прохоров, Н. Н. Розов</i> (Ленинград). Перечень книг Кирилла Белозерского	353
<i>Н. П. Дробова</i> (Череповец), <i>В. П. Бударягин</i> (Ленинград). Обзор древнерусских рукописей Череповецкого краеведческого музея	379
<i>В. П. Бударягин</i> (Ленинград). Экспедиция в Витебскую область	382
<i>Г. В. Маркелов</i> (Ленинград). Прибалтийские находки 1979 года	385
<i>Н. И. Николаев</i> (Ленинград). Пинежская экспедиция 1979 года	390
<i>Т. Ф. Волкова</i> (Сыктывкар), <i>А. М. Грачева</i> (Ленинград). Рукописные и старопечатные книги с Северной Двины	393

БИБЛИОГРАФИЯ

Хронологический список трудов Льва Александровича Дмитриева	397
Хронологический список трудов Якова Соломоновича Лурье	405
Список сокращений	413

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

т. XXXVI

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
АН СССР

Редактор издательства *Н. А. Румянцева*
Художник *М. И. Разилевич*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *Н. П. Кизим* и *Т. А. Румянцева*

ИБ № 20037

Сдано в набор 29.06.81. Подписано к печати 18.12.81. М-19343. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 26+1 вкл. (1/8 печ. л.). Усл. печ. л. 36.57. Уч.-изд. л. 38.54. Тираж 3350. Изд. 7826. Тип. зак. № 41. Цена 4 р. 40 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12